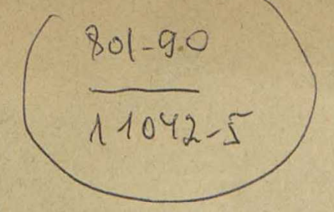

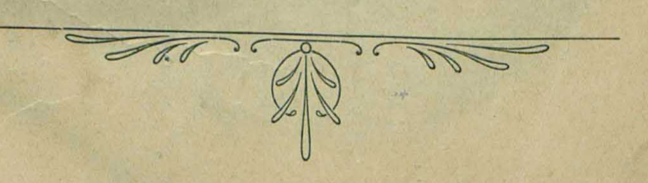
ВОСПОМИНАНІЯ

АНДРЕЯ МИХАИЛОВИЧА

ФАДѢЕВА.

1790—1867 гг.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ОДЕССА.
Тип. Высочайше утвержд. Южно-Русскаго Общества Печатнаго Дѣла
(Пушкинская ул., соб. домъ № 20).
1897.

Дозволено цензурою. Одесса, 28 февраля 1897 г.

Андрей Михаиловичъ Фадѣевъ.

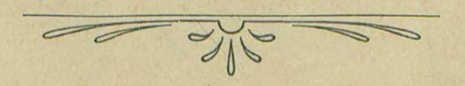

Часть I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Воспоминанія Андрея Михаиловича Фадѣева, были напечатаны въ историческомъ журналѣ «Русскій Архивъ» 1891 года. Они обратили на себя вниманіе и возбудили къ себѣ интересъ какъ общества, такъ и прессы. Въ продолженіе всего 1891 года печатанія «Воспоминаній» постоянно сообщались семейству А. М. Фадѣева письменныя и личныя заявленія съ выраженіями особеннаго сочувствія и одобренія къ нимъ. Журналы и газеты отзывались о нихъ не менѣе благопріятно и, перепечатывая на своихъ страницахъ многія извлеченія, свидѣтельствовали о занимательности и достоинствахъ этого правдиваго, живаго изложенія воспоминаній изъ своей жизни умнаго, наблюдательнаго, высоко честнаго труженика и дѣятеля на всѣхъ поприщахъ своей полезной жизни.

Въ «Русскомъ Архивѣ» «Воспоминанія А. М. Фадѣева» были напечатаны съ нѣкоторыми сокращеніями и пропусками, нарушившими общую гармонію повѣствованія. Въ нынѣшнемъ, весьма ограниченномъ отдѣльномъ изданіи, они помѣщены во всей своей полнотѣ, съ прибавленіемъ многихъ примѣчаній, поясненій и письменныхъ документовъ для пополненія и подтвержденія текста.

НѢСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

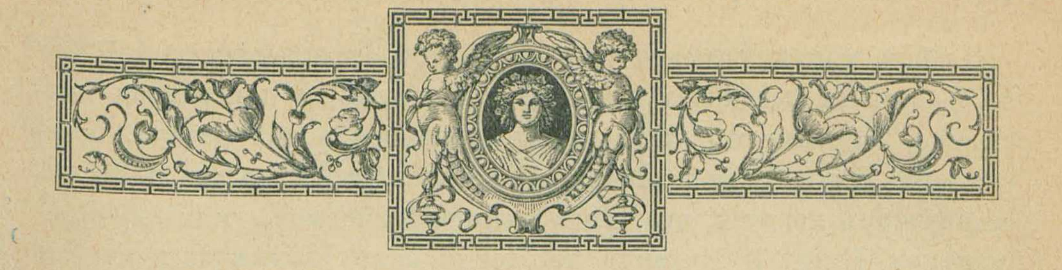
Андрей Михаиловичъ Фадѣевъ принадлежалъ къ русской дворянской семьѣ, для которой, по преданію, военная служба считалась какъ бы обязательной. *Прадѣдъ его*, *Петръ Михаиловичъ* Фадѣевъ, убитъ въ чинѣ капитана въ битвѣ подъ Полтавой. *Дѣдъ его*, *Илья Петровичъ*, въ половинѣ прошлаго столѣтія умеръ полковникомъ отъ ранъ, полученныхъ въ Турецкой войнѣ, въ концѣ царствованія Анны Іоановны. *Отецъ*, *Михаилъ Ильичъ*, служилъ въ Псковскомъ драгунскомъ полку*). Одинъ изъ братьевъ убитъ въ Отечественную войну 1812 года. Только Андрей Михаиловичъ составилъ исключеніе изъ общаго правила. Зачисленный въ гражданскую службу одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, по обычаю тогдашняго времени, при своемъ отцѣ, онъ впослѣдствіи проходилъ разнообразныя должности. Въ 17 лѣтъ былъ уже титулярнымъ совѣтникомъ. Служить ему пришлось въ разныхъ городахъ. Такъ, отъ 1817 года по 1834-й, онъ былъ управляющимъ конторой иностранныхъ поселенцевъ и жилъ въ Екатеринославѣ; потомъ переведенъ членомъ Комитета иностранныхъ поселенцевъ южнаго края Россіи — въ Одессу. Вскорѣ затѣмъ назначенъ въ Астрахань главнымъ попечителемъ кочующихъ народовъ, откуда переведенъ въ Саратовъ управляющимъ Палатою государственныхъ имуществъ и тамъ же назначенъ губернаторомъ. Пробывъ семь лѣтъ на этомъ посту, здоровье Андрея Михаиловича, сильно пострадавшее отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и заботъ, сопряженныхъ въ то время съ этою должностію, и отъ несправедливыхъ придирокъ желчнаго министра Перовскаго, — заставило его выйти въ отставку; но чрезъ нѣсколько дней по полученіи

*) Впослѣдствіи перешелъ въ гражданскую службу.

ея А. М. былъ приглашенъ намѣстникомъ кавказскимъ, графомъ М. С. Воронцовымъ, хорошо знавшимъ и цѣнившимъ его, поступить на службу въ его управленіе. Андрей Михаиловичъ былъ назначенъ членомъ Совѣта главнаго управленія и управляющимъ экспедиціею государственныхъ имуществъ Закавказскаго края. На этомъ послѣднемъ своемъ посту онъ оставался съ 1846 года до конца жизни, т. е. 1867 года.

Гдѣ ни служилъ Андрей Михаиловичъ Фадѣевъ, куда служ его ни заносила, вездѣ онъ оставилъ по себѣ свѣтлую, призн тельную память. Въ колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ Новоро сійскаго края и Таврической губерніи; въ Астраханскихъ степяхъ, между дикими племенами кочующихъ калмыковъ; въ Саратовской губерніи, тогда еще не раздѣленной и вмѣщавшей въ себѣ народонаселеніе, по количеству равное цѣлому Баварскому королевству; въ Закавказскомъ краѣ, среди переселенцевъ русскихъ и инородныхъ, — многіе годы и десятки лѣтъ, имя Андрея Михаиловича Фадѣева не произносилось иначе, какъ съ глубокою благодарностію и любовію за его высокую справедливость, за строгую внимательность къ ихъ нуждамъ, за посильныя старанія объ ихъ пользѣ и благосостояніи и за безукоризненную честность и безкорыстіе, довольно рѣдкія въ то время. Даже теперь, когда второе и третье поколѣніе смѣнило тѣхъ людей, которые лично пользовались благотворнымъ вліяніемъ Андрея Михаиловича, внуки и правнук ихъ, во множествѣ семей разнородныхъ племенъ и языковъ, с задушевнымъ чувствомъ признательности и уваженія передаютъ разсказы о добромъ начальникѣ, благодѣтелѣ ихъ отцовъ и дѣдовъ

„Записки каждаго частнаго лица о томъ, что случилось видѣть, „слышать, или чего быть свидѣтелемъ въ жизни, какъ бы оно ни „было мало значуще въ свѣтѣ, всегда могутъ быть интересны для „будущихъ временъ, касательно нравовъ того вѣка, людей, образа „жизни, обычаевъ и происшествій. По этимъ происшествіямъ, какъ „бы неудовлетворительно они ни были разсказаны, какъ бы ни искус-„но они ни были подобраны авторомъ записокъ, все-таки знакомишь-„ся съ нравами того вѣка, съ тѣмъ, что и какъ дѣлалось на бѣломъ „свѣтѣ“ *).

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Я родился 31-го декабря 1789 года, въ городѣ Ямбургѣ Петербургской губерніи, гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ коемъ служилъ отецъ мой. Поступивъ въ военную службу, еще въ 1762 г. въ Псковской драгунскій полкъ, отецъ мой служилъ въ немъ во все время своей военной службы, тридцать два года, до 1794 года. Считался хорошимъ офицеромъ, и вышелъ въ отставку въ чинѣ маіора, по притязаніямъ извѣстнаго въ свое время строптивымъ характеромъ полковаго командира, графа Димитрія Александровича Толстого. Въ 1795 г. онъ вступилъ въ гражданскую службу по вѣдомству путей сообщенія, что тогда называлось Управленіемъ водяныхъ коммуникацій, и продолжалъ ее въ ней въ различныхъ должностяхъ; былъ начальникомъ Боровецкихъ и Волховскихъ пороговъ, а потомъ въ Минской губерніи, директоромъ на каналѣ Огинскомъ, до 1816 г., когда вышелъ въ отставку въ чинѣ статскаго совѣтника. Умеръ въ 1824 году.

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1859 г. „Записки Энгельгарта“ и „Современникъ“ 1860 г. „Прадѣдовскіе нравы“.

Мать моя была родомъ изъ Лифляндіи, урожденная фонъ-Краузе, добрая и попечительная о дѣтяхъ женщина и истинная христіанка. У моего отца было восемь сыновей и двѣ дочери. Двое старшихъ изъ сыновей, Иванъ и Александръ, воспитывались въ сухопутномъ корпусѣ, что̀ нынѣ кадетскій, четверо, Павелъ, Константинъ, Петръ и Михаилъ, въ тогдашнемъ артиллерійскомъ, что̀ нынѣ 2-й. Замѣчательно, что всѣ послѣдніе четыре брата опредѣлены въ корпусъ въ одно время. Отецъ мой, по выходѣ изъ военной службы, затрудняясь какъ ихъ воспитывать и не имѣя никакой протекціи, обратился къ правителю канцеляріи князя Зубова (тогда всесильнаго фаворита), Овечкину, котораго вовсе не зналъ. Овечкинъ убѣдясь въ дѣйствительности затруднительнаго положенія моего отца, выпросилъ у князя приказаніе принять ихъ всѣхъ одновременно. Седьмой сынъ—я, а восьмой—Николай, умершій въ дѣтствѣ. Изъ всѣхъ братьевъ моихъ, одинъ, болѣе всѣхъ мною любимый, Павелъ, служилъ съ успѣхомъ, былъ артиллерійскимъ генералъ-лейтенантомъ и умеръ въ Петербургѣ въ 1855 году. Сестра Екатерина, бывшая въ замужествѣ за инженернымъ полковникомъ Сливицкимъ, и братья—Иванъ, Александръ, Петръ и Михаилъ, померли гораздо раньше. Послѣдній, служившій въ Павловскомъ гренадерскомъ полку довольно удачно, убитъ въ Отечественную войну. Теперь (1859 годъ) въ живыхъ остались только я, братъ Константинъ, проживающій въ отставкѣ въ Минской губерніи, и сестра Марія, вдова, бывшая замужемъ за чиновникомъ Едаловымъ.

Изъ всѣхъ братьевъ я одинъ только не воспитывался ни въ какомъ учебномъ заведеніи; по особенной привязанности ко мнѣ, родители не хотѣли никакъ разлучиться со мною, а я еще болѣе, вовсе не желалъ оставить родительскій домъ. Но вслѣдствіе того, при малыхъ средствахъ, особенно въ то время, къ домашнему воспитанію, оно было весьма недостаточно, или, лучше сказать, не было почти никакого. Нѣмецкому языку выучила меня мать, а для французскаго при мнѣ находился нѣсколько лѣтъ учитель, старикъ французъ Виртманъ, бывшій нѣкогда камердинеромъ у знаменитаго польскаго князя Радзивила, въ Несвижѣ. Этотъ французъ былъ полезенъ мнѣ только тѣмъ, что, не зная по-русски, болталъ со мною постоянно по-французски и заставлялъ меня, такимъ образомъ, волею-неволею, практиковаться въ французскомъ

языкѣ, разумѣется, вкривь и вкось. Гораздо правильнѣе я этому научился у бывшаго помощника отца моего, чиновника Макарова, знавшаго хорошо французскій языкъ. Къ счастію, я, при хорошей памяти, имѣлъ съ дѣтства большую наклонность къ чтенію, интересовался бесѣдою съ людьми, имѣвшими нѣкоторыя познанія, съ коими мнѣ случалось встрѣчаться, и почти все мое тогдашнее образованіе пріобрѣлъ наиболѣе этими двумя средствами.

Отецъ мой, по выходѣ изъ военной службы въ отставку въ 1794 г., жилъ годъ въ Петербургѣ, для пріисканія должности въ гражданской службѣ. Съ этого времени начинаются мои воспоминанія. Помню я, какъ братъ мой Михаилъ, бывшій годомъ старше меня, едва не застрѣлилъ меня изъ пистолета, когда мы играли въ каретномъ сараѣ. Онъ вынулъ изъ каретнаго чехла пистолетъ, который человѣкъ забылъ разрядить, и, не думая что онъ заряженъ, спустилъ курокъ, и пуля пролетѣла такъ близко отъ моей головы, что почти коснулась виска.

Въ 1795 году, отецъ мой, по рекомендаціи бывшаго когда-то его полковаго командира, Ивана Федоровича Мамонова, тогдашнему главному начальнику водяныхъ коммуникацій, Николаю Петровичу Архарову, былъ опредѣленъ начальникомъ дистанціи между Вышнимъ Волочкомъ и Боровицкими порогами и имѣлъ пребываніе на Кошкинской пристани въ Тверской губерніи, въ пятидесяти верстахъ отъ Вышняго Волочка. Въ сосѣдствѣ находилось много помѣщиковъ, но почти всѣ столь же мало образованные, какъ описываетъ Державинъ, въ своихъ запискахъ дворянъ-помѣщиковъ Тамбовской губерніи 18 столѣтія. Изъ нихъ выдавались, какъ лучшіе еще: Хвостовъ, Ладыгинъ, Тыртовъ и Чоглоковъ, къ которымъ отецъ мой часто возилъ меня въ гости. Чоглоковъ, хотя и камергеръ, былъ такъ суевѣренъ, что бѣгалъ отъ поповъ въ домахъ и на улицахъ, какъ отъ чумы. Но всѣ они были добрые люди и великіе хлѣбосолы. Помню также извѣстіе о кончинѣ Императрицы Екатерины, привезенное отцу моему помѣщикомъ Тыртовымъ, и сколько толковъ и тревоги произвело это событіе.

Въ 1798 году, когда главнымъ директоромъ водяныхъ коммуникацій былъ назначенъ графъ Сиверсъ, то отца моего перевели на Волховскіе пороги съ назначеніемъ пребыванія на Гостинопольской пристани, выше пороговъ, въ тридцати верстахъ отъ Новой Ладоги. Здѣсь я видѣлъ этого графа, пріѣзжавшаго обозрѣвать

пороги и проектировать ихъ уничтоженіе. Помню его какъ теперь, высокаго, худощаваго, сѣдаго старика, во фракѣ песочнаго цвѣта, съ голубою лентою по камзолу и звѣздами, въ букляхъ и вмѣсто косы съ огромнымъ кошелькомъ на затылкѣ. Это былъ замѣчательный государственный человѣкъ. Помню, я, какъ удивлялись всѣ въ то время терпѣнію, дѣятельности и той подробности, съ которою онъ во все входилъ. Но имѣлъ онъ большое пристрастіе къ своимъ соотечественникамъ нѣмцамъ и не скрывалъ своего мнѣнія, что всякій нѣмецкій чиновникъ честнѣе русскаго. Я былъ тогда девятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ спросилъ меня знаю ли я по-нѣмецки? И, получивъ отвѣтъ что знаю, очень нѣжно обласкалъ меня; этого оказалось довольно, чтобы ему понравиться. Другая его страсть состояла въ преобразованіяхъ и проектахъ всѣхъ родовъ, что справедливо замѣтилъ и Державинъ въ своихъ записках. Стремленіе дѣлать второй шагъ, прежде чѣмъ сдѣланъ первый, или, какъ выразился Жуковскій, перескакивать изъ понедѣльника въ среду, не пройдя вторника, было, да кажется есть и теперь, слабостью многихъ нашихъ государственныхъ людей. Самые благонамѣреннѣйшіе изъ нихъ, начиная отъ Петра Великаго и даже до настоящаго времени, не постигали, или не хотѣли постигнуть, какъ мало еще у насъ людей (особенно, какъ мало ихъ было въ прежнее время), способныхъ къ исполненію ихъ благихъ преднамѣреній. Отъ того неудачи и неисполненіе, и извращеніе бо̀льшей части таковыхъ предпріятій, при огромныхъ на то издержкахъ.

Графъ Сиверсъ, какъ выше сказано, имѣлъ пристрастіе къ своимъ соотечественникамъ. Составивъ огромные штаты своему новому управленію водяными сообщеніями, онъ учредилъ вмѣсто одного чиновника при Волховскихъ порогахъ — четырехъ. Вся обязанность этого управленія заключалась въ наблюденіи, дабы прибрежные лоцмана̀ не дѣлали притѣсненій судопромышленникамъ при проходѣ судовъ черезъ пороги. А притѣсненія состояли въ томъ, что лоцмана̀ проводили черезъ пороги тѣхъ, кто имъ платилъ больше, не наблюдая, какъ слѣдовало, очереди по времени прибытія судопромышленниковъ. Четыре чиновника значились: директоръ съ тремя помощниками. Директоромъ Сиверсъ назначилъ нѣмца Свенсона, а отца моего опредѣлилъ къ нему первымъ помощникомъ,— кажется, единственно только потому, что Свенсонъ

былъ нѣмецъ, а отецъ мой—русскій. Блумъ въ своихъ запискахъ о графѣ Сиверсѣ (II томъ, отъ стр. 407 до 418) распространяется объ этомъ Свенсонѣ, какъ о геніальномъ шлюзномъ мастерѣ, но на этомъ мѣстѣ никакого техническаго искусства не требовалось; все дѣло состояло въ недопущеніи лоцмановъ своевольничать, къ чему Свенсонъ не имѣлъ никакой способности. Ему было уже болѣе семидесяти лѣтъ. Все занятіе его состояло въ искусной разрисовкѣ лакированныхъ ящиковъ, кои онъ разсылалъ въ подарокъ своимъ петербургскимъ патронамъ, а бумаги подписывалъ не читая того, что ему подавалъ писарь. Дѣятельная его служба заключалась въ томъ, что три или четыре раза въ лѣто, при проходѣ каравановъ, онъ выходилъ изъ своей квартиры на берегъ, въ ситцевомъ халатѣ и въ треугольной шляпѣ съ плюмажемъ. Въ этомъ нарядѣ онъ красовался, какъ павлинъ, и балагурилъ съ лоцманами, которые надъ нимъ подшучивали. Безпорядки и притѣсненія судопромышленникамъ, при этомъ порядкѣ вещей, не только не прекратились, но даже усугубились. Отецъ мой не могъ смотрѣть на это равнодушно, а Свенсонъ, вдобавокъ своей бездѣятельности, былъ упрямъ и своенравенъ и никого не хотѣлъ слушать; а потому отецъ мой и просилъ графа Сиверса развести его съ нимъ, вслѣдствіе чего отца и командировали для очистки Невскихъ пороговъ. При этомъ порученіи, онъ имѣлъ пребываніе на дворцовой мызѣ Пеллѣ, находящейся на берегу Невы, тридцать верстъ выше Петербурга, куда и меня взялъ съ собою. Эту мызу Императрица Екатерина основала при рожденіи великаго князя Александра Павловича; тогда же заложенъ великолѣпный дворецъ, оставшійся недостроеннымъ, и находившійся уже въ развалинахъ. А пороги, по недостатку средствъ очистить ихъ на казенный счетъ, остались неочищенными.

Когда очищеніе пороговъ рѣшили отложить, то графъ Сиверсъ, кажется, единственно для того, чтобы не сводить отца моего вновь съ Свенсеномъ, поручилъ ему устройство бичевника по рѣкѣ Волхову, отъ мѣста пороговъ вверхъ по рѣкѣ до Новгорода. Два лѣта я провелъ съ отцомъ въ разъѣздахъ по этой рѣкѣ; съ тѣхъ поръ у меня остались въ памяти всѣ красивыя и замѣчательныя мѣста по обоимъ берегамъ Волхова, въ коихъ мы квартировали по нѣскольку дней и недѣль, какъ то: Званка Державина, Сосницкая пристань, Грузино, и нѣкоторые монастыри.

Въ мартѣ 1801 года послѣдовала кончина Императора Павла. Обстоятельства, сопровождавшія ее, тотчасъ разгласились и сдѣлались извѣстны даже между простымъ народомъ, но только съ разными прибавленіями и комментаріями.

Въ 1802 г. отецъ мой былъ опредѣленъ директоромъ экономіи на Огинскій каналъ въ Минской губерніи. Меня радовало продолжительное путешествіе при переѣздѣ туда. Сохранилось у меня въ памяти нѣсколько-дневное пребываніе наше въ Полоцкѣ, посѣщеніе тамъ іезуитскаго монастыря и его кабинетныхъ рѣдкостей; изъ нихъ, особенно заинтересовала меня картинная галлерея, которую показывалъ намъ услужливый іезуитъ.

Каналъ Огинскій, основанный гетманомъ этого имени, еще во время существованія Польши, соединялъ днѣпровскую систему водъ съ Нѣманомъ, и считался потому соединяющимъ Балтійское море съ Чернымъ. Но принесъ да и теперь, кажется, приноситъ мало пользы, главнѣйше оттого, что для сбереженія издержекъ строили кое-какъ, отпускали деньги несвоевременно, а со стороны мѣстныхъ и главныхъ начальниковъ (какъ и впослѣдствіи, такъ и теперь) преобладали злоупотребленія и превладычествовало шарлатанство. Строилось все для показу, безъ заботы о прочности. Отецъ мой съ семействомъ жилъ при самомъ этомъ каналѣ, въ имѣніи же Огинскаго, Минской губерніи Пинскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Телеханахъ. Тамъ еще существовали огромныя постройки покойнаго гетмана, пріѣзжавшаго туда часто охотиться; въ нихъ то и помѣщались всѣ чиновники, принадлежавшіе къ управленію надъ каналомъ. Впрочемъ, мѣстоположеніе и окрестности незавидныя; онѣ состояли, во всѣ стороны, изъ болотъ, озеръ и лѣсовъ, нѣкогда огромныхъ, но уже и тогда, отъ безпорядочнаго управленія, сильно опустошенныхъ. Однако дикихъ звѣрей всякаго рода водилось еще много.

Мнѣ едва минуло двѣнадцать лѣтъ, когда меня уже зачислили на службу. Тогда такое опредѣленіе не было сопряжено ни съ какими формальностями, или, по крайней мѣрѣ, ихъ обходили безъ всякаго опасенія. Не требовалось ни метрическихъ выписокъ о рожденіи, ни свидѣтельствъ о происхожденіи и никакихъ атестатовъ объ обученіи. Меня опредѣлили подъ начальство отца моего сперва какимъ то смотрительскимъ помощникомъ, потомъ бухгал-

теромъ, письмоводителемъ и, наконецъ, чиновникомъ мастерской бригады 17-го округа путей сообщенія. Дѣлъ у меня было по всѣмъ этимъ должностямъ очень мало и, главнымъ образомъ, я занимался чтеніемъ и письмоводствомъ подъ диктовку отца моего, который, во все время служебнаго прохожденія моего по этимъ должностямъ, до выхода моего изъ службы по части путей сообщенія, былъ и моимъ начальникомъ. Общество мое состояло, кромѣ семейнаго круга, изъ чиновниковъ и сосѣднихъ помѣщиковъ, отъ коихъ ничему доброму научиться не могъ. Впрочемъ, между ними находилось нѣсколько порядочныхъ людей, примѣру и вліянію которыхъ я былъ обязанъ тѣмъ, что не сдѣлался негодяемъ.

Служебныя дѣла занимали меня не много, а потому я проводилъ время, бо̀льшею частью, въ чтеніи книгъ, и съ жадностью читалъ все, что мнѣ попадалось подъ руку. Случайно имѣлъ я книги хорошія изъ библіотеки служившаго въ то время членомъ управленія надъ каналомъ, Степана Ивановича Лесовскаго, незаконнаго сына князя Н. В. Репнина; онъ служилъ тамъ единственно для устройства своего имѣнія близъ самыхъ Телеханъ, выдѣленнаго изъ конфискованнаго имѣнія гетмана Огинскаго, которое было пожаловано князю Репнину, вмѣстѣ съ шестью тысячами душъ крестьянъ; изъ нихъ четыреста душъ Репнинъ подарилъ Лесовскому. Ему досталась и большая часть библіотеки покойнаго князя, состоявшей изъ избранныхъ французскихъ книгъ. Тамъ я читалъ и «Histoire de Cathérine II par Castera», и этотъ экземпляръ особенно заинтересовалъ меня тѣмъ, что въ немъ на пробѣлахъ книги были сдѣланы отмѣтки карандашемъ рукою князя о томъ, что̀ въ немъ сказано справедливо и что̀ солгано. Лесовскій былъ впослѣдствіи курскимъ губернаторомъ, а потомъ окружнымъ жандармскимъ генераломъ, кажется, въ Москвѣ.

Считаю не лишнимъ упомянуть, что въ концѣ 1802 года много ходило толковъ о совершившемся тогда преобразованіи въ государственномъ управленіи учрежденіемъ восьми министерствъ, которое тогда сильно критиковали. По этому случаю даже сочинили стихи подъ названіемъ: «*Игра въ бостонъ*»—игра, сдѣлавшаяся въ то время въ Россіи всеобщею. Стихи не отличались краснорѣчіемъ и теперь уже, вѣроятно, вовсе забыты; но чтобы показать, какъ тогда оцѣнивали вновь назначенное министерство, помѣщу ихъ здѣсь.

БОСТОНЪ.

Игра бостонъ открылась снова,
Ее совѣтъ апробовалъ.
Въ Москву сослали Беклешова [1])
За то, что ею призиралъ.
А Воронцовъ,[2]) король бубновой,
Доволенъ сей премѣной новой,
Сталъ Чарторыжскому [3]) подъ масть.
Товарищъ сей не помогаетъ:
Онъ вѣчно на свои играетъ;
Топить — его охота, страсть.

* * *

Grand souverain [4]) въ рукахъ имѣя,
Весь Кочубей [5]) объемлетъ свѣтъ,
Но разыграть же не умѣя,
Поставить можетъ онъ la bête.
Не кстати козыря подложитъ,
Ренонсъ онъ также сдѣлать можетъ,
И станетъ масти проводить.
Съ нимъ, правда, Строгановъ [6]) играетъ,
Но козырей сей графъ не знаетъ,
Съ чего не знаетъ подходить.

* * *

Бостона правила извѣстны!
Державинъ [7]), самъ ты написалъ,
И сколь въ игрѣ должны быть честны,
Стихами, прозою сказалъ.
Но карты въ руки, — и забылся;
Ремизы ставить ты пустился,
Чужія фишки подбирать.
И доказалъ тѣмъ очень ясно,
Что можно говорить прекрасно,
Но трудно дѣломъ исполнять.

* * *

---

[1]) Бывшій генералъ-прокуроръ.
[2]) Министръ иностранныхъ дѣлъ.
[3]) Товарищъ его.
[4]) Такъ называлась тогда въ бостонъ игра на тринадцать въ козыряхъ.
[5]) Министръ внутреннихъ дѣлъ.
[6]) Его товарищъ.
[7]) Министръ юстиціи.

Трощинскій [8]), взявшись за удѣлы,
Къ себѣ всѣ фишки подхватилъ;
Когда бъ не женщины-пострѣлы,
Игрокъ большихъ онъ былъ бы силъ.
Но люди созданы всѣ слабы!
Имъ овладѣли дѣвки, бабы
Тащатъ все у него изъ рукъ.
Безъ нихъ онъ могъ бы безъ лабету
На пользу цѣлому быть свѣту,
Но что жъ,— кто бабушкѣ не внукъ!

* * *

Румянцевъ [9]) носится съ мизеромъ,
Хотя за все двойной платежъ;
И хочетъ собственнымъ примѣромъ
Въ рублѣ ходить заставить грошъ.
Давно по свѣту слухъ промчался,
Что женщинъ онъ всегда боялся,
И потому относитъ дамъ.
Игру онъ худо разумѣетъ,
И карты лишь въ рукахъ имѣетъ,
Играть велитъ секретарямъ.

* * *

А ты, холопъ виновой масти,
Вязмитиновъ [10])! Какой судьбой,
Забывши прежнія напасти,
Ты этой занялся игрой?
Ты человѣкъ, сударь, не бойкій,
Знавали мы тебя и двойкой,
Теперь, сударь, фигура ты!
Но не дивимся мы ни мало:
Всегда то будетъ и бывало,
Что въ гору лѣзутъ и кроты.

Сатира на Вязмитинова совсѣмъ несправедлива. Правда, что онъ происходилъ не изъ бояръ, а былъ сынъ бѣднаго курскаго дворянина, но, несомнѣнно, былъ человѣкъ правдивый, честный и отмѣнно усердный по службѣ. Доказательствомъ тому служитъ,

---

[8]) Министръ удѣловъ и главный директоръ почтъ.
[9]) Министръ коммерціи.
[10]) Военный министръ.

что онъ безъ всякихъ происковъ и протекцій достигъ высшихъ государственныхъ должностей и былъ, по своему времени, очень хорошій военный министръ. Въ этомъ отдавалъ ему справедливость и Аракчеевъ, котораго нельзя упрекнуть въ щедрости на похвалы. Впрочемъ, дабы дать понятіе, какъ тогда и серьезные люди оцѣнивали личности, занявшія званія министровъ, привожу выписку узъ письма 1802 г. одного значительнаго административнаго лица. «Изъ нашихъ новыхъ столбовъ мы только «на двухъ опираемся (кажется, здѣсь подразумѣвались Воронцовъ и Кочубей), прочіе или худо построены, или недоложены. «Еще хуже,— есть нѣкоторые безобразны. Судите, какая польза «цѣлому зданію! Противно смотрѣть, и не хотѣлось бы ихъ видѣть, но они, какъ на зло, всегда первые въ глазахъ. Часто «смѣюсь симъ карикатурамъ, но иногда бѣшенство беретъ, когда «видишь какъ они искажаютъ все строеніе. Говорятъ, что скоро «министромъ будетъ Мордвиновъ; дай только Богъ, чтобы опыты «его исправили: онъ больно затѣйливъ».

Въ продолженіе десятилѣтней службы моей въ вышесказанныхъ должностяхъ, меня посылали три раза въ Петербургъ подъ разными служебными предлогами, гдѣ я и проживалъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Тамъ мнѣ представлялись случаи видѣть всю Императорскую фамилію и всѣ знаменитости того времени, какъ напримѣръ: посланника Наполеона, Коленкура, графа Деместра, канцлера графа Воронцова, графа Николая Петровича Румянцева и проч. Ознакомился я съ своимъ высшимъ служебнымъ міромъ и былъ дружески принятъ тогдашними членами департамента коммуникацій. Одинъ изъ нихъ, Герардъ, особенно благоволилъ къ отцу моему, и потому я неоднократно у него обѣдалъ. Семейство Герарда было замѣчательное. Оно состояло, во-первыхъ, изъ главы семьи, самого Герарда, 86-ти лѣтняго старика, тайнаго совѣтника и члена департамента водяныхъ коммуникацій. Онъ считался искуснымъ гидравликомъ, и лучшія по этой части сооруженія, въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й, исполнены по его начертаніямъ и руководству— изъ пяти его сыновей, изъ коихъ четыре были уже генералами, и двухъ дочерей, также генеральшъ, именно, г-жи Германъ и Мейдеръ. Всѣ они жили въ одномъ домѣ, всѣ дѣлали складчину на домашніе расходы и жили одной семьей. На нихъ указывали въ Петербургѣ, какъ на примѣръ родственнаго согласія и любви.

Тогда же я ознакомился ближе и съ литературою французскою, воспользовавшись случаемъ къ чтенію полезныхъ книгъ, по руководству нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ.

Такимъ образомъ я провелъ мое юношество и молодые годы до двадцати двухъ лѣтъ, т. е до 1812 года.

Еще въ 1811 году и особенно въ началѣ 1812 начали носиться слухи о предстоящей политической бурѣ. Непрестанное передвиженіе войскъ, говоръ, съ трудомъ скрываемое нетерпѣніе между поляками и разныя другія событія явно предвѣщали бурю.

Надобно сказать, что наше мѣстопребываніе, мѣстечко Телеханы, расположено въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ и въ разстояніи отъ города Слонима (Гродненской губерніи) всего на двѣнадцать миль (84 версты). Въ этомъ городѣ находилось пребываніе окружнаго начальника VI округа путей сообщенія, генерала Фалькони, къ завѣдыванію коего принадлежалъ Огинскій каналъ, а также въ Слонимъ была переведена въ то время корпусная квартира и потомъ штабъ 2-й арміи. Начальникомъ артиллеріи этой арміи былъ генералъ-лейтенантъ баронъ Левенштернъ, а старшимъ адъютантомъ при немъ и, можно сказать, его правою рукою—братъ мой Павелъ. По этой связи, баронъ Левенштернъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ и, предвидя продолжительную войну, на случай если бы театръ войны открылся внѣ Россіи, рѣшился помѣстить семейство свое, состоящее изъ жены и двухъ дѣтей, подъ покровительство отца моего въ Телеханахъ, гдѣ просторнаго помѣщенія въ опустѣлыхъ строеніяхъ гетмана Огинскаго было много. Левенштернъ часто изъ Слонима навѣщалъ семейство свое и проживалъ у насъ по нѣскольку дней.

При первомъ извѣстіи о вступленіи непріятеля въ наши границы, въ началѣ іюня, такъ какъ Левенштернъ уже зналъ, что наши арміи будутъ отступать, онъ пріѣхалъ въ Телеханы, чтобы взять съ собою семейство свое и отправить его во внутрь Россіи. Разсказывая о положеніи дѣла отцу моему, онъ, въ то же время, сталъ его убѣждать, чтобы онъ, забравъ всѣхъ чиновниковъ и команду (состоявшую слишкомъ изъ 100 человѣкъ) и все изъ казеннаго и своего имущества, что только можно забрать, отправился-бы на казенныхъ баркахъ въ Кіевъ. Отецъ мой былъ строгій блюститель дисциплины и не постигалъ, какъ онъ можетъ это сдѣлать,

не имѣя на то ни отъ кого никакого повелѣнія, и какъ возможно, чтобы начальство позабыло само сдѣлать о томъ распоряженіе. Не взирая на всѣ доводы Левенштерна, что теперь не то время, чтобы соблюдать регламентаціи, что главному начальству теперь не до того, чтобы заботиться о спасеніи горсти чиновниковъ, солдатъ и нѣсколько тысячъ имущества казеннаго и частнаго, а что дѣло идетъ о спасеніи отечества, и что каждый долженъ думать самъ о себѣ.— Отецъ мой не согласился послѣдовать его совѣту, но рѣшился однако же послать меня съ отъѣзжавшимъ въ тотъ же день Левенштерномъ обратно въ Слонимъ, для испрошенія приказанія отъ окружнаго генерала,— что ему дѣлать. Пріѣхавъ съ Левенштерномъ на другой день въ Слонимъ, я нашелъ тамъ ужаснѣйшую суматоху: часть штаба 2-ой арміи уже выступила по направленію отступленія, остальная часть должна была очистить городъ того же дня. А генералъ Фалькони, къ коему меня послали, какъ только услыхалъ о приближеніи непріятеля, то немедленно съ своимъ семействомъ удралъ по дорогѣ въ Россію, неизвѣстно куда, не спросясь ни у кого. Можетъ статься, что русскаго генерала отдали бы за это подъ судъ; но Фалькони былъ землякъ генерала де-Воланта, бывшаго тогда правою рукою у главнаго директора путей сообщенія принца Ольденбургскаго, и потому, по окончаніи кампаніи, за предусмотрительность въ спасеніи якобы команды и казеннаго имущества, получилъ Владиміра на шею.

При такихъ обстоятельствахъ, Левенштернъ далъ мнѣ слѣдующій совѣтъ: какъ можно скорѣе отправиться обратно и передать отцу моему чтобы онъ, не теряя ни минуты, отправилъ нарочнаго къ главнокомандующему 2-ою арміею князю Багратіону (уже выѣхавшему изъ Слонима) по прямой дорогѣ въ Несвижъ за приказаніями: что ему дѣлать? Ибо, за отступленіемъ арміи по этому направленію, мѣстность Огинскаго канала уже находилась въ районѣ непріятельскаго занятія. Я немедленно собрался въ путь, но затрудненіе состояло въ томъ, на чемъ мнѣ ѣхать и какъ добраться. Почтовыя лошади на всѣхъ станціяхъ, находившихся на пути ретирады, забирались арміей, вольныхъ же, ни за какія деньги нельзя было нанять. Я рѣшился до мѣстечка Жировичи, въ десяти верстахъ отъ Слонима (гдѣ уніатскій монастырь знаменитаго образа Божіей Матери), идти пѣшкомъ. Къ счастью еще, что и русская и непріятельская арміи, слѣдуя по извѣстному направленію, двига-

лись, какъ бы огненная лава, по большому тракту, не прикасаясь къ побочнымъ мѣстностямъ болѣе какъ за версту или за двѣ, такъ что далѣе жители часто не знали о происходившемъ у нихъ вблизи въ моментъ событія. Добравшись до Жировичъ, я нашелъ еврея, который отвезъ меня въ Телеханы. Отецъ мой рѣшился послѣдовать совѣту Левенштерна и, отправивъ офицера за разрѣшеніемъ къ князю Багратіону въ Несвижъ, распорядился тотчасъ же о нагрузкѣ на баржи и на лодки казеннаго имущества и команды. Вскорѣ полученный отвѣтъ отъ кн. Багратіона содержалъ предписаніе: забравъ чиновниковъ, команду и все, что можно отъ казеннаго имущества спасти, отправиться немедленно водою внизъ до города Мозыря и тамъ получить отъ начальника резервныхъ войскъ генерала Запольскаго, приказаніе: оставаться ли тамъ, или продолжать путь далѣе, и куда именно. При всеобщемъ стремленіи всѣхъ русскихъ избѣжать непріятельскаго плѣна, мы собрались съ неимовѣрной скоростью. Къ счастью, мѣстные жители нисколько тому не препятствовали, сами не зная навѣрное, что все это значитъ. Черезъ нѣсколько дней мы достигли города Мозыря, гдѣ командовалъ генералъ Запольскій. Маленькій городокъ Мозырь былъ переполненъ мелкими отрядами разныхъ ретировавшихся командъ и чиновниковъ, и потому Запольскій, нѣсколько дней спустя, отправилъ насъ въ Кіевъ. Онъ предлагалъ мнѣ поступить къ нему въ адъютанты; сначала это предложеніе мнѣ понравилось, но узнавъ, что Запольскій почти постоянно пьянъ, я отказался отъ него. Погода стояла хорошая, и наше медленное путешествіе могло бы назваться даже пріятнымъ, если бы не отравляла мысль о причинѣ его. По пути, на ночлегахъ, насъ принимали береговые жители и помѣщики очень гостепріимно. Помню радушные пріемы Брозина, Гольста и графини Хоткевичъ въ мѣстечкѣ Чернобѣль. Это была почтенная восьмидесятилѣтняя старушка, мать княгини Любомирской, казненной въ Парижѣ во время революціи и извѣстной тогда во Франціи подъ именемъ «la Belle Polonaise». Тамъ еще носились только темные, неопредѣленные слухи о вступленіи непріятеля въ наши границы, и сынъ графини Хоткевичъ даже увѣрялъ насъ, что вся война окончится на перьяхъ.

Недѣли черезъ три доѣхали мы до Кіева. Военнаго губернатора графа Милорадовича ужъ не застали: онъ отправил-

ся въ Калугу формировать резервную армію. Главнымъ начальникомъ, за отсутствіемъ его, оставался комендантъ генералъ Массе, 80-лѣтній добрый старикъ, извѣстный тѣмъ, что до смерти своей (а жилъ онъ, кажется, около ста лѣтъ) слылъ неисправимымъ волокитою и еще славился своимъ безсознательнымъ лганьемъ, въ чемъ почти равнялся съ знаменитымъ германцемъ барономъ Мюнхгаузеномъ. Массе, вдвоемъ съ жившею въ Кіевѣ, такихъ же лѣтъ какъ и онъ, генеральшею Репнинскою, потѣшали Кіевъ своими забавными разсказами. Вотъ два маленькихъ образчика: Массе разсказывалъ, что когда онъ состоялъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ бомбардирскимъ капраломъ, то въ его капральствѣ служилъ бомбардиръ, большой силачъ и пьяница, который одинъ разъ снесъ на плечахъ въ кабакъ и пропилъ двѣ пушки. А Репнинская разсказывала, что она видѣла двухъ близнецовъ, сросшихся спинами и благополучно выросшихъ такимъ образомъ; когда же они достигли совершеннолѣтняго возраста, то мальчикъ пошелъ въ военную службу, а дѣвочка въ монастырь. Замѣчательнѣе всего то, что они сердились, если кто не вѣрилъ ихъ разсказамъ. Каждый день они между собой ссорились и каждый день мирились.

Кіевъ, еще болѣе чѣмъ Мозырь, былъ переполненъ разными частями войскъ и разнымъ чиновничествомъ, уходившимъ отъ непріятеля. Свободныхъ квартиръ рѣшительно не находилось, тѣмъ болѣе что только за годъ передъ тѣмъ, бо̀льшая и лучшая часть Кіева выгорѣла. Поэтому, насъ, послѣ двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ Кіевѣ, отправили на квартированіе внизъ по Днѣпру въ мѣстечко Ржищево, находящееся въ семидесяти верстахъ отъ Кіева. Это мѣстечко, принадлежавшее тогда графинѣ Дзялынской, расположено на берегу Днѣпра, въ хорошемъ мѣстоположеніи, и тамъ мы нашли спокойное и удобное пребываніе на время нашей эмиграціи.

Въ Ржищевѣ я познакомился съ княжной Еленой Павловной Долгорукой, моей будущей женою. Она жила тамъ у бабушки своей, вдовы генералъ-лейтенанта Елены Ивановны де-Бандре-дю-Плесси. Здѣсь надобно сказать о нихъ обѣихъ нѣсколько подробнѣе.

Бабушка ея, Елена Ивановна, урожденная Бриземанъ-Фонъ-Неттигъ, родомъ изъ Лифляндіи, была въ замужествѣ за генералъ-лейтенантомъ Адольфомъ Францовичемъ де-Бандре-дю-Плесси. Онъ

былъ по происхожденію французъ; фамилія его съ tитуломъ маркиза принадлежала къ старому французскому дворянству и раздѣлилась на двѣ вѣтви: Бандре-дю-Плесси и Морне-дю-Плесси. Послѣдняя до сихъ поръ существуетъ во Франціи. Дѣдъ его, сдѣлавшись гугенотомъ, вынужденный удалиться изъ своего отечества во время религіозныхъ гоненій, поселился въ Саксоніи, гдѣ занималъ важное служебное мѣсто. Самъ Адольфъ Францовичъ въ ранней молодости служилъ въ Саксоніи въ военной службѣ и, въ чинѣ капитана, по приглашенію изъ Россіи, перешелъ въ россійскую военную службу въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II. Участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ ея царствованія, командовалъ полкомъ, а впослѣдствіи и корпусомъ во время Крымской кампаніи; былъ очень любимъ Суворовымъ, отъ котораго сохранились письма къ нему. Кромѣ военной дѣятеляности, онъ занимался и дипломатическими дѣлами, которыя часто поручались ему, особенно въ Польшѣ и Крыму. Онъ находился подъ особеннымъ покровительствомъ бывшаго канцлера графа Никиты Ивановича Панина; былъ человѣкъ умный и отлично образованный. Около 1790 года онъ по болѣзни вышелъ въ отставку и поселился на жительство въ своемъ имѣніи (Могилевской губерніи) Низкахъ, конфискованномъ у польскаго помѣщика Чудовскаго, и высочайше ему пожалованномъ, частью же и имъ самимъ прикупленномъ. Но, вѣроятно, по его незнанію законовъ и тогдашняго крючкотворства, при пріобрѣтеніи этого имѣнія вкрались какія нибудь упущенія въ формальностяхъ, потому что, по смерти де-Бандре въ 1793 году, бывшіе владѣльцы имѣнія начали съ вдовою его самый беззаконный, несправедливый процесъ, основанный на подкупахъ и похищеніи документовъ, вслѣдствіе коего въ 1796 году, она должна была оставить это имѣніе и переселиться въ Кіевъ*).

Покойные де-Бандре имѣли всего одну дочь, Генріетту Адольфовну,— мать княжны Елены Павловны. Она выдана въ замужество въ 1787 году за бывшаго въ то время полковникомъ князя Павла Васильевича Долгорукаго. Замѣчательная красотою своею, но нѣсколько легкомысленнаго и своеобразнаго характера, она любила свѣтъ, выѣзды, что и послужило причиной несогласій ея

*) Управляющій ея дѣлами, бывшій адъютантъ ея мужа, *Ворочонокъ*, подкупленный Чудовскими, передалъ имъ всѣ документы и потомъ, испугавшись своей мошеннической сдѣлки, отравился.

съ мужемъ, человѣкомъ серьезнымъ, и послѣ нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ супружества, продолжительной жизни съ нимъ въ рознь. Только за три года до своей смерти, она снова съ нимъ сошлась и умерла въ 1812 году. Отъ сего брака остались двѣ дочери. Старшая изъ нихъ, княжна Елена Павловна, родилась у нихъ 11 октября, 1789 года, въ домѣ родителей матери своей, въ то время какъ отецъ ея командовалъ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ подъ Очаковымъ. Дѣдъ и бабка горячо привязались къ внучкѣ своей, не хотѣли слышать о разлукѣ съ нею, оставили ее у себя и никуда отъ себя не отпускали. У нихъ она выросла и воспитывалась. Когда умеръ дѣдъ ея де-Бандре, ей было всего четыре года и, не смотря на малолѣтній возрастъ, смерть эта глубоко потрясла ее и въ теченіе всей послѣдующей жизни, спустя многія десятки лѣтъ, даже въ преклонныхъ годахъ, она не могла вспомнить о немъ безъ особеннаго чувства любви и умиленія. Взаимная привязанность бабушки и внучки, также была неограниченная. Все состояніе первой заключалось, послѣ потери имѣнія, въ 30-ти тысячахъ рублей ассигнаціями и въ 500 рублей пенсіи, которую она получала до смерти своей отъ благодѣтельницы въ то время многихъ вдовъ и сиротъ, Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Часть своего небольшого капитала Елена Ивановна де-Бандре употребила на переѣздъ въ Кіевъ, на покупку дома, а потомъ на взятіе во владѣніе аренды въ мѣстечкѣ Ржищевѣ въ закладъ (по польски: въ заставу), состоявшей въ домѣ съ участкомъ земли и нѣсколькими крестьянами. Небогатыми своими средствами, она дала своей внучкѣ наилучшее воспитаніе, въ соединеніи съ серьезнымъ, многостороннимъ образованіемъ. Родители заботились о ней мало, полагаясь на любовь и попеченія о ней ея бабки; они уже жили въ несогласіи между собою. Отецъ ея, вышедъ въ отставку въ чинѣ генералъ-маіора еще въ началѣ царствованія Императора Павла, проживалъ въ небольшомъ своемъ имѣніи въ Пензенской губерніи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по переѣздѣ Елены Ивановны де-Бандре въ Ржищевъ, помѣщица графиня Дзялынская выкупила заложенное ей имѣніе, но, по доброму расположенію и дружбѣ къ Еленѣ Ивановнѣ, предоставила ей по смерть жить въ мѣстечкѣ Ржищевѣ и пользоваться безвозмездно домомъ съ участкомъ земли.

Въ такомъ положеніи жили онѣ въ Ржищевѣ въ 1812 г., когда я, прибывъ туда, познакомился съ генеральшей де-Бандре и внучкой ея княжной Еленой Павловной Долгорукой. Княжна была въ то время въ траурѣ по случаю смерти матери ея, княгини Генріеты Адольфовны, въ 1812 году. Общая наша охота къ литературнымъ занятіямъ сблизила насъ. Мы вмѣстѣ читали, переводили и, наконецъ, искренно полюбили другъ друга. Я, по взаимному нашему согласію, сталъ просить у бабки руки ея и, разумѣется, вначалѣ встрѣтилъ со стороны бабушки довольно сильное сопротивленіе, потому что наша задушевная рѣшимость произошла безотчетно; никакія соображенія о нашей будущности, о средствахъ къ жизни намъ и въ голову не приходили. Маленькое состояніе бабки, давно уже завѣщанное ею внучкѣ, только доставало на скромное удовлетвореніе необходимыхъ нуждъ, и Елена Павловна, по деликатности своей, никогда не хотѣла, пока бабушка жива, получать отъ нея помощь. Отецъ ея, князь Павелъ Васильевичъ, тогда находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ по причинѣ разстройства своего состоянія и, живя почти одною пенсіею, ничего не могъ удѣлить ей. А я, съ моимъ небольшимъ жалованьемъ, при небогатомъ состояніи отца, жившаго единственно службою, которой долженъ былъ содержать многочисленное семейство, тоже далеко не представлялъ обезпеченнаго положенія. Но любовь бабушки къ внучкѣ, объявившей, что если она бракъ со мною не благословляетъ, то она не станетъ противиться волѣ ея, но уже ни за кого въ мірѣ никогда не выйдетъ замужъ, преодолѣла ея несогласіе. Этому помогла также родственница жены моей, жившая въ 30 верстахъ отъ Ржищева, помѣщица Елисавета Михайловна Селецкая, рожденная княжна Долгорукая, родная сестра князя Ивана Михайловича Долгорукаго, извѣстнаго въ свое время поэта. Она убѣдила бабушку, что, при твердой рѣшимости княжны Елены Павловны и при моихъ хорошихъ якобы качествахъ и способностяхъ (я ей весьма понравился), сопротивляться нашему браку по причинѣ одной бѣдности, не совсѣмъ благоразумно, предсказывая, что мы не пропадемъ. И Богъ оправдалъ эту ея надежду. Къ Селецкой присоединились и нѣкоторые сосѣдніе польскіе помѣщики, которые очень уважали и любили и генеральшу де-Бандре и Елену Павловну. Такимъ образомъ, съ благословеніемъ бабушки, князя Павла Васильевича и моихъ родителей, бракъ нашъ совер-

шился въ домашней церкви Селецкой, въ имѣніи ея Коваляхъ, 9-го февраля 1813 года, и я водворился на общемъ жительствѣ въ домѣ бабушки. Во время женитьбы моей, все мое состояніе заключалось изо ста рублей въ карманѣ*).

Между тѣмъ, по изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, въ началѣ 1813 года, отцу моему, съ находившеюся при немъ командою, было приказано возвратиться на Огинскій каналъ, а мнѣ, подъ какимъ-то служебнымъ предлогомъ дозволили оставаться до весны въ Ржищевѣ, гдѣ я и провелъ такимъ образомъ «la lune de miel». Въ маѣ мѣсяцѣ, однако, и мнѣ пришлось ѣхать и, оставивъ жену мою съ бабушкой, я отправился туда-же.

На Огинскомъ каналѣ прожилъ я два мѣсяца съ моими родителями и братомъ Павломъ, который по причинѣ болѣзни находился тамъ въ отпуску. Много я въ это время наслышался отъ него разсказовъ о разныхъ событіяхъ 1812 года въ арміи и о той ненависти, до которой были доведены наши крестьяне и солдаты нашествіемъ и неистовствами французовъ. Помню слѣдующій случай. Братъ мой послѣ Бородинскаго сраженія сильно заболѣлъ. Онъ пробылъ два мѣсяца до излеченія въ Калугѣ и, по выздоровленіи, отправился догонять армію почти по слѣдамъ отступавшей непріятельской арміи и преслѣдовавшихъ ее нашихъ войскъ. Между Можайскомъ и Бородинымъ онъ увидѣлъ близъ дороги раненаго француза-офицера, изнемогавшаго отъ страданій и умолявшаго

---

*) Княжна Елена Павловна, красивая собою, умная, прекрасно образованная, имѣла много жениховъ и могла сдѣлать блестящую или очень выгодную партію. Нѣсколько знатныхъ польскихъ магнатовъ усиленно искали ея руки, и хотя она была очень дружна со многими польскими семействами, но по отношеніямъ, часто враждебнымъ поляковъ къ русскимъ, не хотѣла быть женою поляка. Другіе не нравились. Разъ она была склонна принять предложеніе русскаго гвардейскаго офицера М..., красиваго, богатаго, отличнаго молодаго человѣка, владѣльца четырехъ тысячъ душъ, но онъ принадлежалъ къ Донскому казачьему войску и, по тогдашнимъ предубѣжденіямъ къ казакамъ, всѣ ея друзья и знакомые возстали противъ этого брака и отговорили ее. М... былъ страстно влюбленъ, не могъ перенести отказа и рѣшился покончить съ собою; онъ выстрѣлилъ изъ пистолета себѣ въ ротъ, пуля пробила челюсть, и онъ остался живъ. Спустя послѣ того лѣтъ 50, когда Елена Павловна жила въ Тифлисѣ, М..., жившій въ своемъ имѣніи на Дону, узнавъ о ней чрезъ общихъ знакомыхъ, велѣлъ передать ей почтительнѣйшій поклонъ съ прискорбнымъ укоромъ, что по ея милости онъ на всю жизнь остался съ искалѣченною челюстью.

Елена Павловна вышла за Андрея Михаиловича Фадѣева, потому что полюбила его.

Н. Ф.

взять его съ собою; братъ мой позволилъ ему сѣсть въ его коляску, чтобы довезти его куда нибудь до походнаго лазарета. Они повстрѣчались съ однимъ изъ казачьихъ отрядовъ, которые шныряли повсюду и безпрестанно по дорогѣ. Увидѣвъ французскаго офицера, казаки остановили коляску и узнавъ отъ брата, кто онъ, потребовали, чтобы онъ отдалъ имъ француза, и, не взирая на всѣ его увѣщанія, объявили брату, что если онъ не выдастъ имъ его, то они будутъ стрѣлять въ француза и не отвѣчаютъ, чтобы не зацѣпить его самого, или кого-либо изъ другихъ сидѣвшихъ съ нимъ въ коляскѣ. Французскій офицеръ, понявшій въ чемъ дѣло, выскочилъ самъ изъ коляски и былъ въ ту же минуту заколотъ казацкими пиками.

Для устройства своихъ дѣлъ, по поводу новыхъ обстоятельствъ жизни, я сначала взялъ отпускъ, а потомъ вышелъ въ отставку съ намѣреніемъ перемѣнить родъ службы, потому что по взаимной привязанности Елены Павловны и ея бабки другъ къ другу, онѣ поставили мнѣ непремѣннымъ условіемъ, при нашей женитьбѣ, чтобы я пріискалъ себѣ должность или въ Кіевѣ или гдѣ-либо по близости, куда бы и бабушка могла переселиться для общаго съ нами сожительства. Это такъ и сдѣлалось. Осенью того же года я возвратился въ Ржищевъ, гдѣ и оставался до начала 1814 года. Въ этомъ году, 11-го Января родилась у меня старшая дочь Елена, —будущая M-me Ганъ. Нѣтъ надобности говорить, что все это время я провелъ очень пріятно, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, которые проболѣлъ воспаленіемъ въ горлѣ. Этой болѣзни я подвергался часто въ моей молодости; никакія медицинскія средства не предотвращали періодическаго возвращенія ея по два раза въ годъ, и такъ продолжалось до двадцатыхъ годовъ, когда я излечился отъ нея страннымъ способомъ, но, по крайней мѣрѣ для меня, почти по полувѣковому опыту, *совершенно вѣрнымъ*. Тогда уже, я проживалъ въ Екатеринославѣ; знакомый мнѣ, служившій тамъ же, директоръ казенной суконной фабрики статскій совѣтникъ Адлербергъ посѣтилъ меня однажды, когда я страдалъ этою болѣзнію. Онъ присовѣтовалъ мнѣ, какъ симпатическое противъ нея средство, носить на шеѣ, никогда не снимая черную саржевую ленточку. Я сдѣлалъ это, и вотъ, уже тридцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ я ни разу болѣе не подвергался этому недугу.

Въ 1814 и 1815 годахъ, во время моего проживанія въ Ржищевѣ, я довольно часто ѣздилъ въ Кіевъ, гдѣ, черезъ бабушку и жену мою, познакомился съ нѣсколькими хорошими ихъ пріятелями, какъ-то: генералами Бѣгичевымъ, Суттофомъ и проч. У перваго я иногда встрѣчалъ нашего извѣстнаго партизана Дениса Васильевича Давыдова и съ любопытствомъ слушалъ его энергичные разсказы о военныхъ событіяхъ за послѣдніе четыре года; у Сутгофа, я любовался сыномъ его, прекраснымъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, подававшимъ много надежды и попавшимъ, впослѣдствіи, въ декабристы. Мнѣ пришлось вновь увидѣть его черезъ сорокъ пять лѣтъ на Кавказѣ, уже сѣдаго старика въ чинѣ подпоручика.

Въ началѣ 1814-го года наступила пора, когда уже слѣдовало подумать, какъ-бы устроить себя на должности сообразно желанію жены и бабушки. По общему нашему совѣту, мы рѣшили, чтобы мнѣ для этого отправиться въ Петербургъ, куда въ февралѣ мѣсяцѣ я и поѣхалъ. Меня снабдили большимъ числомъ рекомендательныхъ писемъ къ вельможамъ и сильнымъ въ Петербургскомъ мірѣ лицамъ, между коими многимъ родственникамъ и старымъ знакомымъ бабушки и отца жены моей; преимущественно же къ близкому родственнику тестя моего, покойному фельдмаршалу князю Николаю Ивановичу Салтыкову,— въ то время предсѣдателю Государственнаго Совѣта. Мнѣ было тогда всего двадцать четыре года, я былъ не болѣе какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника, опытности имѣлъ мало, денегъ еще меньше, и потому, не взирая на благосклонные пріемы князя Салтыкова, трехъ сыновей его, и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, прожилъ въ Петербургѣ четыре мѣсяца почти безуспѣшно. Должности въ Кіевѣ не представлялось. Сынъ покойнаго фельдмаршала, князь Александръ Николаевичъ, бывшій уже въ то время членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ, сказалъ мнѣ однажды, что у тогдашнихъ министровъ, скорѣе можетъ добиться опредѣленія къ должности какой-либо негодяй посредствомъ рекомендаціи камердинера его, черезъ подкупъ, нежели порядочный человѣкъ по рекомендаціи отца его, князя Николая Ивановича Салтыкова. Но тогдашній министръ полиціи, Вязмитиновъ, желалъ однако же исполнить рекомендацію князя Николая Ивановича обо мнѣ. Онъ и самъ хорошо зналъ бабушку и дѣда жены моей. Покойный генералъ де-Бандре находился при фельдмаршалѣ князѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ

въ то же время, когда Вязмитиновъ состоялъ при немъ генеральсъ-адъютантомъ. Вязмитиновъ предложилъ мнѣ мѣсто ассесора въ Нижегородскомъ губернскомъ правленіи. Служба этого рода для меня была совершенно новая, мѣсто незавидное и не по характеру моему; жалованье малое, всего 600 рублей ассигнаціями, и вообще о гражданской службѣ я почти понятія не имѣлъ. Но дѣлать было нечего, проживаться болѣе въ Петербургѣ уже не приходилось, а между тѣмъ, служба въ Нижнемъ представляла мнѣ случай познакомиться съ отцомъ жены моей, съ другою бабкою ея, княгинею Анастасьею Ивановной Долгорукой, и прочими родными, по недальнему разстоянію отъ Пензы. Поэтому я и рѣшился принять это предложеніе на первое время.

Въ четырехмѣсячную бытность мою въ Петербургѣ я познакомился съ нѣсколькими хорошими людьми, какъ-то: Ячевскимъ, коллежскимъ совѣтникомъ и кіевскимъ помѣщикомъ, служившимъ въ иностранной коллегіи; Анастасьевичемъ, — посредственнымъ литераторомъ, но пріятнымъ и добрымъ человѣкомъ, — и нѣкоторыми другими, дружескія связи и переписка съ коими продолжалась до самой ихъ смерти.

По опредѣленіи меня на службу въ Нижній, я возвратился въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Ржищево. Грустно было и женѣ моей и бабушкѣ ея разлучаться и разъѣхаться въ первый разъ въ жизни на довольно далекое разстояніе, но мы рѣшили, что это мѣра временная, что я постоянно буду имѣть въ виду стараться о перемѣщеніи меня на слжбу въ Кіевъ или по близости его. Въ іюлѣ мѣсяцѣ мы отправились, въ сопровожденіи бабушки нашей до Могилева бѣлорусскаго, гдѣ братъ бабушки, Виліямъ Ивановичъ Бриземанъ-фонъ-Неттигъ, генералъ-маіоръ, былъ окружнымъ начальникомъ внутренней стражи. Мы ѣхали на долгихъ и имѣли разныя перепутья у старыхъ знакомыхъ бабушки, изъ которыхъ самое замѣчательное наше посѣщеніе было въ мѣстечкѣ Чичерскѣ, у крестной матери жены моей, фельдмаршальши и статсъ-дамы графини Анны Родіоновны Чернышевой, извѣстной своими оригинальными причудами и страннымъ образомъ жизни. Послѣ смерти мужа, она жила тридцать лѣтъ въ совершенномъ затворничествѣ, въ одной комнатѣ, въ которой была устроена и ея церковь; день она обращала въ ночь, а ночь въ день и, кромѣ самыхъ близкихъ знакомыхъ, никого не принимала. Бабушка и жена моя гостили у нея въ

домѣ, а мнѣ въ это время на квартиру приносили обѣды и ужины *).

Погостивъ въ Могилевѣ у добраго старика Бриземана, принявшаго насъ съ отличнымъ радушіемъ, недѣли двѣ, мы разстались съ бабушкой, и я съ женою и маленькою дочерью отправились въ дальнѣйшій путь. Путь этотъ пролегалъ на Москву, слѣдовательно, чрезъ всѣ мѣста, разоренныя непріятелемъ за два года предъ тѣмъ. Всѣ города и селенія были почти еще въ томъ же видѣ какъ и тотчасъ послѣ нашествія. Грустно было смотрѣть на слѣды разоренія: почти всѣ города, Гжатскъ, Вязьма, Дорогобужъ и проч. и селенія представляли кучу развалинъ, и нищета въ деревняхъ была повсемѣстная. На полѣ Бородинскаго боя жена моя собрала собственноручно нѣсколько пуль, которыя, кажется, и теперь хранятся у

*) Считаемъ не безъинтереснымъ помѣстить здѣсь любопытныя свѣдѣнія о графинѣ Чернышевой, почерпнутыя изъ записанныхъ разсказовъ Елены Павловны Фадѣевой.

„Я ѣздила иногда къ моей крестной матери, графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ, въ Кіевъ и Чичерскъ съ моей бабушкой (Еленой Ивановной Бандре-дю-Плесси), которая была въ большой дружбѣ съ графинею и очень ею любима. Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Чичерскъ мы застали тамъ нѣсколько гостей, въ томъ числѣ г-жу Энгельгардтъ и Оленину. Графиня намъ много разсказывала о своихъ семейныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ, и много было занимательнаго и даже замѣчательнаго въ ея разсказахъ. Особенно меня заинтересовало странное событіе съ ея матерью г-жей Ведель. За годъ предъ тѣмъ графиня ѣздила въ первый разъ въ деревню своего отца,*) бывшею подъ управленіемъ его старшаго адъютанта. Она спросила, не осталось-ли послѣ ея отца какихъ нибудь бумагъ и ей сказали, что сохранился одинъ сундукъ со старыми бумагами, который она велѣла принесть къ собѣ и разобрала все, что̀ въ немъ находилось. Всѣ бумаги оказались совершенно сгнившими; одно только письмо, испорченное и погнившее въ иныхъ мѣстахъ, настолько уцѣлѣло, что его можно было свободно прочитать. Письмо было отъ тётки ея княгини Софіи Кантемиръ къ отцу ея Ведѣлю, съ сообщеніемъ о смерти его жены, матери графини. Разсказывая намъ это, графиня Анна Родіоновна по обыкновенію лежала въ постели; доставъ изъ ящика стоявшаго возлѣ нея стола портфель, она вынула изъ него старое, пожелтѣвшее письмо и подала его мнѣ, приказывая прочитать громко, какъ самой молодой изъ всѣхъ присутствующихъ. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ. Изъ содержанія письма было видно, что г-жа Ведель была нездорова и поѣхала съ своей сестрой, княгиней Кантемиръ, и дѣтьми, двумя маленькими дочерьми, въ Ахтырку на богомолье. Княгиня писала въ этомъ письмѣ, какъ онѣ пріѣхали, пошли въ церковь, служили молебны, молились предъ чудотворной иконой Божіей Матери, и какъ, въ первую же ночь по пріѣздѣ, не помню во снѣ или на яву, г-жѣ Ведель представилась въ видѣніи Богородица и сказала, чтобы она готовилась къ смерти, что скоро, чрезъ нѣсколько дней, она умретъ и чтобы всѣ деньги, которыя при ней были, раздала бѣднымъ. Г-жа Ве-

*) Тогда давно уже умершаго. Генералъ Ведель былъ губернаторомъ, кажется, въ Казани, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Мать графини, г-жа Ведель, была урождена Пассекъ.

насъ. Въ Москвѣ мы пробыли нѣсколько дней и провели пріятно время у брата моего Петра, служившаго членомъ въ Московской удѣльной конторѣ. Онъ съ женою оставался во все время нашествія непріятеля въ Москвѣ и они разсказывали намъ многое о событіяхъ этого печальнаго времени. Братъ мой, съ семействомъ, успѣлъ тогда, по какой-то протекціи, найти себѣ убѣжище въ воспитательномъ домѣ, который, какъ извѣстно, былъ огражденъ Наполеономъ отъ вторженія войскъ, и только закупоренные тамъ безвыходно могли быть безопасны. Однажды братъ мой вышелъ за ворота, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ; мимошедшій французскій солдатъ присталъ къ нему, схватилъ его за руку и принялся снимать у него съ пальца вѣнчальное кольцо, а такъ какъ оно

дель отвѣчала, что не бывъ очень богата, если раздастъ все бѣднымъ, что же останется ея дѣтямъ. Матерь Божія сказала: „не безпокойся о дѣтяхъ, я сама беру ихъ подъ свой покровъ и внушу сильнымъ міра сего имѣть попеченіе о нихъ“. Г-жа Веделъ тотчасъ же сообщила объ этомъ видѣніи сестрѣ своей и въ точности исполнила повелѣніе свыше. Приготовилась христіанскимъ напутствіемъ къ кончинѣ, раздала всѣ свои деньги бѣднымъ, и хотя болѣзнь ея, повидимому, не усилилась, но на четвертый день послѣ видѣнія она умерла. Этимъ заканчивалось письмо. Когда я его дочитала, графиня воскликнула: „Что-же, не исполнила ли Матерь Божія своего обѣщанія!“ И начала разсказывать намъ свою исторію: „Тетка моя,— говорила она,— по смерти матери, отвезла насъ обратно къ „отцу. Спустя нѣсколько времени послѣ того, однажды ночью пришли разбудить „меня (мнѣ было не болѣе десяти лѣтъ) и сестру мою, и позвали къ отцу, который прислалъ звать насъ къ себѣ. Мы нашли его въ постели. Онъ сидѣлъ чрез„вычайно взволнованный и держалъ въ рукахъ икону Богородицы, которою „благословилъ насъ. А на слѣдующій день, принялъ православіе, — онъ былъ „лютеранинъ. Поэтому, мы увѣрены, что въ ту ночь съ нимъ произошло что „нибудь необыкновенное, и хотя онъ ничего не сказалъ, но былъ подъ вліяніемъ „особеннаго потрясенія. Навѣрно ему было тоже видѣніе, какъ и матери. Чрезъ „два дня онъ поѣхалъ въ Петербургъ и насъ взялъ съ собою. Тамъ, отецъ пред„ставилъ насъ Императрицѣ, которая приняла насъ очень благосклонно и была „ко мнѣ и сестрѣ моей очень милостива, а вскорѣ затѣмъ онъ и умеръ. Послѣ „смерти отца, мы остались при дворѣ, подъ покровительствомъ Императрицы, и „насъ помѣстили во дворцѣ, гдѣ мы и жили. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда мы „уже стали взрослыми, началъ за мною сильно ухаживать великій князь Петръ „Ѳедоровичъ (будущій Императоръ Петръ III-й), и такъ, что я была принуждена „обратиться къ Императрицѣ съ просьбою защитить меня. Государыня предло„жила мнѣ выдать меня замужъ за графа Захара Григорьевича Чернышева, ска„завъ, впрочемъ, что онъ для меня старъ и потому, быть можетъ, я не соглашусь. „Но я, не колеблясь, объявила, что готова исполнить приказаніе Государыни, „лишь бы избавиться отъ преслѣдованій ея августѣйшаго племянника. Тогда же я „осмѣлилась попросить Императрицу и о сестрѣ моей, которая могла подвергнуть„ся такимъ же преслѣдованіямъ. Добрая Государыня милостиво выслушала меня „и, какъ истинная наша благодѣтельница, удостоила вникнуть въ наше сиротское „положеніе. Немного времени спустя, она выдала насъ обѣихъ замужъ, меня за „фельдмаршала графа Чернышева, а сетру мою за графа Панина. Вотъ какая

туго сидѣло на пальцѣ, то онъ едва не отсѣкъ ему ножомъ пальца. Братъ съ трудомъ отъ него отбился и поскорѣе убрался къ себѣ въ воспитательный домъ.

Намъ показывали Москву, возили по замѣчательнѣйшимъ окрестностямъ; а сама же Москва, за исключеніемъ соборовъ, монастырей и нѣсколькихъ оправленныхъ зданій, также представляла несмѣтную груду развалинъ. Между прочимъ, братъ мой возилъ насъ въ село Коломенское, гдѣ жили удѣльные крестьяне и показывалъ намъ огромные чаны, въ которыхъ обыкновенно крестьяне квасили капусту на продажу въ Москву. Въ 1812 году, при непріятельскомъ погромѣ, они лишились этого дохода, по причинѣ истребленія капусты французами. Въ отмщеніе имъ за то, когда французы выходили, а русскія команды еще не вступили, крестьяне

„судьба выпала намъ въ удѣлъ! И кто же могъ такъ устроить нашу жизнь, какъ „не пресвятая Богородица, по своему обѣщанію нашей матери, принявшая насъ „подъ свой святой покровъ“.

Такъ закончила свой разсказъ графиня Анна Родіоновна и слова ея мнѣ памятны такъ же, какъ и она сама, какъ будто я ее слышала и видѣла сегодня, хотя послѣ того прошло уже болѣе пятидесяти лѣтъ. Графиня была крестной матерью Императора Александра Павловича и всегда пользовалась большими милостями при дворѣ. Когда великій князь Павелъ Петровичъ съ супругой Маріей Ѳеодоровной ѣздили за границу подъ именемъ „comte et comtesse du Nord“, нарочно заѣхали къ Чернышевымъ, въ ихъ имѣніе Чичерскъ (Чернышевъ былъ въ то время Бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ), и пробыли у нихъ нѣсколько дней. Чернышевы устраивали для нихъ разныя празденства и, между прочимъ, спектакль, гдѣ главной актрисой была родственница графини, Пассекъ, впослѣдствіи Рахманова, извѣстная своей странной жизнью въ Кіевѣ. Давали также одну феерическую піэсу съ превращеніями, въ которой волшебница, мановеніемъ жезла, перемѣняетъ четыре времени года. Эту роль играла съ большимъ успѣхомъ моя мать, которой было тогда двѣнадцать лѣтъ. Она была очень хороша собою и всѣмъ чрезвычайно понравилась. Пять лѣтъ спустя, она была уже замужемъ за отцемъ моимъ, княземъ Павломъ Васильевичемъ Долгорукимъ и, пріѣхавъ съ нимъ въ Петербургъ, представлялась великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая сейчасъ ее узнала и, обратясь къ Великому Князю Павлу Петровичу, сказала: „узнаешь ли ты нашу маленькую фею, которая въ Чичерскѣ перемѣняла времена года?“ И оба очень обласкали ее.

Смерть графа Захара Григорьевича Чернышева произошла вслѣдствіе особеннаго случая. У графа на войнѣ былъ пробитъ черепъ и задѣланъ серебряной бляхою, уже съ давнихъ поръ. Онъ ѣхалъ съ женой изъ Бѣлоруссіи въ Петербургъ и хотѣлъ заѣхать погостить въ деревню къ моему дѣдушкѣ, Бандре-дю-Плесси, но такъ какъ это составляло крюкъ, то графиня уговорила ѣхать прямо, потому что спѣшила въ Петербургъ по важнымъ дѣламъ. Дорога въ одномъ мѣстѣ была выложена круглыми бревнами, отъ которыхъ экипажъ подвергался сильнымъ толчкамъ. Въ каретѣ, въ верху, была придѣлана сѣтка (чтобы класть вещи), прикрѣпленная шрубами. Одинъ изъ шрубовъ, вѣроятно отъ движенія выдвинулся, при толчкѣ стукнулся въ голову графа, пробилъ серебряную бляху черепа и вонзился въ мозгъ, что̀ и было причиною немедленной смерти графа.

вытащили изъ находившагося въ Коломенскомъ лазаретѣ, нѣсколько больныхъ французовъ, бросили ихъ въ чаны и искрошили вмѣсто капусты. Кровь такъ въѣлась въ стѣнки и дно чановъ, что слѣды ея еще были видны.

Изъ Москвы мы отправились далѣе, на Владиміръ и Арзамасъ. Елена Павловна никогда еще до того времени не бывала внутри Россіи и потому всѣ мѣста, чрезъ которыя мы проѣзжали, чрезвычайно ее интересовали. Прибывъ въ Нижній, мы наняли небольшую, но порядочную квартиру, и я познакомился съ почетнѣйшими изъ тамошней знати. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ, былъ губернскій

По смерти мужа, графиня Анна Родіоновна оставила совсѣмъ дворъ и большой свѣтъ, ѣздила по церквамъ и жила очень уединенно, по большей части въ Чичерскѣ, гдѣ у нея были заведены свои особенные порядки и даже была своя полицція и полиціймейстеръ. Въ послѣдній мой пріѣздъ въ Чичерскъ, она не принимала никого; въ это время у нея гостила только генеральша Лицуховская, большая богомолка. Я пріѣхала съ мужемъ, бабушкой и полугодовой дочерью. Бабушка велѣла доложить, черезъ полиціймейстера, о своемъ пріѣздѣ, и графиня сейчасъ же прислала просить бабушку и меня съ дочерью къ себѣ, исключивъ моего мужа, которому входъ былъ закрытъ какъ мужчинѣ. Графиня обѣдала въ двѣнадцать часовъ ночи. Мы пошли къ ней въ шесть часовъ по-полудни. Чтобы достигнуть до дома, въ которомъ она жила, надобно было перейти чрезъ три двора. Въ первомъ находился караулъ изъ мужчинъ, а въ остальныхъ двухъ изъ женщинъ, и мужчины не смѣли туда показываться. Этотъ уставъ соблюдался тогда съ большою строгостью и ни для кого не дѣлалось исключеній. Графиня приняла насъ очень привѣтливо, радушно, какъ и всегда и, повидимомому, была очень довольна нашимъ посѣщеніемъ. Она лежала на софѣ; спинка софы была устроена такъ, что сверху, во всю длину софы, была сдѣлана деревянная полоса, въ родѣ полки, которая была вся уставлена, въ рядъ, маленькими образами одинаковой величины. Когда въ комнату внесли мою маленькую дочь, графиня взяла ее на руки, сняла съ полки одинъ образокъ и благословила ее имъ. Обѣдали мы ровно въ полночь, а бесѣда и разговоры наши продолжались почти до утра. Бабушка моя разсказывала о своемъ-житьѣ бытьѣ, стала жаловаться на свое здоровье, и что начинаетъ замѣтно слабѣть и часто болѣть. Графиня ей возразила: „Это отъ того, Елена Ивановна, что ты въ молодости очень любила тан- „цовать и цѣлыя ночи протанцовывала, такъ что, я помню, у тебя иногда ноги „бывали въ крови; а вотъ я не любила танцовать и не танцовала иначе какъ по „указу Государыни, такъ вотъ, хоть десять лѣтъ и старше тебя, а смотри, какъ „еще здорова и крѣпка“. Она оставила насъ ночевать у себя и на другой день никакъ не хотѣла отпустить; уговаривала погостить хоть съ недѣльку. Мы едва могли убѣдить ее, что намъ необходимо ѣхать.

Графиня Чернышева непремѣнно хотѣла, чтобы крестница ея, княжна Елена Павловна, была фрейлиной и постоянно на томъ настаивала. Она брала на себя тотчасъ же это устроить и, дѣйствительно, очень легко могла это сдѣлать по своимъ близкимъ связямъ и вліянію при дворѣ. Она постоянно твердила княжнѣ: „скажи одно слово,— и ты будешь фрейлина“. Но княжна, привыкшая къ уединенной жизни, вдали отъ шумнаго свѣта, пугалась этого предложенія, рѣшительно отказывалась и даже не хотѣла слышать о немъ, чѣмъ старая графиня была крайне недоволна.

предводитель дворянства, князь Георгій Александровичъ Грузинскій, человѣкъ добрый и смышленный, но въ высшей степени взбалмошный и самодуръ, проказы котораго долго еще будутъ передаваться нижегородцами изъ рода въ родъ. Затѣмъ слѣдовалъ губернаторъ Быховецъ, коренной подъячій, по всеобщей молвѣ, большой взяточникъ; а за нимъ, вице-губернаторъ Крюковской, человѣкъ благородный и честный (отецъ двухъ декабристовъ, бывшихъ гвардейскихъ офицеровъ, сосланныхъ въ цвѣтѣ лѣтъ на каторгу). Прочіе всѣ, и дворянство, и духовенство, и чиновничество того времени, съ малыми исключеніями, были погружены въ заботы о матеріальныхъ интересахъ и преданы обжорству и пьянству, а чиновничество, кромѣ того, еще и взяточничеству.

Служба въ Нижегородскомъ губернскомъ правленіи мнѣ скоро опротивѣла. О несостоятельности этихъ правленій теперь много пишутъ, а въ прежнее время, это были почти повсемѣстно просто помойныя ямы. Губернаторъ направлялъ дѣла какъ хотѣлъ; второстепенными дѣлами заправлялъ одинъ совѣтникъ, который въ этомъ же правленіи и службу началъ; а мы, всѣ прочіе, подписывали то, что намъ давали подписывать. Два раза назначали меня въ командировки: одна состояла въ томъ, чтобы отыскать въ Нижегородскомъ уѣздѣ золото, по извѣту одного преступника, содержавшагося въ острогѣ. Золота, разумѣется, не нашлось; эта продѣлка была одна изъ тѣхъ, какими былое время изобиловало. Преступники, при подобныхъ извѣтахъ, имѣли лишь въ виду не представится ли при этомъ случай уйти.

Другая командировка была мнѣ дана по собственному моему желанію въ Пензенскую губернію, для пріисканія у пензенскихъ винокуровъ, желающихъ къ поставкѣ трехмѣсячной пропорціи вина, на слѣдующій годъ въ Нижегородскую губернію, по случаю предстоявшихъ новыхъ откуповъ. Но это порученіе было мнѣ дано для одного предлога, такъ какъ, у кого купить вино, было уже рѣшено губернаторомъ. Я же былъ очень радъ этому обстоятельству, предоставлявшему мнѣ случай познакомиться и жену познакомить съ ея родными. Мы отправились въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Ѣхали на Арзамасъ, гдѣ остановились на нѣсколько дней; посѣтили знаменитую арзамасскую женскую обитель, запаслись работами и рукодѣліями тамошнихъ отшельницъ и въ окрестностяхъ города, по рекомендаціи моего тестя, заѣзжали къ двумъ его старымъ знакомымъ помѣщикамъ,

Безсонову и Полчанинову. У перваго, мы нашли во всемъ образецъ благоустроеннаго хозяйства, прекраснаго порядка и въ домѣ наилучшаго комфорта; а у Полчанинова, проживавшаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Безсонова, во всемъ совершенный безпорядокъ, цѣлое полчище оборванной дворни, по двадцати блюдъ за обѣдомъ, одно другого сквернѣе, и отвратительную музыку.

Вскорѣ достигли мы и до цѣли нашего путешествія. Родные наши проживали въ остаткахъ своихъ прежнихъ большихъ и богатыхъ имѣній, въ пятидесяти верстахъ отъ Пензы, въ Мокшанскомъ уѣздѣ, въ селѣ Знаменскомъ. Семья ихъ состояла изъ слѣдующихъ лицъ:

Княгиня Анастасія Ивановна Долгорукая, восьмидесятилѣтняя бабушка жены моей, рожденная Лодыженская, родная внучка князя-кесаря Ромодановскаго,— уже слабая и полуслѣпая, нѣкогда красавица, блиставшая при дворахъ Императрицы Елисаветы и Екатерины II. При выходѣ ея замужъ за князя Василія Сергѣевича Долгорукова, она получила въ приданое болѣе восьми тысячъ душъ, и жила съ нимъ когда-то очень широко въ своемъ богатомъ московскомъ домѣ, къ сожалѣнію, часто не соображая своихъ хотя и большихъ доходовъ съ превышающими ихъ расходами. Какъ они легко обращались съ своимъ состояніемъ, доказываетъ слѣдующій характерный случай изъ ихъ тогдашней жизни: заболѣлъ у нихъ одинъ изъ сыновей скарлатиной, находился въ опасности, но выздоровѣлъ; доктору, лечившему его, въ благодарность за леченіе, они подарили прекрасное подмосковное имѣніе съ четырьмя стами душъ. Немудрено что, вслѣдствіе такого неосмотрительнаго обращенія съ имуществомъ, оно наконецъ совсѣмъ разстроилось, и княгиня Анастасія Ивановна, на старости лѣтъ, должна была ограничиваться очень умѣренными средствами, доставлявшимися однимъ уцѣлѣвшимъ имѣніемъ въ нѣсколько сотъ душъ, полуразоренныхъ и обремененныхъ долгами. Она, однако, была очень умная, любезная, свѣтскя старушка, съ большимъ образованіемъ и начитанностью, особенно, по части французской литературы. Покойный мужъ ея, князь Василій Сергѣевичъ Долгорукій, былъ сынъ князя Сергѣя Григорьевича, долго находившагося посланникомъ въ Варшавѣ, потомъ сосланнаго при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ за противодѣйствіе Бирону въ Березовъ, гдѣ, пробывъ восемь лѣтъ, былъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ посломъ въ Лондонъ и наканунѣ

отъѣзда схваченъ, препровожденъ въ Новгородъ и тамъ казненъ обезглавленіемъ *), вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, мужемъ извѣстной Натальи Борисовны, урожденной графини Шереметевой. Громадныя ихъ имѣнія и все имущество были конфискованы. До сихъ поръ въ Московской Грановитой Палатѣ находятся драгоцѣнныя старинныя вещи съ ихъ гербами. У князя Сергѣя Григорьевича, отъ супружества съ дочерью вице-канцлера барона Шафирова, осталось два сына. При отправленіи его въ ссылку, старшаго сына Петра (бывшаго впослѣдствіи генералъ-поручикомъ, убитаго при взятіи Хотина) послали солдатомъ въ Азовъ, а младшаго Василія (мужа княгини Анастасіи Ивановны), тогда еще малолѣтняго, отдали въ ученіе кузнецу, у котораго онъ пробылъ восемь лѣтъ, вслѣдствіе чего отлично изучилъ кузнечное мастерство, но никогда не могъ научиться хорошо писать. Со смертью Анны Іоанновы, опала на это семейство Долгорукихъ кончилась, но ихъ имѣнія не были возвращены, потому что были розданы въ разныя руки. По семейному преданію, до конфискаціи у нихъ было двѣсти тысячъ душъ крестьянъ. Князь Василій Сергѣевичъ потомъ служилъ въ военной службѣ, вышелъ въ отставку бригадиромъ и умеръ въ 1803 году **).

Старшій ихъ сынъ кн. Павелъ Васильевичъ Долгорукій (овдовѣвшій уже отецъ Елены Павловны) скромно проживалъ по сосѣдству отъ родителей въ своемъ небольшомъ имѣньицѣ изъ ста душъ крестьянъ. Онъ былъ пожалованъ офицерскимъ чиномъ еще въ колыбели; служилъ всегда въ военной службѣ, участвовалъ почти во всѣхъ походахъ и военныхъ дѣлахъ того времени и могъ бы сдѣлать блестящую карьеру, если-бы не вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-маіора въ началѣ царствованія Императора Павла, не желая брать на себя выполненіе тогда вводимыхъ строгостей

---

*) По семейному преданію, онъ колесованъ.

**) У князя Василія Сергѣевича было три сестры: Марія, въ замужествѣ за княземъ Вяземскимъ дѣдомъ извѣстнаго поэта, Анна—за княземъ Голицынымъ и Анастасія—за княземъ Щербатовымъ. А у княгини Анастасіи Ивановны была сестра Анна, замужемъ за княземъ Трубецкимъ, и братъ Николай Ивановичъ Лодыженскій. Мать ихъ была урождена княжна Ромодановская, послѣдняя изъ этого рода и потому (какъ значится въ ихъ родословной) сыну ея, Николаю Ивановичу Лодыженскому, былъ переданъ титулъ и имя угасшаго рода Ромодановскихъ, и онъ назывался княземъ Лодыженскимъ-Ромодановскимъ, также какъ и сынъ его Александръ Николаевичъ, умершій бездѣтнымъ, кажется, въ ранней молодости и съ нимъ окончательно прекратился родъ и имя князей Ромодановскихъ.

по отношенію къ подчиненнымъ и разныхъ суровыхъ мѣръ въ военной дисциплинѣ,— чѣмъ возбудилъ неудовольствіе Императора, который его очень любилъ и зналъ съ дѣтства. Потомъ кн. Павелъ Васильевичъ неоднократно получалъ приглашенія продолжать снова службу, но уже не желалъ возобновлять ее. Онъ былъ человѣкъ далеко не заурядный, отличавшійся высоко просвѣщеннымъ умомъ и многосторонними спеціальными познаніями, пользовавшійся большимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его. Все свое свободное время проводилъ онъ за серьезными занятіями въ своей громадной библіотекѣ, составленной преимущественно изъ книгъ ученаго содержанія, по всѣмъ отраслямъ знанія и всякихъ языковъ. Онъ хорошо зналъ нѣсколько древнихъ и новыхъ языковъ и совершенно свободно изъяснялся на нихъ. Деревенская жизнь не прервала его отношеній къ большому свѣту; близкія родственныя и дружескія связи его съ знатнѣйшими домами обѣихъ столицъ поддерживались постоянными сношеніями и перепиской. Затрачивая значительную часть своихъ умѣренныхъ доходовъ на книги и разные научные предметы, онъ долженъ былъ ограничивать себя во всемъ остальномъ. Одѣвался очень просто, даже бѣдно, что подавало иногда поводъ къ довольно забавнымъ ошибкамъ. Такъ, однажды, станціонный смотритель ближайшей почтовой станціи, давно извѣстный князю, пригласилъ его крестить у себя сына; князь согласился и въ назначенный день отправился къ смотрителю. Крестить должны были въ двѣ пары, и скоро явился и другой кумъ, молодой помѣщикъ Бахметевъ, недавно пріѣхавшій изъ Петербурга, великій франтъ, разодѣтый щеголемъ, раздушенный и припомаженный. Смотритель отлучился изъ комнаты, и Бахметевъ, увидѣвъ пожилаго человѣка въ старенькомъ военномъ сюртучкѣ, вѣроятно, принялъ его за какого-нибудь отставнаго унтера и приступилъ къ разговору съ нимъ: «Что, братецъ, служилъ въ военной службѣ?»—«Служилъ.»—«Долго служилъ?» — «Порядочно.» — «Много воевалъ?» — «Воевалъ.» — «Ну, что-жъ, теперь здѣсь находишься на побывкѣ или въ отставкѣ?»—«Въ отставкѣ.» — «Есть семья, жена, дѣти?» —«Я вдовецъ и семья у меня небольшая, всего двѣ дочери.»—«Ну, а въ отставкѣ съ какимъ чиномъ, фельдфебелемъ или вахмистромъ?»—«Генералъ-маіоромъ.»— «Что?!. Какъ?!.»—Князь повторилъ свой отвѣтъ. Бахметевъ сильно озадачился и сконфуженно спросилъ: «Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?»—«Я—князь Павелъ Василье-

вичъ Долгорукій». Бахметевъ окончательно растерялся, забормоталъ несвязныя извиненія и напустился на вошедшаго смотрителя, какъ онъ смѣлъ не предупредить его, какой у него сидитъ гость. Князь долженъ былъ заступиться за смотрителя и едва могъ успокоить молодого человѣка. Такіе случаи бывали не разъ и очень забавляли князя.

За нимъ, въ ряду членовъ семейства Долгорукихъ, слѣдовалъ братъ его, Екатерининскій бригадиръ, князь Сергѣй Васильевичъ; человѣкъ добрый, но слабый и болѣзненный, управлявшій Знаменскимъ и всѣми ихъ хозяйственными дѣлами. Далѣе, сестра ихъ, Екатерина Васильевна Кожина, воспитанница Смольнаго монастыря и бездѣтная вдова, женщина умная, но нѣсколько причудливая и неподатливая. Ея состояніе было несравненно въ лучшемъ положеніи, нежели у братьевъ и матери, но зато разсчетливость ея, или даже скупость, составляя отличительную черту ея характера, служила источникомъ многихъ курьезныхъ анекдотовъ, вѣроятно, до сихъ поръ памятныхъ въ Пензѣ. Разъ въ годъ, на свои имянины, въ Екатерининъ день, она давала въ Пензѣ балъ, на которомъ не было другихъ конфектъ, какъ собранныхъ ею въ продолженіи цѣлаго года на другихъ балахъ, для чего и носила всегда огромный ридикюль. На одномъ изъ такихъ ея баловъ, въ числѣ угощенія, на подносѣ съ конфектами, красовался большой сахарный ракъ, который тотчасъ же былъ узнанъ прежнимъ его владѣльцемъ, княземъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, такъ какъ былъ присланъ ему съ другими конфектами, выписанными изъ Москвы для его бала, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Голицынъ подошелъ къ подносу, взялъ своего рака и съ торжественнымъ возгласомъ: «мое — ко мнѣ!» — опустилъ его себѣ въ карманъ. Эта продѣлка, хотя нѣсколько сконфузила хозяйку, но ничуть не исправила. У нея былъ въ Москвѣ домъ, на Пречистенкѣ, и понадобилось перекрасить крышу. Кожиной хотѣлось выкрасить крышу особенной минеральной краскою, фабрикуемой изъ какихъ-то камней, довольно цѣнныхъ. Въ то время въ Москвѣ проживалъ одинъ горный генералъ, старый холостякъ, имѣвшій большую коллекцію именно такихъ камней, вывезенныхъ имъ изъ Сибири. Кожина объ этомъ узнала, познакомилась съ нимъ и принялась такъ его заискивать и ухаживать за нимъ, что генералъ, прельщенный ея любезностью и слухами о ея богатствѣ, не замедлилъ предложить ей руку и сердце. Екате-

рина Васильевна, не давая ему рѣшительнаго отвѣта, начала ему безпрестанно толковать о своей будто бы страсти къ минераламъ, желаніи составить коллекцію, особенномъ влеченіи къ такимъ-то камнямъ и какъ была бы счастлива, если бы могла ихъ пріобрѣсть въ большомъ количествѣ. Генералъ дорожилъ своими камнями, но чтобы вынудить скорѣе согласіе на свое предложеніе, разсчитывая, что послѣ свадьбы камни отъ него не уйдутъ, составятъ ихъ общее достояніе, и онъ опять ихъ приберетъ къ рукамъ, съ готовностію поспѣшилъ ей преподнесть все собраніе своихъ минераловъ. Екатерина Васильевна приняла ихъ очень благосклонно, выразила свое большое удовольствіе, но въ тотъ же день отказала генералу и, немедленно распорядившись объ обращеніи камней въ краску, выкрасила ими крышу своего дома и уѣхала въ Пензу. Въ Пензѣ у нея былъ тоже хорошій большой домъ. Городское управленіе заставляло ее построить около дома тротуаръ. Екатерина Васильевна долго отговаривалась и отбивалась отъ этого нововведенія всѣми силами, но, понуждаемая полиціей, должна была уступить и построила деревянный тротуаръ. Тогда въ видахъ его сохраненія, сбереженія и огражденія отъ поврежденій, дабы не подвергнуться злополучію его починять или вновь строить, она приставила караульщиковъ, которые денно и нощно должны были оберегать тротуаръ, не позволять никому ходить по немъ и прогонять прохожихъ. Тетушка Екатерина Васильевна бдительно наблюдала изъ оконъ дома за неупустительнымъ исполненіемъ ея распоряженія, а часто и сама выходила на улицу для личнаго командованія своимъ карауломъ. Въ то время, да еще такой почтенной, высокопоставленной въ пензенскомъ обществѣ дамѣ, такія продѣлки были весьма возможны и позволительны и, потому, она долго упражнялась въ этомъ оригинальномъ занятіи. Замужество ея уже не въ молодыхъ годахъ произошло единственно изъ разсчета, въ которомъ она горько ошиблась.

Старый помѣщикъ Кожинъ слылъ за богатаго человѣка, жилъ роскошно давалъ балы, пиры, держалъ свой оркестръ музыки, домашній театръ съ труппою изъ крѣпостныхъ людей, увеселялъ и удивлялъ губернскую публику своей широкой жизнью, которая ввела въ заблужденіе и нашу тетушку, составившую себѣ преувеличенное понятіе о его состояніи. Вслѣдствіе этого заблужденія случился неожиданный результатъ: княжна Екатерина Васильев-

на Долгорукая, пожелала присоединить богатства помѣщика Кожина къ своему, хотя не особенному, но довольно кругленькому имуществу. Кожинъ же, разстроивъ совершенно свои дѣла, разоренный, — чего никто не подозрѣвалъ, — считая княжну Екатерину Васильевну скупой, богатой женщиной, гораздо богаче нежели она была въ дѣйствительности, желалъ ея состояніемъ поправить свое. Такъ они и поженились, съ строжайшимъ условіемъ съ ея стороны, жить на разныхъ половинахъ и абсолютно въ братскихъ отношеніяхъ; это, въ ихъ пожиломъ возрастѣ, не могло конечно составить особенной жертвы. Кожинъ оказался почти безъ всякихъ средствъ, а супруга, разумѣется, не дала ему ни копѣйки для поправленія оныхъ. Послѣдовало обоюдное разочарованіе. Но, какъ дама съ характеромъ и энергіей, она не упала духомъ и немедленно приняла рѣшительныя мѣры: разогнала музыкантовъ и актеровъ, уничтожила всю роскошную обстановку его прежней жизни, прекратила безвозвратно всѣ увеселительныя продѣлки, прибрала къ рукамъ все, что было возможно и главнѣйшимъ образомъ его самого. Затѣмъ, Кожинъ, недолго насладившись счастіемъ супружеской жизни, поспѣшилъ оставить ее вдовой, о чемъ она нисколько не горевала. Много исторій въ этомъ родѣ разсказывали о Кожиной, что̀ не мѣшало, однако ей быть, по своему, ласковой, привѣтливой, умной, вполнѣ свѣтской и очень пріятной старушкой, хотя въ отношеніи денегъ крайне неподатливой*).

Семейство Долгорукихъ заканчивалось сестрой моей жены, второй дочерью князя Павла Васильевича, Анастасіей Павловной Сушковой, замѣчательно красивой женщиной, извѣстной, въ свое время, въ Москвѣ подъ названіемъ: «La Belle Dolgorouky», мужъ которой былъ большой кутила, игрокъ, и въ то время находился въ отсутствіи, на службѣ въ милиціи.

Много мы съ женою наглядѣлись и наслышались для насъ любопытнаго, забавнаго, а, подъ часъ, и страннаго въ теченіе четырехъ-мѣсячнаго нашего пребыванія въ Знаменскомъ. Во всемъ

---

*) Во второмъ томѣ записокъ Ф. Ф. Вигеля описывается тогдашнее Пензенское общество, и между прочимъ авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ разсказамъ о Е. В. Кожиной, хотя отчасти и юмористическихъ, но тоже и очень сочувственныхъ, благосклонно отзываясь о ея „добрѣйшемъ сердцѣ“, „радушіи“, „оригинальныхъ выходкахъ“. Вигель называетъ ее „*отрадою своей Пензенской жизни*“, что особенно выдѣляетъ Кожину изъ общаго погрома, за малыми исключеніями, которымъ Вигель безпощадно разноситъ это общество.

было какое то смѣшеніе родовой гордости и простоты, остатковъ прежняго величія и богатства и недостатка обыкновеннѣйшихъ предметовъ для удобства жизни. Огромнѣйшій деревянный домъ о сорока комнатахъ съ нѣкоторыми признаками прежней роскоши и боярства, какъ-то: фамильными портретами, образами въ богатыхъ окладахъ и кіотахъ, спалерами и занавѣсами изъ дорогихъ матерій, утратившихъ отъ времени свой первобытный цвѣтъ, и старинной мебелью, когда-то очень цѣнной съ рѣзьбой и инкрустаціями, но тогда уже попорченной и обветшалой. Огромный, заглохшій садъ съ запущенными аллеями и дорожками; громадная дворня, составлявшая едва ли не четверть числа душъ всего имѣнія и въ числѣ ихъ нѣсколько шутовъ, дураковъ и дуръ. Оркестръ музыки изъ дворовыхъ людей, далеко не завидный и хоръ пѣвчихъ тоже очень посредственный. Порядка въ хозяйствѣ и управленіи домомъ и имѣніемъ было почти не замѣтно. Каждый изъ членовъ семейства имѣлъ свои привычки, своеобразности, повѣрія и причуды, хотя они были люди умные, отлично образованные и вполнѣ свѣтскіе. Всѣ они любили хорошо поѣсть и столъ у нихъ былъ прекрасный; повара ихъ, которыхъ было съ дюжину, дѣйствительно могли назваться мастерами своего дѣла и артистами кулинарнаго искусства; на ихъ обученіе обращалось особенное вниманіе. Эта часть хозяйственнаго отдѣла была безупречна.

Насъ очень занимали разсказы родныхъ о прежнемъ, добромъ, старомъ времени, о событіяхъ и превратностяхъ ихъ жизни, о ихъ семейныхъ преданіяхъ, о людяхъ съ историческимъ значеніемъ, близко имъ извѣстныхъ. Много мы узнали новаго, интереснаго, и время проходило для насъ довольно пріятно. Часто пріѣзжали гости, сосѣди по имѣнію и знакомые изъ Пензы.

По окончаніи моего проформеннаго порученія, я возвратился на нѣсколько дней всего въ Нижній, оставивъ Елену Павловну у родныхъ, съ намѣреніемъ выхлопотать себѣ четырехъ-мѣсячный отпускъ, необходимый для устройства моихъ дѣлъ, потомъ, заѣхавъ за нею въ Знаменское, отвезти ее въ Ржищево и самому отправиться вновь въ Петербургъ для попытки добиться, наконецъ, перемѣщенія на какую-либо должность, если не въ самомъ Кіевѣ, то вблизи его, чтобы соединиться и жить вмѣстѣ съ бабушкою жены моей, чего онѣ больше всего желали. Отпускъ мнѣ дали безъ затрудненія. Губернаторъ же, знавши, что я не могъ имѣть о

немъ хорошаго мнѣнія, и что у меня есть связи и знатные родные въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ предлагалъ мнѣ занять какое-то вскорѣ имѣющее открыться по его представленію мѣсто, кажется, управляющаго водяною, судною расправою; присовокупивъ къ тому, что на этомъ мѣстѣ можно получать въ годъ дохода отъ восьми до десяти тысячъ рублей. Но я поблагодарилъ и отказался.

Возвратясь въ Знаменское, мы съ женою, въ началѣ января 1815 года, распрощавшись съ родными, отправились въ Ржищево. Зима была холодная, съ вьюгами и мятелями. Много мы натерпѣлись въ эту дорогу съ маленькимъ груднымъ ребенкомъ. Въ продолженіи дороги лучшее перепутье нашли въ Курскѣ, у отставнаго унтеръ-офицера, служившаго нѣкогда въ полку князя Павла Васильевича и крайне обрадовавшагося случаю оказать гостепріимство его дочери. Въ его маленькомъ, но чистенькомъ домикѣ, мы отдохнули лучше и пріятнѣе, нежели у нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщиковъ.

Пробывъ съ мѣсяцъ у бабушки, я отправился въ Петербургъ. У князей Салтыковыхъ я нашелъ тотъ-же радушный пріемъ и готовность помочь мнѣ, какъ и въ первую поѣздку. Князь Николай Ивановичъ былъ тогда, за отсутствіемъ Государя за границей, первымъ лицомъ въ Петербургѣ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать по два раза каждую недѣлю, и тамъ я встрѣчалъ всю аристократію тогдашняго времени, какъ то: князей Куракиныхъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, графа Маркова и проч. Князь Николай Ивановичъ отрекомендовалъ меня бывшему тогда министру внутреннихъ дѣлъ Осипу Петровичу Козодавлеву. Въ запискахъ Державина сказано, что Козодавлевъ слылъ человѣкомъ довольно тупымъ, но это напрасно; онъ былъ умный и смышленный, но какъ человѣкъ незнатнаго рода и небогатый, то, для своихъ видовъ, поддѣлывался и угождалъ всѣмъ, въ комъ могъ найти покровительство и поддержку, особенно же Аракчееву. Императоръ Александръ Павловичъ не особенно его жаловалъ. По предстательству за меня князя Салтыкова, Козодавлевъ выказалъ всевозможную готовность исполнить его желаніе; чрезъ два мѣсяца я былъ переведенъ и назначенъ членомъ новороссійской конторы иностранныхъ поселенцевъ, находившейся въ Екатеринославѣ. Жалованіе было хотя и небольшое, но все же вдвое противъ нижегородскаго,— 800 руб. въ годъ.

По возвращеніи моемъ въ Ржищево, я съ удовольствіемъ нашелъ, что жена моя и бабушка, хотя были бы довольнѣе, если бы я былъ опредѣленъ въ Кіевъ, но были довольны и Екатеринославомъ, находящимся отъ Ржищева въ разстояніи всего, съ небольшимъ, трехъ-сотъ верстъ, куда можно было перевезти водою, по Днѣпру, все имущество, пожитки и дворовыхъ людей, которыхъ было не мало, душъ до сорока. Рѣшено было, чтобы мнѣ съ Еленою Павловною отправиться прежде однимъ—предварительно осмотрѣться, пріискать къ покупкѣ удобный, просторный домъ, а также небольшое имѣньице по близости отъ Екатеринослава, которое, доставляя всѣ жизненныя потребности для дома, составляло бы подспорье къ небогатымъ средствамъ нашей жизни. А потомъ уже весною переѣхать и бабушкѣ.

Такъ все и было сдѣлано. Домъ съ садомъ мы купили на слѣдующій же годъ по пріѣздѣ; года съ два пріискивали и имѣньице къ покупкѣ, но съ удобствами, какія намъ были нужны, и, по нашимъ средствамъ, не нашли, а потомъ и вовсе раздумали. Для пріисканія имѣньица близъ Екатеринослава, я выѣзжалъ нѣсколько разъ въ мѣста, гдѣ узнавалъ, что они продаются; но сдѣлки съ помѣщиками все какъ-то не удавались. Помню двухъ изъ нихъ, по фамиліи Стараго и Левенца. У перваго была небольшая деревенька на берегу Днѣпра, за 60 верстъ выше Екатеринослава, въ хорошемъ мѣстоположеніи. Старой, человѣкъ простодушный и откровенный, сказалъ мнѣ, что продаетъ деревню единственно по причинѣ дурнаго сосѣда, нѣкоего Сошина, отставнаго и буйнаго гусара, жившаго отъ него всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, который не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью своими собаками, шумомъ и всевозможными безчинствами. Я тотчасъ отъ этой покупки отказался, помня пословицу: «не купи деревню а купи сосѣда». Другой, Левенцъ, тоже въ 60 верстахъ отъ Екатеринослава, въ степи, продавалъ имѣніе свое по частямъ, не имѣя въ томъ ни надобности, ни искренняго желанія продать, а только для того, чтобы заманивать къ себѣ посѣтителей, дѣлать новыя знакомства и узнавать о новостяхъ; цѣны назначалъ непомѣрно высокія. Это былъ человѣкъ достаточный, имѣлъ болѣе пятисотъ душъ крестьянъ и нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли; одинокій, для пріѣзжихъ гостей держалъ порядочное помѣщеніе, а самъ жилъ въ малороссійской хатѣ, но былъ на свой манеръ гастрономъ и

радушный хозяинъ для всякаго гостя. Въ то время въ Новороссійскомъ краѣ водилось много такихъ оригиналовъ въ различныхъ видахъ между помѣщиками.

Новороссійскій край до тѣхъ поръ былъ мнѣ вовсе незнакомъ. Въ это время этотъ край и на половину не былъ такъ заселенъ, какъ теперь. По дорогѣ отъ Кременчуга до Екатеринослава, на протяженіи 140 верстъ, встрѣчалось не болѣе пяти или шести селеній, правда, большихъ, но раскинутыхъ, каждое на шесть или на семь верстъ, со всѣмъ привольемъ для степнаго хозяйства. Во всемъ виднѣлось довольство поселянъ, богатство нивъ, покосовъ и скота.

Екатеринославъ тогда представлялъ (почти такъ же, какъ и теперь *) болѣе видъ какой-то голландской колоніи нежели губернскаго города. Одна главная улица тянулась на нѣсколько верстъ, шириною шаговъ въ двѣсти, такъ что изобиловала просторомъ не только для садовъ и огородовъ, но даже и для пастбища скота на улицѣ, чѣмъ жители пользовались безъ малѣйшаго стѣсненія. На горѣ красовались развалины Екатерининскаго собора и Потемкинскаго дворца. Первому Императрица Екатерина предполагала дать размѣръ собора Св. Петра въ Римѣ, и потому успѣла только положить фундаментъ алтарю; это пространство сдѣлалось впослѣдствіи достаточнымъ для построенія на немъ всего сокращеннаго собора (уже при Императорѣ Николаѣ), а дворецъ воздвигнутъ тоже въ уменьшенномъ противу первоначальнаго плана размѣрѣ. Я засталъ его уже съ поврежденною крышею, безъ оконъ, безъ дверей; одна комната была завалена бумагами, составлявшими Потемкинскій архивъ, при управленіи его Новороссійскимъ краемъ. Никто объ этомъ архивѣ не заботился и даже при дворцѣ не находилось ни одного караульнаго. Я, изъ любопытства, нѣсколько разъ рылся въ этой громадѣ бумагъ и находилъ интересныя черновыя письма, писанныя самимъ княземъ Потемкинымъ къ разнымъ лицамъ, переписку его секретарей съ губернаторами и проч. Черезъ нѣсколько лѣтъ, этой груды бумагъ, въ которой, безъ сомнѣнія, нашлось бы много любопытнаго, уже вовсе тамъ не существовало, а только клочки ихъ валялись, разсѣянные по саду, окружавшему дворецъ.

---

*) По свѣдѣніямъ 1862-го года, нѣсколько улучшился, но немного.

Въ то время, жизненныя потребности были очень дешевы въ этомъ краѣ, особенно въ степныхъ и отдаленныхъ отъ почтовыхъ дорогъ поселеніяхъ, по которымъ я часто проѣзжалъ для обозрѣнія колоній; помню, одинъ разъ, при перемѣнѣ лошадей, у зажиточнаго хуторянина, въ воскресный день, за обѣдъ для меня и человѣка, состоявшій изъ славнаго борща съ пирогами, жареннаго поросенка, каши со сливками и прекраснаго арбуза, съ меня потребовали цѣлый гривенникъ!

Общество въ Екатеринославѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ личностей, было весьма первобытное. Достаточные помѣщики, проживавшіе въ городѣ, были почти всѣ, вышедшіе въ дворянство, или достигшіе значенія по своему состоянію, изъ приказныхъ, откупщиковъ, подрядчиковъ, лакеевъ и всякой челяди Потемкинской и его фаворитовъ, какъ, напримѣръ, Попова, Фалѣева и проч., а нѣкоторые даже изъ цѣловальниковъ (кромѣ губернскаго предводителя дворянства, Димитрія Ларіоновича Алексѣева, человѣка достойнаго и образованнаго, но болѣзненнаго и большого мистика). Обхожденіе многихъ помѣщиковъ съ ихъ крестьянами и дворовыми людьми было самое безчеловѣчное; приведу одинъ примѣръ: сенаторша Б*** сѣкла своихъ людей своеручно до полусмерти, заутюживала своихъ дѣвокъ и проч., и проч. Но что ужъ говорить о подобныхъ жестокостяхъ въ тѣ времена въ провинціяхъ, когда въ 1803-мъ году произошло въ самомъ Петербургѣ слѣдующее происшествіе: одна бѣдная вдова-чиновница, дошла до такой крайности, что, вынужденная необходимостію, заложила свою крѣпостную дѣвушку дворянкѣ, дѣвицѣ Рачинской. Эта Рачинская мучила дѣвушку всякими истязаніями; однажды, она ее тузила до того, что та свалилась безъ дыханія; обморокъ-ли съ нею сдѣлался или лишилась жизни — неизвѣстно. Рачинская испугалась. Чтобы выпутаться изъ бѣды, она рѣшилась ее разрѣзать по частямъ и сжечь въ печкѣ. Надобно знать, что все это она сдѣлала сама, собственноручно, и начала съ того, что распорола животъ, вынула внутренности и бросила въ печь, но такъ какъ печь не топилась, то, засунувъ тѣло подъ кровать, позвала слугу, приказала ему принесть дровъ и затопить печь. Слуга принесъ дрова, началъ класть, почувствовалъ какой-то странный запахъ, оглядѣлся, увидѣлъ кровь; положилъ, однако-же дрова, пошелъ будто-бы за огнемъ, и побѣ-

жалъ дать знать полиціи. Привелъ квартальнаго, обыскали, и нашли трупъ дѣвушки подъ кроватью.

Губернаторомъ тогда въ Екатеринославѣ былъ нѣкто Гладкій, сынъ простого малороссійскаго крестьянина. Выучившись писать и читать, онъ пошелъ въ приказное званіе и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ достигъ губернаторства, посредствомъ угодливости, достигая покровительства начальствующихъ лицъ, начиная отъ секретарей. Чиновничество, почти все, было такого же происхожденія и, разумѣется, раболѣпствовало передъ Гладкимъ. Образъ ихъ жизни былъ самый забулдыжный: карты, обжорство, пьянство, пустая болтовня и сплетни, занимали все ихъ свободное время. Купечество состояло изъ нѣсколькихъ разбогатѣвшихъ, мелкихъ торгашей и цѣловальниковъ, съ примѣсью небольшого числа жидовъ. Для процвѣтанія торговли и города не существовало никакихъ элементовъ; развитіе промышленности могло-бы послѣдовать только съ условіемъ уничтоженія препятствій къ судоходству по Днѣпру, представляемыхъ порогами. Надъ этой задачею трудились болѣе полустолѣтія, потратили много денегъ, принимались производить работы въ разныхъ видахъ, но ничего, кажется, и до сихъ поръ не сдѣлано удовлетворительнаго.

Генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края тогда все еще состоялъ герцогъ де-Ришелье, находившійся (въ 1815-мъ году) на Вѣнскомъ конгрессѣ,— одинъ изъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей и администраторовъ, коихъ въ Россіи и донынѣ насчитывается очень мало. Всему, что въ краѣ есть хорошаго, основаніе было положено имъ; весь край благоговѣлъ къ нему и душевно соболѣзновалъ, когда герцогъ окончательно, и тоже съ большимъ сожалѣніемъ, оставилъ его.

Самой почтенной личностью въ Екатеринославѣ былъ предсѣдатель конторы иностранныхъ колоній, въ которую я тогда поступилъ членомъ,— статскій совѣтникъ Самуилъ Христіановичъ Контеніусъ. Это, несомнѣнно, одинъ изъ достойнѣйшихъ людей, какихъ мнѣ удавалось знать въ теченіе моей жизни, и одинъ изъ немногихъ иностранцевъ, принесшихъ существенную пользу Россіи на томъ служебномъ поприщѣ, которое онъ проходилъ. Сынъ бѣднаго вестфальскаго пастора, окончивъ свое образованіе въ университетѣ, онъ пріѣхалъ въ молодыхъ лѣтахъ въ Россію, опредѣлился учителемъ въ одномъ знатномъ домѣ, потомъ служилъ по дипломатиче-

ской части и съ 1799-го года управлялъ Новороссійскими колоніями *). Неутомимо и съ безпредѣльнымъ терпѣніемъ онъ трудился надъ устройствомъ и благосостояніемъ этихъ колоній и, сколько было это возможно при тѣхъ препятствіяхъ, какія онъ встрѣчалъ, достигъ вполнѣ своей цѣли. Онъ былъ другомъ герцога де-Ришелье и покойнаго сенатора Габлица, извѣстнаго своею примѣрною, въ свое время, службою, которою много принесъ пользы; огромныя кипы ихъ писемъ къ нему, въ коихъ много поучительнаго и интереснаго, Контеніусъ оставилъ мнѣ, и онѣ до сихъ поръ хранятся у меня. Замѣчательнымъ служеніемъ своимъ онъ обратилъ на себя вниманіе и пользовался особеннымъ благоволеніемъ Императора Александра I. Скончался въ 1830 году, любимый и уважаемый всѣми достойными людьми, его знавшими, въ глубокой старости, на рукахъ жены моей, закрывшей ему глаза **). Онъ любилъ наше семейство и дѣлалъ мнѣ, сколько могъ, добра; особенно же принесъ мнѣ пользу примѣромъ своей образцовой жизни и служебной дѣятельности.

Что сказать о прочихъ сослуживцахъ? За небольшимъ исключеніемъ, это были люди, изъ коихъ только лучшіе имѣли нѣкоторый лоскъ образованности, но и тѣ не имѣли никакихъ достоинствъ; почти всѣ они были пустѣйшіе люди, большіе антагонисты Контеніуса, завидовавшіе ему и поставлявшіе ему всевозможныя преграды въ его дѣйствіяхъ на пользу общую.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о духовной іерархіи. Епархіальнымъ архіереемъ былъ въ то время тамъ архіепископъ Іовъ; замѣчательный человѣкъ, не по своимъ архипастырскимъ добродѣтелямъ, а по оригинальности своихъ похожденій. Происхожденіемъ Смоленскій дворянинъ, по фамиліи Потемкинъ, род-

*) Такъ говорилъ онъ самъ о своемъ происхожденіи, но общій голосъ утверждалъ, что онъ изъ эмигрантовъ и гораздо высшаго происхожденія, которое тщательно скрывалъ; что жизнь его до пріѣзда въ Россію была непроницаемой тайной и что, вообще, онъ былъ совсѣмъ не то лицо, за которое себя выдавалъ. Впослѣдствіи, да и тогда уже, многіе авантюристы выдавали себя за французскаго дофина Людовика XVII, но Контеніуса невозможно было причислить къ ихъ сонму, такъ какъ онъ еще при жизни дофина, въ 1790-хъ годахъ, уже взрослымъ человѣкомъ находился въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, общественное мнѣніе облекало добраго Контеніуса таинственнымъ покровомъ, которому не совсѣмъ не довѣрялъ и самъ Андрей Михайловичъ.

**) Подробности о кончинѣ его и особенномъ обстоятельствѣ, сопровождавшемъ ее, находятся далѣе, когда записки доходятъ до 1830 года — года смерти Контеніуса.

ственникъ свѣтлѣйшаго князя, въ молодости находился въ военной службѣ, былъ лихимъ кавалеристомъ, большимъ шалуномъ, дрался на дуэли, убилъ одного изъ своихъ сослуживцевъ и, вынужденный по этому случаю бѣжать, скрылся въ Молдавію и постригся въ монахи. Проживалъ тамъ въ какомъ то монастырѣ, въ горахъ, довольно долгое время. Когда же узналъ о возвышеніи своего родственника на степень фаворита Императрицы, и когда уже этотъ послѣдній предводительствовалъ арміею на турецкой границѣ, то Іовъ ушелъ изъ монастыря и явился къ Потемкину, который его милостиво принялъ подъ свое покровительство. Вскорѣ получилъ повышеніе въ санъ архимандрита, а затѣмъ назначенъ и викарнымъ архіереемъ во вновь устроенную Екатеринославскую епархію. Впослѣдствіи переведенъ въ Минскъ, гдѣ въ проѣздъ Императора Павла, не взирая на его родство съ княземъ Потемкинымъ, ненавидимымъ Государемъ, понравился ему своимъ служеніемъ; и дѣйствительно, это служеніе гораздо больше походило на военную экзерцицію, нежели на богослуженіе. Всякій шагъ, всякое движеніе духовенства было опредѣлено по темпамъ, съ неминуемымъ и немедленнымъ слѣдованіемъ наказанія за малѣйшее нарушеніе установленнаго порядка, иногда тутъ же, въ церкви, пощечинами и толчками изъ рукъ самого архипастыря. Онъ получилъ тогда отъ Императора Павла Александровскую ленту. Оставался еще довольно долго въ Минскѣ и въ 1811 году переведенъ въ Екатеринославъ уже архіепископомъ. Образъ его жизни былъ самый аскетическій; постничалъ до изнеможенія, но въ то же время дрался своеручно съ своими мелкими подчиненными и прислужниками; скряжничалъ и копилъ деньги, которыя раздавалъ въ займы, часто безвозвратно, высокопоставленнымъ лицамъ изъ знатной аристократіи, дабы пріобрѣсть ихъ пріязнь и поддержать расположеніе, а бѣдныхъ прогонялъ отъ себя. Внутри дома велъ жизнь отшельническую, но внѣ его щеголялъ богатыми рясами, экипажами и дорогими лошадьми, о коихъ больше заботился, чѣмъ о своей паствѣ.

Въ противоположность ему, въ семинаріи былъ намѣстникомъ и, кажется, потомъ ректоромъ, архимандритъ Макарій, истинный монахъ, исполненный христіанскихъ добродѣтелей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокихъ познаній. Разумѣется, что двѣ такія разнокачественныя личности не могли долго вмѣстѣ ужиться; Макарія вскорѣ

перевели (кажется, въ Алтайскую миссію), а Іовъ остался въ Екатеринославѣ, гдѣ и пребывалъ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1821 году. Воспоминаніе онъ оставилъ о себѣ въ паствѣ своей только своими причудами, а у духовенства—непомѣрной строгостью и побоями.

Скажу теперь нѣсколько словъ о моемъ новомъ родѣ службы; мнѣ, конечно, пріятнѣе было находиться и заниматься въ этой службѣ, нежели въ Нижегородскомъ губернскомъ правленіи; меньше крючкотворства и взяточничества, но безполезнаго бумагомаранія, формальности и безпорядковъ, особенно въ ходѣ веденія счетоводства, также оказывалось довольно. Главный предметъ отдѣльнаго управленія надъ колоніями—устройство переселенцевъ и введеніе между ними разныхъ новыхъ въ краѣ отраслей хозяйства, краю свойственныхъ, былъ отъ вѣдомства конторы отдѣленъ и порученъ въ непосредственное завѣдываніе и управленіе Контеніусу, который отъ занятій бюрократіей въ конторѣ, по его настоянію, прежде еще герцогомъ Ришелье совершенно освобожденъ. Это благоразумное распоряженіе дало почтенному старику возможность оказать содѣйсвтіе въ благоустройствѣ нѣмецкихъ колоній, вполнѣ въ той мѣрѣ, во сколько это, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, было возможно.

Колоніи, находившіяся въ завѣдываніи Новороссійской конторы иностранныхъ поселенцевъ во всѣхъ губерніяхъ Новороссійскаго края (Екатеринославской, Таврической и Херсонской) были трехъ родовъ: нѣмецкія, которыя подраздѣлялись, по ихъ вѣроисповѣданіямъ, на менонистовъ и нѣмецкихъ переселенцевъ лютеранскаго и католическаго вѣроисповѣданія. Это различіе въ вѣроисповѣданіяхъ имѣло вліяніе и на различіе ихъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ; менонисты были лучшей нравственности, единодушнѣе, болѣе любившіе порядокъ, нежели всѣ прочіе нѣмецкіе колонисты, а потому и болѣе расположены къ устройству во всѣхъ хозяйственныхъ видахъ. Затѣмъ слѣдовали колоніи болгарскія, еврейскія и русскія. Послѣднія поручались завѣдыванію колонистскаго управленія, только на время льготы, отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, до приведенія ихъ въ устройство.

Переселеніе менонистовъ въ Новороссійскій край, начавшееся еще при Императрицѣ Екатеринѣ, въ 1787 году, возобновилось и продолжалось во все царствованіе Императора Александра I. Всѣ

они переселились изъ прусскихъ владѣній. Водвореніе ихъ сосредоточивалось въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ, на Молочныхъ водахъ, а кромѣ того, одна колонія изъ ихъ же единомышленниковъ, гернъ-гутеровъ, находилась въ Черниговской губерніи (о ней будетъ сказано ниже); прочіе нѣмецкіе колонисты вышли изъ всѣхъ странъ Германіи, почти всѣ въ большой бѣдности, мало изъ нихъ было порядочныхъ хозяевъ, и нѣкоторое улучшеніе между ними оказалось въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Вообще, въ послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ, много было писано въ нашихъ журналахъ о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи. Преобладающее мнѣніе заключалось въ томъ, что основаніе и распространеніе нѣмецкихъ колоній въ Россіи, составляло ошибку правительства, такъ какъ этимъ нанесенъ ущербъ русскимъ земледѣльцамъ, лишивъ ихъ, при размноженіи народонаселенія, простора къ переселенію. Съ этимъ мнѣніемъ едва-ли можно согласиться. Если въ финансовомъ отношеніи, по причинѣ данныхъ переселенцамъ большихъ льготъ (осбенно менонистамъ), правительство и не имѣетъ отъ ихъ водворенія прямыхъ выгодъ, то взамѣнъ того, введеніемъ разныхъ отраслей хозяйства и промышленности и самымъ примѣромъ хозяйственнаго ихъ устройства, нѣмецкіе колонисты для Россіи не безполезны. Ихъ примѣръ, сколько ни спорятъ о томъ, хотя и медленно, но имѣетъ вліяніе не только на русскихъ поселянъ, но даже и на магометанскихъ. Это доказали и ногайцы въ Крыму, и татары въ Закавказскомъ краѣ, перенявъ у нѣмцевъ повозки, посѣвы картофеля, а въ иныхъ мѣстахъ даже лучшій образъ построенія домовъ. По обширности же Россіи, занятіе колонистами около двухъ милліоновъ десятинъ земли, не составляетъ еще значительнаго уменьшенія средствъ къ надѣленію землями потомства туземныхъ поселянъ. Но правительство поступило весьма благоразумно, исключивъ въ послѣднее время изъ числа льготъ, даруемыхъ иностраннымъ переселенцамъ, освобожденіе отъ военной повинности. Это преимущество возбуждало главнѣйшее сѣтованіе сосѣднихъ съ нѣмецкими колонистами русскихъ поселянъ.

Болгары начали передвигаться въ Россію еще съ 1803-го года, и водворены, большею частью, въ окружностяхъ Одессы и Бессарабіи. Это народъ трудолюбивый, хорошей нравственности, но существенно, по крайней мѣрѣ, въ первыя десятки лѣтъ поселенія ихъ въ Россіи, они мало были полезны, потому что, хотя и произво-

дили много пшеницы, имѣвшей въ то время въ нашихъ портахъ на Черномъ морѣ большую цѣнность, но или зарывали выручаемыя деньги въ землю, или уходили обратно въ Турцію, не улучшая нисколько ни своего образа жизни, ни хозяйства.

Еврейскія колоніи также были основаны въ Херсонской губерніи. Поводомъ къ тому послужило желаніе правительства уменьшить ихъ вредную многочисленность въ нашихъ польскихъ провинціяхъ и направить ихъ дѣятельность къ полезнѣйшему труду. Но въ возможности къ достиженію этой послѣдней цѣли, правительство, кажется, совершенно ошиблось. Евреи поселились, за небольшими исключеніями, вовсе не съ намѣреніемъ предаться новому труду, но единственно для того только, чтобы воспользоваться льготами и продолжать свой прежній образъ жизни и занятій, находя выгодный источникъ къ пропитанію и наживѣ въ отдачѣ надѣленныхъ имъ въ изобиліи земель, въ наймы русскимъ сосѣднимъ поселянамъ, которымъ наносили много вреда обманами, плутовствомъ и всевозможными ухищреніями.

Русскіе переселенцы, вышедшіе изъ Смоленской губерніи, переведены по причинѣ крайней скудости у нихъ земель; также бѣлоруссы Могилевской губерніи, выведенные изъ бобылецкаго старостра, по распоряженію графа Аракчеева, чтобы очистить это староство для военныхъ поселеній. Ихъ водворили около Николаева, на совершенно безводной и безплодной степи. Они находились, до самаго моего выѣзда изъ Новороссійскаго края, въ самомъ жалкомъ состояніи.

Наконецъ, не излишнимъ считаю упомянуть о фантастическихъ колоніяхъ въ Екатеринославской губерніи, около Маріуполя, которыя вздумалъ основать покойный князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, въ пылу разгара своихъ благочестивыхъ стремленій. Онъ вообразилъ, что будетъ очень душеспасительно и полезно основать общество *израильскихъ христіанъ*. Для этой цѣли поспѣшили отвести близъ Азовскаго моря 24 тысячи десятинъ самой лучшей, плодоносной земли; тамъ онъ предположилъ водворять обращающихся въ православіе евреевъ. Имъ были предназначены большія льготы, былъ назначенъ управляющій надъ ними съ большимъ содержаніемъ. Слишкомъ двадцать лѣтъ эта земля, въ ожиданіи обитателей изъ погибшихъ, но возвратившихся на путь

истины сыновъ Израиля, оставалась впустѣ. Казна издержала многіе десятки тысячъ рублей на содержаніе управленія, но переселенцевъ въ двадцать лѣтъ, нашлось только одно семейство, да и то изъ спекуляціи, чтобы торговать землею. Только въ тридцатыхъ годахъ земля была снова возвращена въ казенное вѣдомство, и неудававшееся предпріятіе окончательно разрушилось.

Конецъ 1815-го года я провелъ въ ознакомленіи съ моими новыми служебными занятіями. Съ этого же года, къ несчастію, начало разстраиваться до тѣхъ поръ цвѣтущее здоровье жены моей; хотя слегка и изрѣдка, но постепенно развиваясь, расположеніе къ болѣзненнымъ явленіямъ все сильнѣе укоренялось въ ея организмѣ. Главная причина этого, заключалась въ ея излишней самонадѣянности на свое крѣпкое сложеніе; она не берегла своего здоровья, никогда не принимала никакихъ предосторожностей, не заботилась о предохраненіи себя отъ вредныхъ вліяній, и сколько же за то она бѣдная страдала въ продолженіи сорока пяти лѣтъ! Всѣ предостереженія доктора Карла Ивановича Роде, жившаго тогда въ Екатеринославѣ, и оставившаго по себѣ память своимъ искусствомъ и безкорыстною готовностью на помощь страждущимъ, не принесли пользы. Роде былъ человѣкъ замѣчательный. Почти въ теченіе полувѣка онъ благодѣтельствовалъ страждущему человѣчеству, и самъ, хотя весьма не богатый, лечилъ всѣхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, безвозмездно, а бѣдныхъ снабжалъ отъ себя лекарствами и всякими пособіями, и никому ни въ какое время дня и ночи, не отказывалъ въ своей помощи. Послѣ того мнѣ никогда не случалось встрѣчать такого добродѣтельнаго и благодѣтельнаго врача.

Съ 1816 года начались мои путешествія по колоніямъ. Первое мое обозрѣніе было направлено въ Черниговскую губернію, въ колонію Радичево. Эта колонія состояла изъ братства, подобнаго сарептскимъ гернгутерамъ, только съ той разницею, что послѣдователи этой секты должны были жить *едино-семейственно*, подобно христіанамъ первыхъ вѣковъ церкви. Они клятвенно отрекались отъ всякой частной собственности, предаваясь совершенно своему обществу, обращая всѣ плоды трудовъ своихъ и пріобрѣтеній, какого бы рода они ни были, въ общее имущество братства, и пользуясь уже отъ него всѣмъ необходимымъ къ содержанію каждаго съ семействомъ своимъ. Предки этихъ сектантовъ были тирольцы. По при-

чинѣ притѣсненій за вѣру они переселились сначала въ Валахію, а потомъ, въ 1772 году, по убѣжденію фельдмаршала Румянцова-Задунайскаго, перешли въ Россію, на земли, ему принадлежавшія въ Черниговской губерніи, при имѣніи его Вишенкахъ. Въ 1799 году, по ихъ желанію, они переселены на казенныя земли на рѣкѣ Деснѣ, находившіяся вблизи отъ имѣнія графа Румянцова. Въ продолженіи почти двадцати лѣтъ они, въ числѣ до пятидесяти семействъ, жили тамъ очень хорошо, составляя замѣчательную общину по устройству и благосостоянію. Я любовался этою колоніею въ 1816 году, по ея оригинальной организаціи. Старшиною у нихъ тогда былъ восьмидесятилѣтній старецъ Вальднеръ, съ предлинною, сѣдою бородою, осанистый, весьма благочестивый, но только большой фанатикъ, убѣжденный душою, что лишь при этомъ образѣ жизни можетъ существовать истинное христіанство. Но сѣмя раздора и стремленіе къ независимой жизни, частными хозяйствами, уже возникало; не далѣе какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, половина колонистовъ переселилась на Молочныя воды, въ сожительство къ менонистамъ, остальные же, хотя и остались на прежнемъ мѣстѣ жительства, но также отдѣльными семействами и съ раздѣленіемъ земли по числу ихъ. Теперь, кажется, нѣтъ уже и слѣда у нихъ прежняго образа жизни.

Лѣтомъ того же 1816-го года я въ первый разъ сопутствовалъ Контеніусу для обозрѣнія ближайшихъ къ Екатеринославу колоній и на Молочныя воды. Тогда я впервые узналъ административныя способности, терпѣніе и благонамѣренность этого почтеннаго человѣка. Въ то время, главнѣйшее его вниманіе по устройству колоній было обращено на основаніе и распространеніе въ нихъ испанскаго овцеводства, шелководства и садоводства. При терпѣніи и настойчивости онъ, наконецъ, достигъ того, что испанское (употребительнѣе: «шпанское») овцеводство составило и составляетъ главный источникъ благосостоянія нѣмецкихъ поселенцевъ во всей Екатеринославской губерніи и во всей степной части Таврической. Шелководство также служило и служитъ подспорьемъ благосостоянія колонистовъ нѣкоторыхъ изъ колоній этихъ двухъ губерній. Иныя колоніи (какъ, напримѣръ, Іозефсталь, близъ Екатеринослава) постоянно уплачивали всѣ подати, на нихъ лежащія, доходами отъ этой отрасли хозяйства. Но доходы, конечно, не могли быть столь значительны какъ отъ

испанскаго овцеводства, и самое распространеніе шелководства не могло быть настолько всемѣстно и прибыльно, по причинѣ часто бывающихъ въ Новороссійскомъ краѣ морозовъ и засухъ. Что касается до садоводства, то оно, въ частности, довольно прибыльно въ Молочанскихъ колоніяхъ, гдѣ, также по старанію и убѣжденіямъ Контеніуса, разведены и лѣсныя плантаціи, столь полезныя въ степныхъ мѣстахъ, отдѣльныхъ отъ участковъ заселенія. Кстати о садоводствѣ: считаю нелишнимъ упомянуть, что улучшенію и распространенію этой отрасли хозяйства въ Новороссійскомъ краѣ много содѣйствовалъ Контеніусъ тѣмъ, что, по убѣжденію герцога де-Ришелье, принялъ въ свое непосредственное завѣдываніе Екатеринославскій городской садъ. Подъ этотъ садъ (еще, кажется, при Потемкинѣ) занято среди города обширное пространство, съ предназначеніемъ быть разсадникомъ садоводства въ губерніи. Но въ продолженіи пятнадцати лѣтъ для достиженія этой цѣли ровно ничего не сдѣлано. Только лишь съ поступленіемъ сада въ завѣдываніе Контеніуса были приняты надлежащія мѣры къ тому, и въ слѣдующія пятнадцать лѣтъ, благоразумными распоряженіями и неусыпными попеченіями его, цѣль эта была вполнѣ достигнута. Не только въ Екатеринославской губерніи, но частію въ Херсонской, на Молочанскихъ водахъ въ Таврической, и у помѣщиковъ, и поселянъ, и въ городахъ, вновь устраиваемые сады наполнились деревцами и прививками всѣхъ родовъ изъ Екатеринославскаго сада. Многіе изъ жителей, распространеніемъ и улучшеніемъ своихъ садовъ, улучшили и свое состояніе. Для систематическаго направленія устройства этого сада, былъ учрежденъ особый комитетъ, называвшійся «помологическимъ», въ которомъ и я состоялъ членомъ. Не много я могъ принести ему пользы и, однако же, за участіе въ этомъ дѣлѣ получилъ въ 1834-мъ году корону на орденъ Св. Анны 2-ой ст. По моемъ выѣздѣ изъ Екатеринослава, этотъ садъ уничтожился обращеніемъ его въ казенную оброчную статью; но цѣль его заведенія достигла своего предначертанія. Садъ этотъ былъ постоянною и любимою прогулкою моею и жены моей во все время пребыванія нашего въ Екатеринославѣ.

Осенью того же года, я въ первый разъ отправился въ Крымъ. Крымъ составлялъ любимую мечту Елены Павловны. Побывать въ Крыму, проѣхаться по южному берегу, было съ дѣтства страстнымъ желаніемъ ея. Она столько наслышалась о красотахъ его природы

отъ бабушки своей, которая провела тамъ все время войны 1770-хъ годовъ, сопровождая мужа своего, покойнаго де-Бандре, командовавшаго частью войскъ дѣйствовавшаго отряда. Теперь представился случай исполниться ея желанію, она рѣшилась воспользоваться имъ и сопутствовать мнѣ въ этой поѣздкѣ. Мы и поѣхали вмѣстѣ. Путь нашъ мы направили на Молочанскія колоніи, а отъ нихъ, ближайшей дорогою, въ Крымъ, по Чумацкому тракту, черезъ Геническій проливъ и Арбатскую стрѣлку. Эта стрѣлка, образующая узкую полосу земли между Азовскимъ и Гнилымъ морями, длиною въ 110 верстъ, а шириною отъ 200 саженъ до двухъ верстъ, состоитъ, большею частью, изъ безплодной, песчанной земли, возвышающейся надъ уровнемъ морей весьма не много, такъ что во время сильныхъ вѣтровъ волны плещутъ на самую дорогу. Но на ней встрѣчаются хорошія пастбища и въ трехъ мѣстахъ здоровая ключевая вода. Въ этихъ-то оазисахъ и устроены хутора для пристанища проѣзжающихъ во время бурь и непогоды.

Два изъ такихъ хуторовъ были обитаемы въ то время замѣчательными личностями. Владѣлецъ одного изъ нихъ, полковникъ Тревогинъ, храбрый офицеръ, обвѣшанный крестами, изувѣченный ранами, бывшій нѣкогда любимецъ Суворова, подъ конецъ своего военнаго поприща былъ комендантомъ въ Ѳеодосіи, но соскучившись гарнизонною службою, вышелъ въ отставку съ небольшою пенсіею и избралъ себѣ мѣстомъ жительства одинъ изъ этихъ хуторовъ. Построилъ себѣ домикъ, завелъ хозяйство и считалъ себя совершенно счастливымъ человѣкомъ. Тогда по этой дорогѣ, кромѣ чумаковъ, проѣзжающіе появлялись очень рѣдко, и потому Тревогинъ радовался каждому проѣзжему, принималъ всякаго съ радушіемъ и гостепріимствомъ, только отъ нихъ и узнавалъ, что̀ дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ. Другой жилецъ на Стрѣлкѣ заслуживалъ вниманіе не менѣе полковника Тревогина. Это былъ старикъ, малороссійскій казакъ, зашедшій въ Ѳеодосію еще въ царствованіе Екатерины, занявшійся тамъ чумачествомъ и торговлею хлѣбомъ и нажившій порядочное состояніе. Когда въ 1812 году состоялся обнародованный манифестъ о вторженіи французовъ и призывы всѣхъ на пособіе и защиту отечества, этотъ старикъ явился къ коменданту и объявилъ, что и онъ жертвуетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ тысячъ рублей денегъ, нѣсколькихъ сотъ четвертей пшеницы и нѣсколькихъ десятковъ

паръ воловъ, и идетъ сражаться съ врагомъ самъ съ тремя своими взрослыми сыновьями. Предложеніе было принято. Онъ сдалъ имущество въ казну и отправился на войну съ тремя сыновями; двое изъ нихъ были убиты, а съ оставшимся въ живыхъ сыномъ, по окончаніи войны, онъ возвратился ни съ чѣмъ. Изъ состраданія къ нему, ему предоставили поселиться на одномъ изъ хуторовъ на Стрѣлкѣ, гдѣ онъ проживалъ въ большой бѣдности. Къ счастію его, на второй годъ его переселенія на хуторъ, проѣзжалъ чрезъ Стрѣлку изъ Россіи на южный берегъ, тогдашній государственный контролеръ, баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ, въ свое время замѣчательный государственный человѣкъ, извѣстный по своимъ познаніямъ и патріотизму, но во многомъ оригинальный и своеобразный. Онъ отпросился у Государя въ отпускъ для ознакомленія съ Россіею и для лучшаго въ томъ успѣха ѣхалъ всю дорогу на долгихъ. Проѣзжалъ онъ чрезъ Стрѣлку въ октябрѣ; тамъ его застала бурная, ненастная осенняя ночь, и онъ обрадовался случаю найти отъ нея убѣжище въ хижинѣ чумака. Разговорился съ нимъ; казакъ, смышленный и въ своемъ родѣ краснорѣчивый старикъ, разсказалъ ему всѣ событія своей жизни и настоящее свое бѣдственное положеніе. Баронъ записалъ у себя объ этомъ, сказалъ, что будетъ ходатайствовать о немъ у Государя, но что онъ лучше всего сдѣлаетъ, если найдетъ средство какъ нибудь, въ слѣдующемъ году, самъ добраться до Петербурга, явиться къ нему, и онъ постарается его и представить лично Государю. Чумакъ такъ и сдѣлалъ. Пробрался кое-какъ въ Петербургъ и явился къ барону Кампенгаузену, который, доложивъ о немъ Государю, попросилъ дозволенія его представить. Государь позволилъ. Чумакъ, человѣкъ находчивый, не оробѣлъ; упалъ въ ноги Государю и смѣло разсказалъ всю свою исторію. О правдивости его разсказовъ баронъ удостовѣрилъ, убѣдившись въ томъ разспросами и справками въ бытность свою въ Крыму. Государь прежде всего надѣлъ на старика золотую медаль и спросилъ, чего онъ хочетъ за свое примѣрное самоотверженіе во время войны. Чумакъ прямо попросилъ, чтобы ему отдали Арбатскую Стрѣлку, какъ никому ненужную и безполезную. Баронъ Кампенгаузенъ заявилъ, что это едвали возможно, ибо хотя Стрѣлка теперь пустое и безплодное пространство, но впослѣдствіи можетъ очень пригодиться для свободнаго солевозничества. Ему дали денегъ на обратный путь и приказали

явиться къ тогдашнему Таврическому губернатору Бороздину, предписавъ этому послѣднему сообразить, можно ли просьбу чумака привести въ исполненіе безъ вреда общественному интересу. Исполнить его просьбу дѣйствительно было можно съ извѣстными условіями о нестѣсненіи солевознаго промысла. Но Бороздинъ состоялъ губернаторомъ только по имени, а всѣми дѣлами заправлялъ у него его секретарь У. *) который долго водилъ чумака за носъ, въ ожиданіи отъ него хорошей подачки. Старикъ, наконецъ, соскучился и сказалъ Бороздину: — «Э! Мабудь правда пословыця,— *що Царь жалуе, а псарь не жалуе!*» Затѣмъ, отвѣтъ послѣдовалъ въ Петербургъ отрицательный. Бѣдный чумакъ остался бы ни при чемъ, если бы, какъ кажется, не вошелъ въ его положеніе графъ Воронцовъ, по назначеніи своемъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ; по крайней мѣрѣ тогда только казаку, наконецъ, пожаловали пятьсотъ десятинъ въ Перекопской степи и тѣмъ увѣнчались его многолѣтнія мытарства.

Окончивъ служебныя дѣла въ Крыму, я отправился съ женою путешествовать чрезъ Бахчисарай и Севастополь по южному берегу. Проѣзжей, экипажной дороги тогда тамъ вовсе не существовало. Елена Павловна верхомъ не ѣздила, да и я всегда былъ плохой верховой ѣздокъ. Погода тогда стояла, какъ и обыкновенно на южномъ берегу въ октябрѣ, прекрасная, и потому мы рѣшились вояжировать пѣшкомъ, à petites journées, и прошли пространство отъ Георгіевскаго монастыря, чрезъ Байдары, Балаклаву и т. д. по берегу моря до Судака, верстъ 150, въ десять дней. Странствованіе наше было весьма пріятное и даже съ комфортомъ, потому что обѣды и ночлеги мы имѣли почти всегда у жителей южнаго берега, изъ образованныхъ европейцевъ. Помню изъ нихъ сенатора Андрея Михайловича Бороздина (о которомъ говорилъ выше), бывшаго до тѣхъ поръ губернаторомъ въ Крыму, человѣка извѣстнаго по образованію и даже учености. Онъ воспитывался въ Англіи, въ Кембриджскомъ университетѣ, имѣлъ дипломъ на доктора медицины и писалъ рецепты, занимаясь леченіемъ больныхъ; но былъ плохой губернаторъ, какъ это часто случается съ учеными. Помню также Петра Васильевича Капниста (брата извѣстнаго писателя), почтеннаго, добраго старика, но большаго чудака. Въ молодости онъ слылъ большимъ кутилою, убилъ на дуэли одного гвардейскаго офицера и, избѣгая наказанія, ушелъ за границу, вояжи-

*) Уманецъ.

ровалъ долгое время по всей Европѣ, а возвратясь наконецъ въ Россію, купилъ на берегу Чернаго моря небольшой участокъ земли, построилъ тамъ уютный домикъ, устроилъ садъ и жилъ совершеннымъ анахоретомъ; ходилъ каждый день пѣшкомъ верстъ по двадцати и болѣе и считался благотворителемъ всѣхъ бѣдныхъ въ окружности, которымъ помогалъ по мѣрѣ возможности. Тогда же я познакомился съ академикомъ Кеппеномъ, человѣкомъ умнымъ, ученымъ и добрымъ. Съ нимъ я сохранилъ навсегда пріятельскія отношенія, равно какъ и съ извѣстнымъ нашимъ ботаникомъ Штевеномъ, директоромъ тогда еще только заводившагося Никитскаго сада; а въ Судакѣ—съ барономъ Боде.

Южный берегъ Крыма тогда еще не представлялъ взору путешественника ни роскошныхъ дворцовъ, ни великолѣпныхъ садовъ, какіе устроились тамъ впослѣдствіи; но зато, въ моихъ глазахъ, онъ выигрывалъ въ своемъ натуральномъ, первобытномъ видѣ; я находилъ его несравненно интереснѣе при его дикости, простотѣ и безъискусственныхъ тропинкахъ, доступныхъ въ то время только для пѣшеходовъ, а верхомъ еще не вездѣ можно было проѣхать безъ труда и опасности. Впрочемъ, напрасно иные критикуютъ покойнаго князя Воронцова*) за устройство по южному берегу шоссе. Я думаю, что устраивать лучшія дороги въ Крыму, или гдѣ-бы то ни было въ Россіи, и теперь, а особенно тогда, всегда и вездѣ полезно.

Шоссе по южному берегу во многомъ оживило его, умножило число русскихъ помѣщиковъ и содѣйствовало улучшенію состоянія поселянъ. А что по выбытіи князя Воронцова шоссе разстроилось —это уже не его вина!

На берегу Судака тогда еще существовали остатки генуэзскихъ стѣнъ и башенъ, украшавшихъ эту живописную мѣстность. Вблизи ихъ находилась небольшая нѣмецкая колонія, въ которой мы провели нѣсколько дней, а въ послѣдующія наши посѣщенія Крыма мы проживали въ ней иногда по нѣскольку недѣль, въ пріятномъ обществѣ Капниста, барона Боде съ семействомъ и одного англичанина Юнга, сына знаменитаго англійскаго агронома Артура Юнга. Этотъ крымскій Юнгъ былъ человѣкъ съ большими познаніями, но, такъ же, какъ и многіе его соотечественники, своего рода чудакъ.

*) Отечественныя записки, Апрѣль 1862-го года, „Записки о Кавказѣ“ Скарятина.

Поселившись въ Судацкой долинѣ, онъ купилъ участокъ земли съ виноградным садомъ, не съ той цѣлью, чтобы улучшить винодѣліе, заниматься имъ и производить вино, а для того, чтобы откармливать виноградными выжимками отличной породы свиней; убилъ на это многія тысячи рублей и, увидѣвъ, что въ Крыму такое дѣло не даетъ ожидаемыхъ доходовъ, продалъ за безцѣнокъ свое заведеніе и уѣхалъ въ Англію.

Мы возвратились въ Екатеринославъ тѣмъ же путемъ, чрезъ Молочанскія колоніи. Въ этихъ колоніяхъ, въ продолженіи двадцати лѣтъ я часто съ удовольствіемъ проводилъ время у добрыхъ менонистовъ и любовался возростающимъ благосостояніемъ и устройствомъ ихъ; часто проживалъ у нихъ по недѣлямъ и болѣе, при начальномъ основаніи обзаведеній, домовъ, хозяйственныхъ построекъ въ ихъ блокгаузенахъ; что уподоблялось основанію новыхъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, судя по описаніямъ.

Въ маѣ этого 1816 года произошло въ Екатеринославѣ знаменитое для него событіе — проѣздъ Великаго Князя Николая Павловича, совершавшаго свое путешествіе по Россіи. Много было хлопотъ и комическихъ продѣлокъ въ приготовленіяхъ дворянства, гражданства и чиновничества къ принятію высокаго гостя. Одинъ курьезный случай остался у меня въ памяти. Губернаторъ Гладкій незадолго до того былъ отставленъ, и губерніею правилъ вице-губернаторъ Елчаниновъ, человѣкъ недальній и взбалмошный. Тогда въ Екатеринославѣ собора еще не было, такъ какъ основанный Императрицею Екатериною состоялъ лишь изъ одного фундамента, и то далеко не оконченнаго, а были всего двѣ деревянныя церкви, изъ которыхъ одна старая и ветхая замѣняла соборъ. Архіерей Іовъ предпочиталъ другую церковь, казавшуюся на видъ нѣсколько благовиднѣе и чаще въ ней служилъ, не смотря на то, что она находилась въ противоположной части города. Архіерей, — какъ онъ потомъ разсказывалъ, — неоднократно говорилъ Елчанинову, чтобы онъ отъ берега Днѣпра провезъ Великаго Князя въ эту церковь, но вице-губернаторъ въ суматохахъ и попыхахъ, вѣроятно, забылъ объ этомъ и когда при встрѣчѣ Великаго Князя на берегу Днѣпра, по переправѣ, на вопросъ Елчанинова: «куда Его Высочество прикажетъ везти себя», — послѣдовалъ отвѣтъ: «въ соборъ», — то Елчаниновъ и поѣхалъ на дрожкахъ предъ экипажемъ Великаго Князя въ старый соборъ. Это происходило уже поздно

вечеромъ, было темно, грязно, шелъ дождь. Великій Князь сильно усталъ отъ дороги. Подъѣхавъ къ церкви, нашли ее запертою; изъ духовенства ни души, да и вообще никого и встрѣчи никакой. Все пусто и мрачно. Все духовенство, публика, народъ, ожидали въ другой церкви, находившейся оттуда болѣе чѣмъ за версту. Елчаниновъ, растерявшись окончательно, послалъ разыскивать духовенство по ихъ домамъ. Время проходило, ждали очень долго, наконецъ, узнавъ въ чемъ дѣло, вице-губернаторъ доложилъ, что архіерей ожидаетъ въ другой церкви. Великій Князь, потерявъ терпѣніе, отвѣчалъ: «я хотѣлъ помолиться Богу, а не видѣть архіерея»,— иприказалъ везти себя на квартиру. Архіерей, взбѣшенный до крайности, прождавъ въ церкви со всѣмъ духовенствомъ и дворянствомъ болѣе шести часовъ, долженъ былъ уѣхать, не видавъ Великаго Князя. На другой день, на парадномъ представленіи, архіерея, какъ слѣдуетъ, помѣстили въ залѣ первымъ, и при выходѣ его высочества изъ кабинета, Іовъ встрѣтилъ его словами: «простите, ваше высочество, что вчера по глупости вотъ этого господина» — стоявшаго возлѣ него и указывая на него пальцемъ — «васъ провезли въ пустую церковь и надѣлали вамъ безпокойства». Великій Князь улыбнулся и отошелъ отъ него, обойдя и Елчанинова. Долгое время этотъ забавный случай служилъ неистощимымъ предметомъ разговоровъ. Вице-губернаторъ вслѣдъ за тѣмъ скоро спущенъ въ отставку.

Лѣто 1817-го года я провелъ большею частью въ разъѣздахъ по колоніямъ Херсонской губерніи и въ ознакомленіи съ ихъ общимъ состояніемъ. Въ этомъ году я выдержалъ побѣдоносную борьбу въ своемъ собственномъ семействѣ. Бабушка и Елена Павловна непремѣнно настаивали, чтобы я ѣхалъ въ Харьковъ экзаменоватся въ университетѣ для полученія слѣдующаго чина, дабы исторгнуться изъ сонма титулярныхъ совѣтниковъ, но я упорствовалъ, потому что считалъ неприличнымъ, имѣя уже около тридцати лѣтъ, становиться въ ряду школьниковъ и добиваться чина подкупомъ профессоровъ, какъ это въ то время обыкновенно дѣлалось. Мнѣ кажется, что напрасно баронъ Корфъ, въ своемъ сочиненіи «Жизнь графа Сперанскаго» старается оправдать этотъ законъ тѣмъ, что хотя такое постановленіе было сопряжено со многими неудобствами, но все же оказало пользу, подвинувъ къ образованію молодое поколѣніе. Эта цѣль могла бы быть достигнута и тогда,

если бы постановленіе распространялось только на вновь поступающихъ на службу. Но заставлять проходить школьный курсъ уже служившихъ чиновниковъ и особенно открывать дорогу къ неблаговидному корыстолюбію профессоровъ, было и неудобно и неприлично. Какъ бы то ни было, но я настоялъ на своемъ, въ Харьковъ не поѣхалъ и въ 1824-мъ году, по особенному ходатайству покойнаго князя Кочубея, помимо экзаменнаго закона, получилъ слѣдующій чинъ VIII-го класса *).

Въ концѣ этого же 1817-го года, министерство нашло нужнымъ вытребовать меня въ Петербургъ, съ денежными отчетами прежняго времени, по поводу издержекъ на переселяющихся колонистовъ; отчеты дѣйствительно находились въ чрезвычайной запутанности и безпорядкахъ. Я выѣхалъ въ началѣ 1818-го года, въ самую распутицу, по дорогамъ, непроѣзжимъ отъ дождей, грязи и всякихъ непогодъ, а главное по причинѣ отсутствія лошадей. Пришлось еще заѣзжать по дѣламъ въ разныя мѣста, также въ колонію Радичево, гдѣ уже начались распри, раздоры и дрязги между сектантами, по поводу раздѣла земли. Такъ я ѣхалъ до Петербурга болѣе трехъ недѣль и остановился на квартирѣ у брата Павла, состоявшаго тогда правителемъ дѣлъ при графѣ Аракчеевѣ. Пріѣхалъ будто именно для того, чтобы присутствовать при большомъ горѣ въ семействѣ моего брата. Тотчасъ по моемъ пріѣздѣ, захворалъ его меньшой трехъ-лѣтній сынъ сильнымъ кашлемъ съ хрипотою, оказавшимся крупомъ и черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Едва успѣли отвезти на кладбище, какъ, по возвращеніи домой, нашли старшаго сына, шестилѣтняго мальчика, въ такой-же хрипотѣ; послали за знаменитѣйшими докторами, но, не смотря на консиліумы и самыя рѣшительныя мѣры, ничто не помогло, и ребенокъ послѣдовалъ за своимъ братомъ. А мнѣ выпала печальная доля утѣшать ихъ отца и хоронить его дѣтей, такъ какъ самъ онъ былъ не въ состояніи этимъ заняться. Затѣмъ послѣдовали мои обязательныя, служебныя представленія и визиты. Начальство мое выказало мнѣ самое милостивое расположеніе и всѣ, начиная отъ министра, приняли меня весьма ласково и любезно. Эта поѣздка принесла мнѣ пользу тѣмъ, что сдѣлала меня ближе извѣстнымъ министру Козо-

*) Въ приложеніи къ „Воспоминаніямъ“ №№ 5, 6 и 8, письма кн. Кочубея къ Императору Александру I и министру Ланскому, и предъидущія письма генерала Инзова, 3 и 4.

давлеву и бывшему директору департамента по части колонизацій, Степану Семеновичу Джунковскому, человѣку почтенному и смышленому. Фельдмаршала князя Салтыкова я уже не засталъ въ живыхъ, но нашелъ ту же неизмѣнную привѣтливость, то-же теплое радушіе въ сыновьяхъ его, особенно слѣпомъ князѣ Димитріи Николаевичѣ, который непремѣнно требовалъ, чтобы я каждый день у него обѣдалъ.

Въ бытность мою въ Петербургѣ, совершилось новое преобразованіе управленія Новороссійскими и Бессарабскими колоніями. Поводомъ къ тому послужило ходатайство у императора Александра во время частыхъ поѣздокъ его въ то время за границу, г-жи Криднеръ и другихъ мистиковъ, имѣвшихъ тогда большое вліяніе на Государя, о дозволеніи переселиться въ Россію многимъ жителямъ изъ всѣхъ странъ Германіи, состоявшихъ преимущественно изъ піетистовъ, и объ оказаніи имъ особеннаго покровительства. Для этой цѣли были предназначены почти всѣ свободныя земли въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи. Для главнаго управленія эмигрантами, учрежденъ попечительный комитетъ, предсѣдателемъ коего назначенъ генералъ Инзовъ, а для мѣстной администраціи учреждены три конторы: Екатеринославская, Одесская и Бессарабская, и сверхъ того еще отдѣльное управленіе надъ Бессарабскими болгарами.

Учрежденіе въ этомъ видѣ могло быть нужно и полезно лишь въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно въ Россію повалили изъ Германіи многіе десятки тысячъ нѣмцевъ, но этого не случилось. Германскія правительства препятствовали переселенію массами; распространеніе піетизма въ большихъ размѣрахъ не совершилось, и вообще, въ послѣдующіе затѣмъ года, нѣмцы изъ тѣхъ странъ своего отечества, гдѣ имъ сдѣлалось слишкомъ ужъ тѣсно, предпочли вмѣсто Россіи переселяться въ Америку. Поэтому главное вниманіе Инзова сосредоточилось на болгарахъ, которые, дѣйствительно, въ числѣ до десяти тысячъ семействъ, переселились изъ Турціи и тогда же водворены въ окружностяхъ Измаила.

При этомъ новомъ учрежденіи, я получилъ должность предсѣдателя Екатеринославской конторы иностранныхъ переселенцевъ съ содержаніемъ до трехъ тысячъ рублей, чѣмъ матеріальное мое состояніе значительно улучшилось.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я возвратился изъ Петербурга въ Екатеринославъ. Вскорѣ прибылъ туда и новый мой начальникъ, генералъ

Инзовъ. Личность генерала Инзова была очень загадочная по его происхожденію, котораго никто не зналъ, и по таинственной обстановкѣ, сопровождавшей его дѣтство. Въ послужномъ спискѣ онъ значился коротко: «изъ дворянъ». Но тогда еще находились въ живыхъ немногія лица, близко знакомыя съ Инзовымъ съ самаго ранняго его возраста; они разсказывали объ этихъ странныхъ обстоятельствахъ его жизни, слѣдующимъ образомъ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, проживалъ въ своемъ имѣніи (кажется Пензенской губерніи) со всѣмъ своимъ довольно большимъ семействомъ, князь Юрій Петровичъ Трубецкой, находившійся въ самой тѣсной и давней дружбѣ съ извѣстнымъ графомъ Яковомъ Александровичемъ Брюсомъ. Однажды, совершенно неожиданно, къ князю Трубецкому пріѣхалъ изъ Петербурга графъ Брюсъ и привезъ съ собою маленькаго ребенка, мальчика. Къ удивленію Трубецкаго, графъ обратился къ нему съ горячей и настоятельной просьбой взять мальчика къ себѣ, въ свое семейство, заботиться о немъ, какъ о своемъ собственномъ ребенкѣ, и стараться дать ему самое лучшее воспитаніе и образованіе, какое только возможно. Относительно же издержекъ по этому поводу, просилъ не хлопотать, такъ какъ всѣ средства для содержанія и воспитанія ребенка будутъ доставляться обильно и своевременно, и дальнѣйшая его участь также не можетъ представлять затрудненій, потому что она заранѣе вполнѣ обезпечена. На вопросъ Трубецкаго: «что же это за мальчикъ, кто онъ такой?» Брюсъ отвѣтилъ: «что это должно оставаться тайною, которую онъ теперь открыть не можетъ, а откроетъ только передъ смертію и только ему одному». Трубецкой просилъ сказать, по крайней мѣрѣ, какъ мальчика зовутъ, какъ его фамилія? На это Брюсъ ему сообщилъ, что мальчика зовутъ Иванъ, а фамилія его Инзовъ. Этимъ ограничились всѣ его сообщенія, болѣе отъ него ничего не добились. Трубецкой согласился, и Брюсъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ, а мальчикъ остался на воспитаніи и попеченіи Трубецкихъ. Фамилія *Инзовъ*, очевидно сокращенная отъ двухъ словъ—*иной зовъ*, или—*иначе зовутъ*, представляла широкое поле для догадокъ всякаго рода и заставляла предполагать вѣроятное намѣреніе скрыть настоящее имя или происхожденіе. Но загадка, такъ и осталась загадкою и никогда ничѣмъ не разъяснилась. Ходили слухи, будто-бы онъ былъ сынъ одного очень высокопоставленнаго лица и еще другіе

столь же проблематическіе. Многіе десятки лѣтъ спустя, когда Инзовъ былъ уже старикомъ и полнымъ генераломъ, во время проѣзда Императора Николая Павловича черезъ Одессу, Инзовъ обѣдалъ за царскимъ столомъ, и Государь вдругъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Кто былъ вашъ отецъ?» Инзовъ отвѣчалъ просто и спокойно: «Не знаю, Ваше Величество». Государь внимательно посмотрѣлъ на него и умолкъ.

Въ домѣ Трубецкихъ мальчикъ жилъ, какъ въ родной семьѣ; его воспитали, учили, ласкали и, въ назначенные сроки, постоянно получали отъ графа Брюса весьма щедрыя суммы на его содержаніе. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Вдругъ графъ Брюсъ умеръ внезапно отъ апоплексическаго удара, и вмѣстѣ съ нимъ прекратились и присылки суммъ. Трубецкіе очутились въ очень затруднительномъ положеніи, съ неизвѣстнымъ мальчикомъ на рукахъ и лишившись значительнаго дохода на издержки по его воспитанію. Они потужили, погоревали, но покорились необходимости и продолжали воспитывать мальчика попрежнему, вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Воспитаніе дали ему хорошее. Но затрудненіе ихъ еще увеличилось, когда ему минуло семнадцать лѣтъ — возрастъ, въ которомъ тогда поступали уже на службу. Князь Трубецкой, серьезно озабоченный, долго думалъ, что́ ему дѣлать, какъ поступить съ мальчикомъ. Не зная что́ предпринять, онъ рѣшился попытаться свезти его въ Петербургъ, и отправился съ нимъ. Въ Петербургѣ князь имѣлъ связи, родныхъ, знакомыхъ при дворѣ; передалъ имъ исторію съ своимъ воспитанникомъ, свои затрудненія и успѣлъ довести все это до свѣдѣнія Императрицы Екатерины. Тотчасъ же затѣмъ Инзовъ былъ зачисленъ на службу въ гвардію, опредѣленъ прямо генеральсъ-адъютантомъ къ князю Николаю Васильевичу Репнину, что дало ему сразу чинъ преміеръ-маіора, и получилъ три тысячи червонцевъ на *обмундированіе* и обзаведеніе. Потомъ, служебное его поприще продолжалось довольно успѣшно. За службой его внимательно слѣдили и императрица Екатерина, и послѣ нея императоры Павелъ и Александръ I, до самаго назначенія его къ управленію надъ колоніями, уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Всѣ эти подробности я узналъ въ Пензѣ, отъ Прасковьи Юрьевны Кологривовой, по первому мужу княгини Гагариной, дочери этого самаго князя Трубецкаго. Инзовъ вмѣстѣ съ нею взросъ и воспитывался въ домѣ отца ея.

Если Инзовъ не сдѣлалъ блестящей, видной карріеры, то единственно по недостатку всякаго стремленія къ ней, отсутствію честолюбія и претензіи на какія бы то ни было военныя или гражданскія доблести. Хотя служилъ онъ въ военной службѣ, но натура его не содержала въ себѣ ничего воинственнаго. Онъ былъ человѣкъ добрый, съ познаніями, совершенно безкорыстный и особенно весьма благочестивый; въ нравственномъ отношеніи вполнѣ безукоризненный; самъ о себѣ онъ говорилъ, что физически сохранилъ въ неприкосновенности свою дѣвственную невинность и чистоту; Но вмѣстѣ съ тѣмъ слабый, нерѣшительный, подвергавшійся часто вліянію людей недостойныхъ того, мелочной. Говорили, что онъ, когда не случалось особаго служебнаго занятія, постоянно самъ помогалъ писарямъ пришивать бумаги въ дѣлахъ. Ко мнѣ онъ показывалъ всегда прекрасное расположеніе, только подъ конецъ моей службы съ нимъ, онъ ко мнѣ нѣсколько охладѣлъ за то, что я иногда слишкомъ рѣзко говорилъ ему правду. Предъ кончиной своею, послѣдовавшей уже въ 1844-мъ году, онъ нѣсколько лѣтъ находился въ болѣзненномъ состояніи, разбитый параличомъ, лишился употребленія языка, и не вставалъ съ постели, но былъ оставляемъ на службѣ до самой смерти.

Вѣчная ему память!

Во время послѣдняго моего пребыванія въ Петербургѣ, императоръ Александръ Павловичъ посѣтилъ Новороссійскій край въ маѣ мѣсяцѣ. Въ Одессѣ онъ удостовѣрился о незабвенныхъ заслугахъ на пользу этого края герцога Ришелье, бывшаго тогда уже первымъ министромъ во Франціи, и послалъ ему при лестномъ рескриптѣ орденъ Андрея первозваннаго. Изъ Одессы путь Государя пролегалъ въ Крымъ черезъ Молочанскія колоніи. Предъ этимъ временемъ только Контеніусъ вышелъ вовсе въ отставку, но поѣхалъ въ Молочанскія колоніи, чтобы благодарить Государя за пожалованный ему пенсіонъ. Государь остался чрезвычайно доволенъ устройствомъ колоній и успѣхъ въ томъ приписалъ, главнѣйшимъ образомъ, трудамъ и попеченіямъ Контеніуса, какъ это и было на самомъ дѣлѣ. Государь его обласкалъ, расцѣловалъ, заставилъ согласиться снова возвратиться на службу и быть помощникомъ Инзову, насколько могъ по слабому своему здоровью; и, при выѣздѣ изъ колоніи, надѣлъ на него собственноручно ленту со звѣздой Св. Анны 1-ой степени. Эта награда поразила всѣхъ своей

необычайностію, такъ какъ Контеніусъ находился всего въ чинѣ статскаго совѣтника; тогда ее имѣли только онъ и Карамзинъ. Она возбудила зависть и негодованіе враждовавшихъ противъ него многихъ мелкихъ душъ; но добрый старикъ продолжалъ трудиться, сколько могъ, и приносилъ пользу своею службою до послѣдняго дня своей жизни.

За выбытіемъ навсегда за границу изъ Россіи герцога Ришелье, генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края былъ назначенъ графъ Ланжеронъ. Онъ олицетворялъ собою настоящаго «chévalier loyal» временъ Генриха IV: храбрый генералъ, добрый, правдивый человѣкъ, но разсѣянный, большой балагуръ и вовсе не администраторъ. Разсѣянность его простиралась до того, что въ бытность Александра Павловича въ 1818-мъ году въ Одессѣ, и квартировавшаго въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, занимаемомъ Ланжерономъ, этотъ послѣдній, выходя изъ кабинета, заперъ его на ключъ, позабывъ, что въ то время хозяиномъ кабинета былъ Государь, а не онъ. Но правленіе графа Ланжерона, хотя и непродолжительное, прошло не безъ пользы для края, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что въ важнѣйшихъ предметахъ онъ слѣдовалъ постоянно предначертаніямъ и наставленіямъ герцога Ришелье.

Въ 1818-мъ году, посѣтили Новороссійскій край два знаменитыхъ квакера, одинъ—англичанинъ Алленъ, а другой—американецъ Грельётъ. Цѣль ихъ путешествія состояла въ обозрѣніи тюремъ въ Россіи и въ желаніи удостовѣриться, точно ли наши духоборцы находились въ единомысліи съ ними по вѣрѣ, въ чемъ ихъ увѣряли. Это были люди истинно почтенные и благонамѣренные. Они привезли мнѣ рекомендательныя письма изъ Петербурга, и я съ ними познакомился довольно близко, такъ что по отъѣздѣ своемъ, они вели со мною переписку изъ-за границы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Относительно духоборцевъ они совершенно разочаровались, какъ о томъ подробно будетъ сказано далѣе, въ моихъ воспоминаніяхъ по поводу духоборческихъ поселеній въ Закавказскомъ краѣ.

Осенью того же года, я снова ѣздилъ на южный берегъ съ женою. Ея болѣзненное состояніе, происходившее отъ ревматическихъ страданій, все усиливалось и доктора обнадеживали, что поѣздки и морскія купанія доставятъ ей облегченіе. Однако, если облегченіе и послѣдовало, то въ самой слабой степени, а самъ я возвратился изъ Крыма съ сильной лихорадкою.

Въ 1819 году, я много разъѣзжалъ по колоніямъ, обозрѣвалъ пустопорожнія степи, предназначавшіяся для водворенія вновь большаго числа нѣмецкихъ колонистовъ, чего, впрочемъ, не состоялось. Пришлось опять заѣхать въ Крымъ. Тамъ я познакомился съ новымъ губернаторомъ, Александромъ Ивановичемъ Барановымъ. Это былъ губернаторъ, какихъ я болѣе и не зналъ. Молодой человѣкъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по своимъ отличнымъ качествамъ и достоинствамъ Императору Александру Павловичу, который узналъ его съ такой хорошей стороны, какъ особенно даровитаго чиновника, что, не смотря на то, что ему было всего двадцать три года отъ роду, назначилъ его губернаторомъ въ Крымъ, собственно для устройства Таврической губерніи, въ коей безпорядки отъ прежнихъ неспособныхъ губернаторовъ были весьма большіе. Своею необыкновенною дѣятельностію, способностію къ дѣламъ и благонамѣренностію онъ оправдалъ вполнѣ довѣріе къ нему Государя. Но, къ сожалѣнію, убилъ себя непосильными трудами въ два года и умеръ на двадцать шестомъ году. Мѣсто его заступилъ Димитрій Михайловичъ Нарышкинъ, женатый на графинѣ Растопчиной—человѣкъ добрый, но самый ничтожный и для службы безполезный.

Въ этомъ же году я также побывалъ въ Бессарабіи, по случаю переѣзда генерала Инзова на жительство въ Кишиневъ. Онъ былъ назначенъ къ исправленію должности намѣстника въ Бессарабіи. Тамъ я познакомился и съ Пушкинымъ, сосланнымъ въ Кишиневъ на покаяніе за свои шалости, подъ руководство благочестиваго Инзова, у котораго въ домѣ и жилъ. Шалости онъ дѣлалъ и саркастическіе стихи писалъ и тамъ. Помню, между прочимъ, какъ онъ, однажды поссорившись за обѣдомъ у Инзова съ членомъ попечительнаго комитета Лановымъ, человѣкомъ хорошимъ, но имѣвшимъ претензію на литературныя способности, коими не обладалъ, и къ тому еще толстую, неуклюжую фигуру, обратился къ нему съ слѣдующимъ экспромтомъ:

Кричи, шуми, болванъ болвановъ,
Ты не дождешься, другъ мой Лановъ,
Пощечинъ отъ руки моей.
Твоя торжественная рожа
На . . . . . . такъ похожа,
Что только проситъ киселей.

Инзовъ велѣлъ имъ обоимъ выйти вонъ. Лановъ вызывалъ Пушкина на дуэль, но дуэль не состоялась; Пушкина отправили въ отдаленный городъ истреблять саранчу, а Лановъ отъ огорченія заболѣлъ.

При возвращеніи изъ Бессарабіи, я объѣзжалъ въ Херсонской губерніи еврейскія колоніи. Жиды продолжали торговать землею, тайно шинкарствовать и бродяжничать. Бывъ водворены отдѣльно отъ русскихъ, особыми поселеніями, они сильно враждовали и ссорились между собою, жалобамъ ихъ другъ на друга не было конца. Изъ семисотъ семей, оказалось только три или четыре сносныхъ хозяевъ земледѣльцевъ, да и то занимавшихся хозяйствомъ не своими руками, а сосѣднихъ русскихъ поселянъ.

Въ одной изъ еврейскихъ колоній, между Херсономъ и Николаевомъ, я познакомился съ помѣщикомъ Акимомъ Степановичемъ Якимовичемъ, человѣкомъ весьма почтеннымъ. При небольшомъ состояніи, заключавшемся всего въ восьмидесяти душахъ, онъ умѣлъ сдѣлаться въ тѣхъ мѣстностяхъ образцовымъ хозяиномъ. Дѣятельный, толковый и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный, кроткій, онъ мирно проживалъ въ своей деревушкѣ вдвоемъ съ старушкою женою, такою же доброю, какъ и онъ. Они были бездѣтны и очень походили на извѣстную чету — Афанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну Гоголя, съ тѣмъ преимуществомъ, что, кромѣ гостепріимства и радушія, отличались еще необыкновенною благотворительностію; не смотря на свои небольшія средства, помогали всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся въ ихъ окрестностяхъ въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Старикъ зналъ хорошо сельскую медицину и снабжалъ безвозмездно лекарствами всѣхъ приходившихъ къ нему больныхъ. Евреи, сосѣдніе съ нимъ своими поселеніями, часто употребляли во зло его добродушіе и надували его разными способами, но онъ только улыбался и продолжалъ имъ благотворить.

Съ 1820-го по 1825-й годъ, занятія мои, какъ бюрократическія, такъ и по разъѣздамъ, были многочислены. Не могу пожаловаться, чтобы они оставались безъ вниманія: я получилъ въ это время два креста и нѣсколько денежныхъ вознагражденій. Генералъ Инзовъ оказывалъ мнѣ тогда вполнѣ свое доброе расположеніе. Семейство мое умножилось рожденіемъ дочери Екатерины

въ 1819-мъ году и сына Ростислава въ 1824-мъ *). Домашнихъ хлопотъ, всякаго рода, было довольно. Въ мартѣ 1824-го года скончалась бабушка жены моей, Елена Ивановна Бандре-дю-Плесси, къ крайнему огорченію и соболѣзнованію жены моей, такъ же, какъ и всего нашего семейства. Покойная бабка была вполнѣ этого достойна по прекраснымъ качествамъ души ея, и утрата эта для насъ была очень тяжела и прискорбна.

Въ 1822-мъ году, генералъ Инзовъ, по возникшимъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ, касательно распоряженій, относившихся къ водворенію колонистовъ въ Южномъ краѣ, нашелъ нужнымъ отправить меня въ Петербургъ для личныхъ по этому предмету объясненій въ министерствѣ. Тогда управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ покойный князь Викторъ Павловичъ Кочубей, замѣчательный государственный человѣкъ. Въ немъ было то большое достоинство, что онъ терпѣливо выслушивалъ всѣхъ, даже и возраженія отъ кого бы то ни было. Заученныхъ, отрывочныхъ фразъ, какъ я встрѣчалъ у другихъ министровъ впослѣдствіи, фразъ, которыя дѣла не объясняютъ, а только говорятся, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ призванныхъ ими чиновниковъ, — у него не было.

*) Андрей Михайловичъ не упоминаетъ о дочери Анастасіи, родившейся въ 1821-мъ году и умершей нѣсколько мѣсяцевъ спустя. О такомъ ребенкѣ нечего было бы и говорить, если бы ея мимолетное существованіе не отмѣтилось однимъ загадочнымъ случаемъ. Въ этомъ году Андрей Михайловичъ провелъ съ семействомъ часть лѣта на южномъ берегу, и на возвратномъ пути, въ одной изъ нѣмецкихъ колоній, разстался съ своей семьею, отправившись въ служебные разъѣзды; а Елена Павловна, съ дѣтьми поѣхала обратно въ Екатеринославъ. Андрей Михайловичъ уѣхалъ немного прежде, а вслѣдъ за нимъ Елена Павловна, сѣвъ въ экипажъ съ дѣтьми, готовилась тотчасъ же ѣхать, какъ къ ней подошла колонистка, жена старшины колоніи, и пожелавъ счастливаго пути, взглянула на ребенка, спавшаго на рукахъ Елены Павловны, и вдругъ спросила: „На долго ли уѣхалъ вашъ мужъ?“—„Мѣсяца на полтора“— сказала Елена Павловна. Нѣмка съ сожалѣніемъ въ голосѣ и какъ бы въ раздуміи проговорила: „Какъ жаль, что онъ больше не увидитъ этого прекраснаго ребенка“ — „Почему? съ удивленіемъ спросила Елена Павловна. — „Онъ его уже не застанетъ“ — объявила колонистка и быстро отошла отъ экипажа. Слова эти очень встревожили Елену Павловну, но ребенокъ былъ совершенно здоровъ и не возбуждалъ никакихъ опасеній. Дорогу совершили благополучно и слова нѣмки, приписываемыя какому-то бреду, были бы забыты, если бы за недѣлю до возвращенія Андрея Михайловича дѣвочка не заболѣла простуднымъ коклюшемъ, который въ два-три дня свелъ ее въ могилу. Андрей Михайловичъ не засталъ ея. Елену Павловну долго мучила мысль, почему колонистка могла это знать? И когда, спустя два года, мужъ этой колонистки, какъ старшина колоніи, пріѣхалъ въ Екатеринославъ къ Андрею Михайловичу по дѣламъ, Елена Павловна спросила его о томъ. Но колонистъ, видимо смутившись, уклонился отъ отвѣта. Да, вѣроятно, и не могъ этого объяснить.

Я имѣлъ случай сдѣлаться ему ближе извѣстнымъ въ 1823-мъ году, когда онъ по болѣзни своей дочери пріѣзжалъ въ Крымъ и провелъ зиму въ Ѳеодосіи. Мы съ Инзовыми, объѣзжая иностранныя поселенія, заѣхали тогда въ Ѳеодосію, гдѣ прожили болѣе трехъ недѣль и каждый день обѣдали и проводили вечера у князя Кочубея. Тамъ я много слышалъ разсказовъ, сужденій и личныхъ мнѣній князя, всегда здравыхъ, правильныхъ, показывавшихъ большое знаніе имъ Россіи. Весною 1824-го года я его сопровождалъ при посѣщеніи имъ Молочанскихъ колоній, и затѣмъ, по его приглашенію, гостилъ у него въ Крыму, гдѣ онъ въ то время проживалъ въ имѣніи Бороздина «Сабляхъ» между Симферополемъ и Бахчисараемъ; а осенью того же года былъ у него въ прекрасномъ его имѣніи Диканькѣ.

О Кочубеѣ судили различно. Всѣ почти отдавали должную справедливость его неоспоримымъ, высокимъ дарованіямъ, какъ государственнаго дѣятеля, но многіе также указывали на его темныя стороны какъ человѣка. Говорили, что онъ большой эгоистъ, что онъ своекорыстенъ; говорили, будто онъ всегда продавалъ свое вино откупщикамъ, а испанскую шерсть суконнымъ фабрикантамъ дороже обыкновенныхъ цѣнъ, потому что они нуждались въ его покровительствѣ; что онъ обременялъ подчиненныя ему лица порученіями по собственнымъ дѣламъ и проч. и проч. Можетъ быть, была здѣсь и доля правды, но нѣтъ людей безъ слабостей, а князь Кочубей покрывалъ ихъ своими обширными познаніями, благотворною дѣятельностію и высшими административными способностями.

Въ эту же свою поѣздку въ Петербургъ я познакомился съ графомъ Николаемъ Семеновичемъ Мордвиновымъ, по рекомендаціи тестя моего, давнишняго его пріятеля. Нельзя было не полюбить этого почтеннаго старца, кажется, одного изъ послѣднихъ представителей вельможъ вѣка Екатерины II. Я часто у него обѣдалъ и бывалъ за-просто. Онъ дома всегда одѣвался въ шлафрокъ со звѣздами и въ башмакахъ. Бесѣда его, занимательная, умная и часто поучительная, оставляла очень пріятное впечатлѣніе.

Во время этого пребыванія моего въ Петербургѣ, я имѣлъ случай видѣть, какъ у насъ въ министерствѣ ведутся даже и самыя важныя дѣла. Осенью 1821 года, переселяли нѣсколько тысячъ семействъ изъ Малороссіи и Херсонской губерніи, кажется, чтобы очистить мѣста для чугуевскихъ военныхъ поселеній, въ

Черноморіе, со всѣмъ ихъ имуществомъ. Этотъ 1821 годъ былъ въ Екатеринославской губерніи неурожайный, и въ кормѣ скота на зиму предстояла крайняя скудость; а скотъ препровождался съ малороссіянами огромной массой, въ количествѣ многихъ тысячъ. Тогдашній Екатеринославскій губернаторъ Шеміотъ, представилъ министерству о необходимости закупить на казенный счетъ фуражъ для кормленія всего скота у малороссіянъ, въ отвращеніе его гибели отъ недостатка корма и притомъ присовокупилъ смѣту о потребности ассигнованія нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей на этотъ предметъ. Надобно знать, что губернаторъ Шеміотъ былъ человѣкъ весьма заботливый о своихъ интересахъ, хотя добрый, неглупый и вполнѣ порядочный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Смѣта его, представленная довольно поздно, залежалась и въ министерствѣ, по причинѣ огромности требованія. Помню, какъ теперь, что именно въ Благовѣщеніе, 25-го марта, директоръ департамента прислалъ звать меня къ себѣ по экстренному дѣлу. Объяснивъ мнѣ это самое дѣло, онъ мнѣ сказалъ, что министръ поручилъ ему просить меня сообщить мое мнѣніе по поводу этой смѣты, не слишкомъ ли она преувеличена противъ дѣйствительной потребности. Я попросилъ его доложить министру, что по моему мнѣнію въ настоящее время ужъ ничего дѣлать не надобно, ибо послѣдовало одно изъ двухъ: или весь скотъ у малороссіянъ передохъ отъ голода, или же они нашли средство покормить его сами; а теперь, съ 25-го марта, въ Новороссійскомъ краѣ, скотъ въ подобныхъ случаяхъ уже начинаютъ выгонять для корма въ степь, и потому ассигнованіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей на прокормленіе скота; окажется излишнимъ. Мнѣніе мое министръ нашелъ вполнѣ резоннымъ, и ходатайство губернотора Шеміота, вмѣстѣ со смѣтою, принято къ свѣдѣнію.

Въ Петербургѣ меня задержали болѣе нежели я разсчитывалъ; пріѣхалъ недѣли на три, а пришлось прожить болѣе трехъ мѣсяцевъ. Привезенныя мною дѣловыя бумаги министръ просматривалъ не торопясь, затѣмъ представилъ на разрѣшеніе Государя Императора. Министръ часто призывалъ меня къ себѣ, былъ ко мнѣ, по обыкновенію, очень благосклоненъ, но для подробнаго разъясненія дѣлъ требовались довольно продолжительныя аудіенціи, слѣдовательно, много времени, которымъ онъ не всегда могъ располагать по своему произволу. Нѣсколько разъ онъ мнѣ назначалъ

часы, почти всегда вечеромъ, для переговоровъ со мною, и всякій разъ случалось какое нибудь препятствіе, разстраивавшее дѣло. Большею частію посѣщенія мои ограничивались разговоромъ съ швейцаромъ или секретаремъ, объявлявшими мнѣ, что графъ извиняется, долженъ ѣхать во дворецъ или на балъ и проситъ въ другой разъ. А если никуда не ѣхалъ, то по какой то роковой случайности непремѣнно внезапно являлся графъ Сперанскій, и когда я уже входилъ въ кабинетъ министра, торопливо перегонялъ меня и сидѣлъ у него такъ долго, что ничѣмъ нельзя было заняться. Впрочемъ, если бы не разлука съ семействомъ, я бы не скучалъ въ Петербургѣ. Множество знакомыхъ, родныхъ моихъ и жены моей, занятія по дѣламъ дома и въ министерствѣ, разныя порученія изъ Екатеринослава, преимущественно покупокъ, визиты и разъѣзды по городу не оставляли минуты свободной. Пріятно проводилъ время съ добрыми пріятелями, Анастасевичемъ, директоромъ Румянцевскаго музея, Джунковскимъ, директоромъ департамента, князьями Салтыковыми Александромъ и Димитріемъ Николаевичами и многими другими. Бывалъ также у извѣстнаго митрополита Сестринцевича, стариннаго, болѣе чѣмъ полувѣковаго друга покойнаго дѣда и бабки Бандре-дю-Плесси. Онъ все мнѣ разсказывалъ о давно прошедшей красотѣ бабушки Елены Ивановны (она тогда еще была жива), которую онъ зналъ съ самыхъ ея молодыхъ лѣтъ*) По сосѣдству отъ моей квартиры жила тоже

*) Елена Ивановна де-Бандре въ молодости была очень хороша собою; слухъ о ея красотѣ дошелъ даже до Императрицы Екатерины II, которая пожелала ее видѣть и приказала мужу ея, находившемуся тогда въ Крымской кампаніи, немедленно пріѣхать въ Петербургъ *вмѣстѣ съ своей женою.* Они были очень милостиво приняты Императрицею и часто бывали на куртагахъ въ Эрмитажѣ. У правнуковъ ихъ до сихъ поръ хранятся превосходные портреты ихъ прадѣда и прабабки, де-Бандре, писанные масляными красками въ натуральную величи-ну, по поясъ. Елена ивановна изображена въ пудрѣ, съ розой на груди, въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ представлялась въ первый разъ Императрицѣ. Прадѣдъ тоже красавецъ съ благороднымъ, мужественнымъ, родовитымъ лицомъ, въ мундирѣ генералъ-поручика, съ пудрой на головѣ. Въ этомъ портретѣ есть какая то таинственная особенность, по которой люди, принадлежащіе къ масонству, узнаютъ въ немъ тотчасъ масона, хотя по наглядности портретъ не заключаетъ въ себѣ рѣшительно никакого знака, никакой особенности и ни малѣйшаго намека на число *три.* При жизни его никто не зналъ о его принадлежности къ масонству, а послѣ смерти, при разборѣ оставшихся бумагъ, жена его открыла это. Спустя лѣтъ двадцать, когда Фадѣевы жили въ Екатеринославѣ, туда заѣхалъ американскій миссіонеръ Алленъ, упоминаемый выше въ „Воспоминаніяхъ", и, находясь у нихъ въ домѣ, обратилъ вниманіе на висѣвшіе по стѣнамъ въ гостинной портреты, причемъ, указавъ на генерала де-Бандре, тотчасъ объявилъ: „этотъ былъ масонъ и высшей

извѣстная M-me Криднеръ, и каждое воскоесенье у нея происходило нѣчто вродѣ обѣденъ, по ея образцу, подъ названіемъ *эдифицій*. На масляанницѣ, не бывая въ театрахъ и маскарадахъ, я зашелъ изъ любопытства посмотрѣть на это зрѣлище, и нашелъ что оно стоило хорошаго спектакля. Такія продѣлки были тогда въ модѣ въ Петербургѣ; замѣчательнѣйшими изъ нихъ считались молитвенныя сборища у нѣкоей Татариновой, сопровождавшіяся такой скандальной обстановкою, что трудно придумать что нибудь болѣе комичное или безобразное. Конечно я самъ ихъ не видалъ и не имѣлъ къ тому ни малѣйшей охоты. Заходилъ также въ католическую церковь послушать моднаго проповѣдника Госнера, который ораторствовалъ всегда по четвергамъ

степени". На вопросъ Елены Павловны Фадѣевой, почему онъ это знаетъ? Онъ извинился невозможностію отвѣчать и, не смотря на всѣ просьбы, ничего болѣе не сказалъ. Другой разъ, уже въ сороковыхъ годахъ, когда Андрей Михайловичъ былъ губернаторомъ въ Саратовѣ, у него обѣдалъ путешествовавшій по Россіи президентъ Лондонскаго географическаго общества извѣстный ученый Мурчисонъ и, тоже осматривая портреты послѣ обѣда, остановился передъ портретомъ де-Бандре и спросилъ у Елены Павловны: „кто это?" На отвѣтъ, что это ея дѣдъ, Мурчисонъ сказалъ: „а знаете ли вы, что онъ былъ масонъ и очень высокой степени!" И такъ же, какъ и Алленъ, на отрѣзъ отказался отъ всякихъ объясненій по этому поводу.

Немудрено, что митрополитъ Сестринцевичъ воспользовался возможностію поговорить съ А. М. Фадѣевымъ о своихъ старыхъ друзьяхъ де-Бандре-дю-Плесси. Всѣ знавшіе ихъ близко хранили о нихъ хорошую память. Елена Ивановна, помимо ея красоты, какъ женщина умная, любезная, общительная, много видѣвшая, много наблюдавшая на своемъ вѣку, была очень занимательная собесѣдница. Она сопровождала своего мужа во всѣхъ его походахъ, также и въ Крымской кампаніи. Тамъ она хорошо познакомилась со многими извѣстными людьми. Суворовъ часто бывалъ у нея запросто и потомъ велъ дружескую переписку съ нею и ея мужемъ. Эти то знакомые разсказами о ней и возбудили въ Императрицѣ Екатеринѣ желаніе ее видѣть. Елена Ивановна де-Бандре провела съ мужемъ всю зиму 1779 года въ Петербургѣ, и разсказы ея объ этомъ пребываніи были весьма любопытны. Она встрѣтила многихъ изъ друзей и пріятельницъ своей прежней жизни, и у нея оказалось обширное знакомство. Между прочимъ она возобновила знакомство съ бывшимъ лейбъ-гусаромъ, а тогда уже генералъ-адъютантомъ, Корсакомъ. Онъ, въ числѣ многихъ должностныхъ лицъ при дворѣ, помѣщался во дворцѣ.

Корсакъ былъ давнишній знакомый Елены Ивановны по родству его съ семействомъ князя Сокольницкаго, съ которымъ она находилась въ большой дружбѣ, въ особенности съ одной изъ княженъ Сокольницкихъ, бывшей замужемъ за Потемкинымъ, двоюроднымъ братомъ Корсака, жившей въ то время въ Петербургѣ. Онѣ постоянно переписывались, а въ этотъ пріѣздъ генерала де-Бандре съ женой по вызову Императрицы въ Петербургъ, почти не разлучались и всюду выѣзжали вмѣстѣ. Корсакъ бывалъ у Елены Ивановны вседневно. Онъ горько жаловался на придворныя интриги, особенно на козни князя Ивана Ивановича Барятинскаго, который распуская о немъ разныя сплетни, наговаривалъ на него Императрицѣ и старался погубить его въ ея мнѣніи. Однажды Корсакъ пригласилъ Елену Ивановну

въ восьмомъ часу вечера. Такъ дни шли за днями, пока наконецъ я, начавъ уже тяготиться долговременностію и тунеядствомъ моего пребыванія въ Петербургѣ, рѣшился аттаковать министра просьбой отпустить меня поскорѣе, такъ какъ служебныя дѣла необходимо требуютъ моего обратнаго возвращенія. Онъ обѣщалъ не задерживать меня болѣе и приказалъ въ департаментѣ писать бумаги для моего отправленія. Однако продержалъ меня еще недѣли двѣ и только въ началѣ апрѣля, послѣ очень любезной аудіенціи, объявивъ, что нѣсколько разъ говорилъ обо мнѣ Государю съ самой отличной для меня стороны, разрѣшилъ отправиться къ мѣсту моего служенія, что я конечно не замедлилъ исполнить.

де-Бандре съ Потемкиной къ себѣ на чай, во дворецъ, гдѣ онъ жилъ въ особомъ апартаментѣ.

По прибытіи во дворецъ, онѣ застали у Корсака его близкаго родственника Пассека съ дочерью, очень красивой дѣвушкой, за которою Корсакъ повидимому слегка ухаживалъ. Комната, гдѣ онѣ сидѣли, была роскошно убрана; въ одной стѣнѣ находилась ниша, украшенная драпировкой, въ глубинѣ которой стоялъ диванъ, а возлѣ, у выдававшейся около ниши стѣны, стоялъ столикъ. Послѣ чая, Потемкина попросила Елену Ивановну де-Бандре погадать ей въ карты, — она отлично гадала, — и обѣ дамы, усѣвшись за столикъ возлѣ ниши занялись гаданіемъ; а Корсакъ съ дѣвицей Пассекъ сѣли на диванъ въ нишѣ и вели оживленную бесѣду. Противъ ниши и столика въ противоположной стѣнѣ была стеклянная дверь, задернутая зеленой шелковой занавѣской. Дверь вела въ корридоръ. Въ эту дверь вошелъ князь Иванъ Ивановичъ Барятинскій, поговорилъ съ Корсакомъ, поговорилъ съ дамами, пошутилъ по поводу гаданія, прошелся раза три по комнатѣ и вышелъ въ корридоръ. Елена Ивановна сидѣла за столикомъ прямо лицомъ къ двери, и замѣтила что князь Барятинскій, выходя изъ комнаты, какъ будто нечаянно задѣлъ локтемъ за занавѣску и отдернулъ ее немного въ сторону. Она не обратила на это вниманія. Вскорѣ затѣмъ, занятая своимъ гаданіемъ, раскладывая и объясняя карты, Елена Ивановна совершенно машинально, взглянувъ на дверь, увидѣла за стекломъ лицо, чье-то знакомое лицо, смотрѣвшее изъ корридора въ комнату. Минуту спустя, она снова поглядѣла на дверь,— лицо уже исчезло, за стекломъ двери никого болѣе не было.

Вскорѣ Корсакъ отправился въ свое имѣнье Полынковичи, недалеко отъ Могилева, гдѣ зажилъ сообразно своимъ вкусамъ: завелъ охоту, развелъ огромную стаю собакъ, наполнявшихъ его обширный домъ, такъ какъ онъ держалъ ихъ не на псарнѣ, а при себѣ, въ домѣ; онѣ бѣгали свободно по всѣмъ комнатамъ, а во время обѣда вертѣлись вокругъ стола и хватали куски съ тарелокъ, что очень забавляло хозяина. Въ то же время по сосѣдству съ нимъ, обитали въ Бѣлоруссіи два другіе извѣстные въ свое время при дворѣ, опальные, Зоричъ и Ермоловъ. Всѣ трое вели знакомство между собою, и по образцу ихъ жизни, о нихъ составилось такое сужденіе: Корсакъ живетъ для собакъ, Ермоловъ для свиней, а Зоричъ для людей. Съ первымъ и послѣднимъ Елена Ивановна де-Бандре была дружески знакома и, живя уже вдовой въ своемъ Могилевскомъ имѣніи Низкахъ, неподалеку отъ нихъ, часто видѣлась съ ними; они посѣщали ее, она ѣздила къ нимъ въ гости съ своей маленькой шестилѣтней внучкой княжной Еленой Павловной Долгорукой, которую они очень любили и баловали, а Корсакъ называлъ своей маленькой невѣстой. Тогда генералъ-адъютанты носили только одинъ эпо-

Выѣхалъ я на святой, въ дилижансѣ, удобной четырехъ мѣстной каретѣ и безъ всякихъ остановокъ и препятствій доѣхалъ до Москвы на четвертыя сутки. Здѣсь мнѣ надобно было пробыть дня три по нѣкоторымъ дѣламъ и чтобы повидаться съ нѣсколькими лицами. Встрѣтилъ много старыхъ знакомыхъ, въ томъ числѣ Лазарева, очень богатаго армянина, заставившаго у него обѣдать. Въ этотъ день мнѣ пришлось видѣть поразительную разницу между разбогатѣвшимъ мѣщанствомъ и оскудѣвшею знатностію. У Лазарева я удивился богатству дома, великолѣпію убранства комнатъ, роскоши обстановки, гастрономической тонкости обѣда. Передняя была набита лакеями въ раззолоченныхъ ливреяхъ, залы какъ во дворцѣ; безпрестанно пріѣзжали съ визитами генералы, графы и

летъ, и у Корсака эполетъ состоялъ весь изъ крупныхъ брилліантовъ величиной каждый съ лѣсной орѣхъ. Шутя съ маленькой княжной онъ всегда говорилъ ей, что когда женится на ней, то подаритъ ей этотъ эполетъ.

Въ тридцати верстахъ отъ Могилева въ мѣстечкѣ Шкловѣ, среди шестнадцати тысячъ душъ, ему принадлежавшихъ, широко проживалъ большимъ бариномъ Зоричъ. Онъ былъ сербъ. Къ нему наѣхали на житье множество родныхъ, въ томъ числѣ сестра его Кисликова и родственникъ графъ Цукато. Жилъ Зоричъ очень открыто, гостепріимно, завелъ театръ, устроилъ на свой счетъ кадетскій корпусъ. На его имянины 3-го февраля въ день Св. Симеона къ нему съѣзжалась вся Бѣлоруссія и многіе изъ Россіи. Кромѣ того, онъ радушно пріютилъ у себя въ домѣ изрядное количество всякихъ чужестранцевъ и эмигрантовъ, жившихъ у него въ полномъ довольствѣ. Между послѣдними замѣтно выдавался одинъ французскій графъ, пользовавшійся общими симпатіями. Это былъ высокій, худой человѣкъ, среднихъ лѣтъ, хорошо образованный, даже ученый, очень добрый, съ утонченно вѣжливымъ обращеніемъ, свѣтскій и любезный. Онъ особенно любилъ и ласкалъ маленькую княжну Долгорукую, садилъ ее къ себѣ на колѣна носилъ, на рукахъ, забавлялъ, разсказывалъ сказки, пѣлъ пѣсенки, игралъ съ нею и иначе не называлъ какъ „ma jolie petite princesse“. Такое доброе вниманіе къ ребенку, конечно, расположило къ графу и дѣвочку и ея бабушку, считавшими его прекраснымъ человѣкомъ, что также было общимъ мнѣніемъ. Но однажды распространились слухи, что въ Шкловѣ стали проявляться фальшивыя ассигнаціи, привезенныя изъ-за границы. Вскорѣ слухи подтвердились, началось формальное слѣдствіе, и открылось, что незадолго передъ тѣмъ графъ получилъ по почтѣ изъ-за границы ящикъ съ картами,— а подъ картами оказались искусно скрытыми и уложенными въ карточныя обертки фальшивыя ассигнаціи. Далѣе разъяснилось, что это случилось не въ первый разъ, и что графу и прежде доставлялись по временамъ подобныя посылки. Его предали суду и осудили къ ссылкѣ въ Сибирь. Графъ былъ страшно пораженъ и неизвѣстно, отъ ужаса ли при открытіи преступленія, или притворно, только съ первыхъ же дней по обнаруженіи этой продѣлки, онъ совершенно онѣмѣлъ, и въ продолженіи десяти лѣтъ, до самой смерти своей, уже не произносилъ ни одного слова. Вѣроятно, по просьбѣ Зорича, или чьей либо другой протекціи, губернаторъ той мѣстности Сибири, куда сослали графа, взялъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ и проживалъ остальное время своей жизни.

По смерти Зорича осталось больше долговъ нежели наслѣдства, долженствовавшаго остаться брату его отъ другаго отца, Неранчицу. Жена же этого Неран-

камергеры. А вечеромъ, въ тотъ же день, поѣхалъ я къ нашему родственнику и другу, князю Ивану Михайловичу Долгорукому, нѣкогда извѣстному поэту, и едва отыскалъ его ветхій домъ, почти за городомъ. Недостатокъ средствъ проглядывалъ во всемъ: комнаты убраны бѣдно, люди одѣты плохо, а самого князя засталъ въ поношенномъ, стареньком тулупчикѣ. Онъ мнѣ очень обрадовался, не отпускалъ до поздней ночи и принудилъ дать слово пріѣхать къ нему завтра на цѣлый день. Къ сожалѣнію, мнѣ невозможно было исполнить данное слово, потому что на другой день, покончивъ дѣла, я поспѣшилъ продолжать свой путь.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, добрался я наконецъ до Екатеринослава, гдѣ нѣсколько дней отрадно отдохнулъ среди своей

чица была та самая злополучная дама, которой привелось совершенно невольно, позабавить московскую публику во время коронаціи Императора Павла Петровича. Тогда вышло предписаніе, чтобы всѣ дамы проѣзжающія въ экипажахъ, при встрѣчѣ съ Государемъ останавливались, выходили изъ дверецъ, и становясь на первой ступенькѣ кланялись Его Величеству. Г-жа Неранчицъ ѣхала въ каретѣ и, встрѣтивъ Императора, хотѣла исполнить церемоніалъ предписаннаго офиціальнаго поклона. Въ поспѣшности она не замѣтила, что съ другой стороны кареты, платье ея было примкнуто дверцой, и когда стала на ступеньку, платье натянулось, поддернулось и такъ поднялось, что обнаружились голыя колѣна. Государь засмѣялся и махнулъ рукой, чтобы она вошла въ карету; но такъ какъ по указанію церемоніала нельзя было обернуться къ Государю спиной, то при затрудненіяхъ своего неловкаго положенія, пятясь назадъ въ карету, г-жа Наранчицъ еще больше запуталась въ своемъ платьѣ, оступилась, упала въ карету, ноги подбросились къ верху,—и попытка офиціальнаго поклона неожиданно ознаменовалась варіаціею, совершенно выходившей изъ границъ церемоніальнаго этикета. Въ Москвѣ много смѣялись по поводу этого приключенія. Не смѣялась только бѣдная г-жа Неранчицъ.

Вскорѣ затѣмъ, уже въ Петербургѣ, былъ другой случай, по той же причинѣ. Императоръ Павелъ Петровичъ, прогуливаясь по обыкновенію передъ обѣдомъ, замѣтилъ быстро проѣхавшую мимо карету съ сидящей въ ней дамой, не остановившейся для исполненія предписанія. Государь приказалъ догнать карету остановить, и узнать фамилію и адресъ дамы. Она сказала. Возвратясь въ дворецъ, Государь сейчасъ послалъ за нею, съ повелѣніемъ немедленно привезть ее къ нему. Посланные, пріѣхавъ по адресу къ означенной дамѣ, нашли что она больна при смерти и что ее соборуютъ масломъ. Когда объ этомъ доложили Императору, онъ сказалъ, что все это выдумки, комедія, и приказалъ непремѣнно ее представить къ себѣ, не смотря ни на что. Когда явились опять къ ней въ домъ, то застали, что она уже лежитъ мертвая на столѣ. Въ то время всѣ говорили, что дама, ѣхавшая въ каретѣ, вѣроятно, была съ визитомъ у своей умиравшей знакомой, и когда ее остановили по приказанію Государя, она, побоявшись назвать настоящее свое имя, назвалась именемъ больной. Это было самое правдоподобное объясненіе этой странной исторіи.

Елена Ивановна де-Бандре сообщала также интересное свѣдѣніе о графинѣ Апраксиной, рожденной графинѣ Ягужинской, бывшей въ то время въ Кіевѣ игуменьей Флоровскаго монастыря. О ней писали въ нашихъ историческихъ журна-

семьи, отъ трехмѣсячной столичной суматохи. Поѣздки въ Петербургъ не мѣшали мнѣ по возвращеніи, почти немедленно, возобновлять мои разъѣзды по колоніямъ. Молочанскія колоніи и Крымъ я посѣщалъ ежегодно, и эти путешествія, за исключеніемъ служебныхъ занятій, не были лишены для меня интереса и даже иногда удовольствія; особенно пріятно я всегда проводилъ время въ колоніи Нейзацѣ, находящейся между Симферополемъ и Карасубазаромъ. Кромѣ прекраснаго, живописнаго мѣстоположенія колоніи, меня къ ней привлекало знакомство съ умнымъ и почтеннымъ аббатомъ Месліотомъ, поселившимся въ одной верстѣ отъ нея. Этотъ аббатъ былъ духовникомъ принца Конде, сопутствовалъ ему во время командованія корпусомъ для дѣйствій противъ рево-

---

лахъ, между прочимъ въ Русской Старинѣ,—но писали крайне невѣрно и ошибочно. Графиня Апраксина была въ близкомъ родствѣ съ княземъ Павломъ Васильевичемъ Долгорукимъ, зятемъ Е. И. де-Бандре, который, пріѣзжая въ Кіевъ, ежедневно бывалъ у нея въ Флоровскомъ монастырѣ, съ своей маленькой тогда дочерью княжной Еленой Павловной. Исторія ея довольно замѣчательна. Графиня въ ранней молодости вышла замужъ за графа Апраксина по любви, очень любила его, и имѣла отъ него двухъ сыновей. Онъ же, влюбился въ фрейлину графиню Разумовскую, умѣлъ понравиться ей и увезъ ее. Старикъ отецъ ея, графъ Разумовскій, бросился за ними въ погоню, догналъ ихъ, сорвалъ съ нея фрейлинскій шифръ, привезъ его во дворецъ къ Императрицѣ Екатеринѣ и сказалъ вручая ей: „Государыня, дочь моя недостойна носить шифръ съ Вашимъ именемъ!“ Императрица, желая уладить это дѣло, призвала къ себѣ графа Апраксина, который ей объявилъ, что онъ уговоритъ жену свою пойти въ монастырь, чтобы дать ему свободу. И дѣйствительно такъ и сдѣлалъ: поѣхалъ къ ней и упросилъ принесть для него эту жертву. Она постриглась въ монахини, а онъ женился на графинѣ Разумовской, положеніе которой уже требовало торопиться бракомъ. Старшій сынъ первой графини Апраксиной часто навѣщалъ свою мать, когда она была игуменьей Фроловскаго монастыря, гостилъ у нея подолгу и умеръ на ея рукахъ.

Любопытенъ еще разсказецъ, очень оригинально изображающій одну изъ интимныхъ сторонъ характера извѣстной графини Александры Васильевны Браницкой, рожденной Энгельгардтъ, любимой племянницы блистательнаго князя Тавриды Потемкина*). Елена Ивановна де-Бандре была хорошо знакома съ графиней, и подъ старость обѣ вдовы жили въ своихъ имѣніяхъ Кіевской губерніи,—первая очень скромно въ маленькой деревенькѣ при помѣстьѣ Ржищево, вторая,—въ своемъ знаменитомъ мѣстечкѣ (теперь городѣ), Бѣлой Церкви, съ состояніемъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ руб., о которыхъ она не любила разговаривать. Въ одно утро, пріѣхалъ къ Ел. Ив. де-Бандре знакомый исправникъ Тарасевичъ и привезъ ей поклонъ отъ графини Браницкой, къ которой онъ заѣзжалъ по дѣлу. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ о здоровьѣ графини, ея житьѣ-бытьѣ, ея извѣстной склонности къ соблюденію экономіи, исправникъ разсказалъ подробности своего визита. Ему надобно было переговорить съ грифиней о ея же дѣлѣ. Отправляясь къ ней верстъ за тридцать, на своихъ лошадяхъ, въ бричкѣ, съ намѣреніемъ, тотчасъ по краткомъ разговорѣ съ графиней, немедленно выѣхать, куда то далеко для произ-

---

*) Мать княгини Е. К. Воронцовой, супруги фельдмаршала.

люціонной Франціи, много видѣлъ, много читалъ и былъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма любезный французъ.

Также во время моихъ побывокъ въ Молочанскихъ колоніяхъ, я часто видѣлся съ тогдашнимъ начальникомъ ногайскихъ поселеній, графомъ де-Мезономъ. Это былъ умный и замѣчательный французъ, одушевлявшійся настойчивостію и терпѣніемъ, не всѣмъ его соотечественникамъ свойственными. Онъ эмигрировалъ изъ Франціи въ революцію, путешествовалъ по всѣмъ странамъ, по всѣмъ морямъ, и въ бытность герцога Ришелье въ Одессѣ пріѣхалъ къ нему въ гости. Ришелье, съ обычною ему проницательностію, тотчасъ понялъ его способности быть хорошимъ администраторомъ надъ кочующимъ народомъ; предложилъ ему поступить на службу

водства неотложнаго слѣдствія, и зная, что его лошадей на графскомъ дворѣ кормить не станутъ,— онъ велѣлъ привязать сзади брички, на запяткахъ, хорошую связку сѣна, дабы въ дорогѣ покормить своихъ усталыхъ, голодныхъ коней. Графиня приняла его довольно милостиво и вѣжливо, но съ сохраненіемъ важнаго достоинства и величія своихъ важныхъ титуловъ; статсъ-дама высочайшаго двора, кавалерственная дама ордена Екатерины 1-й степени, племянница князя Потемкина, ясновельможная коронная гетманша, многомилліонная графиня Браницкая, благосклонно снисходила вести разговоръ о своемъ дѣльцѣ, съ маленькимъ, темнымъ уѣзднымъ чиновникомъ. Она сидѣла въ покойномъ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, возлѣ большаго окна, выходившаго во дворъ. Объяснившись по дѣлу, исправникъ началъ раскланиваться, графиня кивнула головой и повернулась къ окну,—но въ ту же минуту обратилась къ исправнику съ новымъ вопросомъ о дѣлѣ, попросила посидѣть, разъяснить то и другое; стала съ участіемъ разспрашивать о его службѣ, его семействѣ, его частной жизни, разсказывать о постороннихъ вещахъ, просила не торопиться, отдохнуть, - и все это такъ просто, привѣтливо, ласково, что г-нъ Тарасевичъ крайне изумился. Куда дѣвалась величавая, внушительная важность, куда дѣвался горделивый гетманскій гоноръ! Знатная персона высокаго тона мгновенно, какъ бы по мановенію волшебной палочки, превратилась въ добродушную, болтливую старушку безъ всякой церемонности, безъ малѣйшихъ претензій и поползновеній на давленіе своимъ безмѣрнымъ превосходствомъ, и милостивымъ снисхожденіемъ, ничтожнаго человѣка, неловко сидѣвшаго противъ нея на кончикѣ стула. Словомъ, ни тѣни только-что бывшей предъ тѣмъ вельможной, сановитой старой графини Браницкой, къ которой почтенныя дамы высшаго тогдашняго Кіевскаго общества, генеральши, считали за честь подходить къ цѣлованію ручки,—о чемъ свидѣтельствуетъ Филиппъ Филиппповичъ Вигель въ первомъ томѣ своихъ воспоминаній. Нѣсколько разъ исправникъ Тарасевичъ подымался со стула и принимался за отвѣшиваніе нижайшихъ прощальныхъ поклоновъ, но графиня снова настойчиво усаживала его и продолжала оживленно бесѣдовать съ нимъ. Исправникъ понялъ, что она умышленно его заговариваетъ и удерживаетъ, но никакъ не могъ постигнуть, для чего. Онъ замѣтилъ что графиня, разговаривая съ нимъ, частенько, какъ бы мимоходомъ, невзначай, поглядываетъ въ окно,—и изъ любопытства, „что она туда смотритъ, что тамъ такое?“— самъ заглянулъ въ окно. Онъ увидѣлъ весьма прискорбную для себя картину: посреди обширнаго двора, неподалеку отъ крыльца, стояла его бричка; усталая тройка на солнечной жарѣ грустно понурила головы, кучеръ

и поручилъ его управленію ногайцевъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ семей, кочевавшихъ близъ Азовскаго моря, по сосѣдству съ Молочанскими колоніями. Графъ де-Мезонъ вполнѣ оправдалъ надежду своего земляка начальника. Сначала онъ старался пріобрѣсть довѣріе ногайцевъ справедливостію, терпѣніемъ, внимательностію къ ихъ нуждамъ; когда же въ томъ успѣлъ и довелъ ихъ до сознанія, что осѣдлая жизнь лучше кочевой, то созвалъ ихъ старѣйшихъ и объявилъ имъ, что для ихъ же счастія, они должны тотчасъ же приступить къ исполненію этой реформы. Въ тотъ же день всѣ ихъ кибитки были сожжены. Приготовительныя же мѣры къ назначенію мѣстъ для ихъ поселеній, обмежеванію и проч. были заблаговременно приняты и уже сдѣланы. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ устроилось нѣсколько десятковъ селеній, основаны сады, мельницы, и ногайцы благословляли своего добраго, попечительнаго начальника. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ, за смертію своей, довершить свое полезное предпріятіе. При немъ, конечно, ногайцы никогда бы не пожелали переселяться въ Турцію.

Въ этотъ годъ я ѣздилъ еще въ Бессарабію. Въ Кишиневѣ Инзовъ всегда приглашалъ меня останавливаться у него въ домѣ. Пушкинъ, въ продолженіи своей Кишиневской ссылки, тоже жилъ сначала у Инзова. Домъ былъ не особенно великъ, и во время моихъ пріѣздовъ меня помѣщали въ одной комнатѣ съ Пушкинымъ, что для меня было крайне неудобно, потому что я пріѣзжалъ по дѣламъ, имѣлъ занятія, вставалъ и ложился спать рано, а онъ по цѣлымъ ночамъ не спалъ, писалъ, возился, декламировалъ и громко мнѣ читалъ свои стихи. Лѣтомъ, разоблачался совершенно и производилъ всѣ свои ночныя эволюціи въ комнатѣ, во всей наготѣ своего натуральнаго образа. Онъ подарилъ мнѣ двѣ свои

дремалъ на козлахъ; а сзади, у запятокъ, подобралась графская корова и безпощадно пожирала припасенное, увязанное на запяткахъ сѣно. Исправникъ Тарасевичъ разомъ постигъ все. Онъ уже не пытался раскланиваться и покорно ожидалъ скораго окончанія своего визита, соразмѣряя его съ хищническимъ аппетитомъ коровы. Графиня продолжала поглядывать въ окно и, по мѣрѣ уменьшенія сѣна, начинала понемножку охладѣвать въ заботливомъ участіи къ судьбѣ исправника, и возвращаться въ первобытную норму знатной персоны. Съ послѣднимъ клочкомъ сѣна, вытащеннымъ коровой,—исправникъ Тарасевичъ почтительно всталъ, а графиня Браницкая, уже съ полнымъ аттитюдомъ высокопоставленной особы, глубоко сознающей свои властные, полновѣсные аттрибуты,—легкимъ наклоненіемъ головы, какъ бы съ заоблачной высоты, снисходительно отпустила его въ дальнѣйшій путь на голодныхъ лошадяхъ.

рукописныя поэмы, писанныя имъ собственноручно, Бахчисарайскій фонтанъ и Кавказскій плѣнникъ. Зная любовь моей жены къ поэзіи, я повезъ ихъ ей въ Екатеринославъ вмѣсто гостинца, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что лучшаго подарка сдѣлать ей не могъ. Она пришла отъ нихъ въ такое восхищеніе, что цѣлую ночь читала и перечитывала ихъ нѣсколько разъ, а на другой день объявила, что Пушкинъ несомнѣнно «геніальный, великій поэтъ». Онъ тогда былъ еще въ началѣ своего литературнаго поприща и не очень извѣстенъ. Я думаю, что Елена Павловна едва-ли не одна изъ первыхъ признала въ Пушкинѣ геніальный талантъ и назвала его великимъ поэтомъ.

Однако, великій поэтъ придумывалъ иногда такія продѣлки, которыя выходили даже изъ предѣловъ поэтическихъ вольностей. До переѣзда Инзова въ Кишиневъ, Пушкинъ находился при немъ нѣсколько времени въ Екатеринославѣ, впрочемъ, недолго; заболѣлъ лихорадкою и уѣхалъ съ генераломъ Раевскимъ лечиться на Кавказъ. Въ Екатеринославѣ онъ конечно познакомился съ губернаторомъ Шеміотомъ, который, однажды, пригласилъ его на обѣдъ. Приглашены были и другія лица, дамы, въ числѣ ихъ моя жена. Я самъ находился въ разъѣздахъ. Это происходило лѣтомъ, въ самую жаркую пору. Собрались гости, явился и Пушкинъ и съ первыхъ же минутъ своего появленія привелъ все общество въ большое замѣшательство необыкновенной эксцентричностію своего костюма: онъ былъ въ кисейныхъ панталонахъ! Въ кисейныхъ, легкихъ, прозрачныхъ панталонахъ, безъ всякаго исподняго бѣлья. Жена губернатора, г-жа Шеміотъ, рожденная княжна Гедровицъ, старая пріятельница матери моей жены, чрезвычайно близорукая, одна не замѣчала этой странности. Здѣсь же присутствовали три дочри ея, молодыя дѣвушки. Жена моя потихоньку посовѣтовала ей удалить барышенъ изъ гостинной, объяснивъ необходимость этого удаленія. Г-жа Шеміотъ, не довѣряя ей, не допуская возможности такого неприличія, увѣряла, что у Пушкина просто лѣтнія панталоны бланжеваго, тѣлеснаго цвѣта; наконецъ, вооружившись лорнетомъ, она удостовѣрилась въ горькой истинѣ и немедленно выпроводила дочерей изъ комнаты. Тѣмъ и ограничилась вся демонстрація. Хотя всѣ были возмущены и сконфужены, но старались сдѣлать видъ, будто ничего не замѣчаютъ. Хозяева промолчали, и Пушкину его продѣлка сошла благополучно.

Въ теченіе 1824-го и 1825-го годовъ, я занимался составленіемъ инструкцій для управленія колоніями. Трудъ этотъ, по данной программѣ, былъ обширный, хотя мало полезный. У насъ и теперь, а тогда еще болѣе, для полезнаго служенія нужны достойные и смышленные люди, а не огромныя инструкціи. Контеніусъ не имѣлъ почти никакихъ инструкцій, а былъ полезнѣе исполнителей обширныхъ начертаній графа Блудова, Киселева и Перовскаго.

При возвращеніи въ одномъ изъ этихъ годовъ изъ Бессарабіи, я свернулъ съ дороги и сдѣлалъ маленькое путешествіе по Каменецъ-Подольской губерніи, чтобы повидаться съ братомъ моимъ Павломъ Михайловичемъ, находившимся тогда во второй арміи, при главной квартирѣ, и погостить у него нѣсколько дней. Тамъ я видѣлъ въ первый разъ генерала Киселева, съ которымъ впослѣдствіи, имѣлъ такъ много сношеній; а также встрѣчался и познакомился съ нѣкоторыми лицами, сдѣлавшимися вскорѣ важными декабристами. Сужденія ихъ и тогда уже отличались такою смѣлостію и рѣзкостію, что удивляли меня; они, повидимому, одобрялись высшими людьми, какъ напримѣръ, генераломъ Киселевымъ. На обратномъ пути, проѣздомъ черезъ Умань, я посѣтилъ знаменитый садъ Софіевку, принадлежавшій тогда еще графинѣ Потоцкой. Садъ этотъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, дѣйствительно, замѣчателенъ, какъ по прекрасному мѣстоположенію, такъ и по изящному вкусу учредителей его. По пріѣздѣ въ Екатеринославъ, занялся обычными дѣлами, до новой обычной дѣловой поѣздки.

Въ этомъ году (1824-мъ) мы съ женою были обрадованы рожденіемъ сына Ростислава,— о чемъ я уже упоминалъ выше,— единственнаго нашего сына. И радость наша не обманула насъ. Теперь, уже въ старости, могу сказать, что въ немъ Богъ намъ даровалъ добраго сына, достойнаго человѣка и вѣрнаго слугу отечества своего *).

---

*) Андрей Михайловичъ и Елена Павловна Фадѣевы дали своему сыну имя „*Ростислава*“ вслѣдствіе особенной причины, которая заслуживаетъ быть переданной здѣсь.

Задолго до этого, когда Елена Павловна была еще молоденькой дѣвочкой, почти ребенкомъ, былъ у нея двоюродный дядя, князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукій, старый морякъ, долго и много плававшій по морямъ. Онъ командовалъ кораблемъ и съ нимъ участвовалъ въ эскадрѣ графа Орлова Чесменскаго, когда тотъ совершалъ экспедицію въ Неаполь для похищенія княжны Таракановой. По совершеніи похищенія, Тараканову посадили на этотъ же самый корабль подъ командой Долгорукаго, который и доставилъ ее въ Кронштадтъ. Кн. Долгорукій лю-

Лѣтомъ 1825-го года, я сопровождалъ генералъ-губернатора Новороссійскаго края графа Воронцова по колоніямъ. Онъ путешествовалъ вмѣстѣ съ графинею; и онъ и она были тогда еще въ цвѣтѣ лѣтъ, очень любезны и привѣтливы.

По возвращеніи моемъ изъ разъѣздовъ осенью этого года, я узналъ, что императоръ Александръ Павловичъ съ Государыней прибыли въ Таганрогъ, дабы тамъ зимовать, по разстроенному ея здоровью. Десятаго октября я получилъ эстафету отъ графа Воронцова, въ коей онъ меня извѣщалъ, что Государь ѣдетъ въ Крымъ, и будетъ проѣзжать черезъ Молочанскія колоніи и потому просилъ меня сдѣлать нужныя приготовленія. Я немедленно отправился и исполнилъ все, что слѣдовало.

Путешествіе Государя было направлено изъ Таганрога чрезъ Маріуполь и ногайскія поселенія. Съ 21-го на 22-е октября онъ ночевалъ въ главномъ изъ этихъ поселеній, Обыточной, близъ Азовскаго моря, у графа де-Мезона, въ сорока верстахъ отъ коло-

билъ разсказывать своей маленькой племянницѣ, какъ онъ совершалъ это путешествіе съ принцессой Таракановой, какая она была очаровательная женщина, любезная, красивая, отличная музыкантша, какъ прекрасно пѣла. Бывало, въ тихую, лунную ночь, выйдетъ на палубу и начнетъ пѣть, и долго, долго поетъ, и такой у нея голосъ, что проникаетъ въ самую глубь души. И подъ это пѣніе, у князя Долгорукаго начинали бродить странныя мысли, въ родѣ того: „а что если бы съ нею куда нибудь бѣжать! Что-жъ, матросы меня любятъ, они меня послушаютъ; взять-бы, повернуть корабль, да вмѣсто Кронштадта махнуть въ Америку!... А тамъ что Богъ дастъ. „Такія мысли продолжались конечно, только пока Тараканова пѣла, и умолкали вмѣстѣ съ ея голосомъ. Такъ онъ ее и довезъ до Кронштадта. Тутъ за нею пріѣхали на корабль, взяли, увезли, и съ тѣхъ поръ кн. Долгорукій ея не видѣлъ, нигдѣ ее не могъ открыть и ничего не могъ узнать. Говорили, что ее засадили въ Петропавловскую крѣпость, и что она тамъ при наводненіи утонула. Князь Долгорукій былъ старый, безсемейный холостякъ, большую часть жизни проводилъ въ морѣ на своемъ кораблѣ и любилъ его со страстію, какъ свое родное дѣтище. Корабль назывался „Ростиславъ“. Кн. Долгорукій говорилъ о немъ съ отеческою нѣжностію, иногда со слезами умиленія, и постоянно твердилъ своей племянницѣ; „смотри, Еленушка, когда ты будешь большая, „и выйдешь замужъ, и будетъ у тебя сынъ, ты его назови Ростиславомъ, въ честь „и память моего корабля. Онъ долженъ быть Ростиславъ, непремѣнно Ростиславъ; „Смотри же, помни, не забудь“. И взялъ съ нея слово, и при каждомъ свиданіи напоминалъ объ этомъ. Прошло много лѣтъ, маленькая дѣвочка сдѣлалась взрослой дѣвушкой, вышла замужъ, была уже матерью двухъ дочерей. Князь Григорій Алексѣевичъ давно уже разстался съ своимъ Ростиславомъ и съ пучинъ морскихъ сошелъ въ нѣдра земныя; но Еленушка не забыла своего обѣщанія. И вотъ, въ 1824-мъ году 28-го марта, Богъ ей даровалъ сына, здороваго, большого мальчика, которому по виду можно было дать два—три мѣсяца. Радостно встрѣтили родители своего перваго и единственнаго сына и при его крещеніи исполнили завѣтное желаніе стараго командира корабля „Ростислава“; и въ честь и память ихъ обоихъ, назвали своего сына Ростиславомъ.

ніи, и 22-го октября прибылъ въ колоніи, ровно за четыре недѣли до горестной своей кончины.

Первое поселеніе менонистовъ *) на этомъ пути состояло въ фермѣ одного мениониста, именуемой Штейнбахъ. Государь прибылъ туда въ 12-мъ часу по-полуночи. При выходѣ изъ коляски, у подъѣзда дома, Его Величество былъ встрѣченъ мною съ старшинами менонистовъ; по выслушаніи словесно рапорта о благосостояніи колоній, и принятіи письменнаго о народонаселеніи въ нихъ, и хозяйственномъ обзаведеніи съ планомъ Молочанскаго округа, изволилъ спросить у меня: «съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?» — и получивъ отвѣтъ: — «а гдѣ Контеніусъ?» — «Въ Екатеринославѣ; нездоровъ». — И съ этими словами я представилъ Его Величеству письмо отъ него **). Потомъ Государь обратился къ старшинамъ и принялъ отъ нихъ съ милостивою улыбкою поздравительное, письменное привѣтствіе, слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій Государь! Провидѣніе даровало намъ сча-«стіе видѣть Ваше Императорское Величество, нашего Всемило-«стивѣйшаго Государя и отца, вторично посреди насъ. Подъ Тво-«имъ милосерднымъ правленіемъ, подъ Твоимъ покровомъ и защи-«тою, мы живемъ здѣсь счастливо и покойно. Пріими, Всепресвѣт-«лѣйшій Монархъ, изліяніе чувствъ благодарности, преданности и «любви; пріими удостовѣреніе нашей сердечной и всегдашней «мольбы ко Всевышнему: да Господь увѣнчаетъ тебя, весь твой «Августѣйшій домъ и всѣ Твои великія и благодѣтельныя пред-«начинанія благословеніемъ своимъ».

Подписано духовными и свѣтскими старшинами менонистскаго общества.

Государь вошелъ въ комнаты, призвалъ хозяина и хозяйку и милостиво привѣтствовалъ ихъ. Я удостоился приглашеніемъ къ обѣденному столу. Когда я вошелъ въ столовую комнату, Государь уже сидѣлъ за столомъ. Пригласивъ меня сѣсть русскимъ изрѣченіемъ: «милости просимъ садиться», Его Величество, обращаясь ко мнѣ, началъ слѣдующій разговоръ: ***)

---

*) Почему-то принято теперь писать „мениониты"—тогда какъ прежде они всегда назывались „менонисты", что гораздо правильнѣе.

**) Письмо это помѣщено въ приложеніяхъ подъ № 28.

***) Разговоры съ Государемъ Андрей Михайловичъ записывалъ въ тотъ же день въ свою памятную книжку.

— «Чѣмъ боленъ Контеніусъ?

— «Грудною болѣзнію, Ваше Величество—отвѣтилъ я.

— «А я думаю старостію. Сколько ему лѣтъ?

— «Семьдесятъ шесть.

— «Кланяйся ему, братецъ, отъ меня и скажи, что я очень жа-«лѣю, что не могъ его видѣть и особенно о причинѣ, по которой «онъ не могъ сюда пріѣхать. Скажи ему, что я душевно желалъ «бы снять ему лѣтъ двадцать, но это свыше моей власти.

Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько вопросовъ о генералѣ Инзовѣ и другихъ начальникахъ колоній, Государь сказалъ:

— «Въ этой колоніи только два дома?

— «Это не колонія, В. В.,»—отвѣчалъ я—«но хуторъ, основан-«ный при землѣ, пожалованной Вашимъ Величествомъ бывшему «менонистскому старшинѣ Винцу, за его усердное общественное «служеніе и за основаніе первой въ здѣшнихъ мѣстахъ лѣсной «плантаціи. Теперешній хозяинъ дома—зять его.

Государь, указывая въ окно, спросилъ меня:

— «А чьи это маленькіе малороссійскіе домики?

— «Въ нихъ живутъ работники хозяина.

— «А менонисты, кажется, не строятъ домовъ на этотъ манеръ?

— «Никакъ нѣтъ, Ваше Величество.

— «Сколько вышло менонистовъ изъ Пруссіи сюда въ прошломъ году?

— «Пять семей.

— «Въ чемъ состоятъ главныя упражненія менонистовъ?

— «Въ улучшенномъ скотоводствѣ, хлѣбопашествѣ, въ разныхъ «ремеслахъ.

— «Какой у нихъ рогатый скотъ?

— «Большею частію смѣсь нѣмецкаго съ малороссійскимъ.

— «А лошади?

— «Также; потому что первоначально вышедшіе менонисты приводили съ собою рогатый скотъ и лошадей изъ Пруссіи.

— «Какой они высѣваютъ наиболѣе хлѣбъ?

— «Пшеницу.

— «Много ли они потеряли въ прошлую зиму отъ падежа скота?

— «Пятую часть.

— «Была ли у нихъ такъ же, какъ и у прочихъ здѣшнихъ жителей въ то время, снята съ крышъ солома на прокормъ скота?

— «У нѣкоторыхъ.

— «Бываютъ ли за ними недоимки въ податяхъ?

— «Весьма рѣдко.

— «Есть ли фабрики?

— «Одна небольшая, суконная, которую В. В. въ 1818 году изволили удостоить посѣщеніемъ.

— «А! Помню.

Лейбъ-медикъ Вилліе, сопровождавшій Государя и находившійся за столомъ, замѣтилъ: «Кажется, что въ 1818 году мы здѣсь не ѣхали.

— «Нѣтъ, подтвердилъ Государь,» мы проѣхали изъ духоборческой деревни, гдѣ ночевали, на село Токмакъ и оттуда прямо въ Маріуполь».— Затѣмъ обратился снова ко мнѣ:—«Бываютъ ли между менонистами важныя уголовныя преступленія?»

— «Въ продолженіи восьмилѣтняго управленія моего случилось одно только.

— «Какое?

— «Одинъ менонистъ, въ нетрезвомъ видѣ, задавилъ ребенка, переѣхавъ его повозкою на дорогѣ.

Государь, сдѣлавъ знакъ головою, сказалъ: «Это неумышленно! Но развѣ бываютъ между ними наклонные къ пьянству?

— «Весьма рѣдко.

— «Это хорошіе люди».— И потомъ Государь шуточно спросилъ у Вилліе—N'est ce pas que vous êtes ici chez vos confrères, en fait de religion?

— «Non, sire,» отвѣчалъ Вилліе, «je suis de l'église épiscopale».

— «Et dans quelle église allez-vous à Pétersbourg?

— «Dans la chapelle anglicane.

Государь продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:—«мирно ли они живутъ съ ногайцами?

— «Ногайцы иногда нѣсколько безпокоятъ ихъ, но мѣстное начальство старается всемѣрно прекращать своевольство ногайцевъ.

Всѣ окна были усѣяны менонистками изъ ближнихъ колоній, въ ихъ праздничныхъ платьяхъ. Началась сильная буря и дождь. Государь, посмотрѣвъ въ окно, сказалъ:—«Шквалъ! Шквалъ! pau-

vres femmes, elles seront toutes mouillées!»—И потомъ спросилъ меня:—«Всегда ли здѣсь въ октябрѣ бываетъ такая погода?

— «Напротивъ, Ваше Величество, вѣтры и дожди здѣсь гораздо чаще бываютъ въ сентябрѣ, прежде и послѣ равноденствія; а въ октябрѣ, бо̀льшею частію, дни ясные, теплые и тихіе и только по утрамъ и по вечерамъ случаются туманы».

Государь обратился съ вопросомъ къ Вилліе и генералу Соломкѣ, у кого они ночевали въ Ногайскѣ, и хорошія ли у нихъ были квартиры. Въ это время поваръ Государя, Миллеръ, подалъ блюдо съ зеленью. Государь спросилъ:—Ces légumes sont ils d'ici»?—Non, sire, отвѣчалъ Миллеръ; mais je les ai trouvées ici.

Государь увидѣлъ костяной ножъ, которымъ Вилліе рѣзалъ хлѣбъ, поданный ему Миллеромъ изъ другой комнаты и, взявъ его въ руки, посмотрѣлъ на надпись и сказалъ: «Написано «*Москва*» латинскими буквами! Наши фабриканты имѣютъ страсть или писать на своихъ произведеніяхъ «Лондонъ» и «Парижъ», или хотя Москву и Петербургъ, но всегда и непремѣнно латинскими буквами!

Вилліе меня спросилъ, не здѣсь ли сдѣланъ ножъ? Я отвѣчалъ отрицательно.

— «Знаете ли вы,» — обратился Государь ко мнѣ, — «швейцарца, поселившагося между ногайцами?»

— «Нѣсколько знаю».

— «А какъ вы о немъ знаете?»

— «Сколько мнѣ извѣстно, онъ кажется хорошей нравственности и имѣетъ добрыя намѣренія».

— «Въ чемъ состоятъ онѣ?»

— «Въ томъ, чтобы узнать совершенно характеръ, образъ мыслей, нравы, духъ ногайцевъ и сообщить свои свѣдѣнія Базельскимъ миссіонерамъ, имѣющимъ цѣлію обращеніе магометанъ въ христіанскую вѣру, для облегченія имъ въ томъ успѣха.

— «Да!» — сказалъ Государь, — «такъ точно; въ Базелѣ есть институтъ, гдѣ воспитываются миссіонеры. Я желаю ему успѣха, но сомнѣваюсь въ томъ.

Государь посмотрѣлъ на часы и всталъ изъ-за стола. Кромѣ Государя, за столомъ находились генералы, баронъ Дибичъ и Соломка, лейбъ-медикъ Вилліе и я. Послѣ обѣда Его Величество вышелъ въ другую комнату. Чрезъ нѣсколько минутъ позвали меня-

нистскихъ старшинъ. Государь спрашивалъ ихъ, всѣмъ ли они довольны и не имѣютъ ли какихъ жалобъ? Получивъ въ отвѣтъ, что они счастливы, довольны во всѣхъ отношеніяхъ и что имъ остается только благодарить Государя за всѣ его щедрости и милости, онъ сказалъ имъ: «Я также доволенъ вами за мирную жизнь и трудолюбіе, но желаю, чтобы вы основали лѣсныя плантаціи, особенно изъ американскихъ акацій, очень успѣшно произрастающихъ въ этихъ мѣстахъ, по $^1/_2$ десятины на хозяина». Затѣмъ, отпустивъ ихъ, призвалъ вновь хозяина и хозяйку, поблагодарилъ ихъ, щедро одарилъ и вышелъ для отъѣзда.

Получивъ дозволеніе проводить государя до ночлега, назначеннаго въ послѣдней менонистской колоніи Альтонау, я поѣхалъ слѣдомъ за Его Величествомъ. Внѣ колоній, которыя встрѣчались по пути, государь приказывалъ ѣхать очень скоро, въ колоніяхъ же тише. До первой станціи, колоніи Рикенау, въ 17-ти верстахъ отъ Штейнбаха, государь проѣхалъ черезъ новыя колоніи, Прангнау, Нейкирхъ и близъ колоніи Лихтерфельдъ. Въ Рикенау Государь разговаривалъ съ хозяиномъ дома, подлѣ котораго перемѣняли лошадей; спросилъ его довольны ли они всѣмъ и проч.

Въ колоніи Орловѣ, лошади перемѣнялись возлѣ одного менонистскаго дома, отличавшагося отъ прочихъ обширностію и устройствомъ. Государь вышелъ изъ коляски и пошелъ одинъ въ домъ. Хозяинъ этого дома, ѣхавшій верхомъ передовымъ, предъ экипажемъ государя, весь промоченный дождемъ и испачканный грязью, побѣжалъ перемѣнить кафтанъ. Оробѣвшая хозяйка стояла, прижавшись у переднихъ дверей,— а двѣ мои малолѣтнія дочери, пріѣхавшія изъ Екатеринослава съ знакомой дамой, чтобы видѣть государя, стояли въ другой комнатѣ, дверь которой была отворена. Государь вошелъ въ комнату и, увидѣвъ ихъ, подошелъ къ нимъ и спросилъ у нихъ, кто онѣ? Затѣмъ милостиво разспрашивалъ маленькихъ дочерей о ихъ матери, есть ли у нихъ братья, сестры и проч.

Возвратясь въ переднюю комнату и узнавъ отъ вошедшаго хозяина, что въ углу стоявшая женщина, жена его, хозяйка дома, Государь подошелъ къ ней и взялъ ее за руку; хозяйка, думая, что Государь по менонистскому обычаю хочетъ пожать ей руку, свободно протянула ее; но Государь поцѣловалъ ей руку. Это снисхожденіе, свыше всякаго чаянія, такъ поразило ее, что она отступила нѣсколько шаговъ назадъ, поблѣднѣла, зашаталась,

готовая упасть въ обморокъ и не была въ состояніи произнести ни слова. Его Величество сдѣлалъ хозяину нѣсколько вопросовъ о домѣ его: давно ли построенъ, во что обошелся и проч.— И поклонясь, вышелъ изъ комнаты.

Въ сѣняхъ государь увидѣлъ меня и спросилъ ласково:

— «Твое семейство здѣсь?

— «Здѣсь, Государь,» —отвѣтилъ я: «двѣ дочери, желавшія имѣть счастіе удостоиться лицезрѣнія Вашего Величества.

— «А твоя супруга гдѣ?

— «Въ Екатеринославѣ, Государь.

— «Дѣти твои мнѣ говорили, что она урожденная княжна Долгорукая?

— «Такъ точно.

— «Какого Долгорукаго?

— «Князя Павла Васильевича.

— «Не того ли, что̀ служилъ въ уланахъ?

— «Никакъ нѣтъ. Тесть мой имѣлъ счастіе служить августѣйшей бабкѣ Вашего Величества генералъ-маіоромъ, и въ началѣ царствованія родителя Вашего Величества вышелъ въ отставку.

Государь поднялъ глаза, припоминая его, и потомъ, пожавъ плечами, сказалъ:—«Не помню.

Садясь въ коляску, Его Величество сказалъ мнѣ:—«У здѣшняго хозяина домъ лучше чѣмъ у другихъ.

— «Онъ достаточнѣе другихъ» —отвѣтилъ я.

— «А это какой домъ въ концѣ колоніи, противъ школы, отдѣльный?

— «Молитвенный.

— «Будетъ ли онъ выштукатуренъ?

— «Въ будущемъ году менонисты намѣреваются непремѣнно выштукатурить.

— «Такъ, какъ этотъ?—указывая на домъ, гдѣ онъ изволилъ быть.

— «Такъ точно.

Государь, кивнувъ головою съ улыбкой одобренія, велѣлъ кучеру ѣхать. По прибытіи въ колонію Альтонау Государь вошелъ въ домъ, предназначенный для ночлега его, и тотчасъ призвалъ хозяина съ хозяйкой, дѣтей и мать ихъ, говорилъ съ ними освѣдомлялся о ихъ положеніи, хозяйствѣ, лѣтахъ и проч.

Ночью стражу при экипажѣ и квартирѣ Государя составляли по собственному своему желанію, сами старшины и почетнѣйшіе изъ хозяевъ. На другой день, 23-го октября, предъ выѣздомъ, узнавъ, что дѣти мои пріѣхали сюда, Государь изволилъ приказать привести къ нему ихъ. Генералъ Соломка, посланный за ними, видя, какія онѣ еще маленькія (старшей было десять лѣтъ*), а второй всего шесть), напомнилъ имъ, чтобы онѣ не забыли поклониться Государю,— что онѣ конечно исполнили. Государь разговаривалъ съ ними очень милостиво, шутилъ, разспрашивалъ подробно о ихъ матери, дѣдѣ, занятіяхъ, ученіи; обласкалъ ихъ, при прощаніи поцѣловалъ у нихъ обѣихъ руки и просилъ поклониться отъ него ихъ матери. Уходя, дѣвочки никакъ не могли отворить двери: Государь ходилъ по комнатѣ и, замѣтивъ ихъ затрудненіе, подошелъ къ нимъ, засмѣялся и, толкнувъ ногою дверь, выпустилъ ихъ. Потомъ призвалъ онъ хозяина и хозяйку, поблагодарилъ за ночлегъ и щедро одарилъ деньгами. Соломка мнѣ говорилъ, что Государь желалъ сдѣлать подарки моимъ дѣтямъ; но оказалось, что въ дорогу ничего не взяли для этой цѣли.

Я ожидалъ выхода Государя для отправленія въ путь у дверей дома. Поровнявшись со мною, Его Величество остановился и сказалъ мнѣ:

— «Благодарю тебя; я весьма доволенъ, что познакомился съ тобою. Кланяйся отъ меня своей супругѣ». И потомъ голосомъ отеческаго соучастія: — «Скажи мнѣ, счастливъ ли ты въ своемъ семействѣ»?

Съ чувствомъ умиленія и благодарности къ истинному Отцу-Государю, произнесъ я совершенно утвердительный отвѣтъ. Его Величество поклонился и сѣлъ въ коляску. Въ это самое время, одинъ ногаецъ сунулъ въ руки барона И. И. Дибича нѣсколько ассигнацій стараго достоинства; Государь, взглянувъ на нихъ, сказалъ: «А, это стараго достоинства! Ихъ вымѣнивать уже запрещено закономъ. А сколько ихъ?» Дибичъ доложилъ: «Двѣсти пятьдесятъ рублей». Государь приказалъ: «Дать ему!» что Дибичъ и велѣлъ исполнить Соломкѣ. Затѣмъ Государь поклонился и отправился въ дальнѣйшій путь.

---

*) Это была Елена Андреевна, будущая г-жа Ганъ, писавшая подъ псевдонимомъ Зенаиды Р***.

Въ пяти верстахъ отъ послѣдней колоніи Государь проѣзжалъ чрезъ главное духоборческое селеніе, подъ названіемъ «Терпѣніе». Духоборческіе старшины ожидали Государя съ хлѣбомъ и солью. Но Государь, узнавъ отъ квакеровъ Аллена и Грельета, что духоборцы не признаютъ божественности Христа, и потомъ изъ доходившихъ къ нему донесеній о разныхъ преступленіяхъ и безпорядкахъ между ними,— взглянулъ на нихъ съ видомъ негодованія и приказалъ кучеру, не останавливаясь, ѣхать впередъ.

Въ этотъ день Государь обѣдалъ на хуторѣ помѣщика Прудницкаго, около рѣки Утлюка, отъѣхавъ шестьдесятъ верстъ отъ колоній. Генералъ Соломка, съ которымъ я впослѣдствіи времени видѣлся, говорилъ мнѣ, что за столомъ зашла рѣчь о менонистахъ. Соломка сказалъ Государю, что просилъ меня о пріисканіи ему семейства менонистовъ въ его Тамбовскую деревню для управленія ею. Государь на это замѣтилъ: — «Можетъ быть, Фадѣевъ исполнитъ твое желаніе, но я сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Всякій менонистъ, «поселясь здѣсь, ищетъ положить основаніе благосостоянію не только собственному, но и потомства своего; въ кругу своихъ собратій «онъ находится какъ бы въ коренномъ отечествѣ своемъ; соотечественники его помогаютъ ему въ нуждахъ его, знакомятъ его съ «мѣстнымъ положеніемъ, обстоятельствами и такъ далѣе. А у тебя, «въ отдаленіи отъ нихъ, онъ будетъ лишенъ всѣхъ этихъ удобствъ. «Сверхъ того, я не думаю, чтобы ихъ общество и согласилось отпустить отъ себя хорошаго человѣка, изъ опасенія, чтобы онъ не «испортился въ нравственности и не сдѣлалъ навыка къ обычаямъ «и порокамъ, кои до сихъ поръ имъ чужды. А въ дурномъ, тебѣ «мало будетъ пользы». Послѣдствія совершенно оправдали это прозорливое заключеніе Государя, такъ какъ при всемъ моемъ стараніи, я не могъ уговорить ни одного изъ извѣстныхъ мнѣ по хорошимъ качествамъ менонистовъ принять предложеніе, даже съ самыми выгодными условіями.

Проводивъ Государя, я немедленно возвратился въ Екатеринославъ и, пославъ генералу Инзову эстафету съ донесеніемъ о всѣхъ подробностяхъ проѣзда Государя чрезъ колоніи, извѣстилъ его о приказаніи Его Величества передать ему, что, по возвращеніи въ Таганрогъ, Государь желаетъ его тамъ видѣть.

Вслѣдствіе этого извѣщенія, Инзовъ пріѣхалъ изъ Кишинева въ Екатеринославъ. Времени до возвращенія Государя въ Таганрогъ

оставалось еще около двухъ недѣль, и потому Инзовъ не торопился. Взявъ меня съ собою, онъ отправился, разсчитывая ѣхать потихоньку, чрезъ колоніи, лежащія на пути, съ отдыхами и остановками, тѣмъ болѣе, что уже наступила глубокая осень, дорога была дурная. Инзовъ предполагалъ, доѣхавъ до окружности Маріуполя, отправиться въ Таганрогъ не раньше, какъ по полученіи извѣстія, что Государь туда возвратился. Между тѣмъ, уже начали носиться слухи о нездоровіи Государя. Проѣхавъ такимъ образомъ всѣ вновь основанныя колоніи на земляхъ, отобранныхъ у Маріупольскихъ грековъ, мы пріѣхали обѣдать къ одному мнѣ знакомому помѣщику Гозадинову, недалеко отъ Маріуполя. Это было 23-го ноября. Здѣсь мы услышали вѣсть о кончинѣ Государя. Мы были сильно поражены и потрясены! Это извѣстіе просто оглушило насъ какъ громомъ, такъ оно было неожиданно, такъ казалось невѣроятно. Только за нѣсколько дней до того я видѣлъ Государя здороваго, бодраго, полнаго силъ тѣлесныхъ и душевныхъ; въ моихъ ушахъ звучалъ его еще сердечный голосъ, его милостивыя слова. Особенно былъ пораженъ Инзовъ. Онъ былъ въ смятеніи, не столько отъ скорби, сколько отъ перепуга. Какъ человѣкъ слабый и мнительный, онъ не рѣшался ѣхать далѣе, и остался ночевать у Гозадинова, чтобы имѣть время размыслить, что̀ ему предпринять, ѣхать ли въ Таганрогъ, или возвратиться обратно; и, наконецъ, рѣшился послать меня впередъ съ письмомъ къ Дибичу, дабы узнать его мнѣніе объ этомъ.

По прибытіи моемъ въ Таганрогъ, я нашелъ тамъ все въ траурѣ и уныніи, всѣхъ съ угрюмыми и мрачными лицами. Дибичъ не сказалъ мнѣ ничего положительнаго, ни мнѣнія, ни совѣта, и я оставался въ недоумѣніи, что мнѣ дѣлать, какъ на другой же день пріѣхалъ Инзовъ, сообразивъ, что пріѣздъ его, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть принятъ въ дурную сторону, и съ своими двумя чиновниками, Биллеромъ и Притченкой, остановился у меня на квартирѣ,—хорошей, помѣстительной и теплой. Князь Волконскій и Дибичъ были очень довольны прибытіемъ Инзова, какъ помощника въ ихъ хлопотахъ, и пригласили его оставаться до конца. Дибичъ и со мною обошелся очень любезно, а графъ Воронцовъ особенно ласково и внимательно. Соломка, находившійся тамъ съ женою и дѣтьми, встрѣтилъ меня, какъ стараго пріятеля, и просилъ почаще приходить къ нему. Трудно себѣ представить, въ какомъ

всѣ были смущеніи и тревогѣ. Волконскій, Дибичъ и Воронцовъ ходили блѣдные, какъ мертвецы, и на панихидахъ, служившихся два раза въ день, при коихъ присутствовали всѣ таганрогскіе чиновники и почетнѣйшіе изъ гражданъ,—все обливалось слезами, а народъ, безпрестанно окружавшій дворецъ, оглашалъ воздухъ воплями и рыданіями. Императрица переносила несчастіе съ удивительною твердостію, и здоровье ея, повидимому, поддерживалось удовлетворительно. На панихиды она не выходила. Въ шесть часовъ вечера, 27-го ноября, перенесли тѣло Государя изъ спальни въ залу, и съ этого часа начался церемоніалъ. Весь слѣдующій день Инзовъ былъ назначенъ дежурить при тѣлѣ, а затѣмъ ему приходилось дежурить и цѣлыя ночи; я боялся, чтобы онъ не захворалъ, такъ какъ, не смотря на хорошую погоду было уже холодно, а въ залѣ, гдѣ находилось тѣло, всѣ окна оставляли открытыми.

Судя по нѣкоторымъ словамъ и дѣйствіямъ покойнаго Государя въ теченіи болѣзни, можно было подумать, что онъ какъ бы предчувствовалъ свою смерть и не желалъ предотвратить ее. Камердинеръ его разсказывалъ, что въ самомъ началѣ болѣзни, войдя утромъ въ кабинетъ Государя, онъ увидѣлъ на столѣ зажженную свѣчу,—вѣроятно для запечатыванія писемъ, и потушилъ ее. Государь ему сказалъ: «для чего ты потушилъ свѣчу? Вѣрно боишься «примѣты: говорятъ, что, если свѣча горитъ днемъ, это предзнаме-«нуетъ покойника въ домѣ.» Нѣсколько дней спустя, когда болѣзнь усилилась, и опасность сдѣлалась несомнѣнной, Вилліе нашелъ нужнымъ поставить піявки; и по мѣрѣ какъ приставляли піявки, Государь, не говоря ни слова, отрывалъ ихъ и бросалъ отъ себя. Быть можетъ, онъ это сдѣлалъ безсознательно. Дня за два до кончины, кто-то привелъ во дворецъ старика, крымскаго татарина, который отлично лечилъ отъ крымскихъ лихорадокъ, и татаринъ брался вылечить Государя. Приближенныя лица нѣсколько времени колебались, допустить ли его, но не рѣшились и отказали. Татаринъ и самъ не слишкомъ настаивалъ, конечно боясь отвѣтственности въ случаѣ неудачи.

Сначала ожидали прибытія въ Таганрогъ новаго Императора, или Великаго Князя Михаила Павловича; но вскорѣ узнали, что этого не послѣдуетъ. Между тѣмъ, Таганрогъ началъ наполняться пріѣзжими изъ разныхъ мѣстъ. Мы каждый день по два раза яв-

лялись къ тѣлу Государя на панихиды. Много слышали интереснаго отъ находившихся при Государѣ особъ и прибывавшихъ ежедневно изъ Петербурга лицъ. Но вообще время было печальное, всѣ находились въ тревожномъ состояніи, на всѣхъ лицахъ было написано опасеніе и другихъ грустныхъ событій.

Доносъ Майбороды и извѣщеніе отъ графа Витта о подозрѣваемомъ заговорѣ многихъ служащихъ въ главномъ штабѣ 2-й арміи, полученные не задолго до кончины Государя, хотя и были извѣстны въ подробности только тремъ находившимся въ Таганрогѣ лицамъ: князю Волконскому, Дибичу и Чернышеву, но въ общихъ, хотя неясно опредѣленныхъ чертахъ, были извѣстны почти всѣмъ въ городѣ.

Пробывъ въ Таганрогѣ недѣли двѣ, я отпросился у Инзова домой и отправился обратно въ началѣ декабря; а Инзовъ оставался все время пока тѣло Государя находилось тамъ, и по возвращеніи прожилъ довольно долго въ Екатеринославѣ. Вмѣстѣ съ нимъ мы присягали новому Императору и вслѣдъ затѣмъ узнали о событіяхъ 14-го декабря. Генералъ Инзовъ, полагавшій, по своему добродушному патріотизму, что возможность подобныхъ событій даже немыслима тогда въ Россіи, хотя о нихъ носились уже положительные слухи, узнавъ о томъ, при проѣздѣ своемъ чрезъ Тирасполь, отъ директора карантина, не хотѣлъ этому вѣрить и повѣрилъ лишь тогда только, когда ему показали официіальный листокъ о происшествіяхъ 14-го декабря и о убійствѣ графа Милорадовича*).

Инзовъ, нѣсколько апатичный по своей натурѣ, довольно равнодушный къ суетамъ мірскимъ, съ искреннимъ сочувствіемъ занимался естественными и другими науками, особенно нумизматикой, зоологіей и ботаникой; собиралъ коллекціи древнихъ монетъ и насѣкомыхъ и несравненно болѣе интересовался явленіями изъ міра букашекъ и жуковъ, нежели треволненіями человѣческими. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, встрѣтивъ въ моей женѣ,—тоже любившей эти науки,—сходство съ своими вкусами, очень подружился съ нею и многіе часы проводилъ съ ней въ разговорахъ о старыхъ монетахъ, цвѣтахъ, растеніяхъ и бабочкахъ. Этотъ предметъ возбуждалъ въ немъ живой интересъ; ко всему же остальному онъ относился, по бóльшей части, спокойно и даже почти без-

*) Въ приложеніи къ 1-й ч. Воспом., № 9, письмо ген. Инзова.

участно. Его апатическое расположеніе, особенно по отношеніямъ къ своимъ подчиненнымъ, доходило иногда до оригинальности. Изъ многихъ случаевъ, приведу одинъ. Въ высокоторжественный день, въ соборѣ у обѣдни, Инзовъ обратился ко мнѣ, указывая на своего адъютанта, поручика Гавриленку, стоявшаго за нимъ:—«скажите, пожалуйста»,—спросилъ онъ потихоньку у меня,—«кто этотъ молодой офицеръ»?—«Гавриленко»,—отвѣчалъ я, удивившись его вопросу.—«А!» сказалъ Инзовъ, тоже съ удивленіемъ.—«Я такъ давно его не видалъ, что и не узналъ.» Дѣйствительно, Гавриленко, молодой, свѣтскій человѣкъ, танцоръ, любитель общества и развлеченій, по цѣлымъ мѣсяцамъ не показывалъ глазъ къ своему генералу. Вопросъ Инзова можно было бы принять за ироническій намекъ на невниманіе его адъютанта, если бы простодушный тонъ вопроса и затѣмъ непритворное удивленіе его, не доказывали, что въ самомъ дѣлѣ генералъ совершенно позабылъ своего собственнаго адъютанта.

Во время управленія моего Екатеринославскою конторою поселенцевъ, сношенія мои съ губернаторами были часты и, вообще, довольно хороши. Губернаторы смѣнялись тоже очень часто. Шеміота, человѣка хорошаго, но слабохарактернаго и недѣловаго, удалили еще задолго до кончины Императора Александра. Замѣнившій его Свѣчинъ, добрый, но пустой, не долго держался на мѣстѣ. За нимъ слѣдовалъ Донецъ-Захарджевскій, честный, умный, благонамѣренный, но стѣснявшійся формализмомъ и потому скоро оставившій это мѣсто*); и за нимъ баронъ Франкъ, бывшій адъютантъ графа Воронцова, большой мой пріятель, но вовсе не созданный для того, чтобы быть губернаторомъ. Онъ вскорѣ переведенъ въ Таганрогъ; а преемникъ его, Лонгиновъ, бывшій секре-

---

*) Донецъ-Захарджевскій, человѣкъ богатый, ученый, былъ женатъ на графинѣ Самойловой, но разошелся съ нею тотчасъ послѣ свадьбы. Въ Екатеринославѣ онъ велъ жизнь совершенно уединенную и нигдѣ не бывалъ кромѣ, Фадѣевыхъ, которыхъ очень любилъ. Съ Андреемъ Михайловичемъ онъ сошелся, какъ съ человѣкомъ умнымъ, дѣловымъ, образованнымъ, а къ Еленѣ Павловнѣ питалъ особенное уваженіе, какъ къ женщинѣ вполнѣ развитой нравственно и умственно и съ большими познаніями. Онъ жилъ послѣ того очень долго, бо́льшею частію, въ своемъ Харьковскомъ имѣніи, гдѣ, въ началѣ 1870-хъ годовъ, когда ему было уже за девяносто лѣтъ, найденъ мертвымъ въ постели, задушеннымъ своимъ камердинеромъ, по подкупу своего же племянника и наслѣдника, соскучившагося продолжительностію ожиданія наслѣдства дядюшки. Впрочемъ, цѣли конечно не достигъ, такъ какъ преступленіе доставило ему не наслѣдство, а каторгу.

тарь графа Воронцова, выставлялся только своей надменностію и высокомѣріемъ. Можно себѣ представить, какъ шли дѣла при долговременной послѣдовательности подобныхъ губернаторовъ.

Весною 1826-го года я, по обыкновенію, проѣхалъ въ Кишиневъ для дѣловаго свиданія съ Инзовымъ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ взялъ отпускъ и отправился съ женою и дѣтьми въ Пензу для свиданія съ ея родными. Нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже не застали въ живыхъ. Бабушка княгиня Анастасія Ивановна и дядя князь Сергѣй Васильевичъ умерли года за три до нашего пріѣзда. Остальные члены семьи, тесть мой князь Павелъ Васильевичъ, тетка Екатерина Васильевна и находившаяся съ ними сестра моей жены Анастасія Павловна Сушкова, жили по прежнему, частію въ имѣніи, частію въ Пензѣ. Анастасія Павловна, женщина очень любезная и красивая, но крайне несчастная въ замужествѣ своемъ, жила въ разлукѣ съ мужемъ и дѣтьми и вскорѣ затѣмъ умерла во цвѣтѣ лѣтъ. Мужъ ея Александръ Васильевичъ Сушковъ (родной дядя графини Растопчиной) былъ страшный игрокъ и, вообще, безшабашнаго характера. Когда ему въ картахъ везло, онъ дѣлалъ себѣ ванны изъ шампанскаго и выкидывалъ деньги горстями изъ окна на улицу; а когда не шло, онъ ставилъ на карту не только послѣднюю копѣйку, но до послѣдняго носоваго платка своей жены. Нерѣдко его привозили домой всего въ крови, послѣ какого нибудь скандала или дуэли. Понятно, что жизнь молодой женщины при такихъ условіяхъ была по временамъ невыносима и содѣйствовала развитію аневризма, который доканалъ ее. Мужъ ея умеръ скоро послѣ нея, въ острогѣ, куда попалъ за буйство, учиненное въ церкви. У нихъ остались двѣ дочери, старшая жила у тетки, сестры отца г-жи Беклешовой, младшая воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. Впослѣдствіи первая вышла замужъ за Хвостова, а вторая за Ладыженскаго *).

---

*) Александръ Васильевичъ Сушковъ, очень хорошенькій собою, маленькаго роста, но сильный, удалой, придирчивый, всю жизнь свою проводилъ въ скандалахъ, буйствахъ и азартной игрѣ. Иные подвиги его были довольно забавны. Такъ онъ въ Пензѣ, на вечерѣ у кого-то, затѣялъ ссору съ помѣщикомъ Столыпинымъ, гигантомъ, громаднаго роста и силачомъ. Мгновенно схвативъ стулъ, Сушковъ подскочилъ къ нему, вскочилъ на стулъ и далъ Столыпину полновѣсную пощечину. Взбѣшенный гигантъ хотѣлъ смять его, какъ козявку; но маленькій Сушковъ, проворно проскользнувъ межъ его ногъ, увертывался, какъ вьюнъ, и неуклюжій Столыпинъ не могъ ничего съ нимъ подѣлать, утомившись въ тщетныхъ усиліяхъ чуть не до апоплексіи. Дѣло кончилось, кажется, дуэлью. Также въ Петер-

Пріѣздъ нашъ въ Пензу едва не поссорилъ князя Павла Васильевича съ сестрой Екатериной Васильевной; князь хотѣлъ, чтобы мы остановились у него, а тетушка требовала, чтобы мы переселились къ ней, вслѣдствіе чего вышли непріятныя препиранія и большая ссора, которую мы однако уладили, порѣшивъ, что будемъ жить попеременно, по нѣсколько дней у каждаго изъ нихъ. Тетушка болѣе любила свою старшую племянницу, мою жену, нежели младшую, и постоянно намъ твердила, что оставитъ ей все свое состояніе, движимое и недвижимое, чего впрочемъ, не исполнила, потому что никогда не могла рѣшиться сдѣлать духовнаго завѣщанія. Домъ у нея былъ убранъ довольно богато, серебра множество, сундуки въ кладовыхъ ломились отъ серебряныхъ сервизовъ съ ихъ принадлежностями, столы въ комнатахъ украшались большими серебряными вазами и канделябрами. Она часто говорила своимъ маленькимъ внучкамъ, моимъ дочерямъ, что чувствуя себя уже устарѣлой, не хочетъ болѣе заниматься нарядами и всѣ свои драгоцѣнныя вещи передаетъ имъ. При этомъ, усаживала ихъ возлѣ себя и приказывала принести шкатулки и ящики, наполненныя браслетами, серьгами, фермуарами, перстнями и другими вещами въ дорогой отдѣлкѣ съ брилліантами и разными камнями, изъ которыхъ были очень цѣнные. Все это она показывала дѣвочкамъ, разсказывала о достоинствѣ драгоцѣнностей, раскладывала на столѣ передъ собою, разсматривала и кончала тѣмъ, что, подаривъ имъ какое нибудь колечко съ маленькимъ сердоликомъ или коралломъ, ласково заявляла: «Знаете, дѣти, вы такія «еще маленькія, вы ничего въ этомъ не смыслите, не понимаете, «чего это стоитъ, вы потеряете, поломаете, у васъ покрадутъ; луч-

---

бургѣ, пошелъ Сушковъ въ театръ, зашелъ въ буфетъ и по обыкновенію поссорился съ кѣмъ то изъ присутствующихъ. На столѣ, въ буфетѣ, стояли разныя закуски и, между прочимъ, огромная ваза, въ родѣ чана, съ вареніемъ. Не долго думая, Сушковъ схватилъ своего противника, поднялъ и посадилъ въ вазу съ вареніемъ. А пока тотъ выбирался изъ вазы, онъ поспѣшилъ убраться изъ буфета. Одно время Сушковы жили въ Москвѣ „домомъ", довольно открыто. Однажды, на балѣ у знакомыхъ, Сушковъ сказалъ своей женѣ, что ему необходимо куда то съѣздить по дѣлу на минутку и что онъ тотчасъ же возвратится. Но обѣщанія не сдержалъ и вовсе не возвратился. Балъ кончился, гости разъѣхались. Анастасія Павловна не знала, что́ ей дѣлать, такъ какъ супругъ уѣхалъ въ ея каретѣ. Хозяева дома приказали заложить экипажъ и отвезти ее. Оказалось, что Сушковъ уѣхалъ съ бала по дѣлу къ пріятелямъ на картежъ, распроигрался въ пухъ, и проигралъ свою карету съ лошадьми и кучеромъ. Понятно, что ему не въ чемъ было пріѣхать за женой. Продѣлки его, такого рода, были нескончаемы и ежедневны.

ше я теперь вамъ не отдамъ, а оставлю у себя и приберегу для васъ; а когда вы подростете и поумнѣете, тогда ужъ отдамъ вамъ все». Затѣмъ тетушка укладывала вещи въ футляры и ящики, тщательно запирала и относила обратно къ себѣ. Эта процедура повторялась почти ежедневно. Въ тетушкѣ происходила какъ бы борьба: она хотѣла отдать вещи, но не имѣла силъ съ ними разстаться. А послѣ смерти ея, послѣдовавшей въ 1831-мъ году, всѣ эти богатства ея были раскрадены, разграблены, исчезли безслѣдно въ нѣсколько дней. Завѣщанія не осталось, прямой наслѣдникъ ея, братъ князь Павелъ Васильевичъ, старикъ, тогда уже полуслѣпой, находившійся въ деревнѣ, не принялъ своевременныхъ мѣръ, и почти все пошло прахомъ, разумѣется, за исключеніемъ недвижимыхъ имѣній. Князь увѣдомилъ насъ о ея кончинѣ и просилъ насъ немедленно пріѣхать, но мнѣ дѣла не позволяли, и къ тому же мы съ женой не слишкомъ торопились, чтобы поспѣшность пріѣзда не приписали желанію скорѣе попользоваться наслѣдствомъ. А когда, спустя нѣкоторое время, поѣхали въ Пензу, то уже ничего не нашли. Изъ всѣхъ сокровищъ Екатерины Васильевны, такъ бдительно ею хранимыхъ, уцѣлѣли только нѣсколько сундуковъ, набитыхъ старыми актерскими костюмами, бывшаго домашняго театра покойнаго Кожина.

Въ это пребываніе мое въ Пензѣ, мнѣ представился случай перейти на частную службу. Мнѣ предлагали мѣсто по откупамъ съ огромнымъ жалованіемъ, что заставило меня нѣсколько призадуматься; но когда я вздумалъ посовѣтоваться о томъ съ моимъ тестемъ,—его старая Рюриковская кровь такъ расходилась, что я не радъ былъ, что сказалъ ему. Онъ мнѣ прямо объявилъ: «Если «ты пойдешь служить по откупу, мнѣ ничего болѣе не останется, «какъ на старости лѣтъ, пустить себѣ пулю въ лобъ. Я не перенесу «такого униженія, чтобы мой зять, мужъ моей дочери, служилъ «въ частной службѣ, да еще по кабачной части». Это характеризуетъ понятія того времени о частной службѣ вообще и по откупамъ въ особенности. Съ тѣхъ поръ нравы совершенно измѣнились. Сколько потомъ я зналъ людей, изъ лучшихъ фамилій, столбовыхъ дворянъ, служившихъ по откупамъ, что нисколько не роняло ихъ общественнаго положенія, потому что деньги въ настоящее время главный двигатель всего на свѣтѣ и нѣтъ такой родовой гордости, которая бы устояла противъ ихъ неотразимаго

влеченія. Деньги всегда были великой силою, но прежде не такъ легко имъ жертвовали самолюбіемъ и родословными обычаями. Тесть мой былъ вовсе не врагъ богатства. Сильно возмущенный возможностію моего перехода на службу по откупамъ въ виду большаго содержанія, онъ въ то же время усиленно хлопоталъ по поводу одного эѳемернаго наслѣдства громаднаго размѣра, въ которое старался вѣрить, не смотря на всю его сомнительность. Это наслѣдство стоитъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Я уже упоминалъ, что дѣдъ моего тестя, князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій, состоявшій полномочнымъ посломъ въ Польшѣ при Петрѣ I-мъ, подвергшійся въ числѣ другихъ Долгорукихъ, при Императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ гоненію, конфискаціи имуществъ и ссылкѣ въ Березовъ, гдѣ провелъ восемь лѣтъ, былъ потомъ вызванъ въ Петербургъ, милостиво принятъ при дворѣ и назначенъ посломъ въ Лондонъ. Но, наканунѣ отъѣзда въ Англію, схваченъ, отвезенъ въ Новгородъ и тамъ казненъ, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ. Съ тѣхъ поръ въ семействѣ Долгорукихъ упорно хранилось преданіе, которому всѣ они вѣрили,—что кн. Сергѣй Григорьевичъ, по прибытіи въ Петербургъ, не смотря на оказываемыя ему милости и высокое назначеніе, не довѣрялъ Аннѣ Іоановнѣ, а тѣмъ болѣе Бирону; онъ предчувствовалъ или предвидѣлъ въ ихъ будто бы добромъ расположеніи къ себѣ новую для себя гибель. Вслѣдствіе того, за нѣсколько дней до назначеннаго отъѣзда въ Англію, онъ препроводилъ въ Лондонскій государственный банкъ сто тысячъ рублей, въ переводѣ на англійскія деньги, съ тѣмъ, чтобы они, съ наростающими на нихъ процентами, оставались въ банкѣ ровно сто лѣтъ, по истеченіи коихъ, были бы выданы его прямымъ потомкамъ. Сто лѣтъ приближались теперь къ окончанію. Единственнымъ прямымъ потомкомъ оставался князь Павелъ Васильевичъ. Онъ дѣятельно занимался освѣдомленіями и разъясненіями по этому дѣлу; писалъ въ наше посольство и консульство въ Лондонъ, нашелъ тамъ людей, взявшихся разузнать что̀ возможно. Началась большая переписка. Да и было изъ чего! Сто тысячъ съ процентами за сто лѣтъ, съ накопившимися процентами на проценты, составляли кругленькую сумму милліоновъ въ двадцать. Къ сожалѣнію, ничего добиться было невозможно; всѣ розыски остались безуспѣшны. Послѣ многихъ переговоровъ князю, наконецъ, сооб-

щили, что Лондонскій банкъ, черезъ каждыя двадцать лѣтъ публикуетъ перечисленіе всѣхъ хранящихся въ немъ вкладовъ, съ именами вкладчиковъ, и что тогда только можно будетъ узнать правду о наслѣдствѣ. Князь справедливо недоумѣвалъ, почему же не справились въ предъидущихъ публикаціяхъ и желалъ знать, когда минетъ срокъ текущему двадцатилѣтію. Оказалось также, что и другіе Долгорукіе знали о предполагаемомъ вкладѣ, и нѣкоторые изъ нихъ уже предварительно наводили справки о немъ. Слухъ о колоссальномъ наслѣдствѣ быстро распространился, какъ о совершившемся событіи, породилъ множество толковъ даже при дворѣ; князь началъ получать безпрестанно поздравительныя письма отъ знакомыхъ и родныхъ, что его не мало смущало и досадовало. Между тѣмъ, дѣло такъ на этомъ и остановилось и уже далѣе больше не подвинулось. Однако, кн. Павелъ Васильевичъ не оставлялъ своихъ надеждъ до самой смерти своей, но съ нимъ онѣ сошли въ могилу на вѣки и были погребены окончательно и безвозвратно.

Погостивъ у родныхъ около трехъ мѣсяцевъ, мы возвратились въ Екатеринославъ, и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Въ день коронаціи, этого года, я получилъ орденъ Анны 2-й ст., вслѣдствіе найденной въ записной книжкѣ покойнаго Императора одобрительной замѣтки обо мнѣ, сдѣланной во время проѣзда его черезъ колоніи *).

Вскорѣ по пріѣздѣ я имѣлъ несчастіе потерять отца моего, переселившагося въ Екатеринославъ, чтобы быть поближе ко мнѣ и моему семейству. Честный труженикъ, по совѣсти и мѣрѣ силъ своихъ работавшій на пользу службы и для содержанія семьи своей, онъ подавалъ намъ примѣръ усерднаго и безупречнаго исполнителя служебнаго долга и добраго семьянина. Мать моя осталась навсегда на жительствѣ въ Екатеринославѣ.

Въ 1827-мъ году я много разъѣзжалъ по колоніямъ, проѣхалъ до 3500 верстъ. Въ Симферополѣ познакомился съ бывшимъ тогда въ Керчи градоначальникомъ Филиппомъ Филипповичемъ Вигелемъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ по изданнымъ его посмертнымъ запискамъ. Это былъ человѣкъ умный, образованный, но во многомъ чрезвычайно странный и строптивый. Мнѣ разсказы-

*) Въ прил. къ 1-й ч. Воспом., №№ 10 и 11, письма начальника главнаго штаба и Инзова.

валъ адъютантъ графа Воронцова, баронъ Франкъ, впослѣдствіи градоначальникъ въ Таганрогѣ, что, заѣхавъ однажды въ Керчь, на Святой недѣлѣ, онъ нашелъ Вигеля нездоровымъ отъ разстройства нервъ. Вигель его встрѣтилъ жалобами и стенаніями по поводу своего несчастнаго положенія, представивъ, между прочимъ, слѣдующее тому доказательство: подлѣ его квартиры находилась греческая церковь, въ ней, по обыкновенію, на Святой недѣлѣ часто трезвонили. Онъ приписывалъ это неудобство злонамѣренности священника церкви, который будто бы, не зная какъ ему отомстить за какое-то неудовольствіе, и зная, что у него слабые нервы, единственно по этой причинѣ безпокоитъ его цѣлую недѣлю звономъ въ колокола. Изъ всѣхъ злополучій, отравлявшихъ жизнь Вигеля въ Керчи, по изложенію ихъ барону Франку, важнѣйшимъ оказался этотъ трезвонъ.

По окончаніи моихъ разъѣздовъ, я и жена моя немного прихворнули. У нея усилились ея ревматическія страданія, а ко мнѣ привязались какіе то спазмодическіе припадки, и разъ сдѣлался продолжительный обморокъ отъ долгаго сидѣнія. Въ этотъ годъ пріѣзжали ко мнѣ ревизоры изъ министерства внутреннихъ дѣлъ— Кусовниковъ и Джунковскій. Предлогомъ ихъ командировки было порученіе удостовѣриться въ успѣхахъ распространенія испанскаго овцеводства въ колоніяхъ; эти успѣхи казались министерству неимовѣрными, хотя однако же были совершенно дѣйствительны, вслѣдствіе усиленной заботливости о томъ Контеніуса. Впрочемъ, это былъ только предлогъ, потому что оба ревизора въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслили. Цѣль состояла единственно въ томъ, чтобы доставить имъ награду за эту поѣздку. Кусовниковъ имѣлъ большое состояніе (впослѣдствіи разорился), а Джунковскій, молодой человѣкъ, былъ сынъ директора департамента. Оба они, добрые и любезные малые, нисколько не обременяли насъ своей безполезной ревизіею, и мы съ ними очень пріятно проводили время. Кусовниковъ, необыкновенный оригиналъ, иногда забавлялъ насъ своими неожиданными выходками, особенно выраженіями нетерпѣнія; онъ былъ до такой степени нетерпѣливъ, что, живя въ Петербургѣ въ нижнемъ этажѣ своего огромнаго дома, когда видѣлъ мимо проходящаго человѣка, съ которымъ желалъ переговорить, то разбивалъ цѣльное стекло въ окнѣ, чтобы скорѣе это сдѣлать. Когда, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его посѣщенія, я пріѣхалъ въ Петербургъ,

то онъ, чтобы отблагодарить меня за гостепріимство въ Екатеринославѣ, предложилъ мнѣ въ одинъ день показать весь Петербургъ со всѣми окрестностями и, дѣйствительно, исполнилъ обѣщаніе. Въ іюньскій день, съ самаго ранняго утра, мы помчались въ коляскѣ, запряженной шестеркою, по Петербургу и окрестностямъ по всѣмъ направленіямъ; мелькомъ видѣли все, какъ бы въ калейдоскопѣ и, отобѣдавъ въ полдень по дорогѣ въ одной изъ гостинницъ, къ ночи совершили этотъ подвигъ вполнѣ, съ воспоминаніемъ о видѣнномъ, какъ бы во снѣ.

1828-й годъ памятенъ для меня путешествіемъ съ генераломъ Инзовымъ по Бессарабіи, продолжавшимся довольно долго; въ иныхъ мѣстахъ мы заживались по недѣлѣ, а долѣе всего въ Болградѣ, по причинѣ проѣзда чрезъ него въ то время Императора Николая Павловича. Государь пробылъ тамъ нѣсколько дней и смотрѣлъ квартировавшій въ Болградѣ пятидесятитысячный корпусъ генерала Рудзевича. Это мѣстечко было основано и устроено Инзовымъ, который соорудилъ въ немъ великолѣпную церковь, въ коей, по его завѣщанію, его и погребли. Оно представляло тогда видъ хорошо устроеннаго городка и было для нашей арміи въ 1828-мъ и 1829-мъ годахъ очень полезно. Въ немъ сосредоточивались главнѣйшимъ образомъ хозяйственные запасы, построены огромные каменные магазины, госпиталь и многіе дома, какъ для управленія, такъ и для помѣщенія военныхъ генераловъ и прочихъ начальствующихъ лицъ. Очень жаль, что мы лишились этого городка, стоившаго столько издержекъ, заботъ и попеченій объ устройствѣ его покойному Инзову. По трактату 1856-го года онъ перешелъ во владѣніе Молдавіи*).

Въ это пребываніе Государя въ Болградѣ, Инзовъ исходатайствовалъ мнѣ пожалованіе 1500 рублей прибавочнаго жалованья, кои и до сихъ поръ получаю.

Мы выѣхали изъ Болграда тотчасъ по отъѣздѣ Государя. Инзовъ былъ очень доволенъ пріемомъ и вниманіемъ, оказаннымъ ему Августѣйшимъ Посѣтителемъ, съ которымъ онъ находился ежедневно по нѣсколько часовъ и всюду Его сопровождалъ. Генералъ мнѣ передавалъ свои наблюденія и впечатлѣнія въ продолженіи этихъ дней; особенно удивлялся необыкновенной памяти Государя, отно-

*) По трактату 1878-го года, какъ извѣстно, онъ снова возвращенъ Россіи.

сительно лицъ и именъ. Покойный Государь Александръ Павловичъ тоже былъ одаренъ удивительной памятью, никогда ничего не забывалъ—ни именъ, ни лицъ, ни мѣстъ. Много случалось слышать разсказовъ по этому поводу, да и мнѣ самому приходилось удостовѣриться въ томъ (изъ вышеприведенныхъ разговоровъ со мною покойнаго Государя), какъ онъ помнилъ названія самыхъ незначительныхъ мѣстъ, станцій, деревень, чрезъ которыя когда-то проѣзжалъ, имена людей, которыя когда-то слыхалъ мелькомъ. Меня тогда поразила эта замѣчательная способность.

Считаю не лишнимъ разсказать здѣсь два случая, доказывающихъ также, съ какимъ характеристическимъ постоянствомъ покойные Государи Александръ и Николай I-е сохраняли въ памяти имена людей, сдѣлавшихся имъ извѣстными по какимъ нибудь обстоятельствамъ съ дурной стороны. Первый случай былъ съ надворнымъ совѣтникомъ Вильде, служившимъ въ должности помощника смотрителя Волховскихъ пороговъ, Свенсона, о которомъ я упоминалъ выше. Свенсонъ былъ, какъ о немъ я и говорилъ, старъ и слабъ, а потому его племянникъ Вильде дѣлалъ за него все, по выбытіи отца моего. Осенью, кажется 1801-го года, на пристани предъ порогами столпились караваны, торопившіеся прибытіемъ въ Петербургъ до замерзанія водъ. Въ караванахъ находились барки казенныя и частныя; по установленному правилу, казеннымъ судамъ не предоставлялось никакого преимущества, а отправлялись они чрезъ пороги по порядку прихода, одно за другимъ,—кто стоялъ впереди, тотъ и отправлялся раньше. Были также барки съ адмиралтейскими принадлежностями, которыя сопровождалъ морской офицеръ, капитанъ втораго ранга Подкользинъ. Онъ требовалъ отъ Вильде, чтобы его пропустили непремѣнно впередъ, прежде всѣхъ, тогда какъ суда его вѣдомства пришли позже всѣхъ — на что тотъ никакъ не соглашался и былъ совершенно правъ. Подкользинъ крѣпко разсердился и, по прибытіи въ Петербургъ, пожаловался управлявшему тогда морскимъ министерствомъ адмиралу Чичагову, выставивъ Вильде взяточникомъ, потворствовавшимъ частнымъ судохозяевамъ за подарки. Чичаговъ доложилъ Государю, Государь приказалъ главному директору водяныхъ коммуникацій, графу Румянцову, произвести строжайшее изслѣдованіе при депутатѣ отъ морскаго вѣдомства. Слѣдствіе, произведенное правильно и безпристрастно, доказало, что Вильде ни

въ чемъ не виноватъ, о чемъ графъ Румянцовъ конечно доложилъ Государю, который, выслушавъ его съ недовѣріемъ и неудовольствіемъ, замѣтилъ ему: «Ты все своихъ защищаешь».—Дѣло тѣмъ и кончилось, и Вильде непо двергся никакому взысканію. На слѣдующій годъ Вильде былъ представленъ, вмѣстѣ со многими другими чиновниками, за выслугу лѣтъ, къ повышенію чиномъ. Государь, просматривая представленія, какъ только дошелъ до имени Вильде, взялъ перо и вычеркнулъ это имя. Въ послѣдующій годъ, начальство, хотя и знало это, но не имѣя повода не вносить его въ списокъ производствъ, вторично представило его и послѣдовало то же самое. На третій годъ, при третьемъ представленіи, Государь снова вычеркнулъ Вильде, написавъ своеручно на сторонѣ: „*Пока я живъ, Вильде чина не получитъ*“. Такъ и сбылось.

Второй подобный же случай я знаю при Императорѣ Николаѣ. Бывшій мой предмѣстникъ въ началѣ 1840-хъ годовъ, саратовскій губернаторъ Бибиковъ, былъ большой охотникъ покутить и попировать, въ особенности у богатыхъ гражданъ города. Въ послѣдній день масляницы, онъ пировалъ на заговѣньѣ у одного купца на блинахъ и, подгулявъ, замѣтилъ въ числѣ гостей богатаго колониста-нѣмца, тоже купца*). Нѣмецъ, надо полагать, напомнилъ ему нѣмецкую масляницу и, потому, подозвавъ къ себѣ члена конторы, управлявшей саратовскими колонистами, Гейне, Бибиковъ обратился къ нему съ словами: «вотъ мы, русскіе, угоща-«емъ на заговѣньѣ другъ друга блинами, а что бы и нѣмцамъ сдѣ-«лать то же на ихъ масляницу во вторникъ!» Гейне передалъ это внушительное предложеніе колонисту, который, въ видахъ угожденія губернатору, съ величайшей готовностію принялъ его. Домъ колониста находился возлѣ приходской церкви. Во вторникъ первой недѣли великаго поста, Бибиковъ, съ гостями, приглашенными по его приказанію, явился на нѣмецкое пиршество, гдѣ и веселился до утра. Жандармскій штабъ-офицеръ, бывшій не въ ладахъ съ Бибиковымъ, а также враждовавшій за что-то противъ Гейне, и оскорбившійся тѣмъ, что его не пригласили на пиръ, съ первою же почтою донесъ въ Петербургъ, что Гейне—главный соучастникъ Бибикова во всѣхъ увеселеніяхъ, заставилъ нѣмца въ великій постъ

---

*) Изъ колонистовъ Саратовской губерніи нѣкоторые переселились въ Саратовъ, построили дома, занимаются торговлей и сдѣлались городскими жителями.
Прим. А. М. Фадѣева.

устроить для нихъ празднество, продолжавшееся всю ночь, такъ что, во время отправленія заутрени въ церкви, ликованія и бѣснованія въ сосѣднемъ съ церковью домѣ заглушали церковное пѣніе, мѣшали Богослуженію и произвели большой соблазнъ въ народѣ. Объ этомъ дѣлѣ было доложено Государю, но, кажется, что оно было принято только къ свѣдѣнію, потому что удаленіе Бибикова имѣлось уже въ виду и дѣйствительно скоро приведено въ исполненіе.

Спустя года три, когда я уже былъ губернаторомъ въ Саратовѣ, послѣдовало отъ управлявшаго конторою колонистовъ представленіе о наградѣ Гейне орденомъ Владиміра 4-ой степени. Гейне, чиновникъ очень способный, дѣльный, заслуживалъ поощренія по службѣ, и всѣ офиціальныя причины къ его награжденію были вполнѣ основательны. Представленіе пошло въ Петербургъ. Гейне былъ помѣщенъ въ списокъ къ годовымъ наградамъ въ числѣ, какъ мнѣ говорили, до семидесяти человѣкъ. Всѣ удостоенные представленія къ наградамъ ихъ получили, кромѣ одного Гейне, котораго Государь собственноручно вычеркнулъ и противъ него написалъ: «*Гейне развратилъ губернатора Бибикова!*» Послѣ этого, разумѣется, во все царствованіе Императора Николая, Гейне болѣе къ наградамъ не представляли.

Въ 1829-мъ году, я ѣздилъ два раза въ Крымъ. Во второй разъ съ моею старшею дочерью проѣхалъ и весь южный берегъ, частью уже по вновь устроенному шоссе. Этой же осенью 21-го сентября родилась у меня послѣдняя дочь Надежда.

Въ февралѣ 1830-го года, новый министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Закревскій, вытребовалъ меня въ Петербургъ, безъ предваренія о томъ даже прямого моего начальника Инзова. Сначала я удивился такой необыкновенно спѣшной надобности во мнѣ и не могъ постигнуть, для чего меня требуютъ; но, по пріѣздѣ, дѣло не замедлило объясниться. Графъ Закревскій, еще по отношеніямъ военной службы, съ давнихъ поръ былъ не въ ладахъ съ Инзовымъ; со времени же его назначенія министромъ, по гордости и чрезмѣрному самолюбію, непріязненность это усилилась вслѣдствіе того, что Инзовъ, во время пребыванія Государя по случаю Турецкой войны въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи, неоднократно дѣлалъ доклады Государю прямо, помимо его, Закревскаго, какъ по дѣламъ колонистскаго управленія вообще, такъ и о наградахъ чиновниковъ и колонистскихъ старшинъ въ особенности. Къ этому

присоединилось еще стремленіе Закревскаго уменьшать издержки по всѣмъ частямъ, подвѣдомственнымъ его министерству, о чемъ начали уже съ того времени повсемѣстно заботиться. Поэтому онъ преднамѣрился сократить штаты колонистскаго управленія и обратить содержаніе его на самихъ колонистовъ. Штаты, составленные въ 1818-мъ году, дѣйствительно отчасти были слишкомъ обширны, и число чиновниковъ могло быть нѣсколько уменьшено, по причинѣ несовершившагося ожиданія о переселеніи нѣмецкихъ колонистовъ сотнями тысячъ семействъ; но только нѣсколько, потому что устройство тѣхъ колоній, кои уже существовали, разсѣянныя на большихъ пространствахъ, требовало еще съ десятокъ и побольше лѣтъ особенныхъ попеченій и заботливости правительства, если оно хотѣло, чтобы колоніи для Россіи сдѣлались существенно полезными. Но графъ Закревскій не заботился о будущности, а хотѣлъ переломать все по своему и выставить себя ярымъ защитникомъ интересовъ казны. Онъ приказалъ составить по этому предмету нужныя соображенія и предположенія, въ подходящемъ духѣ, директору департамента по этой части Пейкеру. Пейкеръ былъ ничто иное какъ формалистъ, готовый угождать Закревскому во всемъ; самъ онъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понималъ и, потому, узнавъ, что я могу указать ему эти нужныя соображенія и предположенія, выпросилъ у Закревскаго приказаніе вызвать меня въ Петербургъ. Три мѣсяца я работалъ съ Пейкеромъ и много перенесъ непріятностей; отъ меня требовали всякихъ сокращеній, я сокращалъ на столько, болѣе чего сокращать безъ вреда пользѣ общественной было невозможно. Закревскій и Пейкеръ на меня гнѣвались, настаивали, чтобы я дѣлалъ такъ, какъ они хотѣли и, наконецъ, рѣшившись дѣйствовать по своему, отпустили меня обратно, но оставили у себя всѣ мои предположенія. Я ожидалъ, что послѣдуютъ на меня гоненія, но, сверхъ чаянія, чрезъ нѣсколько времени спустя, получилъ за мои труды бриллiантовый перстень и чинъ коллежскаго совѣтника *).

Впрочемъ, надобно сказать, что въ личныхъ отношеніяхъ графъ Закревскій и Пейкеръ были со мною очень любезны. Министръ даже нѣсколько разъ удивлялъ меня своими лестными выраженіями въ обращеніи ко мнѣ; а когда я явился къ нему въ послѣдній разъ предъ выѣздомъ, онъ сказалъ мнѣ, что, по выбытіи Кон-

*) Въ прилож. къ I ч. „Воспом." № 14-й, письмо Инзова.

теніуса, я одинъ только могу замѣнить его. Я приписывалъ это милостивое обхожденіе вліянію бывшаго моего начальника, въ то время уже предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Кочубея, который принялъ меня, какъ стараго, близкаго знакомаго, часто приглашалъ обѣдать и удерживалъ у себя по нѣскольку часовъ. Къ лѣту онъ переѣхалъ въ Царское Село и оттуда присылалъ мнѣ приглашенія, которыми я не всегда могъ пользоваться по причинѣ дальности поѣздки и служебныхъ занятій. Князь много меня разспрашивалъ о Новороссійскомъ краѣ, о новыхъ распорядкахъ, о Контеніусѣ и Инзовѣ; къ дѣлу же иностранныхъ переселенцевъ и управленія колоніями сдѣлался довольно равнодушенъ. Я встрѣчалъ у него за обѣдами и вечерами значительнѣйшихъ людей тогдашняго петербургскаго общества; случалось слышать любопытные, а иногда забавные разговоры. Изъ числа послѣднихъ у меня остался въ памяти слѣдующій курьезъ: я сидѣлъ съ княземъ въ его кабинетѣ, куда къ нему пришли Николай Семеновичъ Мордвиновъ и тетка князя г-жа Загряжская, бывшая въ свое время, какъ называлъ таковыхъ Петръ Великій, *«бой бабой»*, но тогда уже столь же престарѣлая, какъ и Мордвиновъ. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ. Поговоривъ немного, она встала, собираясь уйти, и сочла нужнымъ объявить присутствующимъ: «Какъ жарко! я вся въ поту, пойду перемѣнить рубашку». На что Мордвиновъ отозвался: «Какъ тебѣ не стыдно, матушка, говорить при мнѣ такія вещи!» А Загряжская, съ презрѣніемъ посмотрѣвъ на него, отвѣчала: «Ce n'est rien; ni toi, ni moi, nous n'avons plus de sexe!» — и, махнувъ рукою, вышла. Князь засмѣялся, а Мордвиновъ какъ будто немного озадачился такой откровенностію. Князя Кочубея я видѣлъ тогда уже въ послѣдній разъ.

Незадолго до отъѣзда моего изъ Петербурга, я получилъ отъ жены письмо, въ которомъ она меня увѣдомляла, что Контеніусъ сильно заболѣлъ. Меня это очень огорчило, но я надѣялся, что онъ еще поправится. Надежда моя не сбылась. По пріѣздѣ въ Екатеринославъ, я уже не засталъ его, онъ скончался 30-го мая. Я потерялъ въ немъ истиннаго друга, потеря котораго была для меня незамѣнима. Но меня удивило одно странное обстоятельство, оставшееся для меня загадкою. Недѣли за двѣ до его кончины, онъ прислалъ сказать моей женѣ, что онъ очень боленъ и проситъ ее пріѣхать къ нему сейчасъ же. Она немедленно поѣхала, нашла

его въ постели, сильно измѣнившагося, въ большомъ изнеможеніи; послѣ нѣсколькихъ словъ о болѣзни его, Контеніусъ попросилъ ее затворить дверь и спросилъ: «Скоро ли вы ожидаете вашего мужа?» — «Я думаю, онъ пріѣдетъ недѣли черезъ три.» — отвѣчала она.— «Это еще долго; дай Богъ, чтобы я былъ въ состояніи дождаться его. Едва ли дождусь». И, наклонясь къ ней, Контеніусъ продолжалъ, понизивъ голосъ: —«Слушайте, что я вамъ скажу. Я «долженъ, непремѣнно долженъ, открыть ему тайну, — чрезвычайно «важную тайну. Но только передъ смертію и только ему одному. «Я не долженъ умереть, не сказавъ ее ему. Но видите, какъ я «боленъ; три недѣли для меня большой срокъ. Если мнѣ сдѣлается «хуже, если я увижу, что мнѣ не дожить до его пріѣзда, я рѣ«шился открыть эту тайну вамъ, чтобы вы передали ее ему. Я «сдѣлаю это только въ крайности, когда почувствую, что умираю. «Тогда я пришлю за вами. Дайте мнѣ слово, что когда бы я за вами «ни прислалъ, днемъ ли, ночью ли, чѣмъ бы вы ни были за«няты, — вы бросите все и, не медля ни секунды, пріѣдете ко «мнѣ. Но вы должны мнѣ обѣщать, что *отъ васъ* никто этого не «узнаетъ, кромѣ одного Андрея Михайловича». Елена Павловна обѣщала ему съ полною готовностію исполнить его просьбу. Затѣмъ прошло недѣли полторы; Елена Павловна зашла къ Контеніусу узнать о его здоровьи. Ему было лучше, онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, казался довольно бодрымъ, веселымъ, долго разговаривалъ съ нею о постороннихъ вещахъ. Когда же она уходила, онъ сказалъ ей очень серьёзно. «Теперь мнѣ немного получше; я надѣюсь, «быть можетъ, Богъ по милости своей дастъ мнѣ дожить до прі«ѣзда вашего мужа, и я не буду васъ тревожить. Но помните, если «я пришлю за вами, въ какое бы ни было время, чтобы ни слу«чилось у васъ, ради Бога, сейчасъ же, безъ малѣйшаго замедле«нія, не смотря ни на что, спѣшите ко мнѣ скорѣе. Это крайне не«обходимо. Я *долженъ* сообщить эту тайну Андрею Михайловичу. «Но, авось, я самъ дождусь его». Елена Павловна простилась съ нимъ и ушла домой. Спустя дня три, часовъ въ восемь вечера, прискакалъ на дрожкахъ секретарь Контеніуса, Франкъ, жившій у него, съ извѣстіемъ, что ему очень дурно, и онъ проситъ Елену Павловну какъ можно поскорѣе пожаловать къ нему. Она поѣхала въ ту же минуту, на тѣхъ же самыхъ дрожкахъ. Въ домѣ ей сказали, что Контеніусъ безпрестанно спрашиваетъ о ней. Когда

она вошла въ спальню, Контеніусъ лежалъ на постели умирающій. Услышавъ шаги, онъ повернулъ голову; лицо его какъ бы оживилось; онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы она затворила дверь и подошла къ нему. Исполнивъ это, Елена Павловна, наклонясь къ нему, спросила не послать ли за докторомъ? Контеніусъ, взглянувъ на нее помутившимися глазами, отвѣтилъ: «Одинъ Богъ только можетъ мнѣ помочь». Взялъ ее за руку, крѣпко сжалъ, потянулъ поближе къ себѣ и, съ усиліемъ поднявшись на локтяхъ, внятно сказалъ: «скажите ему, что... что...» и голова его упала на подушки, ротъ конвульсивно подернулся, глаза закатились, онъ раза два-три вздохнулъ и умеръ. Елена Павловна долго стояла неподвижно, съ напряженнымъ вниманіемъ, не сводя съ него глазъ, думая, что это припадокъ слабости, что это пройдетъ. Наконецъ, увидѣвъ, что онъ положительно умеръ, она хотѣла уйти; но рука его сильно сжимала ея руку и быстро холодѣла. Она хотѣла крикнуть, позвать секретаря, находившагося въ сосѣдней комнатѣ, но боялась потревожить едва испустившаго духъ нашего стараго друга. Такъ прошло съ полчаса, пока она почувствовала себя уже не въ силахъ долѣе выдерживать этого положенія и, съ большимъ трудомъ разжавъ его судорожно сжатые пальцы, высвободила свою руку и вышла изъ комнаты. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней послѣ того Елена Павловна была нервно разстроена, безпрестанно вздрагивала, и ей все казалось, что что-то холодное ее держитъ за руку.

Такъ тайна Контеніуса и умерла вмѣстѣ съ нимъ. И что это была за тайна? Что онъ хотѣлъ мнѣ передать?—никогда я не могъ постигнуть! Такой достойный, благородный, вполнѣ добродѣтельный человѣкъ не могъ имѣть на совѣсти своей никакого отягчающаго дѣла; да и для чего онъ бы мнѣ его сообщалъ? Онъ бы обратился къ священнику. Одно несомнѣнно, что открытіе этой тайны, должно было повлечь за собою какія-либо послѣдствія, что нибудь исправить или измѣнить, кому нибудь принести пользу, или отвратить зло; потому что немыслимо, чтобы, при серьезномъ, солидномъ умѣ Контеніуса, онъ такъ настойчиво, можно сказать, страстно, желалъ открыть свою тайну, если бы это было безцѣльно. Замѣчательно то, что онъ *не хотѣлъ* пережить открытія этой тайны; поэтому онъ и отлагалъ до послѣдней крайности, до послѣдняго своего вздоха, чтобы вслѣдъ за объявленіемъ ея, сейчасъ же

умереть. Можетъ быть, онъ былъ дѣйствительно не то лицо, за которое себя выдавалъ, какъ многіе говорили, и хотѣлъ это сказать мнѣ. О прошломъ своемъ, до пріѣзда въ Россію, онъ почти никогда не вспоминалъ; съ тѣхъ же поръ, жизнь его въ теченіе болѣе сорока лѣтъ всѣ знали. Въ ней не было ни одного загадочнаго поступка, ни одного подозрительнаго дѣйствія. Это была чистая, труженическая жизнь честнѣйшаго человѣка, безъ пятна и упрека. Онъ оставилъ мнѣ, какъ уже я говорилъ выше, всѣ свои бумаги. Я ихъ тщательно пересмотрѣлъ, перечиталъ всѣ его старыя письма, замѣтки, рукописи. Ни тѣни чего либо тайнаго или особеннаго въ нихъ не содержалось. И эта тайна навсегда осталась для меня неразрѣшимой тайной.

По возвращеніи моемъ изъ Петербурга, я ѣздилъ въ Бессарабію по вызову Инзова, которому хотѣлось знать все, о чемъ меня спрашивали и что поручали дѣлать въ Петербургѣ. Бѣдный старикъ былъ огорченъ; но, при слабости своего характера, не имѣлъ рѣшимости предупредить Государя, что Закревскій хочетъ дѣлать неподходящія вещи.

На возвратномъ пути изъ Бессарабіи, меня задержали на Днѣстрѣ, по случаю оказавшейся чумы. Я долженъ былъ просидѣть десять дней въ карантинѣ. Крайне невеселое положеніе! Я кое-какъ одолѣвалъ скуку чтеніемъ данныхъ мнѣ на дорогу изъ Кишинева десяти томовъ мемуаровъ Казановы.

Въ этомъ году, старшая моя дочь Елена вышла въ замужество за Петра Алексѣевича Гана, артиллерійскаго штабсъ-капитана, умнаго, отлично образованнаго молодаго человѣка. Отецъ его, тогда уже умершій, генералъ-лейтенантъ, родомъ изъ Мекленбурга, принадлежалъ къ старой дворянской нѣмецкой фамиліи, а мать, имѣя восемь человѣкъ взрослыхъ дѣтей, вышла вторично замужъ за Н. В. Васильчикова, роднаго брата князя Илларіона Васильевича. Мы съ женою очень неохотно согласились на бракъ нашей дочери, по причинѣ ея слишкомъ ранней молодости, ей было всего шестнадцать лѣтъ; но я испыталъ многократно въ моей жизни, что того, что опредѣлено Провидѣніемъ, никакъ нельзя предотвратить.

Между тѣмъ, какъ въ этомъ, такъ и въ послѣдующемъ 1831 году, я продолжалъ мои разъѣзды по колоніямъ. Въ 1831 году, въ первый разъ, появилась въ Европѣ холерная эпидемія, распространившаяся повсемѣстно. Болѣзнь эта, не смотря на свои частыя

повторенія, и до сихъ поръ мало изслѣдована и вѣрныхъ средствъ противъ нея никакихъ не открыто, тогда же она еще болѣе устрашала своею малоизвѣстностію. Въ Екатеринославѣ холера свирѣпствовала съ особеннымъ ожесточеніемъ; у насъ въ домѣ въ продолженіи десяти дней, умерло шесть человѣкъ дворовыхъ людей. Жена моя оказала при этихъ несчастныхъ случаяхъ, истинно христіанское самоотверженіе: она сама ухаживала за больными людьми, давала имъ лекарства, оттирала и утѣшала ихъ. И, за всѣмъ тѣмъ, болѣзнь не коснулась ея, все это время она оставалась невредима и совершенно здорова.

Въ 1832 году продолжались тѣ же занятія мои, тѣ же разъѣзды, какъ и въ предъидущемъ. По поводу отъѣзда графа Воронцова за границу, на время отсутствія его, Новороссійскимъ краемъ и Бессарабіей управлялъ графъ Федоръ Петровичъ Паленъ. Съ его выдающимися способностями, отличнымъ образованіемъ, онъ могъ быть прекраснымъ администраторомъ, но, по безпечности характера и по предвзятому предубѣжденію, *что въ Россіи, при томъ направленіи и ходѣ дѣлъ, какое было вверху, нельзя сдѣлать много внизу,*— вообще дѣлалъ мало, слишкомъ мало, говоря самъ, что онъ можетъ только «rectifier quelques choses.»

Въ 1833 году произошло нѣсколько замѣчательныхъ событій въ моей жизни. Лѣтомъ (которое, мимоходомъ сказать, было въ Новороссійскомъ краѣ весьма печальное всеобщимъ неурожаемъ) я отправился съ женою и дѣтьми въ Пензу, къ тестю моему князю Павлу Васильевичу, убѣждавшему насъ пріѣхать къ нему, чтобы еще разъ увидѣться въ этой жизни. Онъ былъ уже старъ, слабъ и слѣпъ, хотя духомъ и умомъ такъ же бодръ и свѣжъ, какъ въ молодости. Онъ передалъ намъ во владѣніе одно изъ своихъ двухъ имѣній, состоявшее изъ двухъ сотъ душъ, въ числѣ коихъ 70 душъ дворни. Имѣніе было малоземельное, къ тому же заложено въ банкѣ. Мы сочли за лучшее продать его, тѣмъ болѣе, что представился покупщикъ, давно желавшій купить его, именно графъ Закревскій. Тесть мой проводилъ свои старые дни почти въ одиночествѣ; частію въ своемъ имѣніи Кутли, частію въ собственномъ домѣ въ Пензѣ, перехоронивъ всю большую семью свою, которую мы нѣкогда застали въ селѣ Знаменскомъ въ первый нашъ пріѣздъ къ нему. Только множество портретовъ, покрывавшихъ стѣны, напоминали о бывшемъ когда-то оживленномъ семейномъ кругѣ его.

По счастію, нѣсколько близкихъ, преданныхъ людей внимательно заботились о немъ, вся домашняя прислуга обожала его, а потому мы могли быть покойны въ отношеніи ухода и попеченій о немъ. Не смотря на старческія немощи, аппетитъ у князя сохранился прекрасный. Онъ всегда былъ замѣчательный гастрономъ, любилъ хорошо и вкусно покушать, какъ и всѣ въ его семьѣ, не исключая моей Елены Павловны. Каждый день, послѣ сытнаго, обильнаго обѣда, усѣвшись за чашкою кофе, князь неминуемо обращался къ своей дочери съ вопросомъ: — «ну, Еленушка, а что мы завтра будемъ обѣдать?» и начиналось серьезное, продолжительное совѣщаніе о завтрашнемъ обѣдѣ, которое я старался не слушать, ибо, отъ пресыщенія сегодняшнимъ обѣдомъ, противно было думать о какой бы то ни было ѣдѣ. Князь возилъ насъ въ свою деревню Кутлю, старался занимать и увеселять, какъ могъ, каталъ въ линейкѣ по своимъ борамъ и рощамъ, гдѣ дѣти собирали грибы и костенику. Передъ нашимъ отъѣздомъ, онъ благословилъ насъ и внуковъ старинными, родовыми образами въ дорогихъ окладахъ *). Прощаніе наше было грустнѣе прежнихъ, по сомнительности надежды еще увидѣться съ нимъ.

Пробывъ въ Пензѣ около двухъ мѣсяцевъ, мы возвращались обратно въ Екатеринославъ чрезъ Москву, гдѣ остановились недѣли на три. Однажды, читая газеты, я нечаянно увидѣлъ о послѣдовавшемъ преобразованіи колонистскаго управленія. Конторы иностранныхъ поселенцевъ упразднялись, а оставлялся только одинъ «попечительный комитетъ», подъ предсѣдательствомъ Инзова, съ крайне ограниченнымъ штатомъ. По пріѣздѣ въ Екатеринославъ, выяснилось, что я былъ опредѣленъ членомъ этого комитета, съ тѣмъ же самымъ содержаніемъ, какое я получалъ. Приходилось переѣзжать на жительство въ Одессу, продавать за безцѣнокъ домъ съ прекраснымъ, огромнымъ садомъ, со всѣми почти двадцатилѣтними обзаведеніями и приспособленіями для нашихъ удобствъ, съ огромной дворней, и перебираться на житье въ городъ, гдѣ все было несравненно дороже, нежели въ Екатеринославѣ, — что, конечно,

*) Въ числѣ этихъ образовъ, какъ драгоцѣнная святыня, хранится у внуковъ князя Павла Васильевича серебряный, массивный крестъ съ св. мощами, съ давнихъ поръ принадлежавшій этой вѣтви князей Долгорукихъ, по преданію, доставшійся имъ, какъ завѣщанное благословеніе отъ ихъ предка, великаго князя Михаила Черниговскаго, замученнаго въ татарской ордѣ.

разстраивало нашу жизнь, составляло крупную непріятность. Но дѣлать было нечего. Безъ службы обойтись я не могъ. Мы рѣшились переѣхать и, дабы хоть нѣсколько уменьшить необходимые расходы на жизненныя потребности и хозяйство, — купить въ окружностяхъ Одессы небольшое имѣньице. Я поѣхалъ въ Одессу прежде одинъ и пріискалъ подходящее имѣньице въ сорока верстахъ отъ Одессы, деревню Поликовку, по сосѣдству съ имѣніемъ графа Потоцкаго, Севериновкою.

Весною 1834-го года, переѣхало въ Одессу и мое семейство, распростившись навсегда съ Екатеринославомъ и старыми друзьями, сохранившими къ намъ понынѣ свою вполнѣ цѣнимую нами пріязнь. Множество заботъ и хлопотъ, неразлучныхъ съ переѣздомъ цѣлымъ домомъ съ одного мѣста на другое и при новомъ обзаведеніи полнаго хозяйства, не миновало и насъ; и послѣ прежнихъ долговременныхъ домашнихъ порядковъ, трудно было вступить въ непривычную колею. Но главное, что озабочивало меня, это усиленіе болѣзненнаго состоянія моей Елены Павловны. Я надѣялся, что одесскіе доктора искуснѣе екатеринославскихъ и могутъ болѣе принести ей пользы, что, отчасти, и сбылось. Однако, не смотря на свои немощи, Елена Павловна принялась съ неутомимой дѣятельностію и разумнымъ знаніемъ дѣла за устройство нашей деревеньки. Въ самый короткій срокъ она сдѣлала все, что было возможно и, при очень ограниченныхъ затратахъ, достигла удивительно успѣшныхъ результатовъ. Она развела прекрасный садъ, большіе огороды, насадила виноградники, рощу, построила мельницу, всѣ необходимыя постройки и службы, улучшила хозяйство и, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, превратила дикую, запущенную деревушку въ образцовое хозяйственное учрежденіе и пріятное лѣтнее мѣстопребываніе.

Графъ Воронцовъ по-прежнему выказывалъ ко мнѣ особенное расположеніе и нѣсколько разъ предлагалъ перейти къ нему на службу; но я не рѣшался перемѣнить моей давней, привычной службы. Моя жена и дочери, — старшая, Елена, пріѣхала къ намъ гостить, — принятыя очень внимательно и любезно графинею Воронцовой, часто бывали у нея на балахъ и вечерахъ, насколько позволяло здоровье Елены Павловны. Въ Одессѣ нашлось много старыхъ знакомыхъ, между прочимъ, бывшіе Екатеринославскіе губернаторы, Шеміотъ и Свѣчинъ, градоначальникъ Левшинъ, ба-

ронъ Франкъ, съ семействами, и другіе. Одесса находилась тогда въ лучшей порѣ своего общественнаго развитія. Много знатныхъ, богатыхъ семействъ селились въ ней, по причинѣ южнаго климата, особенно изъ польской знати. Всѣ они почти, начиная съ Воронцовыхъ, жили открыто, весело; прекрасная итальянская опера не уступала столичнымъ; зимою, нескончаемый рядъ всевозможныхъ празднествъ и увеселеній слѣдовалъ безъ перерыва. А потому немудрено, что молоденькимъ дочерямъ моимъ, — вторая едва вышла изъ дѣтскаго возраста, — участвовавшимъ почти во всѣхъ этихъ удовольствіяхъ, очень нравились оживленіе, роскошная обстановка баловъ, изысканность избраннаго общества, вообще, веселая, новая для нихъ жизнь высшаго одесскаго круга того времени. Для меня, конечно, все это представляло мало интереса, а Елена Павловна, по слабости здоровья и привычкѣ къ уединенной, сосредоточенной жизни, даже тяготилась частыми выѣздами въ свѣтъ, на которые обрекала себя, чтобы не лишить удовольствія своихъ дочерей. Нашего сына, десятилѣтняго Ростислава, мы помѣстили въ пансіонъ Тритена, лучшій въ городѣ. Онъ былъ уже хорошо подготовленъ, и насъ очень радовали отзывы о немъ ученыхъ профессоровъ лицея, преподававшихъ въ пансіонѣ, которые не только не могли нахвалиться, но не могли надивиться необыкновеннымъ способностямъ мальчика и легкости, съ которою онъ понималъ серьезные и трудные научные предметы. Только никакъ не хотѣлъ онъ учиться танцовать, и не было возможности заставить его посѣщать танцъ-классы.

Однажды, проходя по улицѣ, я случайно повстрѣчалъ торжественную, похоронную процессію одного изъ замѣчательнѣйшихъ одесскихъ обывателей. Хоронили послѣдняго графа Разумовскаго. Онъ долго жилъ въ Одессѣ совершеннымъ затворникомъ, прекративъ почти всѣ личныя сношенія съ свѣтомъ. Говорили, что въ молодости онъ былъ очень общительнымъ, веселымъ человѣкомъ, много путешествовалъ, долго жилъ за границей, особенно въ Парижѣ, гдѣ велъ разсѣянную жизнь, тратилъ большія деньги, превышавшія норму содержанія, выдаваемаго ему его отцомъ, и надѣлалъ долговъ. Тогда, строгій и, какъ видно, не слишкомъ нѣжный родитель скупилъ его векселя и засадилъ сынка въ долговую тюрьму, гдѣ держалъ его до самой своей смерти, болѣе двухъ лѣтъ и еще бы болѣе продержалъ, если-бъ не умеръ.

Смерть отца освободила сына изъ постыднаго заключенія и сдѣлала однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи. Но молодой Разумовскій вышелъ изъ тюрьмы совсѣмъ уже не тѣмъ, какимъ вошелъ въ нее. Изъ свѣтскаго, живаго человѣка, онъ обратился въ мрачнаго, одичавшаго ипохондрика. Почему-то избралъ мѣстомъ своего жительства Одессу, купилъ за городомъ большое мѣсто, развелъ превосходный садъ, а посреди его построилъ домъ, самой своеобразной архитектуры. При постройкѣ дома, графъ выписывалъ изъ Италіи и другихъ мѣстъ Европы лучшихъ художниковъ для внутренней отдѣлки, скульптурныхъ украшеній и расписанія живописію стѣнъ и потолковъ. Домъ онъ наполнилъ всѣми сокровищами искусства древняго и новаго, какія его богатство могло ему доставить и, отростивъ себѣ длинную бородку (которую кромѣ простого народа тогда никто не носилъ) и волосы, замкнулся безвыходно, никуда не выходя и никого не принимая, за очень немногими исключеніями. Подъ домомъ графъ устроилъ обширное подземелье, съ безконечными корридорами и ходами въ различныхъ направленіяхъ, въ родѣ лабиринта, ключъ коего былъ извѣстенъ ему одному. Входъ въ подземелье былъ только одинъ, изъ спальни графа, скрытый потайной дверью. Въ 1828-мъ году, во время Турецкой войны, Императрица Александра Ѳеодоровна, проживая въ Одессѣ, наслышавшись о необыкновенномъ убранствѣ дома графа Разумовскаго, рѣдкихъ коллекціяхъ древностей и всякихъ искусствъ, находившихся въ немъ, пожелала ихъ видѣть и послала сказать графу, что въ назначенный часъ и день она посѣтитъ его. Графъ устроилъ пріемъ, вполнѣ достойный августѣйшей гостьи, приготовилъ великолѣпный завтракъ и угощеніе, а самъ въ этотъ день, за нѣсколько часовъ до прибытія Государыни, забрался въ свое подземелье, гдѣ и просидѣлъ, спрятавшись, до глубокой ночи. Эта неожиданная продѣлка такъ всѣхъ озадачила, что надолго осталась въ памяти одесскихъ жителей. Послѣ смерти Разумовскаго, наслѣдники его по боковой линіи отнеслись съ непостижимой небрежностію къ имуществу, оставленному имъ въ Одессѣ; никто изъ нихъ не взялъ на себя труда даже пріѣхать взглянуть на то, что осталось послѣ него, а заочно распорядились все продать огуломъ съ публичнаго торга. Долго продолжалась эта распродажа, такъ какъ не легко было управиться съ такой массой разнородныхъ вещей. Ихъ продавали партіями, по отдѣламъ. Многіе ходили, и мы съ женой въ

томъ числѣ, чтобы только посмотрѣть на всѣ эти диковинки, и съ сожалѣніемъ смотрѣли на драгоцѣнныя собранія картинъ, статуй, оружія, всякихъ рѣдкостей и старины, стоившихъ огромныхъ денегъ,—а многое и за деньги нельзя было достать,— которыя доставались можно сказать задаромъ, бо̀льшею частію въ руки людей, покупа̀вшихъ ихъ для спекуляціи. Все было распродано за безцѣнокъ. При продажѣ мебели, среди множества роскошныхъ, изящныхъ вещей находился простой, самой обыкновенной работы столикъ шахматный, не обратившій на себя ничьего вниманія по своей невзрачности. Когда дошла до него очередь, по объявленіи какой-то пустячной цѣны, подошли торговать два человѣка, итальянецъ и французъ, которыхъ Разумовскій часто приглашалъ играть съ нимъ въ шахматы; они заявили, что хотятъ купить столикъ единственно на память о покойномъ графѣ, и начали понемногу возвышать цѣну, которую скоро довели до такихъ серьезныхъ размѣровъ, что возбудили общее удивленіе. Наконецъ, одинъ изъ нихъ отступился, а другой, завладѣвъ столикомъ, поспѣшилъ расплатиться и унести его. Оказалось, что въ столикѣ былъ секретный ящикъ, а въ немъ драгоцѣнные, старинные шахматы, выдѣланные изъ коралла и аметиста, необыкновенной работы. Объ этомъ никто не зналъ, кромѣ двухъ партнеровъ графа. Домъ тоже былъ проданъ съ молотка, но не долго пережилъ своего хозяина и въ скоромъ времени сгорѣлъ до тла.

Изъ моей жизни въ Одессѣ того времени мнѣ остался также памятенъ одинъ изъ вечеровъ у Алексѣя Ираклієвича Левшина (градоначальника), куда я изрѣдка сопровождалъ моихъ дочерей, часто тамъ бывавшихъ по старому знакомству съ его женой, рожденной Брискорнъ. Въ этотъ вечеръ, мы застали въ числѣ гостей знаменитаго нашего художника Брюлова, творца «послѣдняго дня Помпеи», прибывшаго въ Одессу по пути въ Петербургъ, моремъ изъ Италіи, гдѣ онъ провелъ двѣнадцать лѣтъ для изученія живописи. Свиданіе съ отечествомъ послѣ столь продолжительной разлуки, повидимому, сильно волновало и радовало его. Теперь время другое, сообщенія Россіи съ заграницей такія легкія, столько русскихъ колесятъ тамъ вдоль и поперекъ, что и долго живущіе на чужой сторонѣ не отстаютъ отъ своего прирожденнаго россійскаго духа; тогда же совсѣмъ было иначе, и Брюловъ, очутившись на родинѣ, казалось, находился въ настроеніи какого-то возбужден-

наго умиленія, очень трогательнаго. Хозяйка дома, Елизавета Федоровна Левшина, пригласила вторую дочь мою Катю спѣть что нибудь по-русски. Катя, имѣвшая замѣчательно хорошій, пріятный, обработанный голосъ, сѣла за фортепіано и, акомпанируя себѣ, спѣла русскую народную пѣсню*). Брюловъ такъ растрогался, что заплакалъ и, заливаясь слезами, бросился цѣловать ея руки. Затѣмъ пѣла сама Левшина, и дочь моя, по просьбѣ ея, снова русскія и малороссійскія пѣсни, а Брюловъ все время пребывалъ въ несказанномъ восторгѣ.

На слѣдующее лѣто, я ѣздилъ съ моей второй дочерью въ Екатеринославъ для окончанія кое какихъ дѣлъ служебныхъ и собственныхъ, а также для свиданія съ матерью. Разъѣзды мои по колоніямъ продолжались; но эта служба, въ своемъ новомъ видѣ, начинала мнѣ наскучать. Въ управленіи возникли безпорядки и запущенія, какъ по слабости Инзова, такъ и по чрезмѣрному сокращенію матеріальныхъ средствъ къ продолженію устройства колоній въ тѣхъ видахъ, чтобы сдѣлать ихъ существенно полезными. Этой цѣли можно было достигать только внимательнымъ и частымъ наблюденіемъ на мѣстѣ за ходомъ хозяйственнаго развитія колоній. Хотя неоднократно заявлялось многими дѣльцами, даже нѣкоторые государственные сановники держались мнѣнія, что администраціи надъ колоніями не должно вмѣшиваться въ направленіе устройства хозяйственнаго быта колонистовъ, но я удостовѣрился на опытѣ, что это понятіе совершенно ложное. Конечно, самому администратору необходимо знать дѣло хотя въ главныхъ основаніяхъ и, что важнѣе всего, умѣть внушить къ себѣ довѣріе поселенцевъ; тогда дѣйствія его непремѣнно принесутъ пользу, особенно если подобныхъ начальниковъ оставятъ на ихъ мѣстахъ продолжительное время, а не такъ, какъ у насъ водится, что способныхъ людей то и дѣло переводятъ съ одного мѣста на другое и даже съ одного рода службы на другой. Я самъ видѣлъ, что тамъ, гдѣ покойный Контеніусъ могъ имѣть непосредственное вліяніе на этотъ предметъ, все быстро совершенствовалось: заводилось улучшенное скотоводство, насажденія, прекрасное домашнее хозяйство, благоустройство домовъ и всѣхъ хозяйственныхъ построекъ. Тамъ нравственность поправлялась, многіе нерадивые исправлялись, и вообще колоніи достигали до возможнаго своего прогресса. Тамъ

*) „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ".

же, гдѣ это вліяніе прекращалось, колонисты нищенствовали, постоянно только домогались новыхъ льготъ, которыхъ часто своими докучаніями и добивались, что возбуждало лишь негодованіе сосѣднихъ съ ними русскихъ поселянъ, считавшихъ нѣмцевъ какою то привилегированною кастою людей. Но со времени смерти Контеніуса, и со времени сокращенія средствъ управленія колонистами для продолженія подобныхъ мѣропріятій, долженствовавшихъ поддерживаться конечно не годы, а десятки лѣтъ,— эти мѣропріятія вовсе потерялись изъ вида дѣйствій «попечительнаго комитета,» ограничившаго ихъ исключительно однимъ бумагомараніемъ и требованіями о доставленіи множества вѣдомостей съ невѣрными цифрами. Вниманіе Инзова было поглощено устройствомъ Болграда и заботами о умноженіи переселенія въ Бессарабію болгаръ, нынѣ отошедшихъ вовсе изъ Россійскаго владѣнія. На прочія же дѣла и колоніи онъ мало обращалъ вниманія. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, мое служебное положеніе сдѣлалось, такъ сказать, фальшивымъ. Инзовъ не во всемъ вѣрилъ Контеніусу, а мнѣ еще менѣе. Меня это тяготило, я сталъ подумывать, не воспользоваться ли мнѣ предложеніями графа Воронцова перейти къ нему на службу; но сама судьба позаботилась вывести меня изъ непріятнаго положенія. Я получилъ письмо отъ графа Блудова, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ перевести меня на вновь учрежденную должность главнаго попечителя надъ калмыцкимъ народомъ въ Астрахани. Министръ настаивалъ на моемъ согласіи, старался склонить меня къ этому переводу, увѣряя при томъ, что служба моя въ Астрахани продлится не долго и послужитъ лишь переходнымъ путемъ къ высшимъ должностямъ*). Такой далекій переѣздъ, съ семьей, со всей домашней обстановкою, дворовой прислугою, и оставленіе нашего небольшаго хозяйства, только-что устроеннаго въ деревнѣ подъ Одессою, безъ личнаго нашего наблюденія и надзора,—снова разстраивали меня. Но, во второй разъ, дѣлать было нечего. Мнѣ было всего съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, я былъ здоровъ и могъ трудиться. А министръ такъ усиленно уговаривалъ меня къ переходу, обнадеживая вознагражденіемъ въ будущемъ. Я согласился. Въ концѣ 1835 года послѣдовалъ мой переводъ, съ порядочнымъ пособіемъ на переѣздъ. Сдавъ нашу деревеньку въ аренду, въ маѣ 1836 года я отправился съ женою и дѣтьми въ

*) Это письмо, вмѣстѣ съ другими замѣчательными письмами, касающимися А. М. Фадѣева, находится въ приложеніи къ его „Воспоминаніямъ“, № 18 и проч.

Астрахань. При прощаніи съ Инзовымъ, онъ тронулъ меня теплыми словами сожалѣнія о нашей разлукѣ и даже обильными слезами; обнялъ меня и заплакалъ. Впрочемъ, это прощаніе наше было не послѣднее, намъ пришлось еще увидѣться, нѣсколько лѣтъ спустя.

Мы совершали путь нашъ въ лучшее годовое время, въ маѣ мѣсяцѣ, довольно удобно и пріятно, черезъ Екатеринославъ, Новочеркаскъ и Царицынъ; съ удовольствіемъ отдохнули въ Сарептѣ и благополучно прибыли въ Астрахань*).

Здѣсь увидѣли мы какъ бы новый свѣтъ: новыя мѣста, новые люди, новый родъ занятій. Военнымъ губернаторомъ въ Астрахани въ то время былъ генералъ Тимирязевъ,— удивительная смѣсь противоположностей въ характерѣ, хотя съ положительнымъ преобладаніемъ благороднаго и добраго надъ всѣмъ прочимъ; человѣкъ умный, честный, благонамѣренный, прямой энергичный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пылкій, отчасти самовластный и деспотичный, онъ всѣмъ хотѣлъ руководить по своему; но, прослуживъ всю жизнь въ военной службѣ, съ гражданской частію былъ еще мало знакомъ и потому часто не достигалъ тѣхъ результатовъ, которыхъ желалъ. Онъ со многими не уживался, но ко мнѣ съ самаго начала былъ очень хорошъ и навсегда сохранилъ дружеское расположеніе, которое я вполнѣ цѣнилъ. По служебнымъ отношеніямъ я старался иногда, сколько могъ, урезонивать его, въ чемъ, бо̀льшею частію, и успѣвалъ, потому что, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, когда ему говорили дѣло, но подъ часъ хлопотъ было много чтобы справиться съ его неподатливостію.

*) Всѣ иностранные поселенцы Новороссійскаго края очень скорбѣли объ отъѣздѣ Андрея Михайловича Фадѣева и, чѣмъ могли, выказывали ему свое сожалѣніе и признательность. Всѣ колоніи, чрезъ которыя ему приходилось по пути проѣзжать, принимали его и провожали съ самыми искренними заявленіями живѣйшаго сочувствія. Даже въ еврейскихъ поселеніяхъ евреи собирались толпами при проѣздѣ его и долго бѣжали за экипажемъ съ воплями, плачемъ и благословеніями своему доброму начальнику. Многіе изъ колонистовъ до самой смерти Андрея Михайловича поддерживали съ нимъ сношенія, обращаясь къ нему письменно за совѣтами, наставленіями и сообщеніями своихъ дѣлъ. Нѣкоторые, несмотря на огромное разстояніе, пріѣзжали повидаться съ нимъ, или присылали сыновей своихъ засвидѣтельствовать ему о ихъ постоянномъ уваженіи и благодарности къ нему. Такъ, одинъ изъ богатѣйшихъ колонистовъ, Корнисъ, воспитывавшій своего сына въ Петербургѣ, по окончаніи ученія, велѣлъ ему сна̀чала поѣхать въ Астрахань представиться Андрею Михайловичу, а ужъ потомъ возвратиться въ родительскій домъ. Имя Андрея Михайловича Фадѣева долго оставалось памятнымъ въ Новороссійскихъ поселеніяхъ, долго передавалось съ благодарнымъ воспоминаніемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и донынѣ не позабыто во многихъ изъ нихъ.

Астраханское общество не отличалось своей обширностію, даже вѣрнѣе сказать, было очень ограниченное. По образованію и знанію свѣтскихъ приличій, выдавался однимъ изъ первыхъ армянскій архіерей Серафимъ, человѣкъ довольно начитанный, видѣвшій почти всю Европу и часть Азіи. Онъ интересовался и занимался болѣе, кажется, мірскими удовольствіями нежели своими духовными дѣлами, коихъ, впрочемъ, у него было такъ немного, что они не могли его обременять. Онъ одинъ имѣлъ порядочную библіотеку, получалъ хорошія французскія книги, выписывалъ журналы, которыми и меня снабжалъ, и я съ нимъ пріятно проводилъ время. Изъ прочихъ армянъ выдѣлялось нѣсколько денежныхъ гражданъ (особенно Сергѣевъ, считавшійся милліонеромъ), отличавшихся отъ остальныхъ своихъ собратій только тѣмъ, что часто задавали богатыя пирушки и попойки для увеселенія астраханской администраціи.

Богатѣйшимъ и именитѣйшимъ изъ русскихъ гражданъ былъ тогда въ Астрахани Кирилла Федоровичъ Федоровъ,— личность очень замѣчательная. Онъ самъ не зналъ, сколько ему лѣтъ, но что былъ чрезвычайно старъ, тому служилъ доказательствомъ его собственный о себѣ нижеслѣдующій разсказъ. По происхожденію изъ пономарскихъ дѣтей, Тамбовской губерніи, выучившись кое какъ грамотѣ, онъ случайно добрался до Астрахани и опредѣлился въ соляное правленіе, сперва сторожемъ, а потомъ писцомъ. Бывъ изобличенъ въ кражѣ изъ архива за взятки документовъ, онъ былъ высѣченъ плетьми, но не смотря на то, оставленъ на службѣ въ томъ же соляномъ правленіи, по причинѣ пріобрѣтенной имъ смышленности въ приказныхъ дѣлахъ, и продолжалъ еще нѣкоторое время службу тамъ же, а потомъ и въ другихъ астраханскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Когда ему было отъ роду около сорока лѣтъ, онъ получилъ первый офицерскій чинъ, а затѣмъ въ 1782 году, въ годъ учрежденія Владимірскаго ордена, получилъ тогда же этотъ орденъ за тридцати-пятилѣтнюю службу въ офицерскомъ чинѣ. Слѣдовательно, легко разсчитать, какихъ уже онъ былъ лѣтъ въ 1836 году! Въ продолженіи своей службы, до восшествія на престолъ Императора Павла Петровича, онъ съумѣлъ накопить нѣсколько десятковъ тысячъ рублей и поѣхалъ съ ними на коронацію въ 1797 году въ Москву. Онъ былъ большой балагуръ и въ своемъ родѣ краснобай, чѣмъ и сдѣлался извѣстнымъ тогдашнему ге-

нералъ-прокурору князю Александру Борисовичу Куракину, у котораго взялъ на продолжительный срокъ въ откупное содержаніе пожалованныя ему на коронацію астраханскія рыболовныя воды. Князь Куракинъ выпросилъ ихъ себѣ, не имѣя даже понятія о цѣнности этихъ водъ, а только зная по доходу, который казна тогда отъ нихъ получала, что онѣ могутъ доставлять до двадцати-тридцати тысячъ въ годъ, и не болѣе. Въ этомъ увѣрилъ его и Федоровъ и потому, кажется, взялъ ихъ за тридцать тысячъ ассигнаціями въ годъ, а самъ получалъ отъ нихъ по нѣсколько сотъ тысячъ рублей ежегодно. Къ этой прибыльной аферѣ присоединились еще и другія выгодныя спекуляціи, вслѣдствіе чего Кирилла Федоровичъ, около девяносто лѣтъ отъ роду, въ короткое время, сдѣлался милліонеромъ и первымъ аристократомъ въ Астрахани. Началъ жить бариномъ. Построилъ себѣ большой двухъ-этажный каменный домъ, съ двумя алебастровыми, выкрашенными львами на воротахъ и зажилъ роскошно, но скверно и грязно. Всѣхъ вновь пріѣзжающихъ въ Астрахань приглашалъ къ себѣ на безвкусные обѣды, объявляя при этомъ, что у него обѣдаютъ *всѣ астраханскія свиньи*. Продѣлокъ же своихъ, даже при случаѣ самыхъ безсовѣстныхъ, онъ не оставилъ. Изъ нихъ разскажу только одну, самую замѣчательную. У него былъ задушевный пріятель, помнится, совѣтникъ казенной палаты, который передъ смертію назначилъ его опекуномъ надъ своей малолѣтней дочерью и оставилъ ей 15 тысячъ рублей, предоставивъ ихъ въ распоряженіе Кириллы Федоровича. По достиженіи ею совершеннолѣтія, она вышла замужъ за одного морскаго офицера. Федоровъ о деньгахъ, оставленныхъ ея отцомъ, ничего не говорилъ, но о нихъ было извѣстно въ Астрахани всѣмъ, слѣдовательно и воспитанницѣ съ мужемъ ея. Вскорѣ послѣ свадьбы они начали просить его отдать имъ деньги, но Федоровъ съ непоколебимымъ хладнокровіемъ объявилъ, что это неправда и что онъ никакихъ денегъ отъ ея отца не получалъ. Всѣ увѣщанія и доводы его знакомыхъ, знавшихъ дѣло, остались напрасны. Письменнаго же документа или заявленія никакого не было. Начался процессъ, и дѣло дошло до очистительной присяги. Федоровъ, въ бѣлой рубахѣ, съ черною свѣчею въ рукахъ, босыми ногами пошелъ въ соборъ при звонѣ колоколовъ и далъ присягу, что денегъ не получалъ. Эта торжественная церемонія совершилась при стеченіи всего Астраханскаго народонасе-

ленія и по всѣмъ правиламъ обряда очистительной присяги. Но, вслѣдъ за тѣмъ, неожиданно для самого Федорова, совѣсть его вдругъ заговорила, и такъ настоятельно, что черезъ нѣсколько дней онъ келейно сознался въ своей винѣ и деньги возвратилъ. Все богатство не пошло ему впрокъ: нашлись пройдохи, умѣвшіе его надуть, и при концѣ жизни онъ разорился, не оставивъ почти ничего, кромѣ безнадежныхъ денежныхъ претензій къ казнѣ и частнымъ лицамъ. Умеръ онъ осенью 1839-го года. Изъ числа искусниковъ, особенно его надувавшихъ, замѣчательнѣйшій былъ нѣкто статскій совѣтникъ Шпаковскій, авантюристъ и человѣкъ довольно смышленный и образованный, но своекорыстныя продѣлки котораго въ высшей степени составляли его репутацію. Объ этихъ продѣлкахъ своихъ онъ, не запинаясь, разсказывалъ самъ. Любопытнѣйшая изъ нихъ состояла въ томъ, что онъ, будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ, прокутился въ конецъ и, дойдя до крайности отъ безпутной жизни, по смерти брата своего въ Очаковскую войну, человѣка богатаго и съ значеніемъ, съумѣлъ замѣнить его собою, подставить себя вмѣсто него; принялъ его имя, завладѣлъ его деньгами и бумагами и воспользовался его имуществомъ исключительно одинъ, не давъ ничего другимъ братьямъ и сестрамъ. Никто изъ нихъ не успѣлъ изобличить его, и такъ онъ и остался на всю жизнь подъ именемъ брата своего и продолжалъ службу его. Въ Астрахани, уже старикомъ, онъ занималъ мѣсто инспектора почтоваго округа. Я засталъ его уже отрѣшеннымъ отъ должности, но онъ не унывалъ и дѣятельно подвизался по части ябедничества, сутяжничества и всякихъ кляузныхъ штукъ, успѣвъ между прочимъ, поддѣть и Кирилла Федоровича на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Онъ умеръ въ Астрахани, въ глубокой старости и крайней бѣдности *).

*) Исторія Кирилла Федоровича съ Шпаковскимъ, по своей многосложности продолжительности, разнообразнымъ, необыкновеннымъ и самымъ неожиданнымъ выходкамъ съ обѣихъ сторонъ, могла бы назваться эпопеей въ лѣтописяхъ сутяжничества, и для обстоятельнаго описанія ея мало было бы нѣсколько томовъ. Часто приходилось намъ ее слышать въ дѣтствѣ, но за давностію времени, къ сожалѣнію, многія любопытныя подробности почти изгладились изъ памяти. Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ: К. Ф. Федоровъ былъ когда-то женатъ, но давно овдовѣлъ и имѣлъ только двухъ дочерей, которыя были замужемъ и тоже умерли, оставивъ ему внуковъ, изъ коихъ онъ болѣе всего любилъ внука Пестова и назначилъ его своимъ главнымъ наслѣдникомъ. Пестовъ былъ человѣкъ порядочный, служилъ въ гусарахъ, потомъ вышелъ въ отставку и жилъ у дѣда. Шпаковскій также былъ женатъ и, не смотря на преклонныя лѣта, имѣлъ молоденькую, прехорошенькую дочь, въ ко-

Изъ другихъ почтеннѣйшихъ лицъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться, были: русскій архіепископъ Виталій, добрый старикъ, но весьма посредственный архіерей; комендантъ Ребиндеръ въ такомъ же родѣ; казачій атаманъ Левенштернъ, а послѣ него фонъ-деръ-Брюгенъ,— оба хорошіе люди. Послѣдній былъ съ нами въ родствѣ по своей женѣ, рожденной Бриземанъ-фонъ-Неттигъ, родной племянницѣ покойной бабаушки де-Бандре. Замѣчательно, что атаманами астраханскихъ казаковъ назначались чаще всего нѣмцы, не знавшіе ни духа, ни свойствъ этого народа.

Гражданское чиновничество было въ то время въ Астрахани (да, кажется, и позднѣе) самое плохое. Взяточничество и мошенничество всякаго рода, казалось, были привиты имъ въ кровь до того, что одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій военнаго

торую Пестовъ влюбился, посватался съ согласія дѣда, и свадьба была рѣшена. Федоровъ тогда находился въ нѣжнѣйшей дружбѣ съ Шпаковскимъ. Незадолго до свадьбы, Федоровъ отправилъ Пестова въ Петербургъ съ довѣренностію въ опекунскій совѣтъ, для вклада или полученія изъ него трехсотъ тысячъ рублей. Шпаковскій примазался сопровождать Пестова въ Петербургъ, яко-бы для покупки приданнаго дочери. По пріѣздѣ, подпаивалъ его для своихъ цѣлей, разузналъ что ему было нужно, и что-то такое смастерилъ, крайне плутовское, но что́ именно, память ясно намъ не представляетъ. Кажется, что деньги были внесены въ банкъ на имя Шпаковскаго; но Пестовъ, протрезвившись, увѣдомилъ объ этомъ своего дѣда, который сейчасъ же принялъ энергичныя мѣры и доказалъ, что деньги принадлежатъ не Шпаковскому, а ему, и добился, что деньги были высланы ему изъ банка обратно въ Астрахань. А. Шпаковскій, какъ почтъ-директоръ, приказалъ астраханскому почтмейстеру, своему подчиненному, ихъ задержать, на томъ основаніи, что будто бы Федоровъ ему ихъ подарилъ,— въ доказательство чего представилъ письма Кирилла Федоровича и всякіе законные документы, оказавшіеся впослѣдствіи подложными. Прежніе задушевные друзья сдѣлались жесточайшими врагами. Начался многосложный процессъ, длившійся нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе коего почтмейстеръ потерялъ мѣсто, Шпаковскій отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду, а деньги, задержанныя на почтѣ, какъ-то растаяли, испарились и не достались ни Федорову, ни Шпаковскому. Свадьба Пестова конечно разстроилась, однако онъ продолжалъ жить у дѣда, который, хотя и лишилъ его наслѣдства, но содержалъ прилично, въ полномъ довольствѣ и, только при появленіи новыхъ знакомыхъ съ визитами, представлялъ имъ присутствовавшаго при этомъ внука неизмѣнно въ такихъ выраженіяхъ: „Вотъ, рекомендую Вамъ, мой внукъ Пестовъ, негодяй, разбойникъ, предатель, который продалъ своего дѣда,— прошу любить и жаловать". А Пестовъ, съ самымъ невозмутимымъ равнодушіемъ (вѣроятно, уже по привычкѣ), очень любезно расшаркивался передъ озадаченными гостями. Шпаковскій до конца дней своихъ поддерживалъ процессъ постоянно вновь измышляемыми доказательствами, будто Федоровъ подарилъ ему триста тысячъ. На смертномъ одрѣ, совсѣмъ умирающій, когда уже не могъ говорить, испуская послѣдній вздохъ, Шпаковскій вытащилъ изъ-подъ подушки какую-то бумагу и тутъ же умеръ. Бумага оказалась подложнымъ духовнымъ завѣщаніемъ Кириллы Федоровича, въ которомъ онъ оставлялъ все свое состояніе своему единственному другу Шпаковскому.

губернатора, В***, считавшійся однимъ изъ лучшихъ, докладывая ему бумаги, укралъ у него со стола пять рублей.

По калмыцкому управленію, все, что слѣдовало сдѣлать къ улучшенію его, состояло, къ сожалѣнію, совсѣмъ не въ томъ, что было сдѣлано: не въ томъ, чтобы составить большіе штаты, многорѣчивое положеніе, чтобы пригнать въ плотную рамку совѣтъ Калмыцкаго управленія, въ права и обязанности губернскихъ правленій; не въ томъ, чтобы облечь судъ Зарго значеніемъ судебныхъ палатъ, а ламайское управленіе превратить въ духовную консисторію, какъ это было устроено; а существенная польза состояла бы въ томъ, чтобы составить эти штаты изъ сколь возможно меньшаго числа чиновниковъ, выбравъ людей честныхъ. Впрочемъ, послѣднее было во всякомъ случаѣ очень трудно: на мѣстѣ, выбирать было не изъ кого болѣе, какъ изъ того же астраханскаго чиновничества, изъ коего почти всѣ по нѣскольку разъ уже находились подъ судомъ и были отрѣшаемы отъ должностей. А изъ Петербурга насылали такую же дрянь, переходившую оттуда на службу въ Астрахань только для того, чтобы не умереть въ Петербургѣ съ голоду.

Въ числѣ помѣщиковъ въ губерніи находилось нѣсколько вельможъ, какъ то: Куракинъ, Безбородко и проч., но въ Астрахань они никогда и не заглядывали; а всѣ остальные, жившіе тамъ, были въ томъ же родѣ, какъ и мѣстные приказные, за небольшимъ исключеніемъ, и отъ нихъ же происходили.

Почетнѣйшимъ изъ наличныхъ помѣщиковъ считался губернскій предводитель дворянства Милашевъ. Онъ происходилъ изъ простолюдиновъ Саратовской геберніи, молодость провелъ въ приказномъ званіи, а съ переходомъ на службу въ Астрахань добился кое-какъ чинишка и занимался письмоводствомъ у богатаго откупщика рыбныхъ промысловъ Сапожникова. Этотъ женилъ его на своей сестрѣ, доставивъ ему предварительно чинъ коллежскаго ассесора, какъ говорятъ, единственно для того, чтобы можно было покупать себѣ недвижимыя имѣнія на имя сестры свеей; и, дѣйствительно, купилъ въ Саратовской губерніи довольно значительное, а въ Астраханской небольшое, дабы открыть Милашеву возможность сдѣлаться предводителемъ дворянства, коимъ онъ и сдѣлался, сперва уѣзднымъ, а потомъ и губернскимъ. Этотъ-то г. губернскій предводитель, въ сущности далеко не глупый человѣкъ, былъ у Тимирязева

привилегированнымъ шутомъ, и для доставленія ему пестраго мундира Тимирязевъ выпросилъ ему *каммергерство*, которое шло къ нему какъ къ американской воронѣ. Когда Тимирязевъ игралъ съ нимъ на биліардѣ, то, при проигрышѣ партіи, Милашевъ долженъ былъ на четвереренькахъ пролѣзть три раза подъ биліарднымъ столомъ, а потомъ вдобавокъ еще цѣловалъ Тимирязеву руку. Кстати сказать, что къ рукоцѣлованію въ торжественныхъ случаяхъ Тимирязева являлись охотницы и изъ многихъ астраханскихъ дамъ, конечно, противъ его воли; онъ самъ говорилъ объ этомъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Милашевъ, по выбытіи Тимирязева изъ Астрахани, оставилъ предводительство, переѣхалъ на житье въ женино имѣніе Саратовской губерніи, и передъ смертію, вспомнивъ свое происхожденіе, приказалъ похоронить себя въ лаптяхъ и некрашенномъ гробѣ, что и было исполнено.

Окрестности вокругъ Астрахани пустынны, монотонны и богаты лишь водою, тощими деревьями и комарами. Замѣчательно только въ двѣнадцати верстахъ имѣніе Ахматовыхъ, Черепаха, основанное и устроенное ихъ дѣдомъ, бывшимъ еще при Екатеринѣ астраханскимъ губернаторомъ, Бекетовымъ, и, кажется, единственнымъ губернаторомъ, сдѣлавшимъ въ Астрахани и губерніи что-либо полезное. Онъ развелъ тамъ большой виноградный садъ и заведенія къ нему принадлежащія, гдѣ выдѣлывалось когда-то хорошее вино, но по смерти его все пришло въ упадокъ, хотя домъ и вся усадьба поддерживались въ благоустроенномъ видѣ.

Этотъ 1836 годъ, внѣ служебныхъ занятій и заботъ, я провелъ хотя и хлопотливо, но довольно пріятно. Въ свободное время я пересматривалъ въ губернскомъ архивѣ старинныя бумаги и находилъ между ними много любопытнаго, не смотря на то, что много уже было расхищено и утрачено по небрежности. Всякій изъ чиновнаго люда, сколько нибудь этимъ интересовавшійся, могъ рыться въ архивѣ и даже брать изъ него, что и сколько хотѣлъ. Это же самое впослѣдствіи я нашелъ и въ Саратовѣ. Лѣтомъ мы съ женою и дѣтьми порядочно страдали отъ жаровъ, которые въ Астрахани тѣмъ тягостнѣе, что и укрыться отъ нихъ некуда: на пятьсотъ верстъ во всѣ стороны степь, пески, безлѣсье и вода; садовъ много, но тѣни почти вовсе никакой. Матеріальное устройство новаго управленія занимало меня весь остатокъ года. Происходили шутовскіе церемоніалы и обряды, какъ напримѣръ торжественныя

открытія: совѣта калмыцкаго управленія, ламайскаго управленія, суда Зарго, и во всѣхъ улусахъ,—улусныхъ управленій, долженствовавшихъ замѣнять уѣздные суды. Каждое управленіе было снабжено особымъ экземпляромъ Свода Законовъ. При открытіи мною одного изъ этихъ судовъ въ улусѣ, сильный вѣтеръ опрокинулъ калмыцкую кибитку, въ которой помѣщался новорождаемый судъ, и разнесъ такъ быстро и далеко по степи не только бумаги, но и самыя книги Свода Законовъ, что, не смотря на поспѣшную погоню за ними и тщательныя исканія, не могли отыскать многихъ дѣлъ и нѣсколькихъ томовъ Свода Законовъ. А при открытіи ламайскаго управленія, очень забавно было видѣть недоумѣвающую и угнетенную физіономію представителя и президента его—ламы *). Это управленіе помѣщалось въ томъ же огромномъ домѣ, гдѣ и все калмыцкое управленіе. Лама былъ добрый калмыцкій попъ, смотрѣвшій на всю эту процедуру, въ своемъ красномъ халатѣ, такимъ же взоромъ, какъ индійцы смотрѣли на пріѣхавшихъ къ нимъ въ первый разъ европейцевъ. Онъ взросъ и провелъ всю жизнь въ степи, на вольномъ воздухѣ, въ кочевой кибиткѣ, и комнатная атмосфера была для него невыносима; а потому, не дождавшись конца церемоніи, блѣдный, разстроенный, онъ обратился ко мнѣ съ убѣдительной просьбою, чтобы его выпустили изъ присутственной камеры на свѣжій воздухъ, въ чемъ я не могъ ему отказать, принимая во вниманіе его удрученное состояніе. Вскорѣ затѣмъ, не взирая на сопротивленіе Тимирязева, оказалось необходимымъ дозволить ламайскому синоду перемѣститься на берегъ Волги, въ калмыцкую кибитку **).

*) Главное духовное лицо у калмыковъ, въ родѣ архіерея.

**) Простодушный лама, какъ выходецъ изъ Тибета и прирожденный сынъ степей, былъ мало знакомъ съ пріемами европейской цивилизаціи. Разъ Андрей Михайловичъ пригласилъ его къ себѣ вечеромъ. Лама явился въ сопровожденіи двухъ гелюнговъ (ламайскихъ священниковъ) и, усѣвшись въ гостиной очень чинно и прилично (какъ всѣ азіаты), разговаривалъ со всѣми черезъ переводчика. Подали чай; когда ламѣ поднесли подносъ съ стаканами чаю и всѣми принадлежностями, лама, какъ слѣдуетъ, взялъ стаканъ, поставилъ на столъ, затѣмъ обмокнулъ всѣ пять пальцевъ правой руки въ молочникъ, встряхнулъ ихъ къ себѣ въ чай, опять обмокнулъ и встряхнулъ, и такъ повторялъ до тѣхъ поръ, пока чай побѣлѣлъ. Онъ занимался этимъ довольно долго, очень серьезно, важно и глубокомысленно. Всѣ находившіеся въ комнатѣ, особенно дѣти Андрея Михайловича, съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Разумѣется, молочникъ унесли и замѣнили другимъ, но съ послѣдующими стаканами производилась неизмѣнно та же самая операція. Когда лама собрался уходить, Андрей Михайловичъ приказалъ запречь ему коляску. Экипажъ подали къ крыльцу, лакей открылъ дверцы и откинулъ

Въ теченіе этого года я выѣзжалъ и въ степные улусы, чтобы ознакомиться съ бытомъ калмыцкаго народа и ихъ князьями, и удостовѣрился, что считавшіеся изъ нихъ образованными были хуже тѣхъ, которые сохранили свой первобытный типъ и простоту нравовъ.

Самымъ виднымъ изъ владѣльцевъ выдавался полковникъ *князь Сербеджабъ-Тюмень,* непремѣнно хотѣвшій слыть образованнымъ европейцемъ, потому что участвовалъ во Французской кампаніи двѣнадцатаго года и побывалъ съ войсками за границей и въ Парижѣ; въ сущности же былъ только испорченный калмыкъ, и хотя построилъ въ своемъ улусѣ домъ на европейскій манеръ, и развелъ садъ, и держалъ русскаго повара, а особенно держалъ изобильные запасы шампанскаго, но все это только для наружнаго вида, для показа, и во всемъ сквозила калмыцкая дикость и нечистоплотность *). Мнѣ безъ сравненія больше понравился другой владѣлецъ,

---

подножку. Лама, съ церемоннымъ прощаніемъ, провожаемый всѣми, медленно сошелъ съ лѣстницы и, вдругъ, къ общему изумленію, вмѣсто того, чтобы войти въ коляску,— сѣлъ на подножкѣ ея! Ему предложили сѣсть въ коляску, но онъ отказался на отрѣзъ; его просили, настаивали, представляли необходимость пересѣсть, но онъ не хотѣлъ и слышать о томъ, увѣряя, что ему такъ прекрасно, гораздо лучше и спокойнѣе, нежели внутри коляски, и ѣхать будетъ очень пріятно. Сколько ни уговаривали его, ничего не помогало и, наконецъ, почти силою усадили его въ экипажъ. Потомъ онъ пригласилъ къ себѣ въ гости Андрея Михайловича съ семействомъ. Очень любезно принялъ ихъ и радушно угощалъ. Угощеніе состояло въ томъ, что на столѣ посреди комнаты стояло пять блюдъ: одно съ подсолнечными сѣмячками, другое съ тыквенными, третье съ арбузными, четвертое съ дынными, а пятое съ рожками. Затѣмъ, подавали калмыцкій чай съ бараньимъ жиромъ въ деревянныхъ чашкахъ и жаренную жеребятину. Лама съ своими гелюнгами казались очень довольны изысканностію ихъ угощенія. *Н. Ф.*

*) Во время своего пребыванія въ Парижѣ, князь Сербеджабъ-Тюмень умудрился однажды крайне озадачить парижскую публику. Шатаясь по улицамъ и магазинамъ, онъ накупилъ себѣ великое множество различныхъ маленькихъ органчиковъ, въ видѣ часовъ, табакерокъ, ящиковъ и даже перстней съ музыкой, чрезвычайно ими забавлялся и носилъ съ собой въ карманахъ. Забравшись разъ въ театръ, Тюмень во время антракта завелъ всѣ свои музыкальные инструменты, и съ горделивой улыбкой осматривалъ партеръ и ложи въ ожиданіи необыкновеннаго эффекта и одобренія за столь пріятный калмыцкій сюрпризъ. Публика сначала въ недоумѣніи стала прислушиваться къ этой разношерстной дребедени, стала искать исходный центръ ея и, наконецъ, открывъ оный въ одномъ изъ рядовъ креселъ, въ образѣ дикой фигуры грубаго монгольскаго типа, заволновалась, зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались крики: „à bas la bête, à bas la bête!“ Вмѣшалась полиція, и бѣднаго Тюменя вывели изъ театра подъ акомпанементъ такого взрыва свистаній и шиканій, которыя совершенно заглушили импровизированный концертъ его органчиковъ. Съ тѣхъ поръ князь Сербеджабъ возъимѣлъ о французахъ самое невыгодное мнѣніе и отзывался о нихъ крайне презрительно.

Церенъ-Убуши, сохранившій вполнѣ простоту привычекъ и патріархальный образъ жизни по своимъ кореннымъ обычаямъ, человѣкъ правдивый, любимый своими подвластными калмыками и нисколько не поддававшійся благонамѣреннымъ убѣжденіямъ о перемѣнѣ своего образа жизни. Для пріема и угощенія пріѣзжающихъ въ его улусъ европейцевъ, у него все было въ запасѣ и даже съ избыткомъ; но самъ онъ жилъ совершенно въ своемъ національномъ духѣ, вѣрный племеннымъ обыкновеніямъ. Принадлежавшіе ему калмыки жили въ довольствѣ и любили его. До пятидесятилѣтняго возраста онъ не выѣзжалъ никуда изъ своего улуса и даже не видѣлъ не только ни одного города, но даже ни одной деревни.

1837 годъ для меня памятенъ тѣмъ, что въ теченіе онаго я ѣздилъ два раза въ Петербургъ, кромѣ разъѣздовъ по Астраханской губерніи и Кавказской области, такъ что проѣхалъ въ этотъ годъ около десяти тысячъ верстъ. Въ началѣ года, отправляясь въ Петербургъ, я взялъ съ собой сына для опредѣленія его въ артиллерійское училище, а также дочь Екатерину, желавшую побывать въ Петербургѣ и повидаться съ старшею сестрою Еленою, которая тогда тамъ жила съ мужемъ Мы ѣхали на Саратовъ и Пензу, гдѣ застали тестя моего, князя Павла Васильевича тяжко больнымъ. Его уже исповѣдовали, причастили, соборовали, и доктора съ минуты на минуту ожидали его конца; но нашъ пріѣздъ, свиданіе со мною и внуками такъ обрадовали старика, что онъ какъ-бы ожилъ, началъ разспрашивать о дочери, разговаривать, разсказывать, повеселѣлъ и совсѣмъ пріободрился. Весь день не отпускалъ насъ отъ своей постели и ночь провелъ спокойно. На слѣдующій день онъ былъ также бодръ и оживленъ, просилъ насъ не тревожиться его болѣзнію, много говорилъ, шутилъ, особенно съ внучкой; разсказывалъ интересныя вещи изъ прошлаго, анекдоты о своихъ пріятеляхъ Оленинѣ, Полуэктовѣ, и другихъ, и по-прежнему не отпускалъ насъ отъ себя. Въ одиннадцать часовъ ночи, когда мы ужинали въ смежной съ его спальнею комнатѣ, князь попросилъ поправить ему подушку, и едва успѣли это сдѣлать, какъ онъ мгновенно скончался, безъ вздоха, безъ стона, слегка двинувъ плечомъ. Онъ только что съ нами говорилъ, въ голосѣ его было столько жизни, память была такъ свѣжа, что мы не вѣрили своимъ глазамъ, не вѣрили, чтобы это могло такъ скоро случиться. Ему было за восемьдесятъ лѣтъ, и уже года четыре онъ былъ совсѣмъ слѣпъ. Доктора гово-

рили, что по ходу болѣзни и изнеможенію силъ, онъ долженъ былъ умереть ранѣе нашего пріѣзда; но ожиданіе этого пріѣзда сильное желаніе насъ еще увидѣть, а затѣмъ радость свиданія съ нами, какъ то чудесно поддержали его на нѣсколько дней. Судьба привела насъ въ Пензу именно въ это время, совершенно какъ бы для того, чтобы закрыть ему глаза и отдать послѣдній долгъ, — что мы и исполнили. Князь заявлялъ желаніе, чтобы его похоронили въ деревенской церкви, въ его имѣніи Кутли, возлѣ сестры его Екатерины Васильевны Кожиной, въ сорока верстахъ отъ Пензы; и 5 февраля, при большомъ морозѣ, по дурной снѣжной дорогѣ, мы повезли его, сопутствуемые огромной толпою пензенскихъ жителей всѣхъ сословій, провожавшихъ далеко за городъ тѣло своего столь давняго и уважаемаго старожила. А за нѣсколько верстъ отъ Кутли, вся деревня вышла на встрѣчу погребальнаго шествія. Во всѣхъ крестьянахъ видна была истинная любовь къ ихъ покойному, доброму помѣщику и живая скорбь о потерѣ его. Они взяли гробъ на руки и несли его до церкви, гдѣ на другой день, по совершеніи заупокойной литургіи и панихиды, тѣло было предано землѣ.

Князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій былъ храбрый, боевой Екатерининскій генералъ, высоко образованный, очень ученый, замѣчательный лингвистъ (онъ превосходно зналъ греческій и латинскій языки, а по-французски, нѣмецки, англійски и итальянски говорилъ какъ по-русски), и вмѣстѣ съ тѣмъ отличный христіанинъ и добрѣйшій человѣкъ. Да почиваетъ въ мирѣ благородная, достойная душа его.

При этихъ обстоятельствахъ, меня болѣе всего тревожило, какъ подѣйствуетъ смерть отца на бѣдную мою Елену Павловну, съ ея разстроеннымъ здоровьемъ; она осталась въ Астрахани одна съ маленькою дочерью, и какъ я ни старался осторожнѣе сообщить ей это горестное извѣстіе, все же несчастія нельзя было уменьшить, и, зная ея впечатлительную натуру и привязанность къ отцу, не могъ успокоиться до полученія отъ нея отвѣта, который пришелъ очень не скоро въ Петербургъ. Какъ я и надѣялся, Богъ подкрѣпилъ ее и, хотя глубоко потрясенная, она перенесла эту потерю съ твердостію и благоразуміемъ.

Покончивъ наши печальныя хлопоты, мы выѣхали 7 февраля изъ Кутли и продолжали дорогу на Москву, гдѣ пробыли нѣсколько дней. Здѣсь мы узнали о трагической смерти Пушкина. Насъ это

поразило; а дочь моя Катя неутѣшно плакала, какъ вѣроятно и многія изъ русскихъ, особенно дамъ. Утрата для отечественной литературы была незамѣнима, а я жалѣлъ о немъ даже просто какъ о человѣкѣ. Въ Петербургъ мы прибыли 19 февраля и помѣстились на квартирѣ моей старшей дочери Елены очень удобно. Мужъ ея П. А. Ганъ состоялъ тогда на службѣ въ Петербургѣ въ образцовой батареѣ.

Причина этой поѣздки моей заключалась въ томъ, что я былъ вызванъ графомъ Блудовымъ, вслѣдствіе ходатайства о томъ Тимирязева, дабы объяснить многія несообразности въ новомъ «Положеніи о управленіи калмыками, 1835 года» и о необходимыхъ въ немъ исправленіяхъ. Блудовъ не имѣлъ, кажется, большаго довѣрія къ увѣреніямъ Тимирязева въ этомъ отношеніи. «Положеніе 1835 года о калмыкахъ» было составлено самимъ графомъ Димитріемъ Николаевичемъ; онъ смотрѣлъ на все съ своей точки зрѣнія и представлялъ себѣ бытъ калмыковъ по тому идеалу, который напередъ самъ себѣ изобразилъ, а совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ въ дѣйствительности существовалъ. Впрочемъ, въ разговорахъ со мною по этому предмету, графъ въ подробные разспросы не вдавался, а ограничивался только болѣе поверхностными, да и то съ видимымъ нетерпѣніемъ и торопливостію, подъ предлогами надобности ѣхать во дворецъ, въ совѣтъ, и т. д. Можетъ быть причиною этого охлажденія къ своему дѣтищу «Положенію калмыцкому» былъ сдѣлавшійся тогда извѣстнымъ переходъ этого управленія въ вѣдомство графа Киселева. Какъ бы ни было, только само собою разумѣется, что при подобной обстановкѣ, поѣздка моя немного принесла пользы, какъ для службы, такъ и для калмыцкаго народа; только лично мнѣ оказала она пользу, потому что по ходатайству Тимирязева и графа Блудова доставила мнѣ улучшеніе содержанія. Въ это же время я познакомился ближе съ новымъ тогда министромъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ, котораго тогда сильно занимало устройство государственныхъ поселянъ, въ составъ коихъ должны были поступить и калмыки. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, я неожиданно получилъ настоятельное приглашеніе отъ бывшаго въ этотъ періодъ времени малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, графа Строганова, перейти къ нему на службу; предлагаемое мѣсто было недурное, съ пребываніемъ въ Полтавѣ, и я сначала колебался, но по нѣкоторомъ

раздуміи, не рѣшился и отказался. Я часто бывалъ у графа Киселева и директоровъ его департаментовъ, особенно у пользовавшагося его великимъ довѣріемъ статсъ-секретаря Карнѣева, бо̀льшею частію для совѣщаній по разнымъ предметамъ о улучшеніи быта государственныхъ имуществъ. Въ эту же бытность мою въ Петербургѣ я познакомился съ извѣстнымъ Осипомъ Ивановичемъ Сенковскимъ, барономъ Брамбеусомъ, по случаю литературныхъ отношеній его съ старшею моею дечерью, Еленой Андреевной Ганъ, статьи которой онъ печаталъ въ издаваемой имъ тогда «Библіотекѣ для чтенія». — Человѣкъ онъ былъ безспорно замѣчательно умный и необыкновенно остроумный, но въ разговорахъ съ нимъ проявлялось что то отталкивающее отъ него.

Я на этотъ разъ мало пользовался столичными развлеченіями. Они и прежде не особенно привлекали меня, а теперь мнѣ было не до нихъ; я предоставилъ моимъ дочерямъ забавляться удовольствіями Петербурга, что онѣ и дѣлали очень охотно, тѣмъ болѣе, что для дочери Кати все здѣсь являлось новымъ и любо пытнымъ. Однажды онѣ меня уговорили пойти съ ними въ театръ на Роберта-діавола, но я не досидѣлъ до конца. Сынъ Ростиславъ бо̀льшею частію оставался дома за своими книгами и географическими картами, и интересовался только музеями, арсеналами, картинными галлереями и древностями. Онъ съ малолѣтства отличался философскимъ расположеніемъ духа и всегда любилъ сидѣть дома.

Между тѣмъ, меня безпокоили письма жены моей: она давно страдала слабостію глазъ; теперь же, можетъ быть, отъ слезъ послѣ смерти отца, это страданіе усилилось; Астраханскіе доктора ее напугали, и она боялась ослѣпнуть такъ же, какъ и отецъ ея. Я съ дѣтьми настаивалъ, чтобы она пріѣхала немедленно къ намъ въ Петербургъ посовѣтоваться съ лучшими окулистами, но она не соглашалась и писала намъ, что предпочитаетъ дождаться нашего возвращенія и поѣхать съ дѣтьми въ Пятигорскъ полечиться водами.

Пребываніе мое въ Петербургѣ затянулось дольше, нежели я предполагалъ. Графъ Киселевъ убѣждалъ меня служить у него по новому управленію надъ казенными крестьянами. Не зная еще результата о себѣ по нашему министерству, я не могъ вдругъ рѣшиться на это, и прежде чѣмъ успѣлъ дать ему какой-либо отзывъ, графъ Киселевъ, увидѣвшись съ графомъ Блудовымъ, просилъ его, чтобы онъ уступилъ ему меня. Послѣдствіемъ было то,

что графъ Блудовъ нѣсколько на меня посѣтовалъ, думая, что я самъ ищу этого перемѣщенія; но неудовольствіе прошло, когда я объяснился, и нѣсколько дней спустя, графъ мнѣ объявилъ, что намѣренъ дать мнѣ нѣкоторыя особыя порученія и вмѣстѣ съ тѣмъ, по желанію Киселева, соединить ихъ съ порученіемъ мнѣ и отъ него, и что обдумавъ, какъ это лучше сдѣлать, вскорѣ отправитъ меня обратно. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, графъ Димитрій Николаевичъ поручилъ мнѣ обозрѣть внимательнѣе калмыцкіе улусы и саратовскія нѣмецкія колоніи; а предъ отправленіемъ моимъ обратно въ Астрахань, графъ Киселевъ, по соглашенію съ графомъ Блудовымъ, возложилъ на меня порученіе, сверхъ калмыцкихъ и нѣмецкихъ дѣлъ, обревизовать поселенія и государственныя имущества Астраханской губерніи и Кавказской области. По окончаніи этихъ коммисій, я долженъ былъ къ зимѣ, или зимою, прибыть снова въ Петербургъ для представленія о нихъ отчета. На дорожныя издержки выдали мнѣ порядочныя деньги, да еще въ помощь дали двухъ чиновниковъ, надворныхъ совѣтниковъ Франка и Нейдгарта.

Къ этому времени я успѣлъ окончательно устроить и Ростислава. На нѣсколько мѣсяцевъ, для приготовленія его къ вступленію въ артиллерійское училище, я помѣстилъ его у роднаго племянника моего, Александра Александровича Фадѣева, служившаго въ гвардейской артиллеріи и одного изъ лучшихъ преподавателей въ этомъ самомъ училищѣ, вполнѣ знавшаго свое дѣло, отличнаго офицера*). Онъ обѣщалъ приготовить Ростислава къ новому году. Братъ мой Павелъ Михайловичъ, артиллерійскій генералъ, постоянно находившійся на службѣ въ Петербургѣ, также готовъ былъ оказать ему всякое содѣйствіе и участіе. Я сдѣлалъ все, что могъ придумать лучшаго, моля Бога, чтобы это послужило на пользу и добро моему сыну. Тяжело было намъ разстаться съ нимъ, оставить одного въ чужомъ мѣстѣ такъ далеко отъ насъ. Тяжело было и бѣдному мальчику разлучиться съ нами, оторваться отъ родной семьи.

Я выѣхалъ восьмого мая съ дочерью Екатериной, взявъ съ собою и старшую дочь мою съ ея двумя маленькими дочерьми, какъ для свиданія съ матерью, такъ и для того, чтобы отправить ее вмѣстѣ

*) Нынѣ генералъ-отъ-артиллеріи, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

съ нею въ Пятигорскъ на минеральныя воды, въ коихъ онѣ имѣли надобность по причинѣ усилившихся болѣзненныхъ явленій. Не доѣзжая до Астрахани восемьдесятъ верстъ, мы заѣхали по дорогѣ къ князю Тюменю и были обрадованы, заставъ тамъ жену мою съ дочерью Надею, выѣхавшихъ къ намъ на встрѣчу. Оттуда 26-го мая мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Астрахань водою на большихъ лодкахъ. Пробывъ въ Астрахани двѣ недѣли, мы отправились опять всѣ вмѣстѣ 9-го іюня въ Пятигорскъ, такъ какъ и я долженъ былъ тоже ѣхать на Кавказъ по дѣлу. Проѣхавъ сто верстъ по почтовому Кизлярскому тракту*), мы своротили съ него направо, въ калмыцкія степи, гдѣ путешествіе наше приняло очень оригинальный видъ. Намъ пришлось продолжать наше странствіе *преимущественно на верблюдахъ*, выставленныхъ заранѣе калмыками для нашего проѣзда, и испытывать большой недостатокъ въ водѣ. Верблюдовъ запрягали въ экипажи, какъ лошадей, парою въ дышло, и эти прославленные «корабли пустыни», столь полезные въ азіатскихъ караванахъ, и выносливые въ аравійскихъ пустыняхъ, оказались лѣнивѣйшими и несноснѣйшими животными въ астраханской степи. Тотчасъ по упряжкѣ, они шли своимъ плавнымъ, чопорнымъ шагомъ версты двѣ—три, затѣмъ одинъ верблюдъ, безъ малѣйшаго основанія, ложился на землю, его товарищъ слѣдовалъ его примѣру, и уже не было никакого средства заставить ихъ подняться, кромѣ одного: освободить отъ упряжи и впрячь другихъ, которые, пройдя двѣ версты, неминуемо устраивали тотъ же самый маневръ, что намъ значительно замедляло дорогу. Вѣроятно, верблюды выказывали этимъ протестъ противъ упряжи и не хотѣли ей покориться. Степь представляла собою сплошную, необозримую массу песку, разносимаго вѣтромъ высокими буграми, въ родѣ подвижныхъ горъ, съ мѣста на мѣсто, и противъ силы вѣтра съ пескомъ почти невозможно было устоять на ногахъ. Изрѣдка зеленѣли, или вѣрнѣе сказать, рыжѣли, кустики полуизсохшей полыни, и иногда попадались неглубокіе колодцы съ водою, такой горькой и противной на вкусъ, что даже верблюды отказывались ее пить. Мы взяли съ собою въ запасъ нѣсколько боченковъ воды, но отъ солнечнаго припека она скоро такъ согрѣлась, что не годилась къ употребленію. Далѣе по пути стала проявлять-

*) Въ то время трактъ прерывался, и на довольно большомъ разстояніи не было никакой почты.

ся растительность, трава, которая понемногу своей зеленью замѣнила желтизну песка. Мы ночевали одну ночь въ соляной заставѣ, другую въ степи, а третью въ калмыцкомъ кочевьѣ, гдѣ калмыки приняли насъ очень радушно. Они даже устроили въ честь нашу торжественное богослуженіе въ кибиткѣ, замѣнявшей имъ хурулъ, т. е. капище. Десятка полтора гелюнговъ, сидя въ два ряда одни противъ другихъ, поджавши ноги, передъ возвышеніемъ, уставленнымъ бурханами (идолами), играли на трубахъ всѣхъ постепенныхъ величинъ, начиная отъ длинныхъ, сажени въ полторы, до самыхъ коротенькихъ, вершка въ два. Эта музыка разнородныхъ, гремящихъ и свистящихъ звуковъ, то оглушительно рѣзкихъ, то тихо дребезжащихъ, иногда рѣзала наши непревычныя уши, но, въ совокупности, раздаваясь и разносясь по безпредѣльной степи, составляла странную, фантастическую гармонію, не лишенную какого-то дикаго величія, производившаго особенное впечатлѣніе. На четвертый день, мы доѣхали до береговъ Кумы, гдѣ нашли хорошій отдыхъ со всѣми удобствами, у извѣстнаго шелковода, кавказскаго помѣщика Реброва (теперь уже столѣтняго старца, но все еще существующаго)*),—въ деревнѣ его «Владиміровкѣ». Для желавшаго познакомиться съ бывалымъ на Кавказѣ и за Кавказомъ, бесѣда съ нимъ представляла много интереса и занимательности. Ребровъ состоялъ нѣкогда привителемъ канцеляріи у перваго главнаго начальника въ Грузіи, по занятіи ея русскими, генерала Кноринга, а потомъ, кажется, и нѣкоторое время у князя Циціанова. Отъ Реброва мы отправились чрезъ русскія деревни по Кумѣ въ Пятигорскъ, куда и прибыли 16 іюня. Тамъ я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ и возобновилъ старое съ княземъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Голицинымъ, умнымъ балагуромъ и большимъ острякомъ и гастрономомъ, котораго зналъ еще въ 1815 году,—тогда молодымъ, красавцемъ гусаромъ, а теперь встрѣтилъ ужъ претолстымъ генераломъ. Впослѣдствіи онъ былъ знаменитымъ сочленомъ Московскаго клуба и умеръ въ прошломъ году.

Изъ новыхъ знакомствъ самое замѣчательное было съ старымъ, почтеннымъ нашимъ ветераномъ, генераломъ Иваномъ Никитичемъ Скобелевымъ, извѣстнымъ своей храбростію, подвигами на войнѣ, изувѣченнымъ въ сраженіяхъ и, какъ говорили, выслужившимся

*) Писано въ 1862 г. Вскорѣ затѣмъ Ребровъ и умеръ.

изъ солдатъ *). Я познакомился съ нимъ. благодаря дочери моей Катѣ, которая совершенно случайно пріобрѣла самое дружеское его расположеніе. Случай состоялъ въ томъ, что во время питія водъ, она однажды гуляла въ саду Михайловскаго источника съ семействомъ князя Голицына и другими, изъ числа коихъ былъ одинъ господинъ, пріѣхавшій изъ Одессы, по происхожденію грекъ, Б-ли, но вполнѣ обрусѣлый, служившій въ Петербургѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, писавшій въ русскихъ журналахъ и впослѣдствіи занимавшій значительныя мѣста по дипломатической части. Въ общемъ разговорѣ онъ, совсѣмъ ужъ вопреки своему званію дипломата и даже просто порядочнаго человѣка, позволилъ себѣ проврáться самымъ безтактнымъ образомъ, — разсказомъ о томъ, что недавно, гдѣ то на обѣдѣ, у него спросили, русскій ли онъ? А онъ будто бы отвѣчалъ: «Нѣтъ; и если бы во мнѣ было «хоть что нибудь русское, я бы пустилъ себѣ кровь, чтобы во «мнѣ не осталось ни одной капли русской крови!» На это дочь «моя возразила ему: «Какъ жаль, что вы не сдѣлали этого сейчасъ «же, — при умопомѣшательствѣ кровопусканіе бываетъ очень полезно». Затѣмъ завязался оживленный споръ, заставившій скоро дипломата умолкнуть. На другой день, на водахъ, къ дочери моей подошелъ генералъ Скобелевъ, съ которымъ она не была знакома, взялъ ее за руку и сказалъ: «Я слышалъ вчера, барышня, вашъ разговоръ «съ Г. Б*** и такъ благодаренъ вамъ за все высказанное вами, «столько въ вашихъ словахъ было патріотизма и правды, что я «былъ бы готовъ на все для васъ, — и сдѣлаю для васъ все, что «хотите, — взойду на колокольню Ивана Великаго и спрыгну съ «нея; однимъ словомъ, вы можете потребовать отъ меня, чего вамъ «угодно, я буду всегда весь къ вашимъ услугамъ». Послѣ того, Скобелевъ оказывалъ ей постоянно особенное вниманіе и не упускалъ случая подходить къ ней и дружески бесѣдовать съ нею.

Устроивъ мое семейство для пребыванія на водахъ, я отправился 23 іюня въ Ставрополь, для исполненія порученій по части государственныхъ имуществъ. Вскорѣ затѣмъ, въ Ставрополь пріѣхалъ нарочно, чтобы посѣтить меня и повидаться со мною, извѣстный молочанскій менонистъ Корнисъ, коего я очень любилъ и уважалъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный. Прибывъ въ Россію

*) Дѣдъ знаменитаго Скобелева. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ комендантомъ Петропавловской крѣпости.

лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ изъ Пруссіи, совершеннымъ бѣднякомъ и работникомъ, онъ въ короткое время своей дѣятельностію и смышленностію успѣлъ составить себѣ огромное состояніе; но, что важнѣе всего, успѣлъ принести много пользы и своему обществу и всѣмъ сосѣднимъ жителямъ, въ томъ числѣ и ногайцамъ, своимъ примѣромъ, наставленіями и матеріальными пособіями. Онъ умеръ лѣтъ черезъ десять потомъ, оставивъ своему семейству богатое наслѣдство, отмѣнно хорошо устроенныя хозяйственныя заведенія и незабвенную память по себѣ, не только между своими собратіями, но и всѣми жителями Новороссійскаго края.

Пробывъ въ Ставрополѣ недѣль около двухъ, я поѣхалъ для обозрѣнія сперва русскихъ государственныхъ имуществъ той губерніи, а потомъ калмыцкихъ степей, на коихъ кочевали калмыки обоихъ Дербетовскихъ улусовъ. Я взялъ съ собою и Корниса, и вмѣстѣ съ нимъ проѣхалъ оттуда вдоль Маныча и Кумы, близъ границы земли Войска Донскаго, чрезъ всю калмыцкую степь, лежащую въ этомъ направленіи, и имѣлъ ночлеги въ ихъ кочевьяхъ. Въ этихъ кочевьяхъ я нашелъ калмыцкаго зайсанга, т. е. дворянина, Джамбо-Гелюнга, замѣчательнаго тѣмъ, что, не бывъ нигдѣ кромѣ своихъ степей, онъ успѣлъ себѣ составить понятіе объ осѣдломъ хозяйствѣ, построилъ домикъ, завелъ мельницу и хлѣбопашество; но примѣру его прочіе калмыки не послѣдовали, хотя тамъ было много мѣстъ, очень удобныхъ къ поселенію. Въ этомъ направленіи я доѣхалъ наконецъ до перваго русскаго поселенія Аксая, въ Астраханской губерніи, а потомъ чрезъ Мало-Дербетовскую улусную ставку доѣхалъ до Сарепты. Всему проѣханному мною пространству я составилъ подробное описаніе, и по окончаніи ревизіи въ Астраханской губерніи всего того, что мнѣ было поручено, я представилъ въ министерство самыя подробныя свѣдѣнія, и въ томъ числѣ мое мнѣніе о лучшемъ устройствѣ въ этой губерніи какъ морскихъ, такъ и разныхъ рѣчныхъ рыболовныхъ промысловъ. Такія же описанія я составлялъ по Ставропольской и впослѣдствіи по Саратовской губерніи, но были ли они кѣмъ-либо читаны? — Сомнѣваюсь. Въ настоящее время о состояніи Астраханской губерніи помѣщена прекрасная и весьма вѣрная статья въ энциклопедическомъ словарѣ, т. V.

Въ Сарептѣ я провелъ очень пріятно день въ прогулкахъ, осмотрѣ полезныхъ и интересныхъ учрежденій гернгутерскаго го-

родка и въ бесѣдѣ съ старшинами, однимъ американскимъ миссіонеромъ и Корнисомъ, съ которымъ на слѣдующій день разстался. Онъ отправился обратно къ своимъ Молочнымъ водамъ, а я поѣхалъ внизъ по Волгѣ, для обревизованія казенныхъ селеній по обоимъ берегамъ ея, отъ Сарепты до Астрахани лежащихъ. Въ первыхъ числахъ августа я возвратился въ Астрахань и занимался весь мѣсяцъ накопившимися бумагами.

Въ концѣ мѣсяца ѣздилъ въ казенныя деревни, снова внизъ по Волгѣ, до морскаго устья, на нѣсколько дней, а 7-го сентября, вечеромъ, былъ обрадованъ возвращеніемъ жены моей съ дочерьми изъ Пятигорска. Но недолго мнѣ пришлось на этотъ разъ пожить съ ними, такъ какъ скоро надо было собираться опять въ дорогу 24-го сентября я выѣхалъ, сначала для обозрѣнія Саратовскихъ колоній, а потомъ для поѣздки въ Петербургъ съ отчетами по исполненію возложенныхъ на меня порученій. Горько было разставаться со всѣми своими, почти навѣрно на продолжительное время. До Сарепты меня сопровождала старшая дочь моя, которая поѣхала обратно къ мужу, квартировавшему въ Курской губерніи,а я направился обозрѣвать Саратовскія колоніи, лежащія по обоимъ берегамъ Волги отъ Камышина до Волжска. Проѣхавъ до колоніи Севастьяновки, въ сорока верстахъ отъ Саратова, по правому берегу Волги, я переправился на лѣвый. Въ недальнемъ разстояніи отъ Камышина, я видѣлъ замѣчательное мѣсто близъ колоніи Щербановки: въ четырехъ верстахъ отъ Волги, образуется высокій, крутой оврагъ, обросшій лѣсомъ, въ глубинѣ коего находится узкая, продольная долина съ быстрою рѣчкою. Въ этой долинѣ колонисты устроили больше двадцати водяныхъ мельницъ, съ небольшими, но красивыми домиками и садиками, отстоящими недалеко одни отъ другихъ. Это представляетъ на нѣсколько верстъ глазу путника очень живописную и оригинальную картину. Колоніи на лѣвомъ берегу Волги я нашелъ гораздо устроеннѣе и на высшей степени благосостоянія, нежели на нагорной, что произошло отъ избытка земли на степной сторонѣ, тогда какъ на нагорной у колонистовъ ощущался сильный недостатокъ въ ней. Извѣстную колонію «Катериненштатъ» я и тогда уже засталъ весьма устроенною, но болѣе въ видѣ промышленнаго и торговаго мѣстечка, нежели змледѣльческой колоніи. Обозрѣвъ всѣ колоніи подробно, я прибылъ 13-го октября въ Саратовъ, гдѣ прожилъ двѣ недѣли

для собранія нужныхъ мнѣ къ отчету моему свѣдѣній въ конторѣ иностранныхъ поселенцевъ. Въ этомъ отчетѣ я представлялъ министерству подробныя свѣдѣнія какъ о состояніи Саратовскихъ колоній, такъ и предположенія о мѣрахъ къ улучшенію ихъ благосостоянія. Въ сихъ колоніяхъ нѣмцы были до того избалованы въ теченіи сорока лѣтъ, до царствованія Императора Александра, и до того испорчены нравственно, что въ 1803-мъ году, по представленію сенатора Габлица, покойный императоръ приказалъ учредить въ нихъ восемь смирительныхъ домовъ, которые и существовали довольно продолжительное время. Я нашелъ ужъ этихъ колонистовъ, въ сложноти, по отношенію къ нравственности, нѣсколько исправившимися, но неурядицъ и всякаго рода безпорядковъ было еще очень много. Мои предположенія состояли главнѣйше въ томъ, чтобы, во 1-хъ, устроить ихъ поземельное владѣніе, которое находилось въ совершенномъ хаосѣ, многія владѣнія отстояли въ удаленіи отъ своихъ угодій, надѣлены ими недостаточно, а другія съ избыткомъ, въ излишествѣ и проч. и проч. Во 2-хъ, раздѣлить земли посемейно на хозяевъ и утвердить ихъ въ нераздѣльномъ потомственномъ владѣніи. 3-е, предоставить надѣлъ участками только однимъ хозяевамъ-хлѣбопашцамъ, а отнюдь не купцамъ и промышленникамъ. И наконецъ, 4-ое, переселить тѣхъ изъ нихъ, которые по быстрому умноженію народонаселенія (Саратовскіе колонисты съ 1764 по 1837 годъ, въ семьдесятъ три года, въ числѣ усемерились)—нуждаются въ средствахъ довольствія, въ тѣ мѣста Имперіи, гдѣ земли находится еще въ большомъ избыткѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ предложенныхъ мною мѣръ, кажется, впослѣдствіи приведены въ исполненіе.

Отправился я въ Петербургъ уже позднею осенью, въ концѣ октября, съ обоими моими помощниками, данными мнѣ изъ двухъ министерствъ, Нейдгардомъ и Франкомъ. Дорога наша была самая дурная и погода прескверная, но въ обществѣ съ двумя умными, образованными молодыми людьми, я проводилъ время довольно пріятно. Тащились мы по мерзлой грязи и колоти болѣе двухъ сутокъ, и только на третьи добрались до Пензы, гдѣ остановились у одного родственника жены моей. Хорошо отдохнувъ у него, на другой день, послѣ сытнаго обѣда, мы поѣхали по пути въ Кутлю, тамъ переночевали, и утромъ, отслуживъ въ церкви панихиду на могилѣ покойнаго моего тестя, продолжали странствіе. Дорога и

погода становились все хуже, снѣгъ съ дождемъ не переставали, мы ѣхали день и ночь; я начиналъ уставать и находилъ наше путешествіе весьма непріятнымъ, но случилось неожиданно маленькое приключеніе, доставившее намъ нѣкоторое развлеченіе. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ, въ одномъ я съ Франкомъ, въ другомъ Нейдгардъ съ моимъ чиновникомъ Биллеромъ. Со мною были два человѣка, камердинеръ и поваръ Иванъ. Не доѣзжая одной станціи до Мурома, въ экипажѣ Нейдгарта сломалось колесо, и мы должны были остановиться на станціи въ ожиданіи его починки. Отъ скуки мы сѣли играть въ карты. Тѣмъ временемъ къ станціи подъѣхалъ экипажъ, и къ намъ вошелъ проѣзжій, приличный на видъ, отрекомендовавшійся намъ пензенскимъ помѣщикомъ А***, о которомъ я слышалъ, какъ о богатомъ человѣкѣ, одномъ изъ видныхъ дворянъ города. Онъ разсказалъ намъ, что ѣдетъ изъ Москвы и очень спѣшитъ въ Пензу, гдѣ его ожидаетъ семейство, съ коимъ давно не видался, и нужныя дѣла. Поговоривъ немного, онъ вышелъ въ другую комнату и, возвратившись чрезъ нѣсколько минутъ, объявилъ, что мы ему такъ понравились, ему такъ съ нами пріятно, что онъ не желаетъ съ нами разставаться и, чтобы подолѣе продлить это удовольствіе, рѣшился ѣхать съ нами назадъ въ Москву. Хотя намъ показалось довольно необыкновенно, что человѣкъ семейный, пожилой, дѣловой, ѣдущій по столь скверной дорогѣ и сдѣлавшій уже половину ея, хочетъ вернуться обратно по такой странной причинѣ, но изъ учтивости сказали, что очень рады. И точно: онъ отправилъ бывшаго съ нимъ управителя для устройства дѣлъ въ деревню, а самъ, поворотивъ оглобли, поѣхалъ съ нами въ Москву. Мы нашли въ немъ предобрѣйшаго и прелюбезнѣйшаго спутника, который всю дорогу насъ угощалъ; въ Москвѣ завезъ насъ къ себѣ, прямо на свою квартиру, отлично принималъ, кормилъ и поилъ, преимущественно шампанскимъ, и всякій день приносилъ намъ билетъ въ ложу, которымъ я не пользовался, предоставивъ это своимъ чиновникамъ. Разъ только нашъ чудакъ затащилъ меня въ театръ, гдѣ я просидѣлъ часа полтора. Давали Скопина-Шуйскаго. Пьеса меня не забавляла, но за то забавляли двѣ сцены въ сосѣднихъ ложахъ: въ одной, за барынями и барышнями стояла, вытянувшись назади, все время представленія, огромнаго роста служанка въ выбойчатомъ платьѣ; въ другой, повидимому, провинціальныя посѣтительницы разсчитали по коли-

честву своихъ особъ, что имъ мѣстъ для сидѣнія всѣмъ въ ложѣ будетъ мало, и потому принесли подъ салопами скамейки, ножки коихъ оказались ненадежныя, и въ первомъ дѣйствіи у одной изъ скамеекъ онѣ подломались, барыня упала и ея громогласное: «ахъ!» раздалось во всемъ театрѣ. Затѣмъ я ушелъ, удовольствовавшись болѣе этимъ представленіемъ въ ложѣ, нежели на сценѣ.

Непостижимая продѣлка нашего радушнаго хозяина, наконецъ, разъяснилась для меня. Встрѣтившись съ нами на станціи, А*** узналъ моего повара Ивана (изъ бывшихъ людей тестя моего князя Павла Васильевича), взросшаго и всегда жившаго въ Пензѣ, и сталъ разспрашивать его о пензенскихъ новостяхъ, а тотъ, въ числѣ всякой всячины, разсказалъ ему скандальную сплетню о его женѣ. Это такъ подѣйствовало на него, что, недолго думая, онъ мигомъ измѣнилъ свой маршрутъ и вмѣсто того, чтобы стремиться впередъ, оборотился вспять.

Въ Москвѣ находилась тогда Царская фамилія. Засталъ я тамъ и нашего губернатора Ив. Сем. Тимирязева, пріѣхавшаго изъ Астрахани. Онъ представлялся Государю, надѣясь получить другое, высшее назначеніе, и, въ случаѣ успѣха, просилъ меня служить у него. Дня черезъ три мы выѣхали изъ Москвы, и 13-го ноября прибыли въ Петербургъ. Конечно, я сейчасъ же поѣхалъ къ моему сыну Ростиславу, котораго нашелъ здоровымъ, очень выросшимъ, отлично выдержавшимъ экзаменъ для поступленія въ 3-й классъ артиллерійскаго училища. Въ послѣдующіе дни, при моихъ оффиціальныхъ представленіяхъ, я узналъ отъ графа Киселева о предположенномъ мнѣ назначеніи въ имѣющее вновь открыться управленіе Саратовскою палатою государственныхъ имуществъ; но время исполненія этого предположенія еще не было опредѣлено. Между тѣмъ, дѣла въ Петербургѣ у меня оказалось довольно; занятія мои главнѣйше состояли въ окончаніи моихъ отчетовъ о калмыкахъ, колонистахъ и государственныхъ поселянахъ Астраханской и Саратовской губерній, а потомъ въ засѣданіяхъ учрежденной графомъ Киселевымъ коммиссіи для выслушиванія донесеній о состояніи государственныхъ имуществъ отъ чиновниковъ, которые для этого были разосланы имъ по всѣмъ губерніямъ Имперіи; и затѣмъ въ составленіи краткихъ выписокъ изъ донесеній, къ просмотру министра. Всѣ эти донесенія составляли огромныя кипы бумагъ; въ нихъ высказывались взгляды и способности чиновниковъ, изъ коихъ тѣ, отчеты

которыхъ представлялись удовлетворительными, предназначались къ должностямъ будущихъ управляющихъ палатъ государственныхъ имуществъ, имѣющихъ вскорѣ открыться въ тѣхъ губерніяхъ, кои они ревизовали. Много курьезовъ содержалось въ этихъ отчетахъ, но попадались и дѣльные, и, вообще, все это вмѣстѣ взятое, составляло богатый матеріалъ (который съ тѣхъ поръ, вѣроятно, уже сгнилъ) для познанія быта государственныхъ крестьянъ того времени. Не знаю, читалъ ли графъ Киселевъ и самыя краткія извлеченія изъ нихъ; онъ, какъ и всѣ современные ему министры (кромѣ графа Канкрина), довольствовался поверхностными взглядами и своими предвзятыми умозаключеніями, приноравливая ихъ къ такимъ же теоретическимъ изволеніямъ Государя Императора.

Графъ Канкринъ говорилъ о графѣ Киселевѣ, что онъ не *реалистъ*, а *формалистъ*, присовокупляя къ тому, что первыхъ въ Россіи очень мало, а вторыхъ очень много, и въ интимныхъ разговорахъ выражался въ томъ смыслѣ, что Киселевъ хочетъ израсходовать изъ себя болѣе, нежели содержитъ въ себѣ матеріала.

Отчасти, въ такомъ же родѣ былъ и нашъ Иванъ Семеновичъ Тимирязевъ, находившійся тогда въ Петербургѣ. Онъ меня также тормошилъ и тамъ порученіями для составленія разныхъ неудобоисполнимыхъ проэктовъ, между прочимъ, объ обращеніи калмыковъ въ казачье войско, по примѣру войска Донскаго и Уральскаго.

Идея, можетъ быть, въ военномъ отношеніи и прекрасная, но не совсѣмъ практичная, особенно послѣ принятаго правительствомъ положительнаго рѣшенія о утвержденіи калмыковъ въ сословіи мирныхъ поселянъ. Другой проэктъ, особенно его интересовавшій, представлялъ столь же мало шансовъ къ успѣху, какъ и предъидущій, а именно: основать городокъ на *калмыцкомъ базарѣ*, въ четырехъ верстахъ отъ Астрахани, на Петербургскомъ трактѣ, гдѣ завелась калмыцкая ярморка для торговли скотомъ еще съ того времени, когда существовала калмыцкая орда въ полномъ своемъ составѣ, до бѣгства въ Китай. Теперь тамъ оставалось только нѣсколько постоялыхъ дворовъ. По этому поводу уже заготовлялись планы, составлялись смѣты, Ив. Сем. Тимирязевъ уже утѣшался надеждою сдѣлаться основателемъ будущей калмыцкой столицы. Но, къ счастію, или несчастію, никакой возможности осуществить это предпріятіе не оказалось, за отсутствіемъ денегъ, необходимыхъ на расходы, а потому все окончилось одними пространными разговорами.

Въ свободные часы отъ своихъ занятій я проводилъ время чаще всего съ сыномъ моимъ и покойнымъ братомъ Павломъ Михайловичемъ, бывшимъ тогда членомъ артиллерійскаго департамента. Не смотря на то, что онъ братъ мой, и что въ сужденіяхъ о такихъ близкихъ людяхъ можно подозрѣвать пристрастіе, но я долженъ сказать, какъ святую истину, что это былъ человѣкъ рѣдкій, и по природному уму, и по способностямъ, и по христіанскимъ добродѣтелямъ. Его такимъ знали всѣ, знавшіе его. Онъ не сдѣлалъ особенно далекой карьеры единственно потому только, что не былъ искателенъ и говорилъ всегда правду *). Нѣсколько разъ въ теченіи своей жизни, занимая хорошія мѣста, обѣщавшія ему блестящую будущность, онъ, не смотря на сопротивленія своего начальства, оставлялъ эти мѣста, оставлялъ самую службу, потому что не могъ переносить жестокостей, несправедливостей, строгостей, которыхъ по необходимости ему приходилось быть невольнымъ орудіемъ, исполнителемъ или просто свидѣтелемъ. Слѣдуя неуклонно указаніямъ своей совѣсти и благороднаго, мягкаго сердца, онъ навлекалъ на себя гнѣвъ и опалу высшихъ лицъ, которыя дорожили имъ, какъ человѣкомъ способнымъ, дѣловымъ и безпредѣльно честнымъ. Такъ онъ отказался отъ виднаго мѣста при Аракчеевѣ; такъ отказался отъ мѣста главнаго начальника Тульскихъ оружейныхъ заводовъ, чѣмъ сильно разсердилъ Великаго Князя Михаила Павловича и вынужденъ былъ временно выйти въ отставку; — и отъ другихъ мѣстъ. При такомъ самостоятельномъ образѣ дѣйствій, конечно, братъ мой не могъ устроить своего матеріальнаго благосостоянія, но не особенно и заботился о немъ, никогда не унывалъ и всегда мирился со всякими обстоятельствами жизни, довольствуясь безукоризненностію своей совѣсти и службы и уваженіемъ всѣхъ честныхъ людей.

Я часто посѣщалъ бывшаго его начальника, извѣстнаго генерала барона Карла Федоровича Левенштерна, человѣка добраго, знаменитаго гастронома, отживавшаго свой вѣкъ на покоѣ въ званіи члена военнаго совѣта. Къ нему ѣздила лакомиться на эпикурейскіе обѣды вся Петербургская знать, объѣдала его и вмѣстѣ съ тѣмъ

*) Такъ же какъ и самъ Андрей Михайловичъ. Впрочемъ, карьера Андрея Михайловича была бы совсѣмъ другая, если бы онъ служилъ не въ провинціи, а въ Петербургѣ, что ему неоднократно, и очень настоятельно предлагали, но онъ всегда отказывался по причинѣ разстроеннаго здоровья Елены Павловны, для которой, по общему отзыву врачей, сѣверный климатъ былъ пагубенъ.

трунила надъ его слабостями, изъ коихъ, послѣ обжорства, преобладающей была непомѣрное честолюбіе. Онъ признавалъ себя вполнѣ государственнымъ человѣкомъ и злобился на графа Киселева за то, что тотъ перебилъ у него министерство государственныхъ имуществъ, на которое онъ почему то разсчитывалъ. Разочаровавшись въ своихъ честолюбивыхъ помыслахъ, онъ предался окончательно страсти къ ѣдѣ, что вскорѣ и свело его въ могилу. Онъ часто приглашалъ меня къ себѣ обѣдать, объявляя притомъ непремѣнно о какомъ нибудь особенномъ кушаньѣ, которымъ намѣревался меня,— а главное — себя угощать; какъ, напримѣръ, о вестфальскомъ окорокѣ, сваренномъ въ мадерѣ, или фазанѣ, фаршированномъ трюфелями, и т. д. Послѣ обѣда онъ обыкновенно везъ меня съ собою въ каретѣ смотрѣть балеты; къ балетамъ онъ тоже былъ нѣсколько пристрастенъ. Помню изъ нихъ «Дѣву Дуная», гдѣ Таліони прыгала чуть ли не до потолка. Но я не засиживался долго и обыкновенно послѣ перваго дѣйствія уѣзжалъ домой пить чай съ сыномъ, котораго никакъ не могъ уговорить ходить хоть изрѣдка въ театръ. Онъ все сидѣлъ за математикой и военной исторіей. Левенштернъ иногда не довѣрялъ своимъ поварамъ и самъ ходилъ на базаръ выбирать провизію и провѣрять цѣны, причемъ надѣвалъ какую нибудь старую шинель, принималъ мѣры, чтобы его не узнали. Но разъ съ нимъ случилось приключеніе, только, кажется, не въ Петербургѣ, а гдѣ то въ провинціи. Пошелъ онъ на рынокъ, замаскировавъ по возможности свою генеральскую форму, и купилъ двухъ жирныхъ, откормленныхъ живыхъ гусей; взялъ ихъ обоихъ себѣ подъ руки и понесъ домой кратчайшимъ путемъ, забывъ что на пути гауптвахта. Какъ только поровнялся онъ съ нею, караульный часовой его узналъ и вызвалъ караулъ. Испуганный генералъ, желая остановить часоваго, второпяхъ махнулъ рукою,— и одинъ изъ гусей въ то же мгновеніе вырвался и побѣжалъ. Левенштернъ бросился его ловить, а тутъ и другой гусь выскочилъ изъ подъ руки и послѣдовалъ за товарищемъ. Въ это же время, вызванный караулъ подъ ружьемъ уже отдавалъ честь генералу-отъ-артиллеріи, барону Левенштерну, и безмолвно созерцалъ, какъ генералъ въ смятеніи кидался отъ одного гуся къ другому, а гуси, махая крыльями, съ громкимъ кряканіемъ отбивались отъ его высокопревосходительства. Послѣ такого казуса, Левенштернъ больше никогда не ходилъ на рынокъ покупать гусей. О

немъ разсказывали множество анекдотовъ, и если не всѣ они справедливы, то во всякомъ случаѣ вѣрно изображаютъ его характеристику.

Тогда же я познакомился съ замѣчательнымъ нашимъ химикомъ, физикомъ и металургомъ Соболевскимъ, на дочери коего женатъ мой племянникъ, Александръ Александровичъ Фадѣевъ. Соболевскій сдѣлался очень извѣстнымъ введеніемъ на нѣкоторое время въ Россіи платиновой монеты, и вообще разработкой платины. Я нашелъ въ немъ старика умнаго и любезнаго; жилъ онъ большимъ бариномъ, имѣлъ на Петровскомъ островѣ богатую дачу съ превосходной галерееюю картинъ, статуями, бронзами и всякими рѣдкостями; кормилъ прекрасными обѣдами съ отличными винами; но такъ какъ домъ его нагрѣвался какимъ то особеннымъ химическимъ способомъ, то для меня, какъ не ученаго, казалось въ комнатахъ ужасно холодно и я радовался окончанію обѣда въ восьмомъ часу вечера, чтобы поскорѣе убраться домой погрѣться. Подъ конецъ, дѣла Соболевскаго разстроились и я слышалъ, что онъ умеръ почти въ бѣдности

Декабря 17-го и 18-го въ Петербургѣ свирѣпствовалъ страшный пожаръ, истребившій зимній дворецъ; зрѣлище было ужасное и поразительное *).

---

*) Считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь письмо сына Андрея Михайловича Ростислава, въ которомъ 14-ти-лѣтній мальчикъ, подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него пожаромъ, такъ описываетъ его своей матери въ Астрахань:

„У насъ въ Петербургѣ произошло это время много происшествій, изъ ко- „торыхъ самое замѣчательное, конечно, пожаръ зимняго дворца. Вообразите себѣ „эту величественную, каменную массу, объятую пламенемъ, которое огненными „столбами вырывалось изъ оконъ и крыши; стукъ падающихъ потолковъ и стѣнъ „и, наконецъ, багровое, кровавое зарево, насѣвшее надъ мѣстомъ этого страшнаго „пожара, и дымъ, закрывавшій все небо. Во дворцѣ царствовала суматоха. Богат- „ства всѣхъ родовъ, собранныя царствованіемъ десяти Царей, гибли въ огнѣ: „яшмовыя вазы, мраморы, бронзы, дорогіе паркеты, обои, зеркала; тысячи драго- „цѣнныхъ мелочей были навалены грудами, и все это было завалено обгорѣлыми „бревнами и, говорятъ, многими трупами людей, погибшихъ подъ ихъ обломками. „Солдаты, отряженные для спасенія всего, что возможно было спасти, вмѣсто того, „вламывались въ погреба и оттуда пьяными толпами устремлялись во внутренніе „покои, гдѣ они, для своей забавы, били и ломали все, что имъ ни попадалось. „Вся площадь пестрѣла цѣлыми грудами наваленныхъ вещей. Сильный вѣтеръ „увеличивалъ силу огня и, при порывахъ его, огненное море разступалось и среди „пламени показывались наверху группы статуй, закопченныя дымомъ, какъ буд- „то духи или огненныя саламандры. Половина пожарной команды—по слухамъ—

Въ этихъ занятіяхъ я провелъ время въ Петербургѣ и два первые мѣсяца 1838-го года. Графъ Киселевъ хотѣлъ передать мнѣ всѣ бумаги, касающіяся Саратовской губерніи и прямо отправить меня въ Саратовъ для завѣдыванія тамъ дѣлами въ ожиданіи открытія палаты государственныхъ имуществъ Но я ему замѣтилъ, что я состою пока на службѣ при другомъ министерствѣ, занимаю должность главнаго попечителя надъ калмыками и для того, чтобы ѣхать въ Саратовъ, долженъ получить офиціальное назначеніе и званіе, что удобнѣе уже сдѣлать по открытіи палаты. И. С. Тимирязевъ тоже просилъ Киселева оставить меня въ Астрахани, но графъ сказалъ, что я ему необходимъ въ Саратовѣ, одной изъ важнѣйшихъ губерній. Я, между тѣмъ, представилъ Карнѣеву, для сообщенія министру, мой ультиматумъ, т. е. условія, на коихъ я согласенъ остаться у него на службѣ (по поводу содержанія), и они были приняты безъ малѣйшихъ затрудненій. Затѣмъ Киселевъ, съ переходомъ въ его вѣдомство калмыковъ, прочитавъ мою о нихъ записку, заинтересовался ими, а можетъ быть и по внушенію графа Блудова, полагавшаго, что я для управленія ими полезенъ,—началъ колебаться, не оставить ли меня въ Астрахани на прежнемъ мѣстѣ, съ присоединеніемъ къ нему, по открытіи палатъ, должности предсѣдателя палаты гос. им.; и наконецъ такъ и рѣшился, поручивъ мнѣ составить проэктъ новой администраціи для калмыковъ на иныхъ основаніяхъ, съ оставленіемъ меня въ Астрахани. Также графъ просилъ меня заняться пересмотромъ ревизій прочихъ ревизоровъ до времени моего отъѣзда, что мнѣ весьма не понравилось особенно опасеніемъ, чтобы это не задержало меня еще долѣе въ Петербургѣ. Графъ выказывалъ ко мнѣ большое расположеніе, говорилъ Тимирязеву, что непремѣнно подвинетъ меня впередъ по службѣ, а мнѣ заявилъ: «я слышалъ, что вы хлопочете о жало-

---

„уже не существовала. Къ довершенію всего, въ одной огромной залѣ, гдѣ толпилась цѣлая рота измайловцевъ, потолокъ вдругъ обрушился и погребъ подъ горящими головнями нѣсколько десятковъ человѣкъ. Двадцать тысячъ гвардіи и „вѣрно болѣе ста тысячъ народа были безмолвными свидѣтелями этого ужаснаго „происшествія. Наконецъ, увидѣли невозможность потушить пожаръ и приказано „было оставить догорать дворецъ. Онъ горѣлъ три дня, окруженный войсками, „расположенными бивуаками на площади, и теперь, вмѣсто великолѣпнаго, необъятнаго зимняго дворца, стоятъ однѣ черныя стѣны. Я думаю, вы читали описаніе „пожара въ газетахъ, но будьте увѣрены, что тамъ нѣтъ и сотой доли правды; „я слышалъ всѣ подробности отъ двухъ офицеровъ, бывшихъ съ командами все „время на пожарѣ“.

ваньи,—*пожалуйста, предоставьте себя совершенно мнѣ!*» Что я и сдѣлалъ такъ, какъ всегда дѣлалъ*).

Въ февралѣ сынъ мой выдержалъ окончательный экзаменъ, однимъ изъ первыхъ по количеству баловъ, и поступилъ въ артиллерійское училище; а въ томъ же мѣсяцѣ, 28-го числа, послѣ почти полугодоваго жительства моего въ Петербургѣ, оба министра отпустили меня къ возвращенію въ Астрахань, гдѣ пришлось мнѣ оставаться на неопредѣленное время. Дорогу опять имѣлъ прескверную отъ весенней распутицы и насилу доѣхалъ въ концѣ марта мѣсяца. Впрочемъ ѣхать мнѣ было не скучно, потому что мнѣ нашелся сопутникъ, вновь назначенный въ Астрахань вице-губернаторомъ Пфеллеръ, человѣкъ добрый и образованный, но весьма своенравный. Онъ прежде служилъ по дипломатической части и долго находился секретаремъ посольства въ Копенгагенѣ. Впослѣдствіи былъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскѣ и Вологдѣ, гдѣ кончилъ свою служебную карьеру непріятно. При ревизіи имъ губерніи, въ одномъ городѣ дворянство и купечество объявили ему, что не признаютъ его начальникомъ губерніи и отказались допустить его до ревизіи. Этотъ совершенно новый спо-

*) Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Андрей Михайловичъ получалъ письма отъ значительнѣйшихъ колонистовъ южнаго края, которые, узнавъ объ учрежденіи палатъ гос. им., убѣждали А. М. возвратиться къ нимъ на службу и снова управлять ими; а почетнѣйшіе калмыцкіе князья и зайсанги молили его остаться въ Астрахани. Кстати сказать, что калмыцкіе князья, изъ которыхъ иные владѣли довольно большими средствами, были такъ пріучены прежнимъ своимъ начальствомъ къ извѣстнаго рода дани, что считали ее вполнѣ законной своей обязанностію. По пріѣздѣ Андрея Мих. въ Астрахань, всѣ они, при первыхъ своихъ представленіяхъ ему, являлись съ пакетами въ рукахъ, но такъ какъ пакеты были отвергнуты, калмыки, крайне удивленные, сначала испугались, считая этотъ небывалый отказъ самымъ бѣдственнымъ для нихъ предзнаменованіемъ; но потомъ, увидѣвъ на дѣлѣ справедливость, безпристрастіе, мягкость, вниманіе къ ихъ дѣламъ новаго начальника, они вполнѣ оцѣнили его и искренно дорожили имъ. Когда Андрей Мих. былъ переведенъ изъ Астрахани и не имѣлъ болѣе никакого отношенія къ калмыкамъ, долгое время многіе изъ нихъ, такъ же какъ и колонисты южнаго края, пріѣзжали за тысячи верстъ повидаться съ нимъ, и писали къ нему, прося его совѣтовъ. Желая чѣмъ нибудь выразить Андрею Михайловичу свою признательность и зная, что онъ не приметъ отъ нихъ ничего, они вспомнили, что Елена Павловна, любительница рѣдкихъ вещей, старалась въ Астрахани достать изображеніе ламайскаго бурханчика, что оказалось невозможно, и она не успѣла пріобрѣсти его. Года черезъ два по отъѣздѣ Андрея Михайловича изъ Астрахани, калмыцкіе князья отправили *нарочнаго въ Тибетъ* за бурханами и по привозѣ ихъ прислали Еленѣ Павловнѣ коллекцію бурхановъ превосходной работы, въ видѣ маленькихъ деревянныхъ и глиняныхъ идоловъ и писанныхъ красками на шелковыхъ матеріяхъ.

собъ выживать изъ губерніи не нравившихся жителямъ губернаторовъ надѣлалъ тогда много шума, но конецъ произошелъ тотъ, что Пфеллеръ долженъ былъ выйти въ отставку.

По возвращеніи моемъ я продолжалъ заниматься дѣлами калмыцкаго управленія. 12-го мая жена моя съ дѣтьми отправились на второй курсъ лѣченія минеральными водами въ Пятигорскъ, куда къ ней пріѣхала для свиданія и также для лѣченія старшая наша дочь Елена; а я остался въ Астрахани до августа одинъ. Дѣлалъ это время только небольшіе разъѣзды по калмыцкимъ дѣламъ въ ближайшихъ мѣстахъ. Возвратился и нашъ военный губернаторъ Ив. Сем. Тимирязевъ, не успѣвъ добиться перемѣщенія изъ Астрахани, хотя прежде настоятельно говорили о предстоявшемъ будто-бы ему назначеніи генералъ-губернаторомъ въ Харьковъ. А 9-го августа я отправился къ семейству моему и оставался съ нимъ въ Пятигорскѣ, а потомъ въ Кисловодскѣ до конца мѣсяца. Съ удовольствіемъ встрѣтился со многими старыми знакомыми, особенно было пріятно увидѣться съ графомъ Ностицемъ, княземъ В. С. Голицынымъ, Заболоцкимъ, менонистомъ Мартенсомъ и другими.

Послѣ безплодной Астраханской степи, глаза пріятно отдыхали при видѣ богатой Кавказской природы, роскошной растительности, яркой зелени, безчисленнаго множества разнообразнѣйшихъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ. Но я не долго пользовался этимъ зрѣлищемъ и въ началѣ сентября возвратился со всѣми моими въ Астрахань.

Этой осенью я сдѣлалъ двѣ поѣздки. Одну съ Тимирязевымъ на соляныя озера, въ низовьяхъ Волги, о коихъ кто то ему сказалъ, что можно удесятерить съ нихъ доходы; они находятся въ 120-ти верстахъ отъ Астрахани. Чтобы распознать, правду ли сказали или нѣтъ, надобно бы тамъ пробыть хоть съ недѣлю времени, и приступить къ обдуманнымъ средствамъ точнѣйшаго дознанія. Но мы, выѣхавъ рано утромъ изъ города, гнали курьерскихъ лошадей во всѣ лопатки; пріѣхали, взглянули на озера, пообѣдали знатною стерляжьей ухою, фазанами, съ изобильнымъ количествомъ шампанскаго и того же дня въ десять часовъ вечера повернули обратно въ Астрахань!

Вторая моя поѣздка состоялась съ цѣлью осмотрѣть два калмыцкіе улуса; а разъѣзжая по луговой сторонѣ Волги, я посѣтилъ

городъ Красный Яръ, замѣчательный особенностями своего мѣстоположенія и производительности. До него изъ Астрахани нельзя иначе проѣхать, какъ водою на челнокѣ, который въ нѣсколькихъ мѣстахъ надобно перетаскивать изъ одного протока въ другой. Знаменитость же города Краснаго Яра состоитъ въ изобиліи яблокъ, луку и—комаровъ. Отъ роду моего не видывалъ комаровъ въ такомъ числѣ. Въ прежнее время губернаторы посылали туда лѣтомъ въ наказаніе за пьянство и мошенничество чиновниковъ и писарей, на истязаніе отъ комаровъ.

Въ концѣ 1838 года, съ приведеніемъ въ дѣйствіе вновь открытаго управленія государственныхъ имуществъ, я былъ опредѣленъ въ управляющіе Астраханскою палатою государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ въ должности главнаго попечителя калмыцкаго народа,—что улучшило существенно мое положеніе, возвысивъ содержаніе мое до двѣнадцати тысячъ рублей ассигнаціями*) въ годъ, составлявшихъ въ то время высшій окладъ губернаторскій. За труды же мои по обозрѣніямъ въ предшествующіе два года получилъ 1500 десятинъ земли, которая мнѣ отведена только въ 1858 году, въ Ставропольской губерніи, и отъ которой до сихъ поръ почти никакого дохода не имѣю.

Съ тѣхъ поръ какъ начали раздавать казенныя пустопорожнія земли въ награду чиновникамъ, и въ многоземельныхъ губерніяхъ Россіи и на Кавказѣ, участки, могущіе приносить сколько нибудь порядочный доходъ, доставались и достаются по большей части только тѣмъ, которые имѣли сильную протекцію или же были способны къ проискамъ какими бы то средствами ни было, а тѣмъ, которые не одарены этою способностію,—въ числѣ коихъ нахожусь и я,—обыкновенно достаются участки, или вовсе дохода не приносящіе, или—самый незначительный. Порядокъ такого рода совершенно не соотвѣтствуетъ благимъ желаніямъ государей, дабы эта награда заслуженнымъ чиновникамъ, дѣйствительно, по мѣрѣ возможности, обезпечивала ихъ или ихъ семейства; желаніе, которое, какъ я слышалъ, покойный Императоръ Николай Павловичъ неоднократно выражалъ и о томъ приказывалъ**).

---

*) То же тогда, что теперь серебромъ.

**) Андрей Михайловичъ писалъ эти строки подъ вліяніемъ воспоминанія о *двадцатилѣтнемъ вожденіи* его съ землею (1838—1858 гг.), а также по личному

Не менѣе предшествующихъ годовъ остался для меня памятенъ и 1839 годъ. Съ начала года я имѣлъ много хлопотъ и заботъ по двумъ должностямъ и столкновеніямъ хотя съ добрымъ и благороднымъ, но иногда бурнымъ Ив. Сем. Тимирязевымъ,—столкновеніямъ, которыя однакожъ и до конца службы моей въ Астрахани не прерывали моихъ хорошихъ съ нимъ отношеній. Потомъ, много былъ опечаленъ преждевременнымъ выпускомъ моего сына изъ артиллерійскаго училища въ юнкера, до окончанія курса; правда, за его шалость, но которая была не столь важна, чтобы наказаніемъ за то, лишать молодаго человѣка возможности довершить свое воспитаніе.

Въ свободное время отъ служебныхъ хлопотъ я находилъ тогда утѣшеніе и развлеченіе въ кругу моего дорогаго семейства и въ дружеской бесѣдѣ съ нѣсколькими добрыми пріятелями, истинно къ намъ расположенными. Изъ нихъ двое, морскіе офицеры, капитаны 1-го и 2-го ранговъ, Кузьмищевъ и Стадольскій, достойные уваженія во всѣхъ отношеніяхъ по ихъ душевнымъ качествамъ, уму и рѣдкимъ познаніемъ, были люди далеко не заурядные. Оба совершили нѣсколько плаваній вокругъ свѣта и съ ихъ любознательностью и наблюдательностью почерпнули изъ всего ими видѣннаго и испытаннаго столько любопытнаго матеріала, что разговоръ съ ними представлялъ особенный интересъ и занимательность. Также я провелъ нѣсколько времени очень пріятно въ обществѣ съ ученымъ французомъ Гоммеръ-де-Гель, путешествовавшимъ съ женою своею по Россіи. Это былъ человѣкъ дѣйствительно ученый, съ обширнымъ запасомъ свѣдѣній; онъ имѣлъ терпѣніе разъѣзжать и обозрѣвать осенью этого года все степное пространство между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, и утвердился въ мысли о удобствѣ и возможности соединенія ихъ посредствомъ Маныча и Кумы. Впослѣдствіи это удобство и выгоды, по подробнѣйшемъ и ближайшемъ изслѣдованіи, оказались невѣрными.

и наглядному опыту. Но спустя лѣтъ пять, въ 1863 году, при раздаваніи наградныхъ земель на Кавказѣ, ему было Высочайше пожаловано 5500 десятинъ земли въ Ставропольской же губерніи, и участокъ былъ отведенъ немедленно. Первые годы доходовъ не давалъ, и цѣнность земли не превышала трехъ рублей за десятину, но чрезъ нѣсколько лѣтъ началъ приносить доходъ и повышаться въ цѣнѣ, только уже по кончинѣ А. М. Ему не было суждено попользоваться самому хоть чѣмънибудь отъ своихъ земель; но въ отношеніи дѣтей, душевная забота Анд. Мих. и Ел. Пав. была вознаграждена. *Н. Ф.*

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда южное солнце начало ужъ слишкомъ ощутительно заявлять о своемъ присутствіи, я съ семействомъ моимъ, чтобы избѣжать Астраханскихъ очень непріятныхъ жаровъ, отправился въ Сарепту съ намѣреніемъ провести тамъ два—три мѣсяца, и нанялъ въ небольшомъ разстояніи оттуда, на фермѣ одного сарептянина, уютный домикъ, гдѣ всѣ мы удобно размѣстились. Въ это время я обозрѣлъ всѣ окрестныя земли калмыцкихъ кочевьевъ и русскихъ поселеній. Къ намъ пріѣзжали въ гости наши калмыцкіе друзья, князья Тундуты, Джиджитъ и Менко-Очиръ, владѣльцы богатыхъ улусовъ, прекрасные, добрые, благородные молодые люди, хотя и непричастные европейской цивилизаціи, взросшіе въ дикомъ кочевомъ улусѣ, но по своей простой, неиспорченной натурѣ и хорошимъ природнымъ качествамъ, стоявшіе несравненно выше многихъ великосвѣтскихъ франтовъ. Сарептяне принимали насъ очень гостепріимно, были къ намъ чрезвычайно внимательны и прилагали всѣ старанія, чтобы сдѣлать наше пребываніе у нихъ пріятнымъ; и намъ жилось довольно хорошо и спокойно, но въ іюнѣ мѣсяцѣ сильный ревматизмъ отъ простуды и нестерпимая мука отъ комаровъ заставили насъ воротиться въ Астрахань. Отъ іюня до октября я провелъ время въ письменныхъ занятіяхъ, въ спорахъ съ Тимирязевымъ и въ нѣсколькихъ разъѣздахъ по казеннымъ селеніямъ и кочевьямъ Астраханской губерніи.

Въ октябрѣ я былъ приглашенъ киргизскимъ ханомъ Джангиромъ посѣтить его въ кочевьѣ, вмѣстѣ съ военнымъ губернаторомъ и всею астраханскою знатью. На пути туда я проѣзжалъ черезъ гору *Богду,* извѣстную по благоговѣйному уваженію къ ней калмыковъ, и заѣзжалъ на Баскунчакское соляное озеро, главнѣйшее изъ многихъ такихъ озеръ въ Астраханской губерніи.

Ханъ Джангиръ стремился выказывать, что онъ умѣетъ быть европейскимъ бариномъ, хочетъ образовать своихъ киргизовъ, ввести цивилизацію въ орду, завести городокъ, учредить школы и проч. и проч.; но все это была одна фантасмагорія, все составляло только одинъ наружный лоскъ, странно выдававшійся въ противуположности съ настоящимъ бытомъ. У хана были и русскіе повара, и много шампанскаго, и музыканты, и роскошная обстановка, но все это нечистоплотно, дико и безъ всякихъ удобствъ. Когда вечеромъ я сказалъ камердинеру хана, чтобы мнѣ въ спаль-

нѣ на ночь приготовили всѣ *необходимыя принадлежности*, то, ложась спать, я нашелъ подъ кроватью большую серебряную вазу, въ которой на другой день за параднымъ обѣдомъ подавали супъ!

Мы пробыли у хана нѣсколько дней. Пиръ шелъ горой; увеселенія всякаго рода въ смѣси европейскаго съ киргизскимъ почти не прерывались. Подъ конецъ, пріѣхалъ на этотъ праздникъ Саратовскій губернаторъ Бибиковъ, по причинѣ близости кочевья къ предѣламъ Саратовской губерніи, которую онъ ревизовалъ. Бибиковъ былъ страстный охотникъ покутить, и потому, съ прибытіемъ его, пиръ возгорѣлся съ новой силою и оживленіемъ; но кутежъ мало меня занималъ, особенно по сообщеніи мнѣ Бибиковымъ извѣстія, что я переведенъ въ Саратовъ управляющимъ тамошнею палатою государственныхъ имуществъ. Я зналъ, что графъ Киселевъ хотѣлъ мнѣ дать обширнѣйшій кругъ занятій, но не ожидалъ, чтобы это послѣдовало такъ скоро. Саратовская же губернія, до отчужденія отъ нея заволжскихъ уѣздовъ, дѣйствительно, была одна изъ обильнѣйшихъ въ Россіи казенными землями и съ многочисленнѣйшимъ населеніемъ государственныхъ поселянъ и колонистовъ.

Не взирая на частые наши споры и несогласія по служебнымъ дѣламъ, Тимирязевъ сильно огорчился извѣстіемъ о переводѣ меня. Онъ отправился изъ киргизскаго кочевья въ Петербургъ, и при разставаніи мы оба плакали. По отъѣздѣ его, и я отправился обратно въ Астрахань, дабы приготовиться къ переѣзду въ Саратовъ. Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи моемъ, я получилъ формальное извѣщеніе о моемъ переводѣ.

Наступила уже глубокая осень, и отлагать на долго переѣздъ было нельзя. Однакоже погода въ концѣ октября и началѣ ноября продолжалась еще довольно хорошая, и потому мы рѣшились ѣхать отъ Астрахани до Саратова со всѣмъ семействомъ, людьми, вещами, экипажами и проч.— водою, на пароходѣ, который въ этомъ году, въ это же время, открывалъ первое пароходное сообщеніе между Астраханью и верховьями Волги. Но мнѣ еще оказалось нужно, по служебнымъ дѣламъ, проѣхать до города Чернаго Яра сухимъ путемъ. Такимъ образомъ, семейство мое выѣхало на пароходѣ 2-го ноября, а я, сухопутіемъ, 4-го. Окончивъ мои дѣла и пріѣхавъ въ Черный Яръ, я былъ увѣренъ, что найду пароходъ съ моей семьей уже тамъ, но онъ еще не прибылъ. Это меня сильно

обезпокоило, тѣмъ болѣе, что погода перемѣнилась, сдѣлалось холодно, и на Волгѣ показался въ большомъ количествѣ плавающій ледъ. Я послалъ разыскивать пароходъ и узналъ, что онъ стоитъ задержанный, почти затертый льдами, на одну станцію ниже Чернаго Яра. Я рѣшился, во что бы то ни стало, переправиться на пароходъ. Поѣхалъ берегомъ въ экипажѣ, но поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, откуда на противоположномъ берегу Волги, съ луговой стороны, виднѣлся пароходъ, я нашелъ, что достигнуть до него на лодкѣ, за льдами, не было никакой возможности. Съ помощью нѣсколькихъ отважныхъ людей, я рискнулъ переправиться черезъ Волгу по доскамъ, которыя перекладывались съ одной льдины на другую. На одной льдинѣ я было проломился, но Богъ спасъ. Кое-какъ, съ чрезвычайными трудностями и усиліями, мнѣ наконецъ удалось добраться до парохода. Жена моя и дѣти съ невыразимымъ страхомъ смотрѣли съ палубы парохода на мое шествіе черезъ Волгу по дощечкамъ, да еще въ бурную, пасмурную погоду, сознавая, какой опасности я подвергался. Елена Павловна просила предъ тѣмъ пароходныхъ работниковъ доставить мнѣ на другой берегъ записку, въ коей умоляла ни подъ какимъ видомъ не пытаться къ переходу на пароходъ; она предлагала работникамъ большую цѣну за доставленіе записки, но ни одинъ изъ нихъ на то не согласился.

Между тѣмъ, морозъ усиливался съ каждымъ часомъ, на пароходѣ (первобытнаго устройства) сдѣлалось нестерпимо холодно; наступила ночь и необходимо было остаться ночевать на немъ. На другой день, по совѣщаніи съ хозяиномъ, астраханскимъ купцомъ, армяниномъ Углевымъ, мы порѣшили, чтобы пароходъ со всѣми нашими багажами и вещами оставался на мѣстѣ, пока теплый вѣтеръ уничтожитъ ледъ, потому что въ началѣ ноября Волга въ тѣхъ мѣстахъ никогда прочно не замерзаетъ. Мы же сами, т. е. я съ женою, двумя дочерьми и нашими дворовыми людьми, рѣшились перейти на берегъ по льдинамъ, которыя ночью, отъ возраставшаго мороза, повидимому плотно стянулись и закрѣпчали. Путь совершили довольно благополучно, хотя не совсѣмъ безопасно и съ большими предосторожностями: тонкій ледъ трещалъ подъ нашими ногами, а мѣстами и проламывался, но, по счастію, безъ особенныхъ послѣдствій; только двое изъ нашихъ спутниковъ, чиновникъ, находившійся при мнѣ, и одинъ изъ людей слегка подверглись холод-

ному купанію. Добравшись до берега, мы всѣ теплою молитвою поблагодарили Бога за наше спасеніе. Всѣ прибрежные жители удивлялись нашей рѣшимости.

Со мною былъ всего одинъ экипажъ, въ которомъ я ѣхалъ съ чиновникомъ, предполагая въ Черномъ Яру пересѣсть на пароходъ, и никакъ не предвидѣлъ, что намъ всѣмъ придется продолжать путешествіе сухимъ путемъ. Въ экипажѣ я съ женою и дѣтьми кое какъ помѣстился, а для остальныхъ мы съ трудомъ отыскали еще нѣсколько повозокъ, и съ большими препятствіями и затрудненіями, при дурной погодѣ, пріѣхали въ Саратовъ 30-го ноября 1839 года.

Устройство и заботы по пріѣздѣ на новое мѣсто, обзаведеніе домомъ, особенно ознакомленіе съ ходомъ дѣлъ въ палатѣ государственныхъ имуществъ, занимали меня исключительно до новаго 1840 года.

Я поступилъ на новую должность по случаю смерти перваго управляющаго Саратовскою Палатою, Больвильера, фаворита Киселева, человѣка благонамѣреннаго, но болѣзненнаго, смерть котораго была ускорена многодѣліемъ и трудностію его новаго положенія. Въ этой трудности я скоро удостовѣрился собственнымъ опытомъ. Губернія была тогда одною изъ обширнѣйшихъ въ Россіи. Казенныхъ крестьянъ въ ней считалось до семи сотъ тысячъ душъ; казенныхъ земель болѣе семи милліоновъ десятинъ. Предшествовавшая администрація надъ ними была такова, что лучше было бы, если бы ея вовсе не было. Все чиновничество по этой части, сформированное при открытіи новаго управленія, немногимъ чѣмъ отличалось отъ Астраханскаго. Больвильеръ старался устроить составъ чиновниковъ сколько возможно лучше, но выбирать такъ же, какъ и въ Астрахани, было не изъ кого, кромѣ какъ изъ приказныхъ дѣльцовъ. Впрочемъ, Саратовская губернія представляла то одно преимущество, что по крайней мѣрѣ на высшія мѣста, какъ напримѣръ окружныхъ начальниковъ, много являлось желающихъ изъ помѣщиковъ, по большей части разорившихся или мелкопомѣстныхъ, и Больвильеръ дѣйствительно успѣлъ найти на эти должности нѣсколько хорошихъ, способныхъ людей, но они составляли крайнее меньшинство. Къ многочисленности установленныхъ новымъ министерствомъ вѣдомостей, книгъ, и другихъ срочныхъ отчетностей, присовокуплялись съ каждой почтою десятками новыя учре-

жденія, новыя требованія; всѣ онѣ имѣли надобность въ новыхъ изысканіяхъ, въ мѣстныхъ соображеніяхъ и, чтобы правильно и аккуратно исполнять ихъ, невозможно было сдѣлать иначе какъ заниматься всѣмъ этимъ мнѣ самому. Вслѣдствіе того частые разъѣзды во всѣ стороны губерніи, стали неизбѣжною необходимостію.

Дѣла раскольничьи также составляли важный предметъ для занятій и заботливости управляющаго палатою. Саратовская губернія, а особенно заволожье, были гнѣздомъ раскольничьихъ сектъ всѣхъ родовъ и оттѣнковъ. Не только министръ, но и самъ покойный Императоръ Николай Павловичъ безпрестанно подтверждалъ о мѣропріятіяхъ, которыя хотя бы и не уничтожили, но по крайней мѣрѣ предотвратили распространаніе раскола. Архіереемъ тогда въ Саратовѣ былъ преосвященный Іаковъ, старый мой знакомецъ по Екатеринославу, гдѣ находился одновременно со мною ректоромъ семинаріи, — человѣкъ почтенный и во всѣхъ отношеніяхъ достойный уваженія, но нѣсколько фанатикъ относительно раскольниковъ, и тоже усиленно хлопотавшій и настаивавшій на томъ-же, — что совершенно понятно. У него часто собирались засѣданія по этому предмету, подъ названіемъ: «совѣщательныхъ комитетовъ», которые, вмѣстѣ съ исполненіями по совѣщаніямъ, также не мало отнимали времени. Разъѣзды мои во всѣхъ направленіяхъ по губерніи начались съ февраля мѣсяца и повторялись многократно до конца года. Они клонились преимущественно къ Заволожскимъ степямъ, обращавшимъ на себя особенное вниманіе правительства, по причинѣ находившагося тамъ обширнаго пространства незаселенныхъ земель, предназначавшихся какъ для основанія новыхъ поселеній, такъ и для разныхъ заведеній и для раздачи въ пожалованіе. Тогда производилось спеціальное межеваніе всѣхъ этихъ земель коммиссіею подъ моимъ надзоромъ и съ особеннымъ въ этомъ дѣлѣ моимъ соучастіемъ.

Первый выѣздъ мой былъ въ города Волжскъ и Хвалынскъ, а оттуда въ Заволожье и въ Николаевскій уѣздъ. Въ Волжскѣ я познакомился съ богатѣйшими въ Саратовской губерніи купцами, Сапожниковымъ и Курсаковымъ, изъ коихъ первый былъ старообрядецъ въ душѣ, подъ личиною единовѣрія, а второй, и душою и тѣломъ ярый фанатикъ, но опытный во всѣхъ продѣлкахъ какъ угождать и склонять на свою сторону, въ защиту своихъ единомышленниковъ, всѣ власти, и столичныя, и губернскія. Жили они

оба барами; всѣ губернаторы и пріѣзжавшіе изъ Петербурга чиновники находили у нихъ великолѣпные пріемы и разливное море шампанскаго. Затѣмъ я отправился въ Заволожье, въ Николаевскій уѣздъ, и между прочимъ посѣтилъ раскольническіе Иргизскіе монастыри, столь прославленные въ послѣднее время въ нашей литературѣ*). Въ учрежденіяхъ и уставѣ ихъ заключалось много оригинальнаго и систематическаго, что объясняло довольно понятно, почему со времени основанія ихъ, въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ, они вполнѣ достигали своей цѣли,—быть средоточіемъ, подпорою и орудіемъ къ распространенію и утвержденію раскола въ Россіи. Потомъ, выѣзды мои въ различныхъ направленіяхъ по губерніи, какъ по заволжской, такъ и по нагорной сторонѣ, повторялись пять или шесть разъ въ теченіе года. Осенью я заѣзжалъ на Эльтонскій соляной промыселъ и доѣзжалъ до крайнихъ предѣловъ губерніи, т. е. до города Царева на Ахтубѣ, гдѣ меня очень интересовали остатки находившихся нѣкогда по этой рѣкѣ значительныхъ татарскихъ городковъ. Груды камней и кирпичей,—

*) Такъ называемые отъ рѣки Иргиза, по берегу котораго монастыри расположены. Глубокій и быстрый Иргизъ пользуется большимъ уваженіемъ у раскольниковъ, считающихъ его даже священнымъ, на подобіе индійскаго Гангеса у индусовъ. Прибрежные монастыри служили цѣлью для пилигримства многочисленнымъ богомольцамъ и центромъ для вкладовъ, стекавшихся къ нимъ со всѣхъ концовъ старообрядческой Руси. Они служили также неистощимымъ золотымъ руномъ для многихъ мѣстныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ властей, усердно занимавшихся стрижкою онаго. Особенно женскій монастырь и скиты чаще другихъ подвергались операціи *подстриженія,* вслѣдствіе причины самаго таинственнаго характера и подъ предлогомъ, повидимому, самымъ невиннымъ и безупречнымъ. Къ уединенному берегу монастыря, періодически являлись особы изъ предержащей власти, въ виду доставить себѣ маленькое развлеченіе отъ многотрудныхъ дѣлъ и позабавиться ловленіемъ въ водахъ Иргиза рыбки. Это безобидное упражненіе приводило монастырь въ великое смятеніе: честныя старицы вступали въ переговоры съ чиновниками-рыболовами, умоляли не нарушать спокойствія ихъ тихихъ водъ и предлагали за то веліе вознагражденіе, которое всегда и принималось по таксѣ, опредѣленной любителями рыбной ловли, которые затѣмъ и удалялись, хотя съ пустыми неводами, но съ полными карманами,—что, дѣйствительно, могло назваться ловленіемъ золотой рыбки. Загадка казалась мудренная, но, въ сущности совершенно простая. Многократный опытъ проявилъ, что при ловлѣ рыбы по сосѣдству съ монастыремъ, закинутые сѣти и невода доставляли на берегъ не только лещей и окуней, но и остатки труповъ и костей новорожденныхъ младенцевъ, и это доказывало, что небесные человѣки во ангельскомъ образѣ праведныхъ инокинь не единственно занимались умерщвленіемъ плотскихъ страстей, но также и поблажкою ихъ, а вещественныя послѣдствія препровождались на дно рѣки. Это могло навлекать на монастырь большія непріятности и затрудненія, которыя онъ предпочиталъ устранять посильными взносами отъ щедрыхъ приношеній ревнителей древняго благочестія.

послѣдніе часто съ затѣйливыми рисунками разноцвѣтной финифтью,—между которыми, въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, находили въ большомъ количествѣ золотыя и серебряныя вещи и деньги, виднѣлись и тогда мѣстами. Нельзя предполагать, чтобы эти массы разрушенныхъ построекъ составляли развалины какого нибудь города, въ полномъ смыслѣ этого слова; онѣ скорѣе принадлежали къ зимнимъ кочевьямъ и торговымъ пунктамъ Золотой орды, гдѣ лѣтомъ оставались только пришлые люди, сторожа и караульщики для охраненія лавокъ и амбаровъ. Подобный примѣръ можно найти и теперь у нынѣшнихъ калмыцкихъ князей: всѣ они имѣютъ въ какой нибудь части принадлежащей имъ степи дома, службы, хурулы, т. е. капища и лавки, содержимыя рускими торговцами. Это не мѣшаетъ имъ кочевать три четверти года, а поселенію ихъ оставаться все это время пустымъ. Остатки жилищъ, хотя и не въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, существовали еще въ половинѣ прошедшго столѣтія также въ уѣздѣ Новоузенскомъ, о чемъ упоминаетъ Палласъ въ своемъ путешествіи 1772 года. Близь же Царицына, въ семнадцати верстахъ выше города, гдѣ теперь находится селеніе Мечетное, развалины сохранились довольно замѣчательныя, съ уцѣлѣвшими частями стѣнъ и кучами каменьевъ, осколковъ, разбитыхъ кирпичей, гдѣ тоже попадались серебряныя, золотыя и другія очень интересныя вещи, иногда художественной работы. Палласъ полагаетъ, что развалины близь Царева составляли родъ предмѣстія главнаго татарскаго становья при Ахтубѣ, сообщеніе съ которымъ облегчалось островомъ поперегъ Волги. Слѣды развалинъ замѣтны отъ устья Ахтубы, почти до самаго Царицына. Вообще частые мои разъѣзды по Саратовской губерніи скоро меня познакомили со всѣми ея замѣчательностями во всѣхъ подробностяхъ.

Въ семейномъ отношеніи этотъ годъ принесъ мнѣ большое утѣшеніе соединеніемъ снова, во всей полнотѣ, разрозненной моей семьи. Пріѣздомъ сына моего Ростислава, выпущеннаго, какъ выше сказано, изъ артиллерійскаго училища за маловажную шалость юнкеромъ въ батарею, находившуюся въ Бендерахъ,—я былъ обязанъ начальнику артиллеріи квартировавшей въ Саратовской губерніи, генералъ-лейтенанту Арнольди; онъ предложилъ мнѣ перевести сына моего въ конную батарею, стоявшую въ Саратовѣ, увѣривъ меня при томъ, что Ростиславъ мало потеряетъ отъ высылки

изъ училища, потому что ко времени, когда его сверстники будутъ кончать курсъ въ училищѣ, Арнольди представитъ его къ производству въ офицерскій чинъ, для полученія котораго ему придется только съѣздить въ Петербургъ, выдержать окончательный экзаменъ, и онъ будетъ офицеромъ одновременно съ своими товарищами. Конечно я съ большимъ удовольствіемъ и благодарностію согласился на это предложеніе, и Арнольди не замедлилъ его исполнить. Вскорѣ состоялся переводъ, и сынъ мой пріѣхалъ къ намъ въ Саратовъ. Пріѣхала къ намъ также погостить старшая дочь моя Елена, пріѣздъ коей сколько насъ обрадовалъ, столько же и опечалилъ. Она была уже сильно отягощена недугомъ, который черезъ два года свелъ ее въ могилу.

Въ продолженіе всего моего пребыванія въ Саратовѣ, лѣтомъ мы постоянно жили на дачѣ бывшаго нѣкогда знаменитаго Саратовскаго губернатора Панчулидзева, въ одной верстѣ отъ города. Тогда она принадлежала сыну его, Пензенскому губернатору, Александру Алексѣевичу, нашему старому, хорошему знакомому. Дача состояла изъ обширнаго, со всѣми барскими претензіями, хотя уже нѣсколько запущеннаго дома, съ большими каменными двухъэтажными флигелями по обѣ стороны и съ прекрасною тѣнистою рощею, нѣкогда украшенною всякаго рода затѣями, нынѣ задичавшею, съ слабыми, разрушившимися признаками прежняго благоустройства, но тѣмъ не менѣе очень пріятнымъ мѣстомъ для прогулки. Роща граничила съ городскимъ кладбищемъ, находившимся на берегу Волги. Въ немногіе часы, свободные отъ служебныхъ треволненій, я проводилъ время на дачѣ съ моимъ семействомъ съ большимъ удовольствіемъ.

Изъ постороннихъ лицъ, мое общество ограничивалось небольшимъ числомъ хорошихъ знакомыхъ, преимущественно чиновниковъ и помѣщиковъ. Изъ послѣднихъ не могу не упомянуть о Львѣ Яковлевичѣ Рославлевѣ, бывшемъ когда то владѣтелемъ значительныхъ имѣній, имъ прожитыхъ, и находившемся тогда почти уже въ бѣдности, но человѣкѣ честномъ, умномъ и правдолюбивомъ, отъ котораго я узналъ много истины о личностяхъ, положеніи и родѣ дѣлъ въ Саратовской губерніи. Главной причиной потери его состоянія была страсть къ охотѣ, которой онъ предавался съ неудержимымъ увлеченіемъ и въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ своей жизни. Онъ держалъ громадную псар-

ню, множество псарей, и его выѣзды на охоту представляли зрѣлище въ родѣ средневѣковаго переселенія народовъ. Со всѣми своими псарнями, псарями, верховыми лошадьми, огромнымъ обозомъ всякихъ запасовъ, винъ, вещей, съ многочисленной компаніей пріятелей, любителей охоты, онъ не довольствовался одной Саратовской губерніей, но объѣзжалъ всѣ сосѣднія, добирался до Оренбургскихъ степей и пропадалъ въ охотничьихъ разъѣздахъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Такъ продолжалось, пока хватило состоянія, двухъ или трехъ тысячъ душъ, и кончилось вмѣстѣ съ ними. Когда я познакомился съ Рославлевымъ, онъ жилъ въ двухъ комнатахъ одного изъ флигелей дачи Панчулидзева (на сестрѣ котораго былъ когда то женатъ), и лишь пара старенькихъ борзыхъ собачекъ, оставалась у него единственнымъ грустнымъ сувениромъ его бывшей грандіозной псарни и счастливаго прошлаго времени. Но перемѣна обстоятельствъ не измѣнила его характера; онъ сохранилъ и въ пожиломъ возрастѣ всю воспріимчивость и энергію молодыхъ лѣтъ, что, при его отличномъ образованіи, начитанности, житейскомъ опытѣ и природной любезности, придавало бесѣдѣ съ нимъ большую занимательность *).

*) Рославлевъ подъ старость имѣлъ привычку иногда запивать недѣли на двѣ и запивалъ очень оригинально. Какъ только наступала такая потребность, онъ надѣвалъ дорожнее пальто, засовывалъ въ обширные карманы нѣсколько штофовъ водки, отправлялся въ сарай тутъ же у себя во дворѣ, садился въ стоявшій тамъ поломанный тарантасъ, и крикнувъ: „пошелъ въ Пензу!“—выпивалъ маленькую толику рюмочекъ водки и улегался спать. Такъ какъ онъ въ дѣйствительности ѣздилъ изъ Саратова въ Пензу,—гдѣ у него было много родныхъ и весь городъ знакомый,—безчисленное множество разъ, то отлично зналъ всѣ станціи и весь ихъ персоналъ; и въ своихъ воображаемыхъ путешествіяхъ, при всякомъ пробужденіи отъ сна, оказывалось, что онъ пріѣхалъ на какую нибудь станцію, гдѣ его встрѣчалъ знакомый смотритель; происходила радостная встрѣча и веселый разговоръ; Рославлевъ громко говорилъ и за себя, и за смотрителя.—„А! Семенъ Ѳедотычъ, здорово старина, какъ живешь-можешь? — По маленьку, батюшко Левъ Яковлевичъ, по маленьку, Богъ грѣхамъ терпитъ,—что рѣдко къ намъ жалуете, соскучились за вами!“—„Спасибо, дружище; ну что жена, дѣтки?—Слава Богу, здравствуютъ,—а ваши собачки всѣ ли въ добромъ здоровьѣ?“—„Да что, братецъ, вотъ Порхай морду себѣ надсадилъ, а Залетай лапу занозилъ, стары становятся. Ну а что сосѣди, какъ поживаетъ Тарасъ Иванычъ?“—„Ничего-съ, здоровы, на дняхъ трехъ волковъ затравили, а помѣщица Пелагея Власьевна двойнятъ родили“. „Ну, и слава Богу. Выпьемъ-ка, старина, на радостяхъ по рюмочкѣ“. Затѣмъ выпивались рюмочки за себя и за смотрителя, слѣдовало нѣжное прощаніе, и дальнѣйшій отъѣздъ въ Пензу. Эта процедура и разговоры съ смотрителями, конечно варіируемые по обстоятельствамъ, повторялись неупустительно на каждой станціи. Вся суть, разумѣется, заключалась въ финалѣ, то-есть въ рюмочкахъ. По достиженіи Пензы, странствіе безъ промедленія обращалось вспять, въ Саратовъ; продолжалось обыкновенно недѣли двѣ, и по пріѣздѣ въ Саратовъ, Левъ Яковлевичъ

Графъ Киселевъ (такъ же какъ и графъ Перовскій) имѣлъ методу посылать безпрестанно на ревизію въ губерніи ревизоровъ по всѣмъ частямъ и по всѣмъ направленіямъ. Существенной пользы отъ этого было мало, а хлопотъ и отвлеченій отъ настоящаго дѣла очень много. Такъ и меня посѣтилъ въ этомъ году для подобной ревизіи директоръ 3-го департамента государственныхъ имуществъ Брадке, бывшій впослѣдствіи попечителемъ Дерптскаго университета, человѣкъ умный, добрый и дѣльный, но въ дѣлѣ управленія государственными имуществами, также болѣе формалистъ нежели реалистъ. Я, частью, сопутствовалъ ему въ его проѣздѣ по Саратовской губерніи. Изъ сопровождавшихъ его двухъ чиновниковъ находился и Юлій Федоровичъ Витте — будущій мой зять.

Вообще въ теченіе этого 1840-го года, я имѣлъ много занятій и хлопотъ, что отзывалось довольно замѣтно на начинавшемъ разстраиваться состояніи моего здоровья.

Послѣдующій 1841 годъ начался для меня непріятно, усилившеюся болѣзнью моей бѣдной старшей дочери, частыми возвратами ревматическихъ страданій моей жены и довольно частыми моими собственными болѣзненными припадками. Между тѣмъ увеличивались и служебныя занятія и суеты; сверхъ множества письменныхъ дѣлъ въ палатѣ, необходимо было безпрестанно разъѣзжать по губерніи. Въ мартѣ ѣздилъ я въ Аткарскій и Кузнецкій уѣзды, а 22-го апрѣля отправился въ Заволожье. При самомъ выѣздѣ, во время переправы черезъ Волгу, поднялась буря; сильнымъ порывомъ вѣтра мою лодку прибило къ косѣ, на которой я долженъ былъ просидѣть цѣлый день, по невозможности продолжать плаваніе, и только ночью, когда буря стихла, удалось перебраться на берегъ. Затѣмъ я изъѣздилъ вдоль и поперегъ новыя поселенія и мѣста, предполагавшіяся къ основанію еще новыхъ поселеній въ Новоузенскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ. На возвратномъ пути, когда я уже приближался къ берегамъ Волги, невдалекѣ отъ Хвалынска, въ селѣ Ивантьевкѣ, меня догналъ курьеръ изъ Саратова съ извѣщеніемъ о назначеніи меня Саратовскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники.

вылѣзалъ изъ тарантаса съ пустыми штофами, но съ бодрой головой, по прежнему веселымъ, любезнымъ старичкомъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, до новой экскурсіи въ Пензу, не выѣзжая изъ своего сарая.

Никогда я не думалъ и не гадалъ объ этомъ назначеніи. Если бы меня спросили предварительно, желаю ли я его, то я рѣшительно отказался бы, потому что видѣлъ уже много разъ, какъ трудно безъ особенной протекціи рѣдкихъ благопріятныхъ случаевъ, быть у насъ истинно полезнымъ на этомъ поприщѣ, и какъ легко потерять въ этомъ званіи репутацію, долговременной службою пріобрѣтенную, иногда вовсе безъ дѣйствительной собственной вины. Въ Саратовской же губерніи, особенно съ самаго начала царствованія Императора Александра I, почти всѣ губернаторы оканчивали свою службу худо, а именно: Бѣляковъ и Панчулидзевъ были отданы подъ судъ. Степановъ, Переверзевъ, Бибиковъ и Власовъ,— бывшіе до меня,—уволены безъ прошеній, или должны были просить о увольненіи по неудовольствіямъ. Послѣ моего выбытія изъ Саратова, до сихъ поръ продолжается та же исторія: Кожевниковъ, Игнатьевъ и наконецъ въ нынѣшнемъ (1862-мъ году) Барановскій— подверглись той же участи. Эти примѣры заставляли меня болѣе горевать, нежели радоваться новому моему назначенію. Но я покорился волѣ Провидѣнія и, окончивъ мои занятія, возвратился въ Саратовъ *).

Опредѣленіе мое въ должность губернатора,—какъ я узналъ послѣ,—произошло нѣсколько страннымъ образомъ. Императоръ Николай Павловичъ, со времени восшествія своего на престолъ, смѣнилъ уже четырехъ губернаторовъ въ Саратовѣ. Дѣйствіе моего предшественника Власова,—который замѣнилъ въ 1840-мъ году Бибикова и состоялъ до того жандармскимъ штабъ-офицеромъ, получивъ мѣсто губернатора по предстательству покойнаго шефа жандармовъ графа Бенкендорфа,—сильно разгнѣвали Государя, и онъ приказалъ бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, графу А. Г. Строганову, избрать непремѣнно *хорошаго* губернатора. Графъ Строгановъ представилъ двухъ кандидатовъ изъ военныхъ генераловъ. Государь усомнился, чтобы они были лучше прежнихъ и спросилъ графа Киселева, нѣтъ ли у него благонадежнаго и

*) Саратовская губернія въ то время была не то что теперь, когда она убавлена значительными урѣзами, присоединенными къ другимъ губерніямъ. Тогда она имѣла въ окружности до двухъ тысячъ верстъ, а народонаселенія въ ней было до двухъ милліоновъ душъ. Кромѣ губернскаго города Саратова, въ ней находилось двѣнадцать уѣздныхъ городовъ. Пространствомъ и народонаселеніемъ она превосходила королевства: Датское, Португальское, Вюртембергское, царство Польское и многія другія.

способнаго человѣка изъ подвѣдомственныхъ ему управляющихъ новыми палатами государственныхъ имуществъ, къ опредѣленію на эту должность. Графъ Киселевъ указалъ на меня. Государь тогда же меня назначилъ.

Въ первую мою затѣмъ поѣздку въ Петербургъ, директора департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ разсказывали мнѣ, какъ при этомъ назначеніи, — по собственному ихъ выраженію, — *они разинули рты* отъ изумленія, да не только они, но изумился и самъ графъ Строгановъ *).

По вступленіи моемъ въ губернаторскую должность, я имѣлъ глупость вообразить себѣ, что, при моей неопытности въ новыхъ обязанностяхъ, ближайшимъ руководствомъ можетъ мнѣ служить, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ изданный Наказъ губернаторамъ, твореніе графа Д. Н. Блудова. Нѣсколько недѣль я употребилъ на вытверживаніе и изученіе этого наказа и потомъ убѣдился, что, во-первыхъ: никакой человѣческой силы не хватитъ выполнить его въ точности, и, во-вторыхъ, что бо̀льшая часть указаній въ немъ суть фантазіи. Дѣло, въ дѣйствительности, почти никогда такъ не идетъ, какъ въ немъ указывается и какъ это должно было бы быть по умозрѣніямъ графа Блудова.

---

*) Графъ А. Г. Строгановъ выразилъ А. М. Фадѣеву письменно свое удовольствіе по поводу этого назначенія, такъ какъ приглашалъ его на службу къ себѣ еще прежде, о чемъ упомянуто выше.

Андрей Михайловичъ считалъ своей обязанностію поблагодарить графа Киселева не за возведеніе свое въ губернаторство, а за лестный его отзывъ о немъ Государю, причемъ заявилъ о своемъ желаніи побывать въ Петербургѣ. Графъ Киселевъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый Государь, Андрей Михайловичъ. На письмо Ваше отъ 13-го „сего мая, честь имѣю отвѣтствовать, что принятое мною участіе въ новомъ на„значеніи, Всемилостивѣйше Вамъ данномъ, есть послѣдствіе убѣжденія моего, „что Вы принесете на новомъ поприщѣ болѣе пользы, какъ для цѣлой губерніи, „важной въ столь многихъ отношеніяхъ, такъ и для управленія государственны„ми имуществами; не только мнѣ пріятно будетъ, если вы продолжите вліяніе „Ваше на устройство нѣкоторыхъ частей управленія до нынѣ бывшаго подъ не„посредственнымъ Вашимъ начальствомъ, но я покорно прошу Васъ, кромѣ обя„занности возложенной на Васъ проектомъ учрежденія о управленіи государ„ственными имуществами, принять все управленіе, *и по всѣмъ частямъ*, въ осо„бенное Ваше руководство и направить по Вашему усмотрѣнію всѣ дѣйствія па„латы и новаго управляющаго, который будетъ слѣдовать всѣмъ Вашимъ указа„ніямъ. О желаніи Вашемъ пріѣхать въ С.-Петербургъ сообщено мною графу Стро„ганову и отъ Васъ зависѣть будетъ обратиться къ нему съ просьбою о томъ въ „то время, когда Вы признаете пріѣздъ Вашъ удобнѣйшимъ. Вашъ покорнѣйшій „слуга графъ П. Киселевъ. Мая 27 дня, 1841 года.

Чрезъ три недѣли по назначеніи меня губернаторомъ, я получилъ Высочайшее порученіе объ уничтоженіи раскольническихъ монастырей на Иргизѣ и объ обращеніи ихъ въ единовѣрческіе. По этому поводу правительство хлопотало уже съ давняго времени и, кажется, что два губернатора за неуспѣхъ въ томъ потеряли мѣста. Вникнувъ въ дѣло, я удостовѣрился, и полагаю безошибочно, что главною причиною ихъ неуспѣха была ихъ манера приниматься за это дѣло. Они, по полученіи о томъ Высочайшихъ повелѣній, приступали къ дѣйствію съ какою то торжественностію, дѣлали большія приготовленія, собирали войска, квартировавшія въ губерніи, кои состояли всѣ изъ самыхъ плохихъ гарнизонныхъ и инвалидныхъ командъ и, по прибытіи на мѣсто, находили уже раскольниковъ, собравшихся по монастырямъ тысячами на защиту своей святыни, во всеоружіи своего фанатизма,—кричавшихъ, шумѣвшихъ и рѣшившихся, по ихъ увѣреніямъ, скорѣе сложить свои головы, нежели допустить осквернить ихъ святыню. Губернаторы, пошумѣвъ, покричавъ въ свою очередь, не рѣшались вступить въ бой съ мужиками, по своему довольно хорошо вооруженными, и возвращались во свояси, не сдѣлавъ дѣла *). Я рѣшился дѣйствовать иначе. Получивъ бумагу, я положилъ ее себѣ за пазуху. На другой же день нашелъ предлогъ поѣхать по противоположному направленію, и съ половины пути повернулъ къ монастырямъ. Пріѣхавъ совершенно неожиданно въ монастыри, я собралъ всѣхъ настоятелей и монаховъ и объявилъ имъ непреложную Высочайшую волю объ уничтоженіи монастырей, и внушилъ кроткимъ образомъ, что, при сопротивленіи ихъ тому, прибудетъ значительное войско, они будутъ принуждены къ исполненію Высочайшей воли силою и подвергнутся строгой отвѣтственности; тогда какъ теперь, при повиновеніи и покорности, желающіе могутъ обратиться въ единовѣріе, а не желающіе будутъ отпущены для проживанія, гдѣ пожелаютъ, съ нѣкоторыми условіями и даже съ оказаніемъ имъ пособія. Эта мѣра имѣла полный успѣхъ. Сначала нѣкоторые изъ старообрядцевъ, узнавъ въ чемъ дѣло, бросились на колокольню, чтобы ударить въ колокола и поднять тревогу, но я, въ предотвращеніе этой попытки, тотчасъ по пріѣздѣ въ монастырь, отпра-

*) Такъ губернаторъ Степановъ (авторъ „Постоялаго двора" и другихъ романовъ) привезъ съ собою даже пожарныя трубы для поливанія раскольниковъ и утушенія ихъ подвижнической горячности — но и это не помогло. (*Прим. Н. Ф.*).

вилъ двухъ находившихся при мнѣ переодѣтыхъ жандармовъ, на колокольню, приказавъ имъ обрѣзать веревки у колоколовъ, что и было сдѣлано. При этой неудачѣ, раскольники опѣшили и не оказали болѣе никакого сопротивленія. Во всѣхъ трехъ монастыряхъ старообрядчество было уничтожено въ одинъ день, и они тогда же обращены въ единовѣрческіе монастыри, пріѣхавшимъ ко мнѣ въ назначенный часъ православнымъ архимандритомъ, который совершилъ въ нихъ надлежащее служеніе и окропилъ все святою водою. Тѣмъ и кончилось это дѣло, длившееся десятки лѣтъ и считавшееся почти безнадежнымъ. Въ губерніи и Петербургѣ удивлялись такому быстрому успѣху. Государь меня поблагодарилъ за то, и я благополучно возвратился въ Саратовъ.

Вслѣдъ за этимъ экстреннымъ дѣломъ, послѣдовало и другое не менѣе значительное. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, съ Высочайшаго повелѣнія, должны были непремѣнно производиться ежегодно посѣвы картофеля, часть казенныхъ крестьянъ рѣшительно тому воспротивилась, не взирая ни на какія убѣжденія. Мнѣ было приказано привести ихъ къ повиновенію и упорство крестьянъ преодолѣть, во что бы то ни стало. Я немедленно поѣхалъ къ нимъ.

Крестьяне эти состояли почти всѣ изъ раскольниковъ и мордвы, обитавшихъ въ глуши. Мордва въ особенности, какъ полудикій народъ, отличалась необыкновеннымъ тупоуміемъ и чрезвычайнымъ упрямствомъ. Всѣ убѣжденія, вновь имъ заявленныя, со всевозможнымъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ—не имѣли накакого успѣха. Со мною была отправлена на всякій случай воинская команда и артиллерія, но я твердо рѣшился не прибѣгать къ содѣйствію штыковъ и пушекъ, на кои разсчитывалъ только какъ на средство болѣе или менѣе дѣйствительное для устрашенія неразумныхъ людей. Дѣло обошлось безъ кровопролитія, хотя были желавшіе онаго, убѣждавшіе меня пустить *хоть пару ядрышекъ* въ непокорную толпу. Все кончилось наказаніемъ нѣсколькихъ упорнѣйшихъ бунтовщиковъ розгами, и то болѣе за дерзкія выраженія, нежели за сопротивленіе къ посѣву. Я оставилъ упорствующихъ враговъ картофеля вовсе безъ вниманія, высказавъ только сожалѣніе о ихъ тупоуміи и упрямствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я обласкалъ тѣхъ, кои добровольно изъявили согласіе исполнить волю правительства, ободрилъ увѣреніемъ въ наградахъ тѣхъ, кои изъявили это согласіе съ видимымъ намѣреніемъ испол-

нить его; и сдѣлавъ распоряженіе, чтобы мнѣ представлялись списки, какъ объ усердныхъ исполнителяхъ, такъ и о коснѣющихъ въ упорствѣ, уѣхалъ отъ нихъ, удаливъ въ то же время изъ тѣхъ мѣстъ и воинскую экзекуцію, которую мнѣ было предписано оставить тамъ.

Въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ, посѣвы картофеля между крестьянами сдѣлались въ казенныхъ селеніяхъ повсемѣстными, и нѣкоторые изъ крестьянъ, наиболѣе упорствовавшихъ, оказались наиболѣе понявшими выгоды и пользу этого у нихъ нововведенія, встрѣченнаго ими столь враждебно.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ посѣтилъ Саратовъ Л. А. Перовскій, управлявшій тогда удѣльными имѣніями, которыя были въ Саратовской губерніи значительны. Тогда уже носились слухи о скоромъ назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Кажется, уже въ эту поѣздку, онъ возъимѣлъ противъ меня предубѣжденіе, внушенное ему мѣстнымъ удѣльнымъ начальствомъ: оно ему доносило, будто бы я противодѣйствую выгодамъ удѣльныхъ имѣній, ограничивая, при происходившемъ тогда спеціальномъ размежеваніи Заволожскихъ степей, захваты, сдѣланные удѣльными крестьянами поземельныхъ участковъ въ огромномъ количествѣ. Но я считалъ моей непремѣнной обязанностію руководствоваться въ этомъ случаѣ общимъ распоряженіемъ правительства, чтобы владѣльцы и поселяне всѣхъ сословій надѣлялись въ точности тѣмъ количествомъ земли, какое имъ слѣдуетъ, и никакъ не болѣе. Впрочемъ, Перовскій мнѣ объ этомъ не говорилъ и неудовольствія никакого не изъявлялъ, но я узналъ это впослѣдствіи. Онъ у меня обѣдалъ, казался въ хорошемъ расположеніи духа, былъ очень любезенъ со мною и моимъ семействомъ.

Въ іюлѣ и августѣ начались мои разъѣзды для ревизіи губерніи, по званію губернатора, сперва въ Хвалынскій и Кузнецкій уѣзды, а потомъ въ Аткарскій, Балашевскій, Камышинскій и Царицинскій. Вездѣ я находилъ множество безпорядковъ отъ дурнаго чиновничества. Дѣлалъ, что могъ къ уменьшенію зла, но, разумѣется, успѣвалъ мало. Не было никакихъ задатковъ увѣренности, чтобы дурные чиновники могли быть замѣнены лучшими; худшіе изъ нихъ конечно устранялись, но истребить корень зла не было никакой возможности. Съ осени я занимался преимущественно большимъ рекрутскимъ наборомъ. Въ декабрѣ получилъ предписаніе отъ

новаго министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, прибыть по окончаніи набора въ Петербургъ.

Выѣхалъ я въ Петербургъ 8-го января 1842 года*). Дорогою заѣзжалъ въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, къ помѣщику Николаю Ивановичу Кривцову, съ коимъ познакомился незадолго передъ тѣмъ въ бытность его по дѣламъ въ Саратовѣ. Это былъ человѣкъ незаурядный, какъ по уму и познаніямъ, такъ и по курьезнымъ событіямъ его жизни; о нѣкоторыхъ изъ нихъ стоитъ упомянуть. По окончаніи воспитанія, онъ опредѣлился на службу въ гвардію, въ началѣ царствованія Императора Александра I-го, и находясь еще въ чинѣ юнкера, какимъ-то случайнымъ образомъ попалъ въ короткое знакомство съ французскимъ посланникомъ Коленкуромъ, чему вѣроятно содѣйствовали совершенное его познаніе французскаго языка и необыкновенное природное остроуміе. Однажды, гуляя по Петербургскимъ улицамъ, юнкеръ Кривцовъ встрѣтилъ Императора Александра, прогуливавшагося съ Коленкуромъ; увидавъ Кривцова, Коленкуръ остановился, сказалъ ему нѣсколько дружескихъ словъ и потомъ, догнавъ Государя, отрекомендовалъ ему Кривцова, какъ отличнаго молодаго человѣка, присовокупивъ, что у него навѣрное мало такихъ людей въ гвардіи. Съ тѣхъ поръ Государь обратилъ на него особенное вниманіе. Въ Бородинскомъ сраженіи Кривцовъ, уже въ чинѣ поручика гвардіи, былъ сильно раненъ, взятъ французами въ плѣнъ и перевезенъ съ прочими ранеными въ Москву. Тамъ, чрезъ нѣсколько недѣль, получивъ облегченіе и позволеніе выходить для прогулки, онъ отправился погулять, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, и встрѣтился съ Наполеономъ, ѣхавшимъ верхомъ въ сопровожденіи Коленкура. Этотъ удивился, удвидѣвъ его, также остановился, началъ распрашивать по какому случаю онъ находится въ Москвѣ, обнадежилъ его обѣщаніемъ предстательства за него у своего Императора и просилъ бывать у него. Нѣсколько дней спустя, Наполеонъ прислалъ за нимъ. Это было уже въ тотъ періодъ времени, когда Наполеонъ хватался за каждый случай сблизиться вновь съ Императоромъ Александромъ. Онъ принялъ Кривцова очень милостиво и ласково, долго съ нимъ разговаривалъ, повторялъ ему тѣ же

---

*) Въ эту поѣздку Андрей Михайловичъ взялъ съ собой сына Ростислава, которому надобно было въ Петербургѣ держать экзаменъ на производство въ офицеры.

фразы, какія говорилъ всѣмъ тѣмъ, кому скоро предстояло увидѣться съ Императоромъ Александромъ, для передачи Государю; а именно, какъ онъ, Наполеонъ, его любитъ, какъ желаетъ быть съ нимъ въ согласіи и проч. и проч. въ томъ же родѣ, и отпустилъ Кривцова въ Петербургъ, снабдивъ щедро путевыми деньгами. Прибывъ въ Петербургъ, Кривцовъ буквально исполнилъ порученіе Наполеона и, вступивъ снова на службу въ свой полкъ, продолжалъ храбро сражаться съ французами. Подъ Лейпцигомъ лишился ноги, а по замиреніи поѣхалъ въ Парижъ, для окончательнаго излѣченія своей раны и пріобрѣтенія себѣ искусственной ноги, усовершенствованнаго устройства. Въ 1815 году, гдѣ-то за границею, онъ вновь встрѣтился съ Императоромъ Александромъ. Тогда уже по причинѣ ранъ онъ не годился болѣе къ продолженію военной службы и Государь, которому онъ ужъ давно сдѣлался извѣстенъ по своему уму и способностямъ, предложилъ ему поступить въ гражданскую службу вице-губернаторомъ. Кривцовъ отвѣчалъ, что готовъ исполнить волю Государя, если будетъ назначенъ не вице-губернаторомъ, а губернаторомъ. Государь на это отозвался, что для такого назначенія онъ слишкомъ молодъ; а Кривцовъ возразилъ, что пока еще молодъ, до тѣхъ поръ и можетъ быть полезенъ въ званіи губернатора, а не тогда, когда станетъ почтеннымъ старцемъ. Государь разсмѣялся и сказалъ, что подумаетъ. Черезъ годъ, дѣйствительно Кривцовъ получилъ мѣсто губернатора сперва, кажется, въ Калугѣ, а потомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и затѣмъ въ Воронежѣ. Во всѣхъ этихъ трехъ губерніяхъ онъ оставилъ по себѣ хорошую память трудами и заботами своими къ устройству городовъ, дорогъ и проч. Только письменною частію пренебрегалъ и ожесточенно гналъ взяточниковъ, но ихъ ловушекъ не умѣлъ избѣгать. Однажды, въ присутствіи губернскаго правленія, изобличивъ старшаго совѣтника въ мошенничествѣ, далъ ему пощечину, а совѣтникъ прехладнокровно, обратясь къ секретарю, велѣлъ ему записать въ журналъ, что губернаторъ сошелъ съ ума, и донести о томъ въ Петербургъ. Кривцовъ не подвергся за это никакому преслѣдованію, но нашелся вынужденнымъ подать прошеніе объ увольненіи отъ службы. Съ тѣхъ поръ онъ спокойно проживалъ въ своемъ имѣніи „*Любичахъ*“, Кирсановскаго уѣзда. Свое деревенское хозяйство и домашній порядокъ онъ довелъ до высшей степени благоустройства. Я мало видѣлъ людей столь прі-

ятныхъ въ бесѣдѣ, какъ Кривцовъ, хотя онъ нѣсколько и былъ фантазеръ, но это придавало еще болѣе интереса и оживленія его разговору. Къ сожалѣнію, онъ вскорѣ потомъ скончался, не доживъ до глубокой старости.

Послѣ хорошаго отдыха отъ дурной дороги и погоды и весьма радушнаго пріема у Кривцова, я отправился въ дальнѣйшій путь 11-го марта, чрезъ Тамбовъ и Москву и прибылъ въ Петербургъ 20-го числа. Послѣ свиданія съ братомъ, первый мой визитъ былъ, само собою разумѣется, къ Перовскому, который принялъ меня ни тепло, ни холодно, съ обыкновенными офиціальными фразами. Болѣе пріятный пріемъ нашелъ я у графа Киселева, принявшаго меня дружески. Когда я его поблагодарилъ за рекомендацію меня Государю къ опредѣленію въ губернаторы и присовокупилъ, что крайне затрудняюсь на этомъ новомъ поприщѣ къ коему никогда себя не готовилъ и гдѣ, при всѣхъ наилучшихъ намѣреніяхъ, могу дѣлать ошибки и промахи, графъ мнѣ возразилъ: «Ничего, à force de forger on devient forgeron!—Но при этомъ онъ позабылъ, что кузнеца никто не хватаетъ за руки и не бросаетъ ихъ въ разныя стороны, а дѣйствуетъ кузнецъ свободно, какъ знаетъ. Потомъ графъ прибавилъ, что теперь и онъ очень жалѣетъ, что содѣйствовалъ назначенію моему въ губернаторы; безъ этого, опредѣлилъ бы меня на мѣсто Инзова, который по болѣзни не могъ болѣе заниматься. Я ему сказалъ, что я былъ бы радъ и счастливъ этой перемѣнѣ. Впрочемъ, отъ директоровъ департаментовъ министерства государственныхъ имуществъ и отъ графа Несельроде я узналъ, что онъ имѣетъ въ виду чрезъ нѣсколько времени перевести меня на мѣсто директора одного изъ его департаментовъ.

Затѣмъ я приступилъ къ разъѣздамъ съ обязательными визитами ко многимъ знатнымъ лицамъ и предержащимъ властямъ тогдашняго Петербургскаго міра, между прочимъ, къ прежнему моему начальнику графу Блудову, принявшему меня очень любезно и съ большими комплиментами; къ князю Васильчикову, къ графамъ Панину, Канкрину, Бенкендорфу, Строганову и проч. Всѣми былъ принятъ, какъ водится, очень привѣтливо, но Панинымъ — съ обычнымъ ему высокомѣріемъ. Болѣе всѣхъ мнѣ понравился старикъ графъ Строгановъ, Григорій Александровичъ, отецъ нынѣш-

няго воспитателя Наслѣдника *), а также бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора. Отношенія графа ко мнѣ, какъ къ губернатору, начались по поводу возникшихъ тогда заведеній дѣтскихъ пріютовъ въ губерніяхъ, основаніямъ и направленіямъ коихъ онъ былъ, кажется, главнымъ орудіемъ. Во всѣхъ его объясненіяхъ по этому предмету проявлялась его прекрасная душа и истинно христіанское человѣколюбіе. Пришлось также часто видѣться, прежде по дѣламъ и порученіямъ нашего архіерея Іакова, а потомъ по установившемуся знакомству, съ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, находившимся въ то время въ Петербургѣ. Бесѣда съ этимъ достойнымъ іерархомъ и замѣчательно умнымъ человѣкомъ всегда доставляли мнѣ большое удовольствіе.

Кромѣ названныхъ лицъ, съ моимъ пріѣздомъ въ Петербургъ, кругъ моихъ офиціяльныхъ знакомствъ еще болѣе увеличился прибавленіемъ всѣхъ саратовскихъ помѣщиковъ, проживавшихъ въ столицѣ, которые заискивали во мнѣ, какъ въ начальникѣ губерніи. Самые выдающіеся изъ нихъ были: графъ Гурьевъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, Кологривовъ и старушка Чихачева. У Нарышкина я встрѣчалъ сестру его, графиню Воронцову-Дашкову, обращавшую невольно на себя вниманіе своимъ необыкновенно умнымъ, выразительнымъ лицомъ, воспѣтую нашимъ поэтомъ Лермонтовымъ, въ его извѣстномъ стихотвореніи къ «портрету». Чихачева олицетворяла своей особой настоящій типъ нашихъ старинныхъ бойкихъ барынь, проведшихъ весь свой вѣкъ среди двора и знати. Многіе ея боялись по причинѣ ея остраго языка и неотвязчивости, но общество ея, особеннно разсказы о прежнемъ добромъ, старомъ времени, были очень интересны и занимательны, такъ же, какъ и Кологривовой Прасковьи Юрьевны, урожденной княжны Трубецкой, по первому мужу княгини Гагариной,— старой моей Пензенской знакомки.

Перваго февраля я былъ призванъ къ Государю. Представлялся я одинъ, меня провели въ кабинетъ; кромѣ Государя и меня никого не было. Его Величество говорилъ со мною около получаса. Весь разговоръ состоялъ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, почти въ однихъ вопросахъ, довольно краткихъ и отрывистыхъ, и моихъ отвѣтахъ, въ такомъ же родѣ. Меня предупре-

*) Покойнаго Цесаревича Николая Александровича.

дили, чтобы въ отвѣтахъ я не распространялся, но что они должны быть кратки и положительны. Вопросы и замѣчанія Государя относились, само собою разумѣется, исключительно къ городу Саратову и Саратовской губерніи и, сколько припомню, приблизительно заключались въ томъ: коково состояніе губерніи, каковъ путь и дороги; не повредитъ ли безснѣжіе хлѣбамъ; обезпечено ли народное продовольствіе; каково дворянство; производятся ли выборы безпристрастно; кто губернскій предводитель; предпринимается ли что для улучшенія и устройства города Саратова; о снабженіи его водою; о раскольникахъ и Заволжскихъ уѣздахъ, и при томъ со внушеніемъ, чтобы отнюдь не допускать въ уѣздахъ распространенія раскола. Государь окончилъ, объявивъ мнѣ свое предположеніе побывать непремѣнно въ Саратовѣ и, если будетъ возможно, то въ нынѣшнемъ же году.

Затѣмъ, дня черезъ два, Киселевъ мнѣ сказалъ, что Государь говорилъ съ нимъ обо мнѣ, и что я имѣлъ счастіе Его Величеству понравиться, что онъ остался очень доволенъ своимъ разговоромъ со мною, о чемъ передалъ и Перовскому. Конечно, мнѣ пріятно было слышать милостивый отзывъ обо мнѣ Государя, но по существу нашего разговора, кажется, нельза было заключить обо мнѣ ни худо, ни хорошо.

Впослѣдствіи времени, прочитавъ въ запискахъ Державина и Энгельгардта, какъ принимала губернаторовъ Императрица Екатерина II, сколько она имѣла терпѣнія входить въ разспросы самые подробные, посвящала на то по нѣскольку часовъ времени, и этимъ способомъ ознакомлялась не только съ состояніемъ губерніи, но и съ качествами и способностями самихъ губернаторовъ, я понялъ, почему Екатерина знала гораздо лучше и Россію и ея мѣстныхъ правителей, нежели ея ближайшіе преемники.

Пребываніе мое въ Петербургѣ продолжалось до 31-го марта. Я могъ бы уѣхать немного ранѣе, но мнѣ хотѣлось остаться до окончанія экзаменовъ моего сына Ростислава, нарочно для этого пріѣхавшаго со мною изъ Саратова. Экзамены сошли совершенно благополучно и производство въ офицеры долженствовало вскорѣ послѣдовать, но я уже не могъ этого дожидаться, надобно было возвращаться въ губернію. У Перовскаго въ Петербургѣ я бывалъ часто и, казалось, какъ будто онъ никакого особеннаго предубѣжденія противъ меня не имѣетъ, напротивъ, предъ выѣздомъ ока-

залъ мнѣ какъ бы свое благорасположеніе. Я собирался съѣздить со всѣмъ семействомъ моимъ на лѣто въ Одессу. Я чувствовалъ потребность отдохнуть отъ многолѣтнихъ тяжкихъ трудовъ; хотѣлъ навѣстить мою престарѣлую мать, жившую въ Екатеринославѣ, и повидаться съ моей старшей, больной дочерью Еленою (г-жею Ганъ), которая тоже намѣревалась провести лѣто въ Одессѣ. Я упомянулъ выше, что она пріѣзжала въ началѣ 1840-го года погостить къ намъ въ Саратовъ, и что здоровье ея было сильно разстроено. Это приписывали состоянію беременности и надѣялись, что съ минованіемъ его все пройдетъ. Но въ іюлѣ того же года, по рожденіи сына ея Леонида, не смотря на всѣ предосторожности, Елена какъ-то простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкихъ, повторявшимся нѣсколько разъ. Она была при смерти, мы не имѣли никакой надежды, но милостію Божіею и стараніями доктора Троицкаго она понемногу поправилась настолько, что въ іюнѣ 1841-го года могла возвратиться съ дѣтьми къ мужу своему, командовавшему артиллерійской батареею въ Малороссіи. Однако, здоровье дочери, сильно потрясенное, не возстановилось вполнѣ, и она рѣшилась весною этого 1842-го года поѣхать въ Одессу посовѣтоваться съ врачами и полѣчиться морскими купаніями. Мы тоже имѣли давно намѣреніе побывать въ Одессѣ, гдѣ у насъ оставалась деревенька, покинутая почти на произволъ судьбы, и условились съ дочерью съѣхаться всѣмъ въ Одессѣ, чтобы пожить нѣсколько времени опять вмѣстѣ. Всѣ эти причины побудили меня просить Перовскаго о дозволеніи отправиться въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Одессу. При докладѣ объ этомъ Государю, онъ выпросилъ мнѣ выдачу на путевыя издержки двухъ тысячъ рублей серебромъ.

Марта 31-го я выѣхалъ изъ Петербурга, оставивъ моего Ростислава одного, въ ожиданіи офицерскаго чина. Въ Москвѣ пробылъ нѣсколько дней, квартировалъ у знакомаго саратовскаго помѣщика, управлявшаго имѣніями графа Гурьева,—Берхгольца, русскаго нѣмца, человѣка смышленнаго, дѣятельнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ большаго говоруна и хвастуна. Онъ иногда разсказывалъ самымъ простодушнымъ тономъ такія невѣроятныя исторіи, что собесѣдники его рѣшительно недоумѣвали, смѣяться ли надъ нимъ, или это онъ смѣется надъ ними. Для образчика можно привесть одну исторію изъ тысячи. Разъ онъ хотѣлъ посмотрѣть который часъ, вы-

нулъ изъ кармана часы, самые обыкновенные, и по этому поводу тотчасъ же разрѣшился слѣдующей импровизаціею: однажды онъ охотился въ лѣсу, забрелъ въ непроходимую, глухую чащу, изъ которой едва могъ выбраться, и замѣтилъ, что потерялъ свои часы, тѣ самые, что намъ показывалъ, искалъ ихъ, не нашелъ, пожалѣлъ и потомъ купилъ себѣ другіе. Годъ спустя, онъ опять охотился въ томъ же лѣсу, въ той же самой чащѣ и, вдруъ, видитъ, что его часы висятъ на вѣткѣ кустарника. Конечно онъ ихъ беретъ, осматриваетъ, и что̀ же оказывается! Часы идутъ, и идутъ отлично, совершенно вѣрно, минута въ минуту, и даже прегромко чикаютъ; и такъ они шли цѣлый годъ, безъ всякаго завода, вися на кустарникѣ. Окончивъ этотъ разсказъ, Берхгольцъ спокойно положилъ часы въ карманъ и заговорилъ о другихъ предметахъ. Разговоръ его, часто дѣльный и занимательный, обиловалъ подобными фантастическими вставками, которыя онъ производилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, не допуская ни малѣйшаго въ нихъ сомнѣнія.

Въ то же время пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга старый мой знакомый Петръ Александровичъ Кологривовъ, великій гастрономъ и любитель вкусно покушать*). Онъ еще прежде не разъ мнѣ разсказывалъ съ увлеченіемъ, какъ славно кормятъ въ Троицкомъ трактирѣ, и теперь пожелалъ доказать мнѣ это на дѣлѣ: повезъ съ собою въ трактиръ, пригласивъ туда же и нѣсколько своихъ знакомыхъ. Дѣйствительно насъ накормили хорошо, но и содрали отлично: за обѣдъ для шести человѣкъ, безъ всякихъ особенныхъ излишествъ взяли 150 руб. сер., что тогда составляло значительныя деньги.

Выѣхавъ изъ Москвы 7-го апрѣля, мнѣ пришлось тащиться по сквернѣйшей дорогѣ, какъ это обыкновенно бываетъ въ Россіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Хорошо еще, что со мною былъ пріятный спутникъ, Григорій Васильевичъ Есиповъ, служившій тогда въ Саратовѣ, и тамошній помѣщикъ**). На берегу Оки мы должны были просидѣть цѣлый день въ отвратительной, грязной, мужичьей избѣ, въ ожиданіи пока разойдется ледъ и можно будетъ переправиться на другую сторону. Насилу 17-го апрѣля пріѣхали въ Саратовъ.

*) Супругъ Прасковіи Юрьевны.

**) Извѣстный въ нашей литературѣ писатель, по части исторической старины. *Н. Ф.*

Здѣсь я нашелъ кучу дрязгъ и всякихъ непріятныхъ занятій. Въ мое отсутствіе, вице-губернаторъ Оде-де-Сіонъ пересcорился съ губернскимъ предводителемъ дворянства Столыпинымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и откупщикомъ; результатомъ ихъ ссоръ послѣдовало запрещеніе выбирать Столыпина въ губернскіе предводители. Не мало причинялъ мнѣ хлопотъ также проживавшій въ то время въ Саратовѣ генералъ Арнольди, о коемъ я упоминалъ выше, командовавшій шестью батареями конной артиллеріи, расположенными на квартированіи въ Саратовской губерніи. Храбрый генералъ, отличавшійся въ сраженіяхъ, потерявшій ногу въ послѣдней турецкой войнѣ и потому ходившій на деревяшкѣ, но по характеру своему и привычкамъ настоящій русскій Вандамъ. Вѣроятно, въ силу какой нибудь логики, ему одному понятной, онъ составилъ себѣ такую увѣренность, что все, что ему понравится у кого бы то ни было, онъ непремѣнно долженъ прибрать къ своимъ рукамъ. Онъ старался по возможности дѣйствовать неуклонно, сообразно съ этимъ правиломъ, часто для другихъ весьма неудобнымъ, и въ подходящихъ случаяхъ не щадилъ ни пріятелей, ни подчиненныхъ; завладѣвалъ лугами и пастбищами обывателей, гдѣ квартировала его артиллерія, безъ всякой пощады и даже необходимости, какъ бы изъ какой то алчности, которая простиралась до того, что онъ употреблялъ средства для пріобрѣтенія желаемаго иногда не совсѣмъ благовидныя. Многія продѣлки его, довольно забавныя, передавались какъ анекдоты. Я былъ знакомъ съ генераломъ Арнольди ужъ издавна, еще до 1812 года, когда онъ состоялъ адъютантомъ у артиллерійскаго генерала графа Кутайсова, убитаго подъ Бородиномъ. Въ Саратовѣ наше знакомство возобновилось. Арнольди оказалъ мнѣ услугу переводомъ моего сына изъ Тирасполя въ одну изъ своихъ батарей, повидимому, былъ ко мнѣ хорошо расположенъ, отношенія его ко мнѣ казались самыя пріятельскія, какими и оставались до конца; однако, при первомъ представившемся случаѣ, онъ и для меня не сдѣлалъ исключенія изъ своего общаго правила. Произошелъ этотъ любопытный курьезъ такимъ образомъ: лѣтомъ, какъ я уже говорилъ, я всегда жилъ за городомъ, на дачѣ; жена моя была большая любительница цвѣтовъ, любила украшать ими комнаты, сама ухаживала за ними и потому ихъ было много у насъ въ домѣ. Тогда же она получила въ подарокъ отъ нашего хорошаго знако-

маго и отчасти ея родственника, по ея сестрѣ Анастасіи Павловнѣ Сушковой, Александра Алексѣевича Панчулидзева, Пензенскаго губернатора, прекрасную колекцію оранжерейныхъ растеній, которую, вмѣстѣ съ нашими прежними цвѣтами, по лѣтнему времени, помѣстили на балконѣ и въ палисадникѣ предъ балкономъ, выходившимъ на большую площадь, или скорѣе поле, отдѣлявшее дачу отъ города. На этомъ полѣ генералъ Арнольди производилъ лѣтомъ смотры своей артиллеріи и иногда заѣзжалъ къ намъ въ гости. Онъ обратилъ вниманіе на цвѣты, разсматривалъ ихъ, хвалилъ и намекнулъ Еленѣ Павловнѣ, что желалъ бы нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣсти. Она подарила ему часть изъ означенныхъ имъ цвѣтовъ, но не всѣ, потому что сама ими дорожила. Спустя затѣмъ дня два: утромъ, оказалось, что балконъ и палисадникъ пусты,—цвѣты въ ночь исчезли безслѣдно. Насъ это очень непріятно удивило, и тѣмъ болѣе, что у крыльца дома,— правда съ боковой стороны,— стоялъ на караулѣ часовой, увѣрявшій, что ничего не видалъ и не слыхалъ; а чтобы стянуть такое количество растеній, изъ коихъ иныя были большаго размѣра, въ тяжелыхъ кадкахъ и горшкахъ, перетащить ихъ черезъ высокій палисадникъ и увезти,—требовалось не малое число людей и едва ли не цѣлый обозъ повозокъ. Заинтересованный этимъ случаемъ вдвойнѣ, какъ обокраденный хозяинъ дома и какъ губернаторъ, я прибѣгъ къ полицейскимъ мѣрамъ и въ тотъ же день открылось, что наши цвѣты похищены по распоряженію генерала Арнольди, подославшаго съ этою цѣлью ночью нѣсколько подводъ, съ соотвѣтственнымъ числомъ своихъ артиллеристовъ, преподавъ имъ полную инструкцію для произведенія этого маневра со всѣмъ искусствомъ военной хитрости. Всѣ цвѣты были перевезены въ квартиру генерала, гдѣ и находились полностію. Послѣ такого открытія, конечно, намъ оставалось только пожалѣть о потерѣ нашихъ цвѣтовъ и покориться этой участи, что мы и сдѣлали.

21-го мая 1842 года, я съ семействомъ моимъ отправился въ Одессу, черезъ Воронежъ, Курскъ и т. д. Въ Екатеринославѣ мы прогостили нѣсколько дней у старушки моей матери, которую я видѣлъ уже въ послѣдній разъ. Я предполагалъ пробыть у нея долѣе, но долженъ былъ поспѣшить выѣздомъ, узнавъ объ усилившейся болѣзни бѣдной моей старшей дочери Елены, которая, по полученному нами извѣстію, находилась въ опасности и съ нетер-

пѣніемъ ожидала насъ въ Одессѣ. Ей не столько угрожала болѣзнь, сколько пагубная, общепринятая тогда метода лѣченія кровопусканіями; такой слабой, истощенной продолжительнымъ недугомъ женщинѣ, какъ она, въ теченіе двухъ недѣль пустили восемь разъ кровь и поставили болѣе ста піявокъ, что конечно привело ее въ полное изнуреніе. Лѣчилъ ее врачъ, считавшійся лучшимъ въ городѣ. Мы прибыли въ Одессу 7-го іюня и нашли дочь нашу, хотя тяжело больной, но не въ такомъ дурномъ положеніи, какъ ожидали; ей казалось лучше, она была на ногахъ и чувствовала облегченіе сравнительно съ прежнимъ, что продолжалось недолго. Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ и сынъ мой Ростиславъ, произведенный изъ юнкеровъ въ офицеры конной артиллеріи. Не предвидя перемѣны къ худшему въ состояніи дочери, я съ женой поѣхалъ на нѣсколько дней въ нашу деревню. По возвращеніи, мы застали дочь снова опасно больной и въ крайней слабости. Двадцать четвертаго числа іюня она скончалась на 28-мъ году отъ рожденія, оставивъ двухъ малолѣтнихъ дочерей и одного сына, двухлѣтняго ребенка, на нашемъ попеченіи. Мужъ ея находился на службѣ въ Польшѣ. Много намъ причинило горя это несчастное событіе. Дочь наша Елена была женщина, какихъ не много, во всѣхъ отношеніяхъ. Предчувствуя свою безвременную кончину, она оставила намъ предсмертное письмо, прекрасное отраженіе прекрасной души ея*)

Похоронивъ дочь, намъ ужъ долго оставаться въ Одессѣ было нечего, да и не хотѣлось. Тѣмъ болѣе, что по извѣстіямъ, получаемымъ изъ Саратова, я узналъ, что тамъ дрязги и безпорядки все увеличиваются по причинѣ мелочнаго, притязательнаго и безпокойнаго нрава вице-губернатора. Мы намѣревались ѣхать до Таганрога на пароходѣ, но жена моя не могла переносить морской качки. Къ тому же мы боялись затрудненій съ маленькими дѣтьми, внуками, что заставило насъ рѣшиться раздѣлиться на двѣ партіи и на разные пути: мнѣ съ сыномъ и дочерью Екатериной поѣхать на пароходѣ, а Еленѣ Павловнѣ съ младшей дочерью и маленькими внуками туда же сухопутьемъ и, съѣхавшись въ Таганрогѣ, продолжать дорогу уже всѣмъ вмѣстѣ до Саратова. Мы выѣхали 16-го іюля.

Наше путешествіе на пароходѣ можно назвать удачнымъ, даже пріятнымъ. Общество собралось хорошее, погода стояла благо-

*) Е. А. Ганъ была извѣстна въ русской литературѣ конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ подъ псевдонимомъ Зинаиды Р***. *Н. Ф.*

пріятная, море тихое, мы любовались видами такъ давно знакомаго мнѣ южнаго берега Крыма до Ялты, гдѣ пароходъ на нѣсколько часовъ остановился, и мы воспользовались этимъ временемъ, дабы сдѣлать небольшую прогулку по южному берегу до Алупки. Одинъ изъ ѣхавшихъ съ нами пассажировъ, саратовскій помѣщикъ, графъ Апраксинъ, имѣвшій дачу въ Ялтѣ, предложилъ намъ для нашей прогулки своихъ лошадей и экипажъ, которые мы приняли съ признательностію, такъ какъ тогда найти экипажъ для найма тамъ было трудно, да и времени оставалось недостаточно. Графъ Апраксинъ проживалъ обыкновенно часть лѣта и зимы на своей Ялтинской дачѣ. Впослѣдствіи я съ нимъ ближе познакомился, когда онъ переселился на житье въ свое Саратовское имѣніе. Онъ представлялъ собою истинный типъ старинныхъ, взбалмошныхъ русскихъ баръ, возбуждавшихъ къ себѣ ненависть своихъ крестьянъ и дворовыхъ людей не столько своей жестокостію, какъ причудами. Это послужило поводомъ къ тому, что послѣ его трагической кончины, послѣдовавшей четыре года спустя, никто не хотѣлъ вѣрить въ случайность ея, и общее мнѣніе указывало на его людей, какъ на виновниковъ его погибели, хотя самое тщательное судебное разслѣдованіе ничего не могло разъяснить и обнаружить. Если общій голосъ основывался на дѣйствительности, то истина не открылась. Съ тѣхъ поръ прошло около двадцати лѣтъ, но вѣроятно есть еще люди, помнящіе эту загадочную исторію, надѣлавшую много шума и описанную во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ. Въ 1846 году, графъ Апраксинъ жилъ въ своей деревнѣ Саратовской губерніи съ молодой второй женою*). На страстной недѣлѣ, въ ночь съ великаго четверга на пятницу, когда изъ сосѣдней деревни Устиновки раздался звонъ благовѣста къ заутрени, изъ оконъ спальни графа, закрытыхъ ставнями, показалось пламя. Дворовые люди, замѣтившіе пожаръ,—какъ показали на слѣдствіи,—тщетно хотѣли войти въ спальню,—дверь была заперта, и на ихъ крики графъ не отозвался; хотѣли войти черезъ окно, камердинеръ графа оторвалъ одну ставню, но огонь вырвался изъ комнаты съ такой силою, и распространился съ такой быстротою, что, поднявъ тревогу, едва могли отстоять домъ. Результатъ состоялъ въ томъ,

*) На которой онъ женился при жизни первой жены, вышедшей передъ тѣмъ замужъ за границей за князя Эстергази. Первая, урожденная Татищева, дочь бывшаго нашего посла въ Берлинѣ; вторая—Куликовская.

что весь остальной домъ остался цѣлъ, сгорѣла только *одна* спальня графа, и въ ней сгорѣли графъ и его жена. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ихъ кровать, нашли подъ сгорѣвшимъ поломъ нѣсколько обгорѣвшихъ костей и два обручальныя золотыя кольца,—единственные остатки графа Апраксина и его молодой жены. Дѣло странное, темное, никогда не выяснившееся ни малѣйшимъ просвѣтомъ.

Прогулявшись въ Алупку, мы продолжали наше плаваніе на пароходѣ. Около Ѳеодосіи погода перемѣнилась, началась сильная качка, отъ которой порядочно пострадали дочь моя и сынъ, я же чувствовалъ только небольшую дурноту безъ послѣдствій. Заѣзжали въ Керчь и, пересѣвъ на другой пароходъ, прибыли 22-го іюня въ Таганрогъ. Здѣсь мы встрѣтили радушный пріемъ у стараго моего пріятеля барона Франка, бывшаго въ Таганрогѣ градоначальникомъ; онъ очень обрадовался нашему пріѣзду, старался, какъ могъ, насъ развлекать, возилъ по городу показывать намъ все, что стоило въ немъ видѣть и изъ всего, конечно немногаго, заслуживавшаго вниманія, самое примѣчательнѣйшее была роща, насаженная Петромъ Великимъ. Прождавъ три дня жену мою и узнавъ, что она изъ Маріуполя проѣхала прямою дорогою въ Ростовъ, мы поспѣшили туда же отправиться, но ея тамъ еще не нашли. Она пріѣхала на другой день. Ростовъ на Дону и въ то время былъ уже городомъ незауряднымъ, весьма отличавшимся отъ прочихъ нашихъ уѣздныхъ городовъ торговымъ движеніемъ и многолюдностію и обѣщавшимъ много въ будущемъ.

По прибытіи жены моей, мы на слѣдующій же день выѣхали въ дальнѣйшій путь, чрезъ Донскія станицы, по направленію къ Царицыну. Между прочимъ, проѣзжали чрезъ имѣніе графа Орлова-Денисова, который самъ тамъ находился. Въ одной изъ нашихъ каретъ оказалась надобность въ небольшой починкѣ, задержавшая насъ на нѣсколько часовъ. Мы сильно проголодались, по недостатку въ припасахъ и невозможности достать ничего съѣдобнаго въ деревнѣ, даже изъ самыхъ простыхъ деревенскихъ продуктовъ. Графъ узналъ о нашемъ непріятномъ приключеніи и присылалъ узнать о нашемъ здоровьѣ. Затѣмъ явились отъ него двое посланныхъ съ большой корзиною въ рукахъ; мы, признаться сказать, обрадовались, особенно дѣти, думая, что графъ посылаетъ намъ что нибудь пообѣдать, но грустно разочаровались и удивились, увидѣвъ, что изъ корзины вынули большую мороженицу съ дын-

нымъ мороженымъ. Мы предпочли бы что-либо посолиднѣе; впрочемъ, дѣти, всегда лакомыя, скоро помирились съ этимъ обстоятельствомъ и охотно удовольствовались мороженымъ вмѣсто обѣда; но намъ, взрослымъ, хотя и очень признательнымъ за любезность графа, пришлось поголодать до слѣдующей станціи, куда мы достигли только къ ночи. Я упоминаю объ этомъ пустякѣ, какъ объ одномъ изъ нашихъ маленькихъ дорожнихъ впечатлѣній. Добравшись до Царицына, мы оттуда уже поѣхали скоро и съ бо̀льшими удобствами прямо въ Саратовъ.

Въ Саратовѣ я нашелъ дрязги и дрязги. Членъ приказа общественнаго призрѣнія поссорился и подрался съ членомъ строительной коммиссіи; вице-губернаторъ началъ явно враждовать со мною, послѣдствій чего хотя я и не опасался, но объясненія на его ябедничества въ Петербургъ много отнимали у меня времени. И во всѣхъ почти мѣстныхъ управленіяхъ, во всѣхъ чиновникахъ, я не находилъ никакого благонамѣреннаго содѣйствія.

Но дѣлать было нечего; взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Сверхъ того, меня питала все надежда, что графъ Киселевъ, раньше или позже, возьметъ меня къ себѣ,—что̀ онъ обѣщалъ мнѣ положительно, и словесно предъ отъѣздомъ изъ Петербурга, и письменно. Но эта надежда не сбылась*). Придирки Перовскаго уже проявлялись; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда онъ какъ бы хотѣлъ выказывать свое безпристрастіе и снисхожденіе; въ декабрѣ этого года я получилъ двѣ тысячи рублей серебромъ прибавочнаго жалованія. Это меня нѣсколько ободрило, и я продолжалъ служебныя занятія по крайнему своему разумѣнію.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1843 года я долженъ былъ начать разъѣзды мои по нѣкоторымъ уѣздамъ. Я старался, чтобы каждый разъ разъѣзжать въ различныхъ направленіяхъ губерніи, дабы, сколько возможно, изучить всѣ мѣстности и узнать по возможности людей всѣхъ сословій, замѣчательныхъ въ какихъ-либо отношеніяхъ: добрыхъ и полезныхъ, негодяевъ и вредныхъ. Въ этотъ разъ я смотрѣлъ уѣзды: Петровскій, Сердобскій и Аткарскій. По возвращеніи моемъ, нашелъ я въ Саратовѣ путешественника барона Гольберга, извѣстнаго чудака и шарлатана, но тѣмъ не менѣе рекомендован-

---

*) „На генерала Киселева"
„Не возложу своихъ надеждъ"!
Писалъ еще Пушкинъ, умудренный опытомъ и познаніемъ генерала Киселева.

наго мнѣ изъ Петербурга высокопоставленными особами. Это былъ восьмидесятилѣтній старикъ, изъѣздившій чуть-ли не весь міръ, одѣвавшійся въ самые странные, фантастическіе костюмы и украшавшійся всевозможными орденами и звѣздами обоихъ полушарій свѣта. Въ Россіи онъ ѣздилъ на перекладныхъ и вездѣ куртизанилъ съ дамами. Проживъ въ Саратовѣ съ мѣсяцъ, онъ поѣхалъ на Кавказъ, а оттуда въ Персію, гдѣ, по слухамъ, на дорогѣ умеръ; но года черезъ два оказался живъ въ Мюнхенѣ и издалъ сочиненіе о своихъ многообразныхъ странствованіяхъ; въ немъ баронъ описывалъ, между прочимъ, подробно свое пребываніе въ Саратовѣ и очень лестно отзывался обо мнѣ, а особенно о моей женѣ.

Въ концѣ января я отправился въ Заволожье. Посѣтилъ присоединенные мною въ прошломъ году къ единовѣрію раскольничьи монастыри и нашелъ, что тамъ все идетъ мирно и благополучно. Заѣзжалъ въ нѣмецкія колоніи, дабы удостовѣриться о правильности предположеній межевой коммиссіи къ надѣлу колонистовъ въ этомъ году вновь землями, по случаю умножившагося у нихъ народонаселенія. Эта поѣздка продолжалась недолго. Въ Саратовѣ меня ожидало распоряженіе изъ Петербурга о составленіи чрезвычайнаго дворянскаго собранія для выбора новаго губернскаго предводителя дворянства, такъ какъ состоявшій въ этомъ званіи Столыпинъ былъ по Высочайшему повелѣнію удаленъ, *какъ откупщикъ*. Столыпинъ пользовался популярностію Саратовской публики, дорожившей въ немъ солидностію его положенія, хлѣбосольствомъ и представительностію; удаленіе его произвело непріятное впечатлѣніе и, разумѣется, общественный голосъ приписалъ вину этого удаленія мнѣ, хотя и существовалъ уже положительный законъ, чтобы откупщиковъ въ предводители не выбирать. Поднялъ это дѣло вице-губернаторъ Оде-де-Сіонъ (враждовавшій и противъ меня), перессорившійся съ Столыпинымъ, какъ я уже упоминалъ, во время моего отсутствія, когда я находился въ Петербургѣ и, слѣдовательно, былъ здѣсь не при чемъ. Самъ же я, лично, противъ Столыпина ничего не имѣлъ, сохранялъ съ нимъ хорошія отношенія и какъ предводителя предпочиталъ его другимъ. Онъ былъ богатый, вліятельный человѣкъ, довольно толковый, жилъ на широкую ногу открытымъ домомъ, имѣлъ связи при дворѣ и множество поклонниковъ и прихлебателей при себѣ; слѣдовательно, все, что нужно для показнаго предводителя. Исторія эта, конечно, возбу-

дила крайнее неудовольствіе Столыпина и всей его подобострастной клики, да и вообще отозвалась непріятно для всего губернскаго общества, потому что потеря такого предводителя составляла ощутительную утрату для города и его общественной жизни. Я, какъ губернаторъ, оказался виновнымъ во всемъ, отвѣтственнымъ за все, и нажилъ себѣ новаго врага въ Столыпинѣ и непріязнь его приверженцевъ. Интриги и кляузы умножились. Ябедничества кого-бы то ни было на губернаторовъ, опредѣленныхъ въ эти должности предшествовавшими министрами, нравились Перовскому; онъ съ жадностію прислушивался къ нимъ, поощрялъ ихъ и пользовался каждымъ случаемъ, чтобы давать мнѣ испытывать свою жесткость. Я хотѣлъ поѣхать въ Петербургъ для объясненія съ нимъ, просился въ отпускъ, но получилъ отказъ. Въ новые губернскіе предводители выбрали человѣка честнаго и добраго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неспособнаго.

Въ апрѣлѣ и маѣ поѣздки мои были направлены снова въ Заволожье, а потомъ и сѣверные уѣзды губерніи: Волжскій, Хвалынскій и Кузнецкій, гдѣ я считалъ нужнымъ побывать, отчасти по причинѣ начавшихся сильныхъ пожаровъ въ городахъ и селеніяхъ. Это бѣдствіе повторяется у насъ въ Россіи ежегодно, болѣе или менѣе, почти повсемѣстно, и каждый разъ приписывается главнѣйшимъ образомъ поджогамъ; но эти разсказы почти всегда или преувеличены или вовсе неосновательны, а иногда даже нелѣпы, особенно у простаго народа, который охотно вѣритъ въ поджоги, и нѣтъ такой безсмыслицы, которой онъ по этому поводу не принялъ бы за правду. Такъ, напримѣръ, пожары, свирѣпствовавшіе мѣстами въ 1839-мъ году предъ замужествомъ Великой Княгини Маріи Николаевны, объяснялись въ народѣ разсказами, что якобы Царь намѣревался дочь свою выдать за турецкаго султана, и отдать ему въ приданное Саратовскую губернію; а многіе изъ крестьянъ, не желающихъ сдѣлаться турками, по этому случаю производятъ поджоги и хотятъ спалить всю губернію. Самая обыкновенная, ближайшая причина частыхъ пожаровъ во внутреннихъ губерніяхъ заключается въ безпечности и неосторожности нашихъ простолюдиновъ, въ слишкомъ тѣсныхъ постройкахъ, соломеныхъ крышахъ и тому подобное.

Въ іюнѣ я ѣздилъ въ Балашевскій уѣздъ по рѣкѣ Хопру; видѣлъ опустѣлые дворцы, нѣкогда сооруженные княземъ Сергѣемъ

Федоровичемъ Голицинымъ въ имѣніи его Зубриловкѣ, и княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ въ селѣ его Надеждинѣ. Оба они проживали нѣкоторое время въ своихъ помѣстьяхъ: князь Голицынъ во все продолженіе своей отставки при Павлѣ и Александрѣ, а князь Куракинъ послѣ возвращенія въ 1783 г. изъ путешествія съ бывшимъ тогда Наслѣдникомъ, Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ. Говорили, что онъ былъ заподозренъ въ соучастіи въ заговорѣ къ ускоренію возведенія Павла Петровича на престолъ. Насколько эта молва была справедлива, — неизвѣстно, но князь Куракинъ, вскорѣ по окончаніи заграничнаго путешествія, поселился въ своемъ имѣніи, занялся построеніемъ дворца, разведеніемъ парка, великолѣпнаго сада, роскошной обстановкой всѣхъ устройствъ, и жилъ тамъ безвыѣздно до самаго вступленія на престолъ Императора Павла. Жаль, что наши вельможи и ихъ наслѣдники не подражаютъ въ этомъ отношеніи англійской аристократіи, которая возведя въ своихъ помѣстьяхъ дворцы и замки, сохраняетъ и поддерживаетъ ихъ на нѣсколько столѣтій; у насъ же, какъ скоро повѣетъ благопріятный вѣтеръ изъ Петербурга, тотчасъ бросаются туда, покидаютъ и совершенно забываютъ свои сельскія обиталища, какъ бы они ни были прекрасны и какія бы ни были на нихъ огромныя суммы потрачены, и передаютъ ихъ на полный произволъ всеразрушающаго времени, грабительства и расхищенія, не только своихъ управителей, но и всѣхъ посѣтителей. По этому образцу я нашелъ въ Зубриловкѣ и Надеждинѣ все въ запущеніи и полуразрушеніи: богатыя зеркала, статуи, бюсты, драгоцѣнныя картины разбитыми, испорченными; изъ расхищенной мебели одни обломанные, жалкіе остатки, а сады и рощи, заросшіе бурьяномъ, мѣстами вырубленные.

Такимъ образомъ я проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ обычныхъ занятіяхъ, частію въ разъѣздахъ по разнымъ уѣздамъ губерніи, гдѣ находилъ нужнымъ, частію въ Саратовѣ. Скучны были безпорядки, дрязги, сутяжничества въ уѣздныхъ городахъ и деревняхъ, но еще скучнѣе безмѣрное бумагомараніе въ самомъ Саратовѣ, которое въ это время еще усилилось отъ всевозможныхъ приказныхъ притязаній присланнаго Перовскимъ ревизора Середы. Ревизоръ Середа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ человѣкъ недурной, но въ высшей степени приказная строка, точь въ точь какъ и его земляки и, кажется, односельцы въ Малороссіи, извѣстные *Кнышъ*, *Калачъ*,

и *Бубликъ*, прославившіеся своимъ ябедничествомъ, отъ коихъ по Высочайшему повелѣнію было воспрещено принимать какія бы то ни было бумаги. Середа, рекомендованный Перовскому братомъ его, бывшимъ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ*) (при которомъ состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ), какъ человѣкъ особенно трудолюбивый, дѣйствительно оправдывалъ на дѣлѣ эту рекомендацію; но все его трудолюбіе обращалось на мелочныя, самыя старательныя изысканія при его ревизіи какихъ нибудь, хотя бы пустяшнѣйшихъ погрѣшностей въ дѣлахъ ревизуемыхъ имъ предметовъ, безъ малѣйшаго соображенія о томъ, возможно ли ихъ избѣжать, и возможно ли губернатору все это скоро исправить. Впослѣдствіи, будучи Вятскимъ губернаторомъ, онъ самъ, какъ говорятъ, удостовѣрился, что это немыслимо и, запутавшись въ этой паутинѣ, поспѣшилъ убраться и перешелъ въ атаманы башкирскаго войска, да и тамъ не поладилъ и въ скорости умеръ. Министру же Перовскому Середа былъ особенно симпатиченъ по такой же подозрительности и мелочности въ фискальничествѣ, какія преобладали въ немъ самомъ.

Лѣтомъ моя жена ѣздила съ дочерьми полечиться соляными грязями на Элтонское озеро; онѣ доставили ей нѣкоторое облегченіе, но не на долго.

Въ августѣ мѣсяцѣ этого года, посѣтилъ Саратовскую губернію графъ Киселевъ, дѣлая свои разъѣзды для обозрѣнія государственныхъ имуществъ. Графъ, какъ казалось, былъ по прежнему ко мнѣ хорошъ, показывалъ во всемъ большое довѣріе и расположеніе, былъ ласковъ и привѣтливъ, остановился у меня въ домѣ; но также подверженный наклонности изыскивать вездѣ худое, безъ всякаго соображенія, имѣетъ ли губернаторъ средства и возможность всегда это худое отвратить, онъ дѣлалъ мнѣ замѣчанія совершенно неосновательныя. Напримѣръ, хоть и слегка и какъ бы дружески, онъ выговаривалъ мнѣ по поводу дурной дороги, по которой ѣхалъ отъ границъ Пензенской губерніи до Саратова. А тогда шли проливные дожди и, натурально, была большая грязь. Въ этакое время и теперь въ Россіи, гдѣ еще нѣтъ желѣзныхъ дорогъ или хорошо устроеннаго шоссе, дороги скверны, и помочь этому ничѣмъ нельзя. На такихъ дорогахъ и въ такую пору и

*) Какъ почти всѣ губернаторы, замѣнившіе губернаторовъ, назначенныхъ не Перовскимъ.

самъ Императоръ Николай Павловичъ проѣзжалъ цѣлыя станціи на волахъ. Но еще забавнѣе была его подозрительность въ отношеніи его подчиненныхъ. Онъ повидимому благоволилъ къ управляющему Саратовскою образцовою фермою Ю. Ф. Витте (который тогда еще не былъ моимъ зятемъ), но все же честности его не вѣрилъ; нѣсколько разъ допытывался у меня, не воруетъ ли онъ. Въ это же время онъ поручилъ Витте составить смѣту на пріобрѣтеніе деревянныхъ домовъ для новыхъ переселенцевъ изъ Россіи; такіе дома всегда были готовы для продажи въ большомъ количествѣ на Саратовской пристани. Витте сдѣлалъ смѣту, по коей покупка каждаго дома должна была обходиться въ 60 руб. Получивъ смѣту, графъ Киселевъ велѣлъ подать экипажъ, пригласилъ меня съ собою и приказалъ ѣхать прямо на лѣсную пристань. По прибытіи, графъ началъ освѣдомляться о цѣнахъ на дома, и промышленники объявили ему послѣднюю цѣну *80 рублей* за домъ; сколько графъ ни торговался, ни сердился, но они ни копѣйки съ этой цѣны не убавили и Киселевъ былъ затѣмъ цѣлый день въ дурномъ расположеніи духа, досадуя на то, что ему не удалось поймать своего подчиненнаго на воровствѣ. Впрочемъ эта слабость его была еще извинительна, потому что онъ не могъ не знать, что изъ десяти его подчиненныхъ девять воруютъ, что называется, во всѣ лопатки, и что казеннымъ крестьянамъ, при новомъ управленіи нисколько не легче, чѣмъ было и при старомъ. Но жаль, что графъ, взявшись за благоустройство крестьянъ, не имѣлъ понятія даже о томъ, какъ съ ними говорить. Пришла къ нему куча новыхъ переселенцевъ съ жалобами, что зѐмли, имъ отводимыя, не хороши, что у колонистовъ и у старожилыхъ крестьянъ зѐмли лучше, и потому просили о дозволеніи имъ выбрать мѣста̀ для своего водворенія, гдѣ имъ вздумается. Графъ говорилъ съ ними самыми сладкими фразами цѣлыхъ два часа, истощилъ всю свою логику, доказывая имъ неудобоисполнимость ихъ требованія, и послѣ каждаго доказательства спрашивалъ ихъ, понимаютъ ли они его и убѣждаются ли его доказательствами? И крестьяне каждый разъ съ низкими поклонами отвѣчали ему, что понимаютъ, но очень просятъ исполнить ихъ желаніе; послѣ чего графъ снова пускался въ свое краснорѣчіе, а крестьяне опять повторяли ему то же самое, и такъ до тѣхъ поръ, пока онъ, кажется, усталъ и рѣшился съ ними кончить, объявивъ, что этого сдѣлать нельзя. Но эти финальныя слова онъ

произнесъ такъ, какъ бы прощаясь съ французскими актрисами, наклонивъ голову и поднося два пальца къ губамъ, съ ласковою улыбкою на устахъ. Мужики разинули рты, не трогаясь съ мѣста, и ушли не прежде, какъ послѣ ухода Киселева, оставшись въ увѣренности, что графъ говоритъ хоть и мудрено, да кажись милостивъ, податливъ и просьбу ихъ все-таки исполнитъ.

Это неумѣніе или незнаніе, какъ обходиться съ нашими крестьянами и говорить съ ними, было обыкновеннѣйшимъ явленіемъ у многихъ изъ нашихъ высшихъ сановниковъ. Большая часть изъ нихъ знали французскій языкъ и саму Францію гораздо лучше, нежели Россію и свойства русскаго простаго народа, который любитъ ясность и рѣшительность обращаемой къ нему рѣчи. Каждое приказаніе и подтвержденіе чего-либо для нихъ необходимаго къ исполненію, должно выражаться энергически и съ твердостію, причемъ вовсе не слѣдуетъ увлекаться до криковъ, ругательствъ и даже побоевъ, въ чемъ заключается, къ сожалѣнію, другая наша крайность. Излишняя же деликатность и нѣжничаніе не только ни къ чему не ведутъ, но всегда перетолковываются превратно, вводятъ въ заблужденіе и часто вредятъ дѣлу, потому что проявляютъ не силу, а слабость. Я знаю случаи, когда такія деликатныя обхожденія, обманывая людей, ожесточали ихъ, а иногда доходили до истиннаго комизма. Напримѣръ, былъ въ Бѣлоруссіи генералъ-губернаторъ, къ которому какъ-то разъ явились мужики изъ пожалованнаго ему аренднаго имѣнія, съ жалобою, что они умираютъ съ голоду отъ неурожая и тяжелой барщины; а онъ уговаривалъ ихъ самымъ нѣжнымъ тономъ и пространной діалектикой, чтобы они вооружились терпѣніемъ и, приказавъ имъ дать по рюмкѣ французскаго вина, отпустилъ ихъ съ тѣмъ домой. Мужики діалектики не поняли, а тономъ ея обнадежились, потомъ разочаровались и еще болѣе обозлились. Былъ также губернаторъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, который въ досадѣ на ямщика, ѣхавшаго тихо, не взирая на неоднократныя его приказанія ѣхать шибче, —обратился къ нему наконецъ съ умилительными словами: «другъ мой! Ты до того доведешь меня своею грубостію, что я заболѣю!» Не знаю смягчился ли ямщикъ, но трудно придумать что нибудь безтактнѣе этой забавной выходки.

Графъ Киселевъ пробылъ въ Саратовѣ около недѣли, и я его проводилъ по Заволожью чрезъ мѣста новыхъ поселеній до грани-

цы Оренбургской губерніи. На первомъ обѣдѣ, въ колоніи Екатериненштатѣ, онъ выказалъ вновь свою подозрительность, простиравшуюся до причудливости. Передъ выѣздомъ изъ Саратова, онъ мнѣ сказалъ, чтобы на всемъ пути никакихъ угощеній ему не приготовляли и на обѣдахъ, кромѣ супа, ничего не подавали, о чемъ я и предварилъ хозяевъ квартиръ, гдѣ предназначалось обѣдать или ночевать. Въ колоніи встрѣтилъ насъ управляющій конторою колонистовъ Бутягинъ. Садясь за столъ, графъ тотчасъ же встревожился, замѣтивъ, что столъ накрытъ какъ бы не просто. При второмъ блюдѣ онъ спросилъ меня: «peut être c'est le cuisinier de Boutiaguin qui a preparé le diner?» Я отвѣчалъ ему, что не знаю, но что о волѣ его сіятельства мною дано знать. Увидѣвъ третье блюдо, онъ съ неудовольствіемъ сказалъ: «mais je suis persuadé que c'est le cuisinier de Boutiaguin qui a fait le diner!» — и на эту тэму уже ворчалъ цѣлый день.

Первый ночлегъ мы имѣли на образцовой фермѣ, въ палаткахъ и киргизскихъ кибиткахъ, потому что устройство фермы только-что начиналось, и построекъ еще никакихъ не было, И здѣсь, кажется, не обошлось безъ подозрѣнія графа, что Витте воруетъ. На другой день мы достигли, чрезъ новыя поселенія, границы Саратовской губерніи, и я распрощался съ графомъ. При разставаніи, я замѣтилъ нѣкоторую холодность ко мнѣ въ графѣ, происшедшую, какъ я послѣ узналъ, отъ ябедничества сопровождавшаго насъ его ревизора Райскаго, поляка, нашептывавшаго ему изподтишка, что будто переселенцы лишены хорошихъ земель оттого, что лучшія отведены колонистамъ, тогда какъ отводы колонистамъ чинились по распоряженію его же коммисіи и съ его же утвержденія такимъ образомъ, чтобы недостающія имъ земли, прирѣзывать изъ смежныхъ пустопорожнихъ земель, во избѣжаніе черезполосицы.

Проводивъ графа Киселева и возвратясь въ Саратовъ, я продолжалъ мои обыкновенныя занятія и разъѣзды. Осенью былъ на Эльтонскомъ соляномъ озерѣ и заѣзжалъ къ киргизскому хану Джангиру. Узналъ все положеніе и нужды Заволжскаго края и хотя былъ увѣренъ, что не останусь на настоящемъ мѣстѣ долгое время, но хотѣлъ очистить совѣсть мою для того, чтобы исполнить все то, что долженъ былъ сдѣлать по обязанности моей.

Такъ прошелъ 1843 годъ. Результатъ моихъ занятій, какъ въ этомъ, такъ и въ предшествовавшихъ и въ послѣдующихъ годахъ

моего губернаторства, заключался въ томъ, что во все это время я хлопоталъ много, но существенной пользы принесъ мало, утѣшаясь только тѣмъ, что это происходило по причинамъ отъ меня не зависѣвшимъ. Тѣмъ не менѣе, отъ этихъ безплодныхъ трудовъ здоровье мое замѣтно разстраивалось.

1844 годъ начался для меня замужествомъ старшей моей дочери Екатерины, вышедшей замужъ за Юлія Федоровича Витте. Онъ тогда занималъ должность управляющаго хозяйственною фермою вѣдомства государственныхъ имуществъ, основанною въ Заволжской сторонѣ, въ 80 верстахъ отъ Саратова, Новоузенскаго уѣзда. Богъ благословилъ этотъ бракъ семейственнымъ счастіемъ. Ферма, основанная и управляемая Витте, сдѣлалась при немъ, по признанію опытныхъ и безпристрастныхъ людей, однимъ изъ лучшихъ нашихъ учрежденій этого рода. Кажется, эти фермы теперь бо̀льшею частію уничтожены, потому что нѣкоторыя изъ нихъ оказались безполезными и при томъ сопряженными съ большими издержками; иныя же, въ томъ числѣ Саратовская, достигли вполнѣ цѣли своего назначенія, примѣромъ образцоваго, устроеннаго хозяйства, примѣненнаго къ мѣстности, и воспитаніемъ значительнаго числа молодыхъ государственныхъ крестьянъ, учившихся садоводству и веденію всѣхъ отраслей правильно развитаго практическаго хозяйства. Ферма эта впослѣдствіи перешла въ частныя руки и замѣнена другой фермой, преобразованной изъ бывшаго поселенія «Маріевки», въ нагорной сторонѣ Саратовской губерніи, въ Аткарскомъ уѣздѣ,— поселенія, составленнаго изъ воспитанниковъ воспитательнаго дома.

Множество мелочныхъ заботъ и хлопотъ продолжали осаждать меня со всѣхъ сторонъ и отрывали отъ существенныхъ моихъ обязанностей; особенно много у меня отнимали времени раскольническія дѣла и неудобоисполнимыя по нимъ требованія архіерея, преосвященнаго Іакова, который видѣлъ въ нихъ только одну сторону медали, то-есть, чтобы истребить расколъ, *quand même*. Въ этомъ отношеніи я могъ съ нимъ соглашаться только въ рѣдкихъ случаяхъ, разрѣшаемыхъ законами и по точному смыслу указаній моего главнаго начальства. Такимъ образомъ, въ январѣ мѣсяцѣ этого года, я успѣлъ, въ угоду ему и сообразно желанію Перовскаго, обратить въ единовѣріе самаго упорнаго коновода рьяныхъ раскольниковъ, попа Прохора. Раскольники были увѣрены,

что никакія муки и злостраданія не заставятъ его отступиться отъ раскола; но вышло такъ, что онъ отступился даже безъ всякихъ мукъ, а только по одному положительному объявленію, что, въ случаѣ его упорства, онъ будетъ посаженъ въ монастырь на исправленіе, а въ случаѣ обращенія его въ единовѣріе, будетъ сдѣланъ настоятелемъ единовѣрческой церкви въ городѣ Волжскѣ, съ хорошимъ жалованіемъ. Попъ Прохоръ благодушно предпочелъ послѣднее первому. Таковыхъ поборниковъ древняго благочестія, весьма заботливыхъ о своемъ временномъ благосостояніи, и между закоренѣлыми раскольниками теперь уже не мало.

Часто также отнимали у меня время пріѣзжавшіе въ Саратовъ аристократы, помѣщики этой губерніи. Такъ зимою пріѣзжалъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ (братъ графини Воронцовой-Дашковой), большой гастрономъ, котораго принимали съ особеннымъ почетомъ, угощали обѣдами и праздниками, преимущественно купцы и богатые мѣстные помѣщики, жившіе въ Саратовѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ я приступилъ къ моимъ разъѣздамъ, отправившись на пароходѣ до Сарепты; при этомъ проводилъ моего сына, отъѣзжавшаго на Кавказъ. Ростиславъ давно желалъ побывать на Кавказѣ и въ Грузіи, чтобы познакомиться съ этимъ краемъ, по предположенію перейти туда на службу. На пароходѣ мы проѣхались довольно пріятно, также и въ Сарептѣ мы провели дня три не скучно, но грустно мнѣ было разставаться съ сыномъ на неопредѣленное время, не зная, когда опять увижу его. Проводивъ его, я обозрѣвалъ уѣзды Царицынскій и Камышинскій, гдѣ по обыкновенію нашелъ много дѣлъ, и мало пріятныхъ. Вообще, дѣла того времени Саратовской губерніи, при внимательномъ отношеніи къ нимъ, составляли не легкій трудъ, который, при сознаніи по большей части его безполезности, казался еще тяжелѣе. Я всегда любилъ трудиться, съ давнихъ поръ привыкъ ко всякимъ служебнымъ дѣламъ, избытокъ работы не пугалъ меня, но теперь эти хлопотливыя, гнетущія занятія, это бремя безплодныхъ работъ, подсѣкавшее мои силы, эта неблагодарная служба, явное недоброжелательство Перовскаго съ его пошлыми, безосновательными придирками и привязками, противодѣйствіемъ во всемъ, истощали мое терпѣніе и приводили въ уныніе. Большое у меня было желаніе тогда оставить службу, но неустроенное состояніе дѣтей и внуковъ останавливало меня.

Проѣздивъ недѣли двѣ, я возвратился въ Саратовъ. Черезъ нѣсколько дней въ городѣ вспыхнулъ значительный пожаръ, ночью, на Московской улицѣ, одной изъ главнѣйшихъ и, быстро распространившись, грозилъ надѣлать большихъ бѣдъ, потому что при сильномъ вѣтрѣ, искры и горящія головни падали и летѣли во всѣ стороны. Въ теченіи трехъ часовъ сгорѣло девять домовъ, но къ утру, однако, удалось унять пламя. У меня прогорѣли фуражка и платье въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Вскорѣ затѣмъ я имѣлъ удовольствіе свидѣться съ бывшимъ моимъ начальникомъ, генераломъ Иваномъ Семеновичемъ Тимирязевымъ, который, оставляя ужъ совсѣмъ Астрахань, посѣтилъ меня проѣздомъ чрезъ Саратовъ и прогостилъ у меня нѣсколько дней. Онъ былъ уволенъ отъ должности военнаго губернатора, не столько за свое самовластіе, въ коемъ его обвиняли, сколько по враждебности Перовскаго, давно уже подкапывавшагося подъ него, и за неугодливость присланному на слѣдствіе сенатору князю Гагарину *). Умѣй онъ поладить съ Гагаринымъ, вѣроятно все бы сошло, не смотря на злобствованіе Перовскаго, такъ какъ Тимирязевъ былъ лично извѣстенъ Государю съ хорошей стороны и имѣлъ поддержку и связи въ Петербургѣ. Астраханская же губернія безъ сомнѣнія бы выиграла, если бы онъ остался, потому что при своихъ безвредныхъ слабостяхъ, онъ былъ, по крайней мѣрѣ, человѣкъ умный, благонамѣренный и безкорыстный. Впослѣдствіи онъ получилъ мѣсто сенатора въ Москвѣ.

Въ іюлѣ я возобновилъ разъѣзды. Заѣзжалъ въ нѣкоторыя новыя мѣста Волжскаго и Хвалынскаго уѣздовъ; нашелъ пріятный, нѣсколькодневный отдыхъ у добрыхъ, образованныхъ помѣщиковъ: отставнаго генерала Остена, Закревскаго, князя Оболенскаго и Галицкаго. Всѣ они жили хорошо, съ полнымъ комфортомъ и удобствами порядочныхъ людей. О нихъ стоитъ сказать пару словъ. Андрей Дмитріевичъ Закревскій, совершенно свѣтскій, остроумный весельчакъ, провелъ бóльшую часть жизни въ Парижѣ, гдѣ поразстроилъ свое значительное состояніе. Одаренный необыкновеннымъ, рѣдкимъ сценическимъ талантомъ, онъ приводилъ въ восхищеніе всѣхъ своей игрой на домашнихъ спектакляхъ, особенно въ комическихъ роляхъ, къ которымъ очень шла его шарообразная, немного неуклю-

*) Тогда Перовскій уже началъ свой универсальный походъ противъ всѣхъ губернаторовъ, опредѣленныхъ не имъ.

жая, но чрезвычайно подвижная фигура. Въ Парижѣ ему тоже случалось отличаться на домашней сценѣ, и однажды его игра такъ плѣнила директора одного изъ Парижскихъ театровъ (кажется «Variété»), что тотъ немедленно предложилъ ему поступить къ нему на сцену, съ жалованіемъ въ 30 тысячъ франковъ въ годъ; узнавъ, что Закревскій богатый человѣкъ, директоръ взялъ съ него слово, что въ случаѣ, если онъ когда нибудь разорится и будетъ нуждаться въ деньгахъ, то непремѣнно воспользуется его предложеніемъ. Закревскій обѣщалъ, но, хотя отчасти подорвалъ свои средства веселыми рузвлеченіями Парижской жизни, однако не до такой степени, чтобы промѣнять званіе русскаго дворянина и помѣщика на французскаго актера. Возвратясь въ отечество, онъ засѣлъ въ своей Саратовской деревнѣ уже навсегда. Изрѣдка онъ пріѣзжалъ въ Саратовъ по дѣламъ. Разъ, въ день имянинъ моей жены, 21 мая, онъ приготовилъ ей сюрпризъ, составивъ у насъ въ домѣ маленькій семейный театръ. Онъ выбралъ старую комедію князя Шаховскаго «Не любо, не слушай, лгать не мѣшай», себѣ взялъ роль старой тетушки Хандриной и, переодѣтый въ женское платье, представилъ комическую старуху съ такимъ неподражаемымъ совершенствомъ, что навѣрно такая Хандрина никогда не являлась и на столичныхъ сценахъ. Потомъ онъ игралъ еще съ такимъ же успѣхомъ въ благородномъ спектаклѣ, устроенномъ Еленой Павловной въ пользу дѣтскаго пріюта, основаннаго ею въ Саратовѣ, коего она была попечительницей, и, кажется, этимъ закончилъ свою сценическую дѣятельность, занявшись исключительно своимъ хозяйствомъ и мистицизмомъ, къ которому, въ разрѣзъ съ своей живой, веселой натурой, питалъ большое влеченіе.

Другой помѣщикъ, князь А. Н. Оболенскій, былъ также большой оригиналъ во многихъ отношеніяхъ, хотя совсѣмъ въ другомъ родѣ. Когда то онъ служилъ въ военной службѣ, въ колонновожатыхъ, но давно уже поселился въ деревнѣ и подъ старость отличался своею ученостію и эксцентричностью. Онъ зналъ все на свѣтѣ и если иногда не слишкомъ много, то хоть немножко, вслѣдствіе чего его и называли въ Саратовѣ «ходячей энциклопедіей». Въ числѣ прочаго, онъ зналъ также и музыку и разыгрывалъ на фортепіано какія-то необыкновенныя піэсы, для которыхъ мало было двухъ рукъ, и потому онъ помогалъ имъ своимъ носомъ, довольно длиннымъ, и тыкалъ имъ по клавишамъ весьма проворно.

Кромѣ того, онъ всегда занимался изобрѣтеніемъ разныхъ премудрыхъ вещей, напримѣръ, фабрикаціей масла изъ тарантуловъ, какъ освѣтительнаго матеріала. Словомъ, онъ былъ чудакъ большой руки, что не мѣшало ему быть въ то же время очень добродушнымъ человѣкомъ и любезнымъ, занимательнымъ собесѣдникомъ. Жена его, рожденная княжна Голицына, въ молодости славилась красотой, а два его сына, прекрасные молодые люди, князья Сергѣй и Николай, большіе пріятели моего сына Ростислава, служили у меня въ канцеляріи.

Помѣщикъ Галицкій началъ свою карьеру тѣмъ, что былъ камердинеромъ у графа Несельроде, затѣмъ управляющимъ его имѣніями въ Саратовской губерніи, и, въ продолженіи этого времени, пробравшись въ чиновничество при покровительствѣ своего патрона, сдѣлался и самъ владѣльцемъ пятисотъ душъ, привелъ въ отличное устройство и имѣніе графа Несельроде и свое собственное. По крайней мѣрѣ, его хозяйственныя заведенія, садъ, домъ, и самое довольство крестьянъ говорили въ его пользу.

Въ сентябрѣ я ѣздилъ въ Волжскъ съ ревизоромъ по судебной части Цеймерномъ (нынѣшнимъ сенаторомъ). Это былъ единственный ревизоръ, знавшій, какъ вести свое дѣло, и дѣйствовавшій съ благонамѣренностію и строгимъ соображеніемъ всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Онъ не скрывалъ погрѣшностей и безпорядковъ по ходу дѣлъ судебной части въ Саратовской губерніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не приписывалъ ихъ исключительно винѣ мѣстной власти, а входилъ въ дознаніе существенныхъ тому причинъ. Поѣздка его со мною въ Волжскъ была сопряжена съ служебнымъ дѣломъ; но мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы посмотрѣть на происходившее тамъ въ то же время торжество, по поводу освященія вновь построенной купцомъ Сапожниковымъ великолѣпной единовѣрческой церкви. Торжество продолжалось нѣсколько дней и состояло изъ безконечно продолжительныхъ духовныхъ церемоній, смѣнявшихся такими же продолжительными многоблюдными обѣдами у Сапожникова.

Въ октябрѣ я объѣзжалъ Аткарскій и Балашевскій уѣзды. Видѣлъ житье-бытье и мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ и крупныхъ баръ, какъ, напримѣръ, Абазы, князя Лобанова и другихъ; также побывалъ вновь въ Зубриловкѣ и Надеждинѣ. Любовался живо-

писными мѣстами по Хопру, представляющими столько удобствъ для благосостоянія жителей, если бы они были предпріимчивѣе.

По возвращеніи въ Саратовъ я долженъ былъ заняться исправленіями нѣкотрыхъ глупостей, сдѣланныхъ новымъ вице-губернаторомъ С....мъ. Прежняго вице-губернатора Оде-де-Сіона Перовскій, скрѣпя сердце, нашелся вынужденнымъ, согласно съ моимъ желаніемъ, удалить, не взирая на то, что Оде-де-Сіонъ своими доносами имѣлъ для Перовскаго сердечную привлекательность. С-въ же былъ первостатейный шарлатанъ, занимавшійся преимущественно сочиненіями баснословныхъ проэктовъ, какъ напримѣръ проэктомъ проведенія желѣзной дороги отъ Петербурга, чрезъ Саратовъ, до озера Балкаши, въ Киргизской степи и т. д. А вмѣстѣ съ тѣмъ, при удобныхъ случаяхъ, оказался весьма нечистъ на руку. Его тоже скоро перевели въ Архангельскъ.

Занятія мои по управленію губерніею продолжали тормозиться непріятностями изъ Петербурга и ябедничествомъ ревизоровъ, почти по всѣмъ частямъ управленія. Меня лишили лучшаго и благонамѣреннѣйшаго чиновника, непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія, Бера,— человѣка вполнѣ порядочнаго, дѣловаго, съ хорошимъ состояніемъ, который вступилъ въ эту должность единственно по доброму расположенію ко мнѣ, для того чтобы поправить богоугодныя заведенія, находившіяся до тѣхъ поръ въ самомъ дурномъ состояніи. Онъ не понравился Середѣ тѣмъ, что не подличалъ передъ нимъ, и потому Середа очернилъ его совершенно несправедливо. По отношенію же ко мнѣ самому, кромѣ безпрерывныхъ подъяческихъ крючкотворствъ, Перовскій доводилъ свою любезность до слѣдующаго образчика, одного изъ многихъ. Въ Волжскѣ находилась военно-сиротская школа, которую ревизоръ, присылавшійся изъ военнаго министерства, нашелъ въ самомъ наилучше устроенномъ состояніи; по его о томъ донесеніи, мнѣ было объявлено за содѣйствіе къ благоустройству школы Высочайшее благоволеніе. Это Перовскаго такъ раздосадовало, что онъ просилъ военнаго министра, чтобы впредь, помимо его, губернаторовъ къ изъявленію имъ Высочайшаго благоволенія не представлять.

Обиліе ревизоровъ въ Саратовѣ все умножалось и возрастало. Кромѣ Середы, ихъ было еще двое отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, былъ отъ государственныхъ имуществъ, были и отъ другихъ министерствъ, и даже по части разысканія древностей, и еще, и

еще. Одинъ только изъ нихъ, Цеймернъ, дѣйствовалъ прямодушно и добросовѣстно. Рѣдко недѣля проходила безъ непріятныхъ запросовъ изъ Петербурга по ихъ каверзамъ, и безъ необходимости заниматься объясненіями, которыя ни къ чему не служили при увѣренности Перовскаго, что я—губернаторъ не по немъ. Я самъ охотно желалъ освободиться отъ этой должности, но хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, лично съ нимъ объясниться, и потому повторилъ мою просьбу о дозволеніи мнѣ прибыть въ Петербургъ *).

Въ февралѣ 1845 года я долженъ былъ снова съѣздить въ Волжскъ по раскольническимъ дѣламъ, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, чтобы уничтожить раскольническую церковь въ этомъ городѣ, уже послѣднюю въ губерніи, что и было исполнено благополучно. Но, кажется, всѣ эти мѣры дѣйствовали на уменьшеніе раскола немного.

---

*) Не зная за собой никакой вины, А. М. Фадѣевъ не понималъ причины придирокъ къ нему Перовскаго, причины, которая вскорѣ совершенно разъяснилась. Перовскій придирался вовсе не къ хорошему или дурному губернатору, но единственно къ губернатору, опредѣленному не имъ самимъ. Перовскій удалялъ губернаторовъ не потому, что находилъ ихъ дурными, и не для того, чтобы замѣнить ихъ лучшими, но для того только, чтобы выпроводить прежнихъ и посадить новыхъ, *своихъ креатуръ*. Гоненіе на губернаторовъ тогда производилось не исключительно, но повсемѣстно, массою по всей Россіи. Если губернаторъ въ чемъ-либо провинялся, его увольняли безъ всякихъ церемоній; если же губернаторъ былъ безупречный и не подавалъ предлога къ изгнанію, то на него воздвигалось систематическое преслѣдованіе, вѣрнѣе сказать, травля: ему не давали никакого хода по службѣ, его мучили ревизіями, притѣсненіями, нескончаемыми нелѣпыми привязками, поощреніемъ всѣхъ ябедъ и доносовъ на него и, наконецъ, истощивъ все его терпѣніе, заставляли просить объ увольненіи. Иные губернаторы, имѣвшіе сильную поддержку въ Петербургѣ, извѣстные Государю, пробовали бороться, но нѣсколько ранѣе или позднѣе, смотря по ихъ долготерпѣнію, кончали также, какъ и другіе, не выдержавъ постоянной пытки, истязавшей ихъ. Для чего это Перовскій дѣлалъ? Къ чему повела эта дикая, жестокая система, болѣе похожая на капризъ злого ребенка, нежели на комбинацію серьезнаго министерскаго ума? Кѣмъ замѣнялись увольняемые губернаторы? Послѣдствія показали, что послѣдніе ничѣмъ не были лучше первыхъ, а часто и гораздо хуже; и ничего болѣе не вышло изъ всего этого абсурда, кромѣ безпричиннаго зла людямъ, не заслужившимъ его и, вѣроятно, желчнаго, тупого самодовольствія Перовскаго, поставившаго на своемъ.

Новые губернаторы назначались по бо́льшей части изъ бывшихъ адъютантовъ, сослуживцевъ и подчиненныхъ брата Перовскаго, извѣстнаго Оренбургскаго генералъ-губернатора, человѣка, по слухамъ, хорошаго. Это послужило князю А. С. Меньшикову неистощимой темой для остроумныхъ замѣчаній, даже въ присутствіи покойнаго Государя Николая Павловича, въ родѣ того, что „хотя Оренбургская губернія послѣдніе года плоха на урожаи пшеницы, но за то уродила губернаторовъ на всю Россію, только велика ли ихъ цѣнность?“

Недавно я нашелъ въ запискахъ Храповицкаго изрѣченіе Императрицы Екатерины II, что: «въ продолженіи шестидесяти лѣтъ «всѣ расколы исчезнутъ; коль скоро заведутся и утвердятся на«родныя школы въ Россіи, то невѣжество истребится само собою,—«тутъ насилія не надобно». Столь во многомъ прозорливая Императрица, въ этомъ случаѣ ошиблась; это было сказано въ 1782 году, уже не шестьдесятъ, а восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ; но расколъ не только еще не исчезъ, а до настоящаго царствованія едва ли не удвоился. Народныя школы завелись, но еще не утвердились; сверхъ того, я думаю, что однѣхъ школъ мало къ достиженію этой цѣли. Нужно для сего нашему духовенству достигнуть той мѣры улучшенія, которая потребна для того, чтобы народъ уважалъ его и вѣрилъ ему; а до этого еще и отъ нынѣшняго времени, при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно пройдетъ доброе столѣтіе, если не болѣе. Но заключеніе Государыни, что насилія тутъ не надобно,—совершенно справедливо.

Въ іюнѣ я отправился въ южные нагорные уѣзды, главнѣйше для обозрѣнія устраиваемой въ то время отъ Дубовки къ Дону конно-желѣзной дороги. Она оказалась безполезною, по той же причинѣ, вслѣдствіе коей (по крайней мѣрѣ, до нынѣшняго времени), оказывается малополезною и настоящая желѣзная дорога, то-есть потому, что для тамошнихъ промышленниковъ время ничего не значитъ, а хлопочатъ они только о сбереженіи грошей.

Въ Царевѣ меня занимала разработка древнихъ зданій бывшей подлѣ него главной ставки Золотой орды. Раскопаны они были на довольно большомъ пространствѣ, и найдено много вещей, но изъ нихъ мало въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныхъ. Оттуда я возвратился въ Саратовъ чрезъ Новоузенскъ, проѣхавъ вновь почти все Заволожье съ цѣлію, по порученію графа Киселева, удостовѣриться о мѣрѣ возможности сокращенія солянаго тракта для новыхъ поселеній. Этотъ трактъ, многіе годы, занималъ дѣйствительно огромное пространство; прежде имѣлъ въ ширину пятьдесятъ верстъ, а теперь десять, и составлялъ источникъ для обогащенія только нѣкоторыхъ Малороссійскихъ крестьянъ, жившихъ хуторами на трактѣ и близъ него. Послѣ сего, трактъ сокращенъ мѣрою существенной въ томъ необходимости.

Въ Саратовѣ я засталъ новаго вице-губернатора Балкашина, человѣка дѣловаго, способнаго, честнаго, но служить мнѣ съ нимъ пришлось уже недолго.

Немного ранѣе, дочь моя Екатерина родила мнѣ внука Андрея, прекраснаго мальчика, къ сожалѣнію, скончавшагося на третьемъ годѣ. Между тѣмъ, болѣзненное состояніе жены моей, по временамъ усиливавшееся, заставило ее, по совѣту врачей, отправиться на лѣченіе къ Сергіевскимъ минеральнымъ водамъ, съ дочерьми. Я остался на дачѣ съ внуками. Лѣто стояло жаркое и особенно обильное мошками. По окончаніи занятій, послѣ обѣда, я много гулялъ въ рощѣ, ѣздилъ кататься по окрестнымъ дачамъ, а вечерами собирались по обыкновенію нѣсколько близкихъ знакомыхъ, и устраивался бостончикъ, которымъ и оканчивался мой день къ одиннадцати часамъ. Но ночь не всегда проходила спокойно по причинѣ пожаровъ, часто повторявшихся это время, и почти, всегда ночью. Пріѣхалъ ко мнѣ, повидаться съ своими дѣтьми, мой зять Ганъ, мужъ старшей моей покойной дочери; пріѣхали также погостить изъ Астрахани атаманъ Бригенъ и Стадольскій, о которыхъ я упоминалъ, говоря о моемъ пребываніи въ Астрахани.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ я наконецъ получилъ дозволеніе отъ Перовскаго пріѣхать въ Петербургъ; но до выѣзда туда долженъ былъ совершить еще одно путешествіе по губерніи. Пришлось проѣхаться въ Вольскъ и Хвалынскъ, гдѣ между разборомъ всякихъ дѣлъ, осматривалъ больницы, острога, полиціи, суды, городскія мѣста и прочее. Въ Вольскѣ меня затащилъ къ себѣ Сапожниковъ, помѣстилъ въ павильонѣ среди сада и угощалъ такъ усердно всевозможными яствами и питіями, что хотя я крайне воздерживался отъ всякаго излишества, но не могъ избѣгнуть постояннаго отягощенія желудка. По дорогѣ заѣзжалъ я къ добрымъ знакомымъ, Остену, Закревскому и князю Оболенскому, которые выѣзжали ко мнѣ на встрѣчу и волею-неволею завозили къ себѣ. Съ ними я провелъ время оченъ пріятно. Потомъ я проѣхалъ до Каменки, гдѣ встрѣтилъ жену мою, возвращавшуюся по окончаніи курса водъ, и вмѣстѣ вернулись въ Саратовъ. Всю дорогу меня утомляла сильная жара и духота.

Сверхъ прописанныхъ выше хлопотъ и непріятностей по службѣ, у меня было довольно ихъ и съ присылаемыми тогда въ Саратовъ разнаго рода людьми подъ полицейскій надзоръ. Въ числѣ ихъ находился славившійся своею скупостію и проказами всякихъ оттѣнковъ, графъ Мечиславъ Потоцкій (по принятіи православія нареченный Михаиломъ), родной братъ графини Киселевой,

не перестававшей меня бомбардировать письмами съ просьбами о покровительствѣ ему. Находилась также польская дама Фелинская, мать бывшаго Варшавскаго архіепископа, извѣстнаго Фелинскаго, нынѣ сосланнаго въ Ярославъ (1866 годъ); ей приписывали передержку въ своемъ домѣ упорнаго польскаго революціонера Канарскаго. Она была женщина отлично образованная и очень скромная. Въ числѣ политическихъ изгнанниковъ состоялъ и прелатъ Щитъ, воспитывавшійся въ Римѣ, хотя въ душѣ и іезуитъ, но тоже человѣкъ хорошо образованный, начитанный, съ которымъ въ минуты отдыха я иногда съ удовольствіемъ бесѣдовалъ. Охотникъ поиграть въ картишки, онъ часто приходилъ по вечерамъ составить мнѣ партію въ бостонъ.

Перовскій, съ разрѣшеніемъ мнѣ отпуска, прислалъ въ Саратовъ новаго ревизора Григорьева, съ тѣмъ разсчетомъ, что въ мое отсутствіе онъ удобнѣе разыщетъ всѣ мои упущенія. Это уже былъ коренной подъячій и крючкотворецъ, который дѣйствительно изо всѣхъ силъ бился, чтобы разыскивать безпорядки; а могъ ли губернаторъ ихъ уничтожить или предотвратить,— въ разбирательство онъ не входилъ. Напримѣръ, одинъ помѣщикъ, проѣзжая за двѣсти верстъ отъ Саратова по проселочной дорогѣ, провалился сквозь мостъ. Григорьевъ тотчасъ же поскакалъ туда, чтобы провѣрить фактъ на мѣстѣ и препроводилъ о томъ Перовскому пространное донесеніе. Впослѣдствіи Григорьевъ былъ губернаторомъ въ Костромѣ*); оказались большіе безпорядки, происшедшіе ужъ несомнѣнно отъ его безтолковыхъ распоряженій, и, не смотря на то, что Перовскій стоялъ за него горой, по настоянію шефа жандармовъ графа Бенкендорфа, его отрѣшили отъ должности. Оправдалась русская пословица: не рой подъ другого ямы—самъ въ нее упадешь.

Я выѣхалъ въ Петербургъ 2-го сентября. Дорогу имѣлъ довольно хорошую; останавливался не на долго по пути у нѣкоторыхъ старыхъ знакомыхъ, въ томъ числѣ пробылъ нѣсколько дней въ Рязани у служившаго при мнѣ совѣтника въ Астраханской и Саратовской палатѣ государственныхъ имуществъ, покойнаго Андреева. Это былъ хорошій чиновникъ, добросовѣстный человѣкъ и одинъ изъ тѣхъ моихъ подчиненныхъ, который болѣе всѣхъ помнилъ то добро, какое я могъ ему сдѣлать. Пробылъ я нѣсколько

*) Въ награду за усердіе въ ревизіяхъ.

дней въ Москвѣ и хотя зналъ ее довольно хорошо, но воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы снова осмотрѣть всѣ ея достопримѣчательности.

Въ Петербургъ я прибылъ 14-го сентября. Разумѣется, что одинъ изъ первыхъ моихъ визитовъ былъ къ Перовскому, который принялъ меня съ холодной учтивостію, но въ то же время намекнулъ мнѣ о своемъ неудовольствіи въ общихъ выраженіяхъ. Я ему отвѣчалъ, что не зная, чѣмъ именно заслужилъ это неудовольствіе, прошу у него одной милости: объяснить мнѣ, въ чемъ именно я обвиняюсь? Онъ приказалъ директорамъ всѣхъ своихъ департаментовъ разыскать все это въ дѣлахъ и сдѣлать мнѣ запросы. Директора, усердствуя въ исполненіи его желанія, старались угодить ему съ рабскимъ подобострастіемъ. Въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ я безпрестанно получалъ эти запросы, главнѣйшіе изъ коихъ, также какъ и мои отвѣты на нихъ, излагаю здѣсь въ полнѣйшей точности. Меня обвиняли въ слѣдующемъ:

1) *Что я распустилъ и избаловалъ Саратовскую губернію.* На это я отвѣчалъ, что если Саратовская губернія была избалована, то это до меня; я же никому послабленія не оказывалъ. Никто изъ подчиненныхъ моихъ, по дѣламъ службы, на меня вліянія не имѣлъ, частныхъ отношеній у меня съ ними никакихъ не было; а потому я и не имѣлъ повода оставлять безъ взысканія, въ предѣлахъ закономъ поставленныхъ, проступки чьи бы то ни было. Въ 1844-мъ году удалено чиновниковъ отъ должностей— девятнадцать, а предано суду — двадцать. Многимъ изъ нихъ данъ срокъ на исправленіе. Мѣра подобнаго снисхожденія въ Саратовской губерніи была болѣе необходима, нежели гдѣ-либо, при недостаткѣ способныхъ чиновниковъ по всѣмъ частямъ управленія. Если бы я дѣйствовалъ по всей строгости, слишкомъ мало чиновниковъ на службѣ пришлось бы оставлять на мѣстахъ; и слѣдовательно, я не исправилъ бы, а привелъ бы только въ замѣшательство весь ходъ дѣлъ. Обращать на подобные случаи вниманіе было велѣно въ 1831-мъ году особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго приведу маленькій примѣръ, одинъ изъ многихъ. Во время моего губернаторства въ Саратовѣ, правителемъ канцеляріи у меня былъ чиновникъ Б***, человѣкъ не безъ способностей и довольно образованный, но оказался взяточникомъ, и потому я былъ вынужденъ прогнать его. Замѣстилъ

его другой чиновникъ Д***, тоже дѣловой и по всему точно такой же. Словомъ, чиновника, способнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безкорыстнаго, въ Саратовѣ тогда отыскать было очень трудно.

2) *Что всѣ губерніи идутъ въ чемъ-либо впередъ, а Саратовская нисколько.* — Я указалъ подробно, фактами, что не было ни одного предмета для улучшенія по части правительственной въ Саратовской губерніи, на который бы не было обращено мною вниманія.

3) *Что я допустилъ частнаго пристава, соучаствовавшаго съ ворами и разбойниками, оставаться въ этой должности.* На это я объяснилъ, что я не удалялъ его лишь до тѣхъ поръ, пока подозрѣнія въ томъ не сдѣлались достовѣрными, что̀ продолжалось весьма короткое время, а по раскрытіи достовѣрности это было сдѣлано тотчасъ-же. Перовскій возразилъ мнѣ, что этой достовѣрности не нужно было дожидаться, потому что *видна птица по полету.* Я съ своей стороны замѣтилъ, что я не былъ уполномоченъ удалять чиновниковъ отъ должностей, судя по одной ихъ физіономіи.

4) *Что я допустилъ разрытіе въ городѣ Саратовѣ кладбища.* Я отвѣчалъ, что это было сдѣлано не мною, а въ отсутствіе мое вице-губернаторомъ Сафроновымъ, опредѣленнымъ въ эту должность безъ моего согласія. Случаи же насильственныхъ происшествій въ такомъ городѣ, какъ Саратовъ, и по его обширности, и по его народонаселенію, никакой губернаторъ ни предузнать, ни предотвратить не можетъ. Это между прочимъ доказывалось событіемъ вскорѣ послѣ моего выѣзда изъ Саратова: вице-губернаторъ Балкашинъ никакъ не предузналъ и не могъ предотвратить ограбленія соборной церкви, на площади, въ центрѣ города, и убійства при ней сторожей.

5) *Что я избѣгаю какъ бы съ намѣреніемъ нахожденія моего въ губернскомъ городѣ при затруднительныхъ случаяхъ.* Я сослался также на положительные факты, что никогда, во все время своей сорокалѣтней службы, не избѣгалъ выполненія моей обязанности ни въ какихъ затруднительныхъ случаяхъ; но что, не имѣя духа предвидѣнія, людямъ не даннаго, не могъ знать что̀ безъ меня случится и что̀ будетъ дѣлать въ мое отсутствіе замѣнившій меня вице-губернаторъ. — И, наконецъ:

6) *Что я неправильно взялъ прогоны на теперешнюю мою поѣздку въ Петербургъ.* Я заявилъ мое предположеніе, что это

совершенно правильно, ибо мнѣ предписано было прибыть въ Петербургъ по дѣламъ службы.

И всѣ остальныя обвиненія были въ подобномъ же родѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ столь мелочныя, что дѣлать ихъ было, кажется, не сообразно ни съ достоинствомъ званія, которое я носилъ, ни съ достоинствомъ министра заниматься такими нелѣпостями. Одно изъ нихъ, напримѣръ, состояло въ томъ, что, въ мое отсутствіе изъ губернскаго города, *кто-то изъ моихъ людей якобы однажды бралъ квасъ въ богоугодномъ заведеніи*....

Я очень хорошо понималъ, что Перовскій хочетъ лишь одного—только бы меня выжить. Если бы онъ имѣлъ факты о моихъ дѣйствительныхъ упущеніяхъ по службѣ, то конечно бы удалилъ меня безъ всякихъ объясненій; благодушіе его не простиралось до того, чтобы щадить своихъ подчиненныхъ. Но онъ этихъ фактовъ не имѣлъ и желалъ только выиграть время, продержавъ меня въ Петербургѣ до новаго года, разсчитывая въ теченіе этого времени такъ насолить мнѣ своими придирками, чтобы заставить меня самого просить объ увольненіи, потому что тогда существовалъ еще законъ, дабы гражданскихъ чиновниковъ увольнять только въ срокъ отъ 1-го января по 1-е мая.

Какъ мнѣ ни тягостно было проживать при такомъ положеніи дѣлъ въ Петербургѣ слишкомъ три мѣсяца,—но дѣлать было нечего. Собственно для себя, я бы съ большою охотою готовъ былъ оставить службу и вовсе, но для семейства моего, для дѣтей и внуковъ, которымъ я составлялъ главное подспорье, это отозвалось бы крайне тяжело, и потому, имѣя довольно силъ продолжать службу, я считалъ себя не въ правѣ отказаться отъ нея. Три тысячи рублей ассигнаціями пенсіи, которую бы могъ получить, представляли слишкомъ скудныя средства для устройства нашего домашняго быта. Я имѣлъ надежду (которую поддерживали и директора всѣхъ департаментовъ государственныхъ имуществъ), что графъ Киселевъ охотно возьметъ меня къ себѣ, что онъ мнѣ предлагалъ и обѣщалъ положительно. Но онъ тогда находился въ отлучкѣ за границей, и вскорѣ ожидали его возвращенія. Мнѣ также пришла въ голову мысль написать о моемъ положеніи графу Воронцову, назначенному незадолго передъ тѣмъ намѣстникомъ въ Закавказскій край; потому что, когда онъ былъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, всегда оказывалъ ко мнѣ

особенное благорасположеніе и нѣсколько разъ выражалъ мнѣ желаніе, чтобы я перешелъ служить къ нему. Въ первой надеждѣ, какъ то ниже усмотрится, я обманулся; вторая же оправдалась—и слава Богу!

Въ продолженіе этого времени моего земнаго мытарства, я видѣлся со многими прежними моими знакомыми и родными, и еще познакомился съ нѣкоторыми хорошими людьми, принимавшими во мнѣ живое участіе. Въ числѣ ихъ былъ оберъ-прокуроръ синода графъ Протасовъ и статсъ-секретарь Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, человѣкъ умный, высоко образованный, съ которымъ впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, въ 1859 году, я проводилъ очень пріятные часы, когда мы оба пользовались минеральными водами въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ. Къ сожалѣнію, онъ тогда уже страдалъ предсмертною болѣзнію и на возвратномъ пути не доѣхалъ до Петербурга и умеръ въ Харьковѣ.

Въ ноябрѣ возвратился изъ-за границы графъ Киселевъ. Онъ былъ раздосадованъ высылкою его жены предъ его возвращеніемъ изъ Петербурга за какія то ея продѣлки, и потому находился въ дурномъ расположеніи духа. Ко мнѣ онъ, казалось, благоволилъ по прежнему, былъ очень привѣтливъ, ласковъ, относился съ большимъ участіемъ, но я вскорѣ замѣтилъ его макіавелизмъ и эгоизмъ. Онъ давалъ мнѣ деликатнымъ образомъ понять, что не можетъ для меня сдѣлать ничего, потому что Государь не любитъ, чтобы министры помѣщали у себя тѣхъ высшихъ чиновниковъ, коихъ не желаютъ имѣть другіе министры, гдѣ они состояли на службѣ; и также не любитъ, чтобы они защищали таковыхъ чиновниковъ, сколь бы имъ ни была извѣстна ихъ невинность. Однимъ словомъ, онъ боялся высказать Государю правду, изъ опасенія, чтобы не подвергнуться за то кривому взгляду. Хорошъ патріотизмъ государственнаго человѣка! *)

*) Въ извиненіе гр. Киселева можно сказать нѣсколько словъ, если и не оправдывающихъ неблаговидности его дѣйствій въ отношеніи А. М., то, по крайней мѣрѣ, объясняющихъ ихъ. Киселевъ зналъ цѣну А. М. Фадѣеву, вполнѣ дорожилъ имъ, прежде имѣлъ твердое намѣреніе перемѣстить его къ себѣ и давно бы это сдѣлалъ, но въ его министерствѣ нашлись люди изъ главныхъ заправилъ, которые, зная высокое мнѣніе графа о Фадѣевѣ, боялись вліянія послѣдняго на министра и употребили всѣ старанія и интриги, чтобы помѣшать перемѣщенію Андрея Михайловича въ министерство государственныхъ имуществъ. Киселевъ по безпечности и малодушію поддался интригѣ, а подъ конецъ, вслѣдствіе временной шаткости своихъ собственныхъ обстоятельствъ, побоялся стать поборникомъ за правое дѣло и трусливо отступился передъ вопіющей и завѣдомой неправдой. Съ Перовскимъ онъ имѣлъ по этому поводу весьма крупные разговоры.

Такимъ образомъ, я провелъ эти три мѣсяца, испытавъ на опытѣ справедливость изрѣченія пророка: «не надѣйтеся на князи и сыны человѣческіе!»—Ибо почти и во всѣхъ другихъ Петербургскихъ магнатахъ, встрѣчавшихъ меня прежде съ проясненными лицами, видѣлъ теперь только одну холодность. Да я и не искалъ въ нихъ ни поддержки, ни участія. Болшое утѣшеніе въ это тяжелое время доставляло мнѣ чтеніе *Часовъ благоговѣнія* Цшоке, и съ тѣхъ поръ эта книга сдѣлалась у меня настольною.

Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ совѣтовали мнѣ просить производства общей ревизіи Саратовской губерніи, дабы доказать фактами несправедливость ко мнѣ Перовскаго; но я былъ увѣренъ, что это ни къ чему не поведетъ. По достовѣрнымъ свѣденіямъ, Перовскій тогда пользовался у Государя большою милостію. А потому, въ первыхъ числахъ января наступившаго 1846 года, я подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ настоящей должности и черезъ нѣсколько дней получилъ его, прослуживъ въ должности Саратовскаго губернатора пять лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ.

Никогда я не искалъ и не помышлялъ объ этой должности, но не смѣлъ не повиноваться высочайшему назначенію. Какъ человѣкъ, я могъ ошибаться, но могу сказать, что дѣйствовалъ во все это время по крайнему моему разумѣнію и внушенію совѣсти; стараясь выполнять мою обязанность безукоризненно. Не было на меня ни одной жалобы, ни одного доноса, основательность коихъ бы оправдалась. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ, проходя неоднократно въ свободныя минуты всѣ служебныя мои дѣйствія въ это пятилѣтіе, я не нахожу ни одного, за которое упрекала бы меня совѣсть. Я не нравился Перовскому, потому что былъ избранъ не имъ, а опредѣленъ по рекомендаціи графа Киселева; меня нужно было смѣнить, чтобы очистить вакансію фавориту министра Кожевникову*); и другой причины мнѣ не могъ обяснить самъ директоръ канцеляріи Перовскаго, фонъ-Поль, при моемъ увольненіи.

Перовскій уже лежитъ въ могилѣ. Я противъ его памяти не питаю лично никакого негодованія. По послѣдствіямъ отъ моего увольненія совершившимся, готовъ даже отслужить за него панихиду,—за то, что онъ открылъ мнѣ случай перемѣнить должность губернатора, неимовѣрно хлопотливую и неблагодарную, на должность спокойную и безотвѣтственную. Но не могу и теперь, положа руку на сердце, не сказать, что онъ обидѣлъ меня жестоко

*) Бывшему адъютанту его брата.

и несправедливо. Что въ отношеніи меня онъ слѣдовалъ внушенію предубѣжденія и произвола, которые происходили кажется, частію и отъ того, что считалъ меня фаворитомъ графа Киселева, съ которымъ былъ не въ хорошихъ отношеніяхъ,—par rivalité de metier; и что въ семъ случаѣ онъ совершенно отстранился отъ безпристрастія, долженствующаго руководить наперстникомъ царскимъ.

По многимъ подобнымъ случаямъ и съ другими, я знаю, что у него какое-либо снисхожденіе и внимательность къ участи тѣхъ чиновниковъ, которые ему не нравились, вовсе не входили въ его разсчеты; онъ считалъ ихъ презрѣнными червями, давить коихъ совсѣмъ не полагалъ дурнымъ дѣломъ. Я упоминаю о всемъ вышесказанномъ только вслѣдствіе того, что теперь проявляются иногда личности, которыя бы желали произвесть Перовскаго вмѣстѣ съ Аракчеевымъ въ великіе люди. Истинно великіе люди бываютъ прежде всего *благодушны,* а такого качества въ обоихъ этихъ господахъ вовсе не водилось. Рабское ихъ стремленіе прежде всего выслужиться, выказать себя передъ Государемъ необыкновенными государственными умами, пламенными ревнителями дѣла и единственно посредствомъ лишь строгихъ взысканій, мѣръ необдуманныхъ и преждевременныхъ,—вотъ въ чемъ заключалась вся ихъ пресловутая дѣятельность. И послѣдствія доказали, что эта ихъ дѣятельность не принесла никакой пользы государству.

По полученіи мною увольненія, я передъ отъѣздомъ зашелъ къ графу Киселеву проститься. Онъ, вѣроятно опасаясь, чтобы я ему не намекнулъ о прежнихъ его многократныхъ обѣщаніяхъ дать мнѣ мѣсто директора одного изъ его департаментовъ во всякое время, коль скоро не пожелаю оставаться на губернаторствѣ, принялъ меня довольно холодно, поручивъ только по возвращеніи въ Саратовъ сказать моему зятю Витте, управлявшему, какъ выше сказано, образцовой учебной фермою, *чтобы онъ не лѣнился.* Я ему хотѣлъ сказать, что если бы всѣ его подчиненные столько и такъ добросовѣстно трудились, какъ Витте, то у него дѣла по государственнымъ имуществамъ шли бы гораздо лучше, чѣмъ теперь. Но промолчалъ, и только пристально, внимательно посмотрѣлъ на него и, поклонившись, вышелъ изъ его кабинета. Должно быть взглядъ мой затронулъ у него что нибудь въ душѣ неожиданно для него самого. Онъ догналъ меня въ передней, схватилъ меня за руку и сказалъ, что будетъ стараться, какъ бы помочь моему по-

ложенію, сдѣлаетъ все, что̀ зависитъ отъ него, все, что̀ возможно, и что уже подкрѣпилъ мое письмо къ князю Воронцову и своею просьбою, чтобы онъ помѣстилъ меня у себя. Я вновь не отвѣчалъ ему ни слова, поклонился и вышелъ вонъ.

Выѣхавъ 23 января 1846 года изъ Петербурга, я возвратился въ Саратовъ 2-го февраля. Здѣсь я засталъ сына моего, вернувшагося изъ своей поѣздки на Кавказъ, здороваго, бодраго какъ всегда духомъ, и нашелъ въ кругу моего семейства, въ нѣсколькихъ добрыхъ пріятеляхъ, и могу сказать, почти въ общемъ участіи ко мнѣ всего Саратова,—утѣшеніе въ несправедливости людей*). Меня безпокоила лишь мысль о томъ, буду ли я имѣть средства и

*) Неловкость положенія отставнаго губернатора, возвратившагося тотчасъ по увольненіи въ свою губернію, была для Андрея Михайловича совершенно устранена. Внимательный, почетный пріемъ, предупредительность во всемъ, сопровождавшіе его проѣздъ по губерніи, не только равнялись съ прежними, во время его губернаторства, но даже превышали ихъ. Въ Саратовѣ уже знали, что А. М. не вернется начальникомъ губерніи, и семейству его, остававшемуся тамъ, всѣ, даже малознакомые люди, выказывали вниманіе и участіе, глубоко тронувшія Елену Павловну. Мы говоримъ всѣ, но конечно на всѣхъ угодить невозможно, такъ и здѣсь оказались три—четыре личности исключеніями изъ общаго числа, по давней безосновательной непріязни къ А. М. и изъ желанія заранѣе поддѣлаться къ новому начальству. Всѣ сословія, вся губернія искренно жалѣли объ утратѣ А. М. Фадѣева и, какъ могли, выказывали свое сочувствіе къ нему. Купечество, мѣщане общимъ голосомъ выражали свое сожалѣніе. Афанасій Алексѣевичъ Столыпинъ, бывшій губернскій предводитель дворянства и великій авторитетъ тогда въ Саратовѣ, котораго А. М. считалъ враждебнымъ себѣ за отчисленіе его изъ предводительства, хотя А. М. былъ тутъ ровно ни при чемъ,—громко заявлялъ, что „всей губерніей будутъ просить, чтобы Фадѣева оставили въ Саратовѣ, и что навѣрно Государь не выпуститъ его". Еще въ Петербургѣ, нѣкоторые изъ Саратовскихъ дворянъ и купцовъ, находившихся тамъ, просили А. М. не покидать Саратова, предлагая устроить его положеніе въ ихъ губерніи. По пріѣздѣ его въ Саратовъ, нѣсколько изъ значительныхъ дворянъ обратились къ нему съ той же просьбою, завѣряя своимъ ручательствомъ, что при первыхъ дворянскихъ выборахъ онъ будетъ выбранъ въ губернскіе предводители ; а такъ какъ для этого необходимо быть мѣстнымъ помѣщикомъ, то настоятельно уговаривали А. М. купить неподалеку отъ города продававшееся прекрасное имѣніе въ четыреста душъ, на берегу Волги,—и зная недостаточность средствъ его, предлагали ему всю, довольно крупную сумму на покупку имѣнія заимообразно, безсрочно, съ тѣмъ, чтобы онъ выплачивалъ по мѣрѣ возможности, когда и какъ ему угодно. А. М., тронутый этимъ предложеніемъ, съ признательностію, но твердо отказался отъ него, не желая обременять себя долгами, коихъ никогда не имѣлъ,—даже съ такими выгодными условіями. Болѣе же всего скорбѣлъ о потерѣ А. М. простой народъ и простыми словами высказывалъ свое сожалѣніе о немъ въ такомъ смыслѣ, что „кому молиться какъ не намъ, чтобы нашъ губернаторъ оставался; богатые всегда „найдутъ доступъ и защиту, а намъ, бѣднымъ, онъ одинъ защита, и не нажить „намъ другого такого".—При этомъ случаѣ въ Саратовѣ къ А. М. Фадѣеву выразилось тоже общее сочувствіе, какъ и вездѣ, гдѣ онъ служилъ.

возможность въ будущемъ быть полезнымъ моимъ дѣтямъ; но вслѣдъ затѣмъ возлагалъ надежду на Бога, что онъ не оставитъ меня,—и эта надежда меня не обманула. Чрезъ мѣсяцъ, по возвращеніи моемъ, я получилъ весьма лестное и благодушное приглашеніе отъ князя Воронцова занять при немъ должность члена совѣта главнаго управленія Закавказскаго края*).

Должность эта была и по званію и по содержанію въ той же степени, какъ и губернаторская. Дальній переѣздъ съ семействомъ, всѣмъ домомъ, конечно представлялъ нѣкоторыя затрудненія и былъ не безъ разстройства, но эти неудобства частію вознаграждались выдачею годоваго жалованія на переѣздъ. Меня съ женою смущала только разлука съ дочерью Екатериной, ея мужемъ и внуками, но я надѣялся, что это продлится недолго, что князь Воронцовъ по своему благорасположенію ко мнѣ, не откажетъ дать моему зятю мѣсто въ Тифлисѣ, и скоро мы снова соединимся всѣ вмѣстѣ. Разумѣется, я съ благодарностію принялъ это предложеніе.

Кажется, что совѣсть графа Киселева безпокоила его за образъ его дѣйствій въ бытность мою въ Петербургѣ. Почти одновременно съ полученіемъ письма отъ князя Воронцова, я получилъ и собственноручное письмо отъ графа Павла Димитріевича, слѣдующаго содержанія:

«Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ пишетъ ко мнѣ объ «отвѣтѣ, Вамъ сообщенномъ, относительно желанія Вашего служить «подъ его начальствомъ. Мнѣ кажется, что предложеніе его весь«ма выгодно; и я съ своей стороны нынѣ же отвѣчаю ему, что «лучшаго выбора для завѣдыванія дѣлами по министерству госу«дарственныхъ имуществъ въ Кавказскомъ краѣ, сдѣлать невоз«можно. Почитая опредѣленіе Ваше рѣшеннымъ, мнѣ пріятно, «любезнѣйшій Андрей Михайловичъ, съ симъ Васъ поздравить и «пожелать только скорѣйшаго вступленія въ должность. Коль ско«ро представленіе его поступитъ въ Кавказскій комитетъ, то поста«раюсь утвержденіемъ ускорить и Васъ немедленно увѣдомить, а

*) Князь Воронцовъ писалъ, что ему было бы *чрезвычайно* пріятно имѣть А. М. на службѣ въ Закавказскомъ краѣ, сожалѣлъ, что почти всѣ мѣста сообразно его чину и должности замѣщаются военными, но есть теперь одно свободное, которое и предлагаетъ ему и желаетъ, чтобы А. М. занялъ его,—члена совѣта главнаго управленія Закавказскаго края, во всемъ равное губернаторскому,—и закончилъ выраженіемъ „*душевнаго* удовольствія служить съ человѣкомъ, котораго такъ давно знаетъ *и такъ давно привыкъ уважать*“.

«до того прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи «и преданности. Киселевъ. 9-го марта, 1846-го года».

Отправивъ благодарственный отвѣтъ князю Воронцову на его предложеніе, я началъ прилежно читать все, что имѣлъ и что могъ достать въ Саратовѣ о Закавказскомъ краѣ, дабы предварительно ознакомиться съ нимъ.

Съ наступленіемъ лѣта, мы, по обыкновенію, переѣхали на дачу, купленную незадолго передъ тѣмъ у Панчулидзева купцомъ Масляниковымъ, который любезно просилъ меня провести на ней лѣто, какъ и всегда. 22-го мая семейство наше увеличилось рожденіемъ внука Александра (второго сына дочери Екатерины), теперь, спустя двадцать лѣтъ, славнаго молодого человѣка, отличнаго офицера, поручика Нижегородскаго драгунскаго полка *). Въ іюнѣ мы всей семьей ѣздили погостить на ферму къ зятю моему Юлію Федоровичу Витте, гдѣ я съ удовольствіемъ провелъ около двухъ недѣль. Всѣ хозяйственныя заведенія, конечно по краткости времени существованія этого образцоваго учебнаго учрежденія, далеко еще не достигли до своего окончательнаго вида, но уже та степень ихъ развитія, въ какой они находились, доказывала полное знаніе и добросовѣстный трудъ ихъ основателя; тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что еще такъ недавно на этомъ мѣстѣ ничего не было, кромѣ голой, безжизненной степи. Я всегда любилъ деревню, вольный воздухъ; мнѣ нравилась сельская жизнь; но никогда мнѣ не привелось ими вдоволь попользоваться: обстоятельства постоянно меня привязывали къ городамъ. Зять мой старался, чтобы мы по возможности пріятнѣе проводили у него время, устраивалъ прогулки, поѣздки по полямъ, даже охоты, изъ коихъ одна волчья охота продолжалась почти цѣлый день; конечно, я въ ней не участвовалъ, предоставивъ это зятю и сыну моему, а былъ только пассивнымъ зрителемъ, сидя въ экипажѣ, да и вообще она мало занимала меня; но за то, по вечерамъ, для меня составлялась партія въ бостонъ,—маленькое развлеченіе и отдохновеніе отъ дневныхъ заботъ и дѣлъ.

Возвратясь въ городъ, я началъ немного безпокоиться о замедленіи моего назначенія, вѣрность котораго впрочемъ не подлежала никакому сомнѣнію. Между тѣмъ, я собирался съ силами

*) Отличавшагося въ войну 1877 и 1878 годовъ, получившаго за геройскіе подвиги орденъ Св. Георгія и золотую саблю. Умеръ въ 1884 году въ чинѣ полковника, вслѣдствіе контузіи въ голову во время этой же войны.

для вступленія на путь новаго рода жизни и службы. Сбросивъ съ себя иго Перовскаго съ его ревизорами, избавившись отъ тяжелой, неблагодарной службы, успокоившись на счетъ своего будущаго, я, казалось, вдвойнѣ чувствовалъ цѣну нравственнаго покоя, и удовольствія своихъ мирныхъ домашнихъ занятій, интереснаго чтенія, пріятныхъ прогулокъ на дачѣ, гдѣ жилъ, сообщества моего семейства и близкихъ, преданныхъ мнѣ людей. И такъ незамѣтно прошло для меня время до того дня въ концѣ іюля мѣсяца, когда я получилъ высочайшій указъ о моемъ назначеніи и вслѣдъ затѣмъ снова письмо отъ князя Воронцова, въ которомъ онъ меня сердечно поздравлялъ съ этимъ назначеніемъ, изъявлялъ свое удовольствіе по этому поводу и просилъ поспѣшить прибытіемъ въ Тифлисъ.

Съ тѣхъ поръ меня заняли приготовленія къ переѣзду Мы уѣзжали втроемъ, съ Еленой Павловной и дочерью Надеждой, кромѣ чиновника, состоявшаго при мнѣ, и прислуги. Сборы въ дорогу, множество мелочныхъ хлопотъ, прощальные визиты, мои и ко мнѣ, наполняли послѣдніе дни передъ отъѣздомъ. Наконецъ, 15-го августа, въ первомъ часу дня, я оставилъ Саратовъ. При прощаніи со многими добрыми знакомыми не обошлось безъ слезъ съ обѣихъ сторонъ. Особенно меня тронулъ нашъ добрый архіерей Іаковъ, который, не смотря на наши частыя препиранія о раскольникахъ, искренно оплакивалъ мой отъѣздъ. Все это нѣсколько разстроило мои нервы, не совсѣмъ еще окрѣпшіе послѣ моихъ Петербургскихъ потрясеній *). Дѣти провожали меня до ночлега. Верстахъ въ двадцати-тридцати отъ города, въ деревнѣ помѣщика Мачинскаго, насъ встрѣтили нѣкоторые изъ нашихъ Саратовскихъ друзей, съ приглашеніемъ на прощальный обѣдъ, тутъ-же въ саду. Обѣдъ оказался многообильный, продолжительный, шампанское ли-

*) Передъ отъѣздомъ къ А. М. явился очень богатый и почетный изъ колонистовъ, Леонардъ, съ заявленіемъ сожалѣнія о его отъѣздѣ и съ убѣдительной просьбою принять отъ него заимообразно „нѣсколько тысячъ рублей", безъ всякихъ росписокъ, „потому что, объяснялъ онъ, мы знаемъ, что вы никакихъ посто-„ронних доходовъ не имѣли, ничего не получали, кромѣ казеннаго содержанія, „котораго вѣроятно, при всей вашей скромной жизни вамъ не доставало; и вы не „только ничего не нажили, но даже и свое немногое, кровное, должны были тра-„тить. Теперь же, сколько вамъ предстоитъ расходовъ, какая большая дорога, пе-„реѣздъ на новое мѣсто, обзаведеніе цѣлымъ домомъ,—чего это стоитъ, и какъ это „должно васъ разстраивать!"—И потому онъ умолялъ, какъ благодѣяніи, взять отъ него деньги. Конечно, А. М. денегъ не взялъ, но отъ души поблагодарилъ за такое сердечное участіе. Никакихъ отношеній у А. М. съ Леонардомъ до тѣхъ поръ не было, кромѣ поверхностнаго знакомства.

лось рѣкой, и мы едва къ вечеру успѣли выбраться снова въ дорогу. На другой день очень тяжело и грустно намъ было разставаться съ дѣтьми на неопредѣленное время. Отправившись далѣе, по всему пути, до самой границы Астраханской губерніи, меня встрѣчали, провожали и сопровождали чиновники, мѣстныя власти, помѣщики, граждане, какъ бы я и не оставлялъ губернаторскаго званія, что меня не мало утѣшало, доказывая ихъ доброе ко мнѣ расположеніе.

Мы рѣшились съ Еленой Павловной ѣхать отъ Сарепты до Астрахани водой, полагая, что это будетъ для насъ удобнѣе и покойнѣе, нежели въ экипажахъ по почтовой дорогѣ. Поэтому мы остановились на нѣсколько часовъ въ Царицынѣ, чтобы нанять небольшую барку, называемую асланкой (такъ какъ тогда еще не было правильнаго движенія пароходовъ по Волгѣ, и распорядились отправить ее впередъ, ожидать насъ въ Сарептѣ, куда мы къ вечеру поѣхали ночевать *). На другой день, рано утромъ, перегрузивъ на асланку наши экипажи и вещи, мы распрощались со всѣми нашими любезными провожатыми и добрыми гернгутерами, и при самой благопріятной погодѣ поплыли внизъ по Волгѣ въ Астрахань. День былъ прекрасный, наша асланка шла быстро и спокойно, мы радовались, что выбрали этотъ способъ переѣзда. Однако наше удовольствіе продолжалось недолго; подулъ какой-то боковой вѣтеръ и мы поплелись чрезвычайно медленно, раздумывая о выгодахъ и невыгодахъ судоходнаго путешествія по Волгѣ. Затѣмъ пошли опять быстрѣе, а къ ночи слѣдующаго дня вѣтеръ

*) Въ этотъ послѣдній проѣздъ А. М. по Саратовской губерніи, общее сочувствіе къ нему выразилось, если возможно, еще ярче прежняго. Кромѣ встрѣчъ и провожаній, вездѣ въ урочные часы для него были готовы завтраки, обѣды, чай; въ Царицынѣ, зная, что А. М. располагалъ пробыть тамъ нѣсколько часовъ, мѣстныя власти перессорились изъ-за того, кому изъ нихъ принять его у себя. Далеко не доѣзжая до города, Фадѣевъ былъ встрѣченъ полиціймейстеромъ полковникомъ Грудзинскимъ и исправникомъ г. Балясниковымъ, и каждый изъ нихъ убѣдительно просилъ А. М. остановиться у него. Почему-то предпочтеніе было отдано исправнику, въ домѣ коего Фадѣевы отлично отдохнули, пообѣдали и, устроивъ дѣло съ асланкой, отправились вечеромъ далѣе. Пріѣхавъ въ Сарепту, передъ входомъ въ гостинницу, А. М. встрѣтили Сарептскіе старшины, а впереди всѣхъ ожидалъ полковникъ Грудзинскій съ женой, объявившій своему бывшему начальнику, что, не имѣвъ чести принять его у себя въ домѣ въ Царицынѣ, пріѣхалъ нарочно съ женой въ Сарепту, чтобы принять его хотя здѣсь. Дѣйствительно, въ залѣ гостинницы былъ приготовленъ чай, прекрасное угощеніе и ужинъ, которымъ воспользовалась только дочь А. М., такъ какъ онъ самъ и Елена Павловна никогда не ужинали. Разумѣется, такое вниманіе тронуло ихъ.

совсѣмъ стихъ, и мы всю ночь простояли на якорѣ. Къ утру начали опять двигаться, сначала потихоньку, потомъ получше. Проѣхали Черный Яръ, Енотаевскъ, вечеромъ достигли владѣній князя Тюменя, гдѣ я велѣлъ причалить къ берегу и пошелъ навѣстить князя. Старикъ обрадовался мнѣ до слезъ, упрашивалъ погостить у него, хоть переночевать, но я не согласился и, просидѣвъ съ нимъ до двѣнадцатаго часа ночи, возвратился на асланку и поѣхали далѣе *). Поднялся противный вѣтеръ; мы едва двигались, и, чтобы вовсе не стать, пошли бичевою, что намъ казалось необыкновенно скучно; потомъ, проплывъ немного, должны были опять бросить якорь возлѣ какого-то острова. Мы вышли на берегъ острова, довольно пространнаго, покрытаго пескомъ и поросшаго вербами, на коемъ пробыли весь день, обѣдали, гуляли и ночевали, а болѣе всего скучали и досадовали. Вспоминали Робинсона Крюзое, но нисколько не завидовали его участи. Съ утра оказалась возможность продолжать плаваніе, но снова поднялся противный вѣтеръ и тогда, потерявъ уже всякое терпѣніе, поровнявшись со станціей Петропавловской въ 47-и верстахъ отъ Астрахани, я велѣлъ выкатить наши экипажи, и мы поѣхали на почтовыхъ, хотя и очень скверной дорогой, но восхваляя судьбу за избавленіе отъ асланки. Впрочемъ и отъ нея осталось одно интересное воспоминаніе, если не для меня, то для моей Елены Павловны и дочери: это превосходныя, жирныя стерляди прямо изъ воды и свѣжая икра, составлявшія наше главнѣйшее питаніе на Волгѣ.

Мы пріѣхали въ Астрахань въ одиннадцать часовъ ночи, на четвертый день по выѣздѣ изъ Сарепты. Здѣсь старые наши знакомые и бывшіе мои подчиненные приняли насъ чрезвычайно радушно и гостепріимно. Многихъ изъ прежнихъ не доставало: Тимирязевъ выбылъ, какъ я уже говорилъ о томъ; архіерей Виталій умеръ; Стадольскій вышелъ въ отставку и уѣхалъ; Кузьмищева перевели въ Архангельскъ и т. д. Но и съ тѣми, которые остались, мы провели нѣсколько дней очень пріятно. 28-го августа мы отправились въ дальнѣйшій путь по Кизлярской дорогѣ;

*) Проѣзжая мимо прибрежныхъ деревень и селъ, иногда останавливались для закупки съѣстныхъ припасовъ; и во всѣхъ деревняхъ, узнавъ отъ посланныхъ людей, что ѣдетъ ихъ бывшій начальникъ Фадѣевъ, котораго они и въ Астраханской губерніи еще помнили, крестьяне приносили съ избыткомъ все, что могли, и не хотѣли брать денегъ, которыя надобно было имъ почти силой навязывать, да и то иногда безуспѣшно.

мѣстами тащились по глубокимъ пескамъ, мѣстами задыхались отъ пыли, иногда голодали, и 2-го сентября доѣхали до Екатеринограда. Тамъ я узналъ, что князь-намѣстникъ находится на водахъ въ Кисловодскѣ, а потому, оставивъ моихъ въ Екатеринградѣ, въ тотъ же день отправился къ нему въ Кисловодскъ. Въ Георгіевскѣ я встрѣтилъ директора канцеляріи князя, С. В. Сафонова, котораго зналъ съ дѣтства въ Екатеринославѣ и радъ былъ съ нимъ увидѣться такъ же, какъ и онъ со мною. Переночевавъ въ Пятигорскѣ, рано утромъ выѣхалъ въ Кисловодскъ и тотчасъ же по пріѣздѣ явился къ князю.

Послѣ кислыхъ и высокомѣрныхъ фигуръ Перовскаго и графа Киселева, я былъ истинно утѣшенъ обворожительнымъ пріемомъ князя Михаила Семеновича. Я не сомнѣвался въ хорошемъ пріемѣ и на этотъ разъ не ошибся въ моемъ ожиданіи. Онъ меня принялъ какъ нелзя лучше, обнялъ, расцѣловалъ, и когда я началъ благодарить его за опредѣленіе къ нему, онъ не далъ мнѣ договорить и сказалъ, что «*не я, а онъ долженъ меня благодарить за доставленіе ему удовольствія служить со мною*».

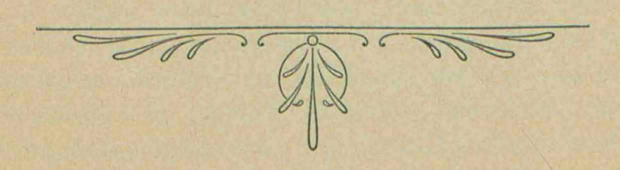
Князь оставилъ меня у себя, и я провелъ у него почти весь день. За обѣдомъ и вечеромъ слышалъ много интереснаго, видѣлъ много новыхъ лицъ, познакомился съ генералами Завадовскимъ и Коцебу, начальникомъ главнаго штаба. Въ послѣдующіе дни видѣлся со многими давнишними знакомыми, княземъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, Эрастомъ Степановичемъ Андреевскимъ и другими, и съ большимъ удовольствіемъ прожилъ тамъ нѣсколько дней. Получивъ бумаги и порученія отъ князя Воронцова, я откланялся ему и, вернувшись обратно къ своимъ въ Екатеринодаръ, съ ними безъ замедленія отправился по направленію въ Тифлисъ.

Отдохнувъ немного во Владикавказѣ, мы по военно-грузинской дорогѣ въѣхали въ горы, съ большимъ любопытствомъ, но, признаться сказать, съ не совсѣмъ покойнымъ чувствомъ, по причинѣ случавшихся иногда въ то время нападеній горскихъ хищниковъ и обваловъ съ горъ, нерѣдко заваливавшихъ узкую дорогу, висѣвшую надъ бездонными безднами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и проѣзжавшихъ по ней путниковъ, — что, впрочемъ, бываетъ и до сихъ поръ*). Много занимали насъ, особенно жену мою, страстную лю-

*) Нынѣшняя дорога, устроенная въ семидесятыхъ годахъ, почти безопасна.

бительницу природы, новыя мѣста, поражающія красотою своего дикаго, сказочнаго величія; трудность переѣзда забывалась передъ фантастической грандіозностію видовъ, съ ихъ безконечнымъ разнообразіемъ, съ бурнымъ Терекомъ, стремившимся каскадами внизу, грозными, гигантскими скалами, нависшими на нихъ вѣчными снѣжными вершинами. Первый день мы добрались только до Ларса; второй, Даріяльскимъ ущеліемъ въ полдня успѣли сдѣлать всего шестнадцать верстъ до Казбека и ночевали въ Коби. На третій, путь до Кашаура оказался самымъ труднымъ. Черезъ Гудъгору мы перебирались цѣлыхъ пять часовъ; бо̀льшую часть я шелъ пѣшкомъ или ѣхалъ верхомъ, и ночь провели въ Пассанаурѣ, отъ котораго по берегу Арагвы дорога уже пошла лучше и ровнѣе, такъ какъ мы здѣсь выбрались изъ горъ, хотя чрезвычайно каменистая и неудобная. Въ Ананурѣ заходили посмотрѣть старинную церковь, замѣчательную своей своеобразной архитектурой; проѣхали чрезъ городокъ Душетъ и къ вечеру доѣхали до Гардисквари, послѣдней станціи и послѣдняго нашего ночлега въ этомъ странствіи, гдѣ, не смотря на наступившую осеннюю пору, мы уже ощутили дѣйствіе благораствореннаго южнаго климата, потому что отъ жары и духоты почти не могли спать. Выѣхавъ рано, проѣздомъ чрезъ Мцхетъ, древнюю столицу Грузіи, мы осматривали соборъ, построенный въ пятомъ столѣтіи, въ которомъ похоронены грузинскіе цари, и довольно сносною сравнительно съ оставшеюся за нами дорогою, по берегу Куры, прибыли благополучно въ Тифлисъ 12-го сентября 1846 года.

Конецъ I-й части.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ „Воспоминаніямъ" Андрея Михайловича Фадѣева.

Изъ обильнаго и любопытнаго запаса писемъ и бумагъ, оставшихся послѣ Андрея Михайловича Фадѣева, прилагаемъ здѣсь немногія изъ числа свидѣтельствующихъ о томъ, какъ относились къ нему и дорожили имъ всѣ его начальники (за исключеніемъ одного Перовскаго), бо́льшею частью высшіе сановники государства, не смотря на его тогда незначительное служебное положеніе. Но еще болѣе цѣнили его вездѣ, гдѣ онъ находился, всѣ подвѣдомственныя ему населенія, какихъ бы то ни было народностей. Кромѣ доказательства особенныхъ способностей и заслугъ Андрея Михайловича по службѣ, бумаги эти представляютъ интересъ и по значенію лицъ, писавшихъ ихъ. Подлинники прилагаемыхъ при этомъ нѣсколькихъ письменныхъ документовъ, со всѣми остальными бумагами покойнаго А. М. Фадѣева хранятся въ его семействѣ.

1-е. Князю Павлу Васильевичу Долгорукому (тестю А. М. Фадѣева) отъ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева. 1818-й годъ.

„Милостивый Государь мой, князь Павелъ Васильевичъ!

„Письмо Вашего сіятельства, въ коемъ Вы изволите рекомендовать мнѣ служащаго въ Новороссійской конторѣ опекунства, затя Вашего г. Фадѣева, я имѣлъ честь получить. Рекомендуя сего чиновника Вы доставляете мнѣ сугубое удовольствіе. Съ одной стороны, для меня пріятно быть ему полезнымъ, чтобы доказать Вамъ, что я всегда готовъ исполнять Ваши препорученія; съ другой, отличныя качества, трудолюбіе и способности г. Фадѣева, извѣстныя по службѣ, дѣлаютъ его совершенно того достойнымъ. Будьте увѣрены, милостивый Государь мой, что первымъ удобнымъ случаемъ воспользуюсь я, дабы все сіе доказать Вамъ на самомъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣрить въ томъ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими честь имѣю быть Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга Осипъ Козодавлевъ. С.-Петербургъ, 9-го апрѣля 1818-го года".

2-е. Отъ главнаго попечителя колонистовъ южнаго края Россіи генералъ-лейтенанта И. Н. Инзова, къ министру внутреннихъ дѣлъ.

„Старшій членъ Екатеринославской конторы иностранныхъ поселенцевъ титулярный совѣтникъ Фадѣевъ, служа шестой годъ по управленію Новороссійскими колоніями, третій годъ управляетъ Екатеринославскою конторою съ отличнымъ усердіемъ и знаніемъ своего дѣла; а сверхъ того, нынѣ исполнилъ возложенное на него порученіе по избранію и обозрѣнію земель, для поселенія иностранныхъ и разныхъ сектъ раскольниковъ, въ Новороссійскомъ краѣ предназначаемыхъ, съ совершенною точностію и отличною дѣятельностію. Почему я всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство, въ вознагражденіе за его, по всей справедливости, достойное служеніе и въ поощреніе къ дальнѣйшему таковому, исходатайствовать ему Всемилостивѣйшее награжденіе орденомъ святого Равноапостольскаго князя Владиміра 4-й степени. Доставленіе сей награды сему столь достойному чиновнику я приму собственно какъ особенный знакъ благорасположенія ко мнѣ Вашего сіятельства.

Имѣю честь быть и проч. Иванъ Инзовъ. 31-го августа 1821-го года".

Въ началѣ «Воспоминаній» Андрей Михайловичъ упоминаетъ о своемъ предубѣжденіи къ экзаменамъ, установленнымъ въ то время для производства чиновниковъ въ чины 5-го и 8-го классовъ. По опытамъ съ другими, происходившими на его глазахъ, онъ считалъ эту процедуру не болѣе какъ средствомъ для лихоимства и злоупотребленій экзаменаторовъ, и предпочиталъ лучше никогда не получить слѣдующаго чина, нежели унизиться подобнымъ экзаменомъ; вслѣдствіе чего и пробылъ пятнадцать лѣтъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Начальники его, желая повысить А. М. для пользы службы и въ вознагражденіе особенныхъ заслугъ, видя его непреклонность въ этомъ отношеніи, старались доставить ему чинъ помимо закона, въ чемъ наконецъ и успѣли,—какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ.

3-е. Отъ генерала Инзова, управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланскому (за отсутствіемъ министра князя Кочубея).

„Старшій членъ Екатеринославской конторы иностранныхъ поселенцевъ, титулярный совѣтникъ Фадѣевъ, по отличному и ревностному прохожденію службы, заслуживаетъ обращенія на оную особеннаго вниманія".

„Фадѣевъ, служа по части колоніальной восемь, а въ настоящемъ чинѣ пятнадцать лѣтъ, и управляя обширнѣйшимъ водвореніемъ въ здѣшнемъ краѣ, находящемся въ четырехъ губерніяхъ, на пространствѣ двухъ тысячъ верстъ, — дѣятельностію его, по личному удостовѣренію моему, весьма содѣйствовалъ къ утвержденію благосостоянія старыхъ колоній и устройству новыхъ, оказавъ отличное усердіе въ прошломъ 1822 году, по случаю выхода изъ Бѣлоруссіи въ Новороссійскій край для поселенія евреевъ, болѣе тысячи семействъ, изысканіемъ средствъ къ устраненію издержекъ на ихъ прокормленіе; для коего предмета, при начальномъ водвореніи въ прежнее время токмо семисотъ семействъ евреевъ, было употреблено отъ казны до ста пятидесяти тысячъ рублей. И сверхъ того, онъ успѣшно выполнялъ возлагаемыя мною на него особыя порученія“.

„По симъ причинамъ я поставляю долгомъ всепокорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство, съ приложеніемъ послужнаго списка г. Фадѣева, о представленіи заслугъ сего достойнаго чиновника на непосредственное Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе, и исходатайствовать ему награжденіе, которое бы поставило его въ возможность, посвятивъ себя и на дальнѣйшее время настоящей службѣ, содѣйствовать благоуспѣшному ходу колонизаціи здѣшняго края; чѣмъ самымъ устранится необходимость замѣщать должности сіи чиновниками, коихъ, съ опытностію, извѣданною ревностію и мѣстными свѣдѣніями въ семъ родѣ службы, пріискать весьма трудно. По мнѣнію же моему, приличнѣйшею ему наградою служить можетъ, по недостаточному его семейственному состоянію, Всемилостивѣйшее пожалованіе ему пенсіона по смерть, по тысячѣ рублей въ годъ“.

„Честь имѣю, и проч. Иванъ Инзовъ. Екатеринославъ, ноября 16-го дня, 1823 года“.

4-е. Отъ Инзова Ланскому, того же 16-го ноября 1823 года.

„Имѣвъ честь пользоваться нѣкогда милостивымъ расположеніемъ ко мнѣ Вашего Высокопревосходительства, я беру смѣлость убѣдительнѣйше Васъ, милостивый государь, просить о оказаніи Вашего ходатайства у Государя Императора по представленію моему отъ сего числа, касательно награжденія подвѣдомаго мнѣ чиновника г. Фадѣева. Отличная служба его заслуживаетъ по всей справедливости вознагражденія оной, тѣмъ паче что опытность и свѣдѣнія его въ дѣлахъ колоніальныхъ, содѣлываютъ весьма полезнымъ сохраненіе его въ службѣ по сей части. Доставленіемъ ходатайствуемаго мною пенсіона, Ваше Высокопревосходительство окажете благодѣяніе не токмо ему, но по семейственному его состоянію и дѣтямъ его, доставленіемъ ему средства къ лучшему воспитанію оныхъ. Если же къ полученію сей награды встрѣтилось бы препятствіе, — чего по благосердой щедротѣ нашего всемилости

вѣйшаго монарха къ воздаянію достойнаго чиновника я не полагаю,— то, по затрудненію къ пожалованію его слѣдующимъ чиномъ, въ разсужденіи постановленныхъ на производства въ 5-й и 8-й классы экзаменовъ, мнѣ остается всепокорнѣйше просить Васъ, милостивый государь, о испрошеніи пожалованія его кавалеромъ слѣдующаго ордена Св. Анны второй степени. Бывъ удостовѣренъ, что Ваше Высокопревосходительство не откажете уважить сего предстательства моего, и поручая себя благорасположенію Вашему, имѣю честь пребыть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію, и проч. Иванъ Инзовъ".

5-е. Отъ графа Виктора Павловича Кочубея (министра внутреннихъ дѣлъ) къ управляющему министерствомъ Ланскому.

„Я получилъ почтеннѣйшій отзывъ Вашего Высокопревосходительства отъ 19-го декабря прошлаго 1823 года, коимъ, по случаю нахожденія моего въ здѣшнемъ краѣ, Вы изволите изъявлять желаніе о доставленіи Вамъ моего мнѣнія касательно награжденія чиновника, по ходатайству г. главнаго попечителя о колоніяхъ южнаго края Россіи генералъ-лейтенанта Инзова,—титулярнаго совѣтника Фадѣева. Я приношу Вамъ, милостивый государь мой, вмѣстѣ съ тѣмъ искреннѣйшую мою благодарность за участіе, Вами принимаемое въ поправленіи моего здоровья, съ возстановленіемъ коего, при наступленіи весенняго времени, я не премину быть лично въ колоніяхъ и обозрѣть настоящее состояніе оныхъ. Но между тѣмъ, имѣю честь Васъ увѣдомить касательно Фадѣева, что онъ мнѣ сдѣлался извѣстнымъ, какъ въ бытность его въ третьемъ году въ Петербургѣ, такъ и нынѣ въ Крыму. Я нашелъ въ немъ чиновника свѣдущаго, усерднаго, и по засвидѣтельствованію, неоднократно мнѣ о немъ гг. Инзовымъ и Контеніусомъ учиненному, соединяющаго въ себѣ отличную дѣятельность съ весьма хорошими нравственными качествами. Не всякой чиновникъ можетъ быть способенъ съ пользою служить по колоніальной части; оная требуетъ познаніе языковъ, свѣдѣнія въ части хозяйственной, кротости, терпѣнія,— достоинства, кои по всѣмъ замѣчаніямъ г. Фадѣевъ соединяетъ въ себѣ. По сей причинѣ, я покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство, не останавливаться далѣе ходатайствомъ о наградѣ по предстательству г. генерала Инзова. Мнѣ кажется, что г. Фадѣевъ, по долговременному нахожденію его въ настоящемъ чинѣ, соединенному съ отличными его способностями и усердіемъ, кои даютъ возможность предполагать, что онъ, при повышеніи его, можетъ быть весьма полезнымъ службѣ, заслуживаетъ въ полной мѣрѣ изъятія изъ общаго правила о производствѣ въ чины коллежскихъ ассесоровъ по экзаменамъ,—изъятіе, оказанное въ недавнемъ времени чиновникамъ, служащимъ по канцеляріи Новороссійскаго генералъ-губернатора и Одесскаго градоначальника".

„Имѣю честь быть, и проч. Графъ В. Кучубей. 24 января, 1824 г."

6-е. Извлеченіе изъ письма, писаннаго на французскомъ языкѣ графомъ В. П. Кочубеемъ къ Государю Александру Павловичу, отъ 1-го мая 1824 года.

„Оставляя Крымъ, я осмѣливаюсь представить Вамъ, Государь, сверхъ вышеписаннаго, то, что я видѣлъ во время моей поѣздки въ Днѣпровскій и Мелитопольскій уѣзды".

(Слѣдуетъ касающееся до поселеній казенныхъ и помѣщичьихъ, и затѣмъ):

„Не взирая на то, что я былъ уже предваренъ съ хорошей стороны о состояніи нѣмецкихъ колоній Молочанскаго округа, я былъ очень пріятно удивленъ, нашедъ это дѣло благотворной руки Вашего Величества, гораздо въ лучшемъ состояніи нежели я когда-либо воображалъ. Тамъ находится теперь тридцать восемь колоній менонистовъ, при видѣ благосостоянія и устройства коихъ, я почиталъ себя какъ бы перенесеннымъ въ одинъ изъ лучшихъ округовъ береговъ Рейна. Повсюду я видѣлъ весьма хорошіе дома, окруженные прекрасными садами, наполненными фруктовыми деревьями, и экономическими строеніями, отличающимися чистотою, порядкомъ и самымъ наивозможно лучшимъ распредѣленіемъ. Дорогою, я видѣлъ всюду превосходныя стада рогатаго скота, лошадей и овецъ хорошей породы. Суконная фабрика, удостоившаяся посѣщенія Вашего Величества въ 1818 году, съ того времени значительно поправилась и улучшилась. Въ мѣстахъ, кои въ то время не находились на Вашемъ пути, Государь, я замѣтилъ овчарню, построенную на нѣмецкій образецъ, въ которой находятся нынѣ около трёхъ тысячъ мериносовъ, распространяющихъ и улучшающихъ ежегодно состояніе сельскихъ стадъ. Въ одномъ мѣстѣ на берегу Молочной, я нашелъ плантацію фруктовыхъ деревьевъ, коихъ находится теперь до тридцати тысячъ, и которая можетъ содѣйствовать распространенію насажденія деревьевъ, недостатокъ коихъ во всей окружающей мѣстности весьма извѣстенъ Вашему Величеству. Двадцать двѣ колоніи нѣмецкихъ колонистовъ уступаютъ, правда, значительно, менонистскимъ колоніямъ въ отношеніи достаточного состоянія; но польза ихъ въ умноженіи произведеній здѣшняго края и въ улучшеніи многихъ отраслей хозяйства, очевидна, какъ равно и различіе все еще весьма разительное, которое существуетъ въ устройствѣ ихъ домовъ, заведеній и садовъ, въ сравненіи съ бѣдственнымъ положеніемъ въ этой части края, ихъ сосѣдей, какъ русскихъ, такъ и ногайцевъ".

„Я встрѣтилъ тамъ Контеніуса, этого почтеннаго старца, отягченнаго бременемъ семидесяти шести лѣтъ и немощей, и все еще занимающагося содѣйствіемъ къ утвержденію устройства и благосостоянія колоній съ неутомимою ревностію. Горестно я былъ пораженъ состояніемъ бѣдности, въ которой онъ находится. Для своихъ поѣздокъ, единственно посвященныхъ общественной пользѣ, онъ не имѣетъ даже пристойнаго

экипажа, а ѣздитъ въ старой коляскѣ, совершенно неудобной и разбитой. Повелѣніе Вашего Величества, объявленное мною министерству финансовъ въ прошедшемъ году, объ обращеніи доходовъ четверти отъ аренды, ему пожалованной, въ его пользу, еще донынѣ не приведено въ исполненіе. Между тѣмъ исполненіе этого распоряженія, или пожалованіе, равномѣрное 2000 рублей въ видѣ ежегоднаго пенсіона или столоваго содержанія, съ присовокупленіемъ къ тому нѣсколькихъ тысячъ рублей, дабы доставить ему средства пріобрѣсти приличный экипажъ,— много бы облегчили остатки дней сего вѣрнаго слуги Вашего Величества".

„Контеніусъ очень хвалитъ своего помощника г. Фадѣева. Онъ увѣряетъ, что послѣ него, Фадѣевъ может съ честію замѣстить его по колоніальной службѣ. Я нахожу дѣйствительно, что этотъ молодой человѣкъ имѣетъ много достоинствъ, много способностей, усердія къ дѣлу и познаній необходимыхъ къ тому, чтобы хорошо управлять этою частію; и думаю, что если бы его подвинули впередъ, не затрудняясь производствомъ, онъ могъ бы быть полезнымъ службѣ Вашего Величества даже въ должностяхъ высшихъ и важнѣйшихъ".

7-е. Отъ Новороссійскаго генералъ-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова къ А. М. Фадѣеву (Графъ просилъ А. М. доставить ему планы колоній и по исполненіи его просьбы отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ, писаннымъ по-французски).

„Милостивый государь. Увѣдомляя Васъ о полученіи мною плановъ нашихъ колоній южныхъ губерній и письма, ихъ сопровождавшаго, я съ истиннымъ удовольствіемъ благодарю Васъ за заботы и труды которыя Вамъ угодно было взять на себя для доставленія мнѣ ихъ. Мнѣ чрезвычайно занимательно видѣть какъ всѣ эти учрежденія возрастали и преуспѣвали; и если ихъ дальнѣйшее развитіе можетъ зависѣть отъ усердія, дарованій и дѣятельности лицъ, ими правящихъ, я убѣжденъ что колоніи, находящіяся подъ Вашимъ вѣдомствомъ, не оставятъ намъ ничего болѣе желать. Я особенно радъ, что могу воспользоваться представившимся случаемъ, чтобы заявить объ этомъ мое мнѣніе и свидѣтельство, а также возобновить Вамъ увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и искреннемъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть, и проч. Г. М. Воронцовъ. Одесса, 27-го мая 1894 года".

8-е. Отъ министра внутреннихъ дѣлъ графа В. П. Кочубея А. М. Фадѣеву.

„Милостивый государь мой, Андрей Михаиловичъ! Получивъ съ послѣднею почтою копіи съ указовъ, о пожалованіи г. Контеніусу по 2000 рублей столовыхъ, я спѣшу поздравить и Васъ съ наградою (производствомъ въ слѣдующій чинъ), которою, къ сожалѣнію моему, не могли Вы такъ долго воспользоваться, единственно по препятствіямъ, правилами въ экзаменахъ полагаемымъ. Не зная, гдѣ находится нынѣ

г. Контеніусъ, я прошу покорно прилагаемое при семъ письмо къ нему доставить. Имѣю честь, и проч. Графъ В. Кочубей. Диканька, сентября 1-го дня 1824-го года".

9-е. Отъ генерала И. Н. Инзова къ А. М. Фадѣеву (по поводу предполагавшейся ихъ поѣздки въ Петербургъ).

„Милостивый Государь Андрей Михайловичъ. Неожиданное происшествіе, поражающее каждаго благомыслящяго *), заставляетъ меня повременить поѣздкою въ С.-Петербургъ; тѣмъ болѣе что инымъ дано знать, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ пріятнѣе будетъ, когда каждый останется на своемъ мѣстѣ, не отлучаясь отъ онаго. Послѣ сорокалѣтней слишкомъ службы, больно увидѣть себя, окруженнаго завистниками, а сей случай, по тѣмъ же причинамъ, неизбѣженъ, — какъ лицо новое, тамъ мало кому извѣстное и явившееся какъ будто нарокомъ въ минуту безпокойствъ и непріятностей. Я дружески прошу Васъ отложить до сентября, дать время успокоиться. Тогда гораздо пріятнѣе будетъ предстать и ходатайствовать по дѣламъ колонистскимъ. Оно будетъ надежнѣе чѣмъ теперь. Подумайте о семъ хорошенько, и Вы увидите, что я имѣю основательную къ тому причину; притомъ времени до сентября не такъ далеко, чтобъ могло сдѣлать какую-либо разницу. Искренно уважаемой Еленѣ Павловнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе. Васъ душевно любящій Иванъ Инзовъ. Кишиневъ 20-го февраля 1826-го года".

10-е. Отъ Начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества къ генералъ-лейтенанту Инзову, отъ 13-го мая 1826-го года.

„По Высочайшему повелѣнію имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, что Государь Императоръ, будучи извѣстенъ, что блаженныя памяти Императоръ Александръ Павловичъ изволилъ принимать Высочайшее участіе въ дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Контеніусѣ, служащемъ подъ начальствомъ Вашимъ, желаетъ знать, чѣмъ можетъ быть полезенъ сему достойному и заслуженному чиновнику, о которомъ, какъ равно и о помощникѣ его 8-го класса Фадѣевѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Кочубей въ письмѣ своемъ къ покойному Государю въ 1824-мъ году, столь лестно отзывался. Выписку же изъ сего письма, найденную въ кабинетѣ въ Бозѣ почившаго Государя, относительно Контеніуса и Фадѣева, при семъ прилагаю".

11-е. Отъ генералъ-лейтенанта Инзова начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества, отъ 5-го іюня 1826-го года.

„На почтеннѣйшее письмо Вашего превосходительства отъ 13-го мая, симъ честь имѣю отвѣтствовать. Г. экстраординарный членъ попечительнаго комитета дѣйствительный статскій совѣтникъ Контеніусъ,

*) Вѣроятно намекъ на 14-е декабря.

дѣятельною и полезною службою своею, коею весьма много содѣйствовалъ утвержденію благосостоянія колоній южнаго края Россіи, пріобрѣлъ въ полной мѣрѣ право къ обращенію на себя особеннаго вниманія Его Императорскаго Величества. Но при отличномъ его безкорыстіи, соединенномъ съ примѣрно нравственною и умѣренною жизнію, онъ совершенно доволенъ при остаткѣ дней своихъ получаемымъ отъ щедротъ монаршихъ жалованіемъ и столовыми деньгами. Почэму, если Государю Императору угодно будетъ явить сему достойному чиновнику знакъ Высочайшаго благоволенія,—то я полагаю его совершенно заслуживающимъ награжденія орденомъ Св. равноапостальнаго Кн. Владиміра большого креста второй степени".

„Вмѣстѣ съ симъ, я осмѣливаюсь ходатайствовать у Вашего Превосходительства о обращеніи Высочайшаго вниманія на усердную и дѣятельную службу сотрудника г. Контеніуса, лично Вамъ извѣстнаго, старшаго члена Екатеринославской конторы иностранныхъ поселенцевъ г. Фадѣева. О таковой службѣ его свидѣтельствовалъ блаженныя памяти Императору и самъ г. Контеніусъ, въ извѣстномъ Вамъ письмѣ, писанномъ имъ къ покойному Государю въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1825-го года, въ бытность Его Величества въ Молочанскихъ колоніяхъ,—ибо признаетъ его въ полной мѣрѣ способнымъ, по смерти его, продолжать и довести до желаемой цѣли устройство и благосостояніе колоній въ управленіи его, состоящихъ. Я же, съ моей стороны, имѣя въ г. Фадѣевѣ по управленію колоніями надежнаго помощника, и удостовѣрясь о отлично ревностной и полезной его службѣ, намѣревался исходатайствовать ему награжденіе въ Таганрогѣ лично у покойнаго Государя,—но послѣдовавшая ко всеобщей горести нашей кончина Его Величества воспрепятствовала мнѣ учинить сіе. Почему я всепокорнѣйше Васъ прошу испросить ему равномѣрно Всемилостивѣйшее награжденіе орденомъ Св. Анны второй степени. Имѣю честь, и проч. Иванъ Инзовъ".

12-е. Отъ г. Инзова А. М. Фадѣеву.

„Любезнѣйшій Андрей Михайловичъ. Искренно благодарю Васъ за извѣщеніе желаній добрыхъ сердецъ,—здѣсь не можетъ быть зло, а потому охотно слѣдую ихъ совѣтамъ. Лучше быть хотя намекомъ званнымъ, нежели оглашеннымъ, ибо при маломъ даже расположеніи, охотнѣе склоняется сердце, человѣка удовлетворять нежели отказывать. Впрочемъ, уповаю во всемъ на Бога.. И такъ принявъ отъ достойнѣйшаго нашего Архипастыря благословеніе, отправляюсь 1-го числа ноября въ путь, чтобы увидѣться съ Вами и еще обо всемъ потолковать, а тамъ,—перекрестясь! До свиданія, душевно обнимаю Васъ. Иванъ Инзовъ".

(Писано, кажется, по поводу предполагавшейся Инзовымъ поѣздки въ Петербургъ).

13-е. Отъ генерала Инзова къ А. М. Фадѣеву, въ Петербургъ, куда онъ былъ вызванъ по поводу преобразованій и сокращеній, предпринятыхъ министерствомъ графа Закревскаго. Письмо это любопытно выраженіями мнѣній Инзова и его своеобразнымъ слогомъ.

„М. Г. Андрей Михайловичъ. Благодарю Васъ за увѣдомленіе о обстоятельствахъ, по коимъ Вы туда вызваны. Цѣль предмета, улучшить въ государствѣ народное богатство,— есть священна,— коль скоро отклонены будутъ всѣ случаи (за исключеніями естественныхъ), приводящіе въ разстройство, а потомъ и въ совершенный упадокъ, хозяйство поселянина. Когда доставится ему возможность пріобрѣтать, а не терять; когда промышленность, разныхъ по хозяйству ея отраслей, получитъ безпрепятственное движеніе и не стѣснится извлеченіемъ изъ оной особенныхъ расчетливыхъ выгодъ правительства, которыя нерѣдко бываютъ сопряжены съ затруднительными хлопотами, а тѣмъ самымъ отнимаютъ всю охоту заниматься оною. Неоспоримо, что промышленность всякаго рода есть единственный источникъ народнаго богатства, но ощутительная ея польза тогда только бываетъ, когда свободно извлекаемая выгода есть ея поощреніе. Тогда возрождается охота, время улучшаетъ и приводитъ къ совершенству. Но безъ сего, мнѣ кажется, что всѣ труды будутъ напрасны, и останутся только памятникомъ на бумагѣ и временнымъ предметомъ толковъ модныхъ экономовъ, сидящихъ въ долгахъ по шею“.

„Въ отношеніи преобразованія по управленію колоній,— признаюсь, что мысль довольно странная,— будто есть лишнія мѣста и чиновники! Тогда, когда чувствуется въ нихъ крайній недостатокъ и мы лишены способовъ пособить оному. Что же касается до наблюденія за хозяйственнымъ устройствомъ въ колоніяхъ, то на сіе потребны люди, слѣдовательно, не уменьшить, а увеличить нужно,— да и люди такіе, которые бы хозяйственную часть знали, занимались ею, читали бы о ней и умѣли бы соображать,— словомъ ученые экономы, каковые находятся въ Германіи и другихъ краяхъ. Если же довольствоваться такими, что мѣстъ ищутъ, то устройство не слишкомъ будетъ успѣшно. Судя по предполагаемому проэкту, когда намѣрены сдѣлать преобразованіе не только не выходя изъ штата, но еще на основаніи экономіи съ уменьшеніями онаго, тогда можно поздравить, что предметъ направленія къ существенной цѣли опредѣленъ съ точностію. Вамъ самимъ извѣстно, сколько я употреблялъ старанія къ оборотамъ, чтобы имѣть необходимыхъ людей! Объясните же г. министру крайность, которую терпитъ контора въ чиновникахъ; у нихъ, кромѣ жалованья, нѣтъ никакихъ косвенныхъ прибылей, слѣдовательно, каждый не можетъ удѣлить и капли отъ ложки сухой. Намъ нужны землемѣры не пьяницы, архитекторы не помѣшанные въ умѣ*), лекаря не шарлатаны и не школьники,

*) Вѣроятно намекъ на кого нибудь.

стряпчіе по дѣламъ не сутяги, – всѣ эти люди при конторѣ необходимы и для порядочнаго устройства нужны".

„Слова, *сосредоточить управленіе*,— признаюсь не понимаю; относится ли точка до мѣстности, или до стеченія дѣлъ,—то послѣдняя, есть неподвижная,— Петербургъ. Думаютъ ли перемѣстить контору, то потребуется особенная издержка для постройки домовъ, а безъ сего будетъ разстройство, а не устройство. Сколько ни ломаю головы, не могу попасть на мысль сего всестягивающаго слова,— пожалуйста, растолкуйте, что понимаютъ они подъ симъ выраженіемъ".

„5-го числа пріѣхалъ его сіятельство фельдмаршалъ Г. Д. *), онъ сказалъ мнѣ, что я долженъ ожидать къ себѣ гостей болѣе нежели ожидаю, покрайней мѣрѣ до 40 тысячъ душъ. Теперь бы министерство могло воспользоваться для нихъ лѣсомъ изъ Молдавіи, пока наши войска оную занимаютъ. Эта статья, кажется, должна входить въ соображеніе государственной экономіи, чтобы доставить бѣднымъ людямъ возможность обстроить себя въ степномъ мѣстѣ; или договориться съ правительствомъ турецкимъ о свободной торговлѣ лѣсомъ съ Молдавіею, и тѣмъ дать способъ Бессарабіи не нуждаться въ ономъ. А безъ сего, трудно весьма большому количеству народа обзаводиться, а для казны весьма убыточно сдѣлать ссуды. Хозяйственная часть министерства должна бы кажется похлопотать объ этомъ. Болгары уже подходятъ, и на сихъ дняхъ ожидаю до 1500 душъ, а вслѣдъ за ними гораздо болѣе. Хлопоты. Дай Боже, чтобъ благополучно выдержали карантинъ и не оказалось бы какой болѣзни. Нынѣшній годъ Дунай такъ розлился, что подобной воды не помнятъ, и не смотря на сдѣланныя возвышенія плотины для переправы, едва не затопилъ оную. Отъ землетрясенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегу нашей рѣчки, земля осѣла почти на сажень и даже въ саду подѣлались трещины; болѣе всего потерпѣли трубы и печи. Впродолженіи чумной болѣзни, я жилъ въ шалашѣ въ саду, до 5-го октября; нѣкоторую часть его обработалъ, очистилъ, и сею весною довольно пересадилъ фруктовыхъ деревьевъ изъ школы, также акацій, тополей по улицамъ. На старыхъ деревьяхъ цвѣту было много, но жучки все губятъ. Вина сей годъ будетъ мало, отъ наступившихъ раннихъ морозовъ и отвлеченія людей отъ домовъ,—не успѣли зарыть виноградники во многихъ мѣстахъ, отъ чего померзли, но идутъ отъ корня. Шелковичная плантація которую Вы видѣли, еще увеличилась. Я представлялъ о шелководѣ министру и просилъ награжденія для поощренія прочимъ, чего онъ дѣйствительно заслуживаетъ, но по сихъ поръ ничего нѣтъ,—таково поощреніе къ разведенію шелководства! А сколько намарано о томъ бумаги, постановленій, обѣщаній! Къ чему же это все служитъ? Неужели все попеченіе обращено къ тому, чтобы нехотя заставить ничему не вѣрить! Симъ правиломъ едва ли увеличится

*) Дибичъ?

народное богатство,— потолкуйте о семъ съ господами экономами. Однако же пора кончить, ибо глаза рѣжетъ, они у меня опять начали болѣть. Обнимая Васъ душевно, искренно желаю, дабы поѣздка Ваша не была втунѣ, но послужила ко всеобщей пользѣ. Весь Вашъ И. Инзовъ. 9-го мая 1830 года, Болградъ".

14-е. Отъ генерала Инзова министру внутреннихъ дѣлъ графу Закревскому.

„Вашему Высокопревосходительству не безъизвѣстно, что при самомъ основаніи иностранныхъ колоній въ южномъ краѣ Россіи, верховное правительство, обращая особенное вниманіе на благосостояніе оныхъ и на достиженіе истинной пользы, отъ учрежденія сихъ колоній для государства послѣдовать долженствующей, заботилось о распространеніи въ нихъ всѣхъ тѣхъ отраслей хозяйства, кои по климату, почвѣ земли и мѣстнымъ обстоятельствамъ въ семъ краѣ существовать могутъ. Для сего, особенное наблюденіе и направленіе колонистовъ было признано необходимымъ еще во время управленія тѣмъ краемъ покойнаго Новороссійскаго военнаго губернатора Дюка-де-Ришелье. Высочайшимъ рескриптомъ, послѣдовавшимъ на его имя 1808 года августа 11-го, была возложена на бывшаго главнаго судью Новороссійской конторы опекунства иностранныхъ поселенцевъ, Контеніуса, съ увольненіемъ его отъ производства письменныхъ, денежныхъ и отчетныхъ дѣлъ,—обязанность: „стараться о распространеніи хлѣбопашества въ колоніяхъ, о улучше„ніи овцеводства, скотоводства и шелководства, о разведеніи виноград„ныхъ садовъ и всѣхъ растеній, которыя только могутъ быть произве„дены въ тамошнемъ климатѣ, и вообще о всемъ что по хозяйственной „части можетъ доставить и колоніямъ и краю выгоду и пользу".

„Впослѣдствіи времени, когда г. Контеніусъ по преклонности лѣтъ и слабому здоровью, въ 1818 году, оставилъ вовсе службу, то блаженныя памяти Императоромъ Александромъ I, при обозрѣніи Его Величествомъ въ томъ году Новороссійскихъ колоній, было признано полезнымъ, по личному удостовѣренію, продолженіе таковаго надзора по хозяйственной части".

„Высочайшимъ указомъ даннымъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ 5-го января 1819 года, повелѣно: принять г. Контеніуса паки на службу, съ званіемъ экстраординарнаго члена попечительнаго комитета о колонистахъ южнаго края Россіи, съ тѣмъ чтобы состоять ему по хозяйственнымъ и другимъ частямъ колонистскаго управленія, въ личномъ только сношеніи со мною, на томъ самомъ основаніи, какъ онъ находился съ Дюкомъ-де-Ришелье. Сего рода служеніе г. Контеніуса, продолжавшееся до самой кончины его, въ семъ году послѣдовавшей, принесло важную и очевидную пользу. Его попеченіемъ и надзоромъ, его благоразумными распоряженіями, на опытности и пріобрѣтенныхъ по хозяйственной части свѣдѣніяхъ основанными, многія колоніи доведены

до особеннаго устройства, а нѣкоторыя отрасли хозяйства до цвѣтущаго состоянія; другія, для усовершенствованія коихъ нужно болѣе времени, основаны и требуютъ только продолженія надлежащаго о томъ попеченія и направленія, дабы колоніи Новороссійскаго края содѣлать впослѣдствіи вообще, примѣрными во всѣхъ отношеніяхъ поселеніями. Но для успѣшнаго достиженія сей цѣли, необходимо нужно возложить продолженіе наблюденія и попеченія по сей части, на особаго чиновника, въ томъ же видѣ какъ симъ занимался въ протеченіи 22-хъ лѣтъ г. Контеніусъ; ибо конторы не могутъ ни въ какомъ отношеніи замѣнить подобнаго направленія, требующаго для дѣйствительнаго успѣха и существенной пользы постояннаго занятія симъ предметомъ одного лица, имѣющаго по опыту къ тому наклонность, способности и предварительныя свѣдѣнія. Для сего я нахожу въ полной мѣрѣ способнымъ и достойнымъ старшаго члена Екатеринославской конторы иностранныхъ поселенцевъ чиновника 8-го класса Фадѣева, избраннаго и предуготовленнаго къ тому въ протеченіи 15-ти лѣтъ покойнымъ г. Контеніусомъ, о чемъ онъ самъ свидѣтельствовалъ неоднократно не только мнѣ, но и блаженныя памяти Государю Императору, а равномѣрно графу Виктору Павловичу Кочубею, во время управленія его сіятельствомъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Чиновникъ сей, при наклонности и способностяхъ его къ сему занятію, соединяетъ отличное усердіе къ службѣ и благонамѣренность къ пользѣ общей. По таковымъ уваженіямъ, поставляя обязанностію представить о вышеписанномъ обстоятельствѣ Вашему высокопревосходительству, я всепокорнѣйше прошу довести объ ономъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на опредѣленіе г. Фадѣева въ экстраординарные члены попечительнаго комитета о колонистахъ южнаго края Россіи, для наблюденія за хозяйственнымъ устройствомъ оныхъ, на мѣсто Контеніуса, и на томъ же самомъ основаніи, съ тѣмъ чтобы по среднимъ еще лѣтамъ и дѣятельности г. Фадѣева, не ограничивая совершенно его обязанности отнынѣ же, таковымъ наблюденіемъ, оставить его впредь, до дальнѣйшаго времени и управляющимъ Екатеринославской конторою иностранныхъ поселенцевъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь и проч. Иванъ Инзовъ. 1830 года, августа 15-го, Кишиневъ".

15-е. Отъ генерала Инзова графу Виктору Павловичу Кочубею, предсѣдателю Государственнаго Совѣта.

„Увѣренность о соучастіи, которое Ваше сіятельство принимать изволите въ благосостояніи колоній южнаго края, подъ Вашимъ попеченіемъ большею частію основанныхъ и распространившихся, побуждаетъ меня утруждать Васъ о нижеслѣдующемъ:"

„Вашему сіятельству извѣстно, сколь много содѣйствовалъ устроенному состоянію сихъ колоній покойный дѣйствительный статскій со-

вѣтникъ Контеніусъ, кончиною коего въ нынѣшнемъ году, къ крайнему моему сожалѣнію, я лишился достойнаго товарища и сослуживца. Тридцатилѣтними стараніями и надзоромъ его по хозяйственной въ оныхъ части, нѣкоторыя отрасли въ колоніяхъ доведены вполнѣ до цвѣтущаго состоянія; но другія, вновь основанныя и требующія многолѣтняго и постояннаго оныхъ направленія, какъ напримѣръ: лѣсоводство, шелководство и проч., содѣлываютъ весьма полезнымъ продолжить особенное по сей части наблюденіе. Сіе было предусмотрѣно самимъ г. Контеніусомъ, и по сему поводу покойный, пріуготовивъ къ такому занятію старшаго члена Екатеринославской конторы иностранныхъ поселенцевъ Фадѣева, своими наставленіями и примѣромъ въ протеченіи пятнадцати лѣтъ, свидѣтельствовалъ о способностяхъ къ тому г. Фадѣева,— какъ я то усмотрѣлъ изъ оставшихся бумагъ покойнаго,—и блаженныя памяти Императору, и Вашему сіятельству. Находя съ одной стороны, что для усугубленія пользы отъ учрежденія колоній иностранныхъ поселенцевъ, государству послѣдовать долженствующей, утвержденіе и распространеніе въ оныхъ разныхъ отраслей хозяйства, здѣшнему климату и почвѣ земли свойственныхъ,—необходимо; а съ другой, что для успѣха въ томъ, наблюденія и направленія поселенцевъ въ семъ отношеніи, со стороны свѣдущаго и опытнаго чиновника крайне желательны,—я признаю совершенно способнымъ и достойнымъ къ таковому дѣлу г. Фадѣева, соединяющаго при умѣніи и свѣдѣніяхъ его по сей части замѣчательное усердіе къ службѣ, безкорыстіе и благонамѣренность къ пользѣ общей".

„По таковымъ уваженіямъ, представивъ нынѣ г. министру внутреннихъ дѣлъ о сихъ обстоятельствахъ, я прошу его о исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на опредѣленіе г. Фадѣева, на мѣсто покойнаго г. Контеніуса, въ экстраординарные члены попечительнаго комитета о колонистахъ южнаго края Россіи, съ тѣмъ, чтобы по далеко еще не старымъ годамъ и дѣятельности Фадѣева, не ограничивая совершенно отнынѣ же его обязанности исключительно однимъ наблюденіемъ по хозяйственной части, оставить при немъ и управленіе Екатеринославскою конторою иностранныхъ поселенцевъ. А такъ какъ г. Контеніусъ, признавая сіе распоряженіе для поддержанія и распространенія благихъ преднамѣреній его на пользу общую и въ интересѣ государства, весьма нужнымъ, полагалъ особенное упованіе къ исходатайствованію Высочайшаго утвержденія онаго на содѣйствіе Вашего сіятельства, то я и пріемлю смѣлость Вамъ о семъ донести, покорнѣйше прося непосредственно засвидѣтельствовать Его Императорскому Величеству пользу и надобность въ таковомъ распоряженіи".

„Съ чувствомъ совершеннѣйшаго почтенія и преданности навсегда пребыть честь имѣю и проч. Иванъ Инзовъ. Кишиневъ, 1830 года, августа 15-го".

16-е. Отъ генерала Инзова министру внутреннихъ дѣлъ Димитрію Николаевичу Блудову.

„Членъ попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края, коллежскій совѣтникъ Фадѣевъ, отлично ревностною и полезною службою своею заслуживаетъ обращенія на оную особеннаго вниманія верховнаго правительства. Находясь уже близь двадцати лѣтъ въ службѣ по колонистской части, въ продолженіи коихъ шестнадцать лѣтъ управлялъ колоніями Екатеринославскаго водворенія, онъ весьма содѣйствовалъ утвержденію благосостоянія оныхъ. Подъ его надзоромъ и распоряженіемъ основано сорокъ шесть колоній, водворено въ оныхъ пятнадцать тысячъ душъ, и положены твердыя начала ихъ благоустройства. Въ 1833 году, когда общій неурожай постигъ Екатеринославскую и Таврическую губерніи, его дѣятельными мѣрами и распоряженіями отвращены существенныя нужды иностранныхъ поселенцевъ тѣхъ губерній, не только безъ всякихъ издержекъ отъ казны, но даже съ весьма незначительнымъ употребленіемъ на то суммъ колоніальныхъ общественныхъ. Въ томъ же году было отъ меня возложено на него составленіе требуемаго по Высочайшему соизволенію проэкта положенія для управленія колоніями южнаго края. Таковой проэктъ, мною же къ Вашему Высокопревосходительству препровожденный, составленъ имъ со всевозможною полностію и соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ условій, кои требовались Вашимъ, милостивый государь, ко мнѣ отношеніемъ отъ 26-го іюля 1833 года. Наконецъ, по вступленіи г. Фадѣевымъ въ настоящую должность, онъ съ равномѣрною дѣятельностію и усердіемъ продолжаетъ содѣйствовать мнѣ по управленію колоніями здѣшняго края“.

„На основаніи постановленія о пенсіяхъ, г. Фадѣевъ, уже находясь въ дѣйствительной службѣ близь 35-ти лѣтъ, вскорѣ будетъ имѣть узаконенное право на полученіе пенсіи VI разряда по 1500 рублей въ годъ; но какъ дальнѣйшее его нахожденіе на службѣ, при его не старыхъ еще лѣтахъ, способностяхъ, опытности и усердіи, было бы весьма полезно и желательно, то по уваженію всего выписаннаго, я побуждаюсь долгомъ справедливости убѣдительнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство, повергнуть вышеозначенныя заслуги коллежскаго совѣтника Фадѣева на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе, и исходатайствовать ему пожалованіе пенсіона, съ оставленіемъ на службѣ, по 1500 рублей въ годъ. Таковое вознагражденіе, въ полной мѣрѣ имъ заслуженное, поощритъ его и къ дальнѣйшему продолженію ревностной и полезной его службы. Послужной его списокъ при семъ представляется. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Иванъ Инзовъ. Кишиневъ, 1834 года, ноября 22-го дня“.

17-е. Отъ министра внутреннихъ дѣлъ Димитрія Николаевича Блудова къ А. М. Фадѣеву.

Милостивый государь Андрей Михайловичъ. Усердная и полезная служба Ваша всегда пріобрѣтала Вамъ справедливое право на внима-

ніе начальства. Имѣя сіе въ виду, я ожидалъ случая сдѣлать что-либо въ пользу Вашу. Теперь сей случай представился. Не желаете ли Вы быть помѣщеннымъ въ кандидаты главнаго попечителя калмыцкаго народа, обитающаго въ Астраханской губерніи и Кавказской области? Мѣсто сіе вновь образовалось Высочайше утвержденнымъ въ 24-й день минувшаго ноября (1834) положеніемъ: жалованія 2000 и на столъ 2000 рублей. Въ обязанность главнаго попечителя, сверхъ предсѣдательства въ совѣтѣ, въ коемъ соединяются всѣ исполнительныя дѣла калмыцкаго управленія, входитъ: наблюденіе какъ лично, такъ и посредствомъ подчиненныхъ ему улусныхъ попечителей, за благоустройствомъ, порядкомъ, благочиніемъ и вообще управленіемъ калмыцкаго народа, словомъ, оно не составляетъ собою прежняго главнаго пристава, но постъ болѣе уваженный, считающійся въ 5 классѣ и замѣщаемый Высочайшею властью".

„Я покорнѣйше прошу Васъ, милостивый государь, о намѣреніи Вашемъ въ настоящемъ случаѣ поспѣшить меня увѣдомить, а между тѣмъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и проч. Д. Блудовъ. 16-го января 1835 года".

18-е. Отъ директора департамента министерства внутреннихъ дѣлъ Лекса къ А. М. Фадѣеву.

„Милостивый Государь, Андрей Михайловичъ! Господинъ министръ, зная знакомство мое съ Вами, поручилъ мнѣ вновь предложить Вамъ, не согласитесь ли Вы принятъ званіе начальника калмыцкаго управленія. Оно по новому Уставу весьма важно, обезпечено порядочнымъ жалованіемъ (4000 р.), къ тому же военный губернаторъ, съ коимъ нужно будетъ имѣть дѣло, прекраснѣйшій человѣкъ. Дмитрій Николаевичъ *) говоритъ, что онъ желаетъ Васъ имѣть тамъ собственно для первоначальнаго устройства, полагая что это поведетъ Васъ, и можетъ быть неотложно, и къ занятію губернаторскаго мѣста. Его превосходительство совершенно убѣжденъ въ Вашихъ способностяхъ и правилахъ, а потому *очень-очень* хочетъ получить Ваше согласіе, но впрочемъ не желаетъ мѣшать Вашимъ разсчетамъ и соображеніямъ. Ожидая отвѣта Вашего, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. М. Лексъ. 12-го августа 1835-го года".

19-е. Министру внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудову, отъ главнаго попечителя объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, генерала отъ инфантеріи Инзова. Отъ 4-го октября 1835-го года.

„Почтеннѣйшимъ отношеніемъ Вашего Высокопревосходительства 17-го сентября, Вы изволили меня извѣстить о Всемилостивѣйшемъ пожаловании члену попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселен-

*) Блудовъ.

цахъ южнаго края Россіи, колежскому совѣтнику Фадѣеву, ордена Св. Анны 2-го класса, Императорскою короною украшеннаго, по представленію Г. Новороссійскаго генералъ-губернатора, съ присовокупленіемъ, что денежное награжденіе, о коемъ я ходатайствовалъ, можетъ быть ему доставлено впослѣдствіи, о чемъ и представляете мнѣ въ свое время войти съ представленіемъ".

„На сіе имѣю честь Вашему Высокопревосходительству объяснить, что ходатайство графа Михаила Семеновича о награжденіи Г. Фадѣева симъ орденомъ было учинено собственно за успѣшныя занятія его управленіемъ Екатеринославскихъ казенныхъ садовъ, сверхъ настоящей должности, ибо его попеченіями доведены сады сіи до отличнаго устройства, и открыты способы къ дальнѣйшему ихъ содержанію безъ издержекъ отъ казны. Мое же ходатайство о наградѣ его пенсіею, отъ 22-го ноября 1834-го года, относилось къ доставленію ему воздаянія за отличныя заслуги непосредственно по части колоніальной. Таковыя заслуги г. Фадѣева по сей части, дающія, по мнѣнію моему, полное ему право на изъятіе изъ общаго закона о пенсіяхъ, суть слѣдующія:"

„1-е. Управляя до 1834-го года 16 лѣтъ всѣми колоніями въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической, онъ довелъ оныя, благоразумными распоряженіями своими, до замѣчательной степени устройства. Подъ его непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ основано 46 колоній, водворено въ оныхъ 15 тысячъ душъ и положены твердыя начала ихъ благосостоянія".

„2-е. Въ 1833-мъ году, при общемъ бѣдствіи въ здѣшнемъ краѣ отъ совершеннаго неурожая, его неутомимымъ попеченіемъ, сопряженнымъ при разъѣздахъ въ продолженіи всей осени и зимы съ значительнымъ разстройствомъ здоровья, отвращены существенныя нужды иностранныхъ поселенцевъ въ оныхъ губерніяхъ, не только безъ всякихъ издержекъ отъ казны, но даже, по Таврической губерніи вовсе безъ издержекъ изъ суммъ колоніальныхъ, а въ Екатеринославской съ весьма незначительнымъ употребленінмъ оныхъ".

„3-е. За симъ въ 1833-мъ году, сверхъ занятій по дѣламъ текущимъ, онъ составилъ проэктъ положенія для управленія колоніями южнаго края со всевозможною точностію; распорядилъ весьма удобно раздѣленіе мѣстныхъ въ колоніяхъ управленій, и вообще теченіе дѣлъ по сему управленію, измѣнившееся новымъ образованіемъ 1833-го года. И наконецъ:"

„4-е. Въ нынѣшнемъ 1835-мъ году, по предписанію Вашего Высокопревосходительства, сдѣлавъ разборъ состоянія еврейскихъ колоній, для достовѣрнаго свѣдѣнія о существенномъ ихъ положеніи, весьма удовлетворительно, онъ послѣ того личнымъ настояніемъ и распоряженіями много содѣйствовалъ успѣшному сбору податей въ нѣмецкихъ и болгарскихъ колоніяхъ, коихъ донынѣ уже въ казну отправлено болѣе 600 тысячъ рублей".

„Основываясь на сихъ причинахъ, тѣмъ болѣе уваженія заслуживающихъ, что г. Фадѣевъ въ послѣдніе три года совершенно жертвовалъ собою на пользу службы, тогда какъ весьма озабоченъ былъ по недостаточному состоянію семейными обстоятельствами, при болѣзненномъ состояніи жены и потребности воспитанія троихъ дѣтей,— я убѣдительнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство повергнуть сіе мое представительство непосредственно на Высочайшее благоуваженіе Всемилостивѣйшаго нашего Государя и испросить ему въ награду и поощреніе къ дальнѣйшему полезному его служенію, не въ примѣръ другимъ, пенсію на службѣ, по 1500 рублей въ годъ. Послужной же его списокъ при семъ представляется. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь и проч. Иванъ Инзовъ".

(Это представленіе достигло своей цѣли и Андрею Михайловичу былъ пожалованъ пенсіонъ въ полторы тысячи рублей ежегодно на службѣ).

20-е. Отъ министра внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудова къ А. М. Фадѣеву.

„Милостивый государь Андрей Михайловичъ. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 5-го сего ноября опредѣлены Вы главнымъ попечителемъ и предсѣдателемъ совѣта управленія калмыцкимъ народомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Его Императорское Величество, по ходатайству моему, Всемилостивѣйше соизволилъ назначить Вамъ въ пособіе на переѣздъ и на первоначальное обзаведеніе въ новомъ мѣстѣ Вашей службы, четыре тысячи рублей изъ государственнаго казначейства".

„Сдѣлавъ съ моей стороны надлежащее по сему предмету распоряженіе и извѣстивъ какъ попечительный комитетъ, такъ и Астраханскаго военнаго губернатора, я поставляю пріятнымъ долгомъ увѣдомить о семъ непосредственно и Васъ, милостивый государь. При семъ имѣю честь присовокупить, что при назначеніи Васъ въ настоящую должность, я основывался на долговременной, усердной и полезной службѣ Вашей и на отличныхъ качествахъ, которыя пріобрѣли Вамъ справедливое вниманіе и уваженіе начальства. Я совершенно увѣренъ, что и въ семъ новомъ званіи Вы, руководствуясь тѣми же правилами, коими сопровождалась донынѣ служба Ваша, точнымъ исполненіемъ возложенныхъ на Васъ обязанностей, оправдаете довѣріе начальства и дадите мнѣ случай обратить на Васъ Всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора. Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію и проч. Д. Блудовъ. 15-го ноября 1835-го года".

21. Министру внутреннихъ дѣлъ Блудову отъ Астраханскаго военнаго губернатора И. С. Тимирязева.

„Милостивый государь Дмитрій Николаевичъ. По Высочайшему Его Императорскаго Величества указу, данному Правительствующему Сенату

въ 5-й день ноября 1835 года, опредѣленъ главнымъ попечителемъ калмыцкаго народа, коллежскій совѣтникъ Фадѣевъ. Г. Фадѣевъ по вступленіи въ свою должность, ознакомясь съ дѣлами прежняго калмыцкаго управленія, съ открытіемъ совѣта, суда зарголамайскаго правленія и нѣкоторыхъ изъ улусныхъ судовъ,—далъ дѣламъ симъ самое удовлетворительное движеніе. Въ послѣдствіи нѣкотораго времени, г. Фадѣевъ, на основаніи 59 § о калмыцкомъ народѣ, приступиль къ обозрѣнію и ревизіи казенныхъ и владѣльческихъ улусовъ и ихъ управленій. По осмотрѣ всѣхъ улусовъ, кромѣ Большедербетовскаго, находящагося въ Кавказской области, г. Фадѣевъ представилъ мнѣ отчетъ по этой ревизіи. Всѣ представленія по этому предмету г. Фадѣева, всѣ замѣчанія, сдѣланныя имъ со времени вступленія въ должность главнаго попечителя, заслуживаютъ особаго вниманія и обнаруживаютъ глубокія свѣдѣнія г. Фадѣева, вѣрный взглядъ его и прямое съ усердіемъ сопряженное желаніе улучшить жребій управляемаго имъ народа. Труды г. Фадѣева, свидѣтельствующіе о его полезныхъ способностяхъ, тѣмъ еще уважительнѣе, что къ составленію отчетности по обозрѣнію улусовъ, не было у него такихъ матеріаловъ въ дѣлахъ прежняго времени, изъ которыхъ можно было бы извлечь полезныя свѣдѣнія, для описанія калмыцкаго народа, нуждъ его устройственности. Всѣ предположенія г. Фадѣева къ благоустройству калмыковъ, приведеніе коихъ въ дѣйствіе зависитъ отъ мѣстной власти, воспримутъ нынѣ же свое начало; о всѣхъ же предположеніяхъ, приведеніе коихъ въ дѣйствіе превышаетъ власть здѣшняго начальства, а равно и во всѣхъ нуждахъ въ измѣненіи положенія о калмыкахъ, я буду имѣть честь внести мое представленіе на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства особо. Между тѣмъ личное присутствіе Фадѣева въ Петербургѣ, могло бы ускорить окончаніе полезныхъ предположеній; ибо при всей удовлетворительности сихъ предположеній, многосложность и разнообразность оныхъ, указываютъ надобность и въ самомъ словесномъ объясненіи; тѣмъ болѣе, что при приведеніи въ положительную точность свѣдѣній о калмыцкомъ народѣ, посредствомъ доклада, онъ можетъ получить отъ Вашего Высокопревосходительства оффиціальныя и приватныя наставленія къ лучшему устройству ввѣренной ему части, тогда какъ переписка по этому предмету, обыкновеннымъ образомъ, можетъ требовать значительнаго времени. По симъ то основнымъ видамъ, я пріемлю смѣлость покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство не оставить Вашимъ вызовомъ г. Фадѣева по дѣламъ службы въ Петербургъ. Я смѣло могу рекомендовать Вамъ, милостивый государь, г. Фадѣева, какъ чиновника, отличнаго и имѣющаго право на уваженіе его полезныхъ дарованій; а дарованія сіи поставляютъ меня въ долгъ испрашивать милостиваго Вашего ему покровительства,—удостовѣряя Васъ, что способности и усердіе этого достойнаго чиновника, составляютъ твердое ручательство въ томъ, что, оставленіе г. Фадѣева при должности главнаго попечителя надъ

калмыцкимъ народомъ, и поощреніе, имъ вполнѣ заслуженное, принесетъ несомнѣнныя пользы для народа и для самой службы. Если Вамъ благоугодно будетъ изъявить согласіе на мое ходатайство въ отношеніи вызова г. Фадѣева въ Петербургъ, то предоставленіе этого случая я приму въ личное для себя снисхожденіе. Г. Фадѣевъ, окончивъ сіи дѣла въ Петербургѣ, можетъ успѣть возвратиться къ веснѣ въ Астрахань. Разъѣзды же его зимою, по существу дѣлъ, не могутъ разстроить управленія, которое я приму въ особое свое вниманіе. Примите увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и проч. Иванъ Тимирязевъ. 4-го ноября 1836 года".

22-е. Министру внутреннихъ дѣлъ Блудову отъ Астраханскаго военнаго губернатора Тимирязева, по поводу замедленія назначенія пенсіи.

„Милостивый государь Дмитрій Николаевичъ. Изъ многихъ моихъ представленій по дѣламъ калмыцкаго управленія, Ваше Высокопревосходительство изволили усмотрѣть полезные труды и занятія главнаго попечителя калмыцкаго народа, коллежскаго совѣтника Фадѣева, а по донесенію моему, 4-го ноября истекшаго года, Вы дозволили ему прибыть въ Петербургъ для личныхъ докладовъ дѣлъ по калмыцкому управленію".

„Нынѣ, присутствіе г. Фадѣева въ Петербургѣ убѣдитъ Васъ, милостивый государь, какъ въ отличныхъ способностяхъ, дарованіяхъ, усердіи и трудахъ этого достойнаго чиновника, такъ равно и въ полезныхъ его занятіяхъ по управленію калмыцкимъ народомъ. При таковомъ служеніи г. Фадѣева, какъ я обязываюсь повторить, оставленіе этого чиновника при настоящей должности и поощреніе имъ заслуженное, принесетъ несомнѣнныя пользы для народа и самой службы. Хотя и можно быть увѣреннымъ, что Ваше Высокопревосходительство, въ уваженіе отличной службы Фадѣева, не оставите оной безъ милостиваго вознагражденія, но долголѣтнее прежнее служеніе безъ особенныхъ наградъ и съ особенными пользами для службы, похвальное прохожденіе Фадѣевымъ настоящей должности и обстоятельства, въ коихъ этотъ достойный чиновникъ находится, все сіе порознь и взятое въ совокупности дѣлаетъ необходимымъ опредѣлить мѣру вознагражденія, съ изъятіемъ изъ общихъ правилъ. Обстоятельства сіи заключаются въ нижеслѣдующемъ. Главный попечитель объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, генералъ-отъ-инфантеріи Инзовъ, отъ 4-го октября 1835 года, отношеніемъ въ спискѣ у сего включаемомъ, предстательствовалъ у Вашего Высокопревосходительства объ исходатайствованіи Фадѣеву не въ примѣръ прочимъ, пенсіи на службѣ 1500 рублей въ годъ, по заслугамъ, въ томъ донесеніи изложеннымъ. Вмѣстѣ съ симъ, по словесному изъясненію г. Фадѣева, было ему сдѣлано отъ министерства предложеніе о принятіи на себя должности главнаго попечителя

калмыцкаго народа. Г. Фадѣевъ на сдѣланное ему предложеніе, отвѣчалъ, что онъ съ готовностію приметъ на себя это званіе, если только правительству угодно будетъ предоставить ему вспоможеніе на переѣздъ и просимую генераломъ Инзовымъ пенсію. Въ послѣдствіи времени на переѣздъ Фадѣева назначено 4 тысячи рублей, но награды, просимой Инзовымъ, не назначено. Назначеніе г. Фадѣева въ настоящую должность главнаго попечителя не предоставило ему въ отношеніи содержанія никакихъ выгодъ; ибо содержаніе сіе, осталось въ той же мѣрѣ какою онъ пользовался по прежнему мѣсту, по 4 тысячи рублей въ годъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ назначеніемъ симъ разстроились хозяйственныя его дѣла по небольшому имѣнію, состоящему въ Херсонской губерніи, а также и домашнія дѣла по воспитанію дѣтей. Отъ таковаго стеченія обстоятельствъ, Фадѣевъ въ нѣсколько лѣтъ долженъ будетъ разстроиться въ дѣлахъ своихъ и поселить, какъ онъ выражается, правильное сѣтованіе дѣтей, за утрату небольшаго имѣнія жены его, за которымъ онъ не можетъ нынѣ имѣть никакого надзора".

„Г. Фадѣевъ служитъ 35 лѣтъ, и по отставкѣ имѣетъ право на полную пенсію. Каждая награда кромѣ пенсіи, пожалованная ему въ установленномъ общемъ порядкѣ, не можетъ замѣнить существенныхъ нуждъ этого высоко-даровитаго чиновника; итакъ, лишеніе пенсіи на службѣ, испрашиваемой генераломъ Инзовымъ и при назначеніи въ настоящую должность, поставитъ его по долгу отца семейства, въ обязанность или просить перевода въ Новороссійскій край, гдѣ чрезъ попеченія свои объ имѣніи, онъ въ состояніи будетъ поддержать небольшое достояніе своей супруги, или же просить объ увольненіи его отъ службы".

„Изъяснивъ со всею откровенностію о нуждахъ г. Фадѣева, и будучи поставленъ въ прямой и справедливый долгъ свидѣтельствовать о полезной и отличной службѣ его, я пріемлю смѣлость всепокорнѣйше просить объ исходатайствованіи ему пенсіи на службѣ по тысячѣ пятьсотъ рублей въ годъ. Предоставленіе этой награды г. Фадѣеву, послужитъ поощреніемъ къ дальнѣйшему его отличному служенію, предоставляя вмѣстѣ съ симъ ему средство остаться въ Астрахани главнымъ попечителемъ, для пользъ калмыцкаго народа. Въ полномъ надѣяніи, что Ваше Высокопревосходительство справедливое мое предстательство примите благосклонно, я съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь и проч. Иванъ Тимирязевъ. 28-го января 1837 года".

23-е. Отъ министра государственныхъ имуществъ графа Киселева А. М. Фадѣеву, по назначеніи послѣдняго саратовскимъ губернаторомъ вслѣдствіе отзыва о немъ графа Императору Николаю Павловичу.

„Милостивый государь Андрей Михайловичъ. На письмо Ваше отъ сего 13-го мая честь имѣю отвѣтствовать, что принятое мною уча-

стіе въ новомъ назначеніи, Всемилостивѣйше Вамъ данномъ, есть послѣдствіе убѣжденія моего, что вы принесете на новомъ поприщѣ болѣе пользы, какъ для цѣлой губерніи, важной въ столь многихъ отношеніяхъ, такъ и для управленія государственными имуществами; не только мнѣ пріятно будетъ если вы продолжите вліяніе Ваше на устройство нѣкоторыхъ частей управленія, донынѣ бывшаго подъ непосредственнымъ Вашимъ начальствомъ, но я покорно прошу Васъ, кромѣ обязанности возложенной на Васъ проэктомъ учрежденія о управленіи государственными имуществами, принять все управленіе и по *всѣмъ частямъ* въ особенное Ваше руководство и направить, по Вашему усмотрѣнію, всѣ дѣйствія палаты и новаго управляющаго, который будетъ слѣдовать всѣмъ Вашимъ указаніямъ. О желаніи Вашемъ пріѣхать въ С.-Петербургъ сообщено мною графу Строганову, и отъ Васъ зависѣть будетъ обратиться къ нему съ просьбою о томъ въ то время, когда Вы признаете пріѣздъ Вашъ сюда удобнѣйшимъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Гр. П. Киселевъ. Мая 27-го дня 1841 года".

24-е. Отъ министра государственныхъ имуществъ графа Киселева къ А. М. Фадѣеву. Отъ 21-го мая 1842 года.

„Милостивый государь Андрей Михайловичъ. Я съ удовольствіемъ прочелъ письмо Ваше ко мнѣ, отъ 5-го сего мая о положеніи казенныхъ крестьянъ Заволжскаго края, найденныхъ Вами, въ отношеніи способовъ продовольствія обезпеченными хорошими всходами хлѣбовъ и попеченіями объ нихъ мѣстнаго управленія. За столь пріятное увѣдомленіе приношу Вамъ мою искреннюю благодарность, будучи увѣренъ, что доколѣ Вы будете находиться въ Саратовской губерніи, я могу быть покоенъ насчетъ порядка и хода дѣлъ, по извѣстности мнѣ вашего усердія и горячаго желанія добра, на дѣлѣ уже доказаннаго. Примите увѣреніе, и проч. Гр. П. Киселевъ".

25-е. Отъ графа Дмитрія Николаевича Блудова къ А. М. Фадѣеву.

„Милостивый государь Андрей Михайловичъ. Получивъ письмо Вашего превосходительства отъ 10-го сего мая, въ которомъ Вы поздравляете меня съ возведеніемъ въ графское достоинство, мнѣ особенно пріятно было видѣть изъ онаго, что Вы сохранили воспоминаніе о прежнихъ моихъ съ Вами сношеніяхъ, всегда мнѣ памятныхъ. Позвольте изъявить Вамъ искреннюю мою благодарность за сіи чувствованія и вмѣстѣ увѣрить Васъ въ томъ неизмѣнномъ моемъ къ Вамъ уваженіи и преданности, съ коими имѣю быть и пр. Графъ Блудовъ. 26-го мая 1842-го года".

Когда позволяло время, Андрей Михайловичъ писалъ статьи, которыя посылалъ для напечатанія въ журналы, министерскіе и

литературные, бо́льшею частію не подписывая своего имени. Какъ къ нимъ относились, и какъ ихъ цѣнили редакціи журналовъ, показываетъ прилагаемое письмо отъ издателя «Сѣвернаго Архива» весьма извѣстнаго Булгарина, по поводу одной статьи, посланнной еще изъ Екатеринослава въ 1824-мъ году.

26-е. Отъ Ѳ. Булгарина къ А. М. Фадѣеву.

„Благосклонное письмо Ваше (отъ 15-го февраля изъ Екатеринослава) я получилъ и чрезвычайно обрадовался, что узналъ почтеннаго сочинителя статьи, украсившей мой журналъ, о которомъ я относился съ похвалою совершенно безпристрастно, ибо не зналъ имени Вашего. Крайне сожалѣю, что не могу по Вашему желанію остановить печатанія, ибо у Теля все уже набрано впередъ, а потому если Вамъ угодно будетъ украсить снова и обогатить мой журналъ Вашими прелестными статьями, то можно напечатать въ видѣ *добавленія*, съ такого то по такой то годъ. Это будетъ еще замѣчательнѣе, ибо публика будетъ видѣть и прежнее и нынѣшнее положеніе того края. Статьи Вашей ожидаю, какъ жиды Мессіи, ибо въ истинномъ оцѣненіи Вашихъ свѣдѣній Вы могли быть удостовѣрены, когда я вовсе не имѣлъ чести знать сочинителя „Обозрѣнія колоній“. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и проч. Вашъ покорнѣйшій слуга Ѳ. Булгаринъ, издатель „Сѣвернаго Архива“. С.-Петербургъ, 29-го марта 1824-го года“.

27-е. Письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника Самуила Христіановича Контеніуса къ Императору Александру Павловичу, отъ 16 го октября 1825-го года, переданное Государю во время его проѣзда чрезъ нѣмецкія колоніи Новороссійскаго края А. М. Фадѣевымъ.

„Sire. Je suis inconsolable que mes infirmités me privent du bonheur le plus desiré, de celui d'aller me présenter devant la face auguste de Votre Majesté Imperiale avec la plus profonde dévotion, afin de Lui énoncer mes très humbles remerciements pour sa confirmation suprême et très gracieuse de mon testament. Sire! Quand le coeur surabonde de sentiments profonds, les paroles ne peuvent plus les exprimer: je ne peux donc que révérer en silence, le reste de mes jours, les effets des bontés magnanimes dont Votre M. I. a de nouveau daigné me combler“.

„Les colonies de ce pays ont depuis les deux années précédentes de disette, sensiblement été arretées dans l'avancement de leur bien-être; maintenat, ayant joui d'une bonne recolte, elles commencent à s'en remettre, et la multiplication des bêtes à laine et surtout l'amélioration ultérieure et méthodique des toisons, contribuera éfficacement à les conduire à un état d'aisance. La tonte de l'année passée, ayant valu à ces

colonies 260 mille roubles, a d'une manière marquante diminué leurs peines“.

„Sire! Souffrez gracieusement, que j'ose exposer à Votre Majesté une idée qui me tient sans cesse à coeur depuis le commencement de la colonisation. Le plus grand defaut de ce bon pays est le manque de bois; je suis persuadé, que ce besoin urgent peut être produit dans notre pays: une plantation naissante sur la Molotschna, peut prouver la possibilté de cette assertion. Il est vrai que le commencement de l'entreprise pourra rencontrer des difficultés,—non pas que la qualité du sol s'y opposa, mais parce que la sécheresse accidentelle de notre ciel peut quelquefois y mettre des entraves, qui cependant se laissent vaincre par la persévérance. J'ai écrit la dessus un projet et une instruction y analogue; les années passées de détresse, d'un côté,—et la répugnance du cultivateur paysan pour toutes les opérations de longue haleine,—de l'autre, en ont fait différer l' exécution“.

„Sire! L'auguste présence de V. M. I. dans les colonies, pourrait y faire créer pour le commencement 800 dessetines de bois, s'il plairait à Sa sagesse de déclarer aux mairies des cantons coloniaux, que pour leur bien essentiel, et pour celui de leur postérité, Elle desire que chaque père de famille produise et cultive successivement une demi dessetine de bois d'espèces hatives, y compris le pseudo-acacia qui reussit partout; il est à présumer que, lorsque après dix ans on sera convaincu du succés de l'entreprise, ils se trouveront des individus bien intentionnés qui voudront laisser à leurs enfants une dessetine entière de bois, formant un des premiers besoins pour l'éxistance humaine. Un mot, une exhortation gracieuse prononcée à ce sujet par Votre M. I. ferait disparaître la répugnance des colons pour l'utile objet en question et les ferait faire tout ce qui est humainement possible pour accomplir la volonté suprême de l'Auguste Empereur qu'ils adorent“.

„Je suis persuadé Sire, que, quand je ne serai plus, mon digne chef le lieutenant général d'Insof, porté avec zêle pour tout ce qui est d'une utilité reconnue,—et l'assesseur de colège Fadééff, fonctionnaire docile, appliqué, intelligent et animé du même ésprit que notre chef, ne se laissant point intimider par les difficultés du commencement, dirigeront et conduiront progressivement l'entreprise vers le but proposé, et en sorte que les colonies puissent avec le temps servir de modèle aux indigènes“.

„Sire! Souffrez gracieusement que je suplie Votre M. I. de vouloir bien m'accorder encore une dernière grace,—celle de pardonner par un effet de sa clémence, la hardiesse de l'exposition de ces longs détails, à celui qui sera jusqu'au dernier soupir avec la plus haute vénération et le plus religieux dévouement, le très humble et très fidèle sujet de Votre M. I. Samuel Contenius“.

Переводъ письма Контеніуса къ Императору Александру Павловичу.

„Государь! Я крайне скорблю о томъ, что немощи мои лишаютъ меня самаго желаннаго счастія представиться предъ августѣйшее лицезрѣніе Вашего Императорскаго Величества, чтобы выразить съ глубочайшимъ благоговѣніемъ мою всепокорнѣйшую признательность за Ваше верховное и всемилостивѣйшее утвержденіе моего духовнаго завѣщанія. Государь! Когда сердце преисполнено глубокими чувствованіями, слова не могутъ болѣе ихъ передавать; я могу только въ продолженіи остатка дней моихъ безмолвно чтить выраженіе великодушной милости, которой Ваше Императорское Величество снова удостоили меня осчастливить".

„Колоніи здѣшняго края, замѣтно задержанныя въ преуспѣяніи своего благосостоянія въ теченіе двухъ предшествовавшихъ неурожайныхъ годовъ, нынѣ, воспользовавшись хорошей жатвой настоящаго года, начинаютъ видимо поправляться. Размноженіе овецъ, а особенно дальнѣйшее послѣдовательное улучшеніе руна, будетъ дѣйствительно содѣйствовать къ приведенію ихъ въ состояніе полнаго довольства. Стрижка шерсти прошлаго года, доставившая колоніямъ 260 тысячъ рублей, ощутительнымъ образомъ уменьшила ихъ нужды".

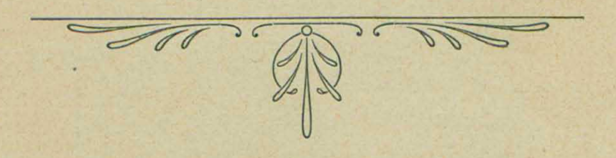
„Государь! Прошу милостиваго снисхожденія позволить мнѣ осмѣлиться изложить Вашему Императорскому Величеству мысль, постоянно лежащую у меня на сердцѣ съ самаго начала колонизаціи. Величайшій недостатокъ этой хорошей страны,—есть недостатокъ лѣса. Я убѣжденъ, что эта самонужнѣйшая потребность можетъ быть воспроизведена въ нашемъ краѣ. Возникающая плантація и насажденія по берегу рѣки Молочной, служатъ доказательствомъ моего утвержденія. Правда, что начало предпріятія можетъ встрѣтить затрудненія,—не потому, чтобы качество почвы противилось тому,—но потому, что случайная сухость нашей атмосферы можетъ иногда представлять препятствія, которыя однако несомнѣнно побѣждаются настойчивостію. Я написалъ по этому поводу проэктъ и относящуюся къ нему инструкцію; прошлые бѣдственные годы, съ одной стороны,—и отвращеніе земледѣльца крестьянина ко всякому труду, требующему времени и терпѣнія, съ другой,—замедлили ихъ выполненіе".

„Государь! Августѣйшее присутствіе Вашего Императорскаго Величества въ колоніяхъ, могло бы послужить къ созданію для перваго начала восьмисотъ десятинъ лѣса, если бы Вамъ было благоугодно объявить старшинамъ колонистскихъ поселеній, что для существеннаго блага ихъ самихъ и ихъ потомства Вы желаете, чтобы каждый отецъ семейства насадилъ и воздѣлывалъ послѣдовательно хоть полъ-десятины лѣса скоро растущихъ видовъ деревьевъ, въ томъ числѣ акацію, вездѣ удающуюся; и можно съ достовѣрностію предполагать, что чрезъ десять

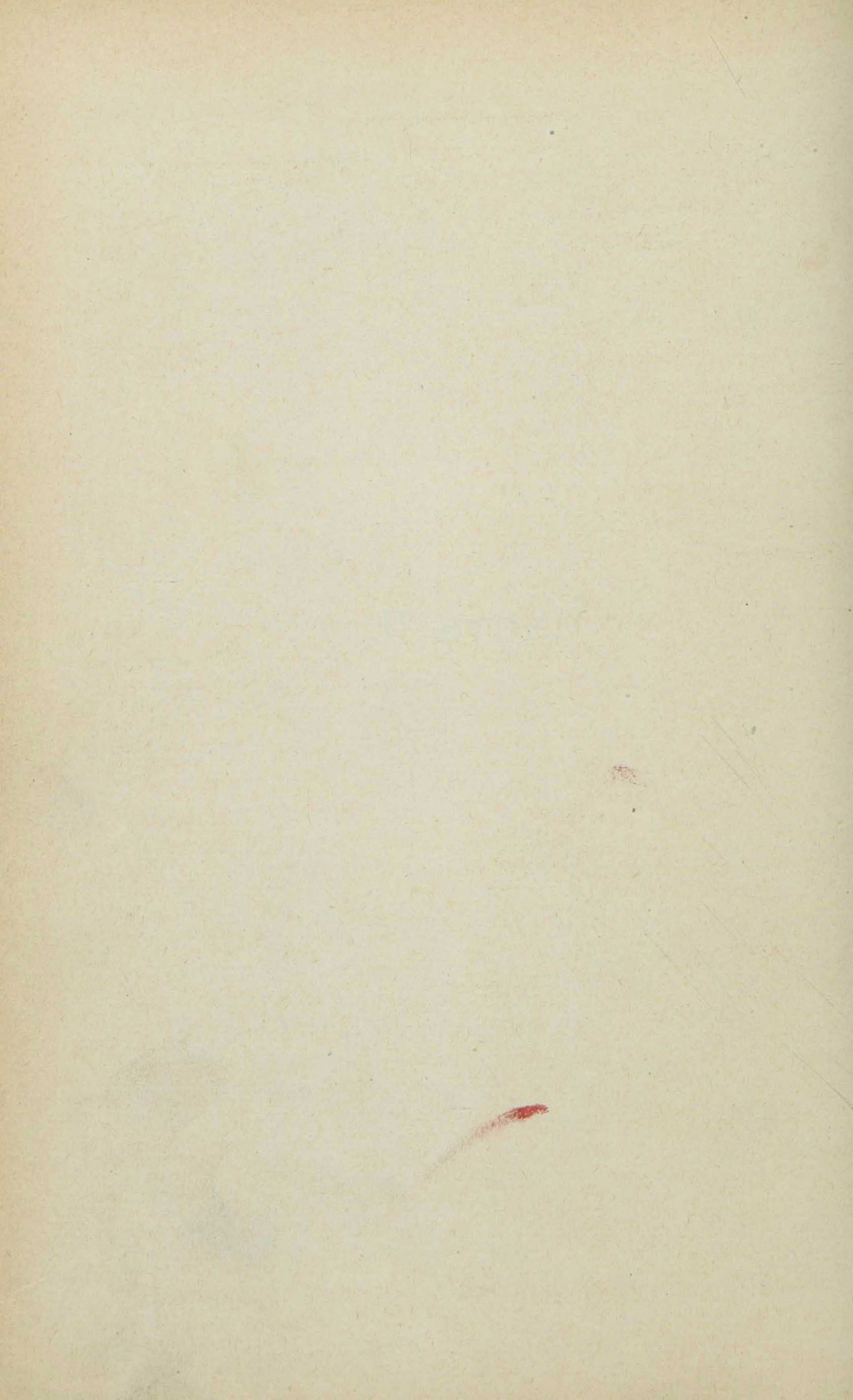
лѣтъ, когда убѣдятся въ успѣхѣ предпріятія, найдутся благонамѣренные хозяева, которые пожелаютъ оставить своимъ дѣтямъ и цѣлую десятину лѣса, составляющаго одну изъ первыхъ потребностей для человѣческаго существованія. Одно слово, одно милостивое увѣщаніе, произнесенное по этому поводу Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, заставило бы исчезнуть сопротивленіе колонистовъ къ полезному дѣлу, и заставило бы ихъ сдѣлать все, что человѣчески возможно, для исполненія верховной воли Августѣйшаго Императора обожаемаго ими".

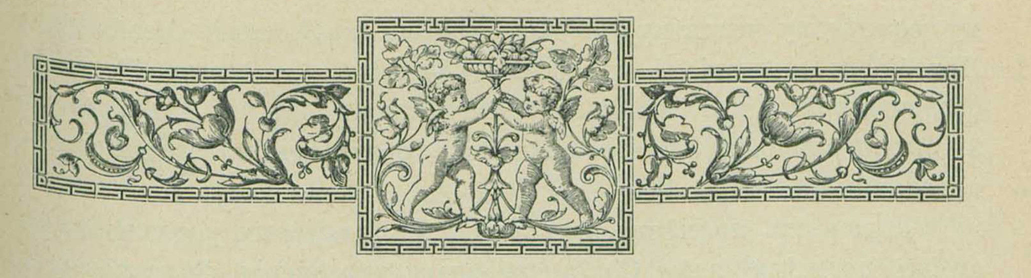
„Я убѣжденъ, Государь, когда меня уже не станетъ, мой достойный начальникъ генералъ-лейтенантъ Инзовъ, ревностно расположенный ко всему, что можетъ быть признано полезнымъ, и колежскій ассесоръ Фадѣевъ,—чиновникъ исполнительный, прилежный, разумный и одушевленный тѣмъ же духомъ какъ и нашъ начальникъ,—не допускающіе себя робѣть предъ трудностями начала,—направятъ и поведутъ постепенно это дѣло къ предназначенной цѣли такимъ образомъ, чтобы колоніи могли современемъ служить образцемъ для туземныхъ жителей".

„Государь, удостойте всемилостивѣйшаго дозволенія умолять Ваше Императорское Величество, о дарованіи мнѣ еще послѣдней милости,—простить смѣлость изложенія этихъ долгихъ подробностей тому, который пребудетъ до послѣдняго своего вздоха съ чувствомъ самаго высокаго почитанія и благоговѣйной преданности, Вашего Императорскаго Величества, всепокорнѣйшій вѣрноподданный Самуилъ Контеніусъ".

Часть II.

Первыя впечатлѣнія мои съ пріѣздомъ въ Тифлисъ были неопредѣлительны и разнообразны. Мѣстоположеніе и виды города мнѣ и женѣ моей понравились. Мы остановились на квартирѣ, заблаговременно для меня приготовленной, въ части города, именуемой Солалаками, въ домѣ отставнаго капитана армянина Мурачева. Хозяинъ съ женою оказались люди добрые и гостепріимные, квартира порядочная и удобная для насъ троихъ; видъ на горы съ галереи дома представлялся прелестный, а время наступило въ здѣшнемъ краѣ самое лучшее, то-есть осеннее, а потому эта первоначальная обстановка подѣйствовала на насъ довольно пріятно. Но дороговизна дала себя почувствовать съ самаго пріѣзда: и квартира, и всѣ потребности жизни (кромѣ нѣкоторыхъ фруктовъ) оказались значительно дороже нежели во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы до этихъ поръ жили*).

Князь Воронцовъ былъ такъ внимателенъ, что, при отъѣздѣ моемъ отъ него изъ Кисловодска, писалъ начальнику гражданскаго управленія генералъ-лейтенанту Ладинскому и вице-губернатору Десимону, прося ихъ ознакомить меня со всѣмъ тѣмъ, что заѣзже-

*) Дороговизна въ Тифлисѣ со времени пріѣзда моего въ 1846 году и по нынѣ, около двадцати лѣтъ спустя, возвышается непрестанно. Причины тому: умноженіе народонаселенія, приливъ денегъ по большому числу служащихъ военныхъ и гражданскихъ, монополія, множество злоупотребленій, необращеніе на то вниманія со стороны начальства и проч. и проч. При всей умѣренности въ нашемъ образѣ жизни, мы (я съ зятемъ моимъ Витте) проживаемъ не менѣе 14—15 тысячъ въ годъ. *)

*) Теперь, по выводѣ войскъ изъ Тифлиса, тамъ, говорятъ, стало гораздо дешевле. *Н. Ф.*

му семейному человѣку въ незнакомомъ краѣ знать необходимо. Подобнымъ вниманіемъ къ своимъ подчиненнымъ князь Воронцовъ особенно привлекалъ къ себѣ. Этимъ качествомъ, въ такой степени, какъ оно было у него, мало кто обладаетъ въ его высокомъ положеніи.

Ладинскій, по мѣсту начальника гражданскаго управленія, состоялъ предсѣдателемъ Совѣта главнаго управленія Закавказскаго края. Хотя и безъ всякаго образованія, но съ природнымъ умомъ, онъ былъ, что называется, *хитрый хохолъ*, умѣвшій угождать высшему начальству и туземнымъ аристократамъ, изъ коихъ, въ особенности съ мусульманскими (по прежней свой службѣ въ ихъ средѣ, когда еще былъ полковымъ командиромъ), находился въ большой дружбѣ. Онъ сильно защищалъ ихъ интересы въ невыгоду крестьянъ, когда совершалось дѣло о правахъ высшаго мусульманскаго сословія, и такъ запуталъ его, что и теперь, въ 1864 году, неизвѣстно, какъ и когда оно кончится. Это онъ, кажется, предвидѣлъ и немедленно по совершеніи этого дѣла подалъ въ отставку; а когда по воспослѣдованіи его увольненія одинъ изъ членовъ Совѣта спросилъ его: «кто же будетъ теперь расхлебывать кашу, которую вы по этому дѣлу заварили?»—то онъ съ иронической улыбкою отвѣтилъ: «Ужъ никакъ не я!»—Но для своихъ сотоварищей и подчиненныхъ онъ былъ человѣкъ добрый и очень радушный хлѣбосолъ. Онъ недавно (въ шестидесятыхъ годахъ) умеръ въ Ѳеодосіи и оставилъ, говорятъ, кромѣ хорошаго недвижимаго имущества въ Крыму, болѣе ста тысячъ рублей капитала, и притомъ всегда жилъ весьма недурно, даже широко; а потому и кажется, что экономіей отъ своего содержанія столько накопить едва-ли могъ.

Другими моими товарищами по Совѣту тогда были генералы: князь Чавчавадзе, Реутъ, Кохановъ, Жеребцовъ, Семеновъ и Шрамъ. Чавчавадзе былъ грузинскій аристократъ, для туземца того времени человѣкъ довольно образованный и вліятельный по отношенію къ своимъ соотечественникамъ, но съ нимъ мнѣ пришлось служить не долго. 7-го ноября того же года онъ упалъ съ дрожекъ, расшибъ себѣ голову и того же дня умеръ. Реутъ, Кохановъ, Жеребцовъ, изъ которыхъ первые два старые, храбрые Кавказскіе ветераны, люди были хорошіе, хотя мало приносившіе пользы въ Совѣтѣ; то же долженъ сказать и о прочихъ. Одинъ Семеновъ, хотя вертопрахъ не по лѣтамъ и страшный говорунъ,

выдавался однако, какъ человѣкъ смышленный и образованный; онъ былъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея. Впослѣдствіи князь Воронцовъ сдѣлалъ его попечителемъ учебнаго округа, гдѣ онъ накутилъ самымъ непозволительнымъ образомъ, да еще промоталъ казенныя деньги, что послужило поводомъ къ его удаленію отъ должности и окончательному изгнанію. Послѣ оставленія своего служенія на Кавказѣ, Семеновъ получилъ мѣсто члена главнаго управленія училищъ, подъ покровительствомъ родственника своего, графа Ростовцова. Онъ умеръ въ 1863 году въ Женевѣ.

Служба моя въ самомъ началѣ оказалась вовсе нетрудною, особенно при сравненіи съ безчисленными заботами и непріятностями на Саратовскомъ губернаторствѣ; а что лучше всего—отвѣтственности никакой, потому что всѣ постановленія Совѣта исполнялись не иначе какъ по утвержденіи ихъ намѣстникомъ. Засѣданія происходили не чаще какъ разъ или два въ недѣлю, но занятія въ нихъ бывали серьезныя, многосложныя, далеко не столь ничтожныя какъ впослѣдствіи, съ 1859 года, по преобразованіи Совѣта княземъ Барятинскимъ.

Кромѣ сотоварищей моихъ по Совѣту, я познакомился и съ другими лицами въ Тифлисѣ, или по необходимости служебныхъ съ ними отношеній, или по уваженію, коимъ они пользовались въ обществѣ, или по значенію ихъ офиціальнаго положенія. У князя Воронцова, возвратившагося въ Тифлисъ въ первыхъ числахъ ноября, я встрѣтилъ людей, давно мнѣ извѣстныхъ со времени моей жизни въ Новороссійскомъ краѣ, съ которыми судьба привела меня снова увидѣться и жить въ одномъ мѣстѣ. Въ числѣ ихъ, однимъ изъ первыхъ по давности знакомства, слѣдуетъ назвать Степана Васильевича Сафонова, директора канцеляріи намѣстника, о встрѣчѣ съ которымъ по дорогѣ моей въ Кисловодскъ я упоминалъ. Онъ былъ сынъ секретаря Екатеринославской духовной консисторіи, и я его видалъ еще съ самаго начала моего прибытія въ Екатеринославъ, когда онъ мальчикомъ бѣгалъ босикомъ по улицамъ. По окончаніи обученія въ тамошней семинаріи, отецъ опредѣлилъ его въ гражданскую службу, успѣлъ помѣстить въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернатора, гдѣ онъ, по прибытіи князя Воронцова въ Одессу, былъ имъ замѣченъ какъ молодой человѣкъ проворный, ловкій, сметливый, коего онъ могъ прилаживать для

всего, чего бы то ни было. Словомъ, онъ состоялъ при Воронцовѣ тѣмъ же, чѣмъ Поповъ у Потемкина. Быстро и скоро онъ возвысился въ чинахъ, почестяхъ, и когда князь Воронцовъ былъ назначенъ Кавказскимъ намѣстникомъ, то далъ ему мѣсто директора своей канцеляріи. Сафоновъ, разумѣется, угождалъ князю во всемъ, непрестанно и постоянно получалъ крупныя награды, и когда въ настоящемъ званіи получать ему уже было нечего, то по ходатайству князя опредѣленъ сенаторомъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ, кажется, въ прошломъ году. Въ отношеніи финансовыхъ средствъ, онъ тоже устроилъ свои дѣла очень удовлетворительно, въ особенности выгодной женитьбою на дочери богатаго Одесскаго негоціанта, грека Маразли. Сказать о немъ болѣе нечего; человѣкъ былъ впрочемъ недурной, но всему предпочитавшій свои личные интересы.

Въ выборѣ людей на губернаторскія должности, какъ въ Новороссійскомъ краѣ, такъ и здѣсь, князь Воронцовъ не обладалъ счастіемъ. По крайней мѣрѣ, я не помню ни одного губернатора, выборъ коего заслуживалъ бы названія удачнаго. То же самое можно сказать и о князѣ Барятинскомъ. У князя Воронцова въ Новороссійскомъ краѣ случались губернаторами люди честные и хорошо образованные, какъ напримѣръ Донецъ-Захаржевскій, баронъ Франкъ, Нарышкинъ и другіе, но мало опытные, безпечные и потому не слишкомъ способные къ успѣшному управленію губерніями.

Изъ прочихъ лицъ Тифлисскаго общества того времени, съ которыми мнѣ пришлось свести знакомство, замѣчательнѣйшія были: Юлій Андреевичъ Гагемейстеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, прикомандированный изъ министерства государственныхъ имуществъ состоять при намѣстникѣ—человѣкъ умный, дѣловой, хорошо знавшій Закавказскій край, дѣльный разговоръ съ которымъ и интересныя свѣдѣнія, передаваемыя имъ, всегда доставляли мнѣ удовольствіе и даже пользу. Князь Палавандовъ, бывшій Тифлисскій губернаторъ, а потомъ членъ Совѣта, одинъ изъ умнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ грузинъ, какихъ я зналъ. Графъ Дунинъ, предсѣдатель судебной палаты, съ коимъ я служебныхъ отношеній не имѣлъ, но познакомился какъ съ человѣкомъ весьма образованнымъ, любезнымъ, и хотя подчасъ и пустомелей, но по большей части довольно пріятнымъ собесѣдникомъ.

Изъ духовныхъ особъ тогда находились въ Тифлисѣ двѣ личности, высоко стоявшія въ общемъ мнѣніи и пользовавшіяся боль-

шимъ уваженіемъ какъ общества, такъ и народонаселенія: экзархъ Грузіи Исидоръ, іерархъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно достойный, коего здѣшній край, къ сожалѣнію, лишился въ 1858 году, по случаю перевода его митрополитомъ въ Кіевъ, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и донынѣ пребываетъ; и Нерцесъ, патріархъ армянскій, котораго я зналъ еще въ бытность его армянскимъ архіепископомъ въ Кишиневѣ въ двадцатыхъ годахъ, тоже человѣкъ умный, имѣвшій большое вліяніе на своихъ соотечественниковъ, скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ глубокой старости, слишкомъ девяноста лѣтъ отъ рожденія.

Остальную часть 1846 года я провелъ, знакомясь съ дѣлами и обязанностями по новой моей службѣ и чтеніи всего, что только могъ достать о Закавказскомъ краѣ. Князь Воронцовъ, съ самаго начала моего пріѣзда, мнѣ сказалъ, чтобы я готовился къ управленію государственными имуществами Закавказскаго края и къ составленію уже задуманнаго имъ преобразованія управленія этими имуществами. Управленіе было учреждено въ 1840 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Россіи, съ нѣкоторыми лишь по мѣстнымъ обстоятельствамъ измѣненіями, которыя, какъ и всѣ почти учрежденія въ Закавказскомъ краѣ, составлявшіяся по теоретическимъ соображеніямъ, оказались неудачны. Первымъ приступомъ къ этимъ занятіямъ состоялось порученіе мнѣ ревизіи сначала Тифлисской, а въ 1847 году и Шемахинской палатъ государственныхъ имуществъ и подвѣдомственныхъ имъ поселеній.

Я былъ совершенно доволенъ моимъ новымъ служебнымъ положеніемъ и душевно радовался удачной перемѣнѣ должности, мѣстожительства и, главное, начальства, которое въ близкомъ прошломъ и настоящемъ различалось между собою какъ мутный, тинистый омутъ отъ чистой, свѣтлой воды. Но въ семейной моей жизни грустно отзывалось уменьшеніе моего домашняго круга, всегда такого многочисленнаго и оживленнаго, а теперь ограниченнаго только нами тремя. Я говорилъ уже, что старшая дочь моя Екатерина съ мужемъ и дѣтьми, а также сынъ Ростиславъ остались въ Саратовѣ. Эта разлука насъ очень огорчала, особенно жену мою, и живѣйшая наша забота состояла въ томъ, какъ бы поскорѣе соединиться съ ними, въ чемъ мы не теряли надежды и что по милости Божіей сбылось въ слѣдующемъ, наступавшемъ году.

Проходившій 1846 годъ, былъ для меня годомъ тяжелыхъ испытаній и хотя окончился благополучно, но послѣдствія и впечатлѣнія перетерпѣнныхъ непріятностей, нравственно и вещественно долго еще тяготѣли надо мною. Сначала меня иногда одолѣвало уныніе, которое я конечно старался преодолѣвать. Также меня тогда безпокоило неустроенное положеніе моего сына, находившагося въ отставкѣ. Онъ колебался въ выборѣ службы; его тянуло, по всегдашнему его влеченію, въ военную службу; я же, по моимъ соображеніямъ, болѣе желалъ, чтобы онъ поступилъ въ гражданскую. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Но они прошли для него не безполезно; они сдѣлали изъ него высокообразованнаго человѣка. Онъ занимался серьезными предметами, очень много читалъ, изучалъ, познакомился основательно съ разнообразными науками, обогатилъ свой умъ многосторонними познаніями и, при его природной необыкновенной памяти, пріобрѣлъ на всю жизнь обширныя свѣдѣнія, кои впослѣдствіи изумляли первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ, не ожидавшихъ встрѣтить ихъ въ свѣтскомъ, а тѣмъ болѣе военномъ человѣкѣ. Но время проходило, и для человѣка, не обезпеченнаго независимымъ состояніемъ, оно могло въ будущемъ болѣе не вознаградиться въ отношеніи его карьеры по службѣ и матеріальныхъ средствъ къ жизни. Эта забота тяготила меня, почему я и старался ускорить его пріѣздъ на Кавказъ для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса.

Между тѣмъ, въ ожиданіи обоза высланнаго изъ Саратова съ нашими домашними вещами, надобно было обзаводиться устройствомъ квартиры, чѣмъ и занялась Елена Павловна, бравшая всегда на себя всѣ тяготы и хлопоты по дому. Мало-по-малу жизнь наша вошла въ извѣстную колею, и мы возвратились къ нѣкоторымъ изъ нашихъ прежнихъ привычекъ: по вечерамъ завелся опять бостончикъ, по большей части съ соучастіемъ нашей хозяйки Мурачевой, дамы весьма не глупой, носившей европейскій костюмъ, слѣдовательно, принадлежавшей къ туземной цивилизаціи и пользовавшейся значительнымъ уваженіемъ и вѣсомъ въ своемъ кругу, какъ по уму, такъ и по близкому родству съ князьями Бебутовыми. Я всегда имѣлъ обыкновеніе прогуливаться два раза въ день, что было необходимо для здоровья при моей сидячей рабочей жизни, и теперь продолжалъ это обыкновеніе, дѣлая утромъ и послѣ обѣда большія прогулки, иногда по нѣскольку верстъ;

предпочтительно пѣшкомъ, что скоро меня познакомило съ городомъ и его окрестностями. Всходилъ на горы Мта-Цминды къ церкви Св. Давида, гдѣ похороненъ Грибоѣдовъ, любовался дѣйствительно восхитительнымъ видомъ на Тифлисъ съ вершины скалы съ башнями надъ ботаническимъ садомъ. Меня и мою жену особенно занимала старая часть города, сохранившая вполнѣ свой азіатскій характеръ, образчики котораго мы уже видѣли, хотя конечно въ миніатюрѣ, во время нашихъ поѣздокъ по Крыму, напримѣръ, въ Бахчисараѣ. Кривыя, узкія улицы, всегда пыльныя или грязныя, переулки въ родѣ коридоровъ, упиравшіеся внезапно въ какую-нибудь стѣну или заборъ; дома съ плоскими крышами, древнія церкви своеобразной архитектуры съ остроконечными куполами, шумные базары съ тѣсными лавченками, въ коихъ вмѣстѣ работали и продавали производимый товаръ; туземныя женщины въ чадрахъ, разнообразные костюмы, караваны верблюдовъ съ бубенчиками, арбы запряженныя буйволами, ишаки навьюченные корзинами съ углемъ или зеленью, зурна съ дудками и барабанами, муши (носильщики) съ невѣроятными тяжестями на спинѣ, бурдюки съ виномъ,—все это на первыхъ порахъ насъ интересовало, а иногда и удивляло, хотя часто не особенно пріятно. Между прочимъ, мы долго не могли привыкнуть къ странной манерѣ туземнаго уличнаго пѣнія: идетъ себѣ какой нибудь азіатскій человѣкъ, спокойно, тихо и вдругъ, безъ всякаго видимаго побужденія, задеретъ голову кверху, разинетъ ротъ въ видѣ настоящей пасти и заоретъ такимъ неистовымъ, дикимъ голосомъ, что непонятно, какъ у него не лопнетъ глотка, и даже самъ отъ избытка натуги весь посинѣетъ, побагровѣетъ и зашатается на ногахъ. Этотъ неожиданный маневръ насъ просто пугалъ, и мы спросили у нашей хозяйки, что̀ онъ означаетъ? Она объяснила, что это у нихъ такіе виртуозы, поютъ они грузинскія или татарскія *аріи*. Ну, подумали мы, что городъ, то норовъ, такъ какъ по всему это пѣніе гораздо болѣе походило на норовъ нежели на арію. Когда привели изъ Саратова нашихъ упряжныхъ лошадей, незнакомыхъ съ восточными нравами, то такой виртуозъ, однажды заревѣлъ внезапно у нихъ подъ ушами и такъ ихъ перепугалъ, что онѣ чуть было не разбили экипажа.

Нерѣдко во время моихъ прогулокъ мнѣ случалось подъ вечеръ встрѣчаться съ княземъ Воронцовымъ, который тоже много

ходилъ пѣшкомъ, что ему такъ же нужно было, какъ и мнѣ, при его усидчивыхъ занятіяхъ. Онъ всякій день подолгу сидѣлъ за работой. Мнѣ часто приходилось заходить къ нему по дѣламъ въ праздничные дни и по воскресеньямъ, и я почти всегда заставалъ его за письменнымъ столомъ и за бумагами. Онъ не разъ со вздохомъ жаловался мнѣ, что никакъ не можетъ ранѣе пяти часовъ вырваться идти на прогулку. Тогда же онъ дѣлалъ и свои визиты, иногда съ княгиней, безъ всякихъ провожатыхъ, запросто. Чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи ихъ въ Тифлисъ, я съ женою и дочерью сидѣлъ у себя дома за обѣдомъ; часу въ шестомъ вдругъ зазвонилъ колокольчикъ съ улицы у входныхъ дверей, человѣкъ пошелъ отворить. За дверью стоялъ князь Воронцовъ подъ руку съ княгиней, только вдвоемъ, и самъ звонилъ въ колокольчикъ; прогуливаясь, они зашли къ намъ въ гости. Часто онъ катался и верхомъ, но тогда съ адъютантами и конвойными казаками, или въ кавалькадѣ съ княгиней. Сафоновъ, возвратившійся въ ноябрѣ изъ поѣздки въ Петербургъ, разсказывалъ какъ Императоръ Николай Павловичъ заботился о здоровьѣ и спокойствіи князя Михаила Семеновича. Предъ отъѣздомъ Сафонова, Государь призвалъ его къ себѣ и приказалъ благодарить князя за то, что онъ взялъ на себя такую обузу, какъ Грузія, и сказалъ при томъ: «Я прошу всѣхъ васъ, господъ окружающихъ князя, беречь его какъ возможно болѣе». Да и немудрено, такихъ людей какъ Воронцовъ подыскать не легко.

Съ осени еще стали носиться слухи о приближавшейся изъ Персіи холерѣ. Нѣсколько случаевъ заболѣванія уже произошли въ Сальянахъ, но полагали, что она, минуя Закавказье, пойдетъ по направленію вверхъ, вдоль Каспійскаго моря, на Астрахань, гдѣ уже дѣлались пригототовленія къ ея пріему. Въ Тифлисъ тоже прибыла коммисія врачей для встрѣчи ея и совѣщанія о принятіи предохранительныхъ мѣръ. Въ числѣ врачей пріѣхалъ командированный изъ Саратова предсѣдатель врачебной управы докторъ Соломонъ, тотчасъ же явившійся ко мнѣ съ обильнымъ запасомъ Саратовскихъ новостей, уже мало меня интересовавшихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, коммисія холеру встрѣтила, но, какъ и слѣдовало ожидать, нисколько и ни въ чемъ ей не воспрепятствовала.

Новый 1847 годъ я встрѣтилъ въ дурномъ расположеніи духа. Болѣзненные припадки жены моей, происходившіе отъ заста-

рѣлаго ревматизма, замѣтно ослабѣвшіе во время переѣзда и пріѣзда въ Грузію, что мнѣ подавало надежду на полное ихъ прекращеніе съ содѣйствіемъ южнаго климата, начали снова возобновляться такъ же, какъ и мои прежнія немощи—сильная нервная боль въ головѣ и біеніе сердца, часто меня безпокоившія. Разлука съ дѣтьми и внуками, и нѣкоторыя другія обстоятельства не совсѣмъ пріятныя, еще тяжелѣе чувствовались въ большіе праздничные дни. Тогда я не былъ еще въ такомъ твердомъ убѣжденіи, какъ теперь, что Богъ направляетъ все къ лучшему и надежда на Него не посрамитъ!

Зима въ Тифлисѣ была въ этомъ году очень теплая, морозы не достигали свыше 5° по Реомюру, и уже въ январѣ начали появляться весенніе дни, какихъ въ Саратовѣ въ эту пору года мы и во снѣ не видали. Миндальныя и абрикосовыя деревья покрылись какъ снѣгомъ густымъ бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ, въ садахъ подвязывали и подрѣзывали виноградъ; на поляхъ цвѣли фіалки и вездѣ зеленѣла трава. Замѣчательно, что съ этого времени, въ продолженіе двадцати лѣтъ, зимы становятся здѣсь все суровѣе и холоднѣе, климатъ постепенно замѣтно измѣняется. Вѣроятно, этому содѣйствуетъ безжалостное истребленіе въ окрестностяхъ Тифлиса со всѣхъ сторонъ лѣсовъ.

Въ началѣ года занятія въ Совѣтѣ состояли преимущественно въ совѣщаніяхъ по поводу открытія новыхъ губерній, раза два князь намѣстникъ самъ участвовалъ въ нашихъ засѣданіяхъ, иногда довольно продолжительныхъ. Ладинскій завелъ такой порядокъ, что послѣ каждаго засѣданія всѣ члены Совѣта отправлялись къ нему обѣдать. Онъ принималъ очень гостепріимно, хорошо кормилъ, а поилъ по бо́льшей части виномъ изъ лучшихъ мѣстныхъ виноградниковъ. По временамъ онъ задавалъ и вечера, по всей формѣ, съ дамами, музыкой и танцами. Нерѣдко и Воронцовы посѣщали его. Хоть онъ былъ старый холостякъ, но любилъ повеселиться и увеселять другихъ, жилъ совершенно привольно, въ свое удовольствіе. Вообще эта зима въ Тифлисѣ была оживленная и веселая въ общественномъ отношеніи, но мы мало принимали участія въ ея веселостяхъ, такъ какъ ни я, ни жена моя, ни дочь не чувствовали къ нимъ никакого влеченія и пользовались ими только по необходимости или, вѣрнѣе сказать, по обязанностямъ моего служебнаго положенія. Воронцовы жили конечно съ обычною своею барскою роскошью, и издавна заведенные ихъ еженедѣльные вечера по поне-

дѣльникамъ, продолжались и здѣсь такъ же, какъ въ Одессѣ, только съ болѣе интимнымъ оттѣнкомъ, въ небольшихъ комнатахъ той части дома, которую занимала княгиня, и гдѣ она въ назначенные дни принимала визиты. Кромѣ того, они нѣсколько разъ въ зиму давали блестящіе балы въ большихъ, парадныхъ залахъ дома, по праздникамъ и разнымъ случаямъ, какъ, напримѣръ, 8-го ноября, день имянинъ князя, 6-го декабря, тезоименитство покойнаго Государя Императора, подъ новый годъ и проч. На всѣхъ балахъ и вечерахъ считалось какъ бы какой то необходимостію, съ цѣлью оказать вниманіе или доставить удовольствіе туземному обществу, чтобы нѣкоторые изъ грузинскихъ дамъ и кавалеровъ протанцовали лезгинку, танецъ незамысловатый и не представлявшій ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что публика, окружающая танцующихъ, должна была подъ тактъ бить въ ладоши, что̀ сама княгиня исполняла съ превеликимъ усердіемъ. Князь, обыкновенно игравшій въ сосѣдней комнатѣ въ ломберъ, вставалъ изъ-за стола и приходилъ посмотрѣть на пляску, съ своей тонкой, неизмѣнно-снисходительной улыбкой*).

Въ половинѣ марта (1847) происходила большая церемонія по поводу прибытія въ Тифлисъ изъ Константинополя турецкаго паши — кажется Требизондскаго — съ порученіемъ отъ султана Абдулъ-Меджида вручить Воронцову портретъ султана, украшенный драгоцѣнными камнями для ношенія на груди. Пріемъ паши у князя и врученіе портрета совершилось весьма торжественно, въ присутствіи всей свиты намѣстника и всѣхъ главнѣйшихъ офиціальныхъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и я въ полной парадной формѣ.

Кромѣ занятій по Совѣту, у меня и дома къ этому времени набралось достаточное количество занятій по дѣламъ всѣхъ переселенцевъ въ Закавказскій край, переданныхъ въ мое вѣдѣніе, и по

*) На этихъ балахъ и вечерахъ довольно видная роль принадлежала парочкѣ любимыхъ животныхъ княгини Елисаветы Ксаверьевны: ручной куницѣ Ванькѣ и лягавой собакѣ Джирану. Ваньку княгиня приносила на рукахъ и сидѣла, держа его на колѣняхъ, а Джиранъ иногда занималъ почетное мѣсто возлѣ нея на диванѣ. Ванька былъ презлой и приводилъ въ большое смущеніе иныхъ дамъ, къ которымъ княгиня обращалась съ нѣжностію поглаживая его: «Voyez, quelle charmante petite bête!“—Дамы (иныя) считали долгомъ выказать свое восхищеніе къ Ванькѣ и робко пытались тоже погладить его; но Ванька при этомъ вскидывался, оскаливъ такіе острые зубы, что робко коснувшаяся его рука, быстро отдергивалась обратно — не смотря на всю почтительность къ Ванькѣ. Была еще третья выдающася личность, карликъ Ахметка, но тотъ болѣе принадлежалъ дому, нежели его хозяевамъ, и завелся еще при князѣ Паскевичѣ.

ревизіи палатъ. Мнѣ предлагали еще сдѣлаться членомъ по хозяйственной части института, но я отказался.

По порученію князя Воронцова, я отправился 5-го апрѣля для обревизованія государственныхъ имуществъ Шемахинской губерніи. Меня сопровождали жена и дочь для встрѣчи въ Баку старшей моей дочери Екатерины съ внуками, которая переселялась уже къ намъ по случаю ожидавшагося перевода зятя моего Юлія Федоровича Витте на службу въ Закавказскій край. По просьбѣ моей о перемѣщеніи его въ Тифлисъ, князь сейчасъ же предложилъ ему мѣсто начальника хозяйственнаго отдѣленія въ своей канцеляріи, но Витте долженъ былъ оставаться еще нѣсколько времени въ Саратовѣ, пока состоялись окончательныя формальности его перехода, увольненіе изъ министерства и передача дѣлъ по фермѣ.

Первый нашъ ночлегъ былъ въ нѣмецкой колоніи Елизабетталь. Меня провожалъ извѣстный тогда въ Закавказьѣ старожилъ Зальцманъ, служившій когда то офицеромъ въ Виртембергской арміи, переселившійся съ давнихъ поръ въ Грузію, занимавшійся всевозможными отраслями хозяйства (не приносившими ему однако особенныхъ выгодъ), превосходно узнавшій тотъ край и всѣ его нравы, человѣкъ весьма неглупый, занимательный разсказчикъ, бывшій какъ бы патрономъ своихъ собратій мѣстныхъ нѣмцевъ. Онъ хотѣлъ лично меня познакомить съ колоніями, ихъ выдающимися дѣятелями и дѣлами. Здѣсь кстати скажу все, что считаю нужнымъ о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Грузіи вообще.

Первый поводъ къ основанію ихъ возникъ по причинѣ желанія генерала Ермолова завести одну нѣмецкую колонію вблизи Тифлиса, для снабженія европейскихъ жителей этого города съѣстными припасами и овощами, коихъ грузины не знали и не разводили. Ермоловъ писалъ объ этомъ въ Петербургъ, и въ 1817-мъ году къ нему прислали изъ Одессы до 50-ти семействъ изъ вновь прибывшихъ Виртембергцевъ. Ермоловъ съ начала прибытія своего въ Закавказскій край, полагалъ что казенныхъ и свободныхъ въ Грузіи земель, удобныхъ къ занятію новыми поселеніями, находится необъятное пространство; но когда дошло до дѣла, то оказалось, что изъ земель, удобныхъ и имѣющихъ средства орошенія, не только въ окрестностяхъ Тифлиса, но и во всей Грузіи нѣтъ ни клочка, который не состоялъ бы въ частномъ владѣніи или на который,

по крайней мѣрѣ, не предъявлялось бы права собственности, коль скоро заявлялась надобность къ занятію его, для чего бы то ни было по распоряженію правительства. Пришлось водворить эти пятьдесятъ семействъ въ двухъ колоніяхъ, въ тридцати пяти верстахъ отъ Тифлиса, на рѣкѣ Іорѣ, на земляхъ, хотя и несомнѣнно принадлежавшихъ казнѣ, но необходимо требовавшихъ орошенія, для чего надобно было изъ той рѣки проводить водопроводъ, стоившій значительныхъ издержекъ. Ермоловъ, чтобы не оставлять долго эти переселившіяся семьи безъ пріюта и мѣста водворенія, убѣдилъ ихъ тамъ поселиться, увѣривъ ихъ, что водопроводъ имъ будетъ непремѣнно устроенъ. Правда, что правительство заботилось о томъ и употребило на это предпріятіе нѣсколько десятковъ тысячъ рублей; но вотъ съ 1817 года прошло уже около пятидесяти лѣтъ, а водопровода все еще нѣтъ. Главнѣйшія причины того самыя обыкновенныя и общеизвѣстныя: небрежность и недостатокъ знанія дѣла инженеровъ, неточныя предварительныя изслѣдованія, неопытность въ томъ мѣстнаго начальства, словомъ все, что было поводомъ у насъ въ Россіи къ безполезнымъ тратамъ многихъ милліоновъ рублей, съ начала прошедшаго столѣтія и донынѣ, на множество разныхъ подобныхъ предпріятій, не имѣвшихъ ни малѣйшаго успѣха. Колонисты этихъ двухъ колоній перебиваются кое-какъ, добываютъ себѣ сколько могутъ воды для поливки изъ рѣки Іоры и все остаются въ блаженномъ упованіи, что авось хоть когда нибудь найдется добрый человѣкъ, который съумѣетъ провести имъ постоянно нужное количество воды, если не для полей, то хоть для поливки ихъ виноградныхъ садовъ,

Такъ было въ 1847 году, при первой моей поѣздкѣ по Закавказью; такъ и теперь, чрезъ восемнадцать лѣтъ послѣ того, устройство водопроводовъ находится не въ лучшемъ положеніи въ Закавказскомъ краѣ. Слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ, какъ составляющій одну изъ важнѣйшихъ частей хозяйственнаго благоустройства въ краѣ. По моему мнѣнію, необходимо было бы составить зрѣло обдуманный планъ для дальнѣйшаго и постепеннаго дѣйствія правительства по этому дѣлу, едва ли не самонужнѣйшему для благосостоянія Закавказскаго края. Безъ этого, всѣ будущія (также какъ и прошлыя) издержки и денежныя пожертвованія къ достиженію цѣли будутъ напрасны

и безполезны. До настоящаго времени относительно устройства въ общихъ видахъ водопроводовъ и орошенія земель въ краѣ ничего не предпринято. Извѣстный своими смѣлыми проектами тайный совѣтникъ баронъ Торнау составилъ обширный планъ для осуществленія этой настоятельной потребности, и планъ его, вполнѣ одобренный правительствомъ, могъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ; но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, проявилось затрудненіе, пресѣкшее дѣло въ самомъ корнѣ: недостатокъ источниковъ, откуда бы получить на это деньги, коихъ потребовалось бы много. Баронъ Торнау предполагалъ сдѣлать заемъ въ двѣнадцать милліоновъ рублей заграницею и даже нисколько не сомнѣвался въ успѣхѣ его, но горько обманулся. Для совершенія займа былъ назначенъ полугодовой срокъ, который миновалъ, и оказалось, что заемъ не состоялся. Въ утѣшеніе свое отъ неудачи этого предпріятія, баронъ поступилъ вновь на службу и назначенъ прямо въ сенаторы.

По водвореніи въ 1817 году, какъ сказано, пятидесяти нѣмецкихъ семей на земляхъ, лишенныхъ орошенія, за неимѣніемъ болѣе удобныхъ, да и никакихъ другихъ, въ слѣдующемъ 1818 году представилась надобность снова въ земляхъ для неожиданнаго водворенія новыхъ колонистовъ и въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ, нежели прежде, по слѣдующей причинѣ.

Извѣстно, что французская революція и Наполеоновскія войны, а также сочиненія Юнга Штилинга и бредни M-me Криднеръ, распространили въ Германіи идею о приближеніи скорой кончины міра. Извѣстно также и то, что Юнгъ Штилингъ и M-me Криднеръ пользовались въ продолженіе нѣкотораго времени благоволеніемъ и довѣріемъ Императора Александра Павловича. Идея о скорой кончинѣ міра породила и умножила въ Германіи, преимущественно въ средѣ простого народа, такъ называемыхъ *піетистовъ* и возбудила въ нихъ стремленіе приблизиться къ мѣсту гроба Господня, въ чаяніи времени ожидаемаго событія. Съ этою же цѣлью Штилингъ и г-жа Криднеръ выпросили у Императора Александра Павловича дозволеніе первоначально отправиться и поселиться имъ самимъ въ южной Россіи. Вслѣдствіе того же, нѣсколько тысячъ семей Виртембергцевъ и Баденцевъ, продавъ свои недвижимыя имущества, отправились въ Одессу. Правительство встрѣтило большія препятствія для водворенія ихъ всѣхъ въ Новороссійскомъ краѣ,

и министръ внутреннихъ дѣлъ, вспомнивъ, что за годъ передъ тѣмъ генералъ Ермоловъ просилъ о присылкѣ къ нему нѣмецкихъ колонистовъ, распорядился тотчасъ же объ отправленіи къ нему въ Грузію *восьмисотъ семей* изъ новопришедшихъ. Напрасно Ермоловъ, получивъ извѣстіе о томъ, писалъ въ Петербургъ о невозможности поселить такое огромное число колонистовъ въ Грузіи, по совершенной неопредѣленности въ ней правъ поземельнаго владѣнія; дѣло уже было сдѣлано. Сначала прибывшіе колонисты изъявили желаніе немедленно отправиться въ Святую Землю и, не взирая на всѣ предстоявшія имъ трудности и опасности въ пути, долго упорствовали въ своемъ намѣреніи; но, наконецъ, по возвращеніи своихъ довѣренныхъ, коихъ посылали въ Іерусалимъ для предварительнаго осмотра и справокъ, они убѣдились въ безразсудствѣ и неудобоисполнимости своего желанія и рѣшились остаться въ Грузіи. Тогда пришлось искать и назначать имъ мѣста къ поселенію, такъ сказать наугадъ. Занимались земли, на которыя предъявляли права частные владѣльцы, съ обѣщаніемъ заплатить имъ за нихъ, коль скоро эти права будутъ дѣйствительно доказаны. Дорого обошлась казнѣ впослѣдствіи времени эта заплата. Въ дальнѣйшемъ будущемъ, когда потребовались большія пространства земли для водворенія русскихъ переселенцевъ, состоявшихъ изъ раскольниковъ разныхъ сектъ, переселявшихся изъ Россіи въ Закавказье въ значительномъ количествѣ, правительство приняло систему несравненно менѣе обременительную для казенныхъ интересовъ. Земли вообще нигдѣ не были обмежеваны, но уѣзднымъ начальникамъ хорошо было извѣстно, въ какихъ именно мѣстахъ онѣ находились при селеніяхъ татаръ, армянъ и прочихъ туземцевъ, несомнѣнно, въ слишкомъ большомъ избыткѣ. При нѣкоторыхъ селеніяхъ земли было вдесятеро болѣе, нежели поселянамъ по закону слѣдовало. На этихъ-то уѣздныхъ начальниковъ возлагалась обязанность избирать удобныя мѣста къ поселенію русскихъ переселенцевъ и отводить слѣдуемое имъ количество земли. Разумѣется, туземцы жаловались намѣстнику, что ихъ разоряютъ, что они останутся безъ хлѣба и тому подобное. Намѣстникъ имъ отвѣчалъ, что если они желаютъ, то онъ прикажетъ ихъ земли обмежевать, и если ихъ жалобы окажутся справедливыми, то русскихъ выведутъ на другое мѣсто; если же окажется, что у нихъ земли, противу положеннаго по закону, остается больше, тогда не только

уже то, что отдано русскимъ, но и все излишнее количество прикажетъ отъ нихъ отобрать для поселенія русскихъ. Туземцы, поразмысливъ объ этомъ, взяли свои прошенія обратно.

Такимъ образомъ, въ Тифлисскомъ и Елисаветопольскомъ уѣздахъ водворилось восемь нѣмецкихъ колоній. До сихъ поръ только двѣ изъ нихъ, Екатериненфельдъ и Еленендорфъ, достигли замѣтнаго благосостоянія; прочія же находятся въ весьма посредственномъ состояніи и въ общей сложности приносятъ краю пользы немного.

Что вообще нѣмецкіе колонисты, въ сравненіи съ льготами, пожалованіями и пожертвованіями, для нихъ сдѣланными, пользы принесли немного, то это можно сказать не только о Кавказскихъ, но и о всѣхъ нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи. Мнѣ онѣ извѣстны почти всѣ: въ губерніяхъ Петербургской, Саратовской, Самарской и Черниговской. Прошло уже столѣтіе со времени ихъ переселенія изъ Германіи и водворенія въ Россіи; но рѣзкое отличіе между колонистами и крестьянами русскими, малороссійскими и прочими туземными, въ хозяйственномъ и домашнемъ быту, составляютъ только колоніи менонистовъ въ Новороссійскомъ краѣ. Конечно, умноженіе въ имперіи иностранныхъ колонистовъ, которые при быстромъ ихъ размноженіи составляютъ уже теперь около полумилліона душъ, имѣетъ свое значеніе; но не слѣдуетъ забывать, что они пользовались, со времени прибытія ихъ въ Россію, и пользуются донынѣ свободой отъ рекрутской повинности, едва ли не труднѣйшаго (по крайней мѣрѣ въ прежнее время) изъ всѣхъ налоговъ для земледѣльческаго сословія. Замѣчательно, что въ лучшемъ видѣ, какъ въ отношеніи нравственности, такъ и въ складѣ ихъ хозяйственнаго обзаведенія, находятся исключительно лишь тѣ колоніи, кои въ первое десятилѣтіе ихъ водворенія имѣли надъ собой надзоръ чиновниковъ добросовѣстныхъ и по опыту свѣдущихъ въ положеніи и мѣстности края. Надзоръ соблюдался за ними повсемѣстно; но, къ сожалѣнію, чиновниковъ честныхъ, знающихъ, усердныхъ, и при томъ—что необходимо—одаренныхъ большимъ запасомъ терпѣнія, было весьма немного. Мнѣ извѣстенъ только одинъ, вполнѣ соединявшій эти качества,—покойный дѣйствительный статскій совѣтникъ Контеніусъ, служба котораго, неутомимо усердная и полезная, обратила на себя особое вниманіе

блаженной памяти Императоровъ Александра I и Николая, какъ я уже упоминалъ о томъ. Разумно просвѣщенному и заботливому вліянію Контеніуса колонисты южнаго края Россіи обязаны всѣмъ своимъ благоустройствомъ, и въ числѣ многихъ отраслей хозяйства, способствовавшихъ къ развитію ихъ довольства, также и значительными выгодами, извлекаемыми ими теперь отъ испанскаго овцеводства.

Нѣмецкіе поселенцы въ колоніи, основанной при городѣ Тифлисѣ, сдѣлались чисто городскими жителями и, кромѣ небольшаго винодѣлія и огородничества, никакимъ сельскимъ хозяйствомъ вовсе не занимаются.

Высказавъ вкратцѣ все, что я находилъ заслуживающимъ вниманія о нѣмецкихъ колонистахъ, возвращаюсь къ своей первой поѣздкѣ по Закавказью. Переночевавъ въ Елисабетталѣ, колоніи, тогда далеко еще не устроенной, на квартирѣ въ домѣ Іогана Фольмера, державшаго нѣчто въ родѣ деревенской гостинницы, не слишкомъ завидной, но все же съ бо̀льшими удобствами для ночлега нежели въ грузинскихъ и татарскихъ сакляхъ, я на слѣдующее утро , поговоривъ съ обществомъ, прошелся по колоніи и ѣздилъ неподалеку оттуда, съ женою и дочерью, посмотрѣть на старый, замѣчательный, громадный чинаръ, шаговъ двадцать въ окружности, который, къ сожалѣнію, былъ сильно поврежденъ вырубкою огромнаго куска изъ середины пня, что образовало дупло величиною съ небольшую комнатку или чуланчикъ, въ коемъ свободно могъ помѣститься карточный столъ съ четырьмя игроками. Эта хищническая вырубка сдѣлана еще въ тридцатыхъ годахъ, по распоряженію г-жи Розенъ, жены бывшаго тогда главнокомандующаго, для какихъ то ея домашнихъ подѣлокъ. Бѣдное дерево стало понемногу хирѣть и чахнуть; но такой могучій, многовѣковой гигантъ, даже съ вырѣзанной сердцевиной, не могъ сокрушиться разомъ и, скудно питаясь стѣнками коры своей, продолжалъ кое-гдѣ по вѣтвямъ покрываться листьями, зеленѣвшими между все умножавшимися съ каждымъ годомъ сухими сучьями.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, мы отправились по дурной, страшно каменистой дорогѣ, пересѣкаемой нѣсколькими горными рѣчками, во вторую колонію Екатериненфельдъ въ 35-ти верстахъ отъ первой. Здѣшнія рѣчки хотя мелкія, но чрезвычайно бурныя и шумныя, иногда довольно опасны для переѣзда, такъ какъ даже самыя маленькія,

ничтожныя изъ нихъ, отъ дождя наполнившись водою, принимаютъ такой грозный видъ, что на нихъ и смотрѣть страшно. Мутная вода стремительно мчится, съ оглушительнымъ ревомъ, вырывая деревья съ корнями, огромные камни, все, что ни попадется, и все это уноситъ съ невообразимой скоростію, можно сказать, съ яростію. Никакой экипажъ не могъ бы устоять противъ такой силы напора, а потому въ этихъ случаяхъ, на всѣхъ опасныхъ мѣстахъ переправы, обыкновенно приготовляются на берегу арбы съ буйволами и десятки татаръ, которые идутъ въ рѣкѣ около экипажа, и держатъ его, чтобы не опрокинулся *). Меня конвоировалъ верхомъ участковый засѣдатель съ порядочнымъ количествомъ казаковъ и чапаровъ, что продолжалось всю дорогу; на всѣхъ своихъ участкахъ засѣдатели встрѣчали и провожали меня, по здѣшнему обыкновенію, какъ для почетнаго сопровожденія, такъ и для огражденія отъ нападенія разбойниковъ, коими дорога отъ Тифлиса до Шемахи преизобиловала въ великомъ множествѣ. Цѣлыя татарскія деревни занимались разбоемъ, и уѣздные начальники прямо заявляли, что никакъ не могутъ поручиться, чтобы не случилось таковаго по этому пути во всякое данное время. За нѣсколько верстъ до колоніи, меня встрѣтилъ цѣлый отрядъ нѣмцевъ, верхомъ, съ ружьями за спиной, и, присоединившись къ моему конвою, они привѣтствовали мой пріѣздъ неумолкаемыми выстрѣлами до самаго въѣзда въ Екатериненфельдъ. Здѣшніе колонисты, живя въ такой воинственной странѣ какъ Закавказье, сами набрались воинственнаго духа, сдѣлались наѣздниками и стрѣляльщиками, хотя сохранили тотъ же прирожденный имъ типъ тяжелыхъ швабскихъ нѣмцевъ въ синихъ курткахъ и панталонахъ, какому

*) При этомъ татары, переговариваясь другъ съ другомъ, всегда неистово кричатъ, вѣроятно, по причинѣ шума отъ воды. Извѣстный маіоръ Дуровъ курьезно разсказывалъ, какъ, переправляясь черезъ рѣку Јору въ самое полноводіе, онъ чуть было не утонулъ; но это его не такъ испугало, какъ дикіе возгласы татаръ, поддерживавшихъ перекладную, въ голосахъ которыхъ ему явственно слышалось, какъ будто выкрикивались слова: „Іора, Іора, утопи маіора!“.. Что наводило на него неописанный страхъ. Этотъ Дуровъ, замѣчательный оригиналъ, былъ однажды въ Тифлисѣ въ театрѣ. Къ нему подошелъ приказчикъ московскаго купца, которому Дуровъ былъ долженъ деньги, и заискивающимъ тономъ объяснилъ, что пріѣхалъ по торговымъ дѣламъ, что хозяинъ его поручилъ ему разыскать на Кавказѣ Дурова, и „очень проситъ, чтобы вы ужъ *побезпокоились* возвратить ему деньги, которыя вы ему должны“. Дуровъ энергически, съ негодованіемъ отвѣтилъ: „Покорнѣйше благодарю! Извините-съ! Я ужъ довольно безпокоился, чтобы занять деньги у вашего хозяина, теперь пусть ужъ онъ самъ безпокоится, чтобы получить ихъ отъ меня“.

остаются всегда и вездѣ неизмѣнно вѣрными. Къ вечеру, насъ приняли въ колоніи съ большимъ гостепріимствомъ и помѣстили въ хорошемъ домѣ шульца Пальмера, умнаго, почтеннаго старика, одного изъ тѣхъ довѣренныхъ лицъ, которыхъ нѣмцы отправляли депутатами для рекогносцировки въ Іерусалимъ. Я осмотрѣлъ ихъ сады, окрестности, поразспросилъ объ ихъ дѣлахъ. Сюда же явились ко мнѣ и духоборы съ молоканами, осаждавшіе меня еще въ Тифлисѣ.

Колонія Екатериненфельдъ, по трудолюбію и нравственности колонистовъ, уже тогда была гораздо лучше Елизабетталя, а теперь находится на весьма хорошей степени благосостоянія, какъ по устройству домовъ, садовъ, такъ и по распространенію винодѣлія. Вообще, если нѣмецкія колоніи приносятъ пользы Закавказскому краю немного, то тѣмъ не менѣе, я думаю, что въ настоящее время это происходитъ потому лишь, что ихъ немного въ краѣ и основано. Теперь колонисты большую часть долга казеннаго, на нихъ лежавшаго, уже выплатили, подати и повинности платятъ исправно, хлопотъ объ нихъ управленіе имѣетъ мало и изъ сельскихъ населеній они безспорно лучшія въ краѣ.

Пробывъ два дня въ Екатериненфельдѣ, я выѣхалъ съ такимъ же торжественнымъ церемоніаломъ, какъ и въѣхалъ,— съ множествомъ провожатыхъ, напутственной ружейной пальбой и даже, кажется, колокольнымъ звономъ. Чрезъ рѣку Храмъ и Борчалинскую долину, выбрался на почтовый трактъ въ дальнѣйшій путь по направленію къ Елисаветполю (прежней Ганжѣ). Отъ дождей и разлившихся рѣчекъ, дорога была прескверная, а мѣстами и опасная; такъ при переѣздѣ чрезъ рѣку Акстафу мы чуть не вывернулись, а рѣка Тауза оказалась на столько глубока, что всѣ наши вещи въ экипажѣ подмочились. Едва въ три дня намъ удалось доѣхать до нѣмецкой колоніи Анненфельдъ, отстоящей въ тридцати верстахъ отъ Елисаветполя. Эта колонія считалась самой бѣдной изъ всѣхъ, вслѣдствіе отчасти дурной нравственности большинства ея обитателей, а главнѣйше отъ вреднаго климата въ жаркой низменности, въ которой они ежегодно подвергались въ лѣтнюю пору тяжелымъ болѣзнямъ и значительной смертности. Однако они никакъ не хотѣли переселиться въ другое мѣсто, хотя имъ это предлагали, предпочитая оставаться въ своемъ гниломъ гнѣздѣ по причинѣ отмѣннаго плодородія надѣленной имъ земли и богатаго изобилія въ водѣ для

орошенія ея. Впрочемъ, въ настоящее время (двадцать лѣтъ спустя) болѣзни и смертность тамъ замѣтно уменьшились, съ тѣхъ поръ какъ въ самой колоніи сооруженъ водопроводъ съ бассейномъ, выведенный изъ ближайшихъ горъ, доставляющій жителямъ для питья и важнѣйшихъ потребностей чистую, прохладную и здоровую воду.

Здѣсь я познакомился съ выѣхавшимъ ко мнѣ на встрѣчу изъ Елисаветполя уѣзднымъ начальникомъ княземъ Ильей Димитріевичемъ Орбеліановымъ. Онъ былъ фаворитъ князя Воронцова, который осыпалъ его милостями, скоро вывелъ въ полковые командиры и генералы, но не надолго: въ одномъ изъ первыхъ сраженій съ турками, при самомъ началѣ войны въ 1853 году, пуля, попавъ ему въ спину, покончила его многообѣщавшую карьеру вмѣстѣ съ жизнью. Онъ былъ человѣкъ недурной, съ хорошимъ сердцемъ, но избалованный до чрезмѣрности расположеніемъ къ нему князя, доходившимъ иногда до слабости.

Оставивъ семейство въ колоніи, я съ уѣзднымъ начальникомъ и кучею проводниковъ посѣтилъ, находившееся оттуда въ тридцати верстахъ, первое духоборческое селеніе Славянку, въ нагорной части уѣзда. Три версты мы подымались на гору и тамъ почувствовали уже совсѣмъ иную температуру воздуха, холодную и сырую. Потолковавъ съ духоборами о ихъ дѣлахъ и, по распоряженіи объ отводѣ имъ земли, я на слѣдующій день послѣ ранняго обѣда, возвратился обратно въ Анненфельдъ и отправился съ семействомъ, чрезъ Шамхоры, въ Елисаветполь, гдѣ остановился по приглашенію уѣзднаго начальника на его квартирѣ, куда онъ насъ прямо и привезъ. Елисаветполь былъ первый мною встрѣченный азіатскій городъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Это не городъ, а садъ, въ одиннадцать верстъ длины и семь ширины, съ огромными вѣковыми деревьями, чинарами, орѣховыми, фиговыми и всякими другими. Видны лишь деревья да стѣны садовъ, внутри которыхъ находятся и домá съ двѣнадцатью тысячами жителей. Повсюду журчитъ вода, и въ отдаленіи, со всѣхъ сторонъ кругомъ, три ряда горъ—два зеленыхъ, а третій, возвышающійся надъ нами, бѣлый, снѣговой.

Въ Елисаветполѣ мы не зажились и скоро переѣхали за восемь верстъ отъ него, въ колонію Еленендорфъ, гдѣ пробыли нѣсколько дней. При въѣздѣ въ нее, въ сопровожденіи обычнаго

многочисленнагó конвоя, произошла опять парадная церемонія: меня встрѣтилъ пасторъ съ старшинами и обществомъ, произнесъ привѣтственную рѣчь и препроводилъ на квартированіе къ себѣ въ домѣ, что насъ нѣсколько стѣсняло, но никакъ нельзя было отдѣлаться. Въ домѣ ожидалъ новый сюрпризъ: хоръ мѣстныхъ пѣвцовъ, пропѣвшій въ мою честь торжественный нѣмецкій гимнъ. Такое пѣніе, всегда болѣе духовнаго характера, довольно стройное, повторялось потомъ ежедневно по вечерамъ, въ родѣ серенады. Здѣсь же, въ первый разъ по прибытіи въ Закавказье, я услышалъ пѣніе соловьевъ, которые далеко превзошли въ музыкальномъ искусствѣ Еленендорфскихъ колонистовъ. Занимаясь дѣлами съ нѣмцами, молоканами, духоборами, я въ свободные часы ѣздилъ прогуливаться по окрестностямъ, очень интересовавшимъ, какъ всегда, мою Елену Павловну. Мы видѣли въ горахъ нѣсколько старыхъ орѣховыхъ деревьевъ, изъ которыхъ одно въ восемь аршинъ въ окружности толщины, въ аршинѣ отъ корня; видѣли по дорогѣ въ Зурнибадъ, древній замѣчательный мостъ при рѣчкѣ Ганжинкѣ. Въ колоніи я познакомился съ интереснымъ человѣкомъ, извѣстнымъ геологомъ академикомъ Абихомъ, котораго такъ лестно и усердно рекомендовалъ Воронцову Гумбольдтъ, какъ лучшаго изъ германскихъ геологовъ послѣ престарѣлаго Леопольда Буха. Абихъ былъ здѣсь проѣздомъ и остановился для какихъ то своихъ ученыхъ изысканій. Онъ приходилъ къ намъ каждый день, обѣдалъ у насъ, проводилъ вечера. Разговоры съ нимъ доставляли большое удовольствіе Еленѣ Павловнѣ, любившей серьезныя бесѣды съ истинно учеными людьми, которые въ свою очередь удивлялись ея основательнымъ, разнообразнымъ познаніямъ, рѣдкимъ въ женщинѣ, и цѣнили ея живую привязанность къ наукамъ, къ природѣ, къ дѣльнымъ занятіямъ, къ чему она пристрастилась еще смолоду, что и въ старости и болѣзняхъ составляло ея пріятнѣйшее развлеченіе. Многіе ученые изъ иностранцевъ, какъ, напримѣръ, Гоммеръ-де-Гель, членъ французскаго института, Мурчисонъ, президентъ Лондонскаго королевскаго общества, и другіе, съ сочувствіемъ и уваженіемъ отзываются о ней въ своихъ сочиненіяхъ, хотя она никогда не искала извѣстности и предавалась своимъ любимымъ занятіямъ только въ часы досуга, такъ какъ обязанности хозяйки дома и матери семейства считала важнѣйшими. Я, кажется, упоминалъ, что она особенно любила бо-

танику, составляла гербаріумы, сама опредѣляла названія цвѣтовъ и срисовывала ихъ въ настоящую величину. Этихъ рисунковъ набралась огромная коллекція въ нѣсколько десятковъ томовъ; они изумляли и прельщали всѣхъ серьезныхъ натуралистовъ. Нашъ знаменитый академикъ Беръ, во время своего пребыванія въ Тифлисѣ въ 1856-мъ году, часто посѣщалъ Елену Павловну и не могъ насмотрѣться на эти рисунки. Онъ умолялъ ее, чуть не на колѣняхъ, довѣрить ему эти книги, чтобы заказать копіи съ нихъ для Петербургской академіи наукъ. Жена моя колебалась, но не рѣшилась разстаться съ этой работой всей ея жизн и, извинившись передъ Беромъ, сказала ему, что такая жертва, даже временная, была бы для нея слишкомъ тяжела, и что она предоставляетъ дѣтямъ своимъ, послѣ ея смерти, исполнить его просьбу.

Абихъ и въ Тифлисѣ продолжалъ оставаться нашимъ хорошимъ знакомымъ. Черезъ три, четыре дня по пріѣздѣ нашемъ въ колонію, князь Илья Дмитріевичъ Орбеліановъ возилъ насъ смотрѣть на скачку мусульманскихъ всадниковъ, снаряженныхъ въ Варшаву, отличавшихся необыкновенной ловкостію и удальствомъ. Вскорѣ онъ и распрощался съ нами, уѣхавъ въ Тифлисъ, а затѣмъ и въ экспедицію *).

Еленендорфъ и Екатериненфельдъ — двѣ самыя благоустроенныя колоніи въ Закавказьѣ. Въ отношеніи хозяйственныхъ учрежденій, обработки садовъ, общаго порядка, также какъ трудолюбія и добрыхъ нравовъ колонистовъ, онѣ значительно превзошли всѣ остальныя колоніи. Хозяинъ моей квартиры, пасторъ Ротъ, былъ въ то время лучшимъ изъ всѣхъ пасторовъ Закавказскаго края. 26-го апрѣля мы оставили Еленендорфъ и, переночевавъ въ Елисаветполѣ,

*) Андрей Михайловичъ поручилъ князю Орбеліанову передать отъ него князю Воронцову письмо, касавшееся дѣлъ его поѣздки, на которое немедленно получилъ прилагаемый отвѣтъ князя-намѣстника.

„Любезнѣйшій Андрей Михайловичъ. Письмо Ваше, врученное мнѣ княземъ „Орбеліановымъ, доставило мнѣ истинное удовольствіе. Благодаря усердію Вашему, „мы наконецъ успокоимся на счетъ участи несчастныхъ переселенцевъ, скитающихся по краю безъ пріюта и попеченія, по милости бездѣйствія палаты государ„ственныхъ имуществъ, занимающейся только безполезной перепиской“.

„Мнѣ въ особенности пріятно видѣть, что представляется возможность сдѣ„лать русское поселеніе въ большомъ размѣрѣ въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ, въ „центрѣ, можно сказать, грабежей и безпокойствъ. Ожидаю Вашего подробнаго до„несенія, дабы тотчасъ можно было приступить къ рѣшительному распоряженію. „Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности. Князь М. Во„ронцовъ. Тифлисъ, 27-го апрѣля, 1847-го года“.

гдѣ пріятно провели вечеръ съ давнишнимъ жителемъ Грузіи, статскимъ совѣтникомъ Гнилосаровымъ, очень милымъ, образованнымъ человѣкомъ, и другими лицами, продолжали путешествіе прямо по направленію къ Шемахѣ. На переправѣ черезъ Куру, меня ожидалъ Нухинскій уѣздный начальникъ Родзевичъ, поѣхавшій со мною. Въ 76-ти верстахъ отъ Елисаветполя, въ татарскомъ селеніи Буджакъ, для меня былъ приготовленъ первый нашъ ночлегъ и, хотя меня тамъ принимали съ большимъ гостепріимствомъ и почетомъ, ночь мы провели не совсѣмъ удобно, по причинѣ необыкновеннаго множества блохъ и другихъ насѣкомыхъ не дававшихъ намъ заснуть до утра. Хозяинъ дома, Абдулла, судя по обстановкѣ комнатъ, отведенныхъ для нашего помѣщенія, не большихъ, но убранныхъ сплошь прекрасными коврами и не лишенныхъ даже нѣкоторой восточной роскоши, былъ очевидно человѣкъ зажиточный; но эта зажиточность нисколько не исключала его изъ общаго правила азіатской нечистоплотности въ отношеніи насѣкомыхъ, преимущественно скачущихъ брюнетовъ и ползающихъ блондиновъ, или, какъ ихъ тамъ называютъ, «кавалеріи и пѣхоты»— которые иногда составляютъ просто бичъ для несчастныхъ непривычныхъ жертвъ ихъ ненасытной свирѣпости. Въ иныхъ случаяхъ, даже прославленный порошокъ персидской ромашки оказывается недѣйствительнымъ и мало доставляетъ помощи.

Далѣе, наша дорога представляла довольно разнообразные виды, лѣски, горы, рѣчки, поляны, покрытыя гранатовыми кустами, усыпанными какъ кровь красными цвѣтами. Мы ѣхали спокойно, безъ особенныхъ препятствій и приключеній. Только напослѣдокъ, трудный переѣздъ на буйволахъ, по чрезвычайно дурной дорогѣ отъ селенія Ахъ-су крайне утомилъ насъ. На четвертый день мы пріѣхали въ Шемаху. Городъ Шемаха не похожъ ни на европейскій, ни на азіатскій городъ, а представляетъ какую-то странную смѣсь, уподобляясь болѣе обширной колоніи. Воздухъ и вода въ немъ здоровые, но неудобствъ для жизни очень много. Улицы всѣ косогорныя и неровныя. Въ верхней части находится слобода, состоящая изъ поселенныхъ при городѣ молоканъ и скопцовъ изъ разныхъ мѣстъ, занимающихся извозничествомъ и городскими промыслами. Нѣкоторые изъ нихъ построили себѣ порядочные дома. Впрочемъ, частыя землетрясенія, періодически разрушающія городъ, не позволяютъ ему обстроиться надлежащимъ образомъ. Это

обстоятельство и послужило впослѣдствіи причиною перевода губернскаго города изъ Шемахи въ Баку.

Мнѣ отвели порядочную квартиру во второмъ этажѣ довольно большаго дома, гдѣ мы могли хорошо расположиться. Въ нижнемъ этажѣ этого же дома квартировалъ прокуроръ Дмитревскій, нашъ знакомый по Пятигорску еще съ 1838 года, умный, пріятный человѣкъ, встрѣтившій насъ съ самымъ дружескимъ радушіемъ; онъ, вмѣстѣ съ женой своей, очень любезной дамой, составилъ для насъ неожиданную находку въ незнакомомъ мѣстѣ. Съ первыхъ же дней нашего прибытія мы узнали невеселую новость о приближавшейся сюда холерѣ, которую ожидали со дня на день.

Пробывъ съ недѣлю въ Шемахѣ для ревизіи палаты государственныхъ имуществъ, и оставивъ тамъ мое семейство, я отправился съ бывшимъ тогда управляющимъ палатой, Федоромъ Ефстафіевичемъ Коцебу, въ Сальяны, на Божій промыселъ и въ Ленкоранскій уѣздъ. Первую ночь по выѣздѣ мы провели въ приготовленныхъ для насъ татарскихъ кибиткахъ и переночевали удобнѣе, нежели я предполагалъ. На второй день выѣхали въ Ширванскую степь, гдѣ и обѣдали въ открытой степи, на разостланномъ по землѣ коврѣ. Видѣли по дорогѣ нѣсколько замѣчательныхъ озеръ, караван-сарай, и въ девять часовъ вечера, сопровождаемые встрѣтившими насъ провожатыми съ факелами въ рукахъ для освѣщенія пути при наступившей темнотѣ, а болѣе для почетнаго пріема и увеселительнаго парада, пріѣхали въ Сальяны, сдѣлавъ въ этотъ день слишкомъ девяносто верстъ дороги. На слѣдующее утро, поговоривъ съ чиновниками и народомъ, я поѣхалъ на Божій промыселъ, отстоящій отъ Сальянъ всего на три часа ѣзды.

Божій промыселъ, лежащій при впаденіи рѣки Куры въ Каспійское море, былъ и есть теперь центръ и главный пунктъ казенныхъ рыбныхъ промысловъ, находящихся на этомъ морѣ при истокѣ въ него рѣки Куры. Эти промыслы составляютъ главную и значительную оброчную статью Закавказскаго края. Природа въ этихъ мѣстахъ очень бѣдная, и климатъ считается нездоровымъ; но собственно поселеніе, называющееся «Божій Промыселъ», довольно хорошо устроено, похоже на небольшое мѣстечко и народу тамъ въ періодъ рыбной ловли всегда много. Тогда эта статья состояла въ казенномъ управленіи, должность управляющаго занималъ подполковникъ Александровъ, какъ обык-

новенно въ такихъ случаяхъ, усердный хлѣбосолъ, ревностно старавшійся объ угощеніи и пріятномъ времяпровожденіи своихъ гостей; рыба, икра и шампанское предлагались въ изобиліи, но казнѣ пользы отъ казеннаго управленія—какъ и всегда—выходило маловато. Чистаго дохода съ этихъ промысловъ въ то время получалось только около ста тысячъ рублей, и то съ значительными недоимками; нынѣ же, при отдачѣ ихъ въ откупное содержаніе, получается дохода болѣе трехсотъ тысячъ ежегодно.

Оттуда я направился въ Ленкоранскій уѣздъ. Главнымъ предметомъ моего обозрѣнія въ уѣздѣ были русскія поселенія, состоящія изъ раскольниковъ разныхъ сектъ, частію ссыльныхъ, а частію добровольно переселившихся изъ Россіи. Старообрядцевъ между ними мало; большинство составляютъ молокане и іудействующіе (русскіе евреи). Многіе изъ нихъ тогда уже устроились на жительство очень удовлетворительно, а наиболѣе трудолюбивые и промышленные достигли порядочнаго благосостоянія и оказались даже полезны тѣмъ, что примѣромъ своего хозяйства распространили у сосѣднихъ татаръ и армянъ нѣкоторые неизвѣстные имъ до тѣхъ поръ посѣвы, какъ, напримѣръ, картофеля, льна и другіе. Кромѣ того, ближайшіе жители переняли у нихъ устройство ихъ русскихъ повозокъ, гораздо болѣе удобныхъ и практичныхъ, нежели мѣстныя, допотопныя; переняли также лучшій образъ устройства и постройки домовъ. Странно, что въ этомъ отношеніи русскіе переселенцы Закавказскаго края подѣйствовали своимъ примѣромъ на сосѣднихъ туземныхъ поселянъ благотворнѣе, нежели нѣмецкіе колонисты. Можетъ быть, это произошло потому, что у русскихъ поселянъ сосѣди вездѣ армяне и татары, а у нѣмцевъ — грузины, которые едва ли не болѣе самыхъ упорныхъ татаръ закоренѣли въ своихъ старыхъ предразсудкахъ. Даже посѣвы картофеля размножились больше у армянъ и татаръ, нежели у грузинъ.

Осмотрѣвъ шесть деревень русскихъ поселеній, я проѣхалъ черезъ Кизилъ-Агачь прямо къ Каспійскому морю и берегомъ до рыбнаго промысла Кумбаши, гдѣ хорошо переночевалъ у опекуна Байкова. Виды по дорогѣ встрѣчались замѣчательно живописные. На другой день въ Ленкорани я остановился у уѣзднаго начальника Панкратьева, неглупаго, добродушнаго и очень оригинальнаго человѣка.

Ленкорань, русскій пограничный городъ, на рубежѣ Россіи и границѣ Персіи, бывшая столица Тальшинскаго ханства, имѣетъ

теперь наружность Кавказской казачьей станицы, лежитъ на самомъ берегу моря и окружена обширнымъ болотнымъ пространствомъ. Русское населеніе Ленкорани состоитъ изъ раскольниковъ, отставныхъ солдатъ, немногихъ чиновниковъ и разныхъ разночинцевъ, служащихъ и отставныхъ, составляющихъ отдѣльный кварталъ отъ туземнаго населенія. Достойны замѣчанія низменность и безплодное болото, простирающееся отъ Ленкорани верстъ на восемнадцать въ длину и отъ двухъ до семи верстъ въ ширину. Оно отдѣлено отъ моря бугристымъ возвышеніемъ на разстояніи отъ полуверсты до четверти и менѣе. Осушить его посредствомъ проведенія каналовъ въ море нельзя, потому что болото лежитъ ниже морскаго уровня. Но достигнуть этой цѣли было бы возможно проведеніемъ одного канала поперечнаго и нѣсколькихъ продольныхъ со стороны горъ. Только для производства такой работы необходимо большое прибавленіе народонаселенія и притомъ устойчиваго, терпѣливаго и предпріимчиваго.

Я познакомился со всѣми немногочисленными властями и почетнѣйшими мирзами города. Наиболѣе выдающійся изъ первыхъ былъ комендантъ Дудинскій. Несмотря на порядочное количество служебныхъ дѣлъ и занятій, мнѣ пришлось вести довольно разсѣянную жизнь, по причинѣ приглашеній на обѣды и вечера. За обѣдами меня угощали между прочимъ пилавомъ въ померанцахъ, не дурнымъ кушаньемъ, котораго мнѣ еще не случалось ѣсть, и превосходной земляникой, которую я очень люблю; на вечерахъ — составленіемъ мнѣ партіи въ бостонъ и ужиномъ, отъ котораго я отказывался. Изъ разговоровъ, кромѣ дѣловыхъ и офиціальныхъ, самыми интересными показались мнѣ разсказы о Ленкоранскихъ тиграхъ и барсахъ, водящихся въ достаточномъ числѣ въ окрестныхъ лѣсахъ, куда они забѣгаютъ изъ Персіи. На звѣрей устраиваются иногда охоты, не всегда счастливо оканчивающіяся для охотниковъ. Въ иныхъ домахъ держатъ маленькихъ тигрятъ, захваченнныхъ отъ убитыхъ тигрицъ, и дѣлаютъ ихъ совсѣмъ ручными; но, почти безъ исключенія, эти прирученія рано или поздно оканчиваются трагически для одной изъ сторонъ. У батальоннаго командира жилъ во дворѣ тигренокъ, сначала на свободѣ, а когда подросъ — въ клѣткѣ, и казался совсѣмъ смирный. Сынъ командира, мальчикъ лѣтъ восьми, подошелъ къ клѣткѣ и началъ дразнить тигра палочкой; въ одно мгновеніе тигръ просунулъ лапу между

палками клѣтки, вцѣпился когтями въ голову мальчика и сорвалъ съ него черепъ. Случается, что домашніе тигры долго выдерживаютъ характеръ полнѣйшаго прирученія, но все же оканчиваютъ печально, по недовѣрію людей къ ихъ кошачьей породѣ, при первомъ малѣйшемъ выраженіи ихъ прирожденной натуры. Дочь Ленкоранскаго почтмейстера воспитывала у себя тигра, взятаго крошечнымъ дѣтенышемъ на охотѣ отъ застрѣленной матери. Тигренокъ совершенно привыкъ къ дому, ѣлъ изъ рукъ, ходилъ свободно по комнатамъ, по двору, привязался ко всѣмъ домашнимъ, игралъ съ ними, ласкался, обожалъ свою хозяйку и спалъ у нея въ спальнѣ, возлѣ ея кровати. Вообще, онъ никого не трогалъ и жилъ въ домѣ на правахъ любимой комнатной собаки. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Звѣрекъ подросъ, сдѣлался большимъ тигромъ, продолжалъ держаться въ своемъ благонравіи безъ всякаго нарушенія онаго, и, очень можетъ быть, такъ прожилъ бы весь свой вѣкъ, если-бы не подвернулся вздорный случай съ глупой прачкою. Прачка на дворѣ развѣсила на веревкахъ для просушки бѣлье. Передъ тѣмъ шелъ дождь, земля была грязная. Тигръ подошелъ и изъ шалости захватилъ зубами конецъ простыни, свѣсившейся съ веревки; простыня упала на мокрую землю и испачкалась. Прачка, въ злости, подняла простыню и начала ею тигра бить. Тигръ, въ первый разъ въ жизни, ощетинился, оскалилъ зубы, глаза его налились кровью, заблистали, и онъ зарычалъ. Больше онъ ничего не сдѣлалъ; но прачка перепугалась, подняла тревогу, всѣ всполошились, почтмейстеръ счелъ эту вспышку гнѣва за опасный признакъ и порѣшилъ убить тигра потихоньку отъ своей дочери, что и исполнилъ въ тотъ же день. Когда дочь почтмейстера узнала объ убіеніи своего любимца, она была въ отчаяніи, плакала безутѣшно какъ о родномъ ребенкѣ, и долго послѣ того не могла успокоиться. Былъ также любопытный случай такого рода: верстахъ въ двухъ отъ города, въ лѣсу, находится мельница, гдѣ мелятъ муку и пекутъ хлѣбы для военнаго госпиталя. Каждое утро солдатъ отправляется на мельницу съ мѣшкомъ за хлѣбами и приноситъ ихъ въ госпиталь. Однажды солдатикъ, побывавъ на мельницѣ, возвращался, по обыкновенію, съ мѣшкомъ наполненнымъ хлѣбами за спиною, черезъ лѣсъ въ городъ, какъ вдругъ увидѣлъ, въ десяти шагахъ отъ себя, большого тигра, который стоялъ между деревьями возлѣ дороги и прямо на него смотрѣлъ. Солдатъ

оторопѣлъ, остановился; тигръ стоялъ, не шевелясь, не трогаясь съ мѣста. Постоявъ немного и въ недоумѣніи что̀ предпринять, солдатъ попробовалъ пойти; въ то же мгновеніе тигръ шагнулъ раза два къ нему, и опять оба остановились. Солдатъ постоялъ нѣсколько минутъ и рѣшился снова двинуться впередъ; но при первомъ его шагѣ и тигръ быстро подвинулся къ нему, и снова стали они, не сводя глазъ одинъ съ другого. Солдатъ потерялся, и не зная, что дѣлать, но чувствуя потребность что нибудь сдѣлать, совершенно машинально досталъ изъ своего мѣшка одинъ хлѣбъ и бросилъ тигру. Звѣрь схватилъ хлѣбъ, повернулся и убѣжалъ въ лѣсъ. Солдатъ, сильно испуганный, благополучно возвратился въ городъ. На другой день, онъ попрежнему дошелъ до мельницы спокойно; но при возвращеніи, на томъ же самомъ мѣстѣ, тигръ уже ожидалъ его, и брошенный хлѣбъ точно также выручилъ его. Съ тѣхъ поръ эта исторія повторялась ежедневно болѣе года: по дорогѣ изъ города на мельницу тигръ не показывался солдатамъ; на возвратномъ же пути съ мельницы, на одномъ и томъ же мѣстѣ, встрѣча съ нимъ была неизбѣжна. Онъ стоялъ и ожидалъ и, получивъ свою порцію, убѣгалъ, не сдѣлавъ никому никакого вреда. Всѣ госпитальные солдаты это уже знали, привыкли къ тигру и не боялись его нисколько, только заранѣе брали особый хлѣбъ, который держали наготовѣ для него. Кончилось тѣмъ, что составили охоту и бѣднаго тигра убили; а многіе изъ солдатиковъ, кормившихъ его, по жалѣли о немъ. Въ одной изъ русскихъ раскольничьихъ деревень, кажется, Астраханкѣ, молоканъ пошелъ въ баню на своемъ дворѣ мыться, забывъ запереть дверь предбанника, и къ нему неожиданно явился тигръ, кинулся на него и подмялъ подъ себя. Къ счастью, жена молокана, находившаяся на дворѣ, замѣтила это вторженіе незваннаго посѣтителя въ ихъ баню и, схвативъ топоръ, бросилась на выручку мужа. Сильными ударами топора, молоканка разрубила голову тигра, положивъ его на мѣстѣ; а молоканъ, хотя крѣпко пораненный и помятый, остался живъ. Храброй молоканкѣ дали медаль за спасеніе жизни, что она вполнѣ заслужила.—Уѣздный начальникъ разсказывалъ о замѣчательной сценѣ между звѣрями, видѣнной имъ въ лѣсу года за два до того. Онъ провожалъ какого то генерала, чуть ли не графа Бенкендорфа, проѣзжавшаго черезъ Ленкоранскій уѣздъ, кажется, въ Персію. Для сокращенія дороги, въ одномъ мѣстѣ они поѣхали

верхомъ, съ провожатыми и казаками. Они ѣхали лѣсомъ, по окраинѣ глубокаго, крутаго оврага, поросшаго деревьями и кустарникомъ, и, невдалекѣ передъ собою, на самомъ краю оврага, обрывавшагося отвѣсной стѣною внизъ, замѣтили фигуру крупнаго медвѣдя, стоявшаго неподвижно какъ статуя. Онъ былъ до того неподвиженъ, что его приняли сначала за камень или за обрубокъ пня какого нибудь дерева причудливой формы, но, приблизившись, убѣдились, что это дѣйствительно живой медвѣдь; глаза его были открыты, онъ дышалъ и, свѣсивъ голову внизъ, сосредоточенно смотрѣлъ въ глубину оврага. Онъ такъ былъ поглощенъ своимъ созерцаніемъ, что не слышалъ и не обратилъ вниманія на людей и лошадей, остановившихся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Заинтересовавшись необыкновеннымъ состояніемъ медвѣдя, и любопытствуя узнать причину такого всецѣлаго привлеченія его вниманія, генералъ отправилъ нѣсколькихъ казаковъ на развѣдки. Казаки спѣшились и, отыскавъ сподручное мѣсто, цѣпляясь за сучья и вѣтки, спустились на дно оврага, откуда ясно обрисовывался на вершинѣ горы медвѣдь въ позѣ монумента. Не теряя его изъ вида, они пробрались въ уровень съ нимъ, осторожно разглядывая въ густой чащѣ кустарниковъ, и почти наткнулись на огромнаго тигра, который, поднявъ морду и хвостъ, впивался глазами въ своего недосягаемаго визави на горѣ, какъ бы застывъ въ томъ же положеніи недвижимой, окаменѣлой фигуры, какъ и медвѣдь. Казаки не долго любовались этой картиной; они предпочли потихоньку, поскорѣе отретироваться вспять и, взобравшись на гору, обстоятельно доложили о своей находкѣ. Генералъ, не желая затѣвать охоты, поѣхалъ далѣе своей дорогой, предоставивъ звѣрямъ продолжать вволю ихъ обоюдное лицезрѣніе. Любопытно бы знать, долго ли оно еще длилось, и кто изъ нихъ первый нарушилъ его. Ленкоранскіе тигры попадаются иногда очень большіе, не уступающіе величиною даже Бенгальскимъ.

Изъ Ленкорани мы съ Коцебу и съ Панкратьевымъ снова вернулись на промыселъ въ Кубаши, гдѣ сѣли на пароходъ, шедшій въ Баку, и сдѣлали на немъ 240 верстъ пути въ теченіе тринадцати часовъ.

Городъ Баку (теперь губернскій), при приближеніи къ нему со стороны моря, представляетъ довольно красивый видъ, какъ азіатскаго города, съ своими стѣнами, башнями и развалинами хан-

скаго дворца, коего древность постройки, остатки стѣнъ и рѣзьба очень замѣчательны. И жаль, что все это приходитъ въ разрушеніе и упадокъ.

Въ ожиданіи изъ Астрахани парохода, на которомъ должна была пріѣхать моя дочь, я между дѣломъ принималъ чиновниковъ и гражданъ, осматривалъ присутственныя мѣста, нефтяной складъ, крѣпость, развалины дворца, ходилъ на форштатъ, въ садикъ, а въ прекрасные лунные вечера гулялъ по берегу моря. 21 мая имѣлъ сердечное удовольствіе встрѣтить, наконецъ, дочь мою со всѣми моими внуками. Въ тотъ же день послѣ обѣда, мы выѣхали всѣ вмѣстѣ въ Шемаху и пріѣздомъ нашимъ несказанно обрадовали и утѣшили скучавшихъ тамъ безъ насъ, такъ долго находившихся съ ними въ разлукѣ, Елену Павловну и дочь мою Надежду. Въ Шемахѣ мы застали холеру въ полномъ разгарѣ. Частые смертные случаи, увеличивавшіеся съ каждымъ днемъ, чрезвычайно тревожили всѣхъ въ городѣ, а наступившіе уже сильныя жары по общему мнѣнію долженствовали содѣйствовать развитію болѣзни. Я конечно, сильно безпокоился за мое семейство, особенно боялся чтобы не заболѣлъ кто изъ нихъ на обратномъ пути, въ дорогѣ, безъ всякихъ средствъ помощи и удобствъ для больнаго. По милости Божіей чаша сія миновала насъ; но вскорѣ по возвращеніи въ Шемаху насъ напугала Елена Павловна, внезапно прихворнувшая—не холерой, слава Богу, а приливомъ крови къ головѣ и послѣдовавшей затѣмъ лихорадкою, по счастію, не долго продолжавшейся. Приливы къ головѣ начались у нея еще съ 1842 года, послѣ смерти старшей дочери Елены, и повторялись отъ времени до времени, не смотря на всѣ старанія и предупредительныя мѣры врачей, дабы излечить ее отъ этихъ болѣзненныхъ явленій, хотя скоро проходившихъ, но тѣмъ не менѣе угрожавшихъ, при частыхъ возвратахъ, серьезными послѣдствіями.

Окончивъ мои дѣла въ Шемахѣ, я отправился съ семействомъ обратно въ Тифлисъ, ужъ по другому направленію, чрезъ Нуху, Джаро-Бѣлоканскій округъ и Сигнахъ. Отъ жаровъ и повсемѣстныхъ на пути слухахъ о холерѣ, быстро распространявшейся и усиливавшейся въ нѣкоторыхъ татарскихъ деревняхъ, дорога наша была очень утомительная и безпокойная. Замѣчательно, что не касаясь собственно никого изъ насъ, холера какъ бы преслѣдовала насъ по пятамъ или, вѣрнѣе сказать, ѣхала съ нами. Почти на каждой станціи мы спрашивали: «есть ли здѣсь холера?» Вездѣ

намъ отвѣчали: «Богъ миловалъ, еще никто не заболѣвалъ». Но не успѣвали перепречь лошадей въ экипажахъ, какъ поднималась тревога, и оказывалось, что ужъ кого нибудь схватило; казакъ, ямщикъ, баба, писарь, кто-либо изъ станціоннаго персонала неизбѣжно заболѣвалъ. И такъ продолжалось все время нашего путешествія. На четвертый день я остановился въ нѣмецкой колоніи Маріенфельдъ, гдѣ во главѣ принимавшихъ меня колонистовъ находился и Зальцманъ, выѣхавшій ко мнѣ на встрѣчу. Я провелъ тамъ нѣсколько дней по дѣламъ и въ занятіяхъ съ колонистами, ѣздилъ осматривать новую водопроводную канаву на Караясской степи, также окрестности, сады, и только 15 іюня мы добрались наконецъ до Тифлиса*).

Здѣсь, чрезъ нѣсколько дней, мы были обрадованы свѣдѣніемъ изъ Петербурга, что зять мой Юлій Федоровичъ Витте, окончательно и формально переведенъ на службу въ Закавказье, начальникомъ хозяйственнаго отдѣленія въ канцеляріи намѣстника, и потому начали надѣяться, что дѣла его по сдачѣ должности и фермы не задержатъ надолго также и его присоединенія къ намъ. До сихъ поръ мы побаивались, чтобы графъ Киселевъ, неохотно отпускавшій его изъ своего министерства, не замедлилъ его перехода какими либо препятствіями или придирками. Теперь, когда мое семейство снова собралось вмѣстѣ, съ дѣтьми и внуками, квартира наша оказалась недостаточно помѣстительна для всѣхъ, что и заставило насъ перейти на другую, болѣе просторную. Новая квартира въ новомъ домѣ Сумбатова была не совсѣмъ удобна тѣмъ, что находилась почти за городомъ, въ предместьѣ на Верѣ, противъ кладбища,не далеко отъ спуска, гдѣ воздвигнутъ памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1837 году опрокинулся экипажъ покойнаго Государя Николая Павловича, при въѣздѣ его въ Тифлисъ. Но зато она вознаграждала своей обширностію, количествомъ комнатъ

*) На увѣдомленіе Андреемъ Михайловичемъ намѣстника о дѣловыхъ результатахъ его поѣздки князь Воронцовъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Турчидагъ, 12 іюля, 1847 года. Любезнѣйшій Андрей Михайловичъ. Я имѣлъ „удовольствіе получить письмо Ваше отъ 19 іюня и, приложенный при ономъ, „рапортъ о занятіяхъ Вашихъ по ревизіи Шемахинской палаты государственныхъ „имуществъ и обозрѣнію русскихъ поселеній, ей подвѣдомственныхъ. Спѣшу изъявить Вамъ истинную и совершенную мою признательность за отличное исполненіе Вами сего порученія и за любопытныя свѣдѣнія, доставленныя Вами. При „семъ повторяю совершенное согласіе мое на поѣздку Вашу на Боржомскія и „Абасъ-Туманскія воды, въ такое время, которое вы сами сочтете удобнѣйшимъ. „Примите увѣреніе и проч. Князь М. Воронцовъ“.

и даже великолѣпіемъ отдѣлки нѣкоторыхъ изъ нихъ, большой овальною залою съ хорами, фигурными окнами съ разноцвѣтными стеклами, и хорошимъ устройствомъ всѣхъ домашнихъ службъ. Домъ этотъ былъ построенъ въ родѣ какой-то крѣпости съ огромнымъ дворомъ и садикомъ посрединѣ его, что тогда составляло исключительную рѣдкость въ Тифлисѣ, и считался однимъ изъ лучшихъ зданій въ городѣ. Когда Сумбатовъ его строилъ, многіе удивлялись, что̀ ему за охота тратить такія большія деньги на постройку дома за городомъ, но Сумбатовъ при этомъ хитро улыбался и въ свою очередь удивлялся ихъ недальновидности, утверждая съ непоколебимой увѣренностію, что черезъ десять лѣтъ его загородный домъ очутится въ самомъ центрѣ города. Онъ полагалъ, что городъ будетъ строиться по направленію къ Верѣ, и тогда его надежда, разумѣется, сбылась бы, но онъ горько ошибся въ своемъ разсчетѣ: дальнѣйшія постройки перекинулись черезъ Куру, къ нѣмецкой колоніи *) и на Авлабаръ, гдѣ и воздвигся въ нѣсколько лѣтъ огромный городъ, а домъ Сумбатова какъ былъ, такъ и остался до сихъ поръ за городомъ. Когда мы пріѣхали въ Тифлисъ, въ сороковыхъ годахъ, и много лѣтъ спустя, вся лѣвая сторона за Курою теперь сплошь застроенная, была тогда мертвой, выгорѣлой пустыней весьма печальнаго вида, и только посрединѣ ея торчало нѣсколько убогихъ саклей, нисколько не украшавшихъ и не оживлявшихъ этой непривлекательной мѣстности. На одной изъ возвышенностей ея, подъ названіемъ Красной горки, обыкновенно на святой недѣлѣ устраиваются качели и праздничныя гулянья, а немного правѣе, къ армянскому Авлабарскому кладбищу, производятся смертныя казни: разстрѣливаютъ и вѣшаютъ преступниковъ; преимущественно вѣшаютъ и по бо̀льшей части не въ одиночку, а двоихъ или троихъ вразъ—такъ по крайней мѣрѣ было до сихъ поръ—и оставляютъ тѣла на висѣлицахъ въ продолженіе всего послѣдующаго дня, для вящшаго примѣра и вразумленія азіатскаго народонаселенія, и снимаютъ только ночью. Тогда высокія висѣлицы отчетливо виднѣются на горкѣ, выдающейся по склону горы, и висящія на нихъ тѣла преступниковъ (всегда разбойниковъ и особенно звѣрскихъ убійцъ), въ длинныхъ бѣлыхъ саванахъ, съ опущенными головами и вытянувшимися внизу изъ-подъ савана ногами въ сапогахъ, мѣрно и тихо покачиваются и повертываются направо и

*) Нынѣ Михайловская улица.

налѣво, по вѣянію вѣтерка, въ виду у всего города. Въ такіе дни (впрочемъ, довольно рѣдкіе) какъ-то не совсѣмъ ловко живется въ Тифлисѣ. Хотя и при несомнѣнномъ сознаніи и одобреніи вполнѣ заслуженной злодѣями кары и совершенно справедливаго дѣйствія правосудія, все-таки, пока эти *бѣлые* болтаются на своихъ петляхъ, невольно что-то удручающее тяготѣетъ на душѣ; а потому по прошествіи ночи послѣ казни, когда горка является въ своемъ первобытномъ, натуральномъ образѣ, безъ вчерашнихъ искусственныхъ сооруженій, то этотъ далеко не живописный образъ вызываетъ успокоительное впечатлѣніе, дыханіе дѣлается какъ-то свободнѣе и легче, какъ будто устранился какой-то гнетъ, стѣснявшій грудь.

Между тѣмъ наступали сильные жары, доходившіе до 39° въ тѣни, которые съ разыгравшеюся уже въ значительной степени холерою не представляли никакого удовольствія въ дальнѣйшемъ лѣтнемъ пребываніи въ городѣ. Я, жена моя и старшая дочь никогда не могли переносить жаровъ, дѣйствовавшихъ очень вредно на наше здоровье, и съ давнихъ поръ мы лѣто всегда проводили на дачѣ или уѣзжали куда-либо подальше на свѣжій воздухъ. Эти причины побудили насъ по возможности ускорить нашъ выѣздъ изъ Тифлиса, впрочемъ подобно всѣмъ Тифлисскимъ обитателямъ, имѣющимъ средства или хотя малѣйшую возможность избавить себя отъ мучительной необходимости томиться здѣсь нестерпимымъ зноемъ и духотой. Я же имѣлъ на то и право, потому что всѣ члены Совѣта, по закону, освобождаются отъ служебныхъ занятій на два каникулярныхъ мѣсяца.

Мы выбрали нашимъ лѣтнимъ убѣжищемъ Боржомъ и Абасъ-Туманъ, извѣстные въ краѣ своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, здоровымъ, чистымъ, горнымъ воздухомъ и минеральными водами. Выѣхали мы 1-го іюля. Возлѣ Мцхета переѣхали по новопостроенному, прочному каменному мосту черезъ Куру, гдѣ она соединяется съ Арагвой, и далѣе слѣдовали дорогою, отчасти искусственной, въ родѣ шоссе, но никакъ не заслуживающей названія хорошей дороги. Встрѣчались красивыя мѣста, рѣчки, селенія, изъ коихъ лучшее Мухрань, окруженное садами, Ксанское ущелье и, въ восьми верстахъ отъ станціи Ксанка, старинный монастырь и древнія башни при рѣчкѣ Текурѣ, чрезъ которую мостъ и затѣмъ широкая равнина, почти до самаго Гори, издали хорошенькаго городка, по-

ражающаго эфектнымъ видомъ своей старой крѣпости, возвышающейся на скалѣ посреди города. Изъ Гори семъ верстъ подъемъ на высокую гору, откуда путь идетъ уже постоянно въ виду Куры. Картинная мѣстность станціи Гаргареты лежитъ у подножія горы, за которою течетъ Кура, и отсюда до Сурама дорога тянется по обширной Карталинской долинѣ. Мѣстечко Сурамъ остается въ сторонѣ, но ясно виднѣется съ развалинами своихъ башенъ, а влѣво за Курою, красуются горы, сплошь поросшія густымъ лѣсомъ. Въ семи верстахъ отъ Сурама, при деревнѣ Кишхетъ, дорога поворачиваетъ въ ущеліе, коимъ идетъ надъ самой рѣкою, уже вплоть до Боржома, при въѣздѣ въ который, сперва представилась намъ солдатская слободка и казарма, а потомъ переправа на небольшомъ паромѣ черезъ Куру. Минеральныя воды находятся за 3/4 версты разстоянія отъ берега, въ глубинѣ ущелія, вдоль котораго стремится съ шумомъ и гуломъ красивая рѣчка, называемая русскими «Черная», а на картѣ означенная подъ именемъ «Буджарети». По гребню горъ ростетъ сосновый боръ, по скату же разныя лиственныя деревья. Вообще ущеліе это очень живописно, и лѣтомъ жить въ немъ пріятно, кромѣ всѣхъ другихъ условій, хотя уже потому, что нѣтъ въ немъ ни жаровъ, ни мухъ, ни комаровъ.

Вслѣдствіе почти общаго нашего нездоровья отъ Тифлисскаго пылающаго зноя и смрадной, холерной атмосферы, мы должны были ѣхать медленно, съ разстановками, ночлегами и отдыхами, такъ что только на пятый день добрались до цѣли нашего путешествія. Боржомъ былъ тогда населенъ еще весьма незначительно. Мы помѣстились въ лучшей того времени квартирѣ, кочевомъ домѣ главнокомандующаго, устроенномъ генераломъ Головинымъ при самомъ источникѣ водъ, въ концѣ галереи, и обращенномъ впослѣдствіи въ намѣстническую кухню.

Боржомское владѣніе, начинающееся въ семи верстахъ отъ Сурамской станціи и имѣющее протяженіе до тридцати верстъ по берегу рѣки Куры, составляетъ замѣчательную мѣстность. Горы, лѣсъ и извивающаяся стремительно по ущелію возлѣ дороги рѣчка представляютъ почти непрерывающіеся, разнообразные и прекрасные виды. Почтовая дорога изъ Тифлиса въ Ахалцыхъ идетъ по самому берегу рѣки. Собственно Боржомское ущеліе расположено на правомъ берегу рѣки, въ девятнадцати верстахъ отъ въѣзда въ

это владѣніе, и въ самомъ ущеліи, какъ я сказалъ, истекаютъ минеральные источники щелочныхъ и желѣзныхъ водъ. Ими пользовались туземные жители издавна, но они оставались въ дикомъ состояніи до 1840 года, когда бывшій главноуправляющій краемъ генералъ Головинъ посѣтилъ это мѣсто, полюбилъ его и положилъ основаніе его устройству проведеніемъ большой дороги, построеніемъ галереи и ваннъ. Но все это были лишь начатки устройства, которые впослѣдствіи распространилъ и пополнилъ князь Воронцовъ. Въ этотъ мой пріѣздъ Боржомъ имѣлъ ужъ видъ мѣстечка, украшеннаго нѣсколькими порядочными домиками для посѣтителей, которые отъ мая до сентября съѣзжаются туда изъ разныхъ мѣстъ края, наиболѣе изъ Тифлиса.

Изъ всего занимаемаго Боржомомъ пространства, которое заключаетъ въ себѣ семьдесятъ тысячъ десятинъ, бо́льшею частію превосходнаго лѣса, въ 1847 году, когда я пріѣхалъ въ Боржомъ, казнѣ безспорно принадлежало только семь тысячъ десятинъ, то есть такъ именуемая Ахалдабадская дача; остальная же громадная часть находилась въ спорѣ между казною и князьями Аваловыми. Права этихъ князей были весьма сомнительны, потому что предки ихъ этого имѣнія въ наслѣдственномъ владѣніи не имѣли, а были лишь «моуравами», то-есть управляющими. Процесъ продолжался долго, и наконецъ въ пятидесятыхъ годахъ князь Воронцовъ рѣшилъ его тѣмъ, что съ Высочайшаго утвержденія соединилъ все имѣніе окончательно въ казенномъ владѣніи, съ производствомъ князьямъ Аваловымъ изъ доходовъ имѣнія потомственной пенсіи по пяти тысячъ рублей въ годъ.

Съ тѣхъ поръ началось устройство этого имѣнія, но достойно сожалѣнія, что не было принято къ тому никакого опредѣленнаго плана. Заявлялось нѣсколько полезныхъ предположеній, которыя если и одобрялись главнымъ начальствомъ, но постояннаго и послѣдовательнаго исполненія имъ не давалось. Сначала докторъ князя Воронцова Э. С. Андреевскій, любимецъ его, распоряжался во всемъ по своимъ видамъ; а потомъ каждый новый управляющій имѣніемъ ворочалъ все по своему, отчего и происходила путаница и вообще мало толка. Пробовали основать четыре деревни изъ малороссійскихъ поселянъ, но малороссы однакожъ не оказались хорошими хозяевами, не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ и разбрелись въ разныя стороны. Столь же неудачно

произошло и поселеніе грековъ. Въ самомъ Боржомѣ водворено нѣсколько армянъ-торгашей и отставныхъ солдатъ. Позднѣе, черезъ Куру построенъ порядочный деревянный мостъ.

Въ настоящее время (шестидесятые года) съ прибытіемъ Великаго Князя, вступленіемъ его въ управленіе краемъ и намѣреніемъ основать здѣсь свое лѣтнее пребываніе, можно надѣяться, что Боржомъ достигнетъ сколько нибудь благоустроеннаго состоянія и вида. На лѣвомъ берегу Куры, на склонѣ горъ, противъ ущелія уже строится и даже почти оконченъ дворецъ Его Высочества. Очень желательно, чтобы это пребываніе послужило поводомъ къ лучшему устройству тамошнихъ минеральныхъ водъ, самого мѣстечка и имѣнія, къ нему принадлежащаго, которыя покамѣстъ запущены въ такой степени, что, видя ихъ въ этомъ неизмѣнномъ положеніи въ продолженіе столькихъ лѣтъ, невольно начинаешь сомнѣваться, чтобы Боржомъ достигъ когда-либо прогресса, столь для него полезнаго и необходимаго. Дворецъ почти готовъ, но на главное, въ отношеніи общественной пользы, на обстановку цѣлебныхъ водъ и подспорій къ нимъ, на удобства для пріѣзжающихъ лечиться и многое другое, доселѣ вниманія не обращается. Это впрочемъ можетъ относиться почти ко всѣмъ общеполезнымъ учрежденіямъ Закавказскаго края: или ничего не дѣлается, или не такъ, какъ бы надлежало. Нельзя сомнѣваться въ добрыхъ намѣреніяхъ главныхъ начальниковъ края — они святы, но исполнители супостаты *).

На этотъ разъ, мы опять послужили для холеры какимъ-то перевозочнымъ средствомъ, на подобіе того, какъ во время нашего переѣзда изъ Шемахи въ Тифлисъ, только съ тою разницею, что мы не привозили ее на станціи, а прямо привезли въ Боржомъ, гдѣ до насъ и признака не было ея, а тотчасъ по прибытіи нашемъ проявилась и она, но, по счастію, въ слабой степени, такъ какъ условія горнаго Боржомскаго климата не содѣйствовали ея развитію. Заболѣлъ восьмилѣтній мальчикъ, солдатскій сынъ; докторъ, обыкновенно командируемый сюда на лѣтній сезонъ, еще не пріѣхалъ, обратиться за помощью было не къ кому; но солдатка сама догадалась и, видя, что сынъ ея въ судорогахъ, совсѣмъ оцѣпенѣлъ и посинѣлъ, она, по какому-то наитію или вдохновенію,

*) Впослѣдствіи Боржомское имѣніе Высочайше пожаловано въ собственность Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

выбѣжала на улицу, нарвала крапивы, росшей возлѣ забора, и принялась ею крѣпко тереть похолодѣвшее тѣло мальчика. Вскорѣ тѣло начало покрываться мѣстами красными пятнами, выступили пузыри, появилась теплота, и импровизированное леченіе солдатки увѣнчалось полнымъ успѣхомъ—мальчикъ выздоровѣлъ. Потомъ заболѣлъ нашъ поваръ, и тоже поправился безъ всякихъ медицинскихъ пособій, а можетъ быть именно и по этой причинѣ. Кажется, этими двумя случаями ограничилась эпидемія.

Чрезъ нѣсколько дней, прибывшій сюда изъ Тифлиса врачъ Амировъ посовѣтовалъ женѣ моей отправиться на Абасъ-Туманскія воды, находящіяся въ семидесяти верстахъ отъ Боржома за Ахалцыхомъ, куда она 16-го іюля и выѣхала съ старшею дочерью Екатериной; я же, съ остальнымъ моимъ семействомъ, остался въ Боржомѣ, частію по служебнымъ дѣламъ, а частію по увѣренію доктора, что пользованіе здѣшними водами и ваннами принесетъ мнѣ несомнѣнную пользу, что нисколько не оправдалось, можетъ быть вслѣдствіе того, что я простудился, и къ прежнимъ моимъ недугамъ присоединилась еще лихорадка. Лѣто выдалось дождливое, сырое, и постоянный сквозной вѣтеръ, дувшій чрезъ узкое ущеліе, какъ сквозь коридоръ, не слишкомъ благопріятно отзывался на здоровьи больныхъ, особенно при леченіи теплыми ваннами. Съѣздъ на воды былъ немногочисленный: нѣсколько туземныхъ семей изъ грузинъ и армянъ, два русскихъ генерала съ одной генеральшей, одинъ полковникъ генеральнаго штаба съ больной женой и свояченицей и нѣсколько офицеровъ составляли весь кругъ тогдашняго водянаго общества.

Изъ туземныхъ посѣтителей наиболѣе выдавалось семейство мѣстнаго помѣщика князя Сумбатова. Самъ князь былъ отставной военный, еще не старый, сухой, желтый, сумрачный человѣкъ; его жена, рожденная княжна Мухранская, среднихъ лѣтъ, очень красивая собою, носившая грузинскій костюмъ; и два сына, одинъ юнкеръ лѣтъ двадцати, другой маленькій мальчикъ лѣтъ девяти. Этотъ мальчикъ, хорошенькій и бойкій, обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что всегда былъ одѣтъ весь въ бѣломъ. Намъ объяснили, что въ Грузіи есть обычай иногда при рожденіи дѣтей давать обѣщаніе Божіей Матери, или какому-либо святому, водить ребенка не иначе какъ въ бѣломъ до извѣстнаго возраста, часто на много лѣтъ, полагая этимъ привлечь на него покровительство свыше.

Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ, бѣлый костюмъ не только не принесъ благополучія мальчику, но и не предохранилъ его отъ гибели. По окончаніи курса Сумбатовы возвратились въ свою деревню вблизи отъ Сурама, и въ непродолжительномъ времени всѣ были убиты въ своемъ домѣ, ночью, своими же крестьянами; князя закололи кинжаломъ, княгиню застрѣлили въ постели, юнкера изрубили, а бѣднаго бѣлаго мальчика зарѣзали. Слѣдствіе выяснило, что князь сурово обращался съ крестьянами и заставлялъ ихъ въ праздники работать; крестьяне возмутились, вышли изъ повиновенія, а князь, въ наказаніе виновныхъ, велѣлъ пересѣчь ихъ женъ, что и было причиною поголовнаго избіенія помѣщичьяго семейства.

Мой домашній Боржомскій кружокъ увеличился съ самаго начала тремя пріятными собесѣдниками, молодыми людьми. Первый изъ нихъ былъ встрѣтившій насъ при въѣздѣ сюда Александръ Федоровичъ Витте, родной братъ моего зятя, капитанъ путей сообщенія, служившій въ здѣшнемъ краѣ уже много лѣтъ и женившійся на грузинкѣ; второй—прикомандированный ко мнѣ по дѣламъ службы, поручикъ полевыхъ инженеровъ Бекманъ, умный, веселый, молодой человѣкъ, и третій, артиллерійскій офицеръ Кузовлевъ, сынъ старинныхъ нашихъ близкихъ знакомыхъ. Его старшая сестра была замужемъ за Екатеринославскимъ полицеймейстеромъ Ессеномъ въ то время когда мы еще тамъ жили, а вторая сестра находилась лектриссой при королевѣ Голандской Аннѣ Павловнѣ, у которой постоянно и жила. Всѣ трое, хорошіе, добрые люди, проводили съ нами почти всѣ дни, гуляли со мною, знакомили съ окрестностями, а по вечерамъ составляли мнѣ маленькую партію въ бостончикъ.

Между тѣмъ, привязавшаяся ко мнѣ лихорадка все меня не оставляла. Въ исходѣ іюля, я получилъ очень огорчившее меня извѣстіе о несчастномъ случаѣ съ моей женой въ Абасъ-Туманѣ: возвращаясь съ прогулки, она вдругъ упала; закружилась ли голова, или оступилась — она сама не знала, но при паденіи сильно ушибла лѣвый бокъ и повредила себѣ руку. Ее подняли почти безъ чувствъ; нѣсколько дней она очень страдала, и докторъ, вызванный изъ Ахальцыха (въ Абасъ-Туманѣ: нашелся только фельдшеръ, да и тотъ лежалъ больной въ горячкѣ отъ пьянства), опасался серьезныхъ послѣдствій отъ ушиба бока; а о рукѣ заявилъ, что въ плечѣ кость сошла съ мѣста и дѣйствовалъ сообразно съ этимъ заключеніемъ, которое оказалось потомъ

совершенно ошибочно, такъ какъ это былъ изломъ кости, вслѣдствіе чего лѣченіе его принесло болѣе вреда нежели пользы. Елена Павловна нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того не переставала мучиться болью въ рукѣ, и только по наступленіи зимы, нашъ знаменитый хирургъ Пироговъ посѣтившій тогда Тифлисъ, исправилъ нѣсколько неумѣлость Ахалцыхскаго доктора и облегчилъ страданія жены моей, которыя излечить совсѣмъ ужъ было невозможно, такъ какъ кость въ рукѣ неправильно срослась. Пироговъ, осмотрѣвъ руку Елены Павловны, съ удивленіемъ у нея спросилъ: «Какой невѣжда врачъ васъ лечилъ?» И отъ этого невѣжества она едва не лишилась руки. Мнѣ дали знать объ этомъ случаѣ уже по миновании опасности, когда общее состояніе здоровья жены моей сдѣлалось совсѣмъ лучше, потому что она не позволила немедленно извѣстить меня, чтобы не встревожить ранѣе времени, и для успокоенія моего сама писала ко мнѣ, упрашивая не прерывать курса леченія моего выѣздомъ къ ней. Конечно я не послушался ея и поспѣшилъ выѣхать въ Абасъ-Туманъ съ дочерью Надеждой *).

*) Это былъ уже вторичный переломъ лѣвой руки у Елены Павловны. Въ первый разъ это случилось еще въ ея дѣтствѣ, когда она была пятилѣтнимъ ребенкомъ, и сопровождалось проявленіемъ такой характеристической черты ребенка, которая заслуживаетъ, чтобы о ней упомянуть. Бабушка, воспитывавшая ее, Елена Ивановна Бандре-дю-Плесси, переѣзжала изъ деревни въ Кіевъ; въ каретѣ находилась, кромѣ бабушки, дочь ея, княгиня Генріетта Адольфовна Долгорукая, внучка маленькая княжна Елена Павловна, няня ея и любимая собачка. Въ одномъ мѣстѣ лошади едва тащились по глубокому песку, и Елена Ивановна де Бандре съ княгинею, соскучившись медленной ѣздой, вышли изъ экипажа и пошли впереди пѣшкомъ. Княжна играла съ собачкой. Вдругъ, дверца отворилась и собачка выпала изъ кареты. Дѣвочка бросилась, чтобы ее удержать, и сама упала изъ дверцы на дорогу. Лѣвая ручка попала подъ экипажъ, и колесо тяжелой кареты переѣхало черезъ нее. Няня кинулась за ребенкомъ; схватила ее на руки и, обезумѣвъ отъ испуга, залилась слезами. Дѣвочка старалась ее успокоить, просила не плакать и обѣщала никому ничего не говорить, увѣряя, что никто объ этомъ не узнаетъ. И исполнила обѣщаніе. Не смотря на жестокую боль, держала здоровою рукою больную ручку и молчала, не подавая вида, такъ что ни бабушка, ни мать, сѣвъ въ карету, ничего не замѣтили. Прошло такимъ образомъ часа три, пока наконецъ на станціи, княгиня, желая посадить дочь къ себѣ на колѣни, потянула ее за больную руку. Тогда дѣвочка не выдержала и вскрикнула, что и обнаружило истину. Но, все же, разсказала это не она, а ея испуганная няня и лакей. Оказалось, что кость руки была переломана между кистью и локтемъ, съ внутренней стороны, и хотя послѣ долгаго леченія въ Кіевѣ кость срослась, но глубокая впадина отъ колеса осталась на всю жизнь. Еще спасъ песокъ; на твердой землѣ колесо совсѣмъ бы перерѣзало нѣжную дѣтскую ручку. Такое геройское терпѣніе и сердечная доброта пятилѣтняго ребенка, проявили тогда уже ту высокую, самоотверженную душу, которая запечатлѣла собой всю жизнь Елены Павловны.

Дорога отъ Ахалцыха, мѣстами не совсѣмъ безопасная, идетъ сначала берегомъ Куры, и по всему своему протяженію разнообразится интересными видами, долинами, горами, развалинами церквей и крѣпостей, изъ коихъ самая красивая Ацхуръ; затѣмъ рѣка остается въ сторонѣ, и на разстояніи остальныхъ 22-хъ верстъ приходится взбираться на три большихъ горы съ весьма плохимъ для переѣзда подъемомъ и спускомъ *). Въ Ахалцыхѣ я остановился у уѣзднаго начальника Ахвердова. Самый городъ не представляетъ ни мѣстоположеніемъ, ни крѣпостію своею ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что прежде онъ былъ турецкимъ. Здѣсь мои недуги усилились еще гастрическимъ разстройствомъ лихорадочнаго свойства, не смотря на мою всегдашнюю умѣренность и воздержность въ пищѣ. Однако это не помѣшало мнѣ на другой день продолжать путь по дурной дорогѣ, размытой рѣчкою, надъ обвалами и провалами; только къ концу пути, верстъ за шесть, началось ущеліе съ красивыми видами. Въ Абасъ-Туманѣ я нашелъ мою жену, хотя и поправившуюся отъ болѣзни причиненной паденіемъ, но сильно страдавшую болью въ рукѣ по милости неумѣлаго врача.

Абасъ-Туманское ущеліе, тоже отличается прекраснѣйшимъ мѣстоположеніемъ, окружено со всѣхъ сторонъ густымъ боромъ и горами, на вершинахъ коихъ красуются живописныя развалины укрѣпленій, башень и церквей. Воды сѣрно-горячія, ихъ не употребляютъ для питья, а только для купанія. Изъ нихъ самыми

*) При спускѣ съ одной изъ этихъ горъ произошелъ маленькій эпизодъ, удивившій Андрея Михайловича по недавности еще его жительства въ Грузіи. На козлахъ экипажа сидѣлъ грязный, оборванный ямщикъ, въ чохѣ и папахѣ. На встрѣчу подъѣхала арба съ сидѣвшими въ ней женщинами и дѣтьми, а возлѣ шли два грузина. Ямщикъ остановился, арба тоже; начались грузинскіе разговоры и затянулись такъ долго, что, потерявъ терпѣніе, изъ экипажа приказали ямщику ѣхать. Ямщикъ отвѣчалъ: „Сейчасъ" — и продолжалъ разговоръ, что повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ, приказаніе было ему отдано такъ внушительно, что ямщикъ рѣшился тронуться, при чемъ обернулся и началъ объяснять ломаннымъ русскимъ языкомъ, что это онъ разговаривалъ съ своими мужиками, спрашивалъ у нихъ, куда они ѣдутъ. „Съ какими своими, сказали ему, изъ одной деревни, что ли?" — „Мужики мои, крѣпостные; и еще у мене и деревна болшой естъ" — послѣдовалъ отвѣтъ съ козелъ. „Что ты врешь! — возразили ему; — кто же ты такой?" — „Я князь А-дзе!" И онъ назвалъ одну изъ извѣстныхъ, наиболѣе распространенныхъ княжескихъ грузинскихъ фамилій. Ему не повѣрили, но на ближайшей станціи подтвердилось, что дѣйствительно это былъ князь А***, владѣтель деревни и крѣпостныхъ крестьянъ, которые однако такъ мало приносили ему доходовъ, что онъ предпочелъ профессію ямщика своему помѣщичьему званію. Случаи такого рода встрѣчаются въ Закавказіи сплошь да рядомъ.

полезными для леченія считаются, такъ называемыя, «змѣиныя», умѣренной температуры, а самыя сильныя доходятъ почти до 50-ти градусовъ жару и купаться въ цѣльной водѣ этого источника очень мучительно, да и трудно безъ риска обвариться. Въ ней купаютъ иногда солдатиковъ, вѣроятно на томъ основаніи, что паръ костей не ломитъ; но и они не выдерживаютъ болѣе нѣсколькихъ минутъ. Солдатъ привозятъ сюда на леченіе большими партіями и помѣщаютъ въ устроенномъ для нихъ военномъ госпиталѣ. Объ этой водѣ разсказываютъ, что въ ней сварился армянскій архіерей. Когда это было, при какихъ обстоятельствахъ, какимъ образомъ это случилось — ничего нельзя добиться, и никто не знаетъ никакихъ подробностей, передается только положительно и утвердительно одинъ этотъ фактъ. Странно, что легенда о сварившемся армянскомъ архіереѣ очень распространена на Кавказѣ и въ Закавказьѣ. О ней разсказываютъ въ Пятигорскѣ, указывая, что это произошло въ Александровскихъ ваннахъ; разсказываютъ въ Горячеводскѣ, близь крѣпости Грозной и, кажется, нѣтъ нигдѣ горячаго источника въ краѣ, о которомъ бы не говорили, что въ немъ сварился армянскій архіерей. И почему такой жертвою избранъ именно іерархъ этого сана и національности, совершенно неизвѣстно. Нельзя же предполагать, чтобы столько армянскихъ архіереевъ дѣйствительно сварились въ горячихъ источникахъ; а между тѣмъ, всѣ обыватели мѣстъ, гдѣ водятся такіе источники, утверждаютъ съ непоколебимой увѣренностію, не допуская ни малѣйшаго сомнѣнія, что именно здѣсь, въ ихъ источникѣ, сварился армянскій архіерей, и утверждаютъ такъ настойчиво и упорно, какъ будто въ этомъ несчастномъ событіи заключается для нихъ какая то особенная амбиція, честь, или рекомендація ихъ источника. Впрочемъ, въ одной мѣстности края передаютъ, что тамъ сварился татарскій муфтій — тоже высокое духовное лицо, хотя съ варіацей вѣроисповѣданія и народности. Это единственное исключеніе изъ общаго положенія.

Мое нездоровіе такъ усилилось на первыхъ дняхъ пребыванія въ Абасъ-Туманѣ, что я принужденъ былъ слечь въ постель, и никакія средства Ахалцыхскихъ докторовъ, лечившихъ меня, не приносили никакого облегченія. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, докторъ Кларинъ, догадался предписать мнѣ змѣиныя ванны, которыя хотя и находились по близости отъ моей квартиры, но я ужъ отъ слабости не въ состояніи былъ ходить, и меня принесли туда на но-

силкахъ. Первая же, всего трехъ-минутная ванна подѣйствовала отлично, а послѣдующія въ нѣсколько дней поставили меня на ноги и совсѣмъ излечили. Прогулка по горамъ и лѣсамъ, здоровый воздухъ, подкрѣпили силы мои; къ сожалѣнію, лѣто выдалось очень бурное, безпрестанно шли дожди и повторялись страшныя грозы, которыя всегда дурно отзывались на моихъ нервахъ и заставляли часто поневолѣ сидѣть дома.

При Абасъ-Туманскихъ водахъ находилась небольшая нѣмецкая колонія Фриденталь, основанная въ 1843-мъ году, собственно въ видахъ доставленія пользующимся водами необходимыхъ жизненныхъ потребностей; но ей не было отведено никакого опредѣленнаго количества земли, а потому сосѣдніе жители непрестанно ихъ тѣснили, а колонисты, по желанію своему и просьбамъ, переселены въ 1849-мъ году въ Тифлисскій уѣздъ близь колоніи Маріенфельдъ на рѣкѣ Іорѣ.

Въ половинѣ Августа мы всѣ были обрадованы пріѣздомъ къ намъ затя моего Ю. Ф. Витте. Мы ожидали его ранѣе и очень безпокоились его замедленіемъ, по причинѣ жестокой холеры, разразившейся тогда въ Саратовѣ и свирѣпствовавшей по всему пути его проѣзда самымъ убійственнымъ образомъ. Въ Саратовѣ, въ продолженіе трехъ недѣль сильнѣйшаго разгара эпидеміи, этотъ смертоносный бичъ положительно опустошалъ городъ съ неудержимой яростію. Цѣлыя семьи вымирали, дома наполнялись трупами, улицы пустѣли, въ аптекахъ не успѣвали приготовлять лекарства, и аптеки буквально осаждались толпами народа, ожидавшаго своей очереди иногда по суткамъ, для полученія лекарства, котораго больные уже не успѣвали дождаться. Одинъ знакомый, проѣзжавшій тогда чрезъ Саратовъ, писалъ мнѣ, что пока онъ ѣхалъ отъ заставы по Московской улицѣ до гостинницы, съ версту разстоянія — встрѣтилъ по дорогѣ счетомъ сто пятьдесятъ гробовъ, препровождавшихся на кладбище. Зять мой, слава Богу, выбрался оттуда и доѣхалъ благополучно; но дорогой два раза ямщики сваливались съ козелъ его тарантаса, внезапно схваченные холерою. Она иногда поражала съ быстротой молніи; были случаи, что люди, проходя по улицѣ, повидимому совершенно здоровые, вдругъ падали и въ нѣсколько минутъ умирали. Бо̀льшая часть нашихъ хорошихъ Саратовскихъ знакомыхъ тогда погибла отъ этого ужаснаго мора.

Мы оставались въ Абасъ-Туманѣ до 30-го августа и переѣздъ въ Ахалцыхъ вынуждены были совершить на волахъ, такъ какъ отъ постоянныхъ дождей дорога покрылась такими водомоинами, провальями и грязью, что лошади не могли вытащить экипажа. Мы влачились невыносимо медленно, со страхомъ и разнообразными опасностями, сопровождаемые проливнымъ дождемъ, оглушительнымъ громомъ и непрерывно сверкавшими молніями, теряя по временамъ надежду добраться когда нибудь до Ахалцыха. Однако, наконецъ добрались, и даже съ цѣлыми костями — чего тоже не надѣялись — и нашли здѣсь спокойный ночлегъ и отдыхъ по-прежнему въ домѣ уѣзднаго начальника Ахвердова. Мнѣ надобно было прожить нѣсколько дней въ Ахалцыхѣ по дѣламъ и много за эти дни пришлось слышать всякаго рода жалобъ отъ гражданъ, чиновниковъ и уѣзднаго начальника. Послѣдній горько жаловался на неудобства близкаго сосѣдства съ Турціей и пограничныхъ саджакъ-бековъ, которые оказывали всякое потворство и укрывательство нашимъ поселянамъ и Ахалцыхскимъ жителямъ: учинивъ какое-либо преступленіе, они уходятъ за границу и свободно проживаютъ въ ближайшихъ деревняхъ. Вообще, настоящая граница неудобна во всѣхъ отношеніяхъ. Въ самомъ Ахалцыхѣ есть кислыя воды, принадлежащія двумъ здѣшнимъ гражданамъ армянамъ, хлопотавшимъ о дозволеніи устроить ванны, что было трудно безъ предварительнаго химическаго разложенія воды, которая могла оказаться вредной. Есть также и близъ станціи Страшнаго Окопа, на землѣ двухъ армянъ, минеральныя воды и, говорятъ, очень сильныя.

Изъ Ахалцыха, по порученію князя Воронцова, я долженъ былъ проѣхать въ Александропольскій и Эриванскій уѣзды для обозрѣнія новыхъ русскихъ поселеній, соображенія объ улучшеніи существующихъ и проэктированія новыхъ водопроводовъ. Этотъ предметъ весьма интересовалъ князя-намѣстника и дѣйствительно вполнѣ заслуживаетъ вниманія главнаго Закавказскаго начальства. Къ сожалѣнію, это предпріятіе, такъ же, какъ и многія другія полезныя для края, имѣло доселѣ мало успѣха, какъ по неопытности инженеръ-гидравликовъ и по недостатку денежныхъ средствъ, такъ и по страсти нашихъ администраторовъ хвататься за новыя предпріятія, не окончивъ начатыхъ, и безъ внимательнаго соображенія о средствахъ къ тому.

На первой станціи отъ Ахалцыха, въ деревнѣ Ацхурѣ, я разстался съ моимъ семействомъ: жена моя съ дѣтьми и зятемъ отправились обратно въ Тифлисъ, а я, переѣхавъ черезъ Куру, отправился по такъ именуемой «Царской дорогѣ», проложенной въ 1837-мъ году для проѣзда покойнаго Императора Николая Павловича. Дорога идетъ чрезъ Ацхурскія и Кодіанскія горы чрезвычайно трудная, и лишь первыя семь верстъ намъ удалось кое-какъ пробраться на лошадяхъ, а потомъ опять пришлось тащиться на волахъ, по мѣстамъ дикимъ, но не лишеннымъ своего рода интереса; мы въ этотъ день едва успѣли сдѣлать двадцать пять верстъ, взбираясь на гору Табуретъ-чай. Тамъ ночевали въ казачьей штабъ-квартирѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ казармъ, раскинутыхъ въ бору. Мы очутились въ настоящей сѣверной странѣ, чего не предвидѣли, не запаслись теплымъ платьемъ, за что немедленно и поплатились простудой; я, впрочемъ, слегка — насморкомъ, а Бекманъ, сопровождавшій меня, довольно серьезной лихорадкою. Это мѣсто отличается такимъ холоднымъ климатомъ, что казаки не могутъ обзавестись ни малѣйшимъ хозяйствомъ, кромѣ плохаго сѣнокоса, потому что никакіе хлѣбные посѣвы не созрѣваютъ; они или вымерзаютъ, или выбиваются градомъ, который здѣсь почти всегда замѣняетъ дождь, тогда какъ не далѣе пятнадцати верстъ прямымъ путемъ оттуда, въ селеніи Хертвиси, ростетъ превосходный виноградъ, груши и другія произведенія южныхъ странъ.

На другой день мы доѣхали до армянскаго мѣстечка и небольшой крѣпостцы Ахалкалаки, гдѣ климатъ уже умѣреннѣе и земля очень плодородная, а потомъ продолжали путь для обозрѣнія духоборческихъ поселеній, состоящихъ изъ семи довольно многолюдныхъ деревень.

Съ духоборцами я былъ хорошо знакомъ ужъ съ давнихъ поръ, еще въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ, до переселенія ихъ въ Закавказскій край, они были водворены въ Таврической губерніи, Мелитопольскаго уѣзда, на рѣкѣ Молочныя воды, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ нѣмецкихъ колоній, коими я управлялъ около двадцати лѣтъ. Я читалъ все, что было писано у насъ о духоборцахъ въ послѣднее время, начиная отъ записокъ Ивана Владиміровича Лопухина и до свѣдѣній о нихъ въ разныхъ журналахъ, включая въ то число и статью о духоборцахъ въ «Духовной Бесѣ-

дѣ» за 1859-й годъ и въ другихъ изданіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ; но во всѣхъ этихъ описаніяхъ, по моимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ и въ Новороссійскомъ краѣ, и здѣсь, при управленіи ими, нашелъ мало справедливаго. Статья о духоборцахъ, помѣщенная въ справочномъ энциклопедическомъ словарѣ Страчевскаго, столь же не вѣрна и не полна, какъ и прочія. Скажу о нихъ то, что знаю и за вѣрность чего могу ручаться

Начальнаго происхожденія своей ереси духоборцы и сами съ точностью объяснить не могутъ. Если она существовала у насъ еще до XVIII-го столѣтія, какъ нѣкоторые полагаютъ, то, вѣроятно, проявилась — такъ же, какъ и молоканская ересь — отъ соприкосновенія нѣкоторыхъ изъ предковъ нынѣшнихъ духоборцевъ съ протестантами различныхъ родовъ, ученіе и правила коихъ они исковеркали, переиначили и многое передѣлали по своему. Человѣческому заблужденію нельзя поставить предѣла, коль скоро люди, не имѣющіе ясныхъ и чистыхъ понятій и научнаго образованія, устремляются воспроизвести что-либо новое въ религіозномъ вѣрованіи. Все въ ихъ наученіи, догматахъ и молитвословіи есть наборъ словъ и изрѣченій изъ Священнаго Писанія безъ всякой послѣдовательности и основательнаго примѣненія,. Символъ вѣры у нихъ въ самомъ безобразно и безсмысленно искаженномъ видѣ. Но чтобы *подать руку* у духоборцевъ значило исполнить непремѣнно принятыя на себя обязательства (какъ это заявляется въ статьяхъ о духоборцахъ)—это положительно не вѣрно: хоть и *дадутъ руку*, но исполнятъ обязательство лишь въ такомъ случаѣ, если не имѣютъ интереса не исполнить его. Несправедливо также и то, будто духоборцы, обратившіеся въ православіе, оставались ему вѣрными потому только, что *давали на то руку*; и сомнительно, чтобы духоборцы, которые частнымъ образомъ донынѣ иногда обращаются въ православіе, дѣлались христіанами искренно, по убѣжденію. Если и бываютъ исключенія, то весьма рѣдко.

Сами старики и заправилы духоборческіе говорятъ, что основателемъ ихъ вѣроученія былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, находившійся въ плѣну у Прусаковъ въ Семилѣтнюю войну, и во время этой войны проживавшій довольно долго у гернгутеровъ или Моравскихъ братьевъ. Онъ, якобы, по возвращеніи въ Россію, изъ догматовъ этихъ сектъ составилъ ихъ вѣроученіе. Это показа-

ніе, изъ всѣхъ предположеній, наиболѣе похоже на правду. Тѣ изъ своихъ правилъ, которыя духоборцы гласно заявляютъ, конечно не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго доброй нравственности въ общемъ смыслѣ; но во всѣхъ своихъ житейскихъ дѣйствіяхъ духоборцы выказываютъ себя совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ бы они должны были быть по письменному своему исповѣданію. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія они обратили на себя особенное вниманіе сенаторовъ И. В. Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго,— кои оба были мартинисты,— при ревизіи, ими производившейся въ Харьковской губерніи, гдѣ духоборцы находились въ очень небольшомъ числѣ. Описаніе, составленное сенаторами, вполнѣ сообразно съ заявленіями сектантовъ объ ихъ исповѣданіи, уставахъ и правилахъ, представляло ихъ въ такомъ привлекательномъ видѣ, что они удостоились на нѣкоторое время не только снисхожденія, но даже особаго покровительства со стороны правительства. Впрочемъ, хотя они никогда не заслуживали столь похвальныхъ отзывовъ, но тогда и дѣйствительно могли быть лучше, нежели проявили себя впослѣдствіи, потому что ихъ было немного, они были преслѣдуемы и связаны между собою бо̀льшимъ единодушіемъ — какъ это всегда бываетъ при начальномъ возникновеніи сектъ. Вслѣдствіе такого одобрительнаго удостовѣренія сенаторовъ, духоборцы были переведены изъ Харьковской губерніи въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи и поселены на рѣкѣ Молочной. Къ нимъ присоединили всѣхъ остальныхъ духоборцевъ, разсѣянныхъ по Россіи, проживавшихъ въ разброску и открытыхъ въ различныхъ частяхъ имперіи. Имъ тамъ отвели большое пространство пустопорожнихъ плодородныхъ земель и даровали различныя льготы. Блаженной памяти Императоръ Александръ I имѣлъ сначала выгодное мнѣніе о ихъ нравственности и считалъ ихъ русскими квакерами; это мнѣніе его о нихъ ярко выразилось въ рескриптѣ, данномъ въ 1817 году бывшему Новороссійскому генералъ-губернатору графу Ланжерону.

Находясь первоначально подъ самовластнымъ начальствомъ духовнаго старшины *Капустина*, при ихъ трудолюбіи и строгомъ наблюденіи за ними, духоборцы достигли значительной степени благосостоянія. Капустинъ успѣлъ пріобрѣсть надъ ними неограниченную, деспотическую власть: строго взыскивалъ за пьянство, нерадѣніе, строго наблюдалъ за устройствомъ и порядкомъ домовъ

и хозяйствъ. Многіе изъ раскольниковъ другихъ сектъ, и даже нѣкоторые изъ православныхъ, присоединялись къ духоборцамъ, что, въ совокупности съ допущеннымъ и поощряемымъ Капустинымъ пріемомъ бѣглыхъ и дезертеровъ, вскорѣ замѣтнымъ образомъ умножило ихъ народонаселеніе. Это зло, какъ равно и другія злоупотребленія, по вліянію, какое Капустинъ имѣлъ на духоборцевъ, онъ умѣлъ довольно долго и очень хитро скрывать подъ прикрытіемъ притворнаго смиренія и кротости, особенно же искусствомъ привлекать на свою сторону земскую полицію и сдѣлать ее заступницею и покровительницею духоборческихъ интересовъ, которые она поддерживала конечно въ виду своихъ собственныхъ, извлекаемыхъ посредствомъ этого способа. Къ тому же еще Капустинъ, по своему состоянію простаго человѣка, владѣлъ хорошимъ даромъ слова. При такихъ обстоятельствахъ, духоборцы въ теченіе почти двадцати лѣтъ имѣли всѣ средства достигнуть цвѣтущаго положенія; но около 1818 года стали между ними проявляться весьма вредные безпорядки, и, наконецъ, открылось самымъ достовѣрнымъ образомъ, что они, существенно, вовсе не христіане. Это сдѣлалось неподлежащимъ никакому сомнѣнію по слѣдующему случаю.

Въ 1818 году къ нимъ прибыли извѣстные квакеры—Алленъ, изъ Англіи, и Грельетъ, изъ Америки, имѣвшіе порученіе отъ Государя Императора, переданное имъ покойнымъ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, чтобы при обозрѣніи въ Россіи тюремныхъ учрежденій, въ чемъ состояла спеціальная цѣль ихъ путешествія, они, объѣзжая Новороссійскій край, побывали въ духоборческихъ поселеніяхъ и удостовѣрились на мѣстѣ, ближайшими разспросами духоборцевъ, дѣйствительно ли они христіане или нѣтъ. Узнать это съ точностію и опредѣленно весьма желали и сами квакеры, ибо, по свѣдѣніямъ, кои они имѣли о духоборцахъ въ Англіи и получили въ Петербургѣ, считали ихъ своими единомышленниками въ главныхъ основаніяхъ своего вѣроученія. Для приведенія въ дѣйствіе этого изслѣдованія, мѣстное начальство распорядилось собрать вліятельнѣйшихъ сектантовъ на допросы въ двухъ мѣстахъ: въ Екатеринославѣ и въ ихъ слободѣ Терпѣніи по рѣкѣ Молочной. Квакеры ихъ встрѣтили сначала весьма дружелюбно и называли своими собратьями. Въ Екатеринославѣ объясненія ихъ, довольно долго продолжавшіяся, были крайне темны и запутаны и точно такими же повторились и въ Терпѣніи на

Молочной. Когда же добрые квакеры потребовали отъ нихъ категорическаго, рѣшительнаго отвѣта на вопросъ: вѣруютъ-ли они въ Божественность Іисуса Христа? — Духоборцы, подумавъ и нѣсколько замявшись, отвѣчали, что *Христосъ былъ добрый человѣкъ, и что Христомъ и Богомъ можетъ сдѣлаться всякій человѣкъ, могущій возымѣть силу быть истинно добрымъ человѣкомъ.* При этомъ исповѣданіи духоборческаго умозаключенія, квакеры измѣнились въ лицѣ и, вскочивъ съ своихъ мѣстъ, съ выраженіемъ ужаса и негодованія воскликнули по-французски: «O ténèbre! ténèbre!» («О тьма! тьма!») «Нѣтъ! нѣтъ! Вы не собратья наши!». И, удалившись поспѣшно, возвратились въ нѣмецкія колоніи.

Вѣроятно, квакеры довели до свѣдѣнія Императора Александра Павловича этотъ результатъ своихъ изслѣдованій. Между тѣмъ Капустинъ умеръ. Затѣмъ открылось, что духоборцы истязали и предали мучительной смерти (зарыли живыми въ землю) нѣкоторыхъ изъ своихъ вѣроотступниковъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи возвратиться къ православію; и оказались признаки, что подобная жестокая казнь постигла многихъ несчастныхъ жертвъ ихъ изувѣрства во время владычества надъ ними Капустина. Производилось по этимъ дѣламъ слѣдствіе, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ. Кромѣ того, сдѣлалось извѣстнымъ, что самый грязный, преступный развратъ былъ у нихъ облеченъ въ религіозную форму, подъ названіемъ: «*свальный грѣхъ*».

При проѣздѣ Императора Александра Павловича, въ 1825 году, изъ Таганрога чрезъ Молочанскія духоборческія поселенія въ Крымъ, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ главномъ ихъ селеніи *Терпѣніи*, когда толпа духоборцевъ встрѣтила Государя съ хлѣбомъ и солью, онъ привсталъ въ коляскѣ и съ гнѣвомъ сказалъ имъ, что ихъ хлѣба и соли не приметъ; что они оказываются людьми вредными, безнравственными и если не всѣ, то многіе изъ нихъ даже злодѣями; и что, по окончаніи надъ ними слѣдствія и суда, они подвергнутся заслуженной ими карѣ.

Эта кара и постигла ихъ. Но слѣдствіе продолжалось еще долго, и только въ 1840 году было рѣшено переселить ихъ всѣхъ въ Закавказскій край. Старшиною у нихъ былъ тогда Калмыковъ, ученикъ и пріемышъ Капустина, человѣкъ также смышленый и также развратный. Онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ по прибытіи въ Закав-

казье умеръ. Духоборцы питаютъ большое благоговѣніе къ его памяти. Разсказываютъ, что за нѣсколько лѣтъ до ихъ переселенія на Кавказъ, когда князь Воронцовъ однажды ему дѣлалъ строгій выговоръ, какъ старшинѣ, за происходившіе у нихъ въ то время безпорядки и присовокупилъ, что «если это не прекратится, то всѣ духоборцы будутъ переселены за Кавказъ»,—Калмыковъ якобы отвѣчалъ въ духѣ пророчества: «не мы одни будемъ, но и вы будете за Кавказомъ!» Когда я пересказалъ о томъ въ Тифлисѣ князю Михаилу Семеновичу, то онъ отозвался, что дѣйствительно было что-то на то похожее, но что Калмыковъ могъ это сказать вовсе не по вдохновенію, а просто по носившимся уже тогда слухамъ о его назначеніи на Кавказъ.

Духоборцамъ въ Закавказскомъ краѣ отведено большое пространство, больше сорока тысячъ десятинъ земли изъ свободныхъ, пастбищныхъ мѣстъ въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, прилегающихъ къ турецкой границѣ. Мѣста эти составляютъ плоскую возвышенность, имѣютъ климатъ весьма здоровый и землю плодородную; но по причинѣ суровой температуры и продолжительныхъ морозовъ, бывающихъ иногда и лѣтомъ, хлѣбные посѣвы, за исключеніемъ ячменя, вымерзаютъ, и духоборцы ими здѣсь мало занимаются. Это для нихъ вознаграждается богатыми пастбищами и сѣнокосами. Кромѣ того, они промышляютъ извозничествомъ, приносящимъ имъ хорошіе заработки. При такихъ условіяхъ, при тѣхъ значительныхъ льготахъ, которыя при водвореніи ихъ здѣсь имъ дарованы, при обложеніи ихъ весьма неотяготительнымъ взносомъ податей, духоборцы могли бы достигнуть полнаго благосостоянія ; но большинство ихъ предается пьянству и разврату, вслѣдствіе чего ихъ хозяйственное состояніе вовсе не устроено; дома плохіе, никакихъ порядочныхъ обзаведеній, построекъ, никакихъ древесныхъ насажденій. Впрочемъ, этой небрежности отчасти содѣйствуетъ ихъ предубѣжденіе, что они и здѣсь живутъ временно, и ранѣе или позднѣе будутъ переселены куда нибудь далѣе, въ другое мѣсто.

Во время послѣдней Турецкой войны, съ 1853 по 1856 годъ, они потерпѣли нѣкоторое разореніе отъ непріятеля и стѣсненія отъ квартированія въ ихъ поселеніяхъ и перехода у нихъ войскъ; но зато имѣли выгоды и большіе заработки отъ извозничества; а также пригодились и нашимъ войскамъ въ этомъ отношеніи.

Въ настоящемъ ихъ положеніи они могли бы быть полезными и себѣ и правительству, если бы грязная распущенность ихъ поведенія и нравственности не препятствовала тому. Вслѣдствіе этой причины, они не должны быть предоставлены самимъ себѣ; за ними нуженъ строгій, постоянный надзоръ, а это вещь весьма трудная. Участковые засѣдатели, ближайшее ихъ начальство, всегда готовы поблажать имъ, потому что духоборцы обладаютъ отличными свѣдѣніями относительно средствъ для привлеченія ихъ на свою сторону. Во время управленія моего государственными имуществами, я попробовалъ, въ видѣ опыта, поручить этотъ надзоръ особому попечителю, съ надлежащими наставленіями и указаніями; опытъ не удался, въ силу того же перевѣса духоборческихъ свѣдѣній надъ чиновническою совѣстью. Наше мелкое чиновничество у насъ вездѣ, а въ Закавказскомъ краѣ еще болѣе, подъ какимъ бы то названіемъ оно ни было, подвержено слишкомъ неудержимой наклонности поддаваться соблазнамъ личной корысти и злоупотребленій. Что касается до религіознаго состоянія духоборцевъ, то оно осталось и здѣсь тѣмъ же, чѣмъ было прежде, то-есть грубо замаскированнымъ невѣріемъ и произвольными, вздорными заблужденіями и кривотолками, прикрываемыми безобразною обрядностію и стараніями лишь скрыть свою безнравственность. Такъ, напримѣръ, между прочимъ, они увѣряютъ, что дѣти у нихъ оказываютъ неогриниченное повиновеніе родителямъ; но если что либо подобное и случается, то это только до ихъ совершеннолѣтія, а потомъ уже дѣти или очень мало, или совсѣмъ не хотятъ знать своихъ родителей. Духоборческія женщины такъ же, какъ и бо̀льшею частію мужчины, физически довольно развиты, рослыя, сильныя, но вообще крайне дикообразны и въ высшей степени тупоумны. Мужчины смотрятъ на своихъ женщинъ почти не иначе, какъ на свою домашнюю скотину, и обращаются съ ними вполнѣ сообразно съ этимъ взглядомъ.

Нѣкоторыя попытки къ обращенію духоборцевъ въ православіе, какъ въ Новороссійскомъ краѣ, такъ и здѣсь, не имѣли почти никакого успѣха. То же можно сказать какъ относительно духоборцевъ, такъ и о всѣхъ прочихъ раскольникахъ различныхъ сектъ, поселенныхъ въ Закавказскомъ краѣ. Если здѣсь и бывали обращенія, то болѣе номинальныя, по наружности, и болѣе въ видахъ пріобрѣтенія новыхъ льготъ. Исключеніе составляетъ одно только

селеніе Бакинской губерніи «*Алты-Агачъ*», гдѣ нѣсколько десятковъ душъ присоединилось къ православію, кажется, по вліянію другой половины населенія, состоящей изъ коренныхъ православныхъ, между коими были люди порядочные и добрые христіане, успѣвшіе пріобрѣсть на нихъ вліяніе. Что же касается до дѣятельности духовныхъ миссіонеровъ, то хотя они и здѣсь стараются объ обращеніи сектантовъ, но до сихъ поръ никакой пользы и успѣховъ не оказали, и обращенные ими были бо́льшею частію люди такого рода, которые, по прибытіи въ здѣшній край православными, здѣсь уже сдѣлались молоканами изъ корыстныхъ цѣлей, а потомъ изъ тѣхъ же цѣлей, для пріобрѣтенія новыхъ льготъ, будто бы по убѣжденію миссіонеровъ, приняли вновь православіе. Нельзя сказать, чтобы эти миссіонеры не были достаточно подготовлены къ исполненію своей обязанности въ научномъ отношеніи; но они полагаютъ всю силу закона единственно въ буквѣ, а не въ духѣ его и, къ сожалѣнію, соединяя фанатическія понятія съ прискорбными дѣйствіями любостяжанія, налагаютъ на обращаемыхъ бремена тяжкія въ дѣлахъ обрядности и часто вредятъ имъ и самому дѣлу излишнею строгостію и даже мстительностію, коль скоро прихожане не выполняютъ рабски ихъ велѣній и прихотей. Меня удивляетъ то, что есть же у насъ (какъ по крайней мѣрѣ пишутъ же часто о томъ въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ) въ Сибири, Китаѣ, Японіи и многихъ другихъ странахъ миссіонеры, подвизающіеся въ дѣлѣ обращенія язычниковъ истинно въ духѣ апостоловъ, съ неистощимымъ самоотверженіемъ, энергіей, христіанскимъ долготерпѣніемъ, являя въ себѣ пастырей добрыхъ, не щадящихъ самихъ себя для привлеченія къ стаду Христову овецъ *и не сего двора*; а для обращенія своихъ же заблудшихъ соотчичей, — таковыхъ не оказывается. Дай Богъ, чтобы въ учреждаемомъ при Обществѣ о возстановленіи за Кавказомъ православія миссіонерскомъ училищѣ, образовались хотя со временемъ миссіонеры, кои были бы лучшей нравственности и лучше приготовлены къ успѣшному и прочному обращенію раскольниковъ, обитающихъ въ Закавказскомъ краѣ,

Полагаю не лишнимъ прибавить нѣсколько краткихъ, дополнительныхъ свѣдѣній къ этимъ замѣткамъ о сектантахъ, поселенныхъ въ Закавказьѣ.

Число русскихъ сектантовъ въ Закавказскомъ краѣ съ 1847-го по 1863-й годъ удвоилось, а именно:

Въ 1847 году ихъ было обоего пола душъ:

Въ Тифлисской губерніи	3484
Въ бывшей Шемахинской губерніи	4343
Итого	7827

А въ 1863 году:

Въ Тифлисской губерніи	4561
Въ Бакинской губерніи	6395
Въ Кутаиской губерніи	1714
Въ Эриванской губерніи	1651
Итого	14321

Женскаго пола почти столько же: 14355 душъ; слѣдовательно обоего пола: 28676 душъ. Но вѣроятно эти цифры умалены по причинѣ утайки и безпечности составителей свѣдѣній на мѣстахъ; а потому и можно полагать примѣрно, что русскихъ раскольниковъ въ Закавказскомъ краѣ приблизительно до 30000 душъ.

Въ числѣ этихъ 28676 душъ было показано:

Старообрядцевъ	54
Духоборцевъ	3256
Молоканъ	9229
Жидовствующихъ	1496
Духовидцевъ	44
Скопцовъ	42

Уже по внесеніи въ мои записки этихъ замѣтокъ о раскольникахъ, и главнѣйше о духоборцахъ и молоканахъ, я нашелъ въ «Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей Россіи при Московскомъ университетѣ» 1864 года, въ книгѣ II-й донесеніе, сдѣланное въ 1844 году министерству внутреннихъ дѣлъ о духоборцахъ и молоканахъ, бывшимъ Тамбовскимъ губернаторомъ Корниловымъ, съ коимъ я совершенно согласенъ въ отношеніи вреда отъ распространенія въ русскомъ простонародіи этихъ двухъ сектъ. Что же касается предлагаемыхъ имъ мѣръ, то онѣ, кажется, приняты не были и въ исполненіе не приведены, да и едва-ли принесли бы пользу, кромѣ развѣ сокращенія переписки по дѣламъ о раскольникахъ. Въ Закавказскомъ краѣ онѣ вовсе не примѣнимы.

Достойно вниманія, что здѣсь неизвѣстно ни одного случая совращенія въ раскольничью секту кого-либо изъ туземцевъ. Поэтому

я и полагалъ бы полезнымъ, по мѣрѣ могущаго еще оказаться избытка въ свободныхъ казенныхъ земляхъ, водворять на нихъ изъ русскихъ переселенцевъ преимущественно раскольниковъ, особенно изъ людей промышленныхъ и ремесленныхъ.

Со времени оставленія мною управленія государственными имуществами, мнѣ уже не случалось быть въ духоборческихъ поселеніяхъ Закавказскаго края. Но слышалъ я, что при настоящемъ порядкѣ, по поступленіи ихъ въ исключительное завѣдываніе одними участковыми засѣдателями, бытовое ихъ устройство нисколько не подвигается впередъ, даже стало хуже, и что духоборцы еще болѣе чѣмъ прежде предоставлены самимъ себѣ и своему собственному вредно-направленному произволу. Пьянство между ними, всегда очень сильное, дошло до крайней степени, также какъ и другіе низкіе инстинкты, не ограждаемые никакими стѣсненіями. Вообще, можно сказать, что хотя нравственность и молоканъ не очень завидна, но все-таки, сравнительно, молокане едва-ли не лучше духоборцевъ.

Изложивъ въ краткихъ, но вѣрныхъ чертахъ исторію и характеристику этихъ людей, съ которыми два раза мое служебное положеніе ставило меня въ отношенія, давшія мнѣ возможность основательно познакомиться съ ихъ бытомъ и нравами, и передавъ здѣсь результатъ моихъ многолѣтнихъ наблюденій и изслѣдованій по этому предмету — возвращаюсь къ продолженію моей поѣздки изъ Абасъ-Тумана по уѣздамъ Закавказья.

Окончивъ обозрѣніе духоборческихъ поселеній, я направился 4-го сентября изъ послѣдняго ихъ селенія Троицкаго въ дальнѣйшій путь, сначала довольно ровный, хотя и лощинами, сближавшійся къ рѣчкѣ Арпачаю и турецкой границѣ, затѣмъ гористый, каменистый, по косогорамъ, и снова ровнѣе только при спускѣ въ Александропольскую долину, гдѣ съ одной стороны, сверхъ горъ средней велчиины, примыкаетъ оконечностію гора Алагезъ, вѣчно покрытая снѣгомъ. Я прибылъ въ Александрополь того же дня, къ пяти часамъ вечера, сдѣлавъ всего 60 верстъ. Городъ расположенъ на пространной, возвышенной равнинѣ, довольно обширенъ и по наружности совсѣмъ другаго вида, нежели прочіе города Грузіи, болѣе близкаго къ европейскому типу. Дома хотя и съ плоскими крышами, но довольно благообразны, выстроены изъ необыкновенно мягкаго и гладкаго камня, составляющаго прекрасный

матеріалъ для построекъ, который выламывается подлѣ самаго города. Улицы широкія, двѣ площади; населеніе состоитъ главнѣйше изъ армянъ, но есть греки и татары, поселенные въ отдѣльныхъ кварталахъ. Двѣ армянскія церкви, не представляющія ничего особеннаго; садовъ нѣтъ, и только низменность въ греческомъ кварталѣ насаждена ивами и тополями. Раздѣляющая Россію отъ Турціи рѣчка Арпачай протекаетъ въ одной верстѣ отъ города, а вблизи ея сооруженная второкласная крѣпость вновь исправлена и устроена, кажется, прочно и правильно, съ двумя бастіонами, изъ коихъ въ южномъ, такъ называемомъ черномъ, содержатся арестанты, а въ сѣверномъ — красномъ, выходящемъ на почтовую Тифлисскую дорогу, находится красивая, изящной работы церковь, по внутренней и наружной отдѣлкѣ едва ли не лучшая въ Закавказскомъ краѣ, въ новомъ вкусѣ, во имя Св. Александры, съ иконостасами и ризницей, присланными Императрицей Александрой Ѳеодоровной.

По приведеніи къ окончанію моихъ служебныхъ занятій въ Александрополѣ, я выѣхалъ 9-го сентября по направленію къ Эчміадзину, резиденціи армянскаго патріарха, главному святилищу и центру армяно-григоріанской народности и религіи, въ родѣ католическаго ватикана. Проѣзжалъ я чрезъ большія армянскія селенія: Малый Караклисъ, Богускасаръ и Маштару, принадлежащія Эчміадзинскому монастырю. До этого мѣста дорога лежитъ по гористой и возвышенной мѣстности, но, приближаясь къ деревнѣ Мастарѣ, спускается въ долину, гдѣ климатъ становится замѣтно умѣреннѣе и мягче; здѣсь уже жители производятъ, сверхъ хлѣба, сарачинское пшено, хлопчатникъ и имѣютъ значительное хлѣбопашество.

На другой день, пространство въ сорокъ верстъ, до селенія Сардаръ-Абада, тянулось мѣстами опустѣвшими отъ запущенія водопроводовъ, но по сторонамъ виднѣлись слѣды многочисленнаго нѣкогда поселенія, разоренныхъ церквей, садовъ и крѣпости Талынь, съ каменными стѣнами еще хорошо уцѣлѣвшими. Сардаръ-Абадъ былъ нѣкогда Персидскою крѣпостію довольно обширныхъ размѣровъ; внутри ея находится теперь цѣлая армянская деревня и домикъ, построенный въ проѣздъ Государя въ 1837-мъ году для его ночлега. Мы здѣсь обѣдали и съ удовольствіемъ отдохнули послѣ чрезвычайно жаркаго дня и пыльной дороги. Здѣшнее сен-

тябрьское солнце жгло жарче нежели у насъ въ Россіи іюльское. При выѣздѣ изъ Сардаръ-Абада, виды совершенно измѣняются: съ правой стороны открывается на горизонтѣ колоссальный и величественный Араратъ, а слѣва — остроконечная вершина Алагеза, и по обѣимъ сторонамъ хорошо обработанныя поля, орошаемыя множествомъ водопроводныхъ каналовъ, такъ что не видно ни клочка земли въ пустѣ-лежащей. Ночлегъ мой былъ въ деревнѣ Карасу, гдѣ находилась прежде штабъ-квартира казачьяго полка. Урочище это называется по рѣчкѣ-Карасу, протекающей подлѣ. Здѣсь уже начинается настоящая Арменія, населенная очень густо. Сельскіе жители отличаются честностію, трудолюбіемъ и исправностію во взносѣ податей; разбои и грабежи хотя и случаются довольно часто, но происходятъ отъ потворства мѣстнаго начальства куртинамъ, кочующимъ въ сосѣдствѣ.

Мѣстоположеніе страны отъ Карасу до Эчміадзина еще интереснѣе. Съ одной стороны красуются оба Арарата, большой и малый, съ прилегающими къ нимъ горами; съ другой, — Алагезъ; между ними промежутокъ, приблизительно до восьмидесяти верстъ. Обѣ огромныя горы, съ бѣлоснѣжными вершинами, видны здѣсь еще яснѣе, и посѣвы разныхъ родовъ еще обширнѣе. Все занято хлѣбопашенными полями, рисомъ, хлопчатой бумагой, клещевиною. Разумѣется, всѣ эти поля поливныя, и потому вездѣ встрѣчаются канавы, пересѣкаемыя однакожъ порядочными мостиками. Зелени — безконечныя массы, а въ недальнемъ разстояніи виднѣются безпрестанно большія деревни съ садами и рощами.

Видъ Эчміадзина не представляетъ ничего особенно величественнаго. Онъ расположенъ тоже на совершенной равнинѣ, у селенія; монастырь весь обведенъ глиняною оградою. При входѣ, съ обѣихъ сторонъ, въ два ряда покрытыя лавки съ разными товарами. Соборная церковь окружена строеніями на площадкѣ съ зеленью и нѣсколькими деревьями, изъ коихъ два или три чинара, а прочія обыкновенныя ветлы. Изъ зданій, наиболѣе красивое — колокольня, самая же церковь напоминаетъ своей архитектурой Сіонскій соборъ въ Тифлисѣ, какъ почти всѣ здѣшнія церкви старинной постройки. Вообще, строенія — въ армянскомъ вкусѣ, впрочемъ, довольно чистыя. Внутри собора заслуживаетъ вниманія древняя стѣнная живопись и рѣзьба; но драгоцѣнностей не много, такъ же, какъ и въ ризницѣ. Есть нѣсколько мощей, особо чтимыхъ святынь,

изъ которыхъ важнѣйшія: копіе, коимъ пронзили бокъ Христа Спасителя на крестѣ, кусокъ отъ Ноева ковчега (какъ тамъ въ это твердо вѣрятъ), черепъ Св. Репсиміи и другія. Когда показываютъ эти священные предметы, монахи торжественно выносятъ ихъ изъ алтаря, гдѣ они хранятся, при пѣніи молитвословій и разставляютъ на столѣ. Есть цѣнные по работѣ кресты, жезлы, митры и ризы, украшенные каменьями, но, кажется, не слишкомъ дорогими и безъ всякой отдѣлки. Замѣчательнѣе искусное шитье изъ жемчуговъ на ризахъ съ ликами святыхъ. Была здѣсь когда-то митра, украшенная превосходнымъ, рѣдкимъ по достоинству и величинѣ изумрудомъ, составлявшимъ гордость патріаршей ризницы. Теперь о немъ остались однѣ горькія воспоминанія. Въ тридцатыхъ годахъ одна высокопоставленная дама, плѣнившись митрою, обратилась съ просьбою къ Эчміадзинской администраціи одолжить ей на короткое время митру, чтобы снять съ нея точный рисунокъ. Монахамъ крѣпко не нравилось это предложеніе, но не смѣя противиться предержащей власти, они, скрѣпя сердце, отправили съ избранной, довѣренной депутаціей свою драгоцѣнность въ Тифлисъ. Срисовываніе продолжалось долго, многіе мѣсяцы, однако окончилось, и митра возвращена въ Эчміадзинъ. Только вмѣсто необыкновеннаго, дорогаго изумруда, оказалось самое обыкновенное, дешевое зеленое стекло. Монахи застонали, заохали—и охаютъ до сей поры, съ прискорбіемъ и поникшими главами разсказывая объ этой горестной метаморфозѣ, съ которой никакъ не могутъ свыкнуться и помириться, хотя болѣе имъ ничего не оставалось дѣлать, такъ какъ сила солому ломитъ. При самоуправномъ Персидскомъ владычествѣ, Эриванскіе сардары, со всѣмъ своимъ азіатскимъ, безцеремоннымъ отношеніемъ къ чужому имуществу, не посягнули на захватъ монастырской собственности; русской же дамѣ ея европейская цивилизація и высокій общественный постъ нисколько не воспрепятствовали воспользоваться преимуществами властнаго положенія своего супруга, для того чтобы превзойти въ алчности персидскихъ сардаровъ. Эта интересная исторія въ свое время надѣлала много шума и возбудила много толковъ. Поговорить поговорили, тѣмъ и кончилось, только въ Эчміадзинѣ все еще охаютъ.

Въ числѣ любопытныхъ вещей въ церкви, выдается изящной работою образъ Богоматери на эмали и тонкой рѣзьбою патріаршій тронъ, подаренный нѣкогда римскимъ папой, кажется, Климен-

томъ XII-мъ. При монастырѣ устроена типографія духовныхъ армянскихъ книгъ; есть также обширная библіотека, помѣщенная въ нѣсколькихъ большихъ комнатахъ подъ чердакомъ, набитыхъ тѣсно и безпорядочно армянскими книгами и рукописями. Говорятъ, здѣсь много древнихъ библій, изъ коихъ я видѣлъ одинъ экземпляръ, оригинально раскрашенный яркими красками на пергаментѣ. Хозяева монастыря, эчміадзинскіе монахи, по наружности, сытые, румяные, щеголевато одѣтые, замѣтно опрятнѣе и благовиднѣе нежели армянское духовенство въ другихъ мѣстахъ. Ихъ трапезная состоитъ изъ длиннаго, узкаго коридора, въ которомъ столъ и скамьи по обѣимъ сторонамъ его сплошные, каменные. Въ помѣщеніи патріарха (тогда находившагося въ Тифлисѣ), три пріемныя комнаты украшены рѣзьбою съ разноцвѣтными, узорчатыми стеклами; картины на стѣнахъ бо̀льшею частію довольно грубой работы. Въ гостиной, на возвышеніи, стоитъ широкое, особой конструкціи кресло въ родѣ трона, присланное, какъ намъ сказали сопровождавшіе насъ монахи, изъ Индіи; а всѣ четыре стѣны, почти отъ потолка до пола, разрисованы сплошь красками альфреско, въ видѣ и размѣрѣ небольшихъ отдѣльныхъ квадратныхъ картинъ, изображающихъ мученія, которыми истязали Св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, по повелѣнію царя Тиридата, наперсника Императора Діоклитіана. Картины въ художественномъ отношеніи не имѣютъ никакого значенія; но количество и разнообразіе изображенныхъ истязаній заставляютъ удивляться неистощимой изобрѣтательности истязателя, или, можетъ быть, чрезмѣрному увлеченію усердіемъ и воображеніемъ рисовавшаго художника. Св. Григорій вездѣ представленъ нагой, и иныя пытки такъ необыкновенны, что невольно недоумѣваешь, какъ на счетъ чудовищной жестокости ихъ, такъ и на счетъ весьма неудобнаго помѣщенія ихъ на стѣнахъ гостиной. Я бы не желалъ находиться здѣсь въ обществѣ дамъ. А между тѣмъ, патріархъ принимаетъ здѣсь всѣхъ дамъ, посѣщающихъ его, принималъ и княгиню Елизавету Ксаверьевну Воронцову. Нѣкоторые изъ мужчинъ, присутствовавшихъ при этомъ посѣщеніи, говорили потомъ, что чувствовали себя не совсѣмъ ловко и не знали, куда поворотить глаза, чтобы не смотрѣть на стѣны.

Я обѣдалъ у архіепископа Луки, человѣка очень неглупаго, хитроватаго и популярнаго у своей паствы. Онъ замѣнялъ патріарха въ его отсутствіе. Обѣдъ былъ обильный, но безвкусіе преобла-

лось во всемъ. Столовая посуда, старинная, вѣроятно, дорогая, доставленная изъ какихъ-то далекихъ заморскихъ странъ, судя по содержанію сдѣланныхъ на ней узоровъ и рисунковъ, частію рельефныхъ, очевидно произведена спеціально по предназначенію въ святую обитель, потому что представлены преимущественно различныя сцены изъ Священнаго Писанія. На тарелкахъ такіе сюжеты, имѣя видъ образовъ, казались совсѣмъ неумѣстными и иногда съ непривычки вынуждали отказываться отъ кушаній. Напримѣръ, на жаркое подали жаренную индюшку, а на тарелкѣ нарисованъ образъ Благовѣщенія; какая же возможность ѣсть на такой тарелкѣ, даже просто по чувству приличія.

Эчміадзинъ изобилуетъ водою. Незадолго передъ тѣмъ разведенъ садъ въ большомъ размѣрѣ, съ прекраснымъ огромнымъ бассейномъ. Говорятъ, впослѣдствіи, патріархъ Нерсесъ обратилъ особое вниманіе на садъ и привелъ его въ отличное состояніе. Въ одной верстѣ отъ монастыря находится принадлежащій ему обширный виноградникъ, а также большія житницы съ хлѣбомъ.

Послѣ обѣда я выѣхалъ въ Эривань, отстоящую на двадцать верстъ отъ Эчміадзина. По пути встрѣчаются деревни, красиво расположенныя среди садовъ, зелени, деревьевъ; вездѣ много воды. Дорога довольно ровная, но дѣлается неровной и каменистой по мѣрѣ приближенія къ Эривани. Этотъ городъ былъ въ то время еще уѣзднымъ и совершенно сохранилъ видъ азіатскаго города; при въѣздѣ въ предмѣстіе, высокія глиняныя стѣны окружали пространные сады, тянущіеся версты на три до рѣки Занги, на берегу которой раскинутъ, на значительномъ пространствѣ, бывшій Сардарскій садъ, сильно запущенный, но еще сохранившій слѣды прежняго великолѣпія. Главную красу его теперь составляютъ необыкновенной величины роскошные тополи и посреди сада нѣкогда прелестный кіоскъ, по обычаю, съ разноцвѣтными, узорчатыми стеклами, очень эффектно подобранными, къ сожалѣнію, приходящій въ явный упадокъ. Видъ крѣпости отсюда чрезвычайно живописенъ: стѣны съ высокими башнями возвышаются надъ самой Зангой, съ шумомъ и ревомъ текущей внизу. Впрочемъ, крѣпостныя стѣны уже распадались и вскорѣ затѣмъ крѣпость вовсе уничтожена. Чрезъ рѣку хорошій древній мостъ, тоже приходящій въ разрушеніе и при немъ водохранилище, снабжающее водою весь Зангибарскій магалъ. За рѣкой сейчасъ же начинается крутая го-

ра до самаго города, расположеннаго точно такъ же, какъ и предмѣстіе, то-есть домовъ вовсе нигдѣ не видно, а видны только высокіе глиняные заборы и за ними деревья; лишь базаръ помѣщается на отдѣльной площади, открыто на виду.

Единственно любопытный предметъ въ тогдашней Эривани былъ Сардарскій дворецъ, или, вѣрнѣе сказать, его скудные остатки съ садомъ, постройками гарема и другихъ принадлежностей. Внутри дворца лучше всего уцѣлѣла зеркальная зала, стѣны которой выложены кусочками зеркалъ, очень красиво и оригинально, и украшены портретами разныхъ шахзаде и сардаровъ, замысловатой персидской работы и такого же восточнаго вкуса. Въ нижнемъ этажѣ сберегается комната, гдѣ провелъ ночь покойный Императоръ Николай Павловичъ, и написалъ карандашомъ на бѣлой стѣнѣ число того дня и подписалъ свое имя. Это мѣсто на стѣнѣ окружено рамкой подъ стекломъ, и потому надпись до сихъ поръ явственно сохранилась.

Изъ Эривани и Эчміадзина Араратъ виденъ какъ на ладони, во всей красотѣ своего величія, освященнаго библейскимъ сказаніемъ. Съ этой стороны знаменитая гора отличается отъ всѣхъ горъ той особенностію, что не находится въ общей цѣпи или группѣ горъ, а стоитъ совершенно отдѣльно на равнинѣ, особнякомъ, въ одиночку, какъ гигантскій памятникъ, вполнѣ достойный, по облекающей его несравненной грандіозности, своего ветхозавѣтнаго значенія. Малый Араратъ, прилегающій къ нему, въ видѣ сахарной головы возвышается возлѣ него какъ часовой на стражѣ предъ великимъ свидѣтелемъ міроваго катаклизма, составляющаго историческое преданіе всѣхъ народовъ земнаго шара. Всѣ мѣстные жители относятся къ Арарату съ большимъ благоговѣніемъ. Въ Эривани и вообще во всей этой мѣстности, почти во всѣхъ туземныхъ домахъ, церквахъ, мечетяхъ, вездѣ встрѣчаешь на наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ и потолкахъ нарисованныя красками изображенія горы всякихъ величинъ (конечно кромѣ натуральной), съ ковчегомъ на верхушкѣ. Туземцы непоколебимо убѣждены, что на Араратъ взойти невозможно, ревниво отстаиваютъ это убѣжденіе и разувѣрять ихъ — напрасный трудъ; напрасно ссылаться на Обовьяна, академика Абиха, генерала Ходзько, которые всходили на Араратъ, — туземцы не повѣрятъ, считая даже предположеніе о томъ за нѣчто въ родѣ преступнаго святотатства. Эта упорная

увѣренность наперекоръ несомнѣнной дѣйствительности происходить вслѣдствіе священной легенды о святомъ Іаковѣ, который будто бы хотѣлъ взойти на Араратъ для отысканія остатковъ Ноева ковчега, но на половинѣ пути заснулъ и увидѣлъ въ сновидѣніи ангела, возвѣстившаго ему, что «нѣтъ верховной воли на то, чтобы нога человѣческая могла попирать вершину Арарата, но, снисходя къ благочестивому желанію святаго человѣка, ему даруется частица отъ ковчега». При этомъ ангелъ вручилъ ему ее. Проснувшись, св. Іаковъ увидѣлъ себя лежащимъ снова внизу, у подножія горы, а возлѣ — кусокъ отъ ковчега. Этотъ кусокъ хранится до сихъ поръ, какъ святыня, въ числѣ мощей Эчміадзинскаго собора. Мнѣ его показывали; онъ темнаго цвѣта, по вѣсу и ощупи нѣчто въ родѣ окаменѣлаго дерева. Отсюда и истекаетъ упорное отрицаніе возможности взобраться на вершины Арарата у всѣхъ туземныхъ жителей.

Ближайшія окрестности колоссальной горы мало обитаемы, почти пустынны, и только посѣщаются кочующими курдами. Было тамъ одно селеніе, существовавшее съ незапамятныхъ временъ, но окончившее свое бытіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ самымъ внезапнымъ и трагическимъ образомъ. Это случилось въ 1840-мъ году. У подножія Арарата процвѣтало большое, богатое селеніе (армянское) Архури, гордо называвшее себя *первымъ поселеніемъ*, такъ какъ, по многовѣковымъ преданіямъ, оно было основано чуть ли не самимъ Ноемъ, а жители его считали себя прямыми потомками Гайка, правнука Ноя, родоначальника армянской народности и основателя армянскаго царства, по имени котораго армяне доселѣ называются также гайканцами. Поселеніе было промышленное, торговое, хорошо устроенное, съ прекрасными садами, богатыми церквами и состоятельными жителями, изъ коихъ многіе владѣли значительными капиталами и вели обширную торговлю. Въ 1840-мъ году, лѣтомъ, въ одинъ праздничный день, деревенскіе пастухи, по обыкновенію, на разсвѣтѣ погнали изъ Архури стада на пастбище въ поле. Нѣсколько часовъ спустя, позднѣе утромъ, они слышали церковный звонъ, призывавшій къ обѣднѣ. Затѣмъ, около полудня, они услышали какой-то отдаленный, глухой гулъ, и вскорѣ послѣ того послѣдовало нѣчто странное: вдругъ стало какъ-то темнѣть, какъ бы смеркаться; солнце, предъ тѣмъ ярко свѣтившее, помрачилось, сдѣлалось почти совсѣмъ темно, въ воздухѣ распространилось

что-то удушливое, спиравшее дыханіе и слѣпившее глаза. Наконецъ, пастухи распознали, что это произошло отъ какой-то нахлынувшей пыли и мелкой земли, которыя густой, непроницаемой тучей наполнили весь воздухъ. Такъ продолжалось довольно долго, а потомъ начало понемногу, постепенно проясняться. Къ вечеру пастухи погнали свои стада обратно въ деревню. Дорога имъ была хорошо знакома, всю жизнь они только и дѣлали, что два раза въ день гоняли по ней стадо; въ числѣ ихъ находился семидесятилѣтній старикъ, проведшій жизнь въ этомъ занятіи. Они шли, шли и никакъ не могли дойти до деревни. Они не понимали, что съ ними сдѣлалось, куда они зашли, куда дѣвалась деревня, думали, что сбились съ пути, ходили, искали, блуждали — и не находили деревни. Деревня исчезла! Всю ночь пастухи пробродили въ поискахъ селенія и не нашли его. На другой день уже, выбившись изъ силъ, внѣ себя отъ перепуга, какъ обезумѣвшіе добрели они до ближайшей довольно далекой деревни съ объявленіемъ необычайной вѣсти. Архури пропало! Нѣтъ его! Ихъ приняли за сумасшедшихъ, и не торопились провѣрить ихъ показаніе; когда же рѣшились отправиться на розыски, то дѣйствительно Архури не отыскалось нигдѣ: оно исчезло съ лица земли, сгинуло безслѣдно. Недоумѣніе продолжалось недолго; гибельная катастрофа объяснилась немедленно и просто: съ Арарата свалился земляной обвалъ, и безмѣрная масса земли, мгновенно ринувшись съ огромной высоты, погребла заживо нѣсколько тысячъ человѣкъ, спокойно отдыхавшихъ отъ трудовъ недѣли и праздновавшихъ, каждый по своему, воскресный день, послѣ обѣдни. Тотчасъ по извѣщеніи о событіи, прискакалъ уѣздный начальникъ, собрались мѣстныя власти, сбѣжался народъ; приняли всѣ зависѣвшія мѣры, дѣлали всевозможныя попытки, чтобы посредствомъ раскопокъ добраться до засыпаннаго селенія, но всѣ усилія остались тщетными. Сколько ни бились, сколько ни копали, ни до чего не докопались. Цѣлая гора земли, обрушившаяся на деревню, похоронила ее такъ глубоко, что ужъ не нашлось человѣческихъ средствъ достигнуть до нея. Въ теченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ, отъ времени до времени принимались за новыя раскопки, копали въ разныхъ мѣстахъ, но все такъ же безплодно. Курды, кочующіе въ этой мѣстности, зная, сколько богатствъ въ вещахъ, товарахъ и деньгахъ тамъ погребено, привлекаемые лакомой добычей, съ своей стороны усердно трудились, потихоньку роясь въ

землѣ по всѣмъ направленіямъ, и также безуспѣшно. Земля не выдала того, что̀ захватила въ свои нѣдра безвозвратно.

Полагаютъ, что главной причиной обвала были постоянныя колебанія земли, которыя въ этомъ году, болѣе или менѣе сильно, длились все лѣто по всей армянской области. Въ Эривани землетрясенія повторялись такъ часто, что бо́льшая часть жителей переселились за городъ, въ поле, и жили въ палаткахъ, спасаясь отъ опасности, угрожавшей въ случаѣ разрушенія домовъ. По всей вѣроятности, Архури погибло именно вслѣдствіе этого сотрясенія почвы, оторвавшаго отъ Арарата громадную глыбу земли, завалившую навѣки *первое поселеніе*, и,—если названіе его справедливо, —то и истребившую въ немъ коренную отрасль тѣхъ людей глубокой древности, которые положили первое начало осѣдлой жизни и удержались въ ней не смотря на послѣдующія всеобщія передвиженія и кочеванія всѣхъ племенъ и народовъ.

При выѣздѣ изъ Эривани, по Тифлисской дорогѣ, пространство, верстъ на семь, состоитъ изъ садовъ. Дорога крайне трудная и каменистая. Здѣсь же проложена инженерами путей сообщенія и искусственная дорога, на которую потрачено много времени и денегъ, но до такой степени запущенная, что и сами инженеры уже не могутъ различить, гдѣ идетъ старая, природная, а гдѣ новая, возведенная ими дорога.

По пути я заѣзжалъ въ лѣтнее мѣстопребываніе эриванскаго чиновничества, Дарачичагъ. Мѣстность хорошая, на горѣ, и окружена горами, отчасти, покрытыми небольшими деревьями и кустарникомъ, весною богатая растительностью и множествомъ цвѣтовъ, которые теперь погорѣли отъ солнца. Она имѣетъ физіономію, напоминающую крымскую колонію Нейзацъ. Въ Дарачичагѣ интересны двѣ уже начавшія рузрушаться армянскія церкви и одна часовня, коимъ, говорятъ, болѣе тысячи лѣтъ, прекрасной и даже изящной архитектуры; отдѣлка, легкость зданія, тонкая работа рѣзныхъ орнаментовъ на камнѣ и правильное расположеніе удивительно хороши. Къ сожалѣнію, куполъ уже обрушился. Стоило бы ихъ поддержать или возобновить. Это, кажется, лучшія изъ видѣнныхъ мною древнихъ зданій въ Грузіи. Дома̀ чиновниковъ здѣсь бивуачнаго вида и постройки, и только два дома, уѣзднаго начальника и судьи, имѣютъ наружность какъ бы насто-

ящихъ домовъ. При Дарачичагѣ основано небольшое молоканское селеніе.

Эриванскій уѣздъ особенно отличается изобиліемъ водопроводныхъ канавъ, но почти всѣ онѣ въ крайнемъ запущеніи, и въ распредѣленіи воды происходятъ большіе безпорядки. По этой части народнаго хозяйства при Персидскомъ владычествѣ, какъ увѣряютъ, все шло гораздо лучше; особенно при послѣднемъ Эриванскомъ ханѣ. Во время моего управленія государственными имуществами неоднократно дѣлались различныя предположенія и распоряженія объ отвращеніи этого зла. Князь Воронцовъ весьма заботился и не жалѣлъ денегъ на эти предпріятія; денегъ истрачено много, но полезнаго сдѣлано мало, отъ нераспорядительности, неспособности и ошибокъ мѣстныхъ исполнителей, не исключая и спеціальныхъ инженеровъ, которые, впрочемъ, иногда замѣнялись ничего въ этомъ дѣлѣ несвѣдущими чиновниками.

Изъ Дарачичага я направился почтовымъ трактомъ въ дальнѣйшій путь къ Тифлису. Путь пролегалъ по берегу Гокчинскаго озера, по вновь устроенной искусственной дорогѣ, хотя нѣсколько получше той, которая проведена изъ Эривани, но, тѣмъ не менѣе, не заслуживающей ни малѣйшаго похвальнаго отзыва .Въ иныхъ мѣстахъ она высоко подымается совсѣмъ отвѣсно надъ озеромъ и наклонно къ нему, что̀ далеко не безопасно, такъ какъ окраина ея не ограждена никакими перилами, ни заборомъ, а потому ничего нѣтъ легче, какъ свалиться съ высокаго обрыва въ воду, особенно зимою, при гололедицѣ, что̀ и случалось и было причиной гибели людей. Однажды туда свалилось нѣсколько проѣзжавшихъ молоканскихъ повозокъ, съ лошадьми и людьми.

Озеро Гокча, называвшееся въ древности Лихнитъ, по своей величинѣ (шестьдесятъ верстъ въ длину и около тридцати въ ширину) и глубинѣ похоже на маленькое море, окруженное со всѣхъ сторонъ горами. Въ немъ много рыбы, между прочимъ превосходная, крупная лаксфорель, какой нигдѣ нѣтъ въ краѣ. Изъ водъ его выступаетъ островкомъ высокая скала Севанга, на дикихъ вершинахъ которой воздвигнутъ армянскій монастырь того же имени, служащій иногда мѣстомъ заточенія или исправленія для провинившихся монаховъ. По наблюденіямъ академика Абиха, какъ онъ передавалъ мнѣ, озеро заключаетъ въ себѣ ту особенность, что регулярно два раза въ день, въ извѣстные часы, вода его нѣсколь-

ко повышается и понижается, на подобіе приливовъ и отливовъ. Абихъ затруднялся объясненіемъ причины такого явленія и рѣшительно не понималъ его, такъ какъ не могъ допустить возможности какого нибудь подземнаго сообщенія озера Гокчи съ океаномъ, и чтобы это движеніе воды могло происходить по дѣйствію на нее океанскихъ приливовъ и отливовъ; разстояніе между ними слишкомъ велико и Гокча стоитъ почти на шесть тысячъ футовъ выше уровня морскихъ водъ. Скорѣе можно было бы это отнести къ дѣйствію вулканической дѣятельности: множество окаменѣвшей лавы, базальта, обседіана, а также коническіе холмы съ воронкообразными углубленіями около озера даютъ поводъ думать, что тамъ нѣкогда были вулканы, что подтверждается и частыми до нынѣ землетрясеніями, доказывающими продолжающуюся работу ихъ, хотя и скрытую. Но тутъ представляется другое затрудненіе: при вулканическомъ дѣйствіи движеніе воды не могло бы имѣть никакой правильности и одновременности. А потому, такъ эта странность и остается неразрѣшимой загадкой природы.

Отъ армянскаго селенія Чубухлы дорога расходится съ озеромъ и, сворачивая въ сторону, подымается на высокій хребетъ горы, а затѣмъ тянется по спуску съ нея девять верстъ и входитъ въ Делижанское ущелье, которое по живописности своего мѣстоположенія дѣйствительно можетъ назваться очаровательнымъ: по обѣимъ сторонамъ его горы самыхъ разнообразныхъ формъ, обросшія густымъ лѣсомъ, источники и безпрестанно измѣняющіеся виды по извилинамъ вьющейся дороги. Проведена также и искусственная дорога, но только на нѣсколько верстъ. По всему этому пространству, до самаго селенія Большаго Караклиса водворено шесть или семь новыхъ раскольничьихъ поселеній, гдѣ были смѣшано поселяемы и молокане, и жидовствующіе, и субботники, и старообрядцы. Вслѣдствіе ихъ религіозныхъ раздоровъ и предоставленія ихъ въ хозяйственномъ устройствѣ самимъ себѣ и собственному произволу, они не достигаютъ той степени благосостоянія, на которой могли бы быть если бы были порядочнѣе и трудолюбивѣе; но тѣмъ не менѣе они полезны здѣсь, хоть какимъ ни-на-есть устройствомъ домовъ и своей промышленностію, коими все-таки превосходятъ туземныхъ поселянъ. Селеніе Головино, пять верстъ не доѣзжая ущелья, имѣло бы всѣ способы сдѣлаться прелестной деревушкой, если бы тамъ жили добропорядочные люди.

Близъ Делижана хорошій каменный мостъ и станція съ деревней расположены также въ очень красивой мѣстности. Вообще, это ущелье, по красотѣ и разнообразію видовъ, одно изъ самыхъ живописныхъ, какія мнѣ встрѣчались въ Закавказскомъ краѣ. Отъѣхавъ съ версту отъ Делижана, я остановился ночевать въ новомъ русскомъ поселеніи, основанномъ около года передъ тѣмъ въ прекрасномъ мѣстѣ, въ лощинѣ, на берегу рѣчки Акстафы. Квартира моя хотя была въ лучшемъ, недавно построенномъ домѣ, но спать мнѣ пришлось плохо, по причинѣ безчисленнаго множества таракановъ и прусаковъ, которые миріадами наполняли комнату. Эти насѣкомыя составляютъ неизбѣжную принадлежность каждаго молоканскаго дома. Сопровождавшій меня инженеръ-поручикъ Бекманъ пробовалъ ихъ истреблять и придумалъ даже для этого оригинальный способъ, на основаніи военной хитрости и инженернаго искусства. Взявъ сковороду, онъ поставилъ ее на столъ, посыпалъ на нее небольшую кучку пороха и положилъ сверху кусочекъ хлѣба; въ ту же минуту все это покрылось такимъ толстымъ слоемъ прусаковъ, сбѣжавшихся на хлѣбъ, что сковорода подъ ними исчезла изъ вида. Тогда Бекманъ зажегъ длинную палочку и просунувъ ее въ массу копошившихся звѣрьковъ, поджегъ порохъ,—мгновенно раздался взрывъ, и прусаки взлетѣли на воздухъ, какъ турки при Наваринскомъ боѣ. Но торжество военнаго искусства продолжалось не долго; не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ вновь прибывшія несмѣтныя стаи съ избыткомъ пополнили недочетъ прежнихъ своихъ собратій.

Изъ армянскаго селенія «Большой Караклисъ» я своротилъ съ почтоваго тракта въ горы, сначала по ущелью, а потомъ на перевалъ, черезъ громадную гору Безобдалъ. Съ вершины его открылся превосходный видъ, какъ вверхъ, такъ и внизъ, на очень обширное пространство, покрытое безчисленными оттѣнками и переливами зелени плодородныхъ полей, долинъ, луговъ и лѣсныхъ дебрей, виднѣвшихся со всѣхъ сторонъ. Особенно обращаютъ на себя вниманіе двѣ огромныя скалы, на подобіе развалинъ двухъ крѣпостей, которыя у туземцевъ называются «братомъ и сестрой». Спускъ съ Безобдала, болѣе четырехъ верстъ, приводитъ къ дорогѣ въ военное поселеніе Гергеры, гдѣ мнѣ приготовленъ былъ ночлегъ. Это прекрасная долина, обильная растительностію, окруженная горами и болотистой почвою; тамъ квартировала артиллерійская ба-

тарея, и въ то время находилась на жительствѣ рота женатыхъ солдатъ. Въ семи верстахъ оттуда расположено также военное артиллерійское поселеніе въ армянской деревнѣ Джелалъ-оглу, или, какъ назвали русскіе «Каменка»; чрезъ нее я проѣхалъ въ Лорійскую степь, гдѣ были вновь поселены двѣ большія молоканскія деревни Саратовка и Воронцовка.

Князь Воронцовъ поручилъ мнѣ согласить до трехъ сотъ семей молоканъ перейти на постоянное жительство въ эти мѣста, на упомянутой степи, съ платежомъ по условію оброка князьямъ Орбеліановымъ. Объ этой степи происходилъ тогда процессъ между казною и князьями Орбеліановыми, которыхъ князь Воронцовъ считалъ имѣющими неоспоримое право на принадлежность имъ степи. Этотъ процессъ былъ довольно оригинальный, и потому считаю не излишнимъ изложить его нѣсколько пространнѣе.

Лорійская степь находится почти на полпути прямой дороги изъ Тифлиса въ Александрополь. Сначала она принадлежала къ Эриванской губерніи, а въ послѣдніе годы причислена къ Тифлисской. Эта степь входила нѣкогда въ пространство земель, составлявшихъ область *Самхетію,* владѣтелями коей были, какъ говорятъ, князья Орбеліановы и ихъ предки, еще съ XII-го вѣка. Но нераздѣльный составъ Самхетіи уничтожился уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ различныя части этого пространства были или вольнымъ пастбищемъ для всѣхъ кочующихъ народностей, или временно принадлежали тѣмъ, коимъ онѣ отдавались пожизненно царями Грузіи или мусульманскими владѣтелями.

Собственно Лорійская степь заключаетъ въ себѣ пространство около ста тысячъ десятинъ земли, богатой водою, растительностію, плодородіемъ и особенно тучными пастбищами. На эту то часть князья Орбеліановы, потомки древнихъ обладателей ея (по увѣреніямъ ихъ), и пытались въ послѣдніе два года разновременно предъявлять свои права, какъ на лучшую часть Самхетіи, и представляли въ доказательство справедливости этой претензіи разные документы, изъ коихъ однакожъ ни одинъ не былъ признанъ дѣйствительнымъ. Хотя въ продолженіе долгаго времени нѣкоторые изъ князей Орбеліановыхъ и пользовались временно отдѣльными участками этой степи, но не по праву владѣльцевъ-собственниковъ, а какъ откупщики солевозной дороги изъ Александрополя въ Тифлисъ, платя своимъ грузинскимъ царямъ откупную сумму

за право взиманія пошлинъ съ солевозцевъ и другихъ проѣзжающихъ по этому тракту.

Съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи и водвореніемъ здѣсь русскаго правительства, князья Орбеліановы предприняли рядъ попытокъ къ завладѣнію Лорійскою степью. Но всѣ эти попытки, до пріѣзда въ Грузію князя Воронцова, были найдены не заслуживающими вниманія. Ермоловъ рѣшительно призналъ ихъ документы фальшивыми, то же самое признали и сенаторы Мечниковъ и графъ Кутайсовъ, ревизовавшіе Закавказскій край, и даже запретили принимать впредь прошенія отъ князей Орбеліановыхъ по этому предмету. Послѣ сего Лорійская степь была объявлена непосредственною принадлежностію казны. Въ видахъ благоустройства края эта мѣра была весьма полезна, ибо не далѣе какъ въ ста верстахъ отъ Тифлиса она открывала возможность водворить на плодородныхъ земляхъ болѣе трехъ тысячъ семей нѣмецкихъ и русскихъ колонистовъ, которые, при трудолюбіи и промышленности, могли по умѣренной цѣнѣ снабжать городъ Тифлисъ и квартирующія въ немъ войска всѣми жизненными припасами; а въ этомъ и теперь еще существуетъ недостатокъ, который тридцать лѣтъ тому назадъ ощущался еще сильнѣе.

Сначала колонизація на этихъ земляхъ шла медленно; съ 1823-го года тамъ водворено шесть деревень армяно-католиковъ, а съ 1843-го года двѣ деревни прибывшихъ сюда изъ Россіи молоканъ, до трехъ сотъ семействъ. Между тѣмъ, послѣ выбытія Ермолова и отъѣзда ревизовавшихъ сенаторовъ, при частой перемѣнѣ главноуправлявшихъ, князья Орбеліановы возобновляли свои претензіи на Лорійскую степь, имѣя на своей сторонѣ судебныя мѣста, наполненныя ихъ клевретами. И вотъ, въ началѣ 1845-го года, когда въ Тифлисъ пріѣхалъ намѣстникомъ князь Воронцовъ — дѣло о Лорійской степи приняло другой оборотъ.

Не излишнимъ будетъ здѣсь упомянуть объ особенномъ случаѣ, породившемъ въ князѣ Михаилѣ Семеновичѣ увѣренность, что эта степь принадлежитъ безспорно Орбеліановымъ, Еще въ ранней его юности, когда ему было не болѣе двадцати лѣтъ, онъ состоялъ адъютантомъ при князѣ Циціановѣ, главнокомандующемъ Грузіи, и въ 1802-мъ году, по какой-то служебной надобности, былъ командированъ имъ въ Александрополь. Князья Орбеліановы, изыскивавшіе всевозможныя средства привлечь на свою

сторону вліятельныхъ людей по дѣлу о Лорійской степи, уговорили молодаго графа ѣхать прямою дорогою черезъ ихъ будто-бы владѣнія; во всю дорогу принимали, угощали, увеселяли, кажолировали его всѣми зависѣвшими отъ нихъ способами и постоянно внушали и обращали его вниманіе на то, что все это пространство принадлежало и принадлежитъ ихъ роду, составляетъ ихъ неотъемлемую собственность съ самаго древнѣйшаго времени. А юный графъ, вовсе не знавшій сущности дѣла, слѣпо имъ вѣрилъ и утвердился въ мысли, что все это точно такъ. Съ тѣхъ поръ прошли десятки лѣтъ, и по прибытіи бывшаго адъютанта Циціанова полновластнымъ главой края, Орбеліановы тотчасъ подняли передъ нимъ вопли по поводу отнятія у нихъ Лорійской степи. Князь (тогда еще графъ) Воронцовъ счелъ это величайшей несправедливостію, и никакіе доводы людей совершенно безпристрастныхъ къ этому дѣлу не могли его разувѣрить: всѣ ихъ объясненія онъ называлъ шиканствомъ, подъячествомъ, и даже сильно негодовалъ не только на тѣхъ, которые по долгу службы пробовали разъяснить ему это, но и на добросовѣстныхъ лицъ изъ туземцевъ, пытавшихся то же доказать ему. Такъ живо сохранилось въ немъ впечатлѣніе молодости. Палата же государственныхъ имуществъ и бывшій губернаторъ Жеребцовъ, защищавшіе права казны, подверглись окончательно его неблаговоленію. Онъ предписалъ дать скорѣйшій ходъ иску князей Орбеліановыхъ въ уѣздномъ судѣ и гражданской палатѣ, и когда рѣшеніе ихъ поступило къ нему на утвержденіе, приказалъ представить дѣло на разсмотрѣніе сената съ положительнымъ выводомъ, составленнымъ сообразно его непремѣнному желанію, что Лорійская степь неоспоримо должна быть собственностію князей Орбеліановыхъ. Все это было изложено такимъ образомъ, якобы земля несправедливо оспаривается казною у Орбеліановыхъ, тогда какъ въ сущности вопросъ состоялъ о земляхъ, оспариваемыхъ Орбеліановыми у казны и земляхъ, права на которыя были дотолѣ уже неоднократно разсмотрѣны, уничтожены и опровергнуты нѣсколькими рѣшеніями, какъ сказано выше. Эту послѣднюю фактическую сторону предмета въ изложеніи рапорта въ сенатъ, велѣно цѣликомъ выпустить. Но такъ какъ представленіе въ такомъ родѣ никого, кромѣ князя Воронцова, не интересовало, и онъ самъ его не читалъ, то въ немъ и вкрались ссылки, противорѣчащія однѣ другимъ; потому что въ изложеніи дѣла было прописано то, что въ

дѣлѣ находилось, а заключеніе оказывалось противно смыслу фактовъ, находившихся въ дѣлѣ, что впослѣдствіи, при исполненіи на мѣстѣ, и послужило поводомъ къ затрудненіямъ въ этомъ исполненіи безъ новаго рѣшенія.

Сенатъ довольно лаконически, какъ бы прочитавъ одно лишь заключеніе въ представленіи, постановилъ, что права князей Орбеліановыхъ на Лорійскую степь оспариваются казною неправильно, и утвердилъ во всемъ мнѣніе князя Воронцова. Указъ о томъ, по полученіи въ экспедиціи государственныхъ имуществъ, былъ переданъ для приведенія въ исполненіе въ Эриванское губернское правленіе, которое весьма естественно встрѣтило затрудненія въ исполненіи указа, по совершенной несообразности заключенія, не только съ тѣми фактами, кои имѣлись въ дѣлахъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, но даже съ предшествовавшимъ заключенію изложеніемъ хода дѣла въ самомъ указѣ Сената. Къ этой странной нескладицѣ присоединилось еще новое, не менѣе неудобное усложненіе; ибо возвращенный при указѣ планъ земли, представленный Сенату изъ канцеляріи намѣстника Кавказскаго, оказался вовсе негоднымъ къ руководству для выполненія сенатскаго указа, такъ какъ этотъ указъ относился ко всей Лорійской степи, состоявшей приблизительно изо ста тысячъ десятинъ земли, а на представленномъ планѣ были внесены только лишь части земли въ количествѣ 8645 десятинъ, предназначавшіяся для поселенія молоканъ. Это произошло потому, что канцелярія намѣстника, исполняя буквально прихотливое желаніе князя Воронцова, вовсе не заботилась о томъ, чтобы представить планъ, какой слѣдовало, а не входя ни въ какія разбирательства, по приказанію просто «*представить планъ*», приложила къ рапорту въ Сенатъ первый попавшійся планъ Лорійской степи, изъ множества частныхъ плановъ этой степи, находившихся въ канцеляріи.

При такомъ положеніи вещей, Эриванское губернское правленіе продержало это дѣло у себя нѣсколько лѣтъ безъ всякаго движенія. Когда же, по жалобѣ князей Орбеліановыхъ, оно получило нѣсколько подтвержденій, и наконецъ строгихъ, о немедленномъ исполненіи, то представило донесеніе о своихъ недоумѣніяхъ и затрудненіяхъ главному управленію. Оказалась неизбѣжная необходимость разъяснить недоразумѣнія и развязать путаницу. Между тѣмъ время уходило, началась Севастопольская война, Воронцовъ,

выбылъ изъ края. Новый намѣстникъ генералъ Муравьевъ, пріѣхавшій въ Тифлисъ черезъ годъ послѣ отъѣзда князя, не находя возможности разрѣшить такую задачу самому, представилъ о томъ въ Кавказскій комитетъ, требуя отъ него сего разрѣшенія. Въ заключеніе своего представленія Муравьевъ писалъ, что, по его мнѣнію, опредѣленіе Правительствующаго Сената, и все дѣло по этому предмету требуетъ новаго пересмотра. Къ представленію онъ присоединилъ два плана: первый — тотъ самый, оказавшійся негоднымъ для соображенія по исполненію сенатскаго указа; второй — найденный въ кабинетѣ князя Воронцова по его отѣздѣ.

Обстоятельства, относящіяся къ послѣднему, второму плану, такъ курьезны, что ихъ нельзя пройти молчаніемъ.

Въ числѣ лицъ заинтересованныхъ рѣшеніемъ дѣла о Лорійской степи въ пользу князей Орбеліановыхъ былъ и докторъ князя Михаила Семеновича, А***, человѣкъ безспорно умный и даровитый, который съ давнихъ поръ, и особенно въ послѣдніе годы жизни и управленія Воронцова, составлялъ при немъ великую силу и обработывалъ подчасъ аферы неимовѣрныя, разумѣется сопряженныя съ его личной выгодой. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что планъ, представлявшійся въ Сенатъ, вовсе для желаемаго дѣла не пригоденъ и что подобаетъ его замѣнить другимъ, болѣе пространнымъ, то А*** внушилъ князю, что всѣ имѣющіеся планы Лорійской степи не вѣрны и не полны и что надобно составить новый, по расположенію земель въ самой натурѣ; что для этого необходимо командировать землемѣровъ, которые бы производили съемку подъ руководствомъ его, уполномоченнаго княземъ, доктора А***, и что по такому лишь плану Орбеліановы могутъ получить вполнѣ свою собственность. Больной, изнуренный нравственно и физически, князь на это согласился. Немедленно послѣдовала отправка землемѣровъ и рабское составленіе плана по точнымъ указаніямъ А***. Но планъ не могъ быть изготовленъ набѣло раньше какъ уже въ 1854 году, къ самому дню отъѣзда князя Воронцова за границу. Въ суматохѣ сборовъ и спѣшныхъ приготовленій къ дорогѣ, А***, благовременно для успѣха предпріятія, поднесъ свое произведеніе къ подписи больнаго князя, который, вовсе не разсматривая плана, чтобы отдѣлаться отъ докучаній и приставаній, подписалъ его. Не смотря на все свое расположеніе къ Орбеліановымъ и пристрастную настойчивость въ вопросѣ о землѣ, весьма сомнительно, чтобы онъ утвердилъ это

дѣло въ его новой редакціи, если-бы находился въ своемъ нормальномъ, спокойномъ состояніи духа. Онъ былъ для этого слишкомъ государственный человѣкъ. Этотъ планъ вмѣстѣ со множествомъ другихъ бумагъ, подписанныхъ Воронцовымъ передъ выѣздомъ, не успѣли даже передать директору канцеляріи Щербинину до отъѣзда князя. А***, уѣхавшій вмѣстѣ съ княземъ, сказалъ только Щербинину второпяхъ и мимоходомъ, что на столѣ въ кабинетѣ князя осталось много бумагъ, кои, по отбытіи его, нужно будетъ исполнить.

Щербининъ же, хотя и хорошій человѣкъ, но безпечный и лѣнивый до крайности, радъ былъ отдохнуть и принялся за разборъ бумагъ въ кабинетѣ князя *только черезъ годъ послѣ его отъѣзда* Найдя между ними планъ Лорійской степи, безъ всякихъ указаній, какъ и что съ нимъ дѣлать, Щербининъ, при встрѣчѣ со мною, предложилъ мнѣ взять его, такъ какъ, повидимому, онъ касался до дѣлъ государственныхъ имуществъ. Я отъ этого отказался безъ оффиціальной бумаги съ препровожденіемъ плана ко мнѣ и указаніемъ мнѣ, что я съ нимъ долженъ дѣлать. Послѣ сего, Щербининъ оставилъ планъ по-прежнему на столѣ въ кабинетѣ князя, до пріѣзда новаго намѣстника генерала Муравьева, и доложилъ о немъ не прежде какъ вмѣстѣ съ упомянутою бумагою въ Кавказскій комитетъ о вышесказанныхъ затрудненіяхъ по исполненію рѣшенія указа Сената.

Этотъ рапортъ генерала Муравьева оставался безъ отвѣта изъ Кавказскаго комитета до смерти князя Воронцова, послѣдовавшей въ 1856 году. Было только извѣстно, что князь Воронцовъ, въ бытность свою въ Москвѣ на коронаціи, убѣдительно просилъ новаго намѣстника Кавказскаго, князя Барятинскаго, согласиться на окончаніе дѣла о Лорійской степи въ пользу Орбеліановыхъ—что, какъ кажется, Барятинскій и обѣщалъ ему.

Наконецъ, въ 1857 году, Кавказскій комитетъ извѣстилъ, что онъ соглашается съ мнѣніемъ министра юстиціи, графа Панина, который выразился слѣдующимъ образомъ: «Такъ какъ планъ, найденный въ кабинетѣ князя Воронцова, утвержденъ собственноручною подписью его, и такъ какъ намѣстникъ Кавказскій, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 5-го ноября 1852 года, въ отношеніи къ предметамъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ въ Закавказскомъ краѣ пользуется всѣми правами министра, и

слѣдовательно имѣетъ главное наблюденіе за исполненіемъ рѣшеній Правительствующаго Сената по дѣламъ, касающимся казеннаго интереса: то симъ самымъ устраняется всякій поводъ къ дальнѣйшимъ недоумѣніямъ и возраженіямъ противъ дѣйствительности послѣдняго плана, по коему должна быть отведена земля князьямъ Орбеліановымъ; а потому предположеніе о пересмотрѣ этого дѣла *и оставить безъ послѣдствій*».

За симъ требовалось мнѣніе намѣстника, князя Барятинскаго. Докладывая эту бумагу князю Александру Ивановичу Барятинскому и изложивъ ему кратко, но ясно сущность дѣла, я представилъ ему мое мнѣніе, состоявшее въ слѣдующемъ: если есть основательная причина къ отдачѣ князьямъ Орбеліановымъ Лорійской степи, мнѣ неизвѣстная, то по всему было-бы благовиднѣе, представивъ непосредственно Государю Императору о запутанности и темнотѣ правъ князей Орбеліановыхъ на Лорійскую степь, исходатайствовать прямо пожалованіе имъ ея; что кончить это дѣло такъ, какъ теперь предположено, было бы несообразно съ достоинствомъ правительства, потому что всѣ основанія къ утвержденію притязаній на эту землю невѣрны, превратны и даже заключаются въ подлогахъ; что это возбудитъ негодованіе и ропотъ другихъ здѣшнихъ землевладѣльцевъ, изъ коихъ у многихъ предки имѣли во владѣніи земли, которыхъ они лишились и которыхъ имъ теперь не отдаютъ (что дѣйствительно и послѣдовало).

Но все это было напрасно. Кажется, что у князей Воронцова и Барятинскаго, какъ и у многихъ нашихъ вельможъ стараго добраго времени, преобладала укоренившаяся увѣренность, что справедливость и правосудіе не всегда то, что оно есть по совѣсти, по здравому смыслу и по-логикѣ, а только то, что сообразно съ ихъ желаніями и самовластнымъ стремленіемъ кончить дѣло по своему произволу.

Князь Барятинскій на бумагѣ Кавказскаго Комитета надписалъ: «Увѣдомить князя Орлова, что я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ министра юстиціи».

Такъ написано, такъ сдѣлано—и такъ на дѣлѣ исполнено.

Результаты были такого рода: правительство лишилось средствъ увеличить поселеніе Лорійской степи и усилить ея производительность вольнымъ трудомъ. Эта степь, которая при благоразумномъ распоряженіи могла-бы сдѣлаться житницею Тифлиса, осталась

почти тѣмъ же, чѣмъ была въ продолженіе столькихъ вѣковъ до этихъ поръ, какимъ-то безполезнымъ пустыремъ; досталась она нѣсколькимъ изъ князей Орбеліановыхъ, изъ которыхъ иные вовсе не заслужили такой большой награды ничѣмъ и которые не умѣютъ и не могутъ сдѣлать изъ этого богатаго дара никакого полезнаго употребленія. Между ними непрестанно происходятъ раздоры по дѣлежу доходовъ, кои всѣ и состоятъ лишь въ оброкѣ съ молоканъ. Населеніе не умножается, оставаясь тѣмъ же, какимъ было до утвержденія степи за ними, по той причинѣ, что хотя можетъ быть и нашлись-бы желающіе поселиться тамъ, но никто не увѣренъ, чтобы владѣльцы земли соблюдали договоры. Владѣльцы не могутъ отстать отъ привычки къ произвольнымъ дѣйствіямъ, укоренившимся въ нихъ особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что со времени князя Воронцова постоянно кто-либо изъ членовъ этой фамиліи бываетъ или фаворитомъ намѣстника, или лицомъ вліятельнымъ на ходъ правительственныхъ дѣлъ. Все это произошло отъ тѣхъ же причинъ, кои вообще давали возможность въ Россіи существовать столь долго неограниченному произволу наперсниковъ царскихъ — людей часто добрыхъ и благонамѣренныхъ, но въ которыхъ преобладало самолюбіе и увѣренность въ непогрѣшимости ихъ произвола *).

Возвращаюсь къ моимъ разъѣздамъ 1847-го года.

Я нашелъ молоканъ этой степи еще не совсѣмъ устроенныхъ; но видно было, что они довольно трудолюбивы; занимались прилежно хлѣбопашествомъ и особенно скотоводствомъ, къ чему имѣли всѣ способы, при большомъ пространствѣ луговъ, пастбищныхъ мѣстъ, тучныхъ сѣнокосовъ и вообще чрезвычайно плодородной земли. Климатъ умѣренный, вода какъ рѣчная, такъ и ключевая вездѣ здоровая. Лорійская степь въ длину разстилает-

*) Въ настоящее время, при пересмотрѣ этой статьи въ 1865 году, нахожу не лишнимъ добавить къ описанію хода изложеннаго дѣла, что оно само собою приходитъ къ натуральному и наименѣе невыгодному для общественной пользы исходу. Владѣльцы Лорійской степи, какъ люди не слишкомъ экономные, часто затрудняемые долгами, часто имѣющіе нужду въ деньгахъ, тяготясь малодоходностію имѣнія, сами стремятся распродавать, хотя и по дешевымъ цѣнамъ, доставшуюся имъ землю. Часть изъ нея приторгована уже живущими на ней молоканами, да и прочія части вѣроятно съ теченіемъ времени перейдутъ къ нимъ же. Молокане разсчетливый народъ, и потому, конечно, въ видахъ общей пользы выгоднѣе, если степь будетъ принадлежать имъ, нежели оставаться во владѣніи князей Орбеліановыхъ. *Примѣчаніе Андрея Михайловича Фадѣева.*

ся до семидесяти верстъ, а въ ширину до пятнадцати. На ней теперь поселено полторы тысячи душъ обоего пола молоканъ, какъ сказано, въ двухъ деревняхъ, кромѣ нѣсколькихъ армянскихъ деревень и части находящейся подъ военнымъ поселеніемъ. Я полагаю, что это одинъ изъ наилучшихъ участковъ во всемъ Закавказскомъ краѣ для земледѣльческаго населенія. Очень жаль и невознаградимая потеря въ томъ, что его не заняли въ самомъ началѣ пріобрѣтенія края подъ русскія и нѣмецкія поселенія. Тамъ могли бы благоденствовать многія тысячи семей, и тогда, конечно, не было бы надобности покупать по сту тысячъ четвертей хлѣба въ годъ изъ Турціи для продовольствія войскъ, какъ это случается часто и даже было въ нынѣшнемъ году. Молокане, послѣ многихъ споровъ и затрудненій, происшедшихъ вслѣдствіе того, что эти мѣста были имъ указаны къ поселенію какъ безспорно казенныя, въ началѣ 1840 года —слѣдовательно еще до прибытія князя Воронцова — вынуждены были согласиться на временныя условія съ князьями Орбеліановыми. Затѣмъ, со времени окончательнаго утвержденія сихъ земель за нынѣшними владѣльцами, условіе обратилось на срокъ болѣе продолжительный.

Я выѣхалъ изъ деревни Воронцовки далѣе, по прямому направленію въ Тифлисъ. Дорога, какъ здѣсь водится, трудная, каменистая, гористая, проходитъ по армянскимъ и татарскимъ деревнямъ; при въѣздѣ въ Борчалинскій участокъ подымается на перевалъ черезъ хребетъ Ингинчаха, который я переѣхалъ верхомъ; оттуда, въ сторонѣ, четыре духоборческихъ хутора на рѣчкѣ Машаверкѣ, при коей находится и бывшее укрѣпленіе Башкичетъ, гдѣ была прежде штабъ-квартира сперва Эриванскаго, а потомъ Мингрельскаго полка. Оставленные ими домики заняты духоборцами. Видно, что все это пространство было въ прежнее время густо населено: много разбросано разоренныхъ церквей и слѣдовъ большихъ деревень. Въ Квечѣ, на высокой скалѣ, обращаютъ на себя вниманіе старинная церковь и остатки большаго укрѣпленія. Послѣ затрака подъ огромнымъ орѣховымъ деревомъ въ селеніи Думанисы, я добрался къ вечеру до колоніи Екатериненфельдъ, гдѣ остановился по дѣламъ дня на три.

Колонія сильно пострадала лѣтомъ отъ холеры, но по наружности замѣтно поправлялась, обстраивалась хорошими домами, хозяйственными пристройками, обсаживалась деревьями. Я кварти-

ровалъ, какъ и въ первый разъ, у добраго, умнаго старика шульца Пальмера; осматривалъ приходившую къ окончанію канаву изъ рѣчки Машаверки, сады, и прочее; толковалъ съ обществомъ. Ко мнѣ пріѣхалъ на встрѣчу сюда Зальцманъ, привезъ изъ Тифлиса письма и газеты. Онъ, какъ знатокъ мѣстныхъ колонистскихъ порядковъ, бывалъ мнѣ иногда полезенъ своими свѣдѣніями, особенно въ началѣ. Я теперь только примѣтилъ въ петличкѣ его сюртука зеленый бантикъ и спросилъ, что это означаетъ? Зальцманъ заявилъ, что это персидскій орденъ Льва и Солнца; я полюбопытствовалъ узнать, за что онъ его получилъ. Зальцманъ объяснилъ, что онъ однажды придумалъ послать въ подарокъ персидскому шаху десятокъ крупныхъ ананасовъ съ листьями, а шахъ, въ благодарность за гостинецъ любезность, прислалъ ему орденъ Льва и Солнца, съ надлежащимъ фирманомъ, въ которомъ было заявлено, что шахъ жалуетъ его этой наградой за разныя великія заслуги и добродѣтели, перечисленныя весьма подробно и пространно (коихъ Зальцманъ никогда за собою не подозрѣвалъ), а въ особенности за то, что онъ, Залцьманъ, *есть столбъ Русскаго дворянства.* Послѣдній величавый титулъ, хотя ничто болѣе какъ риторическій цвѣтокъ восточной діалектики персидскаго фирмана, но особенно забавенъ по отношенію къ Зальцману, который хоть и былъ когда-то Виртембергскимъ офицеромъ, но къ Русскому дворянскому званію не имѣлъ никакого прикосновенія, и если когда былъ его опорой, то развѣ только въ томъ случаѣ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ держалъ въ Тифлисѣ маленькую гостинницу, въ родѣ кабачка, куда сходились чиновники и офицеры, чтобы закусить, пообѣдать и выпить, и, очень вѣроятно, часто въ долгъ.

Изъ Екатериненфельда, завернувъ въ колонію Елизабетталь, гдѣ переночевалъ, я выѣхалъ на почтовый Эриванскій трактъ къ послѣдней станціи Коды и возвратился въ Тифлисъ 22-го сентября. Всѣхъ своихъ засталъ здоровыми, кромѣ бѣдной жены моей, продолжавшей страдать болью въ рукѣ отъ перелома ея въ Абасъ-Туманѣ, а главное вслѣдствіе неправильнаго первоначальнаго леченія невѣжественнаго доктора.

Занятія мои и образъ жизни возобновились по-прежнему порядку и такъ продолжались до окончанія года. Служебныя занятія, кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ, состояли по порученіямъ князя Воронцова въ составленіи новаго проэкта управленія

государственными имуществами, въ разъясненіи свѣдѣній о крѣпостномъ правѣ туземныхъ князей и дворянъ на крестьянъ и въ предположеніи о переселеніи нѣкоторыхъ горцевъ во внутренность края — но это послѣднее оказалось неудобоисполнимымъ.

Семейныя мои обстоятельства грустно омрачились извѣстіемъ, полученнымъ мною изъ Екатеринослава, о смерти моей матери, которую я горячо любилъ. Она скончалась на восемьдесятъ третьемъ году отъ рожденія; была истинно доброю женщиной и ревностной христіанкою; скромная, благочестивая, тихая жизнь ея угасла такъ же мирно и тихо, какъ она и жила.

Въ концѣ года генералъ Ладинскій оставилъ службу, и на мѣсто его предсѣдателемъ Совѣта назначенъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ. О качествахъ этихъ обѣихъ личностей мною упомянуто выше. Отъѣздъ перваго и водвореніе въ должности втораго генерала сопровождались достодолжными прощальными и заздравными обѣдами и завтраками съ обильными возліяніями шампанскаго. Проводы Ладинскаго были многолюдны и продолжительны, но не слишкомъ трогательны, хотя онъ почти всю жизнь провелъ въ Грузіи и на Кавказѣ.

Въ это же время я, со всей моей семьей, съ искреннимъ удовольствіемъ встрѣтили прибытіе въ Тифлисъ стараго нашего пріятеля князя Владиміра Сергѣевича Голицына, о коемъ я уже говорилъ прежде. Онъ предъ тѣмъ занималъ должность начальника центра и жилъ въ Нальчикѣ. Я познакомился съ нимъ слишкомъ за тридцать лѣтъ тому назадъ въ Пензѣ, когда онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ, статнымъ, красивымъ, ловкимъ, удалымъ лейбъ-гусаромъ, плѣнявшимъ всѣхъ Пензенскихъ дамъ. Теперь лѣта и непомѣрная толщина совершенно измѣнили его физически, но морально онъ остался тѣмъ же веселымъ, добродушнымъ, остроумнымъ, неистощимой любезности человѣкомъ, какъ и тогда. Большею частію, въ промежуткахъ между службой, онъ проживалъ въ Москвѣ, въ своемъ родовомъ домѣ близъ Петровскаго дворца, и состоялъ однимъ изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ членовъ Московскаго англійскаго клуба. Въ сущности онъ былъ умный и добрый человѣкъ, хотя его жизнь, исполненная авантюръ всякаго рода, навѣвала иногда тѣнь на иные его поступки. Онъ считался не очень хорошимъ семьяниномъ, хотя чрезвычайно цѣнилъ свою жену, достойнѣйшую женщину, княгиню Прасковью Николаевну (урож-

денную Матюнину), любилъ своихъ дѣтей; но своевольная ширь его натуры не допускала стѣсненій или препятствій въ его увлеченіяхъ. Онъ прожилъ нѣсколько солидныхъ состояній, какъ свое родовое, такъ и изъ боковыхъ наслѣдственныхъ, изъ коихъ значительнѣйшее досталось ему отъ тетки по матери, Шепелевой. Однако, какъ онъ ни кутилъ, но никогда не докучивался въ конецъ, и всегда судьба ему помогала поправляться. Въ Петербургѣ, какъ-то, прокутившись вплотную, находясь безъ службы, онъ надѣлалъ какихъ-то проказъ, за которыя ему было велѣно выѣхать изъ Петербурга и отправиться на жительство въ свою деревню. Голицынъ предъявилъ живѣйшую благодарность за пожалованіе ему деревни, такъ какъ изъ своихъ у него ни одной деревни не осталось; только просилъ указать, гдѣ она находится, для немедленнаго исполненія приказанія и удаленія туда, чтобы вступить во владѣніе ею. Такія продѣлки иногда Голицыну сходили съ рукъ, а часто приходилось и поплачиваться. У него была страсть къ каламбурамъ, болѣе или менѣе удачнымъ, которыми онъ пересыпалъ всѣ свои рѣчи; лучшій изъ тѣхъ, которые я слышалъ отъ него, сказанъ имъ по поводу сужденій объ одномъ высокопоставленномъ лицѣ, не обладавшемъ никакими государственными способностями и достигшемъ большаго государственнаго положенія: «что ни говорите, господа, а служить (ослу жить) хорошо въ Россіи!» — замѣтилъ Голицынъ, и, какъ каламбуръ, словцо его было не дурное, если, впрочемъ, онъ не заимствовалъ его у кого нибудь другаго, что тоже случалось. Онъ былъ тонкій гастрономъ, любилъ хорошо поѣсть, а еще болѣе угощать другихъ, и великій мастеръ устраивать всякія свѣтскія увеселенія: сочинялъ стихи, водевили, пѣлъ комическіе или сатирическіе куплеты собственнаго сочиненія и самъ себѣ аккомпанировалъ на фортепіано. Для знакомства онъ былъ человѣкъ неоцѣнимый, по пріятности своего общества, любезной обязательности, простотѣ и добродушію обращенія, по увлекательному, ровному характеру и постоянству своего расположенія. Въ продолженіе нашего многолѣтняго знакомства, когда судьба сводила насъ съ нимъ послѣ долгихъ годовъ разлуки, всегда, въ отношеніи меня и всей моей семьи, онъ встрѣчался старымъ, добрымъ и вѣрнымъ другомъ. Теперь онъ провелъ въ Тифлисѣ нѣсколько мѣсяцевъ, посѣщалъ насъ почти ежедневно и очень оживилъ нашу домашнюю жизнь. Онъ приходился двоюроднымъ братомъ княгинѣ Елизаветѣ Ксаверь-

евнѣ Воронцовой; ихъ матери были родныя сестры, извѣстныя Энгельгардтъ, племянницы Потемкина; а потому принятый въ домѣ Воронцовыхъ, какъ свой, онъ обходился съ своей кузиной безъ всякихъ церемоній, совершенно запросто, по родственному, и говорилъ ей, въ видѣ шуточекъ, разныя горькія истины, иногда очень сердившія ее, о чемъ онъ нисколько не заботился. Въ настоящее время Голицынъ допекалъ ее тѣмъ, что она, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, *самая молодая княгиня въ Россіи*, такъ какъ Воронцовъ незадолго передъ тѣмъ былъ пожалованъ княжескимъ достоинствомъ (въ 1845-мъ году). Тогда говорили, что Воронцовы, разумѣется, высоко цѣня царскую милость, отнеслись болѣе чѣмъ равнодушно къ этому повышенію и выражались въ такомъ смыслѣ, что «предпочитаютъ свое старое графство новому княжеству». Да это и не мудрено, и особенно понятно въ Грузіи, гдѣ княжеское званіе такъ распространено и принадлежитъ такому множеству людей, большею частію безъ всякаго значенія и даже низко стоящихъ, что въ этой сторонѣ оно не заключаетъ въ себѣ ничего внушительнаго и лишено всякаго престижа. Если правда, что Воронцовы не считали ничего для себя лестнаго въ княжескомъ достоинствѣ и даже жалѣли о своемъ графствѣ, къ которому привыкли въ теченіе всей своей жизни, то, спустя семь лѣтъ, вь 1852-мъ году, прибавленіе титула свѣтлости къ прежде пожалованному сану, вѣроятно, пришлось имъ больше по сердцу. Хотя, конечно, князь князю рознь, но все же титулованіе свѣтлости выдвигало ихъ изъ общаго княжескаго уровня, которымъ вымощенъ весь Закавказскій край.

У князя Владиміра Сергѣевича Голицына я въ первый разъ видѣлъ князя Александра Ивановича Барятинскаго, бывшаго въ то время еще полковникомъ, въ цвѣтѣ молодости и здоровья. Уже тогда говорили, будто бы Государь, указывая на него Наслѣднику, въ бытность князя предъ тѣмъ въ Петербургѣ, сказалъ: «Это твой будущій военный министръ». Но о фельдмаршальствѣ его еще никому и въ голову не приходило; такъ же и мнѣ въ голову не приходило, что впослѣдствіи я буду съ нимъ въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ.

Я закончилъ 1847 годъ и встрѣтилъ новый 1848-й, съ дѣтьми, на балѣ у Воронцовыхъ. Балъ былъ очень оживленный и веселый.

Такъ протекъ для меня этотъ годъ, въ продолженіе коего я имѣлъ довольно житейскихъ непріятностей и заботъ. Онъ принесъ мнѣ

нѣкоторую пользу лишь тѣмъ, что я сталъ болѣе укореняться въ хладнокровіи къ суетамъ міра сего, и болѣе снисходить къ людскимъ недостаткамъ и слабостямъ.

Въ этомъ году зима наступила въ Грузіи необыкновенная и давно невиданная по холодамъ, обилію снѣга и своему раннему появленію; первый снѣгъ выпалъ еще въ концѣ ноября и продолжался, конечно съ промежутками оттепели, почти до половины января. Морозы держались небывалые: во второй половинѣ декабря морозъ доходилъ до 14° по Реомюру (впрочемъ, одинъ только разъ,—именно 21-го числа) образовался отличный санный путь, и болѣе мѣсяца можно было часто, по нѣскольку дней подрядъ кататься на саняхъ,—что напомнило мнѣ въ миніатюрѣ Саратовскую зиму, съ тою однако же разницею, что тамъ обледенѣлая Волга стояла крѣпкимъ, нерушимымъ каменнымъ помостомъ, а здѣсь Кура продолжала по-прежнему свое быстрое теченіе, не стѣсняясь вторженіемъ такого необычнаго мороза; только по берегамъ вода мѣстами затягивалась тонкимъ льдомъ.

Въ началѣ января (1848 г.), на исходѣ зимы, въ городѣ случилось маленькое, но очень странное происшествіе, которое произвело въ ту минуту на многихъ сильное впечатлѣніе, разумѣется, скоро изгладившееся, такъ какъ все на свѣтѣ забывается; да притомъ же иные, можетъ быть, не обратили вниманія, или не придавали особаго значенія удивительному совпаденію, проявившемуся при этомъ обстоятельствѣ. Простая ли случайность, или заявленіе свыше,—это не моего сужденія дѣло; передаю фактъ, какъ онъ совершился въ дѣйствительности.

Тифлисскія церкви чрезвычайно бѣдны колоколами. Во всемъ городѣ не было ни одного не только хорошаго, но даже сколько нибудь порядочнаго колокола; церковный звонъ слышался только возлѣ церквей, или въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ, и его слабые, дребезжащіе звуки походили (какъ и теперь походятъ) на звонъ плохихъ почтовыхъ колокольчиковъ, да и по самому своему объему и вѣсу немногимъ превосходили Валдайскія издѣлія, и отличались развѣ только древностью, вслѣдствіе которой давно отслужили свой вѣкъ и, вѣроятно, потрескались и раскололись, если судить по ихъ разбитому тону. Для русскаго, новопріѣзжаго человѣка, привыкшаго почти во всѣхъ городахъ и даже большихъ селахъ Россіи къ звучному, торжественному, могучему, часто оглушительному тре-

звону своихъ родныхъ массивныхъ колоколовъ, это отсутствіе колокольнаго звона или, въ замѣну его, какое-то нестройное брянчаніе, раздражающее уши, кажется чѣмъ-то непріятно чуждымъ, даже тягостнымъ, особенно на первыхъ порахъ и въ праздничные дни.

Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ замѣтилъ этотъ недостатокъ и давно подумывалъ объ исправленіи его хотя отчасти. Въ 1847 году, по его приказанію, выписанъ въ Тифлисъ изъ Орловской губерніи литейныхъ дѣлъ колокольный мастеръ, которому князь заказалъ отлить колоколъ въ восемьсотъ пудовъ вѣса, для Сіонскаго Каѳедральнаго собора. Мастера поселили въ Тифлисской нѣмецкой колоніи, по лѣвой сторонѣ Куры, гдѣ онъ и занимался довольно долго своей работой, нѣсколько мѣсяцевъ. Многіе ходили смотрѣть, какъ отливался колоколъ—для жителей Грузіи это представляло совсѣмъ невиданное дѣло—и бросали туда серебряныя деньги; нерѣдко заѣзжалъ во время прогулки верхомъ и князь Воронцовъ, наблюдалъ самъ за работой и, повидимому, очень интересовался ею. Наконецъ, колоколъ былъ отлитъ, окончательно отдѣланъ и готовъ къ перевозкѣ. Въ это время холода усилились, и сплошной снѣгъ уже недѣли двѣ покрывалъ всѣ улицы, чему туземцы очень удивлялись и говорили, что не запомнятъ такой зимы. Тогда оба противулежащіе берега Куры соединялись въ Тифлисѣ двумя древними каменными мостами въ старомъ городѣ, вблизи Метехскаго замка, и только въ этомъ мѣстѣ, между старой частью города и предмѣстіемъ Авлабаромъ по той сторонѣ рѣки, было постоянное сообщеніе; нынѣшній Михайловскій мостъ, соединяющій въ центрѣ обѣ части новаго города, еще не существовалъ и замѣнялся деревяннымъ, наводнымъ, временнымъ мостомъ. Черезъ этотъ-то мостъ долженъ былъ перепpавляться колоколъ. Въ день, назначенный для его перевозки, собралось множество народа. Въ Россіи, по исконному обычаю, православный народъ перевозитъ колоколъ въ церковь на себѣ; но такъ какъ въ Грузіи, надо полагать, не было колокола, котораго одинъ человѣкъ не могъ бы принесть просто въ рукахъ, то туземцы не имѣли объ этомъ обычаѣ никакого понятія, и потому для перевозки колокола была наряжена рота солдатъ. Пріѣхали верхомъ князь и княгиня Воронцовы съ большой свитой, и началась торжественная церемонія. Колоколъ установили на крѣпкія, прочныя салазки, съ при-

крѣпленными къ нимъ длинными веревками. Солдаты впряглись въ веревки по нѣскольку человѣкъ въ рядъ и длинной вереницей готовились двинуться впередъ.

Въ эту минуту подошелъ къ князю Воронцову мастеръ-литейщикъ, отливавшій колоколъ, русскій старый бородатый мужичокъ, и, низко кланяясь, изъявлялъ желаніе что-то сказать. Воронцовъ, замѣтивъ его, спросилъ, что̀ ему нужно. Мастеръ сказалъ: «Ваше сіятельство, прикажите узнать, нѣтъ ли между солдатами, что будутъ перевозить колоколъ, жидовъ; если есть, велите, чтобы они ушли и не притрогивались къ этому дѣлу».

«Почему это, любезный?» — съ удивленіемъ спросилъ Воронцовъ.

«Ваше сіятельство, — отвѣчалъ литейщикъ колокола, — это мое ремесло. Я въ жизни отлилъ ихъ много и насмотрѣлся на своемъ вѣку, какъ ихъ перевозятъ. Навѣрно докладываю вашему сіятельству, что если при перевозкѣ колокола замѣшается жидъ, никогда не обойдется безъ несчастія. Сколько разъ я самъ былъ свидѣтелемъ и отъ другихъ слышалъ. Нижайше прошу ваше сіятельство, если тутъ есть жиды, прикажите имъ уйти, не то быть бѣдѣ неминучей».

Князь слегка кивнулъ головой и, съ снисходительной, полупрезрительной улыбкой, торопливо проговоривъ: «хорошо, хорошо, любезный» — повернулъ лошадь, отъѣхалъ немного далѣе и отдалъ приказаніе двигаться.

Тронулись. Довезли колоколъ благополучно до моста, перевезли черезъ мостъ и здѣсь остановились перевести духъ. На этомъ мѣстѣ было нѣчто въ родѣ ямы, а передъ нею возвышалась маленькая горка, съ которой, по причинѣ наступившей въ этотъ день оттепели, вода отъ тающаго снѣга стекла къ мосту и потомъ, замерзнувъ, образовала ледяныя лужицы. Передъ одной изъ этихъ лужицъ стояли салазки съ колоколомъ. Солдаты отдохнули и бодро снова принялись за работу; натянули веревки и, крѣпко понатужившись, разомъ дернули салазки съ мѣста. Но не протащили ихъ и пяти шаговъ, какъ раздались крики, и все опять остановилось. Раздавили одного солдата. Этотъ солдатъ находился въ числѣ людей, впряженныхъ въ первомъ ряду, около самыхъ салазокъ, и, когда вдругъ дернули, онъ поскользнулся на обледенѣлой лужицѣ, упалъ, и салазки съ восьмисотъ-пудовымъ колоколомъ, одной своей стороной, переѣхали черезъ него поперекъ туловища, отъ правой ноги къ лѣвому плечу. Солдатъ былъ перерѣзанъ какъ бритвой, и

кровь лила рѣкой изъ раздвоеннаго тѣла. Картина была страшная*). Принесли доски и, сложивъ на нихъ обѣ части трупа, лопатами загребали выпавшія внутренности, а когда понесли эти ужасные остатки, то кишки, падая съ досокъ, волочились по землѣ.

Княгинѣ Воронцовой сдѣлалось дурно, и изъ сосѣдняго дома ей принесли стаканъ воды. Князь Воронцовъ подозвалъ къ себѣ коменданта, стараго генерала Бриземанъ-фонъ-Неттига, и сказалъ ему:

«Поѣзжайте сейчасъ же къ экзарху, разскажите объ этомъ происшествіи и скажите ему, что я прошу его позволить похоронить этого солдата въ оградѣ Сіонскаго собора, какъ человѣка, погибшаго при совершеніи богоугоднаго дѣла, во время перевозки въ соборъ колокола. Скажите ему, что онъ очень меня этимъ обяжетъ».

Вѣроятно князь такимъ распоряженіемъ хотѣлъ нѣсколько смягчить или изгладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное кровавымъ зрѣлищемъ на публику. Комендантъ поѣхалъ исполнять приказаніе, но спустя нѣсколько минутъ снова возвратился и доложилъ намѣстнику:

«Ваше сіятельство, этого человѣка нельзя хоронить въ Сіонскомъ соборѣ».

«Какъ нельзя! Отчего нельзя?»

«*Онъ еврей*!» — отвѣчалъ комендантъ.

Воронцовъ видимо смутился. Это извѣстіе его озадачило; онъ не сказалъ ни слова, но не могъ не вспомнить только-что выслушанныя имъ просьбу и предсказаніе стараго литейныхъ дѣлъ колокольнаго мастера.

Шествіе продолжалось далѣе въ порядкѣ и достигло мѣста назначенія уже безъ всякихъ приключеній. Съ тѣхъ поръ Тифлисъ обязанъ князю Михаилу Семеновичу своимъ единственнымъ, прекраснымъ, громкозвучнымъ колоколомъ, которымъ отличаются праздничные и торжественные дни отъ обыкновеннаго, будничнаго времени.

На мѣстѣ происшествія, около наводнаго моста, нѣсколько дней виднѣлся снѣгъ, окрашенный кровью.

Въ началѣ года я простудился, заболѣлъ гриппомъ и проболѣлъ почти весь январь; хотя я не лежалъ и отчасти продол-

*) Тогда еще не были знакомы съ нынѣшними, безпрестанно повторяющимися, подобными случаями на желѣзныхъ дорогахъ.

жалъ заниматься дѣлами, но не могъ выходить на воздухъ и долженъ былъ отказаться отъ своихъ ежедневныхъ прогулокъ, что составляло для меня большое лишеніе. Въ часы облегченія отъ болѣзни и свободы отъ занятій, я пріятно проводилъ время съ хорошими знакомыми, умными и интересными людьми, бесѣда съ которыми доставляла мнѣ и развлеченіе, и удовольствіе. Князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ съ двумя сыновьями, Гагемейстеръ, Соковнинъ, Ермоловъ Викторъ Алексѣевичъ, сынъ Алексѣя Петровича, служившій тогда въ артиллеріи, и многіе другіе постоянно посѣщали насъ, обѣдали и проводили съ нами вечера. Въ это же время я сблизился съ новыми моими сотоварищами по службѣ: Дюкроаси и Уманцемъ. Оба—люди образованные и дѣльные. Первый, сынъ нѣкогда извѣстнаго французскаго актера на Петербургской сценѣ, былъ впослѣдствіи членомъ Совѣта намѣстника и управляющимъ таможенною частію Закавказья; а второй, его помощникъ, былъ прикомандированъ ко мнѣ для содѣйствія по устройству новыхъ поселеній.

Почти ежедневно у насъ бывалъ также одинъ неважный чиновникъ изъ канцеляріи намѣстника, служившій не болѣе какъ столоначальникомъ въ хозяйственномъ отдѣленіи моего зятя, но занявшій съ теченіемъ времени довольно важное мѣсто и значительное положеніе въ Петербургѣ,— нѣкто Г***. Человѣкъ способный, дѣловой, аккуратный, а главное ловкій, онъ искусно проложилъ себѣ дорогу умѣньемъ пользоваться обстоятельствами и людьми. При самомъ вступленіи на служебное поприще, онъ смастерилъ для себя курьезное маленькое дѣльце, увѣнчавшееся повидимому полнымъ успѣхомъ, но потомъ два раза едва его не погубившее въ служебномъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своимъ послѣдствіямъ, страннымъ образомъ содѣйствовавшее къ блестящему свершенію его карьеры.

Онъ началъ службу въ Новороссійскомъ краѣ; поступилъ въ канцелярію графа Воронцова, понравился правителю канцеляріи Сафонову своею безупречною исполнительностію, понятливостію, быстротою работы, отличнымъ почеркомъ, и потому послѣдній бралъ его съ собою при разъѣздахъ съ графомъ по краю для переписки бумагъ и различныхъ порученій по дѣламъ. Въ 1837 году въ Одессѣ внезапно проявилась чума, надѣлавшая болѣе страха и переполоха, нежели вреда. По миновании ея, въ канцеляріи гене-

ралъ-губернатора составлялись списки о наградахъ чиновниковъ, которые дѣятельно трудились для прекращенія эпидеміи. Г***, также занимавшійся составленіемъ списковъ, не устоялъ предъ искушеніемъ и, безъ всякаго къ тому основанія, безъ вѣдома и позволенія своего начальства, включилъ и себя въ списокъ представлявшихся къ награжденію Владимірскими крестами. Бѣловые такого рода списки тогда часто не прочитывались и не провѣрялись не только начальниками, но и секретарями, что случилось и теперь. Никто на это не обратилъ вниманія, и Г***, неожиданно для всѣхъ, получилъ Владимірскій крестъ. Графъ узналъ о продѣлкѣ, разсердился, и честолюбивый чиновникъ былъ тотчасъ же удаленъ отъ службы. Затѣмъ, нѣкоторые его доброжелатели, принимавшіе въ немъ участіе, успѣли выхлопотать ему мѣстечко въ Симферополѣ, въ канцеляріи губернатора, гдѣ онъ и оставался нѣсколько лѣтъ. Съ назначеніемъ графа Воронцова намѣстникомъ Кавказскимъ, Сафоновъ, въ качествѣ правителя его канцеляріи, въ увѣренности, что графъ давно забылъ о случаѣ съ крестомъ, вмѣстѣ со многими чиновниками, взятыми за Кавказъ изъ Одессы и Новороссійскаго генералъ-губернаторства, опредѣлилъ и Г*** столоначальникомъ подвѣдомственной ему канцеляріи, каковымъ онъ и пребывалъ въ Тифлисѣ, забывъ и думать о своемъ самопроизвольномъ представленіи къ ордену (который однако носилъ въ петличкѣ съ особеннымъ апломбомъ), въ полной надеждѣ, что это и всѣми также забыто.

Въ 1849-мъ или 1850-мъ году, князь Михаилъ Семеновичъ отправился на южный берегъ Крыма въ свое знаменитое имѣніе Алупку, гдѣ принималъ посѣщенія и почетнѣйшихъ тамошнихъ чиновниковъ. Однажды вечеромъ князь бесѣдовалъ съ своими гостями. Разговоръ зашелъ о плутняхъ и интригахъ изъ чиновничьяго міра; разсказывали разныя забавныя продѣлки; князь поддерживалъ эту тему и въ числѣ другихъ исторій разсказалъ и случай съ своимъ канцелярскимъ чиновникомъ, который самъ себя представилъ къ ордену. Потомъ, помолчавъ, вдругъ сказалъ:

«Не знаю, куда онъ послѣ того дѣвался; хотѣлъ бы я знать, гдѣ онъ теперь!»

Одинъ изъ присутствовавшихъ не выдержалъ и нескромно сообщилъ:

«Онъ служитъ въ канцеляріи вашего сіятельства въ Тифлисѣ».

Князь Михаилъ Семеновичъ крайне изумился. Сначала не повѣрилъ, вознегодовалъ, даже разгорячился, но, удостовѣрившись въ несомнѣнной истинѣ сообщеннаго извѣстія, тотчасъ же написалъ Сафонову весьма нелестное посланіе съ строжайшимъ выговоромъ и выразительными упреками, приказавъ безъ малѣйшаго замедленія уволить Г*** изъ канцеляріи. Сафоновъ, разумѣется, долженъ былъ исполнить приказаніе безпрекословно.

Г*** собрался въ путь, самъ не зная куда ѣхать, и пришелъ къ намъ въ очень огорченномъ и смущенномъ видѣ. Ему посовѣтовали ѣхать въ Петербургъ, гдѣ его никто не зналъ, но и онъ никого не зналъ. Онъ просилъ рекомендаціи. Я видѣлъ въ немъ человѣка съ способностями, даровитаго, трудолюбиваго, который могъ быть полезнымъ для службы. Грѣхъ съ орденомъ произошелъ уже такъ давно, въ его ранней молодости, по легкомыслію, которое уже было дважды строго наказано и долженствовало послужить ему памятнымъ урокомъ на всю жизнь. Съ тѣхъ поръ служба его была безукоризненна, начальство его хвалило. Принявъ все это въ соображеніе, я далъ ему рекомендательныя письма къ знакомымъ мнѣ вліятельнымъ лицамъ, кои могли оказать ему покровительство и содѣйствіе къ поступленію на службу въ Петербургѣ. Кажется, то же самое сдѣлалъ и Сафоновъ. Г***, по пріѣздѣ въ столицу, вскорѣ былъ опредѣленъ въ канцелярію Кавказскаго комитета и не терялъ времени къ устройству своего положенія. Ему повезло. Теперь, спустя шестнадцать лѣтъ, онъ тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, обвѣшанъ орденами, занимаетъ важное мѣсто и стоитъ у преддверія значительнаго государственнаго поста *).

Несмотря на необыкновенно суровую зиму и долго державшійся санный путь, въ концѣ января открылась весна, а въ февралѣ появились жары и расцвѣли миндальныя деревья. Въ комнатахъ, постоянно освѣжавшихся воздухомъ чрезъ открытыя окна и балконъ, духота иногда такъ одолѣвала, что я выходилъ на галерею искать малѣйшей прохлады или дуновенія вѣтерка, но искалъ напрасно: воздухъ и тамъ оставался недвижимъ, и солнце ожесточенно

*) Который онъ и занялъ,—но никогда не забывалъ услуги Андрея Михайловича, такъ же, какъ хорошихъ отношеній къ нему его ближайшаго начальника Юлія Федоровича Витте и добраго пріема въ ихъ домѣ. Всегда, до самой смерти своей, выказывалъ къ нимъ самое теплое участіе и въ случаяхъ, когда могъ быть для нихъ или ихъ семейства чѣмъ-нибудь полезенъ, исполнялъ это съ особеннымъ стараніемъ и готовностію.

палило. Трудно было представить себѣ, что еще такъ недавно снѣгъ лежалъ на улицахъ и морозы заставляли топить печи и камины. Нельзя было сомнѣваться, что мы съ зимой раздѣлались окончательно, и даже приходилось сожалѣть о ней. Однако съ половины марта погода начала хмуриться, пошли дожди, термометръ сильно понизился, и семнадцатаго числа, совершенно нежданно-негаданно повалилъ снѣгъ, продолжавшійся съ недѣлю, съ морозцемъ въ три — четыре градуса. Это странное явленіе вполнѣ оправдывало основанное на опытѣ мнѣніе грузинъ о мартѣ мѣсяцѣ, который они называютъ «гижія», то-есть сумасшедшій, по рѣзкимъ перемѣнамъ погоды и образчикамъ всякихъ температуръ, доступныхъ для Грузіи, коими онъ отличается.

Первые три мѣсяца, январь, февраль и мартъ, прошли у меня въ занятіяхъ дома и въ Совѣтѣ, по дѣламъ новыхъ поселеній и проэктируемаго измѣненія по управленію государственными имуществами. Въ концѣ марта пришлось мнѣ сдѣлать маленькую поѣздку въ колонію Маріенфельдъ, по случаю посѣщенія ея княземъ Воронцовымъ съ княгинею и многочисленною свитою, въ проѣздъ его въ Кахетію и Бѣлоканскій округъ. Я выѣхалъ съ Уманцемъ и Зальцманомъ за день до отъѣзда намѣстника и нашелъ, что въ колоніи, несмотря на недалекое разстояніе, весна еще больше запоздала нежели въ Тифлисѣ. Зелень едва пробивалась, а мѣстами лежалъ снѣгъ. Князь очень интересовался начатымъ въ восьми верстахъ отъ колоніи устройствомъ водопровода, надъ которымъ работали четыреста человѣкъ подъ руководствомъ инженера князя Мухранскаго; тогда надѣялись, что къ концу года водопроводъ можетъ быть оконченъ. На слѣдующій день по прибытіи намѣстника, въ девятомъ часу утра, мы всѣ отправились съ нимъ верхомъ осматривать производившееся сооруженіе. Эта прогулка показалась мнѣ утомительнѣе иного продолжительнаго путешествія, потому что я къ верховой ѣздѣ былъ не слишкомъ привыченъ, и шестнадцать верстъ на лошади, туда и обратно, да еще при осмотрѣ работъ пять верстъ пѣшкомъ, пока все обошли и оглядѣли, отзывались для меня довольно ощутительно. Но князь все это совершилъ бодро и не имѣлъ нисколько усталаго вида; онъ остался доволенъ успѣхами работъ, которыя, къ сожалѣнію, оказались впослѣдствіи совсѣмъ безплодными. Послѣ завтрака въ колоніи князь со всѣмъ своимъ штатомь отправился далѣе; я его прово-

жалъ до урочища Гамборы, гдѣ квартировали артиллерійская батарея и стрѣлковый батальонъ.

Въ это время князь Михаилъ Семеновичъ весьма желалъ привести въ надлежащій по возможности порядокъ почтовыя сообщенія въ краѣ и, для устраненія причинъ къ затрудненіямъ въ содержаніи Закавказскихъ почтъ и чрезвычайныхъ издержекъ казны для поддержанія ихъ, придумалъ образовать нѣчто въ родѣ существовавшихъ нѣкогда въ Россіи *ямскихъ станцій*, и составить ихъ изъ раскольниковъ, такъ какъ многіе изъ нихъ промышляютъ здѣсь исключительно извозничествомъ. Князь поручилъ мнѣ переговорить съ раскольниками, разспросить ихъ о томъ и, если возможно, склонить ихъ къ тому, съ предоставленіемъ имъ разныхъ выгодныхъ льготъ. Порученіе я исполнилъ, толковалъ съ молоканами и духоборами, но всѣ льготы, предлагаемыя имъ, не прельстили ихъ. Для согласія на заявленное предложеніе они испрашивали формальнаго имъ объявленія, что коль скоро русскіе переселенцы въ Грузіи будутъ подвергнуты рекрутской повинности наравнѣ съ крестьянами въ Россіи, то чтобы тѣ изъ нихъ, которые обратятся въ почтовыхъ крестьянъ, были отъ повинности освобождены со всѣмъ своимъ потомствомъ и навсегда. Разумѣется, князь Воронцовъ не могъ принять подобнаго условія, и потому это предположеніе не состоялось.

По отъѣздѣ намѣстника въ дальнѣйшій путь, я собирался заѣхать въ Телавъ, но за дурной погодою отложилъ намѣреніе и, прогостивъ два дня у радушнаго хозяина, батарейнаго командира полковника Семенова, возвратился въ Тифлисъ.

Нѣсколько дней спустя я получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Эта награда хотя и не обрадовала меня (несмотря на то, что я состоялъ статскимъ совѣтникомъ ужъ болѣе семи лѣтъ), потому что я давно сдѣлался равнодушенъ ко всѣмъ такого рода повышеніямъ и отличіямъ, ровно ничего не доказывающимъ, но по крайней мѣрѣ ободрила въ увѣренности, что здѣсь труды мои не будутъ такъ безплодны, какъ на Саратовскомъ губернаторствѣ при Перовскомъ. Князь Воронцовъ, по возвращеніи своемъ, поздравилъ меня особенно ласково и милостиво.

Наступившую Пасху я провелъ по обыкновенію; былъ съ зятемъ моимъ у заутрени въ Сіонскомъ соборѣ, гдѣ служилъ экзархъ Исидоръ, въ присутствіи князя, княгини и всѣхъ представителей

администраціи; потомъ утромъ, съ моимъ семействомъ на многолюдномъ пріемѣ у намѣстника съ обязательнымъ визитомъ, поздравленіемъ и разговѣніемъ; а на четвертый день праздничной недѣли у него же на балѣ, гдѣ я не имѣлъ привычки долго засиживаться, являясь при подобныхъ случаяхъ только какъ бы по служебной надобности и предоставляя это удовольствіе дѣтямъ моимъ. Грустно мнѣ было только проводить эти дни въ разлукѣ съ сыномъ моимъ.

Спустя недѣлю, всѣ официіальныя лица города собрались на торжественный обѣдъ у г-на Рогожина, открывавшаго въ Тифлисѣ, по полномочію Московскаго купечества, обширный торговый домъ, съ многочисленными магазинами, соединенными въ одномъ зданіи, и большимъ количествомъ всевозможныхъ, разнообразныхъ товаровъ, подъ названіемъ *депо*. Осуществленіемъ этого предпріятія исполнилось давнишнее желаніе князя Михаила Семеновича ввести русскій элементъ въ торговлю Закавказскаго края, такъ какъ она вполнѣ и всецѣло заключалась въ армянскихъ рукахъ. По его иниціативѣ, нѣсколько богатыхъ Московскихъ купцовъ, составивъ компанію, взялись за это дѣло и приступили къ приведенію въ дѣйствіе полезнаго учрежденія. Понятно, всѣ армянскіе торговые люди, въ страхѣ громаднаго подрыва, пришли въ отчаяніе; злобствованію ихъ не было границъ. Они вопили, стонали и съ ожесточеніемъ предрекали, что депо не устоитъ, что оно лопнетъ, провалится, *паргадетъ*, — и въ самомъ дѣлѣ, какъ будто накликали неудачу: прекрасно устроенное депо, обильно снабженное всякаго рода товарами, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, при всесильной поддержкѣ намѣстника, долженствовавшее въ будущемъ еще болѣе развить кругъ своей дѣятельности, продержавшись лѣтъ пять или около того, начало мало-по-малу блекнуть, слабѣть и наконецъ нашлось вынужденнымъ прекратить свои операціи, за исключеніемъ небольшого отдѣленія съ офицерскими вещами, существующаго до сихъ поръ. Неуспѣхъ предпріятія объясняли разными причинами, въ томъ числѣ, конечно, армянскими интригами, разномысліемъ и ссорами главныхъ заправилъ и неумѣніемъ справиться съ нимъ главнаго управляющаго, Бобылева, отрекомендованнаго Московской компаніи нашимъ Гагемейстеромъ за искуснаго дѣятеля по этой части, но занимавшагося болѣе свѣтскими удовольствіями и литературными развлеченіями, нежели коммерческими соображеніями, сопряженными съ его должностью. Ѳедотъ Ѳедотовичъ Бобылевъ, купе-

ческаго происхожденія, считалъ себя прирожденнымъ писателемъ, призваніемъ своимъ предполагалъ не торговлю, а литературу и, избравъ идеаломъ своихъ стремленій Николая Полевого, тоже принадлежавшаго къ купеческому званію, усердно старался подражать его примѣру съ твердымъ упованіемъ скоро сравняться съ нимъ и даже превзойти его въ извѣстности, чего достигнуть не успѣлъ, а содѣйствовалъ паденію депо успѣлъ. Онъ остался въ Тифлисѣ. Его газетныя статейки и фельетоны потомъ понравились князю Барятинскому, который ему и передалъ редакцію газеты «Кавказъ». Впрочемъ, Бобылевъ самъ по себѣ человѣкъ неглупый и не безъ таланта; онъ часто приходилъ къ намъ обѣдать, и съ нимъ иногда не скучно поговорить. У него въ кабинетѣ, на видномъ мѣстѣ, виситъ его портретъ, писанный масляными красками (работы академическаго художника Жуковскаго), на коемъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ изображенъ франтомъ и держитъ въ одной рукѣ зеленую перчатку; по этой причинѣ его и прозвали: «Ѳедотъ зеленая перчатка»—каковымъ онъ и пребываетъ до сихъ поръ.

По открытіи депо, Тифлисскіе армяне, въ увлеченіи неудержимаго негодованія и страха за свои карманы, не находили мѣры для выраженія своихъ взволнованныхъ чувствъ и доводили подчасъ ихъ манифестаціи до забавнаго нахальства. Между прочимъ они выкинули такую штуку: Князь Воронцовъ, во время обычной утренней прогулки верхомъ, со свитой, проѣзжалъ за городомъ—помнится, по дорогѣ на Навтлугъ (предмѣстіе, гдѣ находятся военные госпитали и проч.), какъ въ одной глухой улицѣ вдругъ изъ-за забора высунулась голова въ армянской бараньей шапкѣ и отчаяннымъ голосомъ прокричала, обращаясь къ князю:

«Ваша сыатэлства! съ того денъ, какъ ваша благополучнія нóга паступыла на нашъ земла, наинесчастье за наинысчастьемъ постыгаетъ намъ: сàранча! холеура! депомъ!»

По окончаніи возгласа, голова въ бараньей шапкѣ мгновенно исчезла за заборомъ, чрезвычайно удививъ князя съ его свитою этимъ страннымъ экспромптомъ. Конвойные казаки хотѣли было лѣзть чрезъ заборъ въ погоню за дерзкой головой, но князь ихъ остановилъ и, махнувъ рукой, поѣхалъ далѣе.

Весь апрѣль, до двадцатыхъ чиселъ, я исключительно занимался и многомысленно работалъ по порученному мнѣ дѣлу составленія проэкта о преобразованіи управленія государственными

имуществами. Съ 1841 года было учреждено и въ Закавказскомъ краѣ управленіе государственныхъ имуществъ, хотя съ нѣкоторыми по мѣстнымъ обстоятельствамъ измѣненіями, но въ томъ же видѣ, какъ его ввелъ графъ Киселевъ за нѣсколько лѣтъ и во всей имперіи. Это было сдѣлано въ видахъ охраненія казеннаго достоянія отъ захвата его частными лицами и къ улучшенію быта крестьянъ казенныхъ; но ни та, ни другая цѣль симъ учрежденіемъ достигнута не была; позабыли, что для достиженія ея прежде всего въ краѣ нужно генеральное межеваніе, а не нововведеніе въ образѣ и формѣ администраціи. Закавказскій край, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, разнородности жителей и многимъ другимъ условіямъ, не имѣетъ ничего общаго съ положеніемъ внутреннихъ губерній, а потому и отдѣльное надъ казенными имуществами и крестьянами управленіе производило только столкновенія и пререканія съ общимъ губернскимъ управленіемъ. Въ обѣ учрежденныя палаты государственныхъ имуществъ и въ уѣздныя управленія чиновники избирались такъ же неудачно, какъ и во всѣ прочія административныя вѣдомства.

Приведу одинъ примѣръ. Управляющимъ Тифлисскою палатою, со времени ея основанія до самаго упраздненія въ 1850 году, состоялъ бывшій до того казначеемъ главнаго управленія Орловскій. Статься можетъ, что онъ былъ и хорошій казначей, но объ управленіи какою бы то ни было частію народа онъ и понятія не имѣлъ, края вовсе не зналъ, знакомиться съ нимъ не желалъ, разъѣзжать не хотѣлъ и потому въ казенныхъ имѣніяхъ никогда не бывалъ, а любилъ только писать и расходовать огромное количество бумаги, вовсе безполезной для благосостоянія народа. И въ теченіе десяти лѣтъ этого управленія, казна издержала нѣсколько сотъ тысячъ рублей безъ всякой пользы и надобности.

Отдавая полную справедливость благонамѣренности, обширному просвѣщенію и дѣятельности князя Михаила Семеновича, надобно сознаться, что въ дѣлахъ гражданскаго управленія онъ зналъ мало; руководствовался въ этомъ отношеніи больше общепринятыми Европейскими идеями, нежели мѣстными соображеніями, вслѣдствіе чего его система по этой части не могла назваться успѣшной и почти всегда сопровождалась неудачей. Напримѣръ, онъ говорилъ, что «*казенная власть нигдѣ не умѣетъ управлять тѣмъ, что имѣетъ*», и потому утверждалъ, что прибывающихъ вновь въ Закавказскій край русскихъ и нѣмецкихъ переселенцевъ лучше

водворять на помѣщичьихъ земляхъ, нежели на казенныхъ. Но князь позабывалъ, что въ Закавказскомъ краѣ, съ немногими исключеніями, не только за двадцать лѣтъ передъ симъ, но и въ настоящее время, большею частію положительно неизвѣстно, гдѣ какая земля дѣйствительно помѣщичья и гдѣ казенная. Неоднократно русскіе поселяне и нѣмецкіе колонисты были водворяемы на земляхъ, которыя сначала считались казенными, а послѣ эти же самыя земли, вслѣдствіе домогательства и происковъ, признавались помѣщичьими. И чтобы не разорять крестьянъ новымъ переселеніемъ, уплачивались помѣщикамъ огромныя суммы. Сверхъ того, надобно еще замѣтить, что къ поселенію на помѣщичьихъ земляхъ и русскіе, и нѣмецкіе переселенцы имѣютъ непреодолимое отвращеніе, потому что грузинскіе помѣщики еще болѣе, нежели наши русскіе, укоренились въ привычкѣ произвольнаго обращенія съ водворенными на ихъ земляхъ поселянами, какого бы рода они ни были. Это послѣднее обстоятельство послужитъ большимъ камнемъ преткновенія и при введеніи составляемаго теперь (въ 1860-хъ годахъ) положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Закавказскаго края.

Руководствуясь упомянутою увѣренностію, что казенное опекунское управленіе надъ крестьянами безполезно, князь Воронцовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлъ однако жъ прямо выставить себя противникомъ совершенно противоположной системы графа Киселева; и потому приказалъ мнѣ составить проэктъ преобразованія по управленію государственными имуществами въ Закавказскомъ краѣ лишь въ тѣхъ видахъ, чтобы уменьшить сколько возможно казенныя на то издержки, сосредоточивъ уѣздное управленіе почти исключительно въ одномъ общемъ полицейскомъ управленіи. Это была полумѣра, никакой существенной пользы не приносившая; но князь Михаилъ Семеновичъ не любилъ возраженій, противорѣчившихъ его убѣжденіямъ, и потому надо было сдѣлать то, чего ему хотѣлось, съ соблюденіемъ дѣйствительной пользы на столько, во сколько это при подобномъ порядкѣ вещей оказывалось возможно.

Стараясь сообразоваться съ этими двумя цѣлями, я составилъ проэктъ преобразованія, одобренный княземъ-намѣстникомъ, но получившій утвержденіе только въ концѣ 1849 года, послѣ нѣсколькихъ возраженій со стороны министерства государственныхъ имуществъ.

Съ 22-го апрѣля до іюня я провелъ въ разъѣздахъ для обозрѣнія колоній и другихъ мѣстностей края, направясь чрезъ Елисабетталь и Екатериненфельдъ на Елисаветпольскій трактъ по пути къ этому городу. Отъѣздъ мой изъ Тифлиса сопровождался такой холодной, пасмурной съ мелкимъ дождемъ погодой, какъ въ глубокую осень, и съ трудомъ вѣрилось что это конецъ апрѣля, да еще Тифлисскаго, когда бо̀льшею частію солнце начинаетъ ужъ такъ припекать, что слишкомъ ощутительно напоминаетъ о приближеніи страшнаго лѣта. Меня провожала за городъ Елена Павловна, и тамъ дождь такъ усилился, что я покушался воротиться съ нею обратно домой. Едва къ ночи добрался до Елисабетталя по тяжелой, грязной дорогѣ, при помощи выѣхавшихъ навстрѣчу колонистовъ. Ночью небо расчистилось, къ разсвѣту послышались соловьи, и день насталъ съ полнымъ развитіемъ весны, такъ что я могъ прогуляться на гору, съѣздить верхомъ къ сѣрному ключу и послѣ обѣда продолжать дорогу. Но отъ дождя забушевали рѣчки, и переправы были трудноватыя. Въ Екатериненфельдѣ, не смотря на большую грязь, я осматривалъ древнюю церковь въ семи верстахъ отъ колоніи, новые колонистскіе виноградники, долину за рѣчкой Машаверой, орошаемую недавно устроеннымъ каналомъ, и за горнымъ хребтомъ, возлѣ рѣки Храма, нѣмецкіе пашни и луга, сильно страдавшіе отъ саранчи, напавшей въ безчисленномъ количествѣ на всѣ поля въ этой сторонѣ.

Далѣе къ Елисаветполю замѣчателенъ мостъ чрезъ рѣку Храмъ, такъ называемый *красный*, въ шестидесяти верстахъ отъ Тифлиса, устроенный еще въ XVII вѣкѣ при нашествіи персіянъ, по распоряженію хана, ими предводительствовавшаго, весьма прочный и довольно красивый, который не требовалъ въ продолженіе двухъ столѣтій никакихъ значительныхъ починокъ и ремонтовъ. Достойно вниманія, что азіатцы въ отношеніи зодчества не въ примѣръ искуснѣе многихъ нашихъ архитекторовъ, такъ какъ всѣ мосты, сооруженные сими послѣдними, уже разрушались и возводились вновь по нѣскольку разъ со времени присоединенія Грузіи къ Россіи, менѣе полувѣка тому назадъ, а азіатскія постройки нерушимо стоятъ вѣка, безъ всякихъ поддержекъ и издержекъ на нихъ.

По дорогѣ къ Елисаветполю, я заѣзжалъ въ нѣмецкія колоніи и русскія поселенія, расположенныя въ недальнемъ разстояніи отъ

почтоваго тракта, для обозрѣнія ихъ хозяйственнаго устройства и дальнѣйшаго направленія этого устройства по возможности къ лучшему. Въ Елисаветполѣ я пробылъ по служебнымъ дѣламъ нѣсколько дней и потому имѣлъ достаточно времени, чтобы познакомиться съ нимъ ближе, нежели въ прошломъ году, въ бытность мою тамъ только проѣздомъ. По пространству, имъ занимаемому, и по числу народонаселенія, доходящему до двадцати семи тысячъ мужскаго пола, жительствующихъ въ двухъ тысячахъ семи стахъ дворахъ, этотъ городъ кажется замѣтно выдающимся изъ числа другихъ мѣстныхъ городовъ; но въ сущности состоитъ почти весь ихъ однѣхъ дрянныхъ хижинъ и саклей. Красу его составляютъ сады и громадной величины старыя чинары. Провелъ я также дней пять, и довольно пріятно, въ Еленендорфѣ, большой, благоустроенной колоніи, особенно отличающейся доброй нравственностію колонистовъ, о чемъ я упоминалъ выше. Съ сожалѣніемъ глядѣлъ я на поля, пожираемыя саранчою, и, въ числѣ каждодневныхъ прогулокъ, ѣздилъ между прочимъ въ сопровожденіи уѣзднаго начальника, полицеймейстера и другихъ чиновниковъ, по Зурнабадской дорогѣ къ каменному мосту, гдѣ одно изъ лучшихъ мѣстъ здѣшнихъ окружностей.

Оттолѣ я направился прямою дорогою, или, вѣрнѣе сказать, почти вовсе безъ всякой дороги, чрезъ вновь основанныя раскольничьи поселенія, въ Шушинскій уѣздъ, или такъ называемый *Карабахъ*. Хотя съ большимъ трудомъ, но я проѣхалъ чрезъ эту мѣстность въ экипажѣ, и вѣроятно первый отъ сотворенія міра!

Экипажъ у меня былъ легкій, и его въ нѣсколькихъ мѣстахъ буквально переносили на рукахъ. Обѣдалъ въ кибиткѣ на берегу рѣки Курухъ-чая, и потомъ хотя проявились слѣды проѣзжей дороги, но въ такомъ видѣ, что хуже прежняго бездорожья. Экипажъ должны были везти на волахъ, а я пробирался кое-какъ, то верхомъ, то пѣшкомъ, по дикимъ гористымъ и лѣсистымъ трущобамъ. Раскольники выбрали для себя эти мѣста по здоровому климату, весьма плодороднымъ тучнымъ землямъ и, кажется, главнѣйше потому, что вслѣдствіе трудности проѣзда, они здѣсь не такъ часто посѣщаются мѣстною полиціею и имѣютъ всѣ удобства скрывать своихъ собратій, бѣглыхъ и бродягъ. О хозяйственномъ ихъ устройствѣ и говорить не стоитъ; но, не смотря на то, все-таки они живутъ лучше и находится у нихъ болѣе удобствъ для пріѣзжающихъ нежели у туземцевъ.

Почти до самаго города Шуши, на разстояніи ста пятидесяти верстъ, я имѣлъ вездѣ скверную, тяжелую дорогу, которая повидимому никогда не подвергалась какимъ-либо попыткамъ къ улучшенію. Лишь только не доѣзжая до города шести верстъ, былъ когда-то устроенъ княземъ Мадатовымъ подъемъ на крутую каменистую гору, но послѣ того болѣе двадцати лѣтъ нисколько не поправлялся, и потому теперь какъ будто никогда и не существовалъ. Такое же явленіе произошло во многихъ другихъ мѣстахъ Закавказскаго края. А между тѣмъ дорогу предъ самымъ городомъ можно бы исправить хоть взрывомъ каменьевъ, которые чрезвычайно затрудняютъ, а иногда и вовсе преграждаютъ путь. У подошвы горы, съ обѣихъ сторонъ виднѣлись деревни и особенно постройки разныхъ заведеній бывшихъ хановъ и ихъ семействъ, также крѣпость и большой полковой лагерь мѣстнаго войска, что въ совокупности не составляло однако особенно красиваго вида.

Шуша—городъ тоже довольно обширный, отчасти обстроенный очень порядочными по наружности, большими каменными домами, которые внутри расположены на азіатскій манеръ, то-есть крайне неудобно. Климатъ хорошій и здоровый, ибо Шуша находится на возвышеніи болѣе двухъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря; садовъ нѣтъ, но почти всѣ дома обсажены деревьями; церквей не видно. Русская церковь одна, и въ ней замѣчательный рѣзной иконостасъ. Мечети также не замѣтны. Лучшія или, вѣрнѣе, самыя большія строенія, особенной архитектуры, вь видѣ зàмковъ, принадлежатъ потомкамъ бывшей ханской фамиліи.

Меня здѣсь встрѣтилъ Бекманъ съ княземъ Константиномъ Тархановымъ *) и Мурачевымъ, хозяиномъ первой моей Тифлисской квартиры, состоявшимъ теперь на службѣ въ Шушѣ въ должности городничаго. Они помѣстили меня на хорошей квартирѣ съ большой галереей и балкономъ, съ котораго открывался красивый видъ на городъ. Я сильно усталъ и радъ былъ отдохнуть послѣ безобразной, мучительной дороги. Но долго отдыхать не пришлось. Занятія по дѣламъ, представленія мнѣ чиновниковъ и гражданъ, прогулки для ознакомленія съ городомъ начались неизбѣжнымъ чередомъ. Немедленно послѣдовалъ большой обѣдъ у

*) Кажется, онъ былъ тогда Шушинскимъ уѣзднымъ начальникомъ, а впослѣдствіи генераломъ и губернаторомъ въ Баку.

Тарханова; затѣмъ въ сопровожденіи его я дѣлалъ визиты почетнѣйшимъ лицамъ, изъ коихъ во главѣ туземной аристократіи стояли: богатая вдова Мехти-Кули-хана, полковникъ Джафаръ-Кули-ханъ и престарѣлая вдовствующая ханша Джаваиръ-Ханумъ. Первая, на восточный ладъ довольно образованная и даже свѣтская, гостепріимно принимала посѣщавшихъ ее заѣзжихъ гостей и любезно надѣляла ихъ пешкешемъ своего произведенія, прекраснымъ ковромъ. У нея постоянно фабриковались въ большомъ количествѣ превосходные ковры въ родѣ персидскихъ, чрезвычайно прочные, красивыхъ, разнообразныхъ рисунковъ и величинъ, но всегда почти не квадратные, а длинные. Этой работой занимались въ гаремной тишинѣ ея женщины, а часто и сама ханша принимала участіе въ работѣ. Производились ковры не для продажи, но единственно для подарковъ, коими ханша щедро снабжала всѣхъ своихъ знакомыхъ какъ лично, такъ и заочно, разсылая по краю. Съ нею проживала дочь ея съ мужемъ, бекомъ Хассаемъ Усміевымъ, офицеромъ, который состоялъ при намѣстникѣ, — очень миловидная особа, заслужившая по красотѣ своей названіе «Карабахской розы». Второй, Джафаръ-Кули-ханъ, — полковникъ лѣтъ шестидесяти, порядочно говорившій по-русски, чему вѣроятно научился въ Петербургѣ, гдѣ пребывалъ на службѣ шесть лѣтъ, а потомъ еще два года въ Симбирскѣ, куда былъ сосланъ въ заточеніе. Жилъ онъ въ Шушѣ весьма изрядно, можно сказать на широкую ногу, и хотя и съ европейской тенденціей, но съ преобладающимъ татарскимъ пошибомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, и чтобы познакомить меня съ образомъ своей жизни и ея удовольствій, устроилъ превеликое празднество съ азіатскими увеселеніями, плясками, музыкой, пѣніемъ, но разумѣется и съ шампанскимъ; а вечеромъ усадилъ въ бостонъ, что продолжалось далеко за-полночь, и вслѣдствіе чего я возвратился домой съ тяжестію въ головѣ*).

---

*) Если не ошибаемся, кажется къ этому самому Джафаръ-Кули относится солдатская закавказская пѣсня, сложенная позднѣе:

Ай люли, ай люли,
Подъ селеньемъ Кюлюли
Сильно струсилъ Калантаровъ
И бѣжалъ Джафаръ-Кули.
Побѣжалъ онъ безъ оглядки,
Задирая кверху пятки;
Такъ бѣжалъ Джафаръ-Кули
Подъ селеньемъ Кюлюли.

Третья аристократка, вдова Джаваиръ-Ханумъ, весьма важная, пожилая татарская дама, тщательно поддерживала свое ханское величіе. По слухамъ, она христіанскаго происхожденія, изъ грузинскихъ княженъ, захваченная въ малолѣтствѣ татарами, препроводившими ее въ ханскій гаремъ, гдѣ она обращена въ мусульманство и сдѣлалась главной женой хана. Говорятъ, она теперь усердная мусульманка, но вѣроятно по воспоминанію о прежней вѣрѣ, а можетъ быть и по нѣкоторому чувству соболѣзнованія о ней, не успѣвшему притупиться многолѣтнимъ исламизмомъ, она до сихъ поръ не можетъ переносить церковнаго колокольнаго звона, и при звукахъ его старательно зажимаетъ себѣ уши.

Джаваиръ-Ханумъ и вдова Мехти-Кули-хана пріѣзжали въ Тифлисъ съ визитомъ къ княгинѣ Воронцовой, съ большой свитой прислужниковъ и прислужницъ и соблюденіемъ всѣхъ подобающихъ ихъ сану восточныхъ этикетовъ и церемоній.

Меня уговорили побывать и въ театрѣ, который я нашелъ довольно порядочнымъ для уѣзднаго и къ тому же татарскаго городка.

Изъ Шуши я продолжалъ путь, съ тою же цѣлью осмотра поселеній, сельскохозяйственнаго ихъ быта и изысканія удобныхъ мѣстъ къ основанію новыхъ русскихъ поселеній,—по прямому направленію въ городъ Нуху. Выѣхалъ я съ моими провожатыми подъ вечеръ, послѣ обѣда и чая у Тарханова, верхами (для избѣжанія нестерпимой экипажной переправы по камнямъ), до сада ханши Мехти-Кули, въ десяти верстахъ отъ Шуши, гдѣ и долженъ былъ заночевать по причинѣ проливного дождя, преслѣдовавшаго меня затѣмъ почти безпрерывно все время остальнаго путешествія. Это еще болѣе затрудняло безъ того трудную дорогу, особенно при переѣздахъ черезъ рѣчки, гдѣ лошади останавливались отъ сильнаго напора теченія, экипажъ приподымался водой и рисковалъ перевернуться, не смотря на многолюдную помощь и поддерживанія, и кончилъ-таки тѣмъ, что изломался. По счастію ночлеги были сносные. По пути встрѣчалъ я татарскія кочевья, перебиравшіяся въ горы, и прибылъ въ Нуху 26-го мая. Погода прояснилась, но дождь смѣнился не менѣе непріятнымъ зноемъ. При въѣздѣ справа виднѣются сады, изъ коихъ и бывшіе ханскіе Джафаръ-Абатскіе, сперва рѣдкіе, а потомъ чаще и по обѣимъ сторонамъ, съ плетневыми заборами, за коими непримѣтно скрываются дома и постройки. Деревья очень большія, а улицы несоразмѣрно узкія.

Городъ Нуха также былъ прежде столицею особаго ханства, также довольно обширный и славился своими шелковичными плантаціями и фруктовыми садами. Считаю не излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о мѣрахъ, которыя принимались къ распространенію *улучшеннаго шелководства* въ Закавказскомъ краѣ, со времени водворенія въ немъ русскаго владычества. Съ этою цѣлью, въ началѣ 1840-хъ годовъ, основалось въ Нухѣ акціонерное общество, главными членами коего состояли: князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ, Жадовскій и Шульгинъ, всѣ трое Петербургскіе бояре, знавшіе и о Закавказьи, и о шелководствѣ только по слухамъ да по книгамъ и воображавшіе въ своихъ идеальныхъ заключеніяхъ, что въ учрежденіи этого общества найдутъ для себя золотое дно. До 1848 года они уже вложили на это предпріятіе капиталъ въ сто пятьдесятъ семь тысячъ рублей серебромъ, а дохода не получали ровно никакого. Исполненіе на мѣстѣ плановъ и преднамѣреній общества ввѣрялось ими или шарлатанамъ, вовсе незнакомымъ съ дѣломъ такого рода, или просто надувальщикамъ. Одинъ бывшій соучастникъ, итальянецъ *Трибодино*, стоилъ обществу до семидесяти тысячъ рублей. Машины и люди для работы были выписаны изъ Италіи, стоили дорого и не принесли никакой пользы; машины оказались неудобными, невыгодными и вовсе непригодными къ употребленію, потому что никто не зналъ, какъ за нихъ взяться и какъ ихъ употреблять. Управляющими учрежденія назначались чиновники, какъ напримѣръ Орловскій, Грисенко и другіе, которые если и успѣли извлечъ пользу, то лишь для себя лично, а отнюдь не для общества и не для достиженія благой цѣли*). Правительство оказывало этому предпріятію всевозможныя пособія и содѣйствія: подъ заведеніе было отведено пять тысячъ десятинъ казенной земли; ему дано четырнадцать деревень съ пятью стами сорока домами изъ туземныхъ жителей, съ названіемъ *речбаровъ*; они были какъ

*) По удаленіи Орловскаго, князь Воронцовъ, возстановленный противъ него жалобами главныхъ Петербургскихъ акціонеровъ, объявилъ ему:

— Пока я здѣсь, вы никакого мѣста не получите!

Орловскій, съ почтительнымъ поклономъ, скромно, но рѣшительно заявилъ:

— *Буду дожидаться.*

И дѣйствительно подождалъ и дождался. При Барятинскомъ получилъ мѣсто губернатора, оставался на немъ долго, до смерти своей въ семидесятыхъ годахъ, и, какъ человѣкъ умный и тонкій, былъ отличнымъ губернаторомъ.

бы закрѣплены учрежденію для работъ и доставки необработаннаго шелка. Эти речбары были крайне отягощены такой повинностію. Кромѣ того, для этого же было основано и причислено къ заведенію русское поселеніе изъ раскольниковъ, которые, при водвореніи ихъ въ самыхъ нездоровыхъ, жаркихъ мѣстахъ, всѣ или перемерли, или разбѣжались. И всѣ эти расходы и пожертвованія тратились безплодно, а тѣмъ менѣе къ достиженію желанной цѣли нисколько не послужили. Съ окончаніемъ срока дѣйствія акціонернаго общества, оно отказалось отъ дальнѣйшаго занятія этой дѣятельностью, и заведеніе передано въ однѣ руки, благонадежному Тифлисскому гражданину Мирзоеву. Съ тѣхъ поръ дѣло пошло лучше. Въ покупкѣ и разработкѣ шелка въ Нухѣ принялъ также участіе извѣстный Московскій фабрикантъ Алексѣевъ, что не мало содѣйствуетъ поправленію производства. Вообще же, шелководство въ Тифлисской и Бакинской губерніяхъ замѣтно распространяется между поселянами. Въ прочихъ мѣстахъ Закавказскаго края тоже принимались подобныя же мѣры для улучшенія шелководства; еще при Ермоловѣ было основано въ Тифлисѣ итальянцемъ Кастелло давно уже уничтожившееся шелкомотальное заведеніе, стоившее казнѣ значительныхъ издержекъ. Дѣлались такія же попытки и въ Имеретіи, извѣстнымъ и опытнымъ нашимъ шелководомъ Райко, къ сожалѣнію вскорѣ умершимъ, а потому и онѣ не принесли желаемой пользы.

Нуха раскинута на горѣ, занимаетъ довольно большое пространство. На мощеной улицѣ, поднимающейся въ гору, расположенъ базаръ; вездѣ во множествѣ встрѣчаются духаны, кузницы и разныя лавочки. Городъ уподобляется общему азіатскому типу всѣхъ здѣшнихъ городовъ. Сохранились остатки крѣпости, стѣны которой я нашелъ еще уцѣлѣвшими, равно какъ и корпусъ ханскаго дворца, очень любопытнаго какъ по наружному виду, такъ и по внутренней отдѣлкѣ, орнаментамъ, барельефамъ и восточной живописи, хотя и скверной, но совершенно явственно сохранившейся, съ изображеніями персидскихъ всадниковъ и азіатскихъ сраженій. Климатъ въ самой Нухѣ не слишкомъ жаркій. Фруктовые сады хорошіе; лучшее ихъ произведеніе, безспорно, превосходныя груши, извѣстныя въ краѣ подъ названіемъ «гулябы»; онѣ по величинѣ, сочности, сладости, аромату и вкусу пользуются вполнѣ заслуженною знаменитостію.

Здѣсь я получилъ изъ дома, отъ своихъ, письма, которыя меня порядочно встревожили, хотя ужъ и прошедшими бѣдами. Изъ нихъ я узналъ о необыкновенныхъ и очень серьезныхъ опасностяхъ, которымъ подверглись моя жена и дѣти въ продолженіе послѣдняго времени. Въ первыхъ числахъ мая обѣ мои дочери, Екатерина и Надежда, съ зятемъ Ю. Ф. Витте поѣхали на воды въ Пятигорскъ. Въ Тифлисѣ тогда лѣто вполнѣ уже установилось, солнце сильно подпекало, погода въ горахъ стояла хорошая, и потому, не ожидая особенныхъ случайныхъ перемѣнъ ея, они не запаслись никакими теплыми одеждами и выѣхали совершенно по лѣтнему. При въѣздѣ въ горы, они застали тамъ внезапно открывшуюся только что предъ тѣмъ прежестокую зиму, съ большимъ морозомъ и глубокимъ снѣгомъ, отъ коихъ конечно имъ пришлось крѣпко пострадать, да могли и здоровьемъ поплатиться. Но это было еще не важнѣйшее. Между станціями Кошауръ и Коби, дорога, какъ почти вездѣ здѣсь, пробитая по откосу горъ, по большей части крайне узкая, мѣстами, можно сказать, выдается какъ бы карнизомъ, раздѣляющимъ, съ одной стороны, скàлы въ нѣсколько тысячъ футовъ высоты, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, отъ глубочайшей бездны, тоже въ нѣсколько тысячъ футовъ, съ другой стороны. Дѣти мои ѣхали въ двухъ экипажахъ, съ прислугой и нѣсколькими конвойными казаками. Поронявшись съ небольшимъ придорожнымъ духаномъ, ямщики остановились, и зять мой велѣлъ вынесть всѣмъ людямъ, прозябшимъ на морозѣ, по стаканчику водки, чтò задержало ихъ минутъ на пять, и затѣмъ продолжали путь. Не отъѣхали они и четверть версты, какъ послышался глухой гулъ, грохотъ; нѣсколько камней, быстро скатившись въ разбродъ съ горы, перекатились черезъ дорогу и полетѣли въ бездну; вслѣдъ за тѣмъ, въ десяти шагахъ передъ экипажами, громадная глыба земли съ камнями, свалившись съ горы въ бездну, засыпала большимъ, длиннымъ бугромъ дорогу на довольно значительное разстояніе, совешенно сравнявъ покатость горы. Только одна счастливая остановка передъ духаномъ спасла всѣхъ ихъ отъ предстоявшей гибели! Не будь этой остановки, экипажи попали бы неминуемо подъ обвалъ и были бы или раздавлены тяжестію его, или, скорѣе, снесены въ бездну вмѣстѣ съ глыбой обвала,—въ обоихъ случаяхъ смерть неизбѣжная и жестокая. Ѣхать далѣе, разумѣется, было невозможно. Послѣ многихъ трудовъ и усилій, одному изъ

казаковъ удалось пѣшему перелѣзть черезъ обвалъ и дать знать о случившемся происшествіи на слѣдующей, ближайшей станціи Коби, откуда были присланы перекладныя и люди для исправленія дороги и пособія проѣзжающимъ. Дочери мои и зять, промучившись почти цѣлый день на холодѣ, въ снѣгу, едва къ ночи, съ помощію рабочихъ, успѣли кое-какъ перебраться черезъ насыпь и на перекладныхъ доѣхали до станціи. Экипажи были перевезены уже на другой день. Еще надобно замѣтить, что дочь моя Е. А. Витте находилась въ состояніи беременности, и такое приключеніе угрожало ей самыми пагубными послѣдствіями, что̀ и усиливало мое безпокойство, хотя, судя по письмамъ, они доѣхали до Пятигорска благополучно.

Много бѣдъ дѣлаютъ эти обвалы по военно-грузинской дорогѣ, особенно зимою, когда отъ накопленія снѣга они повторяются безпрестанно, прерываютъ сообщенія иногда надолго, и часто сопровождаются несчастіями и гибелью людей. Покойный Государь Николай Павловичъ говорилъ, что «эта дорога стоила столько денегъ, что ее можно бы было отъ Владикавказа до Тифлиса вымостить червонцами» — и несомнѣнно можно бы устроить лучше, по крайней мѣрѣ бозопаснѣе.

Жена моя, оставшаяся съ внуками въ Тифлисѣ, подверглась опасности другого рода, хотя не менѣе серьезной и неожиданной.

Доктора предписали ей принимать теплыя сѣрныя ванны въ мѣстныхъ Тифлисскихъ баняхъ. Наша квартира находилась почти за городомъ, на Верѣ, а бани совсѣмъ на другомъ, противоположномъ концѣ города, и потому Еленѣ Павловнѣ было очень утомительно каждое утро ѣздить два раза туда и обратно черезъ весь городъ, да еще въ самую жару, и она предпочла нанять себѣ на это время маленькую квартиру возлѣ бань. Квартира нашлась удобная, въ саду, съ чистенькимъ дворомъ, вблизи отъ бань, у подножія горы надъ ботаническимъ садомъ, изъ которой и вытекаютъ сѣрные источники. На вершинахъ горы стоятъ остатки старой грузинской крѣпости, стѣны коей мѣстами хорошо сохранились, съ огромными, объемистыми башнями; самая высокая башня очень живописно возвышалась на скалѣ, заграждающей ботаническій садъ, и служила складомъ для пороха, котораго тамъ было болѣе двухсотъ пудовъ, и потому она охранялась часовымъ. Елена Павловна переселилась на новую квартиру съ внучкой Вѣрочкой,

второй дочерью нашей старшей дочери Е. А. Ганъ—двѣнадцатилѣтней дѣвочкой, и съ прислугой, и жила спокойно, занимаясь своимъ леченіемъ и обычными своими занятіями. 16-го мая поднялась сильная буря съ грозой; жена моя сидѣла съ внучкой у стола, и обѣ читали. Вдругъ раздался страшный трескъ, въ тотъ же мигъ всѣ окна и двѣ стекляныя двери съ шумомъ распахнулись, всѣ стекла съ звономъ вылетѣли изъ рамъ и посыпались по комнатѣ; одинъ большой кусокъ стекла, вмѣстѣ съ рамой, упалъ на голову внучки, ранивъ ее; но она забыла о себѣ, первымъ движеженіемъ бросиласькъ бабушкѣ и, охвативъ ее, старалась закрыть ее собой. Комната наполнилась пылью, дымомъ, удушающимъ запахомъ сѣры; въ садъ, во дворъ, въ комнаты чрезъ окна и двери валились кучи каменьевъ, коими буквально было все сплошь завалено. Со всѣхъ сторонъ раздались крики, вой, стоны, визгъ; минуту спустя сбѣжалась прислуга, хозяева квартиры, всѣ полумертвые, внѣ себя отъ перепуга; люди, проходившіе мимо дома по улицѣ, съ воплями бросились во дворъ, спасаясь отъ гибели, и тоже ворвались въ комнаты Елены Павловны, ища спасенія, израненные, съ перебитыми ногами, головами, окровавленные. У одного грузина со всей ноги была сбита кожа. Поднялась суматоха невообразимая. По счастію, жена моя осталась невредима. Она никогда не теряла присутствія духа, и теперь нисколько не испугалась и не потерялась, одна старалась всѣхъ успокоить, помочь, чѣмъ могла, и водворить по возможности порядокъ. Причина скоро объяснилась. Молнія ударила въ башню съ порохомъ, надъ ботаническимъ садомъ, и взорвала ее. Мгновенно огромные камни разбросало во всѣ стороны и даже на далекое разстояніе; въ городѣ многіе пострадали отъ нихъ. Возлѣ квартиры жены моей пять человѣкъ убито на мѣстѣ, шестнадцать ушибленныхъ замертво, но съ признаками жизни, подобрано для доставленія въ госпиталь; шестеро изъ нихъ умерло, не доѣхавъ до госпиталя. А сколько еще погибло въ другихъ частяхъ города! Улицы у подножія горы были покрыты большими камнями, и даже болѣе чѣмъ за версту, за Курой, на авлабарскомъ кладбищѣ, нашлись отброшенные камни, изъ коихъ одинъ въ шесть пудовъ вѣсу. По этому можно судить о силѣ взрыва. Всѣ стекла и частію домá въ окружности крѣпости перебиты. Невдалекѣ отъ взорванной башни былъ другой складъ пороху въ десять тысячъ пудовъ; еслибъ ту-

да добралась молнія, то несдобровать бы и всему городу Тифлису.

Извѣстія эти меня нѣсколько разстроили, и я рѣшился сократить свои разъѣзды, чтобы поскорѣе возвратиться въ Тифлисъ. Изъ Нухи я выѣхалъ по дорогѣ чрезъ Ширагскую степь въ городъ Сигнахъ, куда и прибылъ на самый Троицынъ день, послѣ двухдневнаго утомительнаго, тряскаго пути, больше на волахъ, и при сквернѣйшей погодѣ, съ грозой и дождемъ. Сигнахъ красиво расположенъ на горѣ, но слишкомъ стѣсненъ. Жители его почти исключительно состоятъ изъ армянъ, промышлявшихъ въ то время главнѣйше ссудами денегъ взаймы туземнымъ сосѣднимъ крестьянамъ, за лихвенные проценты. Изъ 650-ти домовъ города только пятнадцать грузинскихъ. Въ большей части Сигнахскаго уѣзда крестьяне всѣхъ сословій чрезвычайно обременены долгами армянамъ, которые, кромѣ ремесленниковъ изъ класса торгующихъ, составляютъ теперь главные свои обороты сказаннымъ промысломъ. Начался онъ современно новому управленію и палатѣ государственныхъ имуществъ, которыя такъ же, какъ и уѣздные начальники, не обратили никакого вниманія на предотвращеніе этого зла. Въ Сигнахскомъ участкѣ, изъ 23-хъ казенныхъ селеній, въ коихъ три тысячи домовъ, только одно селеніе Тибакъ не обременено долгами, по соучастію въ ихъ положеніи архимандрита монастыря Св. Стефана, Бучкіева, имъ помогающаго; прочія 22 селенія всѣ въ долгахъ, такъ что каждый домохозяинъ долженъ отъ 100 до 200 рублей. Армяне даютъ взаймы деньги, а росписки берутъ на хлѣбъ и вино по крайне дешевой цѣнѣ; напримѣръ, давая десять рублей, армянинъ беретъ росписку на двадцать кодъ хлѣба. Росписка берется на время отъ трехъ, четырехъ мѣсяцевъ и до полугода, и если крестьянинъ не въ состояніи заплатить въ срокъ, то дѣлаютъ отсрочку и перемѣняютъ росписку до новаго урожая, но удваивая при каждой перемѣнѣ сумму долга; такъ что крестьяне, занявшіе года три или четыре тому назадъ десять рублей и давшіе росписку на двадцать кодъ хлѣба, теперь уже должны сорокъ или пятьдесятъ, и по нынѣшней цѣнѣ хлѣба въ Сигнахѣ,— 2 р. 40 к. за коду,—обязаны уплатить армянамъ отъ 100 до 200 рублей, чтò сдѣлать они не имѣютъ никакой возможности, и тѣмъ все болѣе затягивается армянская петля, давящая ихъ. Я старался объ улучшеніи ихъ положенія и сдѣлалъ, чтò могъ, для освобожденія крестьянъ изъ этой кабалы.

Въ трехъ верстахъ отъ Сигнаха, въ живописномъ мѣстоположеніи, на склонѣ горы, находится православный грузинскій *Бодбельскій* монастырь, извѣстный тѣмъ, что въ немъ погребена просвѣтительница Грузіи, Святая Нина. Говорятъ, прежде онъ отличался своимъ благолѣпіемъ и былъ прекрасно устроенъ стараніями жившаго въ немъ пятьдесятъ четыре года грузинскаго митрополита Іоанна, скончавшагося въ 1837 году. Я нашелъ монастырь приходящимъ въ упадокъ; признаки еще недавняго его благоустройства были почти незамѣтны. Мнѣ сказывали, что средства къ поддержанію онаго не истощились, но и что причина оскудѣнія и разстройства монастырскаго заключалась въ плохихъ распоряженіяхъ и недостаткѣ заботливости о томъ духовнаго начальства. Здѣсь же погребенъ и первый въ Грузіи русскій экзархъ, Өеофилактъ, скончавшійся въ этой обители при объѣздѣ епархіи въ 1821 году*). Судя по дѣламъ, энергіи и по отзывамъ самыхъ старыхъ туземцевъ, современниковъ Өеофилакта, заботливѣе и попечительнѣе этого архипастыря не было другого въ Грузіи.

Постоянно продолжавшаяся дурная погода подѣйствовала на мое здоровье, ко мнѣ вновь привязалась лихорадка; сказано Азія, такъ Азія и есть, — въ ней безъ лихорадки никакъ не обойдешься. Это меня заставило рѣшиться прямо повернуть въ Тифлисъ, что я и сдѣлалъ, проѣхавъ чрезъ колонію Маріенфельдъ, гдѣ только осмотрѣлъ іорскую канаву, весьма медленно подвигавшуюся впередъ вслѣдствіе малочисленности рабочихъ, коихъ оставалось не болѣе ста человѣкъ.

Я засталъ жену мою довольно здоровою, но въ большихъ хлопотахъ по случаю перехода на другую квартиру изъ дома Сумбатова, гдѣ мы едва только успѣли обжиться. Причиной этой непріятности было переселеніе въ Тифлисъ бѣжавшаго изъ Персіи принца Бегмена-мирзы, родного дяди шаха Нассръ-Эддина. Помѣщеніе для принца со всѣмъ его гаремомъ, нукерами, конюхами, всею татарскою челядью, обозомъ, множествомъ лошадей и всякаго хлама, требовалось очень пространное; о прiисканіи такого помѣщенія ревностно заботились княгиня Воронцова (князь давно ужъ былъ въ отъѣздѣ), Сафоновъ, вся дипломатическая канцелярія, и не нашли въ городѣ ничего приличнѣе и удобнѣе какъ домъ Сум-

*) До сихъ поръ въ Грузіи упорно держится слухъ, что Өеофилактъ былъ отравленъ

батова. Дѣйствительно, по значительной величинѣ его, большому двору съ садикомъ и, главное, отдѣльному, уединенному нахожденію за городомъ, онъ оказывался довольно подходящимъ къ настоящему случаю. Сначала его хотѣли купить, а потомъ передумали и наняли весь сполна, срокомъ на три года. Насъ попросили очистить квартиру (хотя срокъ найма еще не кончился); хозяева наши, Сумбатовы, тоже выбрались, и домъ со всѣми принадлежностями предоставленъ въ распоряженіе персидскаго шахзаде.

По счастію, для насъ скоро нашлась хорошая и гораздо удобнѣйшая квартира въ центрѣ города, на Комендантской улицѣ, противъ Головинскаго проспекта, въ домѣ князя Чавчавадзе, куда уже и были перевезены наши вещи, гдѣ мы живемъ и до сихъ поръ. Домъ этотъ съ давнихъ поръ принадлежалъ князю Александру Чавчавадзе, бывшему моему товарищу по Совѣту, убившемуся за годъ передъ тѣмъ при паденіи съ дрожекъ, а послѣ него перешелъ къ сыну его князю Давиду, которымъ, въ самое время нашего найма, проданъ его куму, Тифлисскому гражданину Шахмурадову. Для избѣжанія возни, всегда сопряженной съ подобными перевозками, я остановился у моей жены, на ея квартиркѣ возлѣ бань. Дня два спустя, къ намъ явился въ гости бывшій нашъ хозяинъ, Сумбатовъ, въ самомъ разстроенномъ видѣ, и долго разсказывалъ намъ о постигшихъ его огорченіяхъ и горькомъ разочарованіи насчетъ спекуляціи съ домомъ. Разумѣется, онъ разсчитывалъ на большіе барыши, на выгодную аферу, но уже теперь, при самомъ началѣ, появились разные прискорбные сюрпризы и непріятныя недоразумѣнія. Вышли какіе-то неожиданные недочеты, недоумѣнія по разсчетамъ выплаты слѣдуемыхъ ему денегъ, затѣмъ самые дикіе распорядки въ его домѣ. Справедливость требуетъ сказать, что Сумбатовъ, какъ домохозяинъ, замѣтно отличался отъ всѣхъ тогдашнихъ Тифлисскихъ домовладѣльцевъ тщательными заботами о своемъ домѣ: строго наблюдалъ за чистотой, порядкомъ, хорошимъ содержаніемъ двора, построекъ, устройствомъ сада, и все это находилось у него въ безукоризненномъ видѣ. Теперь же, чрезъ нѣсколько дней по водвореніи въ его домѣ персидскаго владычества, онъ вздумалъ было заглянуть въ свой дворъ, и обомлѣлъ отъ ужаса: домъ снаружи (а тѣмъ болѣе, надо полагать, внутри) совершенно изгаженъ, садъ уничтоженъ, водопроводы испорчены, на дворѣ и въ саду стоятъ до 150-ти лошадей и ишаковъ (ословъ),

и весь дворъ покрытъ по колѣно навозомъ. Сумбатовъ попытался заявить протестъ, но персіане, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, безцеремонно выпроводили его за ворота, и съ тѣхъ поръ и близко къ дому не подпускаютъ. Съ улицы входъ задѣланъ, одни ворота забиты на-глухо, при другихъ стоитъ караулъ. Садовника, оставленнаго для присмотра за садомъ, новые хозяева до полусмерти прибили и выбросили на улицу. Сумбатовъ былъ въ отчаяніи. Можетъ быть, избытокъ волненій подѣйствовалъ и на его здоровье: онъ въ то же лѣто умеръ, помнится, отъ воспаленія мозга.

Принца принимали съ большимъ почетомъ. Княгиня Елизавета Ксаверьевна давала для него парадный обѣдъ и въ саду блестящій вечеръ съ великолѣпной иллюминаціей. Принцъ собирался осенью ѣхать въ Петербургъ благодарить Государя за то, что онъ взялъ его подъ свое покровительство и спасъ отъ ослѣпленія, угрожавшаго ему въ Тегеранѣ. Полагали, что ему едва ли позволятъ вернуться обратно въ Закавказье, по близости онаго отъ персидской границы, а по всей вѣроятности назначатъ его мѣстопребываніемъ Петербургъ или какой-либо городъ въ Россіи. Но поѣздка его не состоялась, и онъ остался въ Тифлисѣ. Да и никакой опасности отъ его возвращенія въ Персію произойти не могло. Нѣсколько лѣтъ послѣ его выѣзда изъ Персіи онъ, говорятъ, просилъ позволенія у шаха возвратиться въ отечество, и будто бы шахъ, узнавъ объ этомъ, подошелъ къ его портрету, висѣвшему на стѣнѣ одной изъ залъ (не смотря на изгнаніе оригинала), взялъ ножъ, выкололъ у портрета глаза и, обратившись къ посреднику, передавшему просьбу принца, объявилъ: «скажи Бегменъ-мирзѣ, если онъ хочетъ вотъ этого, что́ я сдѣлалъ съ его портретомъ, то пусть возвращается». Приманка была конечно не заманчива, и принцъ въ Персію не поѣхалъ. Поживъ недолго въ Тифлисѣ, онъ отправился на постоянное жительство въ Шушу, чтобы быть поближе къ родинѣ, какъ онъ говорилъ. А слухи ходили, что онъ иногда черезчуръ увлекался своимъ деспотическимъ, восточнымъ нравомъ и позволялъ себѣ такія самоуправства съ своими персіанами, какъ будто онъ жилъ не въ Сумбатовскомъ домѣ въ городѣ Тифлисѣ, а въ какой-нибудь сардарской резиденціи Шираза или Мешхеда, въ самой глубинѣ Ирана,—и, помимо обыденныхъ легкихъ бастонадъ палками по пятамъ, будто бы даже

шахзаде, однажды, разгнѣвавшись на одного изъ своихъ служителей, распорядился его повѣсить посреди двора, что̀ и послужило поводомъ къ переселенію его въ Шушу, съ предварительнымъ приличнымъ этому случаю внушеніемъ. Насколько это справедливо, я не знаю. Также шла молва о несмѣтныхъ богатствахъ, вывезенныхъ имъ изъ Персіи, о безчисленномъ множествѣ драгоцѣнностей всякаго рода, о золотѣ въ слиткахъ, изъ которыхъ, по утвержденію той же молвы, было двѣсти слитковъ чистаго золота въ формѣ и величинѣ крупныхъ дынь. Говорили также о его чрезмѣрной скупости. Вѣроятно все это не обошлось безъ преувеличенія. Впрочемъ, послѣднія два показанія, т. е. о его богатствѣ и скупости, подтвердилъ мнѣ и князь Дмитрій Ивановичъ Долгорукій, близкій родственникъ моей жены, бывшій въ то время нашимъ посланникомъ въ Персіи и выручившій принца изъ бѣды. Онъ разсказывалъ, что шахъ, разсердившись на Бегмена-мирзу за безпорядки, недочеты въ податяхъ, своеволіе, неповиновеніе, лихвенные поборы и другія злоупотребленія въ управляемой имъ провинціи, вызвалъ его на расправу къ себѣ въ Тегеранъ. Принцъ медлилъ прибытіемъ, и шахъ принялъ энергичныя понудительныя къ тому мѣры. Препровождаемый подъ сильнымъ вооруженнымъ конвоемъ и въѣхавъ уже въ Тегеранъ, верхомъ, проѣзжая по улицѣ мимо дома, занимаемаго русскимъ посольствомъ, принцъ мгновенно шмыгнулъ въ ворота, влетѣлъ въ домъ, бросился къ посланнику и объявилъ, что отдаетъ себя подъ защиту русскаго царя. Конвой, сопровождавшій его, остановился, пораженный внезапностію этой продѣлки, но не рѣшился ворваться въ домъ посольства. Ворота, по распоряженію посланника, сейчасъ же было велѣно закрыть и запереть. Долгорукій не считалъ себя вправѣ отказать принцу и оставилъ его у себя, хотя и рисковалъ подвергнуться участи Грибоѣдова. Времена конечно уже были не тѣ, русское вліяніе держалось въ Персіи твердо, представитель Россіи считался великой силой и пользовался огромнымъ авторитетомъ; но дѣло такого рода могло окончиться и плохо, несмотря ни на какіе политическіе авантажи. Шахъ крѣпко прогнѣвался, требовалъ выдачи принца, Долгорукій старался его уговорить, смягчить, а тѣмъ временемъ сообщилъ въ Петербургъ, и получилъ разрѣшеніе переслать принца въ Тифлисъ, что̀ и сдѣлалъ тайкомъ, съ большими затрудненіями, но съ полнымъ, окончательнымъ успѣхомъ. Все это

время, довольно долго длившееся, Бегменъ-мирза жилъ въ домѣ русскаго посольства, и вовсе не безопасно для посланника. Въ Тифлисѣ тогда даже разнесся слухъ, будто Долгорукаго персіане убили. Выпроводивъ принца, Долгорукому удалось упросить шаха позволить выслать ему на русскую границу все его имущество, гаремъ, прислугу, весь домъ его, что́ и приведено въ исполненіе. Бегменъ-мирза всѣмъ этимъ былъ обязанъ нашему посланнику, князю Дмитрію Ивановичу Долгорукому, и оказался человѣкомъ благодарнымъ. Водворившись въ Тифлисѣ, въ полномъ спокойствіи и безопасности, онъ прислалъ князю Долгорукому, въ знакъ своей признательности, двѣ золотыя шишечки отъ своего стараго тахтаравана (родъ портшеза), величиною съ небольшія пуговицы, цѣною рублей въ двадцать. Князь Дмитрій Ивановичъ смѣясь намъ ихъ показывалъ.

По переселеніи Бегмена-мирзы въ Шушу, гдѣ онъ пребываетъ понынѣ, пріѣзжающіе оттуда передаютъ о немъ много разныхъ курьезовъ, можетъ быть и не безъ прибавленій, въ особенности о его скупости. Одна изъ разсказываемыхъ продѣлокъ довольно любопытна по своей оригинальности. Принцу иногда нужно нанимать работницъ для черной работы при домѣ, но жаль тратить деньги на ихъ наемъ, и онъ придумалъ очень экономическій и даже остроумный способъ для устраненія этого расхода безъ всякаго для себя лишенія, то-есть, чтобы имѣть сколько понадобится работницъ и вовсе не платить имъ денегъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что когда оказывается надобность въ новой прислужницѣ, принцъ велитъ привести къ себѣ для найма дѣвушку или вдову изъ татарокъ и, вмѣсто уговора о работѣ и платѣ денегъ, предлагаетъ ей жениться на ней и поступить къ нему въ гаремъ. Татарка съ готовностію соглашается на такую честь; сейчасъ же является мулла, читаетъ положенныя молитвы, и новобрачная принцесса безъ промедленія отсылается къ назначенной ей работѣ, на кухню, въ огородъ, въ курятникъ. Такимъ образомъ, по увѣренію Шушинцевъ, всѣ прачки, поломойки, судомойки, стряпухи Бегмена-мирзы суть его собственныя жены и работаютъ у него безплатно, что́ составляетъ для него очевидно выгодный разсчетъ и ихъ общее удовольствіе.

Я оставался въ Тифлисѣ около двухъ недѣль, до окончанія курса ваннъ Елены Павловны, и воспользовался этимъ временемъ,

чтобы тоже полечиться отъ навязавшейся ко мнѣ въ разъѣздахъ по Кахетіи лихорадки. Какъ только она унялась, мы съ женой и маленькими внуками переѣхали на лѣтнее пребываніе въ колонію Елисабетталь, гдѣ хотя климатъ и жаркій, но все же, какъ въ деревнѣ, прохладнѣе, и воздухъ чище нежели въ городѣ, а ночи достаточно свѣжія для того, чтобы можно было спокойно спать, тогда какъ въ Тифлисѣ ночная духота еще нестерпимѣе дневного жара. Къ тому же недальнее разстояніе колоніи отъ Тифлиса представляло мнѣ то удобство, что я могъ заниматься текущими служебными дѣлами и безъ затрудненія, по мѣрѣ надобности, сообщаться съ городомъ.

При постоянныхъ занятіяхъ дѣлами, чтеніи, прогулкахъ и почти ежедневномъ посѣщеніи знакомыхъ, пріѣзжавшихъ къ намъ изъ Тифлиса, мы провели довольно пріятно лѣто въ Елисабетталѣ, хотя временами не безъ страданій отъ жаровъ и несносныхъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ мѣстоположеніе этой колоніи, лежащей всего только на нѣсколько сотенъ футовъ выше Тифлиса, далеко насъ не избавило, но только ихъ облегчило и умѣрило.

Въ продолженіе моего двадцатилѣтняго пребыванія за Кавказомъ, я убѣдился собственнымъ опытомъ въ невозможности для меня переносить лѣтніе жары въ Тифлисѣ, дѣйствовавшіе на меня слишкомъ мучительно и вредно для моего здоровья. Такъ же они дѣйствовали на мою жену и все мое семейство, да и на всякаго, и всякій, кто можетъ, старается отъ нихъ избавиться, даже коренные туземцы. А потому каждогодно, около трехъ мѣсяцевъ лѣтняго періода, я проводилъ съ семействомъ въ близлежащихъ поселеніяхъ, основанныхъ на возвышенныхъ мѣстахъ, болѣе или менѣе недоступныхъ для чрезмѣрнаго знойнаго гнета, и успѣлъ вполнѣ познакомиться со всѣми этими убѣжищами, составляющими какъ бы спасительные оазисы для жаждущихъ прохлады. Опытъ удостовѣрилъ меня, что въ настоящее время, когда устройство лѣтняго пребыванія для чиновниковъ въ Пріютѣ—за тридцать верстъ отъ Тифлиса —не состоялось, то самое лучшее и удобнѣйшее изъ всѣхъ находится на половинѣ пути, въ Коджорахъ: по близости къ Тифлису, и потому, что оно расположено на горахъ болѣе возвышенныхъ, сравнительно съ прочими мѣстами въ недальнемъ разстояніи; отъ Тифлиса. Воздухъ тамъ очень чистый благорастворенный, и наконецъ Коджоры обстроены прекрасными квартирами

(хотя нѣсколько дорогими), гораздо лучшими по всему, нежели въ прочихъ поселеніяхъ. Эти квартиры хороши уже тѣмъ, что не стѣснены между собою, разбросаны отдѣльно одна отъ другой на большомъ пространствѣ, и потому почти на каждой изъ нихъ можно наслаждаться совершнной тишиной и покоемъ. Къ тому же при домахъ вездѣ разведены сады, рощицы и цвѣтники.

Жизнь наша въ Елисабетталѣ, не смотря на все однообразіе и спокойствіе нѣмецкой колоніи, не обошлась безъ нѣкоторыхъ треволненій, причиненныхъ случайностями чисто мѣстнаго характера. Началось съ того, что почти не проходило дня, чтобы до насъ не доходили вѣсти о безпрестанныхъ встрѣчахъ и столкновеніяхъ въ окрестностяхъ колоніи, и даже въ ней самой, съ медвѣдями, которые во множествѣ водятся въ сосѣднихъ горахъ и лѣсахъ, привлекаемые лѣтней порой фруктами дикихъ деревьевъ, особенно кизила. Когда же въ колонистскихъ садахъ и огородахъ начинаютъ созрѣвать овощи и плоды, медвѣди то-и-дѣло забираются туда, опустошаютъ гряды, виноградники, деревья и приводятъ въ отчаяніе нѣмцевъ, не знающихъ, какъ отъ нихъ отбиться. Они ихъ выгоняютъ, пугаютъ, въ нихъ стрѣляютъ, но все это мало помогаетъ. Медвѣди по большей части рѣдко бросаются на людей, если ихъ не трогаютъ или не поранятъ, но въ послѣднемъ случаѣ они очень опасны. При насъ, колонисты наткнулись вблизи колоніи на трехъ медвѣдей; у одного колониста было заряженное ружье, онъ выстрѣлилъ въ медвѣдя и ранилъ его; два убѣжали, а раненный кинулся на выстрѣлившаго, захватилъ его въ лапы и началъ ломать. Другіе люди подоспѣли на помощь и убили медвѣдя, но нѣмецъ, побывавшій въ передѣлкѣ съ звѣремъ, сильно пострадалъ; одна рука оказалась вся искусана и ободрана. Еще счастливо отдѣлался, что живъ остался.

Однажды жена моя вышла прогулятся и едва миновала послѣдніе дома колоніи, какъ вслѣдъ за нею быстро пробѣжалъ по дорогѣ большой медвѣдь, тяжело перескакивая чрезъ кустарники, весь запыхавшійся, вѣроятно выгнанный изъ садовъ. Колонистка, проходившая по улицѣ, увидѣвъ это, подняла страшный крикъ; выскочили нѣмцы изъ ближайшихъ дворовъ и, захвативъ вилы, кочерги, лопаты, что́ попало подъ руку, бросились за медвѣдемъ, чтобы спасти Елену Павловну. По счастію, она въ это время всходила на пригорокъ, а медвѣдь пробѣжалъ внизу пригорка, въ двухъ

саженяхъ отъ нея, такъ что она его и не замѣтила, и чрезвычайно удивилась, увидѣвъ толпу сбѣжавшихся къ ней перепуганныхъ колонистовъ. Она съ ними и возвратилась домой, не желая подвергаться вновь такой рискованной встрѣчѣ.

Потомъ появилась для населенія колоніи опасность другого рода, гораздо непріятнѣе и серьезнѣе первой; ибо хотя происходила тоже, можно сказать, отъ звѣрей, но уже въ человѣческомъ образѣ, кои всегда злѣе и жаднѣе настоящихъ дикихъ звѣрей. Между Тифлисомъ и Елисабетталемъ завелась шайка разбойниковъ татаръ, и принялась такъ хозяйничать и разбойничать по дорогѣ и окрестностямъ, что въ продолженіе слишкомъ мѣсяца не было отъ нея ни проѣзда, ни прохода. Нѣмцы боялись выѣзжать, и колонія находилась какъ бы въ блокадѣ. Дѣйствія шайки открылись тѣмъ, что около Коджоръ (по прямой дорогѣ черезъ горы въ восьми верстахъ отъ Елисабетталя) татары убили духанщика и ограбили двухъ армянъ. На другой день утромъ я послалъ верхового колониста съ бумагами и письмами въ городъ, приказавъ ему вернуться въ тотъ же день речеромъ съ пакетами, кое-какими вещами и покупками, которыя мнѣ должны были прислать изъ города. Колонистъ вернулся поздно вечеромъ, но пѣшій и весь окровавленный: въ пяти верстахъ отъ колоніи на него напали десять человѣкъ съ шашками, ружьями, отняли лошадь, сумку съ бумагами, домашніе припасы, мое платье, посланное мнѣ,—все, что онъ везъ,— изранили и уѣхали. Слѣдующій день, еще засвѣтло, подъ вечеръ, мы всей семьей расположились на галерейкѣ нашей квартиры пить чай; видимъ, являются съ улицы и подходятъ ко мнѣ два человѣка, какъ-то странно, безпорядочно одѣтые, блѣдные, съ вытянутыми лицами, и объявляютъ, что пришли просить у меня защиты, что они поѣхали верхомъ изъ Тифлиса прогуляться въ Елисабетталь въ гости къ знакомымъ, здѣсь живущимъ, и въ двухъ верстахъ отсюда, по дорогѣ, вдругъ ихъ окружили разбойники, взяли у нихъ лошадей, обобрали до-чиста, раздѣли до-гола, даже сняли сапоги и носки, прибили, ранили кинжалами въ нѣсколькихъ мѣстахъ; потомъ учтиво раскланялись, пожелали счастливаго окончанія пути и отпустили. Несчастные съ трудомъ плелись босые, нагіе, всѣ въ крови, и, добравшись до колоніи, заняли въ первомъ домѣ кое-что изъ необходимаго платья и обратились ко мнѣ за помощію. Одинъ изъ нихъ былъ живописецъ Байковъ, сынъ

знаменитаго Ильи, кучера Императора Александра I-го, выписанный княземъ Воронцовымъ для снятія видовъ и вообще рисованія картинъ Кавказскаго жанра; онъ болѣе всего жалѣлъ о портфелѣ съ рисунками, отнятомъ разбойниками. Другой пострадавшій, его товарищъ, былъ актеръ Ивановъ. Поднялась суматоха. Я приказалъ нѣмцамъ поскорѣе собраться, вооружиться и ѣхать въ погоню за разбойниками, подъ предводительствомъ Ивана Ивановича Бекмана, капитана полевыхъ инженеровъ, состоявшаго при мнѣ. Бекманъ раздѣлилъ колонистовъ на три партіи, взялъ команду надъ одной изъ нихъ и пустился на розыски. Всю ночь проѣздили, ничего не нашли и въ девятомъ часу утра возвратились обратно безъ всякаго успѣха. Тотчасъ же за ними явились ко мнѣ съ жалобами и стонами два грузина, изъ коихъ одинъ священникъ; на нихъ напали татары возлѣ самой колоніи, одного ранили въ голову, а другому, священнику, отрубили руку по локоть. Такъ повторялось ежедневно. Я написалъ объ этомъ князю В. О. Бебутову, начальнику гражданскаго управленія и губернатору, настаивая, чтобы они приняли мѣры къ скорѣйшему прекращенію такого безобразія. Посылать нѣмцевъ съ бумагами было невозможно, они боялись и носъ высунуть изъ колоніи. Всякое сообщеніе между Елисабеттalемъ и Тифлисомъ прервалось. Я опять собралъ колонистовъ въ порядочномъ числѣ, велѣлъ вооружиться ружьями и, отдавъ ихъ снова подъ предводительство Бекмана, поручилъ ему ѣхать съ этимъ конвоемъ въ Тифлисъ и передать мои письма по назначенію, что и было сдѣлано. Мѣры, разумѣется, приняли, разбои поутихли; но совсѣмъ долго не прекращались, да и до сихъ поръ по временамъ возобновляются и не скоро еще переведутся. Я говорю о ближайшихъ окрестностяхъ Тифлиса, а во всемъ краѣ слишкомъ рано даже помышлять о такомъ преуспѣяніи.

Въ нашемъ старомъ Закавказьѣ на подобныя продѣлки не обращаютъ большого вниманія: дѣло привычное. По общимъ убѣжденіямъ, всѣ разбойничьи шайки, шатавшіяся тогда возлѣ Тифлиса, были крѣпостные крестьяне, татары, князя Мамуки (Макарія Ѳомича) Орбеліана, храбраго, умнаго, очень милаго грузинскаго человѣка, одного изъ фаворитовъ князя Воронцова. Впрочемъ, его разбойничавшіе крестьяне иногда не щадили и своего собственнаго владѣтеля и даже разъ сыграли съ нимъ пренепріятную штуку. Намѣреваясь отправиться въ одну изъ своихъ деревень, съ

большой компаніей гостей, на охоту, князь Мамука, какъ хлѣбосольный хозяинъ, отослалъ впередъ туда нѣсколько подводъ съ разными хозяйственными припасами. На эти подводы напали разбойники, несомнѣнно крѣпостные же люди князя; остановили обозъ, узнали, чей онъ, осмотрѣли все въ немъ заключавшееся, отобрали себѣ бо̀льшую и лучшую часть всѣхъ припасовъ, но однако не всѣ, оставили маленькую частицу и для своего господина. На всѣ протесты и заявленія проводниковъ, ѣхавшихъ съ подводами, знавшихъ въ лицо и по именамъ всѣхъ грабителей, послѣдніе сказали только имъ на прощаніе: «для Мамуки довольно и этого!» И, навьючивъ своихъ лошадей, поѣхали далѣе, нисколько не заботясь о затрудненіяхъ Мамуки съ его гостями.

Въ началѣ сентября семейство мое возвратилось въ Тифлисъ, такъ же какъ и зять съ дочерьми и съ новорожденнымъ въ Пятигорскѣ сыномъ Борисомъ. Я же прямо изъ колоніи отправился въ обыкновенные разъѣзды по русскимъ и нѣмецкимъ поселеніямъ, черезъ колонію Екатериненфельдъ, по Эриванскому тракту. За краснымъ мостомъ началась для меня новая, любопытная и пріятная по живописной мѣстности дорога: горы не слишкомъ большія, путь прилегаетъ къ шумящей рѣчкѣ Акстафѣ, по сторонамъ виднѣются армянскія деревни съ садами и обработанными полями. Около Караванъ-Сарайской станціи начинается въѣздъ въ Дилижанское ущелье, гдѣ уже возвышаются горы, обросшія густымъ лѣсомъ, состоящія частію изъ голыхъ скалъ, мѣстами перпендикулярныхъ, базальтовыхъ и гранитныхъ. За четыре версты не доѣзжая Дилижанской станціи, мостъ чрезъ Акстафу, и тамъ же жительство чиновниковъ путей сообщенія, находящихся при Дилижанѣ. Здѣсь дорога идетъ по возвышенности, а внизу подъ нею расположено селеніе этого же имени, почтовая станція и многія другія строенія.

При Дилижанской станціи дорога раздѣляется на двѣ стороны: одна идетъ на Эривань, а другая къ Александрополю. По центральному мѣстоположенію этого пункта, здѣсь было бы нужно и удобно устроить уѣздный городъ изъ частей трехъ уѣздовъ,—Елисаветпольскаго, Александропольскаго и Эриванскаго, кои слишкомъ обширны,— отдѣливъ отъ каждаго изъ нихъ по отдаленнѣйшему отъ нихъ участку. Думаю, что со временемъ это и сбудется. Въ этомъ же мѣстѣ основалась новая русская колонія изъ молоканъ, вышедшихъ вновь изъ Тамбовской губерніи.

Я направился отселѣ по Александропольскому тракту, гдѣ таковыхъ колоній было основано четыре. Сдѣлавъ распоряженія къ ускоренію ихъ устройства, я возвратился въ новыя поселенія Елисаветпольскаго уѣзда, въ нагорной его части, и проѣхалъ, хотя не безъ труда, по дорогѣ въ то время еще не обработанной, до духоборческой деревни Славянки. Впослѣдствіи на томъ пространствѣ, гдѣ основаны четыре значительныя русскія деревни, была проведена повозочная дорога, довольно хорошая, но которая, кажется, со времени турецкой войны совсѣмъ запущена. Подобныя дороги были проложены во многихъ мѣстахъ съ немаловажными трудами для жителей и съ значительными денежными издержками, въ различныя времена; нѣкоторыя изъ нихъ были устроены очень порядочно. Но дѣло въ томъ, что по окончаніи ихъ устройства онѣ передавались въ завѣдываніе земской полиціи, чтобы она наблюдала за поддержкою ихъ и ежегодною ремонтировкою, а этого-то и не соблюдается, и потому дороги чрезъ нѣсколько лѣтъ совершенно уничтожаются, и положенные на нихъ труды и издержки содѣлываются совершенно безполезными. Много разъ я говорилъ объ этомъ и мѣстнымъ, и главнымъ начальникамъ, но мой голосъ оставался *гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.*

Изъ молоканскихъ деревень нѣкоторыя приняли нѣсколько лучшій видъ сравнительно съ прошлогоднимъ: прибавились новые дома, исправлены улицы, дворы, пристроены палисадники, но деревьевъ посажено мало. Болѣе другихъ поправилась деревня Никитино, гдѣ я пробылъ съ недѣлю. Между дѣломъ, я тамъ разспрашивалъ духовнаго старшину Степана Богданова, вышедшаго изъ Царевскаго уѣзда, пользовавшагося особеннымъ почетомъ у раскольниковъ, о ихъ духовныхъ дѣлахъ. По его отзывамъ, бываютъ у нихъ сильныя распри, большею частію между выходцами изъ Саратовской губерніи и Бессарабіи: первые принимаютъ цѣлованіе и поклоненіе при моленіи, а послѣдніе отвергаютъ это. Постъ бываетъ произвольный, по три дня, и тогда уже ничего не ѣдятъ; пѣніе все изъ псалмовъ, но напѣвы разные, веселые и печальные, смотря по обстоятельствамъ; изступленные случаются, но въ правилахъ секты не полагаются. По его увѣреніямъ, они признаютъ непосредственную божественность христіанскаго откровенія. Онъ не отрицалъ безнравственность нравовъ своей паствы, и полагалъ нужнымъ принятіе строгихъ мѣръ къ укрощенію ея пьянства и распут-

ства. Вообще у молоканъ замѣтно менѣе притворства и лукавства нежели у духоборцевъ.

Молокане мало жаловались на неудовлетворительный урожай, хотя повсемѣстно онъ былъ очень плохъ; но за то крѣпко жаловались на своеволіе кочевыхъ татаръ, при возвращеніи ихъ съ кочевья. Въ этомъ отношеніи однако же молокане все-таки менѣе терпѣли, нежели туземные жители пограничныхъ селеній, которые страдали и отъ неурожая, и еще болѣе отъ грабительства сосѣднихъ татаръ. Многіе искали спасенія въ бѣгствѣ за границу. Числа бѣжавшихъ въ этомъ году армянъ изъ Шурагельскаго участка въ Турцію въ точности не знали, но по словамъ уѣзднаго начальника число ихъ доходило до 250-ти семей. Они бѣжали не столько вслѣдствіе неурожая, какъ по неудовлетворенію ихъ справедливыхъ жалобъ мѣстному начальству на притѣсненія и грабежи татаръ, особенно курдовъ. Земля ихъ осталась пустая. При той недостаточности земель, которая постоянно такъ затрудняла колонизацію переселенцевъ, мнѣ казалось, что не предстояло надобности особенно заботиться о возвращеніи армянъ, ибо мѣсто, ими оставленное, могло быть очень удобно къ водворенію раскольниковъ, изъ коихъ со временемъ можно бы было по границѣ образовать кордонную стражу. Но какъ для прежнихъ обитателей, такъ и для русскихъ поселенцевъ въ этихъ мѣстахъ необходимо было доставить защиту отъ насилій и разбойничества курдовъ, которые для сельскихъ, мирныхъ жителей нестерпимы. Изслѣдованія судебнымъ порядкомъ, по своду законовъ, здѣсь вовсе неудобопримѣнимы.

Не менѣе Курдовъ, но не въ примѣръ постыднѣе, на границѣ безобразничали хищники другого рода,—казаки кордонной стражи, производившіе чрезвычайные безпорядки. Они формально торговали содѣйствіемъ или препятствіемъ къ переходу за границу или изъ-за границы, въ видахъ корысти. Въ этомъ главнѣйше участвовали офицеры и полковые командиры. Они приходили сюда, не имѣя ничего, и здѣсь обогащались, въ чемъ, какъ утверждали хорошо свѣдущіе люди, можно было удостовѣриться справками въ почтовыхъ конторахъ, сколько они пересылали денегъ домой. Побѣгъ армянъ въ 1848-мъ году за границу послѣдовалъ съ ихъ содѣйствія, что̀ и было положительно доказано. А какъ поступили они при выходѣ татаръ изъ-за границы въ этомъ же году! Казаки взяли у нихъ напередъ деньги за пропускъ, и, какъ только

татары стали переходить черезъ Арпачай и дошли до половины рѣки, казаки остановили ихъ и съ угрозами принуждали возвратиться, полагая, что татары, испугавшись, бросятъ свои вьюки имъ въ добычу и уйдутъ. Но когда они требовали настоятельнаго пропуска, то начали въ нихъ стрѣлять, нѣсколько человѣкъ убили и многихъ переранили. Слѣдствіе по этому дѣлу губернаторъ велѣлъ произвести своему чиновнику особыхъ порученій, молодому человѣку, неиспытанному въ дѣлахъ такого рода, непонимавшему ихъ важности, къ тому же подружившемуся съ казачьимъ полковымъ командиромъ и безпрестанно у него бывавшему. При такомъ ходѣ дѣйствій, разумѣется, истина не можетъ открыться. Не можетъ также ничего открыться, если по запискамъ, составляемымъ членами Совѣта о замѣчаемыхъ ими во время разъѣздовъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, будутъ дѣлаться запросы лишь тѣмъ же мѣстнымъ начальникамъ, кои заинтересованы въ покрытіи оныхъ,—какъ это было по многимъ дѣламъ и какъ это часто дѣлается.

Изъ Славянки, осмотрѣвъ духоборческія деревни, я выѣхалъ по такой же скверной дорогѣ какъ во всемъ краѣ и, поломавъ снова экипажъ, пробираясь то въ тарантасѣ, то верхомъ, то пѣшкомъ, въ арбѣ, повозкѣ, возвратился черезъ нѣмецкія колоніи обратно въ Тифлисъ въ половинѣ октября. Засталъ всѣхъ своихъ здоровыми, устроившимися на новой квартирѣ.

Новое наше жилище было богато воспоминаніями прежнихъ лѣтъ. Покойный хозяинъ его, князь Чавчавадзе, жилъ въ немъ открыто и весело, широкою, беззаботною жизнію достаточнаго мѣстнаго помѣщика и русскаго генерала. Двери его дома всегда были отверсты для безконечнаго множества родныхъ, друзей, знакомыхъ, гостей, которые въ немъ веселились, пировали, плясали до́сыта. Въ этомъ же домѣ, кажется, старшая дочь князя, красавица княжна Нина Александровна, вышла замужъ за Грибоѣдова; здѣсь же была свадьба и другой дочери, княжны Екатерины Александровны, съ владѣтелемъ Мингреліи, княземъ Дадіаномъ *). Все что́ пріѣзжало изъ Петербурга порядочнаго и сановитаго, молодого и стараго, составляло принадлежность гостиной князя. Эта гостиная была причудливо обита античными обоями съ изображеніями сценъ изъ мифо-

*) Послѣ вдовства своего, статсъ-дама и кавалерственная дама ордена Св. Екатерины 1-ой ст.

лотіи. Говорили, будто бы эти обои были подарены Императрицей Екатериной отцу князя А. Г. Чавчавадзе, посланному въ Петербургъ царемъ Иркаліемъ въ качествѣ аманата. Гостиная и небольшая комната возлѣ нея украшались единственными тогда въ Тифлисѣ цѣльными зеркальными стеклами въ окнахъ. Въ этой боковой комнатѣ, рядомъ съ гостиной, въ 1842-мъ году пріѣзжавшій въ Тифлисъ бывшій въ то время военнымъ министромъ князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, на вечерахъ у Чавчавадзе, съ юношескимъ увлеченіемъ и искусствомъ ловко отплясывалъ лезгинку съ красивой грузинской дѣвушкой, Мартой Салаговой, впослѣдствіи княгиней Эристовой, славившейся необыкновенной красотою и длиною своихъ волосъ. Пляски эти хотя и происходили на многолюдныхъ вечерахъ, но при замкнутыхъ дверяхъ и въ присутствіи только немногихъ избранныхъ зрителей, необходимыхъ для акомпанимента танца хлопаніемъ въ ладоши. Такая бойкая, шумная жизнь въ этомъ домѣ продолжалась до конца 1846-го года, когда въ одинъ печальный день князь А. Г. Чавчавадзе, принесенный съ улицы въ безчувственномъ состояніи, съ головой разбитой о тротуарную тумбу при паденіи съ дрожекъ, опрокинутыхъ испугавшеюся лошадью, и скончавшійся чрезъ нѣсколько часовъ,— былъ положенъ на столѣ въ своей большой залѣ, гдѣ въ первый разъ всегдашнее веселое оживленіе смѣнилось горестью и слезами. Вскорѣ затѣмъ домъ былъ проданъ, и первыми его жильцами привелось быть мнѣ съ моимъ семействомъ. Однако для насъ въ квартирѣ потребовалось много передѣлокъ и всякихъ перестроекъ. Первую зиму мы жестоко страдали отъ холода по причинѣ негодности печей, и всѣ болѣе или менѣе переболѣли разными простудными недугами: кашли, насморки, горловыя болѣзни не прекращались до весны, и въ комнатахъ мы должны были кутаться почти такъ же, какъ на улицѣ. Въ этомъ отношеніи Грузія похожа на Италію и всѣ теплыя страны, гдѣ, по присвоенному имъ названію южнаго климата, не считаютъ нужнымъ предпринимать никакихъ предосторожностей противъ зимы; вслѣдствіе чего выходитъ, что въ Москвѣ и въ Петербургѣ гораздо меньше зябнутъ, нежели въ Неаполѣ и въ Тифлисѣ. На сѣверѣ принимаютъ мѣры для предохраненія себя отъ холода, а на югѣ, потому только, что онъ называется югомъ, подразумѣвается, что о зимѣ нечего и заботиться. А между тѣмъ, если морозы тамъ и не слишкомъ чрезмѣрны

и продолжительны, то во всякомъ случаѣ они бываютъ очень ощутительны и совершенно достаточны для того, чтобы мучить и истязать человѣка, не огражденнаго отъ нихъ. Въ Неаполѣ грѣются на улицѣ, на солнцѣ; въ Тифлисѣ туземцы грѣются надъ мангалами (тазами съ горящими угольями), а въ домахъ устроены плохенкіе камины, способствующіе только къ простудѣ. Впрочемъ, теперь въ Тифлисѣ уже во многихъ домахъ заведены хорошія русскія печи.

За исключеніемъ небольшой поѣздки на нѣсколько дней въ колонію Маріенфельдъ, я провелъ остатокъ года въ городѣ, продолжая постоянно работать по проэкту о преобразованіи управленія государственныхъ имуществъ, согласно программѣ, данной княземъ Воронцовымъ.

Въ этомъ году, 31-го декабря, день моего рожденія, минуло мнѣ пятьдесятъ восемь лѣтъ. Года начинали брать свое, и нѣкоторыя болѣзненныя явленія, хотя и не въ сильной степени, становились все чаще и чаще. Жена моя тоже по временамъ страдала возвратами своего давняго, хроническаго ревматизма и, кромѣ того, часто подвергалась и другимъ болѣзнямъ отъ простуды и общаго разстроеннаго здоровья. Но я возлагалъ надежду мою на Бога, и эта надежда никогда меня не посрамляла.

Новый, 1849-й, годъ, по обыкновенію встрѣченный на балѣ у Воронцовыхъ, начался для меня непріятнымъ разочарованіемъ. По многимъ причинамъ, довольно серьезнымъ какъ въ служебномъ, такъ и въ семейномъ отношеніи, мнѣ хотѣлось, чтобы зятя моего, Витте, прикомандировали изъ канцеляріи намѣстника для занятій при мнѣ; это было наше обоюдное желаніе. Я сообщилъ о томъ Сафонову, который, переговоривъ съ княземъ, передалъ мнѣ о его согласіи, и дѣло считалось рѣшеннымъ. Однако же, безъ всякаго основательнаго повода, оно въ то время не осуществилось, что̀ меня нѣсколько огорчило. Давно уже мнѣ была пора привыкнуть къ такимъ разочарованіямъ, много я испыталъ ихъ на службѣ и прежде, и послѣ того; но слабости человѣческія часто невольно берутъ верхъ. Замѣтилъ я впрочемъ, по своему житейскому опыту, что часто, вслѣдъ за какой-нибудь семейной или служебной непріятностью, приходитъ событіе пріятное; такъ было и теперь: 5-го февраля пріѣхалъ ко мнѣ въ Тифлисъ давно ожидаемый сынъ мой Ростиславъ, что̀ было для всѣхъ

насъ великою радостію. Пріѣздъ его одушевилъ новымъ оживленіемъ нашъ семейный кругъ, въ коемъ такъ долго и такъ тяжело чувствовалось отсутствіе его. Я не замедлилъ представить сына моего князю Михаилу Семеновичу, который принялъ его очень ласково, привѣтливо. Князь умѣлъ снисходить къ увлеченіямъ и необдуманнымъ дѣйствіямъ молодыхъ людей; зналъ подробно, въ настоящемъ видѣ, всю сущность непріятнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ пустого дѣла, задерживавшаго прибытіе къ намъ моего сына, и по его милостивому ходатайству немедленно изгладились послѣдствія сихъ дѣйствій, преувеличенныхъ несправедливымъ отношеніемъ къ нимъ людей, руководствовавшихся личными побужденіями.

Съ 24-го апрѣля возобновились мои разъѣзды по нѣмецкимъ и русскимъ поселеніямъ. Въ этомъ году мнѣ надлежало объѣхать Гокчинское озеро, пустынные берега котораго изобиловали плодородными мѣстами, удобными для новыхъ поселеній. По сохранившимся признакамъ, окружности озера были нѣкогда оживлены огромнымъ народонаселеніемъ.

Первое изъ новыхъ поселеній основано различными сектантами, молоканами, жидовствующими, старообрядцами, на самомъ берегу озера, и названо *Семеновкою,* по имени князя Семена Михаиловича Воронцова, сына намѣстника. Князь, въ благодарность за это, устроилъ тамъ фонтанъ. Поселенцы скоро достигли здѣсь порядочнаго благосостоянія, особенно посредствомъ рыболовства въ озерѣ, которымъ умѣютъ заниматься лучше и съ большею прибылью, нежели туземцы. Дорога въ объѣздъ озера идетъ у самыхъ береговъ и, противъ обыкновенія, довольно сносная, даже мѣстами для экипажной ѣзды. Снѣжныя горы постоянно находятся въ виду, воздухъ чистый, и хотя мѣстоположеніе большею частію гористое, но почва земли и растительность превосходныя. Нѣсколько мѣстъ были мною предназначены для новыхъ поселеній, на земляхъ совершенно пустопорожнихъ и на пространствѣ около сорока верстъ, между деревней *Еленовкою* и деревней *Коваромъ*, которая вслѣдъ за тѣмъ обращена въ уѣздный городъ, подъ названіемъ *Новый Баязетъ*, въ живописной возвышенной лощинѣ, къ сожалѣнію нѣсколько отдаленной отъ озера.

Я употребилъ на объѣздъ озера, имѣющаго въ окружности болѣе двухсотъ верстъ, четыре дня. Въ деревнѣ Адіаманъ, верстахъ въ двухъ отъ Гокчи, при устьѣ рѣчки того же име-

ни, находятся хорошіе рудники, которыхъ я впрочемъ самъ не видалъ, и здѣсь же меня угощали отличными балыками изъ лаксъ-форели, тамъ же приготовляемыми. Далѣе, по невозможности переправиться черезъ устье рѣчки Мазрачай, при мѣстечкѣ Гиль, мы были вынуждены разстаться на время съ удобной береговой дорогой и пробираться вовсе безъ всякой дороги, хотя красивыми мѣстами, но до того дикими, что проѣздъ по нимъ оказался даже вовсе невозможнымъ; мы шли пѣшкомъ, иногда ѣхали верхомъ, а нѣсколько верстъ меня несли въ креслахъ, которыми уѣздный начальникъ имѣлъ любезность и предусмотрительность для меня запастись. По счастію, эта незавидная переправа продолжалась не долго, и мы на слѣдующій день выбрались на прежній путь, и этотъ путь, сравнительно съ только что испытаннымъ, показался мнѣ великолѣпнымъ. Во время нашего странствія, не смотря на совершенную противоположность мѣстностей, приходилось мнѣ припоминать и мои прежнія, былыя путешествія по калмыцкимъ степямъ Астраханской губерніи, такъ какъ я ночи проводилъ тоже въ татарскихъ кибиткахъ.

На всемъ протяженіи осмотрѣннаго мною пространства, нашлось достаточно свободныхъ мѣстъ для новыхъ поселеній, вслѣдствіе того, что эти земли бо̀льшею частью или вовсе никому не принадлежали, или ими пользовались татары, имѣвшіе уже и безъ того въ избыткѣ отведенный имъ надѣлъ.

Особенно замѣчательна долина *Мазрачайская*, превосходная по мѣстоположенію, доброкачественности земли и изобилію водъ. Въ ней приблизительно находится по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ десятинъ плодородной, прекраснѣйшей земли, а ею пользуются всего двадцать одна деревня, въ 568 дымовъ армянъ и татаръ. По занятіе этой земли, въ виду предстоящихъ поселеній, было отложено до генеральнаго обмежеванія земель въ Закавказьи; и главнѣйше потому, что въ то время не предвидѣлось еще прибытія въ большомъ количествѣ новыхъ русскихъ переселенцевъ. Все это пространство не имѣетъ лѣсной растительности, за исключеніемъ можжевеловаго кустарника, который здѣсь растетъ большими деревьями, сажени въ двѣ и болѣе вышины.

Эта прекрасная Мазрачайская долина остается и теперь (1867-й годъ) въ томъ же положеніи, какъ была въ 1849 году. Генеральное межеваніе земель за Кавказомъ едва ли кончится и чрезъ

пятьдесятъ лѣтъ, а тѣмъ временемъ татары конечно найдутъ средства занять эти земли своими безполезными аулами. Кажется, что хоть нѣсколько значительныхъ участковъ изъ пустопорожнихъ земель можно было бы обмежевать преимущественно предъ другими, именно съ цѣлью неизмѣннаго предположенія о заселеніи ихъ русскими или другими переселенцами, кои были уже осѣдлыми на прежнихъ мѣстахъ жительства. Мѣра весьма желательная, но, къ сожалѣнію, не всегда дѣлается то, что́ желательно для истинной пользы.

Князь Воронцовъ имѣлъ намѣреніе учредить на Гокчинскомъ озерѣ небольшое пароходство. По этому поводу производились изысканія средствъ и удобствъ къ приведенію въ исполненіе благой мысли, но они остались безъ послѣдствій. Нѣтъ сомнѣнія, что это предпріятіе вполнѣ осуществимо, но дѣло въ томъ, что по устройствѣ пароходовъ имъ надо дать какую-нибудь производительную дѣятельность, а для этого необходимо оживленіе береговой мѣстности по обѣимъ сторонамъ озера населеніемъ не только трудолюбивымъ, но и промышленнымъ. Объ этомъ слѣдовало бы позаботиться прежде всего, ибо иначе пароходы будутъ совершенно безполезны; некого и нечего было бы перевозить. Совсѣмъ другое бы послѣдовало, еслибъ, напримѣръ, Мазрачайская долина была населена предпріимчивыми и смышлеными жителями: они могли бы болѣе усилить и увеличить доставленіе въ Тифлисъ жизненныхъ потребностей, и тѣмъ самымъ удешевить цѣнность ихъ въ этомъ дорогомъ городѣ.

Такимъ образомъ, подвигаясь по берегу озера, я достигъ до того пункта, гдѣ, по причинѣ природныхъ преграждeній, крутыхъ и высокихъ скалъ, прилегающихъ къ самому озеру, не представляется уже удобствъ для новыхъ поселеній. Я повернулъ въ Елисаветпольскій уѣздъ, къ находящейся въ десяти верстахъ отъ Гокчи молоканской новой деревнѣ Михайловкѣ, которую нашелъ довольно устроенной и обстроенной, откуда направился чрезъ Торчайское ущелье по новой дорогѣ, сперва на Дилижанскій трактъ, а потомъ, чрезъ селеніе Караклисъ, Шогалинскій лѣсъ (гдѣ нѣкогда была проведена повозочная дорога, впослѣдствіи запущенная до невозможности) и переваломъ чрезъ гору Безабдалъ, до военныхъ поселеній Гергеры и Джелалъ-оглу, названный русскими *Каменкой*.

Осмотрѣвъ урочище Гергеры, я нашелъ ихъ по красивому мѣстоположенію, умѣренному климату и другимъ условіямъ довольно подходящимъ убѣжищемъ для спасенія отъ Тифлисскихъ жаровъ, и потому рѣшился принять любезное предложеніе тамошняго батарейнаго командира, подполковника Воропаева, провести въ Гергерахъ лѣто съ моей семьей. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я проѣхалъ чрезъ молоканскія, татарскія и нѣмецкія поселенія обратно въ Тифлисъ, куда прибылъ 4-го іюня. По температурѣ, тогда преобладавшей въ Тифлисѣ, онъ уже обратился въ раскаленную духовую печь, что̀ съ первыхъ же дней подѣйствовало вредно на мое здоровье, не переносившее чрезмѣрнаго жара, и потому мы, не теряя времени, начали готовиться къ лѣтнему переселенію въ Гергеры. На этотъ разъ мы не могли отправиться одновременно всѣ вмѣстѣ, по причинѣ болѣзни дочери моей, Екатерины, увеличившей нашу семью рожденьемъ третяго внука, Сергѣя *). Жена моя съ зятемъ остались при дочери до возстановленія ея здоровья, а я, тотчасъ послѣ крещенія новорожденнаго внука, взявъ и его съ собою, со всей остальной семьей поспѣшилъ выбраться изъ Тифлиса. Въ этотъ же день разразилась сильная гроза съ продолжительнымъ проливнымъ дождемъ, надѣлавшимъ намъ въ пути много затрудненій и непріятностей; главнѣйшее изъ нихъ было разлитіе рѣчки Алгетки, чрезъ которую переѣздъ оказался очень опаснымъ, и мы почти сутки дожны были дожидаться у моря погоды на грязной станціи Коды. Затѣмъ, непролазная грязь, испорченныя, и безъ того скверныя каменистыя дороги увеличивали еще болѣе трудность нашего странствія, и, не смотря на то, что мы еле тащились шагомъ, экипажи наши ломались, фургоны, въ которыхъ ѣхали наши люди, опрокидывались, и мы безпрестанно подвергались весьма серьезнымъ опасностямъ. Наконецъ, на четвертый день къ вечеру, уставшіе, измученные, мы кое-какъ доплелись до Гергеръ, гдѣ насъ встрѣтилъ Воропаевъ и препроводилъ въ чистый, помѣстительный домъ, назначенный для нашего жительства. Тамъ мы нашли уже ожидавшій насъ самоваръ со всякими съѣдобными принадлежностями къ чаю, и послѣдовавшій затѣмъ сытный ужинъ, которыми остались особенно довольны мои утомленные дѣти и внуки.

*) Въ настоящее время (1897-й годъ), министръ финансовъ Сергѣй Юльевичъ Витте.

Дурная погода съ грозами и дождями продолжалась и здѣсь, но уже мы считали за благополучіе для себя, что отдѣлались отъ безобразной дороги. Въ Гергерахъ вообще климатъ бурный, сырой, почва болотистая, что́ хотя не представляетъ удовольствія для лѣтней, дачной жизни, но все же предпочтительнѣе гнетущаго, удушливаго зноя. Чрезъ три недѣли къ намъ присоединились и остальные члены нашего семейства—жена съ дочерью и зятемъ, воспользовавшіеся первою возможностію вырваться изъ Тифлисскаго пекла.

Лѣто въ Гергерахъ прошло для насъ пріятно и разнообразно. Утро я проводилъ, какъ всегда, въ занятіяхъ дѣлами; послѣ обѣда устраивались ежедневно, за исключеніемъ дурной погоды, большія прогулки пѣшкомъ, на линейкахъ и верхомъ по окрестностямъ, большею частью въ живописное Безобдальское ущелье. Для меня достали отличную, спокойную лошадку изъ породы имеретинскихъ иноходцевъ, такъ называемыхъ *бача*, и я часто ѣздилъ верхомъ, что́ было полезно для моего здоровья. Ко мнѣ постоянно пріѣзжали изъ разныхъ мѣстъ чиновники по дѣламъ, также хорошіе знакомые, гостившіе у насъ по нѣскольку дней; приходили мѣстные артиллерійскіе офицеры и Воропаевъ съ женой, приглашавшіе и насъ безпрестанно къ себѣ,—такъ что въ обществѣ у насъ недостатка не было. По вечерамъ составлялись партіи въ бостонъ и въ преферансъ. Сынъ мой съ зятемъ ѣздили нѣсколько разъ на охоту въ Борчалинское кочевье, гдѣ познакомились съ извѣстнымъ въ то время въ краѣ агаларомъ Тоштамуромъ, который устраивалъ для нихъ эти охотничьи забавы. Ихъ всегда сопровождалъ проживавшій тогда у насъ ученый Александропольскій мирза Абдалъ Таймуразъ-оглы, котораго мой сынъ взялъ къ себѣ, чтобы учиться татарскому языку.

Главнымъ образомъ мы были обязаны пріятностью нашей жизни въ Гергерахъ сердечному радушію и гостепріимству Воропаевыхъ, которые усердно заботились о доставленіи намъ всѣхъ зависѣвшихъ отъ нихъ развлеченій и удовольствій. Они оба были прекрасные люди. Иванъ Васильевичъ Воропаевъ, заслуженный, отличавшійся въ битвахъ съ горцами офицеръ, Георгіевскій кавалеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнѣйшій человѣкъ, имѣлъ одну непобѣдимую, фатальную слабость: неустрашимый со всякими врагами и супостатами, онъ страшно боялся мышей. При одномъ словѣ: мышь—онъ мѣнялся въ лицѣ и начиналъ лихорадочно дро-

жать, а при видѣ ея положительно падалъ въ обморокъ. Этотъ панической страхъ мышей доводилъ его иногда до самыхъ эксцентрическихъ выходокъ, чрезвычайно поражавшихъ своей неожиданной странностію. Впослѣдствіи онъ былъ переведенъ батарейнымъ командиромъ въ Гори, и на первыхъ же порахъ продѣлалъ такой казусъ, который долго оставался памятенъ Горійскимъ жителямъ. По пріѣздѣ его къ новому мѣсту назначенія, всѣ офицеры его батареи собрались представляться въ первый разъ своему начальнику. Воропаевъ бодро вошелъ въ пріемную, сталъ передъ офицерами, и вдругъ поблѣднѣлъ какъ полотно, весь затрясся, выхватилъ изъ ноженъ шашку, вскочилъ на стулъ, потомъ на столъ и, закрывъ одной рукою глаза, другою сталъ отчаянно махать шашкой во всѣ стороны. Предстоявшіе офицеры, до крайности ошеломленные такимъ необыкновеннымъ явленіемъ, разумѣется, не могли себѣ его объяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ припадка внезапнаго умопомѣшательства новаго командира. Сцена продолжалась довольно долго, Воропаевъ совершалъ весь этотъ маневръ въ полномъ безмолвіи, по той причинѣ, что у него отъ избытка ужаса пропалъ голосъ. Наконецъ все разъяснилось тѣмъ, что Воропаеву послышалось, будто въ углу комнаты скребется мышь.

Жена его, Александра Николаевна, чрезвычайно симпатичная женщина какъ наружностію, такъ и душою, до замужества своего слыла самой красивой дѣвушкой въ Тифлисѣ, и хотя была дочерью неважнаго провіантскаго чиновника Мезенова, но во время управленія краемъ генерала Головина генеральша Головина особенно дорожила присутствіемъ на всѣхъ своихъ балахъ дѣвицы Мезеновой, какъ украшеніемъ своего общества. Когда мы познакомились съ Воропаевыми, ихъ довольно большая семья состояла кромѣ ихъ двоихъ съ двумя малолѣтними дѣтьми, изъ ея отца, матери и трехъ братьевъ. Въ самое короткое время всѣ они вымерли, за исключеніемъ старушки матери и дѣтей. Точно что-то роковое преслѣдовало это семейство. Первымъ умеръ отецъ, старикъ Мезеновъ; вскорѣ потомъ умеръ въ Гори Иванъ Васильевичъ Воропаевъ, отъ горячки, оставивъ семью почти безъ всякихъ средствъ. За нимъ послѣдовалъ отъ чахотки старшій изъ братьевъ Воропаевой, молодой человѣкъ, только что окончившій курсъ Московскаго университета, служившій въ канцеляріи намѣстника, надежда и опора матери и сестры. Потомъ скончалась отъ чахотки же Але-

ксандра Николаевна Воропаева, едва перешедшая за тридцатилѣтній возрастъ; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ второй ея братъ, офицеръ, отъ тифа. Третій братъ, по выходѣ изъ корпуса, служилъ офицеромъ въ Симбирскѣ. Не прошло года послѣ послѣдней смерти, какъ всѣ газеты наполнились описаніями страшныхъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ въ Симбирскѣ, истребившихъ бо̀льшую часть города. Народъ волновался, подозрѣвая поджоги, и доискивался поджигателей. Въ числѣ различныхъ эпизодовъ бѣдствія, газеты передавали и такой случай: горѣла одна изъ улицъ, собравшіяся толпы мрачно смотрѣли на гибель своего города. Тутъ же стояли два офицера, разговаривая между собою; одинъ изъ нихъ засмѣялся. Изъ толпы раздался крикъ: «Смотрите! Мы погибаемъ, а они смѣются! Это и есть наши злодѣи-поджигальщики. Въ огонь ихъ!»—Толпа бросилась къ офицерамъ, одинъ изъ нихъ успѣлъ вырваться и убѣжать,—именно тотъ, который смѣялся; онъ оказался полякомъ; другого схватили и кинули живьемъ въ самое жерло пылавшаго пламени. Сгорѣвшій офицеръ былъ прапорщикъ Мезеновъ, послѣдній сынъ старушки матери, пережившей всю свою семью.

Изъ числа лицъ, навѣщавшихъ насъ въ это лѣто, самымъ замѣчательнымъ былъ упомянутый выше агаларъ Тоштамуръ, зажиточный Александропольскій татаринъ, прапорщикъ милиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитый разбойникъ. Можетъ быть, онъ самъ лично и не разбойничалъ, но во всякомъ случаѣ, по репутаціи, за нимъ незыблемо установившейся, считался весьма вліятельнымъ лицомъ въ разбойничьей сферѣ, что̀ однако нисколько не стѣсняло его свободы и не мѣшало его хорошимъ отношеніямъ съ властями. Вѣроятно прямыхъ уликъ не открывалось, а дѣло мастера боялось. Познакомившись съ моимъ сыномъ и зятемъ на охотѣ въ Борчалѣ, онъ прибылъ сюда съ цѣлымъ своимъ кочевьемъ, водворившимся неподалеку отъ Гергеръ, въ красивой долинѣ, съ цѣлью отдать имъ визитъ. Къ тому же онъ былъ большимъ пріятелемъ съ нашимъ мирзой Абдаллой, честнымъ и строгимъ мусульманиномъ. Ага Тоштамуръ устроилъ для насъ увеселительное празднество въ кочевьѣ, очень занимательное и забавное, особенно для моихъ внуковъ, но окончившееся для насъ весьма неблагополучно, вслѣдствіе несчастнаго случая съ моимъ сыномъ. Мы отправились туда съ утра всей семьей, съ Воропаевыми, батарейными офицерами, большой компаніей, и провели тамъ цѣлый день до поздняго вечера.

Тоштамуръ хотѣлъ отличиться и задать пиръ на славу: навезъ съ собою или выписалъ всякихъ мѣстныхъ татарскихъ музыкантовъ, скоморохов, канатныхъ плясуновъ, фокусниковъ, акробатовъ, которые цѣлый день представляли передъ нами всяческіе фарсы и штуки, подъ аккомпаниментъ неумолкавшей зурны, бубновъ и дикаго для непривычныхъ ушей азіатскаго пѣнія. Обѣдали въ кибиткахъ на разостланныхъ коврахъ. Угощеніе, конечно, туземное, преизобиловало бараниной во всевозможныхъ видахъ, а также сластями и конфектами, по обычаю восточныхъ кондитерскихъ, на бараньемъ жирѣ. День прошелъ для насъ шумно и оригинально. На возвратномъ пути, уже въ поздніе сумерки, мы ѣхали на линейкахъ, а часть публики верхомъ, въ томъ числѣ и сынъ мой Ростиславъ. Лошадь его, испугавшись чего-то, понесла; дорога шла косогоромъ по склону горы, скопанной по окраинѣ прилегающей къ дорогѣ; стараясь остановить лошадь, сынъ мой круто повернулъ ее въ гору, рыхлая земля осунулась подъ ея ногами, и лошадь со всего размаха повалилась на землю бокомъ. Сѣдло было азіатское, съ широкими мѣдными стременами; при паденіи, лѣвая нога Ростислава проскользнула внутрь стремени и, придавленная всею тяжестью лошади, была ужасно изранена острымъ краемъ стремени, глубоко вонзившимся въ тѣло и содравшимъ кожу, болѣе чѣмъ на четверть, ниже колѣна. Съ большимъ усиліемъ онъ выдернулъ ногу изъ-подъ лошади, пытался встать, но не могъ, и трава около него мгновенно обагрилась кровью, ручьемъ текшею изъ раны. Все это произошло на нашихъ глазахъ. Можно себѣ представить, какъ мы были перепуганы и каково намъ было смотрѣть на это.

Спутники сына моего, подоспѣвъ къ нему, подняли его, кое-какъ перевязали рану и, усадивъ съ нами на линейку, привезли домой. Докторъ нашелъ рану очень опасной, а чрезъ нѣсколько дней объявилъ о необходимости отнять ногу изъ опасенія антонова огня; но сынъ мой, по счастію, не согласился на операцію, предпочитая лучше умереть, нежели лишиться ноги. Не довѣряя медицинскому искусству доктора, онъ рѣшительно устранилъ его отъ себя и началъ лечиться у фельдшера, казавшагося ему благонадежнѣе. Къ великой нашей радости, эта сильно тревожившая насъ мѣра оказалась вполнѣ удачной, и хотя Ростиславъ пролежалъ въ постели почти шесть недѣль, но, слава Господу, рана совершенно закрылась, нога окрѣпла, и здоровье его возстановилось по прежнему.

Съ этого времени началось мое знакомство съ Тоштамуромъ, продолжающееся до сихъ поръ. Пріѣзжая въ Тифлисъ, онъ всегда является ко мнѣ, такъ же какъ и въ Александрополѣ, когда мнѣ случается заѣзжать туда. Разговоръ его, нелишенный своего рода остроумія и юмора, иногда бываетъ очень забавенъ. Однажды въ Александрополѣ онъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ. Я вообще не большой охотникъ до званыхъ обѣдовъ, а тѣмъ болѣе до татарской кухни; но, не желая обидѣть почтеннаго агалара отказомъ, принялъ его приглашеніе; однако въ трапезѣ его участвовалъ очень ограниченно, изъ опасенія за свой желудокъ. Черезъ нѣсколько времени потомъ, уже въ Тифлисѣ, я узналъ отъ нашего мирзы Абдаллы, что Тоштамуръ тогда для этого обѣда укралъ быка у своего собственнаго Александропольскаго муфтія. А муфтій у мусульманъ-шіитовъ высокое духовное лицо, въ родѣ архіерея. Въ первый затѣмъ свой пріѣздъ въ Тифлисъ, Тоштамуръ пришелъ къ намъ въ гости. Послѣ обѣда, за кофеемъ, разговоръ между прочимъ коснулся религіозныхъ предметовъ, именно насчетъ магометанскаго ученія о страшномъ судѣ. Мирза Абдалла, очень набожный шіитъ, считавшій себя великимъ богословомъ, разсказывалъ, что на страшномъ судѣ будутъ судиться первыми и строже всѣхъ другихъ мусульмане, а затѣмъ уже всѣ прочіе; что тамъ будутъ присутствовать не только всѣ люди, но даже всѣ звѣри, всѣ животныя; что все жившее и дышавшее съ сотворенія міра предстанетъ на судъ предъ лицомъ Аллаха. Кто-то изъ присутствовавшихъ спросилъ Тоштамура, боится ли онъ этого суда.

«Что мнѣ бояться!»—храбро возразилъ онъ,—«вовсе не боюсь. Что я дѣлаю такое, чтобы мнѣ бояться?»

«Что дѣлаешь?»—воскликнулъ въ увлеченіи мирза:—«ты развѣ святой? И святые будутъ бояться, а ты кто такой? Мало ли ты дѣлаешь какихъ дрянныхъ дѣлъ на свѣтѣ».

«А что я дѣлаю? Ну, скажи, что я дѣлаю?»

«Да вотъ хоть, напримѣръ»—продолжалъ, подумавъ, мирза,—«помнишь, какъ ты въ Александрополѣ для обѣда эрнала (генерала) укралъ у нашего муфтія быка?»

Агаларъ немножко сконфузился,—не отъ кражи быка, а ему сдѣлалось неловко, что я теперь узналъ, что онъ меня потчивалъ краденымъ быкомъ. Но онъ сейчасъ же оправился.

«Ну, что жъ, что укралъ? Ну, и укралъ,—что жъ за важность!»

«Да вѣдъ это большой грѣхъ» — важно доказывалъ мирза: «еслибъ у простого человѣка, такъ ничего, а у муфтія нельзя. Муфтій будетъ жаловаться самому Аллаху, скажетъ: я твой слуга, а вотъ Тоштамуръ меня обидѣлъ, укралъ моего быка; накажи его за это».

«А я скажу, что это неправда, что муфтій вретъ».

«Не можешь сказать» — горячился мирза, — «тутъ же будетъ и самъ быкъ! Быкъ скажетъ Аллаху: да! это правда, я быкъ Александропольскаго муфтія, Тоштамуръ меня укралъ и зарѣзалъ для обѣда эрнала».

«И прекрасно!» — обрадовался Тоштамуръ — «я сейчасъ же возьму быка за рога и отдамъ его муфтію; скажу ему: на, вотъ, возьми своего быка, и пожалуйста отстань отъ меня!»

Такой неожиданный результатъ ихъ диспута крайне озадачилъ мирзу и разсмѣшилъ насъ всѣхъ. Тоштамуръ былъ очень доволенъ тѣмъ, что привелъ въ смущеніе своего антагониста и такъ удачно отвязался отъ него; даже, казалось, онъ какъ будто предвкушалъ будущее, уже упроченное торжество своей находчивости на страшномъ судѣ. Въ этотъ же вечеръ, въ разговорѣ, у него спросили, сколько у него женъ. «Три жены» — объявилъ онъ. При этомъ выразили удивленіе, какъ онъ можетъ уживаться съ тремя женами, тогда какъ у насъ, европейцевъ, и съ одною не всегда уживаются, а отъ трехъ женъ обыкновенно приходится вѣшаться, что доказывается даже всѣмъ извѣстною баснею о Троеженцѣ.

«Ничего», — возразилъ Тоштамуръ: — «мнѣ хорошо съ моими тремя женами, потому что когда одна меня бьетъ, двѣ другія всегда заступаются».

Вообще этотъ Борчалинскій герой — прекурьезный татаринъ *).

Въ августѣ мѣсяцѣ я съ зятемъ и частію моего семейства совершилъ маленькое путешествіе въ урочище Дарачичагъ, лѣтнее пребываніе Эриванскихъ чиновниковъ, о коемъ упоминалъ выше. На

*) Въ 1870-хъ годахъ Тоштамуръ былъ сосланъ на Сахалинъ за убійство полицейскаго чиновника; но общее мнѣніе не винило его въ этомъ преступленіи, потому что чиновникъ, производя надъ нимъ слѣдствіе по дѣлу совершенно несправедливому, насильственно вторгся въ его гаремъ, что́ у мусульманъ равносильно святотатству. Въ послѣднюю Турецкую войну конца 70-хъ годовъ, сынъ Тоштамура отличался въ нашихъ войскахъ отвагою и удальствомъ, оказалъ значительныя услуги, и по окончаніи войны командующій войсками генералъ Лорисъ-Меликовъ у него спросилъ, какую награду онъ желаетъ получить за свои подвиги; сынъ Тоштамура молилъ о возвращеніи его отца изъ ссылки. Просьба его была исполнена; Тоштамуръ возвратился на родину, но вскорѣ послѣ того умеръ.

берегу Гокчи пересѣлъ въ шлюпку и снова проѣхался по озеру; заѣзжалъ въ армянскій монастырь на скалѣ Севанго. Въ Дарачичагѣ я провелъ нѣсколько пріятныхъ дней. Осматривалъ уже знакомыя и еще незнакомыя окрестности, древнія церкви, хотя запущенныя, съ обрушившимися куполами, но любопытныя по красивой отдѣлкѣ и прочному построенію, интересовавшія меня такъ же, какъ и въ первый мой сюда пріѣздъ; ѣздилъ въ Караванъ-Сарай, откуда любовался издали видомъ Арарата, и съ удовольствіемъ дышалъ чистымъ, легкимъ воздухомъ всей этой здоровой мѣстности. Черезъ недѣлю мы возвратились обратно въ Гергеры.

Здѣсь я окончилъ и отправилъ къ князю Воронцову проэктъ новаго преобразованія управленія государственными имуществами въ Закавказскомъ краѣ. А въ половинѣ сентября мы собрались въ дорогу и разстались съ Гергерами. Воропаевъ съ своими офицерами устроилъ намъ торжественныя проводы до самой Каменки, гдѣ прощальный обѣдъ съ разливнымъ моремъ шампанскаго продолжался такъ долго, что мы едва къ вечеру успѣли выбраться въ дальнѣйшій путь.

На третій день мы расположились на отдыхъ въ колоніи Екатериненфельдъ, гдѣ дѣла меня задержали болѣе двухъ недѣль. Колонія это хорошая, жили мы въ ней спокойно и удобно. Во время нашего пребыванія въ ней произошли два трагическихъ случая: на площади, пересѣкающей главную улицу, въ канавѣ, гдѣ не было и на полъ-аршина воды, утонула маленькая колонистская дѣвочка; а вскорѣ затѣмъ одинъ нѣмецъ, домохозяинъ, наработавшись въ своемъ саду, прилегъ подъ деревомъ отдохнуть и крѣпко заснулъ. Къ нему тихонько подкралась гіена, забравшаяся въ садъ, и откусила у него носъ. Бѣдный нѣмецъ, страшно обезображенный, едва не истекъ кровью. Здѣсь вездѣ эти гадкіе звѣри водятся во множествѣ, такъ же какъ и шакалы, вой которыхъ по ночамъ напоминаетъ пронзительный дѣтскій крикъ или плачъ.

Изъ Екатериненфельда мы переѣхали въ Елисабетталь, откуда мое семейство возвратилось въ Тифлисъ, а я заѣхалъ еще въ Маріенфельдъ, гдѣ оставался до конца октября, главнѣйше по причинѣ тамъ устраиваемой и никогда не устроенной надлежащимъ образомъ іорской канавы.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ, мнѣ не пришлось тамъ долго засиживаться; въ теченіе короткаго времени, я сдѣлалъ еще нѣсколь-

ко поѣздокъ по служебнымъ надобностямъ. Подъ конецъ года, кромѣ обычныхъ моихъ многочисленныхъ кабинетныхъ занятій, въ нашемъ совѣтѣ также накопились довольно важныя дѣла. Между прочимъ, 14-го ноября у насъ происходило продолжительное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ намѣстника, для обсужденія объ открытіи Эриванской губерніи.

Первые дни начавшагося 1850 года ознаменовались полученіемъ Высочайшаго утвержденія объ уничтоженіи въ Закавказскомъ краѣ палатъ государственныхъ имуществъ и объ учрежденіи при главномъ управленіи, подъ названіемъ «экспедиціи» — въ родѣ министерскаго департаментамента, управляющимъ коего назначенъ я. Много въ началѣ было мнѣ хлопотъ, много представлялось затрудненій при введеніи новаго преобразованія; не менѣе того возникло по сему случаю всякихъ говоровъ и толковъ на разные лады. Однако экспедиція была торжественно открыта, и дѣла пошли вновь установленнымъ порядкомъ.

Могу сказать по совѣсти, что все зависѣвшее отъ меня къ основанію лучшаго устройства въ новомъ ходѣ дѣлъ я сдѣлалъ. Но успѣхъ хорошаго и точнаго исполненія моихъ распоряженій отъ меня не зависѣлъ, потому что исполнителями на мѣстахъ были уѣздные начальники, непосредственно подчиненные губернаторамъ. Я могъ имѣть только ближайшее вліяніе на улучшеніе быта и организаціи русскихъ поселенцевъ, а также на устройство водопроводовъ и водвореніе хотя нѣкотораго начала порядка въ управленіи и пользованіи лѣсами.

Натурально, служебныя мои занятія сравнительно съ прежними удвоились, заботы по различнымъ частямъ управленія во множествѣ прибавились, особенно при первыхъ, вступительныхъ шагахъ дѣятельности новообразованнаго учрежденія. Тогда же, въ самомъ его началѣ, я имѣлъ непріятность открыть плутовскую стачку двухъ изъ моихъ подчиненныхъ чиновниковъ, которыхъ до того времени считалъ вполнѣ благонадежными. Произошло это совершенно случайно. Въ одно воскресное утро чиновникъ, находившійся при мнѣ съ давнихъ поръ, еще изъ Астрахани, разбиралъ на моемъ письменномъ столѣ пакеты и дѣловыя письма, полученныя въ тотъ день, распечатывалъ и читалъ ихъ мнѣ вслухъ, не заглядывая на адресы. Въ числѣ бумагъ попалось письмо, адресованное въ канцелярію экспедиціи государственныхъ имуществъ,

писанное чиновникомъ, завѣдывавшимъ многими значительными раскольничьими поселеніями, къ другому чиновнику, служившему въ моей канцеляріи. Письмо обнаруживало самымъ несомнѣннымъ образомъ переписку ихъ между собою и раскольниками о томъ, какимъ образомъ помогать послѣднимъ въ припискѣ и укрывательствѣ приходящихъ къ нимъ бѣглыхъ ихъ собратій, разумѣется, за хорошую плату. Это открытіе тѣмъ прискорбнѣе подѣйствовало на меня, что оба чиновника по способностямъ, усердію и добропорядочности, выказываемыми ими доселѣ, считались мною одними изъ лучшихъ въ составѣ моего вѣдомства и были такимъ же образомъ зарекомендованы мною князю-намѣстнику, предъ которымъ я былъ поставленъ теперь въ самое неловкое положеніе. Мнѣ самому было очень досадно и совѣстно, что я могъ такъ ошибиться въ людяхъ и своей ошибкой ввести въ заблужденіе другихъ. Я счелъ своей обязанностію довести это обстоятельство до свѣдѣнія князя; безотлагательно доложилъ ему о случившемся, представилъ обличительное письмо и просилъ извиненія въ моемъ промахѣ.

Князь Михаилъ Семеновичъ спокойно меня выслушалъ, поглядѣлъ на меня какъ бы съ легкимъ удивленіемъ, махнулъ рукой и улыбаясь сказалъ:

«Вотъ нашли еще въ чемъ извиняться! Со мною столько случалось такихъ исторій, что я и счетъ имъ потерялъ. Я такъ привыкъ къ подобнымъ открытіямъ, что давно ужъ сдѣлался къ нимъ совершенно равнодушенъ. Удивляюсь, какъ вы еще можете принимать это къ сердцу. Развѣ можно узнать человѣка, пока онъ самъ не проявитъ себя?»

Это справедливое разсужденіе, результатъ глубокаго житейскаго, практическаго опыта, немного успокоило меня относительно воззрѣнія князя по этому поводу. Но хотя я самъ, конечно, испыталъ на своемъ вѣку не мало такого рода сюрпризовъ и по совѣсти никакъ не могъ считать себя отвѣтственнымъ за нихъ, все же, къ сожалѣнію, не успѣлъ еще пріобрѣсть настолько философской мудрости, чтобы принимать ихъ съ такимъ же безстрастіемъ и спокойствіемъ; они всегда болѣе или менѣе смущали меня.

Ранней весной Тифлисъ находился въ ожиданіи новаго, еще невиданнаго имъ зрѣлища: открытія первой въ странѣ сельско-хозяйственной, промышленной выставки произведеній и издѣлій края, возбуждавшей большой интересъ и любопытство публики. Князь

Воронцовъ отнесся къ этому дѣлу съ полнымъ сочувствіемъ, а потому для устройства его было оказано всевозможное содѣйствіе и помощь. Выставка открылась въ мартѣ. Она вышла очень удачна для первоначальнаго опыта въ этомъ родѣ. Я съ удовольствіемъ нѣсколько разъ осматривалъ ее, особенно сельско-хозяйственный отдѣлъ, составленіемъ котораго занимался, по порученію князя, зять мой Ю. Ф. Витте. Всю же выставку вообще устраивалъ пріѣхавшій въ прошломъ году изъ Петербурга къ Воронцову тайный совѣтникъ баронъ Мейендорфъ, человѣкъ образованный, но необыкновенно плодовитый прожектёръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ превеликій фантазеръ. Онъ пробылъ въ Тифлисѣ нѣсколько лѣтъ, которыя посвятилъ исключительно на измышленіе разныхъ глубокомысленныхъ предпріятій, оказывавшихся, за немногими исключеніями, однѣ несостоятельнѣе другихъ. Между прочимъ онъ уговорилъ князя Воронцова основать пароходство на Курѣ и многія хозяйственныя заведенія въ большихъ размѣрахъ. Всѣ эти плоды подвижнаго воображенія барона Мейендорфа поглотили много денегъ, и всѣ они, еще до выѣзда его изъ Закавказья, успѣли совершенно уничтожиться, какъ бы разлетѣться прахомъ. Изъ множества его проэктовъ, иные кажется могли бы примѣниться практически, но въ общей массѣ, они провалились всѣ одинаково безслѣдно. Не знаю, отчего именно это произошло; по его ли единственно винѣ, или по недостатку терпѣнія, настойчивости и умѣнія выбирать способныхъ людей со стороны главнаго начальства; а думаю, что все вмѣстѣ.

Въ мартѣ у насъ въ Совѣтѣ состоялось особенное, по предмету обсужденій, продолжительное засѣданіе, заключавшееся въ совѣщаніяхъ объ учрежденіи новыхъ гражданскихъ мундировъ на Кавказѣ. Обсудили и учредили. А 29-го того же мѣсяца я съ зятемъ моимъ присутствовали у князя Воронцова на открытіи общества сельскаго хозяйства, коего были членами.

Приблизительно около этого времени разыгралась маленькая исторія, поставившая въ крайне непріятное недоумѣніе все Тифлисское народонаселеніе. Совершенно неожиданно для всѣхъ, городскіе торговцы мясомъ закрыли свои лавки и прекратили торговлю говядиной. Вышло это вслѣдствіе того, что съ нѣкоторыхъ поръ мясные продукты въ городѣ стали безъ всякой причины повышаться въ цѣнѣ, что̀ возбудило ропотъ и жалобы жителей, до-

шедшіе до свѣдѣнія намѣстника. Князь приказалъ немедленно понизить таксы и строго наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія. Оно такъ не понравилось мясникамъ, что они, не долго думая, сдѣлали между собою единодушную стачку и, какъ сказано, одновременно, внезапно заперли всѣ свои лавки. Въ продолженіе двухъ дней нельзя было достать ни за какія деньги куска говядины, весь городъ содержался на строжайшемъ постѣ. Поднялся общій крикъ. Князь Воронцовъ, узнавъ объ этой продѣлкѣ, призвалъ губернатора, коимъ состоялъ тогда генералъ-маіоръ князь Андрониковъ, и крѣпко распекъ его за подобные безпорядки въ городѣ. Вслѣдъ за тѣмъ драматизмъ мясной исторіи началъ принимать траги-комическій характеръ.

Надобно знать, что князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ, популярно называемый въ Грузіи просто «Малхазычъ», хотя въ молодости служилъ въ гвардіи, живалъ въ Петербургѣ, но къ европейской цивилизаціи ничуть не пріобщился и сохранилъ себя во всей полнотѣ, по нраву и обычаямъ, цѣльнымъ азіатскимъ человѣкомъ. Храбрый на войнѣ, крайне неподатливый въ общежитіи, онъ не только не имѣлъ никакого понятія о русскихъ законахъ, о размѣрѣ правъ должностныхъ лицъ, но даже не могъ или не хотѣлъ одолѣть премудрости русской грамоты, и долго не умѣлъ подписывать своего собственнаго имени: вмѣсто «Андрониковъ» — писалъ: «*князь Андроковъ*». Только по назначеніи его Тифлисскимъ губернаторомъ (своеобразной подчасъ волею князя-намѣстника) онъ выучился этой хитрости, послѣ трехмѣсячныхъ прилежныхъ стараній и умственнаго напряженія.

Итакъ, князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ, сильно раздраженный вышесказанной головомойкой намѣстника, желая на комъ-нибудь выместить злость, отправился прямо въ городскую думу. Въ присутственной залѣ онъ засталъ засѣданіе думы въ полномъ собраніи, и безъ дальнихъ объясненій, сразу, ожесточенно напустился на городского голову, съ криками и ругательствами обвиняя его и думу во всей происшедшей неурядицѣ. Озадаченный голова резонно возразилъ озлобленному губернатору, что его сіятельство напрасно изволитъ такъ кричать и браниться, что дума ни въ чемъ не виновна, что ея дѣло надзирать за торговлей, смотрѣть за соблюденіемъ таксы, а за порядкомъ мясныхъ лавокъ и мясниковъ обязана смотрѣть полиція; всѣмъ извѣстно, что полиція въ

Тифлисѣ самая дрянная и полицейскіе никуда не годятся; и что князь Андрониковъ, какъ прямой начальникъ полиціи, долженъ обратиться съ своей руганью къ ней, а никакъ не къ думѣ, не имѣющей въ этомъ дѣлѣ никакого участія, слѣдовательно и отвѣтственности.

Слова эти привели пылкаго генерала въ такой гнѣвъ, что онъ, окончательно разсвирѣпѣвъ, съ яростію ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ неистовымъ голосомъ, исполнившимъ страха все присутствовавшее собраніе:

«Если бы у меня теперь былъ кинжалъ, я бы тебя сейчасъ же закололъ!»

Послѣ этого краткаго, но потрясающаго возгласа, князь Андрониковъ съ грознымъ видомъ удалился изъ залы присутствія.

Возвратившись къ себѣ домой въ самомъ сердитомъ расположеніи духа, поджигаемый страстнымъ позывомъ отомстить головѣ за его продерзости, онъ первымъ дѣломъ послалъ за своимъ секретаремъ (помнится, княземъ Джорджадзе), дѣльнымъ, толковымъ чиновникомъ, приставленнымъ къ нему спеціально для его руководствованія и вразумленія. При появленіи секретаря губернаторъ ошеломилъ его объявленіемъ энергичнаго приказа къ неотложному исполненію:

— «Какъ можно скорѣе сдѣлайте распоряженіе, чтобы градскаго голову немедленно схватить и высѣчь плетьми на площади!»

Чиновникъ, хотя хорошо знакомый съ нравомъ своего начальника, сначала не повѣрилъ своимъ ушамъ, но по вторичномъ возглашеніи приказанія осмѣлился скромно замѣтить:

— «Ваше сіятельство, это невозможно! По русскимъ законамъ вы не имѣете права сдѣлать такое распоряженіе, и его никто не послушаетъ».

— «Какъ не послушаютъ! Что ты знаешь! Ну, въ такомъ случаѣ, я приказываю сейчасъ же ему забрить лобъ и отдать въ солдаты!»

— «Этого тоже никакъ нельзя сдѣлать».

— «Гмъ! — сердито заворчалъ Малхазычъ, — такъ пусть его сегодня же запрутъ въ острогъ!»

— «И это никакъ невозможно».

— «А я хочу непремѣнно, чтобы его хоть высѣкли! если нельзя публично, то пусть домашнимъ образомъ».

— «Городского голову нельзя высѣчь.»

— «Такъ пусть по крайней мѣрѣ его посадятъ подъ караулъ!»

— «И подъ караулъ нельзя посадить городского голову.»

— «И подъ караулъ нельзя?»

— «Ни подъ какимъ видомъ нельзя.»

— «Ты что знаешь! Я не могу подъ караулъ?!»

— «Не можете, ваше сіятельство. Ничего этого вы не можете сдѣлать. Городского голову вы не можете ни высѣчь, ни отдать въ солдаты, ни запереть въ острогъ, ни посадить подъ караулъ. Вы ничего не можете ему такого сдѣлать».

— «Кто такъ сказалъ?»

— «Законъ такъ сказалъ».

Андрониковъ отчаянно замычалъ, остановился, помолчалъ, подумалъ и наконецъ воскликнулъ рѣшительнымъ тономъ:

— «Ну такъ я пойду, побью его!»

— «Вотъ это другое дѣло, одобрительно согласился секретарь,— побить городского голову вы можете, если вамъ угодно; вы его побьете, онъ васъ побьетъ, — и прекрасно, тѣмъ все и кончится».

Однако князю Андроникову не удалось удовлетворить себя даже и этимъ маленькимъ удовольствіемъ. Самъ ли передумалъ, отсовѣтовалъ ли кто, только онъ голову не побилъ. Можетъ быть не успѣлъ, потому что вынужденный принять скорѣйшія мѣры для освобожденія города отъ неурочнаго мясопуста, онъ долженъ былъ прежде всего заняться этимъ дѣломъ; а потомъ, погодя, уже кипятокъ остылъ, и страстный порывъ мстительности улегся.

Съ мясниками онъ управился скоро: не затрудняясь мѣропріятіями, онъ объявилъ базарнымъ революціонерамъ, что если они сегодня же не начнутъ торговать мясомъ, то онъ вытребуетъ солдатъ, прикажетъ разбить всѣ мясныя лавки и выкинуть на улицу все, что тамъ найдется. Эта резолюція подѣйствовала очень успѣшно, и съ того же дня говядина снова проявилась въ городѣ.

Четыре года спустя, во время крымской войны, князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ воевалъ съ большимъ успѣхомъ въ Закавказьи. Командуя Горійскимъ отрядомъ, онъ усердно колотилъ турокъ, а въ Кобулетскомъ санджакѣ, при рѣкѣ Чолокѣ, расколотилъ на голову мушира Селимъ пашу съ его 34-хъ тысячнымъ корпусомъ, забравъ въ трофеи побѣдъ весь лагерь, всю артиллерію, пушки, знамена, значки и множество оружія.

Нѣтъ сомнѣнія, что побіеніе враждебнаго турецкаго мушира не въ примѣръ славнѣе и лестнѣе побіенія безобиднаго градскаго головы. Надобно полагать, что такая удача на полѣ брани вознаградила съ лихвою князя Ивана Малхазовича за неудачу въ Тифлисской городской думѣ. Но въ тотъ день гнѣвнаго увлеченія, когда ему такъ сердечно хотѣлось разнести вдребезги, или хотя по крайности посѣчь дерзновеннаго голову,—еслибы *въ тотъ день* предложили будущему Чолокскому герою, разгромившему турецкій корпусъ, выборъ между муширомъ и головой, едва ли не вышло бы наоборотъ, и пострадать пришлось бы не муширу, а головѣ.

Князь Андрониковъ тогда оказалъ мнѣ большую услугу, давъ указанія на участки свободныхъ земель въ Кахетіи (его родинѣ) для поселенія колонистовъ или русскихъ переселенцевъ. Я нарочно 3-го мая поѣхалъ въ Кахетію для обозрѣнія этихъ участковъ и нашелъ ихъ вполнѣ удобными. Я проѣхалъ на Сигнахъ и Телавъ. Въ Сигнахскомъ уѣздѣ видѣлъ казенныхъ и церковныхъ крестьянъ въ той же крайней бѣдности, о коей упоминалъ выше, по причинѣ (кромѣ неурожаевъ) накопившихся неоплатныхъ долговъ армянамъ-кулакамъ. Князья и дворяне тоже быстро бѣднѣли, какъ отъ безпечности, такъ и отъ раздробленія имѣній, чему никакихъ предѣловъ у нихъ до сего времени не поставлено. Князей въ уѣздѣ больше всего Андрониковыхъ и Вачнадзе; самый богатый изъ нихъ,— нашъ губернаторъ Иванъ Малхазавичъ, имѣющій здѣсь двѣсти дымовъ крестьянъ.

За Сигнахомъ замѣчательно Анахское ущелье какъ по мѣстоположенію, такъ и особенно по множеству родниковъ, на коихъ устроено болѣе сорока небольшихъ водяныхъ мельницъ. До станціи Мокучанской дорога пролегаетъ въ долинѣ близъ селеній, раскинутыхъ налѣво, почти безпрерывною цѣпью по скату горъ, у подножія которыхъ тянутся сплошнымъ рядомъ виноградные сады. Лучшія изъ селеній, Карданахъ и Бакурцихе,— помѣщичьи; первое почти все князей Вачнадзе. Телавскій уѣздъ начинается въ четырехъ верстахъ отъ станціи, дорога проходитъ уже черезъ самыя селенія и между садами. Мѣста прелестныя: съ правой стороны горы снѣжныя, съ лѣвой—покрытыя густымъ лѣсомъ. Наиболѣе выдающееся изъ селеній,— Цинондалы, принадлежащее князьямъ Чавчавадзе*).

*) Нынѣ куплено Государемъ Императоромъ.

Телавъ городокъ небольшой, но живописно расположенный на пригоркѣ, съ разбросанными каменными домами и садиками. Крѣпость еще довольно уцѣлѣла; въ ней двѣ церкви и дворецъ царя Ираклія, въ которомъ три комнаты возобновлены, а прочая часть въ разрушеніи. Отсюда я повернулъ на Гамборы, въ 30-ти верстахъ отъ Телава, по низменности, покрытой садами и рощами; дальше, поднявшись верстъ на двѣнадцать въ гору, спустился настолько же внизъ, большею частію лѣсомъ. Дорога хотя не слишкомъ каменистая, но постоянно грязная и топкая, по причинѣ множества горныхъ рудниковъ, отчего устройство ея очень затруднительно. Я вынужденъ былъ сдѣлать почти весь этотъ переѣздъ верхомъ. Въ Гамборахъ, пообѣдавъ у батарейнаго командира подполковника Левина, къ вечеру прибылъ въ колонію Маріенфельдъ, дабы осмотрѣть іорскую канаву, уже оконченную по Самгорскому полю.

Дня черезъ два я выѣхалъ въ Лачины навстрѣчу князя Воронцова, проѣзжавшаго въ Дагестанъ; прождалъ его тамъ часа три, и наконецъ дождался къ четыремъ часамъ. Князя провожали княгиня Елисавета Ксаверьевна, ея родственница графиня Шуазель, князь Бебутовъ, начальникъ штаба Коцебу, Сафоновъ и много другихъ. Вмѣстѣ съ ними я отправился на канаву, которую князь желалъ видѣть. Онъ остался ею доволенъ, только приказалъ провести далѣе, до впаденія въ оврагъ, чтобы вода могла удобнѣе, прямо стекать въ Демурчасальскую канаву на Караясской степи; сдѣлалъ распоряженіе объ исправленіи послѣдней канавы, о построеніи каменнаго моста, монумента при немъ, одобрилъ всѣ мои распоряженія и поѣхалъ со всей свитой обѣдать и ночевать въ Маріенфельдъ, гдѣ я пробылъ у него до десяти часовъ. На слѣдующій день князь продолжалъ путь въ экспедицію, а княгиня съ графинею, распростясь съ нимъ, повернули обратно въ Тифлисъ, куда и я за ними послѣдовалъ.

Дома я оставался не долго, и снова пустился въ объѣзды по ближайшимъ поселеніямъ въ Самхетіи, впрочемъ, не слишкомъ продолжительные, чѣмъ я былъ очень доволенъ, потому что все время меня преслѣдовала отвратительная погода, съ бурями, грозою и проливнымъ дождемъ.

Возвратясь въ Тифлисъ, я засталъ городъ въ необыкновенномъ движеніи, по случаю происходившаго въ тотъ день, 14-го іюня, погребенія въ Мцхетѣ послѣдней грузинской царицы Маріи

Георгіевны, умершей въ Москвѣ и привезенной въ Грузію послѣ слишкомъ сорокалѣтняго отсутствія, для помѣщенія въ общей царской усыпальницѣ Мцхетскаго собора, возлѣ ея мужа, царя Георгія, умершаго въ 1800 году. Все туземное общество и народонаселеніе стремилось въ Мцхетъ отдать послѣдній долгъ праху ея. Эта царица, изъ семейства князей Циціановыхъ, вдова послѣдняго Грузинскаго и Кахетинскаго царя Георгія XIII-го, надѣлала въ свое время много шума и возбудила много толковъ.

Въ началѣ столѣтія, вскорѣ по присоединеніи Грузіи къ Россіи, главнокомандующій князь Циціановъ, по приказанію изъ Петербурга, предложилъ вдовствующей царицѣ немедленно выѣхать со всѣмъ семействомъ изъ Тифлиса въ Россію. Царица наотрѣзъ отказалась. Князь Циціановъ, не смотря на то, что самъ былъ грузинъ по происхожденію, а можетъ быть именно по этой самой причинѣ, не слишкомъ церемонился съ туземной аристократіей. Онъ послалъ къ царицѣ храбраго генерала Лазарева (побѣдителя Омара, хана Аварскаго) съ дорожными экипажами и строжайшимъ наказомъ уговорить ее, усадить въ экипажи и безъ проволочекъ отправить въ дорогу. Лазаревъ (по сказаніямъ молвы пользовавшійся близкой благосклонностію царицы) какъ ни старался убѣдить ее, но все было напрасно: она сердилась, бранилась и ѣхать не желала. Вынужденный исполнить приказаніе начальства во что бы ни стало, Лазаревъ хотѣлъ повезти ее силою. Тогда, говорятъ, произошла скандальная сцена: будто бы въ пылу гнѣва она дала ему пощечину, а онъ, не задумываясь, возвратилъ ей оную. Такъ или не такъ, только разъяренная царица вытащила изъ подъ тюфяка тахты, на которой предъ тѣмъ сидѣла, большой кинжалъ, и заколола генерала. Онъ тутъ же скончался. А царицу съ дѣтьми сейчасъ же взяли, посадили въ экипажи и отвезли въ Бѣлгородъ, гдѣ она жила на покаяніи, кажется при монастырѣ, нѣсколько лѣтъ, а потомъ переселилась въ Москву и пребывала тамъ до конца жизни. Общее мнѣніе, заслуживающее довѣрія, утверждало, что Лазаревъ убитъ не собственноручно царицей, а находившимся при ней бичо, — молодымъ человѣкомъ въ родѣ тѣлохранителя, кахетинцемъ Химшіевымъ, которому она передала кинжалъ съ приказаніемъ убить генерала; а по исполненіи этого приказанія взяла вину на себя, объявивъ себя убійцей для спасенія настоящаго убійцы. Это же, какъ говорятъ, подтвер-

ждалъ въ Мцхетѣ, на ея похоронахъ, сопровождавшій тѣло изъ Москвы духовникъ ея, заявившій, что на предсмертной исповѣди царица сказала ему, что генерала Лазарева не она убила, и просила послѣ ея смерти объявить это гласно.

Вскорѣ затѣмъ наступило время для нашей лѣтней перекочевки, мѣстомъ которой на этотъ разъ было избрано военное поселеніе Пріютъ, куда я со всѣми моими и переѣхалъ 25-го іюня. Собственно оно называется Елисаветинское, но, находясь очень близко отъ Пріюта, вообще носитъ его же названіе.

Здѣсь нелишнимъ считаю сказать, что̀ такое были военныя поселенія въ Грузіи. Кажется, что еще при Ермоловѣ породилась мысль къ основанію ихъ, изъ отставныхъ или выслужившихъ сроки нижнихъ воинскихъ чиновъ, съ цѣлью, съ одной стороны, успокоенія заслуженныхъ воиновъ, коимъ возвращаться въ Россію было или трудно, или, за неимѣніемъ близкаго родства, не для кого и не для чего; а съ другой — чтобы между туземными населеніями водворить русскій элементъ. Таковой проэктъ приведенъ въ дѣйствіе при главнокомандующихъ Головинѣ и Нейдгардтѣ. Для этихъ поселеній избраны здоровыя, хорошія мѣста, почти всѣ близъ постоянныхъ полковыхъ квартиръ. Земли надѣлено вдоволь, на обзаведеніе сдѣлано достаточное вспоможеніе, даны всѣ средства для успѣшнаго водворенія. При такихъ условіяхъ поселенія могли бы скоро утвердить свое благосостояніе и приносить вообще пользу краю, особенно находясь большею частію невдалекѣ отъ Тифлиса, гдѣ всѣ продукты могутъ всегда сбываться по выгодной цѣнѣ, — если бы съ самаго начала ихъ учрежденія былъ установленъ хорошій надзоръ за ихъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ хозяйству. Къ сожалѣнію, объ этомъ-то вовсе и не подумали. Поселяне были сначала подчинены полковымъ командирамъ, которые объ ихъ нравственности и домашнихъ распорядкахъ вовсе не заботились, а считали ихъ чѣмъ-то въ родѣ приписныхъ къ полковымъ квартирамъ крѣпостныхъ крестьянъ, и извлекали изъ нихъ всевозможную матерьяльную въ своихъ видахъ пользу. Это дошло до свѣдѣнія князя Воронцова, который предварительно поручилъ мнѣ обозрѣть поселенія, а потомъ составить проэктъ о передачѣ ихъ въ управленіе вновь учрежденной экспедиціи государственныхъ имуществъ, что̀ мною и было исполнено. Правда, что и это распоряженіе до сихъ поръ вполнѣ не достигло своей цѣли, именно

потому, что эти поселенія разсѣяны по краю, и что ближайшій надзоръ за ними на мѣстахъ ихъ жительства я долженъ былъ ввѣрить мѣстному начальнику изъ чиновниковъ. А какъ трудно найти порядочнаго чиновника, благонамѣреннаго и дѣятельнаго, особенно въ Закавказьѣ, —это я уже сказалъ выше, въ статьѣ объ управленіи духоборцами. Но все-таки поселяне хоть нѣсколько теперь лучше, чѣмъ были дотолѣ, особенно молодое поколѣніе.

Въ одномъ изъ такихъ-то поселеній я устроился для проведенія лѣта. Военное поселнніе Пріютъ находится отъ Тифлиса всего въ тридцати верстахъ, между Коджорами и полковою штабъ-квартирою Эриванскаго гренадерскаго полка, Манглисомъ. Климатъ здѣсь хорошій, а мѣстоположеніе еще лучше. Главнокомандующій Нейдгардтъ основалъ близъ этого поселенія мѣстопребываніе на лѣтнее время главныхъ начальниковъ края и всего главнаго управленія, назвавъ его Пріютомъ. Нѣсколько зданій для квартированія ихъ возведены изъ экономическихъ суммъ. Выборъ мѣста, по моему мнѣнію, былъ самый удачный какъ по климату и красотѣ природы, такъ и по недальнему разстоянію отъ Тифлиса. Очень жаль, что докторъ и фаворитъ князя Воронцова, Андреевскій, склонилъ его измѣнить это распоряженіе переводомъ лѣтняго пребыванія главнаго управленія въ Коджоры, гдѣ и климатъ суровѣе, и удобствъ для размѣщенія чиновниковъ, особенно небогатыхъ, гораздо менѣе. Нѣсколько тысячъ рублей было брошено на постройку зданій, которыя теперь уже всѣ развалились и совсѣмъ уничтожаются. Главное изъ нихъ называлось казармою.

Я пробылъ здѣсь съ моимъ семействомъ лѣтніе мѣсяцы, расположась въ нѣсколькихъ наемныхъ поселянскихъ домишкахъ, если и не слишкомъ удобно, то все же сносно и довольно спокойно, даже, можно сказать, пріятно, за исключеніемъ тѣхъ періодовъ времени, когда, какъ обыкновенно на возвышенностяхъ, наступаетъ дурная погода, съ холодами, сыростію, продолжительными дождями, что̀ иногда очень надоѣдало; но такіе періоды лѣтомъ неизбѣжны во всѣхъ гористыхъ мѣстахъ края. Надобно или переносить ихъ, вооружившись терпѣніемъ, или задыхаться въ Тифлисѣ отъ жару.

Поселеніе Пріютъ было тогда окружено лѣсомъ на близкомъ разстояніи, а настоящій пріютъ, гдѣ предназначалась резиденція главнокомандующаго, находился совсѣмъ въ лѣсу, мѣстами дрему-

чемъ, возлѣ большой дороги, ведущей въ Манглисъ, и всѣ постройки тонули въ зелени густой, тѣнистой рощи. Проѣзжая дорога, на пространствѣ многихъ верстъ, шла въ видѣ прекрасной аллеи, окаймленной съ обѣихъ сторонъ высокими зелеными стѣнами старыхъ, вѣтвистыхъ деревьевъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ того, когда я подъѣзжалъ къ Пріюту, я просто не узналъ этой мѣстности: вмѣсто аллеи въ лѣсу,—широкая, пустынная дорога разстилалась въ какой-то степи, а лѣсъ виднѣлся по бокамъ издали, чуть ли не на горизонтѣ. Все кругомъ было вырублено.

Какъ часто, смотря на подобныя вопіющія порубки, припоминалось мнѣ чрезвычайно удачное, остроумное словцо бывшаго министра финансовъ графа Канкрина. На одномъ изъ экзаменовъ въ лѣсномъ институтѣ преподаватель спросилъ экзаменовавшагося ученика:

— «Какіе водятся въ лѣсахъ истребители, самые вредные для лѣса?»

— «Хоботоносецъ и древоѣдъ»,—отвѣчалъ ученикъ.

— «Нѣтъ»,—замѣтилъ присутствовавшій на экзаменѣ графъ Канкринъ,—«совсѣмъ не такъ: самые вредные истребители лѣса вовсе не хоботоносецъ и не древоѣдъ, а *топороносецъ и хлѣбоѣдъ*».

По несчастію, сказано совершенно вѣрно.

Возлѣ развалинъ дома, служившаго нѣкогда жилищемъ главнокомандующаго Нейдгардта, а потомъ обращеннаго въ казарму, въ глубинѣ рощи, въ маленькомъ домикѣ изъ двухъ комнатъ, проживалъ грузинскій помѣщикъ князь Тулаевъ, пожилой холостякъ. Вѣроятно, скучая въ своемъ уединенномъ одиночествѣ, онъ былъ очень доволенъ нашимъ переѣздомъ въ его сосѣдство, всякій вечеръ приходилъ къ намъ, по вечерамъ игралъ со мною въ преферансъ и часто приглашалъ насъ къ себѣ въ рощу обѣдать. Обѣды конечно готовились моими поварами, изъ привозимыхъ моихъ же припасовъ, а Тулаевъ отчасти угощалъ виномъ изъ своей деревни. Мы тамъ въ хорошую погоду съ удовольствіемъ проводили иногда почти цѣлые дни; обѣдали на чистомъ воздухѣ, подъ тѣнію вѣковыхъ чинаръ и орѣховъ, гуляли въ лѣсу, пили чай и возвращались домой поздно вечеромъ, всегда почти пѣшкомъ. У насъ постоянно были гости изъ Тифлиса, Коджоръ, также чиновники, офицеры по дѣламъ, знакомые, ѣхавшіе въ Манглисъ и оттуда, заѣзжавшіе по дорогѣ къ намъ отдохнуть и разсказать новости.

Всѣ они въ тѣ дни отправлялись съ нами обѣдать въ лѣсъ, и время проходило очень оживленно. У Тулаева бывали и свои гости, пріятели-туземцы изъ города и деревни; ихъ было немного, всего два, грузины, одинъ дворянинъ Чачиковъ и другой, называвшійся храбрымъ поручикомъ - фамиліи не припомню — очень забавные люди, увеселявшіе насъ разсказами разныхъ занимательныхъ событій изъ жизни старой и современной Грузіи. Оба они были не женаты и далеко не молоды. Особенно курьезно отличался въ разговорахъ храбрый поручикъ, неглупый старичекъ, съ приправой замѣчательнаго туземнаго юмора. Его однажды кто-то изъ нашего общества спросилъ, почему онъ до сихъ поръ не женился? Храбрый поручикъ повѣдалъ намъ, съ глубокимъ вздохомъ, грустную причину этого обстоятельства.

— «Вотъ, еслибъ теперь было такое время, какъ при нашихъ царяхъ, то я давно бы ужъ женился. Я бы тогда купилъ своей женѣ чадру за шесть абазовъ, а она и носила бы ее шесть годовъ. А теперь, если я только женюсь, она сейчасъ скажетъ: дай мнѣ башмакъ, дай мнѣ клокъ, дай мнѣ шляпка! — Я скажу: на что башмакъ? На что шляпка? А она скажетъ: у Тамамшевой есть башмакъ, у Орбеліановой есть шляпка, у Тумановой есть клокъ! Давай мнѣ шляпка, давай мнѣ клокъ! — А я гдѣ возьму деньги на шляпка и клокъ? Лучше не надо жены».

Вѣроятно по той же причинѣ и Тулаевъ не женился, хотя средства къ жизни у него должны бы быть порядочныя. Онъ имѣлъ 1800 десятинъ хорошей земли подъ лѣсомъ и съ сотнею душъ крестьянъ. Съ такимъ состояніемъ въ Россіи всегда можно проживать безъ нужды. Но здѣсь не Россія, а Грузія; здѣсь попадаются помѣщики и побогаче Тулаева, которые живутъ немного чѣмъ лучше своихъ буйволовъ, пребывающихъ въ затхлыхъ буйлятникахъ. Тулаевъ жилъ въ своемъ домикѣ, хозяйственно обставленномъ, но скудно и грязно. Онъ жаловался на плохія дѣла, объясняя ихъ тѣмъ, что лѣсъ даетъ мало, а крестьяне и того меньше. Раза три—четыре въ годъ, по большимъ праздникамъ, къ нему приходятъ изъ деревни нѣсколько мужиковъ съ поздравленіемъ, приносятъ ему пару или двѣ куръ, иногда и барана, а господинъ долженъ ихъ за это угостить многими тунгами вина; мужики выпьютъ вино, и тутъ же зажарятъ или сварятъ своихъ куръ съ бараномъ, съѣдятъ ихъ и уйдутъ назадъ въ деревню. Тѣмъ поч-

ти и ограничивались отношенія помѣщика съ его крестьянами.

Въ августѣ мѣсяцѣ стали ходить слухи, что въ окрестностяхъ Пріюта завелась шайка разбойниковъ, которые сильно пошаливаютъ: зарѣзали духанщика, безцеремонно разъѣзжаютъ по почтовой дорогѣ, тутъ же останавливаются на роздыхъ въ ожиданіи добычи, спокойно пасутъ своихъ лошадей, стрѣляютъ по проѣзжающимъ и все это днемъ, въ виду казачьяго поста и большой деревни военнаго поселенія. По свидѣтельству мѣстныхъ жителей, подобныхъ проказъ не водилось въ здѣшней окружности со времени вступленія русскихъ войскъ въ Грузію.

Однажды, мы только что встали отъ обѣда, часу въ пятомъ, какъ услышали отчаянный вопль, и къ намъ во дворъ прибѣжалъ татаринъ, въ изорванной одеждѣ, весь въ крови, съ криками: «кардашъ! кардашъ!» что̀ значитъ по-татарски братъ. Онъ такъ задыхался, что едва могъ говорить; однако мы кое-какъ поняли, что онъ со своимъ братомъ муллой возвращался въ кочевку изъ Тифлиса, куда они водили на продажу скотъ; недалеко отъ Пріюта на нихъ напали восемъ человѣкъ разбойниковъ, ограбили ихъ, забрали деньги, лошадей, брата застрѣлили, а его самого схватили, завязали глаза и потащили въ оврагъ вмѣстѣ съ тѣломъ брата. Водили его долго, потомъ стали разсуждать, что̀ съ нимъ дѣлать и куда имъ теперь идти; а татаринъ тѣмъ временемъ сдернулъ платокъ съ глазъ и потихоньку отъ нихъ удралъ. Они кинулись его догонять, но по оврагамъ, трущобамъ, за камнями, лѣсомъ, потеряли изъ виду, и татарину удалось добраться до Пріюта.

Въ тотъ самый день у насъ кстати обѣдали Тулаевъ и участковый засѣдатель князь Аргутинскій, пріѣхавшій ко мнѣ по дѣлу, съ десяткомъ конныхъ чапаровъ. Мой сынъ сейчасъ же всѣхъ ихъ посадилъ на лошадей и, взявъ еще съ поста трехъ казаковъ, отправился на розыскъ по указаніямъ татарина. Этотъ послѣдній, совсѣмъ еще растерянный, повелъ ихъ не на мѣсто убійства, а въ лѣсъ, откуда ушелъ, подъ конецъ спутался и никакъ ничего не могъ найти. Между тѣмъ смерклось, и, такъ какъ разъѣзжать въ темнотѣ наобумъ, по кручамъ, обрывамъ, непроходимому лѣсу, не привело бы ни къ чему путному, они рѣшили отложить поиски до слѣдующаго дня. Однако же на возвратномъ пути они напали на слѣдъ: потоптанную лошадьми траву и на ней рѣзкую полосу, по которой

тащили мертвое тѣло. Слѣдъ привелъ къ окраинѣ глубокаго оврага, куда ночью спускаться было невозможно безъ риска сломать себѣ головы, свалиться въ пропасть и поломать лошадямъ ноги о пни и корни деревьевъ. Здѣсь же нашли папаху убитаго, и должны были этимъ ограничиться.

На другой день поиски возобновились, но разбойниковъ не настигли; а на днѣ глубокаго оврага, въ грязи, нашли трупъ убитаго муллы. Поселяне перенесли его въ пріютскую казарму. На груди его, подъ чохой, хранилась книжка съ выписками изъ корана и девять рублей денегъ, уцѣлѣвшихъ отъ разбойничьихъ рукъ, захватившихъ у него двѣсти рублей, вырученныхъ за продажу скота. Тѣмъ дѣло и кончилось,—впрочемъ только съ разбойниками, а съ ихъ потерпѣвшими жертвами, напротивъ, только съ этого началось. Пошло слѣдствіе, пріѣхалъ засѣдатель, задержалъ убитаго и живого, наводилъ справки, ожидалъ прибытія лекаря для медицинскаго освидѣтельствованія; лекарь не пріѣхалъ. Наконецъ, черезъ недѣлю, засѣдатель взялъ съ родственниковъ пострадавшихъ татаръ посильную подачку и отпустилъ обоихъ братьевъ,— убитаго полуистлѣвшаго и живого полумертваго. Любопытно то, что засѣдатель нашелъ что́ взять даже съ человѣка, уже ограбленнаго разбойниками. Надо полагать, что, если бы человѣкъ, имѣвшій дѣло съ засѣдателемъ, попался къ разбойникамъ, едва ли они нашли бы у него что-нибудь кромѣ собственной кожи. Разбойники, убившіе муллу, въ ту же ночь украли у Тулаева изъ конюшни двѣ лошади. Значитъ, отдохнувъ поблизости въ лѣсу, они преспокойно вернулись снова на прежнюю почтовую дорогу за новыми заработками.

Съ наступленіемъ осени наступили и мои служебные разъѣзды. Оставивъ жену мою съ семьей еще въ пріютѣ, я съ зятемъ моимъ Витте и сыномъ Ростиславомъ поѣхалъ чрезъ Манглисъ на Цалку, Лорійскую степь, и оттолѣ прямою дорогою въ Александропольскій уѣздъ. Тамъ меня въ то время занимали двѣ водопроводныя канавы, подъ названіемъ Боздаганской и Музуглинской, которыя оживили большое пространство пустынной и плодородной степи, и открыли весьма удобное мѣсто для поселенія до трехсотъ семей. Чуть ли эти канавы не были единственными, достигшими тогда цѣли ихъ проведенія. Не знаю, поддерживаются ли онѣ теперь.

Я остановился на нѣсколько дней въ Александрополѣ, откуда ѣздилъ осматривать канавы, находящіяся невдалекѣ отъ него. На Музуглинской, въ 25-ти верстахъ отъ города, меня неожиданно встрѣтилъ нарочно пріѣхавшій изъ Сардаръ-Абада ко мнѣ тамошній участковый засѣдатель Квартано, старый мой знакомый, еще съ 1837-го года, по Пятигорску. Хотя должность участковаго засѣдателя не совсѣмъ соотвѣтствовала его лѣтамъ,—такъ какъ онъ самъ считалъ себѣ за семьдесятъ, а князь Александръ Ивановичъ Барятинскій (будущій намѣстникъ), очень любившій его, какъ веселаго, пріятнаго собесѣдника, насчитывалъ ему почти Мафусаиловъ вѣкъ,—однако онъ былъ необыкновенно подвижной, живой старичокъ, вполнѣ сохранившій бодрость тѣлесную и душевную. Жизнь Квартано была сплетеніемъ самыхъ необычайныхъ авантюръ. По происхожденію испанецъ, хотя родившійся въ Россіи, человѣкъ совершенно порядочный, образованный, знавшій множество языковъ, онъ въ молодости служилъ офицеромъ въ гвардіи. Но вздумалось ему повояжировать. Взялъ отпускъ и поѣхалъ за границу, объѣздилъ всю Европу, завернулъ въ Испанію, нашелъ тамъ своихъ родственниковъ, какія-то дѣла по наслѣдству, и тамъ засѣлъ на много лѣтъ, забывъ о своемъ отпускѣ и русской службѣ. Похожденія его въ Испаніи были самыя разнообразныя и превратныя. Сначала ему везло, потомъ не повезло. Онъ путался въ политическія дѣла, въ заговоры, ловеласничалъ, дрался на дуэляхъ, подвергался многоразличнымъ непріятностямъ, попадалъ въ самыя безвыходныя положенія, вывертывался изъ нихъ и снова попадался. Разъ даже попалъ въ инквизицію, тогда еще дѣятельную въ Испаніи (въ первой четверти вѣка), сидѣлъ въ подземельѣ, даже испыталъ слегка удовольствіе инквизиціонныхъ пытокъ, но и оттуда какъ-то успѣлъ выскочить. Поступилъ въ военную службу и, по тогдашнимъ сумятицамъ въ Испаніи, воевалъ со всякими врагами, чужими и своими; опять замѣшался въ какую-то революцію, кажется Ріего Нуneца, и опять попалъ въ Мадридскую тюрьму, на этотъ разъ очень серьезно, потому что его приговорили къ разстрѣлянію. Въ такомъ печальномъ обстоятельствѣ, ему какимъ-то образомъ удалось дать о себѣ знать русскому посланнику, къ которому онъ обратился какъ русскій подданный и офицеръ, съ просьбою о заступничествѣ. Посланникъ заступился, выручилъ его и отправилъ прямо въ Петербургъ. Изъ Петербурга Квартано безъ дальнихъ проволочекъ препрово-

дили на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ солдатомъ, коимъ онъ пребывалъ пятнадцать лѣтъ. Всѣ эти злоключенія нисколько не измѣнили его всегда веселаго, беззаботно-добродушнаго характера. Въ полку онъ былъ любимъ товарищами и въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ полковымъ командиромъ Безобразовымъ. По производствѣ въ офицерскій чинъ, уже въ преклонномъ возрастѣ, онъ послужилъ еще въ полку нѣсколько времени, потомъ перешелъ въ гражданскую службу, проходилъ разныя маленькія должности и наконецъ встрѣтилъ меня на Музуглинской канавѣ въ санѣ участковаго засѣдателя. Впослѣдствіи онъ поступилъ въ мое управленіе лѣсничимъ, а затѣмъ пристроился на службу по провіантской части.

Главное достоинство Квартано заключается въ томъ, что онъ преинтересный разсказчикъ неистощимаго запаса анекдотовъ, всякихъ курьезныхъ продѣлокъ и исторій, которыя онъ умѣетъ мастерски передавать. Ему теперь далеко за восемьдесятъ, если не болѣе; но не смотря на свою бурную, неудачную жизнь, ему все еще очень не хочется умирать. Онъ съ грустнымъ видомъ, потихоньку сообщаетъ добрымъ знакомымъ о своемъ желаніи, чтобы на его могильномъ камнѣ была сдѣлана надпись:

Здѣсь лежитъ Квартано,
Который умеръ слишкомъ рано.

Въ нашемъ путешествіи такой спутникъ былъ истинной находкой.

Ѣхали мы въ Александрополь и обратно, прямыми дорогами, часто совсѣмъ непроѣздными, почти все верхомъ; карабкались по горамъ, трущобамъ, обѣдали въ степи, въ лѣсахъ, у ручьевъ, ночевали въ кибиткахъ и буйлятникахъ. Въ иныхъ деревняхъ попадались и сносныя квартиры, гдѣ мы даже устраивали преферансъ. Заѣзжали въ аулы, кочевки, греческія, армянскія, молоканскія, татарскія поселенія. На половинѣ дороги, между Амамлами и Кишлагомъ, видѣли памятникъ Монтрезору, убитому въ 1804 году, сооруженный Воронцовымъ. Однажды пришлось намъ заночевать въ глухомъ, дикомъ мѣстѣ, въ горахъ. Усталые отъ труднаго пути, поздней ночью, мы усѣлись въ пустой саклѣ пить чай. Вдругъ въ ночной тишинѣ раздался рѣзкій звонъ почтоваго колокольчика; мы удивились, что въ такую пору и въ такомъ мѣстѣ кто-нибудь можетъ ѣхать на почтовой тройкѣ; но еще

болѣе удивились, когда уѣздный начальникъ, участковый засѣдатель и другіе чиновники, провожавшіе меня, очень серьезно заявили, что *никто не ѣдетъ.*

— «Какъ не ѣдетъ? Да вѣдь это почтовый колокольчикъ! Слышите какъ громко раздается!»

— «Слышимъ; не разъ ужъ слышали, только это никто не ѣдетъ».

— «Да откуда же колокольчикъ? Гдѣ онъ звонитъ? Вѣдь это же не эхо какое-нибудь!»

— «Какое эхо! Развѣ можетъ быть такое эхо. Богъ его знаетъ, что̀ это такое!»

И чиновники только разводили руками въ знакъ своего полнѣйшаго недоумѣнія, а на дальнѣйшіе разспросы разсказали слѣдующее. По свидѣтельству всѣхъ окружныхъ мѣстныхъ жителей, здѣсь прежде никогда не было слышно никакого колокольчика. Лѣтъ десять тому назадъ, этими мѣстами, по брошенной нынѣ дорогѣ внизу, въ долинѣ, проѣзжалъ ночью почтовой тройкой на перекладной съ колокольчикомъ комисаріатскій чиновникъ; на него напали разбойники и убили его и ямщика. Съ тѣхъ поръ по ночамъ сталъ здѣсь раздаваться звонъ почтоваго колокольчика, и такъ громко, что слышенъ въ горахъ на далекое разстояніе. Позвонивъ нѣсколько минутъ, онъ умолкаетъ, а потомъ опять начинаетъ звонить, и такъ продолжается до разсвѣта, когда звонъ совсѣмъ прекращается, и днемъ его никогда не слышно. Изъ любопытства, по этому поводу уже наводили справки, разспрашивали жителей, но рѣшительно не могли добиться никакого удовлетворительнаго объясненія; общее убѣжденіе стояло на томъ, что этотъ таинственный звонъ происходитъ не отъ міра сего, и есть прямое послѣдствіе убійства комисаріатскаго чиновника, ѣхавшаго на тройкѣ съ колокольчикомъ.

Въ концѣ сентября я возвратился въ Тифлисъ, куда уже давно переѣхало мое семейство изъ Пріюта. Два дня спустя послѣдовало достопамятное для страны событіе: 25-го сентября Тифлисъ торжественно встрѣчалъ прибытіе путешествовавшаго по Кавказу и Закавказскому краю великаго князя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, нынѣ царствующаго Императора. Грузія въ первый еще разъ по присоединеніи своемъ къ Россіи принимала такого гостя изъ русской царственной семьи, да еще и наслѣдника престола. Я, вмѣстѣсъ прочими официіальными ли-

цами, ожидалъ отъ трехъ до шести часовъ въ Сіонскомъ соборѣ пріѣзда его высочества. Шествіе, въ сопровожденіи громадной толпы, со всѣми амкарскими цехами съ ихъ значками и атрибутами, двигалась медленно. По совершеніи молебствія экзархомъ Грузіи Исидоромъ (нынѣшнимъ митрополитомъ Петербургскимъ), Наслѣдникъ отправился въ открытомъ экипижѣ съ княземъ Воронцовымъ въ домъ намѣстника. На слѣдующій день я представлялся въ общемъ пріемѣ его высочеству, а затѣмъ обѣдалъ на парадномъ обѣдѣ у намѣстника. На третій день вечеромъ дворянство давало раутъ въ караванъсараѣ, близъ темныхъ рядовъ. Обширная, крытая площадка посреди зданія караванъ-сарая, окруженная внутри грязными лавками, была превращена въ великолѣпную залу, роскошно разукрашенную зеленью, цвѣтами, деревьями, коврами, фонтанами съ бьющими изъ нихъ струями краснаго и бѣлаго кахетинскаго вина, имѣвшую при яркомъ освѣщеніи дѣйствительно волшебный видъ. Наслѣдникъ казался очень доволенъ, со многими милостиво разговаривалъ, особенно любезно съ дамами. Онъ потѣшался нѣкоторыми грузинскими проказами по части питія и тостовъ въ честь его августѣйшаго присутствія; съ удивленіемъ смотрѣлъ на подвигъ кахетинскаго атлета, стараго князя Гульбата Чавчавадзе, когда тотъ, за здравіе и многолѣтіе дорогого гостя, выпилъ залпомъ огромный турій рогъ вина, почерпнутаго изъ фонтана, не отнимая губъ отъ рога до послѣдней выпитой капли. Въ разговорахъ съ иными лицами Великій Князь иногда добродушно улыбался при наивныхъ выраженіяхъ, несовсѣмъ привычныхъ для его слуха. Такъ, обратившись къ одной почтенной туземной княгинѣ, вдовѣ заслуженнаго генерала, плохо говорившей по-русски, которая стояла въ числѣ многихъ другихъ дамъ на невысокой эстрадѣ, неслишкомъ прочно устроенной,—Наслѣдникъ спросилъ у нея: не боится ли она тамъ стоять, какъ бы не подломилось, не лучше ли сойти внизъ? — Княгиня съ апломбомъ отвѣчала:

— «Нѣтъ, ваше височество! Я ничего не боюсь. Я только боюсь одни *миши*» (то-есть мышей).

Это откровенное признаніе безстрашной княгини вызвало веселую улыбку на лицѣ Наслѣдника.

На четвертый день, 29 сентября, его высочество оставилъ Тифлисъ, а 3-го октября князь Воронцовъ послѣдовалъ за нимъ. Вскорѣ и я предпринялъ небольшой объѣздъ нѣмецкихъ колоній,

недѣли на двѣ, взявъ съ собой жену мою съ внуками до Маріенфельда, гдѣ они остались подождать меня. Мнѣ хотѣлось доставить имъ удовольствіе пожить еще немного посреди зелени, погулять въ садахъ до наступленія зимы, когда Елена Павловна, по разстроенному здоровью, уже не могла выходить изъ дома до самой весны. Въ самомъ Тифлисѣ и его окрестностяхъ и теперь (въ 60-ыхъ годахъ) мало зелени, а тогда еще было меньше. Съ одной стороны города, растянутаго вдоль Куры, голыя скалы, камни; съ другой—обнаженныя, пустынныя горы. Всего только одинъ садъ, при домѣ намѣстника, недоступный для публики кромѣ одного раза въ недѣлю, по четвергамъ, а въ настоящее время и вовсе закрытый для нея. Другой садъ, муштаидъ, далеко за городомъ, по той сторонѣ рѣки, и несовсѣмъ удобный для прогулокъ. Затѣмъ, въ городской нѣмецкой колоніи за Курой, при домахъ огороды и виноградники. Вотъ и все по части зелени. Теперь, по распоряженію князя Барятинскаго, на Александровской площади разведенъ паркъ, но еще долго надо дожидаться, пока онъ разростется*). Во время этой непродолжительной поѣздки, я сильно простудился и долго страдалъ ревматической болью въ зубахъ, лихорадочнаго свойства, отъ коей отдѣлался только усиленными пріемами хины.

Въ ноябрѣ сынъ мой Ростиславъ снова опредѣлился на службу въ Закавказскую артиллерію и назначенъ въ легкую горную батарею 20-й бригады, квартировавшую въ урочищѣ Кусарахъ, Шемахинской губерніи, на самой границѣ южнаго Дагестана. Я самъ представилъ сына моего въ офицерскомъ мундирѣ князю Воронцову, начальнику штаба Коцебу и князю Бебутову, которые приняли его очень привѣтливо. Чрезъ два мѣсяца, 9-го января 1851-го года, онъ выѣхалъ къ мѣсту своего назначенія; хотя я радъ былъ его поступленію на службу, но съ великою грустію разставался съ нимъ. Тяжело было намъ провожать его изъ дома, не зная, скоро ли придется увидѣться, да и придется ли еще увидѣться по невѣрности человѣческой жизни вообще, и особенно при тѣхъ опасностяхъ постоянной войны, которымъ подвергались тогда на Кавказѣ военные люди. Однако же опасенія наши, по счастію, не оправдались, и

*) Онъ ужъ давно разроссся и былъ бы истиннымъ благодѣяніемъ для города, если бы верхняя его часть, выходящая на Головинскій проспектъ, не была почти истреблена для постройки зданія „храма славы", въ воспоминаніе Кавказской войны. Жаль, что не нашли для него другого мѣста.

мнѣ пришлось увидѣться съ сыномъ моимъ гораздо ранѣе, нежели я тогда предполагалъ.

Между тѣмъ нездоровье мое продолжалось, а служебныя занятія, со времени открытія экспедиціи, все умножались, но все же далеко не въ той мѣрѣ и безъ тѣхъ непріятностей, какъ это было въ Саратовѣ,—отъ чего избави Богъ всякаго добраго человѣка. На этотъ разъ занятія мои усились вслѣдствіе передачи въ вѣдомство государственныхъ имуществъ церковныхъ имѣній края, по поводу чего князь Михаилъ Семеновичъ возилъ меня къ экзарху Грузіи, для переговоровъ по этимъ дѣламъ. Я былъ знакомъ съ преосвященнымъ Исидоромъ лишь по визитамъ, съ этихъ же поръ установившіяся дѣловыя отношенія заставили насъ чаще видѣться и сблизили насъ до короткаго, можно сказать дружескаго знакомства, коимъ я тѣмъ болѣе дорожилъ, чѣмъ лучше узнавалъ нашего достойнаго пастыря. Его давно уже нѣтъ въ Тифлисѣ, онъ теперь занимаетъ высокій постъ митрополита Петербургскаго и Новгородскаго, но наши хорошія отношенія этимъ не прервались и поддерживаются постоянной перепиской, которую я сердечно цѣню какъ знакъ его добраго расположенія ко мнѣ.

Въ мартѣ 1851-го года начались снова мои обязательные разъѣзды, сперва по ближайшимъ поселеніямъ и водопроводамъ, а потомъ въ Елисаветпольскій уѣздъ и въ раскольничьи поселенія Шемахинской губерніи. Колонія Анненфельдъ находилась въ томъ же бѣдственномъ положеніи какъ и прежде, по причинамъ гибельнаго климата, удушливаго жара и чрезвычайнаго множества вредныхъ насѣкомыхъ въ лѣтнее время. Городъ Елисаветполь по прежнему красовался лишь одними вѣковыми, громадными чинарами, а народъ повсемѣстно нуждался въ пропитаніи: всходы на поляхъ обѣщали хорошій урожай, но признаки саранчи уже заранѣе понижали эти обѣщанія. Колонія Еленендорфъ въ наружномъ видѣ значительно поправилась, много построилось и строилось новыхъ домовъ, шелководство подвигалось, вообще благосостояніе замѣтно развивалось. Здѣсь дѣла задержали меня опять дней на пять. Между прочимъ, я осматривалъ поля, сады колонистовъ и сдѣлалъ пріятную прогулку на гору Мурутъ, откуда открывается превосходный видъ. Въ колоніи мнѣ разсказывали объ одной удивительной продѣлкѣ медвѣдя, незадолго предъ тѣмъ гулявшаго въ здѣшнихъ мѣстахъ, какъ и многіе его собратья. Нѣсколько

человѣкъ нѣмцевъ-колонистовъ шли въ поле на работы. Съ одной стороны отъ нихъ возвышалась стѣной высокая скала, вдоль середины которой, надъ обрывомъ, тянулась узенькая тропинка, пробитая между камнями. Нѣмцы увидѣли снизу, что по тропинкѣ пробирается большой медвѣдь, а навстрѣчу ему, съ другого конца, идетъ маленькая дѣвочка, лѣтъ трехъ, колонистка. Встрѣча дѣвочки съ медвѣдемъ была неминуема, разойтись не возможно; о помощи нечего было и думать, такъ какъ взобраться на скалу въ этомъ мѣстѣ совершенно не мыслимо, а нѣмцы и не имѣли съ собою никакого огнестрѣльнаго оружія, которымъ бы могли подстрѣлить медвѣдя. Колонисты остановились въ нѣмомъ ужасѣ, безполезными, безсильными зрителями этой потрясающей картины. Дѣвочка шла сначала беззаботно, очевидно не замѣчая приближающагося звѣря; разстояніе между ними все уменьшалось, они сходились все ближе и ближе. Наконецъ, дѣвочка увидѣла медвѣдя, и остановилась какъ оцѣпенѣлая. Медвѣдь тихо и мѣрно подвигался впередъ, подошелъ къ ней совсѣмъ близко, и въ трехъ—четырехъ шагахъ тяжело поднялся на заднія лапы. У зрителей внизу скалы заледенѣла кровь отъ ужаса, они молча смотрѣли на происходившее предъ ними. Дѣвочка стояла неподвижно. Медвѣдь на двухъ лапахъ подступилъ къ ней вплоть, протянулъ переднія лапы, обхватилъ дѣвочку за туловище, поднялъ ее—и перебросилъ черезъ свою голову назадъ, за себя. Дѣвочка упала на дорожку, а медвѣдь, опустившись на переднія лапы, спокойно продолжалъ свое шествіе далѣе. Онъ просто удалилъ ее, какъ встрѣтившееся на тропинкѣ препятствіе, и вполнѣ этимъ удовольствовался. Нѣмцы бросились въ обходъ горы, взобрались на тропинку и нашли дѣвочку уже на ногахъ, не только невредимою, но даже не слишкомъ испуганною. Ее благополучно доставили въ домъ къ родителямъ, которые, узнавъ о происшествіи съ дочерью, хотя и ужаснулись опасности, угрожавшей ей, но еще болѣе умилились добродушіемъ медвѣдя, такъ же какъ и вся колонія.

Изъ Елисаветполя я направился къ Шемахѣ. Въ раскольничьихъ деревняхъ Шемахинской губерніи, въ средѣ прочихъ сектантовъ, проживали и скопцы, число которыхъ простиралось до 350-ти душъ. Я нашелъ водвореніе ихъ въ земледѣльческихъ поселеніяхъ вовсе безполезнымъ, по неспособности ихъ къ хлѣбопашеству и тяжелымъ работамъ. Всѣ скопцы, безъ исключенія, были торгаши,

ремесленники или поденщики. Въ Закавказскомъ краѣ удобнѣе разселять ихъ по городамъ, и преимущественно такимъ городамъ, гдѣ нѣтъ или мало русскихъ: секта эта ни мусульманъ, ни армянъ къ себѣ не привлечетъ, а въ городахъ они, пока не перемрутъ, все-таки могутъ приносить какую-либо пользу мастерствами и поденною работою. Въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ селеніяхъ открылось, что по камеральнымъ описаніямъ показывалось больше семей и душъ, нежели сколько дѣйствительно на лицо было, въ тѣхъ видахъ, чтобы въ это вакантное число принимать бѣглыхъ и бродягъ. Нѣсколько виновныхъ, и въ томъ числѣ писаря, по изобличеніи, сосланы въ арестантскія роты въ Баку; но этимъ далеко не искоренено зло, противъ котораго слѣдовало бы принять въ самомъ началѣ строгія мѣры, дабы не дать ему развиться.

Пробывъ въ Шемахѣ четыре дня, я заѣхалъ въ большое раскольничье селеніе Алты-Агачъ, лучше прочихъ устроенное; тутъ скопцы сосредоточились въ наибольшемъ количествѣ, свыше полутораста душъ. Впослѣдствіи значительнѣйшая часть изъ нихъ перешла въ православіе, построила церковь и — при разумномъ направленіи мѣстнаго начальства—если таковое будетъ—можно было бы надѣяться, что и всѣ они со временемъ обратятся. Оттуда я повернулъ чрезъ городъ Кубу въ урочище Куссары, лежащее въ десяти верстахъ отъ города, чтобы посѣтить моего сына, находившагося на службѣ въ артиллерійской бригадѣ, тамъ квартировавшей. Сынъ встрѣтилъ меня въ Кубѣ. Я ѣхалъ съ зятемъ моимъ Ю. Ф. Витте и добрымъ знакомымъ, капитаномъ генеральнаго штаба А. В. Фрейгангомъ, присоединившимся ко мнѣ въ Шемахѣ, и всѣ вмѣстѣ отправились въ Куссары, гдѣ насъ приняли отлично. Полковой командиръ Манюкинъ и батарейный Кудрявцевъ старались сдѣлать для меня пріятнымъ пребываніе въ ихъ стоянкѣ, и задержали меня тамъ долѣе, нежели я предполагалъ. Самое большое удовольствіе они мнѣ доставили тѣмъ, что не могли нахвалиться моимъ сыномъ, который хотя еще недолго находился въ ихъ средѣ, но успѣлъ уже пріобрѣсть любовь и уваженіе своихъ товарищей и начальниковъ. Вскорѣ должны были открыться военныя дѣйствія. Сынъ мой ихъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ, понятнымъ въ молодомъ человѣкѣ съ врожденной наклонностію и призваніемъ къ военному дѣлу.

Урочище Куссары было занято подъ военное поселеніе однимъ изъ первыхъ, еще при Ермоловѣ, въ 1821 году, и выбрано дѣйствительно необыкновенно удачно, по климату, мѣстоположенію, обилію воды и лѣса. Оно и устроено лучше всѣхъ другихъ подобныхъ поселеній; между прочимъ разведены два хорошіе сада, одинъ при домѣ полкового командира, другой общественный, большой, тѣнистый, съ отборными фруктовыми деревьями. Несовсѣмъ только удобно расположены постройки, всѣ деревянныя и тѣсно скученныя между собою, что̀ должно быть очень опасно при пожарахъ.

По выѣздѣ изъ Куссаръ, сынъ мой проводилъ меня до Баку. Въ тридцати верстахъ отъ Кубы, я заѣзжалъ въ урочище Астаръ-Абадъ, къ Джафаръ-Кули хану, для осмотра его плантацій марены на казенной землѣ, отведенной ему для сего четыре года назадъ, коими онъ занимался очень удовлетворительно. Далѣе путь пролегалъ по приморской долинѣ, имѣющей въ ширину отъ одной версты до десяти и болѣе верстъ до подножія горъ. Замѣчательна по формѣ и громадности скала Шайтанъ-Дагъ. Встрѣчалось много соляныхъ озеръ. Винодѣлія въ этой мѣстности никакого не производится, лишь нѣсколько армянъ гонятъ изъ винограда водку. Довольно оригинально, что крѣпостные крестьяне татарскихъ бековъ работаютъ своимъ господамъ всего только три дня въ годъ.

Городъ Баку (нынѣ уже губернскій) замѣтно улучшился съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ: пароходное сообщеніе съ Астраханью постоянно оживляло его; но торговля съ Персіей производилась почти исключительно только Бакинскими судохозяевами татарами. Наступившее лѣто давно ужъ давало себя чувствовать; жара, угнетавшая меня предъ тѣмъ въ дорогѣ, проявилась здѣсь во всей своей силѣ, съ прибавленіемъ вѣтра и страшной пыли, что̀ однако не помѣшало мнѣ въ теченіе пяти дней, проведенныхъ въ Баку, снова между дѣломъ заняться осмотромъ города и его достопримѣчательностей, впрочемъ не слишкомъ многочисленныхъ. Я побывалъ въ крѣпости, развалинахъ ханскаго дворца, мечети, общественномъ саду, съѣздилъ на знаменитые Бакинскіе огни. Ежедневно купался въ морѣ. На шестой день, погрустивъ при разставаніи съ моимъ сыномъ, продолжалъ я свое странствіе по берегу Каспійскаго моря, до рыбныхъ промысловъ, составляющихъ важнѣйшую оброчную статью Закав-

казскаго края, и въ раскольничьи поселенія Ленкоранскаго уѣзда.

Въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости, длинный спускъ съ горы Падамбаръ ведетъ въ ровную степь, которая тянется до Караванъ-Сарая, откуда путь приближается къ Курѣ; по дорогѣ попадаются остатки большого водопровода и страннаго вида пространство на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, усѣянное все сплошь огромными каменьями. На ватагѣ Торна-Кале меня встрѣтилъ управлявшій рыбными промыслами откупщикъ Аршакуни, проводившій меня на Божій промыслъ, куда я прибылъ рано утромъ наканунѣ Вознесенія. Послѣ хорошаго отдыха и сытнаго обѣда, я успѣлъ осмотрѣть всѣ заведенія, былъ въ церкви у всенощной, а вечеромъ пили чай и играли въ преферансъ въ бесѣдкѣ. Заведенія промысла поддерживались довольно хорошо; видно было, что Аршакуни дѣятельно занимался и старался объ устройствѣ дѣлъ своей компаніи. Нѣкоторыя строенія воздвигались вновь, построена больница, приступали къ постройкѣ каменной церкви вмѣсто ветхой деревянной. Оброчная сумма уплачивалась исправно, и вообще все состояло въ желательнномъ видѣ.

Переѣхавъ черезъ Куру, потомъ немного сухопутьемъ до Мертваго Култука, мы для разнообразія сѣли на морскія лодки и поплыли моремъ. Сначала плыли очень пріятно, но скоро поднялся вѣтеръ, поднялась неизбѣжная съ нимъ качка, замедлявшая движеніе, что̀ наконецъ показалось мнѣ порядочно скучно; я рѣшился выбраться на берегъ и заночевать у рынка ватаги, близъ селенія Кизилъ-Агача, откуда направился на ватагу въ Кумбаши, а затѣмъ, въ тотъ же день къ обѣду, въ Ленкорань. Изъ частныхъ ватагъ, рынокъ Кизилъ-Агача не слишкомъ значителенъ, Кумбаши важнѣе какъ по значительности лова, такъ и по центральности онаго въ Ленкоранскихъ промыслахъ.

При осмотрѣ различныхъ заведеній и учрежденій рыбныхъ производствъ, мнѣ мимоходомъ случилось видѣть курьезное зрѣлище изъ рыбьяго живого міра. Въ томъ мѣстѣ у берега, куда выкидываютъ негодные къ употребленію отброски рыбы, въ нарочно устроенной для того постройкѣ, постоянно кишитъ необычайное множество сомовъ, въ ожиданіи добычи, на которую они набрасываются цѣлыми стаями съ изумительною жадностію и проворствомъ, перехватывая ее другъ у друга. Отъ плеска и движенія ихъ, вода

здѣсь бурлитъ какъ кипятокъ въ котлѣ. Сомы бо́льшею частію преогромные, иные почти что въ родѣ маленькихъ китовъ, и пресильные. Одинъ изъ моихъ чиновниковъ, плотный, широкоплечій здоровякъ, вздумалъ потягаться силой съ этими водяными хищниками. Для опыта онъ взялъ длинную веревку, на одинъ конецъ ея привязалъ большой кусокъ рыбьяго хвоста, а другой конецъ взялъ крѣпко въ обѣ руки, и конецъ съ приманкой бросилъ въ воду. Въ то же мгновеніе громадный сомъ, накинувшись на добычу, рванулъ веревку съ такой силой, что чиновникъ чуть было тоже не достался на съѣденіе сомамъ, да и достался бы, если бы не успѣлъ, уже налету въ воду, поскорѣе выпустить изъ рукъ веревку, и если бы люди, стоявшіе возлѣ него, схвативъ его, не удержали отъ неминуемаго паденія въ пучину морскую и пасть сомину ю.

Управляющій Аршакуни принималъ меня въ районѣ его дѣятельности, со всей широтой гостепріимства, обычнаго у всѣхъ откупщиковъ при пріѣздахъ какого-либо начальства или вліятельнаго лица, особенно по части ѣды и питія. Шампанское лилось настоящимъ Ніагарскимъ водопадомъ, какъ будто бы черпалось изъ неисчерпаемаго Каспійскаго моря. Собственно мое личное участіе въ этомъ фестивалѣ было болѣе нежели скромное, но чиновники, находившіеся со мной, люди молодые, здоровые, кажется не отказались отъ благопріятнаго случая вдоволь покутить, что проявилось весьма замѣтно на слѣдующее утро, когда пришлось заниматься дѣломъ. Въ то время я былъ далекъ отъ предположенія, чтобы откупщикъ Аршакуни могъ изобразить изъ себя какой-либо интересъ въ общественномъ отношеніи или послужить предметомъ для толковъ и сужденій, помимо его рыбныхъ и торговыхъ предпріятій. Однако, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ умудрился заставить много о себѣ говорить и даже недоумѣвать, по причинѣ, которую считаю нелишнимъ передать, какъ исключительную странность въ человѣкѣ его солидныхъ лѣтъ и промышленнаго поприща.

Вахтангъ Богдановичъ Аршакуни, типъ армянскаго торгаша не высшаго разряда, какъ физически, такъ и морально, стремившійся единственно къ наживѣ, наружности весьма некрасивой, грубаго азіатскаго покроя, не представлялъ своею личностію ровно ничего интереснаго, а тѣмъ менѣе симпатичнаго или достойнаго упоминанія, если бы вскорѣ не обнаружилъ наклонности къ такому увлече-

нію, которое шло совершенно въ разрѣзъ съ его натурой и составляло въ немъ загадочное психическое явленіе. По происхожденію простолюдинъ, сынъ мелкаго торговца или духанщика, какимъ и самъ былъ въ началѣ, онъ попалъ въ число низшихъ служащихъ по торговлѣ къ богатому Тифлисскому коммерсанту Мирзоеву, заслужилъ его довѣріе, сдѣлался его приказчикомъ, повѣреннымъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ составилъ себѣ состояніе, позволившее ему вступить главнымъ лицомъ въ компанію, взявшую на откупъ рыбные промыслы, коими и управлялъ очень успѣшно. Дѣло велъ онъ вообще хорошо, разумѣется не забывая себя на первомъ планѣ, и довелъ свои капиталы до милліоннаго размѣра. Все это вещи бывалыя, обыкновенныя; но онъ задумывалъ и несовсѣмъ бывалое. Въ душѣ этого коммерческаго человѣка, поглощеннаго, казалось, сполна разсчетами, оборотами и барышами, таился завѣтный идеалъ, созрѣвала задушевная мечта, пустившая глубокій корень. Эта мечта была—диковинный домъ, на удивленіе всего Закавказья. Быть можетъ еще въ своемъ дѣтствѣ, когда Аршукани уличнымъ мальчишкой шнырялъ по базарамъ или служилъ на побѣгушкахъ въ духанахъ и пурняхъ (пекарняхъ), онъ наслушался въ досужіе часы отъ бродячихъ сазандаровъ и рыночныхъ краснобаевъ, въ ихъ пѣсняхъ и сказкахъ, описанія волшебныхъ дворцовъ, сказочныхъ чертоговъ съ хрустальными стѣнами, зеркальными потолками, жемчужными фонтанами, всѣми затѣями пылкой восточной фантазіи, и чудесные разсказы неотразимо запечатлѣлись въ его воображеніи. Быть можетъ это побужденіе возникло изъ какого-либо другого источника, только сказочный домъ крѣпко засѣлъ въ его умѣ, сидѣлъ тамъ многіе десятки лѣтъ, и всѣ наживаемыя деньги предназначались на созиданіе онаго.

Самой главной, непремѣнной принадлежностію дома, въ родѣ драгоцѣннаго перла, должна была въ немъ соорудиться пара залъ, «*зеркални и хрустални*»—по выраженіи Аршакуни; а затѣмъ, по окончаніи всего сооруженія, онъ мечталъ отпраздновать новоселіе необычайнымъ баломъ,—такимъ же диковиннымъ баломъ, какъ и диковинный домъ. На этомъ мечты его достигали всего своего предѣла и дальше не шли; онѣ изсякали отъ полноты и истощенія. Итакъ, когда по его разсчетамъ онъ накопилъ достаточно денегъ для осуществленія предположенной цѣли, онъ и приступилъ къ ея исполненію. Купилъ въ Тифлисѣ на Комендантской улицѣ, недалеко отъ

моей квартиры, большое мѣсто и занялся составленіемъ плановъ. Самъ онъ ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслилъ. Само собой понятно, всѣ архитекторы, подрядчики,—весь людъ, заинтересованный въ предпріятіи заботился только о томъ, чтобы побольше съ него взять денегъ, и брали сколько могли. Постройка началась и тянулась нѣсколько лѣтъ. Выписывались со всѣхъ сторонъ, даже изъ Персіи, различные мастера, рисовальщики, рѣзчики, золотильщики, для наружной и внутренней отдѣлки; выписывались изъ Европы и Азіи груды мебели, ковровъ, всякаго рода вещей, изъ коихъ попадались и хорошія, а по бо́льшей части хламъ, стоившій гораздо дороже своей цѣнности. За ними Аршакуни посылалъ нарочныхъ агентовъ. Между тѣмъ, постепенно воздвигалось и, наконецъ, воздвиглось причудливое, обширное зданіе, съ пристройками, прикрасами, башенками, узорчатыми рѣзными рѣшетками и рамами. Обработка внутренней части производилась еще мудренѣе внѣшней. Тамъ съ особой тщательностію сооружался *зеркални и кpycmaлни залъ*, съ мозаичными, зеркальными и изъ разноцвѣтныхъ стеколъ арабесками по потолку и стѣнамъ; отдѣлывалось множество комнатъ, каждая въ своемъ родѣ и вкусѣ, а вѣрнѣе сказать въ безвкусьѣ. Великолѣпный буфетъ съ широкимъ прилавкомъ, съ огромными стѣнными шкафами для посуды и серебра; комната съ мраморнымъ бассейномъ, со дна котораго возвышался громадный букетъ металлическихъ, ярко раскрашенныхъ или эмальированныхъ листьевъ и цвѣтовъ, изъ чашечекъ которыхъ должны были бить фонтанчики,—что́ было бы очень эффектно. И, такимъ образомъ, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Такъ какъ самъ Аршакуни ничего въ этомъ не понималъ и сознавалъ, что не понимаетъ, то и совѣтовался со всѣми, и, слѣдуя всѣмъ разнохарактернымъ совѣтамъ, передѣлывалъ и раздѣлывалъ все по многу разъ. Денегъ на это не жалѣлъ, сыпалъ золото изъ своихъ мѣшковъ какъ песокъ. Напримѣръ, онъ устроилъ комнату для библіотеки, а кто-то ему сказалъ: «На что вамъ библіотека? Лучше сдѣлайте здѣсь кунацкую» (для пріятельскихъ бесѣдъ).—Сейчасъ же библіотеку по-боку, разставлены тахты, раскинуты ковры, разбросаны шитыя подушки, и кунацкая готова. Потомъ явился новый совѣтникъ: «къ чему кунацкая? Ужъ лучше церковь. Какъ же такой богатый домъ безъ домовой церкви!» И немедленно кунацкую долой, потолокъ перестроенъ куполомъ, развѣшаны образа, и явилась маленькая армянская церковь. Но кому-

то церковь не понравилась; заявлено мнѣніе, что умѣстнѣе было бы здѣсь завести биліардную,—и разомъ совершена новая метаморфоза, и церковь обращена въ биліардную. Такъ шло безъ конца. Продѣлки выходили иногда просто шутовскія. Въ амбразурахъ оконъ «кругтални залъ» Аршакуни велѣлъ нарисовать альфреско, во весь ростъ, портреты—свой собственный, своей жены старой армянки, своихъ друзей и пріятелей. Азіатскій рисовальщикъ намалевалъ грубой кистью нелѣпѣйшія фигуры въ чохахъ и сюртукахъ съ длинными красными носами. Аршакуни восхищался. Но какой-то доброжелатель предложилъ портреты забѣлить и замѣнить арабесками съ цвѣтами, что́ и было благоразумно исполнено. Безвкусица и нелѣпица встрѣчались на каждомъ шагу. На дарбазахъ (стѣнныхъ потолкахъ) красовались самые разнородные предметы: богатый кальянъ, бронзовая группа, а возлѣ, рядомъ, мѣдный тазъ и сапожная щетка. Словомъ, все было очень оригинально, и постоянно толпы публики сходились смотрѣть на эти курьёзы.

Самое любопытное состояло въ томъ, что Аршакуни строилъ свой сказочный чертогъ и тратилъ на него всѣ свои многолѣтніе трудовые капиталы *единственно* только для того, чтобы реализировать свой идеалъ, а затѣмъ самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Вся цѣль, вся задача Аршакуни заключалась въ томъ, чтобы только построить этотъ домъ, и по окончаніи постройки задать въ немъ балъ на удивленіе всей Карталиніи: пригласить на балъ всю знать, *эрналовъ*, крупнѣйшихъ князей, всѣхъ городскихъ тузовъ; показать имъ при блестящемъ освѣщеніи «зеркалный и кругталный» залъ, провести по амфиладѣ фантастически разукрашенныхъ комнатъ, насладиться ихъ похвалами, удивленіемъ; угостить, накормить, напоить ихъ до крайней возможности. Такимъ финаломъ душа и умъ Аршакуни достигали зенита своихъ стремленій, и далѣе ничего болѣе не оставалось, какъ покоиться на лаврахъ полнаго удовлетворенія. Дальнѣйшая судьба дома, кажется, и не особенно его интересовала. Дохода домъ приносить не могъ никакого, а расходовъ на ремонтъ требовалъ много. Дѣтей у Аршакуни не было, оставлять же подобное наслѣдіе женѣ или роднымъ онъ и не помышлялъ. Да и самому ему жительствовать тамъ не совсѣмъ бы было сподручно, по непривычкѣ. Говорили, будто бы онъ хотѣлъ подарить домъ одному знатному лицу въ Петербургѣ или предоставить городу для какого-то общественнаго учрежденія.

Но какую жестокую, злую шутку сыграла съ бѣднымъ Аршакуни его фатальная судьба! Дѣйствительно вышла страшная насмѣшка неумолимаго рока. Дѣло подходило совсѣмъ къ концу, уже виднѣлась близкая пристань столькихъ заботъ и трудовъ, уже можно было предвидѣть срокъ окончанія всего строительства, даже навѣрно разсчитать время, чрезъ сколько мѣсяцевъ и когда именно можно будетъ отпраздновать торжество новоселья,—какъ вдругъ Аршакуни замѣтилъ въ себѣ какое-то нездоровье; не то чтобы мучительное, но затяжное. Лечился долго въ Тифлисѣ—не вылечился; поѣхалъ за границу, совѣщался съ разными европейскими знаменитостями, и вернулся въ томъ же положеніи. Навезъ съ собой цѣлый обозъ всякихъ вещей для дома. Тифлисскіе доктора отправили его въ Пятигорскъ или Ессентуки, откуда онъ возвратился больнѣе прежняго. Болѣзнь его опредѣлилась ясно и несомнѣнно: чахотка въ горлѣ. Между тѣмъ, за это время домъ совсѣмъ достроился, отдѣлался во всѣхъ частяхъ окончательно; оставалось только поставить заказанную на тифлисской гранильной фабрикѣ мраморную лѣстницу, которая должна была кончиться недѣли черезъ двѣ,—и тогда все было бы готово вполнѣ, и задавай Аршакуни балъ хоть въ тотъ же день, хоть предъ послѣднимъ своимъ вздохомъ. Но Аршакуни лежалъ уже въ постели, и умеръ за два дня до постановки лѣстницы. Конецъ сооруженія дома и конецъ жизни хозяина его совпали одновременно. Такъ и кончилась эта хотя сумбурная, но все же грандіозная затѣя. Армяне хоронили своего злополучнаго соплеменника съ великимъ почетомъ и торжествомъ; духовенства собралась тьма-тьмущая, гробъ несли на рукахъ высоко надъ головами; а за гробомъ его домашніе разсказывали всѣмъ желающимъ, какъ покойникъ мучился передъ смертію, не тѣломъ, а душою, не хотѣлъ даже говорить ни съ кѣмъ, и объясняли это въ армяно-коммерческомъ смыслѣ тѣмъ, что «если у человѣка хоть сто рублей денегъ есть, помирать какъ тяжело, а у него оставался такой домъ! *Какой болшой домъ, такой у него былъ болшой печалъ*!»

Домъ Аршакуни стоилъ болѣе восьмисотъ тысячъ. Аршакуни клалъ на него всѣ свои средства, не стоялъ ни за какими тратами на постройку,—и въ то же время трясся надъ копѣйками на посторонній расходъ. Когда онъ ѣхалъ на воды въ Пятигорскъ, чрезъ горы, по военно-грузинской дорогѣ, больной, въ лѣтнюю пору, его

томила жара, и онъ сталъ жаловаться сопровождавшему его фельдшеру на мучившую его нестерпимую жажду, на раздраженіе горла отъ пыли; на первой станціи онъ приказалъ достать себѣ молока, — доктора предписали ему пить молоко. Фельдшеръ принесъ ему стаканъ молока. Аршакуни схватилъ стаканъ, съ жадностію поднесъ къ губамъ и остановился.

— «Сколько стòитъ это молоко?»

— «Десять копѣекъ» — отвѣчалъ фельдшеръ.

— «Десять копѣекъ! Одинъ стаканъ десять копѣекъ! Ты сумасшедшій, что ли? Зачѣмъ не торговался?»

— «Я торговался, ничего не хотятъ уступить»,

— «Такъ не надо; зачѣмъ взялъ? Неси обратно, отдай, скажи имъ, больше трехъ копѣекъ не дамъ».

Фельдшеръ взялъ стаканъ и самъ выпилъ молоко, потому что заплатилъ десять копѣекъ за него изъ своихъ денегъ.

Какъ объяснить такіе несообразные контрасты? Человѣкъ бросаетъ безъ счета, безшабашно сотни тысячъ на пустую прихоть, на непроизводительную игру своей фантазіи, и въ то же время скаредно отказываетъ себѣ въ стаканѣ молока для утоленія жажды, для успокоенія больного горла, изъ-за десяти копѣекъ! Бываютъ же такіе по истинѣ загадочные фарсы иныхъ человѣческихъ натуръ.

Аршакуни, помнится, завѣщанія не оставилъ. Жена его, замужняя сестра и прочіе родственники, первымъ дѣломъ между собою перессорились и начали судное дѣло, продолжающееся до сихъ поръ. Запустѣлый домъ, сшитый на живую нитку, съ шатающимися полами, непрочными потолками, грозитъ опасностію развалиться. Мебель и вещи, наполнявшія его, мало-по-малу растаскиваются, а то, что̀ успѣетъ уцѣлѣть, предназначается къ распродажѣ съ публичнаго торга за безцѣнокъ. Такъ рухнуло прахомъ минутное величіе дома Аршакуни, возбуждавшее въ свое время общее любопытство, много толковъ и пересудовъ, а еще болѣе издѣвательствъ надъ чудачествами его несообразнаго хозяина*).

---

*) Домъ держится и понынѣ (1889 й годъ), но въ самомъ плачевномъ видѣ. Достался онъ нѣсколькимъ наслѣдникамъ, и былъ отданъ въ наемъ для помѣщенія „кружка", который потомъ оставилъ его; а домъ, проданный за самую ничтожную плату (кажется за шесть тысячъ рублей), находится въ полнѣйшемъ запустѣніи, съ выбитыми окнами, поломанными рамами, представляя печальную картину наступающаго положительнаго разрушенія.

Однако, эта длинная исторія отвлекла меня отъ моей поѣздки, къ которой давно бы ужъ пора вернуться.

Въ Ленкорани, уѣздный начальникъ Цвѣтаевъ возилъ меня на тамошнія горячія воды, въ горахъ, дикомъ мѣстѣ, дремучемъ лѣсу, совершенно безъ всякаго устройства и приспособленія для пользованія ими, даже безъ всякихъ обиталищъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ шалашей, въ одномъ изъ коихъ мы и пообѣдали. Изъ Ленкорани я проѣхалъ чрезъ раскольничьи поселенія въ Сальяны, откуда опять по рыбнымъ ватагамъ до Шемахинской дороги, затѣмъ прямо въ Елисаветполь и Еленендорфъ, гдѣ пробывъ около недѣли, возвратился 1-го іюня въ колонію Елисабетталь. Здѣсь я засталъ все мое семейство, переѣхавшее сюда въ ожиданіи меня, для избѣжанія уже наступившихъ въ Тифлисѣ сильныхъ жаровъ. Мы собирались провести это лѣто въ 55-ти верстахъ отъ Тифлиса, на Бѣломъ ключѣ, штабъ-квартирѣ грузинскаго гренадерскаго Великаго Князя Константина Николаевича полка, по настоятельному приглашенію полкового командира князя Илико Обреліани, бывшаго Елисаветпольскаго уѣзднаго начальника, фаворита князя Воронцова. Въ Елисабетталь ко мнѣ пріѣхали нѣсколько чиновниковъ по дѣламъ, и знакомыхъ—повидаться, въ числѣ ихъ Зальцманъ, съ которымъ во время его краткаго вояжа изъ города въ колонію случилось весьма необыкновенное приключеніе.

Выѣхалъ онъ изъ Тифлиса въ Елисабетталь верхомъ, вмѣстѣ съ тамошнимъ нѣмецкимъ пасторомъ, прямою дорогою чрезъ Коджоры. Спускаясь изъ Коджоръ съ крутой лѣсистой горы, густо заросшей деревьями и кустарникомъ, они пробирались гуськомъ, пасторъ впереди, а Зальцманъ шаговъ на тридцать позади его. Вдругъ пасторъ внезапно остановился и, не произнося ни слова, началъ производить руками какія-то таинственныя движенія, показывая Зальцману на что-то въ кустахъ. Зальцманъ понялъ изъ этой мимики, что пасторъ желаетъ, чтобы онъ молчалъ и не двигался съ мѣста; а потому, полагая, что онъ увидѣлъ въ кустахъ какого-нибудь звѣря и указываетъ на него, снялъ со спины заряженное ружье, которое всегда возилъ съ собою, прицѣлился по направленію жестовъ пастора и выстрѣлилъ. Въ то же мгновеніе пасторъ какъ снопъ свалился съ лошади на землю. Зальцманъ вообразилъ, что убилъ его, страшно перепугался, соскочилъ съ лошади, бро-

сился къ пастору; пасторъ лежалъ недвижимъ, безмолвенъ, безъ признака жизни. Зальцманъ тщетно его ворочалъ, осматривалъ, ощупывалъ: раны не видно, а пасторъ лежитъ совсѣмъ мертвый. Зальцманъ въ ужасѣ началъ взывать по-нѣмецки къ Богу; у пастора открылся одинъ глазъ—и опять закрылся; немного погодя открылись оба глаза и пасторъ произнесъ слабымъ, умирающимъ голосомъ:

— «Это вы, Зальцманъ? Гдѣ же медвѣдь?»

— «Какой медвѣдь?»

— «Медвѣдь, который бросился на меня?»

Зальцманъ подумалъ, что пасторъ сошелъ съ ума, но уже былъ радъ и тому, что онъ хотя ожилъ. Наконецъ, рѣшившись приподняться, пасторъ дрожащей рукою показалъ Зальцману на траву, гдѣ дѣйствительно виднѣлось вещественное доказательство проходившаго тамъ медвѣдя, оставившаго свой несомнѣнный сувениръ, изобиловавшій кизиловыми косточками (медвѣди страстно любятъ кизилъ). Послѣдовали объясненія. Выяснилось, что пасторъ, замѣтивъ этотъ слѣдъ, предположилъ, что медвѣдь сидитъ тутъ же, за кустомъ, и, чрезмѣрно струсивъ, сталъ показывать знаками спутнику своему, чтобы онъ не шевелился, ибо здѣсь скрывается нѣчто страшное; а когда раздался ружейный выстрѣлъ, пасторъ счелъ себя погибшимъ, въ увѣренности, что медвѣдь сейчасъ же на него бросится и растерзаетъ; но вдругъ вспомнилъ, что есть средство спастись отъ медвѣдя,—стóитъ только притвориться мертвымъ, и поспѣшилъ это привести въ исполненіе: свалился съ лошади и замеръ; а когда Зальцманъ его ворочалъ, онъ былъ увѣренъ, что это его ворочаетъ медвѣдь, и изъ всѣхъ силъ старался получше представляться мертвымъ. Только услышавъ его отчаянные возгласы надъ собою, пасторъ дерзнулъ сначала посмотрѣть однимъ глазомъ, а потомъ рѣшился открыть и оба. Такимъ образомъ оба путника обоюдно смертельно перепугали другъ друга и долго не могли опомниться отъ постигшаго ихъ изумительнаго казуса. Эта исторія очень позабавила насъ всѣхъ. Зальцманъ разсказывалъ намъ ее хотя и смѣясь, но все еще съ большимъ волненіемъ, неуспѣвшимъ затихнуть послѣ только что пережитаго ужаса отъ такой необычайной продѣлки пастора.

На Бѣломъ ключѣ я помѣстился, по просьбѣ кн. Орбеліани, въ его полковомъ домѣ, а семейство мое расположилось въ нѣ-

сколькихъ наемныхъ поселянскихъ домахъ, вблизи одинъ отъ другого. Климатъ здѣсь хорошій, воздухъ чистый, какъ на всѣхъ умѣренныхъ возвышенностяхъ, хотя днемъ, въ жаркую пору, иногда и припекаетъ довольно сильно и доходитъ въ тѣни до 20°, но безъ духоты, которая тяготитъ хуже самого жара. Мѣстоположеніе красивое, по типу мѣстной природы: много лѣса (пока не вырубили), много горъ, не въ дальнемъ разстояніи протекаетъ быстрая, многоводная рѣка Храмъ, живописно огражденная съ обѣихъ сторонъ высокими скалистыми берегами. Въ окрестныхъ лѣсахъ встрѣчаются развалины старинныхъ укрѣпленій, церквей; изъ послѣднихъ одна большая, красивая, особенно хорошо сохранившаяся, подъ названіемъ «зеленый монастырь», до того обросшая лѣсной чащей, что видѣть ее можно только добравшись къ самымъ стѣнамъ ея.

Бѣлый ключъ, какъ большое урочище, штабъ-квартира полка, болѣе походитъ на уѣздный городокъ нежели на деревню. Есть нѣсколько улицъ, есть хорошіе дома, церковь, казармы, разныя полковыя постройки; есть постоянное мѣстное офицерское общество, есть клубъ, къ тому же лѣтомъ всегда много пріѣзжихъ изъ Тифлиса, спасающихся отъ жаровъ; а потому обычаи и жизнь болѣе городского свойства, хотя не лишены отчасти свободы и простоты деревенской. Почти каждый вечеръ военная музыка играла возлѣ дома полкового командира. Князь Орбеліани относился къ намъ очень внимательно и заботливо; въ первые же дни нашего пріѣзда задалъ для насъ парадный обѣдъ. Часто устраивались разныя увеселенія, балы, танцовальные вечера у него и обществомъ офицеровъ, разъ даже устроился домашній спектакль, въ коемъ участвовала моя младшая внучка Вѣрочка. Мы ѣздили въ лѣсъ, на водяную мельницу, въ старинную крѣпость Шамъ-швильди, въ зеленый монастырь и другія красивыя мѣста пить чай и иногда обѣдать. 17-го іюня праздновали въ лѣсу день рожденія двухъ моихъ внуковъ, Бориса и Сергѣя Витте, родившихся въ одинъ и тотъ же день, черезъ годъ одинъ послѣ другого; молодцы уже были на возрастѣ,— Борису минуло три, а Сережѣ два года. *)

16-го іюля, въ шестомъ часу пополудни, мы всѣ любовались рѣдкимъ явленіемъ, великолѣпною картиною полнаго солнечнаго затменія, съ вершины одной изъ самыхъ высокихъ бѣлоключин-

*) Нынѣ (1897-й годъ) Борисъ Юльевичъ Витте состоитъ прокуроромъ судебной палаты въ Одессѣ, а Сергѣй Юльевичъ Витте—министромъ финансовъ.

скихъ горъ, *Гомера*. Для этой же цѣли тамъ собрались и полковой командиръ съ офицерами. Зрѣлище, по истинѣ, было поразительное. Съ высшей точки горы Гомеръ горизонтъ открывался широко во всѣ стороны. Постепенно усиливавшаяся тѣнь начавшагося затменія, какіе-то странные переливы и измѣненія цвѣтовъ при переходѣ отъ свѣта къ тьмѣ и потомъ обратно, представляли всю окружающую природу въ такомъ необычайномъ, волшебномъ видѣ, какой, кажется, не создать самому пламенному воображенію. По наступленіи полнаго затменія, эффектъ еще усилился: мракъ не достигалъ обсолютной темноты, даже былъ слабѣе обыкновенной безлунной ночи; въ немъ не было ничего чернаго, ничего сумрачнаго; онъ принялъ чудную, густо-фіолетовую окраску, и хотя она возрасла настолько, что небо загорѣлось яркими звѣздами, но вся окрестность виднѣлась совершенно явственно; только всѣ предметы, горы, лѣса, бездонныя низменности, скалы—все приняло неопредѣленныя, фантастическія формы, таинственныя очертанія, и какъ бы тонуло въ необъятномъ пространствѣ прозрачнаго, темно-фіолетоваго тумана. Картина производила потрясающее впечатлѣніе. Въ это же время, такая несвоевременная, чуждая обычному порядку и виду тьма произвела страшный переполохъ въ царствѣ животныхъ: птицы какъ одурѣлыя суматошились, шныряли съ крикомъ, карканіемъ, ища свои потерянные ночные пріюты; съ подножія горы до насъ доносились отчаянныя мычанія, блеянія, ржанія, хрюканія пасшихся стадъ, съ аккомпаниментомъ заунывнаго воя собакъ. Послѣ мы узнали, что и люди въ поселеніи и деревняхъ, хотя предупрежденные о предстоявшемъ затменіи, подверглись однако не менѣе животныхъ паническому страху: многіе прятались, молились, падая на колѣна, или въ нѣмомъ ужасѣ ожидали своего послѣдняго часа, въ увѣренности, что это настало свѣтопреставленіе.

Среди нашей публики на верхушкѣ горы Гомера, подъ вліяніемъ созерцанія чуднаго величія и красоты происходившаго передъ нами явленія, невольно хватавшаго за душу, заводились урывками разговоры самаго наивнаго содержанія. Задавался вопросъ: «и отчего это дѣлается затменіе?» Полковой казначей, поручикъ Шенгардъ, окончившій курсъ ученія въ Московскомъ университетѣ, счелъ удобнымъ отвѣчать подробнымъ разъясненіемъ причинъ и процесса солнечнаго затменія. Его начали слушать со вниманіемъ; но едва рѣчь зашла о движеніи земли вокругъ солн-

ца, нашъ добрый полковникъ, очевидно не довѣряя своимъ ушамъ, какъ бы съ испугомъ переспросилъ:

— «Что такое? Что вы это говорите? Земля движется?»

И, громко засмѣявшись, дружески, съ сожалѣніемъ замѣтилъ опѣшившему поручику:

— «Знаете, Шенгардъ, у васъ отъ слишкомъ большой учености совсѣмъ умъ за разумъ зашелъ. Что вы разсказываете! Развѣ можетъ земля двигаться!»

И, безнадежно махнувъ рукою, отвернулся отъ него. Лекція поручика на томъ и остановилась. При такомъ скептическомъ отношеніи начальства къ астрономіи, у поручика не хватило мужества повторить знаменитый возгласъ Галилея: E pur si muove!.. —и однако же она все таки движется!—И онъ благоразумно предпочелъ умолкнуть. Вскорѣ появившійся солнечный свѣтъ, а затѣмъ и само вечернее, пылающее іюльскимъ жаромъ солнце, во всей своей полности, безъ всякаго изъяна и недочета, окончательно успокоило взволнованныя чувства человѣческаго и животнаго міра.

Съ этого дня жары усилились, пришлось сидѣть закупорившись дома, и только по вечерамъ позволять себѣ удовольствіе подышать вольнымъ воздухомъ, и то далеко не свѣжимъ и не чистымъ. Впрочемъ, это продолжалось недолго, начали перепадать дождички, набѣгали маленькія грозы, освѣжавшія накаленную атмосферу.

Въ августѣ я получилъ увѣдомленіе, что сынъ мой въ дѣлѣ съ горцами раненъ пулею въ ногу, по счастію, не тяжело и не опасно, но все же такое начало при самомъ вступленіи его на военное поприще нѣсколько опечалило насъ страхомъ за будущее.

Третьяго сентября семейство мое возвратилось обратно въ Тифлисъ, а я въ то же время направился въ разъѣзды по Цалкскому округу и раскольничьимъ поселеніямъ Ахалцыхскаго и другихъ уѣздовъ. Первый ночлегъ мой былъ на Черепановомъ хуторѣ, всего въ десяти верстахъ отъ Бѣлаго ключа, гдѣ находится весь форштатъ и всѣ фуражные запасы гренадерскаго грузинскаго полка. Дорога оттуда до казачьяго штаба въ 25-ти верстахъ все подымается выше, сплошнымъ лѣсомъ, пересѣкающимся то рощами, то отдѣльными частями до самаго штаба, не доѣзжая до коего

уже начинается Цалка. Весь Цалкскій округъ былъ въ прежнее время значительно населенъ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество развалинъ: церквей и жилищъ, безпрестанно тамъ встрѣчающихся. Истребленіе и разсѣяніе жителей, состоявшихъ первоначально изъ грузинъ и армянъ, послѣдовало, по отзывамъ старожиловъ, вслѣдствіе набѣговъ лезгинъ изъ лѣсовъ Храмскихъ, постоянно ихъ разорявшихъ. Около 1780-го года, Умай ханъ увелъ въ плѣнъ до тысячи семей греческихъ поселенцевъ, а послѣ того Ага Магометъ ханъ сдѣлалъ то же самое; турки изъ Ахалцыхскаго пашалыка также часто производили опустошительные набѣги. Въ 1826 году Цалкскій округъ былъ совершенно пустъ. Первое его поселеніе вновь основалось съ 1829-го года, греками и армянами, вышедшими изъ Турціи. Тогда еще всѣ эти земли считались исключительно казенными, и изъ помѣщиковъ никто никакихъ притязаній на нихъ и не помышлялъ заявлять: что̀ продолжалось почти до нынѣшняго времени. Не болѣе двухъ, трехъ лѣтъ предъ этимъ, проявились помѣщики изъ князей, начавшіе добираться и сюда съ предъявленіемъ своихъ такъ-называемыхъ будто бы правъ и требованіями сабалахи, т. е. платы за прогонъ скота по ихъ землѣ. Не мало терпятъ жители и отъ татаръ, главнѣйше изъ кочевья Борчалинскаго участка, сильно притѣсняющихъ христіанъ неперестающимъ воровствомъ и угономъ скота. То и другое заставляетъ многихъ жителей переселяться въ другія мѣстности.

Въ 25-ти верстахъ отъ казачьяго штаба, съ горы Топоравани, открывается прекраснѣйшій видъ на озеро и за нимъ на горы. На берегу озера лежитъ духоборческая деревня Родіоновка. Здѣсь также все говоритъ о давно минувшемъ многолюдствѣ и богатствѣ страны; существуетъ еще превосходной архитектуры древняя церковь, которой по преданіямъ насчитываютъ болѣе девятисотъ лѣтъ; сохранился караванъ-сарай и много всякихъ развалинъ, матеріалы которыхъ употребляются духоборцами на свои избы и заборы.

Проѣхавъ по всѣмъ духоборческимъ деревнямъ, я нашелъ положеніе сектантовъ въ хозяйственномъ отношеніи вполнѣ удовлетворительнымъ, не смотря на всѣ ихъ жалобы, яко бы зѐмли ихъ по холодному климату не удобны къ хлѣбопашеству. Посѣвы бо̀льшею частію принимались хорошо, и на каждаго хозяина въ сложности доводилось до четырнадцати головъ рогатаго скота, до шести лоша-

дей и двадцати овецъ. Слѣдовательно, положеніе ничуть не бѣдственное, какъ имъ хотѣлось увѣрить.

Въ молоканской деревнѣ Воронцовкѣ случилось непріятное происшествіе. Передъ самымъ моимъ пріѣздомъ разразилась гроза, молнія ударила въ домъ молоканина Добрынина, назначенный для моей квартиры, убила человѣка и зажгла домъ, быстро сгорѣвшій до тла. Пожалѣвъ о несчастіи молоканина Добрынина, я, однако, остался очень доволенъ тѣмъ, что оно произошло ранѣе моего водворенія въ его домѣ, а не во время онаго.

Въ нравственномъ состояніи раскольниковъ, разумѣется, никакого преуспѣянія не обнаруживалось, кромѣ развѣ одного только замѣтнаго прогресса въ страсти къ наживѣ, которую они при случаѣ доводили до безобразнѣйшаго бездѣльничанія. Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Никитинѣ молоканскіе аферисты не церемонились ни съ кѣмъ для проявленія своихъ алчныхъ позывовъ. Въ прошломъ году, при проѣздѣ губернатора, за тарелку малины, собранной ребятишками въ сосѣднемъ лѣсу, и за самоваръ поставили въ счетъ семь рублей; а теперь и мнѣ поднесли счетецъ, въ которомъ записали пять рублей за тарелочку съ медомъ, выставленную обществомъ вмѣсто хлѣба-соли, при пріемѣ меня въ деревнѣ, какъ высшаго своего начальника. Изъ этихъ двухъ, хотя неважныхъ, образчиковъ видно, что эти деревенскіе люди, съ ихъ подразумѣваемой якобы сельской простотою, не въ примѣръ перещеголяли въ наглости самыхъ завзятыхъ столичныхъ обиральщиковъ.

Побывавъ въ Джелалъ-Оглы, Гергерахъ, перебравшись черезъ Безабдалъ (пѣшкомъ и верхомъ), въ Караклисъ, Ахтахъ и проч., я остановился дня на три въ Дарачичагѣ, откуда по другимъ деревнямъ и поселеніямъ къ октябрю прибылъ въ Тифлисъ, нѣсколько утомленный продолжительной, трудной дорогой и изнуряющими жарами, но дома скоро отдохнулъ и оправился.

Въ эту поѣздку я удостовѣрился, что молокане, въ ихъ вѣроученіи, лучше духоборовъ и скорѣе могутъ быть обращены въ православіе нежели послѣдніе, если когда-либо здѣшніе наши миссіонеры сами будутъ лучше, благоразумнѣе, терпѣливѣе и, особенно, менѣе своекорыстны, нежели донынѣ. Молоканскіе старики, изъ ихъ духовныхъ вожаковъ, разсказывали мнѣ между прочимъ, что будто бы духоборческая секта произошла отъ молоканской, отдѣлившись отъ оной въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія. Это пока-

заніе какъ бы согласуется съ заключеніемъ Гакстгаузена, въ его сочиненіи, томъ 1-й, стр. 344-я. Они говорятъ, что какой-то Семенъ (вѣроятно Колесниковъ) былъ первымъ отдѣлившимся отъ молоканъ и основавшимъ секту духоборцевъ. Молокане считаютъ себя въ своихъ духовныхъ правилахъ чище духоборцевъ тѣмъ, что держатся Священнаго писанія и читаютъ его, тогда какъ духоборцы слѣдуютъ исключительно изустному преданію, передавая его изъ одного поколѣнія въ другое, все въ болѣе и болѣе искаженномъ видѣ. Молокане имѣютъ стариковъ въ родѣ духовныхъ старшинъ; а духоборцы — по крайней мѣрѣ гласно — не признаютъ теперь никакихъ. Молокане по воскресеньямъ сходятся на молитвенныя собранія; у духоборцевъ же они бываютъ безъ различія дней, только по общему соглашенію. Вообще молокане, не смотря на свои заблужденія и долговременное отчужденіе отъ церкви, придерживаются христіанскихъ основаній; духоборцы же залѣзли въ такой омутъ, въ которомъ ничего не содержится кромѣ безсмысленнаго пустоболтанія*).

Въ октябрѣ къ намъ пріѣхалъ сынъ мой Ростиславъ, здоровый и довольный своей службой; рана его на ногѣ, хотя не серьезная, часто однако напоминала о себѣ. Военныя дѣйствія прекратились на зиму, и онъ воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы повидаться и пожить съ нами нѣсколько мѣсяцевъ, занимаясь при этомъ у начальника артиллеріи. Въ ноябрѣ я ѣздилъ не на долго въ колонію Маріенфельдъ, все по поводу канавы. Въ этомъ же мѣсяцѣ произошло пріятное событіе для Тифлисскаго общества, именно открытіе итальянской оперы, выписанной княземъ Воронцовымъ для усугубленія водворявшейся цивилизаціи Грузіи. Я не былъ на первыхъ представленіяхъ, предоставивъ это удовольствіе моимъ дѣтямъ, которые остались ими очень довольны. 22-го того же мѣсяца я присутствовалъ на пріемѣ князя, возвратившагося въ Тифлисъ, не совсѣмъ еще оправившагося отъ продолжительной лихо-

---

*) У молоканъ есть и исповѣдь. Если не всѣ, то многіе исповѣдуются у своихъ духовныхъ старшинъ. Только послѣдніе иногда употребляютъ странный способъ для очищенія грѣшниковъ отъ ихъ грѣховнаго бремени. Такъ, въ деревнѣ Воронцовкѣ духовный старшина Добрынинъ (тотъ самый, у котораго сгорѣлъ домъ), при исповѣди приходившихъ къ нему, держалъ возлѣ себя корову и усиленно теръ ее обѣими руками, увѣряя, что посредствомъ этой операціи втираетъ въ нее прегрѣшенія кающагося, и что такимъ образомъ всѣ исповѣдуемые грѣхи переходятъ цѣликомъ въ корову, а исповѣдующійся отъ нихъ вполнѣ освобождается; за что и получалъ надлежащее вознагражденіе. Быть можетъ, это былъ не общепринятый, но исключительный методъ исповѣди.

радки, сильно истомившей его; а чрезъ нѣсколько дней былъ у него же на парадномъ обѣдѣ, въ честь проѣзжавшаго персидскаго посланника.

Въ этомъ году здоровье мое какъ будто нѣсколько поправилось противъ прошлыхъ лѣтъ, но память начала немного ослабѣвать. У бѣдной же жены моей къ ея почти постояннымъ ревматическимъ страданіямъ присоединились еще по временамъ припадки головокруженія, очень тревожившіе меня. Осенью я получилъ давно запоздавшій по долголѣтію моей службы орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Онъ мнѣ напомнилъ мою раннюю молодость, когда почему-то именно этотъ орденъ св. Владиміра составлялъ мечту моего честолюбія. Теперь же эта награда произвела на меня такое же впечатлѣніе, какъ и за три года передъ тѣмъ полученный чинъ,—то-есть пріятное тѣмъ, что здѣсь начальство относилось внимательнѣе къ моимъ трудамъ, нежели на Саратовскомъ губернаторствѣ.

До весны, я провелъ время въ обыкновенныхъ моихъ служебныхъ бумажныхъ занятіяхъ и обычномъ кругу нашего домашняго общества. Въ то время однимъ изъ ежедневныхъ гостей моего дома, уже съ давнихъ поръ, былъ маіоръ Степанъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, внучатный племянникъ князя Смоленскаго, человѣкъ среднихъ лѣтъ, хорошо образованный, но незначительнаго ума и способностей и не заключавшій въ себѣ ничего замѣчательнаго кромѣ странности преслѣдовавшей его судьбы, о которой стóитъ упомянуть. По натурѣ своей, Кутузовъ былъ вполнѣ поглощенъ земными инстинктами, особенно плотоугодіемъ, составлявшимъ высшую цѣль и идеалъ его жизни. Жизнію своей онъ дорожилъ больше всего на свѣтѣ, а затѣмъ хорошимъ обѣдомъ. Можетъ быть, онъ и сдѣлался такимъ частымъ нашимъ гостемъ потому, что тогда три повара на нашей кухнѣ дѣйствительно были мастерами своего дѣла. Приходя къ намъ, онъ первымъ долгомъ потихоньку прокрадывался на кухню, чтобы навести справки объ обѣдѣ и распредѣлить для себя, какого кушанья брать больше, а какого меньше. Состоянія у него не было, и всѣ средства его заключались въ службѣ, которая, не смотря на вліятельныя связи въ Петербургѣ и знатное родство, шла доволно туго. Особенное покровительство оказывала ему его близкая родственница, камеръ-фрейлина графиня Тизенгаузенъ. Онъ долго служилъ въ гвардіи, не слишкомъ

успѣшно и, засидѣвшись въ чинѣ, пожелалъ подвинуться и отличиться, для чего перешелъ служить на Кавказъ, гдѣ прямо попалъ въ экспедицію и отправился воевать съ горцами. Надобно было брать непріятельскій аулъ, вызвали охотниковъ, которыхъ вышло довольно много, особенно юнкеровъ. Вышелъ и Кутузовъ, еще никогда не испытавшій воинственности своего духа. Какъ старшаго по чину, его назначили начальникомъ охотниковъ. Начался штурмъ аула. Сопротивленіе оказалось сильное, но охотники смѣло лѣзли на завалы, многіе изъ нихъ уже перебрались черезъ нихъ; еще немного времени, и аулъ былъ бы взятъ. Вдругъ Кутузовъ ослабѣлъ духомъ, и скомандовалъ бить отбой. Охотники должны были бросить почти конченное дѣло и отступить обратно, что̀ конечно ободрило горцевъ; огонь ихъ усилился, и при отступленіи почти всѣ охотники легли лоскомъ, въ томъ числѣ погибло двѣсти человѣкъ юнкеровъ. Послѣ того, разумѣется, Кутузову пришлось отказаться отъ военныхъ подвиговъ. Онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и началъ перебиваться по маленькимъ гражданскимъ должностямъ, но ему рѣшительно не везло. Самъ ли не уживался, или ужъ такая неудача, только онъ перемѣнилъ множество мѣстъ. Служилъ недолго и у меня въ управленіи. Послѣдней его должностію на Кавказѣ было мѣсто полицеймейстера въ Эривани. Потерявъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и надежду на новое помѣщеніе, онъ поѣхалъ въ Петербургъ подъ родственное крылышко графини Тизенгаузенъ, которая и доставила ему мѣсто, кажется, смотрителя военнаго госпиталя въ Херсонѣ, но объявила, что протекція ея съ этимъ кончается, и болѣе она за него хлопотать не станетъ Кутузовъ водворился въ Херсонѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ госпиталѣ оказались безпорядки, назначили ревизію, и однажды утромъ Кутузова нашли въ его спальнѣ мертвымъ,— онъ себѣ перерѣзалъ горло бритвой. Такая смерть человѣка въ высшей степени животолюбиваго чрезвычайно удивила всѣхъ знавшихъ его; въ ней какъ бы проявилось возмездіе за погибшихъ по причинѣ его охотниковъ: тогда побоялся смерти отъ руки непріятелей, и за то обстоятельствами жизни приведенъ къ тому, чтобы умереть отъ собственной руки.

Въ этомъ родѣ былъ еще болѣе поразительный случай, въ началѣ Севастопольской войны, съ капитаномъ генеральнаго штаба С—мъ. Вскорѣ по открытіи военныхъ дѣйствій на турецкой границѣ, С—на, состоявшаго при штабѣ въ Александрополѣ, послали съ двумя

или тремя сотнями казаковъ на рекогносцировку. Они наткнулись на сильный турецкій отрядъ, и С—нъ, недолго думая, поворотилъ коня вспять и ускакалъ въ Александрополь, а всѣ казаки, бывшіе подъ его командой, погибли. На другой день, послѣ спокойнаго сна, С—ну утромъ понадобилось побывать въ штабѣ, находившемся черезъ улицу, противъ его квартиры. Ночью шелъ дождичекъ, на улицѣ было грязно, С—нъ велѣлъ осѣдлать лошадь, и верхомъ сталъ переѣзжать черезъ улицу. Передъ самымъ входомъ въ штабъ, изъ воротъ сосѣдняго двора выскочила курица, прямо подъ ноги лошади; лошадь испугалась, бросилась въ сторону; С—нъ не удержался въ сѣдлѣ, упалъ, ударился головой о камень, тутъ же захрипѣлъ и умеръ. Это было дѣйствительно странное совпаденіе; въ немъ какъ бы слышался голосъ не отъ міра сего: «ты не хотѣлъ умереть съ товарищами твоими славной смертію отъ оружія враговъ отечества, такъ вотъ умри же безславно отъ курицы, посреди уличной грязи». Что̀ ни дѣлай, а ужъ своей судьбы не избѣжишь.

Въ апрѣлѣ 1852-го года я предпринялъ разъѣзды въ Елисаветпольскій уѣздъ и другія мѣста. Былъ на образцовомъ хуторѣ, основанномъ барономъ Мейендорфомъ въ 12-ти верстахъ отъ Елисаветполя, по всѣмъ правиламъ агрономіи. Къ сожалѣнію, баронъ основалъ его на землѣ, безспорно казнѣ не принадлежавшей, къ тому же не имѣлъ ни терпѣнія, ни средствъ привести дѣло къ концу, а потому чрезъ два года бросилъ его безвозвратно. Въ новыхъ поселеніяхъ я нашелъ, что устройство ихъ, хотя и медленно, но все-таки идетъ впередъ. Въ Айрюмскомъ участкѣ, Елисаветпольскаго уѣзда, князь Воронцовъ поручилъ мнѣ, вмѣстѣ съ членомъ Совѣта Коцебу и уѣзднымъ начальникомъ кн. Макаріемъ Орбеліаномъ, избрать и опредѣлить мѣста для новыхъ русскихъ поселеній, на земляхъ весьма плодородныхъ и на обширномъ пространствѣ. Эти земли находились въ кочевомъ пользованіи татаръ, безъ всякаго на то права и даже безъ существенной пользы для нихъ самихъ. Мы это дѣло привели въ исполненіе совершенно успѣшно, и теперь тамъ водворены четыре большія, довольно хорошо устроенныя раскольничьи деревни.

Оттуда мы направились въ Делижанское ущелье, гдѣ мы осматривали производившіеся, по распоряженію князя-намѣстника, въ рѣчкѣ Акстафѣ, горнымъ инженеромъ полковникомъ Иваницкимъ, золотые пріиски. Труда и издержекъ было потрачено много,

но успѣха произошло очень мало. Нашли не золото, а только золотыя блестки, и въ такомъ маломъ количествѣ, что расходы на добываніе золота, при дальнѣйшей разработкѣ, не могли даже вознаградиться. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что *Шардонъ,* путешествовавшій по Кавказу еще за двѣсти лѣтъ предъ симъ, упоминалъ въ своемъ сочиненіи о признакахъ нахожденія золота въ нѣдрахъ земли, во многихъ мѣстахъ края; но и тогда, по тѣмъ же признакамъ и геологическимъ наблюденіямъ, полагалъ, что золота не можетъ быть здѣсь много.

Затѣмъ я заѣзжалъ вновь на Гокчинское озеро и въ Новый Баязетъ. Совершивъ нужное обозрѣніе, возвратился я 19-го мая въ Тифлисъ. Въ іюнѣ я отправился въ Боржомъ, гдѣ въ то время проживалъ и князь Воронцовъ, на лѣтнемъ пребываніи. Я пробылъ тамъ всего пять дней, и между служебными дѣлами пріятно проводилъ время у стараго князя, слушая за обѣдами и по вечерамъ интересные его разсказы о людяхъ и событіяхъ прежняго времени.

По возвращеніи, къ концу того же мѣсяца, въ Тифлисъ, я на другой же день выѣхалъ въ Бѣлый ключъ, къ ожидавшей меня семьѣ, уже переѣхавшей туда на лѣтнее житье. Лѣто мы провели на подобіе всѣхъ предшествовавшихъ лѣтъ, уже мною описанныхъ, хотя съ маленькими варіяціями, не слишкомъ важными. А въ Тифлисѣ тогда случилось большое и важное несчастіе съ новопостроеннымъ корпуснымъ соборомъ. Его давно ужъ строили, онъ стоилъ много трудовъ и денегъ, снаружи былъ совсѣмъ оконченъ, и скоро долженъ былъ сдѣлаться красивѣйшей изъ Тифлисскихъ церквей. Главный его архитекторъ, итальянецъ Скудіери, пользовавшійся довѣріемъ намѣстника и безспорно человѣкъ съ талантомъ *), для осмотра построекъ взобрался на самую верхушку купола, вмѣстѣ съ подрядчикомъ и другими людьми. Мгновенно куполъ рухнулъ, и все величественное зданіе разрушилось, какъ карточный домъ, заваливъ, кромѣ людей, бывшихъ на куполѣ, еще много другихъ, работавшихъ внизу. Говорили, будто бы нѣсколько дней слышались стоны, раздававшіеся изъ-подъ развалинъ; но никакая помощь была не мыслима, по невозможности скоро расчистить такую громадную массу. Съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, но-

*) Доказательствомъ тому служитъ донынѣ Тамамшевскій Караванъ-Сарай на Эриванской площади.

вый соборъ все собираются строить, для него давно отведено мѣсто, не прежнее, на Александровской площади, а другое, между гимназіей и домомъ намѣстника; но собора все еще нѣтъ какъ нѣтъ *).

Въ августѣ зять мой Ю. Ф. Витте былъ командированъ, по распоряженію намѣстника, въ Москву, по случаю бывшей тамъ сельскохозяйственной выставки. Съ нимъ поѣхали жена его, дочь моя Екатерина и внукъ и внучка—дѣти моей покойной дочери Елены. Отецъ ихъ, П. А. Ганъ, пожелалъ ихъ взять къ себѣ. Мнѣ съ женой тяжело было прощаться съ ними, особенно съ малолѣтнимъ внукомъ Леонидомъ, котораго мы уже не разсчитывали видѣть въ этой жизни.

Во время этой поѣздки случилось странное обстоятельство, о которомъ стòитъ упомянуть. Незадолго предъ тѣмъ, въ городѣ Задонскѣ Воронежской губерніи, происходило большое торжество по поводу открытія мощей Святого Тихона Задонскаго. Собравшись ѣхать въ Москву съ мужемъ, дочь моя особенно радовалась, что по дорогѣ чрезъ Задонскъ будетъ имѣть возможность поклониться новооткрытымъ мощамъ преподобнаго Угодника. Выѣхали они позднѣе нежели разсчитывали, а такъ какъ Юлій Федоровичъ долженъ былъ пріѣхать въ Москву къ извѣстному сроку, то и вынужденъ былъ очень торопиться, дабы наверстать потерянное время. Онъ объявилъ, что будетъ ѣхать безъ остановокъ и отдыха, день и ночь, и, несмотря на настоятельныя просьбы жены остановиться хотя на часокъ въ Задонскѣ, нашелъ это невозможнымъ, чтò очень огорчило ее. Она не могла помириться съ мыслію такой неудачи — упустить этотъ, вѣроятно единственный, случай въ ея жизни, потому что обратно они предполагали ѣхать другимъ путемъ. Она надѣялась уговорить его въ дорогѣ, но Юлій Федоровичъ, при всей мягкости и добротѣ своего характера, остался непреклоненъ. Они ѣхали безостановочно, за исключеніемъ какихъ-либо неизбѣжныхъ, небольшихъ задержекъ на станціяхъ. Пріѣхали въ Задонскъ послѣ полудня, и тотчасъ же лошади были перепряжены. Екатерина Андреевна съ тоской смотрѣла по направленію къ монастырю, гдѣ покоятся мощи Святителя; всякая надежда была потеряна. Пришелъ станціонный смотритель за по-

*) А теперь—прошло ужъ около сорока лѣтъ—и все его собираются строить, и даже покойный Государь Александръ Николаевичъ, во время своего пребыванія въ Тифлисѣ, заложилъ первый камень фундамента собора—и все его нѣтъ какъ нѣтъ.

Позднѣйшее примѣчаніе. Наконецъ соборъ построенъ и освященъ съ большой торжественностію, 21-го мая 1897 года.

дорожной. Юлій Федоровичъ сталъ доставать ее изъ кармана,—нѣтъ ея! Не вѣря самому себѣ, онъ началъ искать по всѣмъ своимъ карманамъ, выворачивалъ ихъ, развертывалъ бумажникъ, портфель, — нѣтъ нигдѣ. Онъ былъ пораженъ. Онъ аккуратнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, и никогда ничего подобнаго съ нимъ не случалось. Очевидно, онъ или потерялъ подорожную, или забылъ на предпослѣдней станціи. Въ надеждѣ на послѣднее, какъ болѣе благопріятное, пришлось посылать на розыски нарочнаго, верхового, а такъ какъ станція находилась верстъ за 25 или 30 отъ Задонска, то возвращеніе его не предвидѣлось ранѣе завтрашняго утра; а въ случаѣ потери подорожной дѣло затянулось бы и подолѣе, да еще съ присоединеніемъ большихъ хлопотъ и непріятностей. Эта неожиданная задержка крайне встревожила Витте, а женѣ его доставила немалое торжество, такъ какъ она видѣла въ ней явное содѣйствіе свыше къ исполненію ея сердечнаго желанія. Немедля она отправилась въ монастырь, приложилась къ мощамъ, отслужила молебенъ, все осмотрѣла не спѣша, на досугѣ, и совершенно довольная возвратилась ночевать на станцію, подсмѣиваясь надъ своимъ мужемъ, такъ несомнѣнно наказаннымъ за невниманіе къ ея благочестивому чувству. Къ утру слѣдующаго дня пріѣхалъ верховой, къ общему уже удовольствію съ подорожной, забытой на станціи.

Совершенно непонятна эта необыкновенная забывчивость, нисколько несовмѣстная съ аккуратностію Юлія Федоровича и совпавшая именно съ пріѣздомъ въ Задонскъ,—не ранѣе и не позднѣе,—гдѣ такъ горячо желала остановиться Екатерина Андреевна, чтобы поклониться мощамъ Святого Тихона.

Незадолго предъ тѣмъ, весной этого года, много шума надѣлала на Кавказѣ исторія съ извѣстнымъ Хаджи-Муратомъ, первымъ наибомъ Шамиля. Хаджи-Муратъ якобы посорился съ Шамилемъ и передался нашимъ войскамъ. Его привезли въ Тифлисъ съ большимъ тріумфомъ, ласкали, кажолировали, увеселяли балами и лезгинками, возили по городу, показывали всѣ достопримѣчательности и даже судебныя мѣста. Потомъ препроводили въ Нуху, по его собственному выбору (какъ говорили), поближе къ завѣтнымъ горамъ. Тамъ онъ пользовался какъ будто свободою, но подъ незамѣтнымъ для него надзоромъ. Князь Воронцовъ былъ слишкомъ

опытенъ, чтобы увлекаться излишнимъ довѣріемъ. Однажды наибъ поѣхалъ прогуляться верхомъ съ своими нукерами и двумя, тремя казаками, въ видѣ почетной стражи. На пути Хаджи-Муратъ съ нукерами стали стрѣлять въ казаковъ, а сами пустились удирать въ горы. Одного казака убили, другой успѣлъ ускакать и дать знать въ Нухѣ. Бросились въ погоню, догнали близъ селенія Беладжикъ и, послѣ сильнаго сопротивленія, всѣхъ измѣнниковъ перебили, а Хаджи-Мурату отрѣзали голову и привезли трофеемъ въ Нуху. Это непріятное приключеніе очень встревожило князя Михаила Семеновича; онъ чуть было не заболѣлъ, и потребовалъ, чтобы голова Хаджи-Мурата немедленно была доставлена въ Тифлисъ, для устраненія всякихъ превратныхъ толковъ и сомнѣній. Голову привезли въ банкѣ со спиртомъ и выставили въ полиціи на особомъ столикѣ, гдѣ она красовалась три дня напоказъ публикѣ, собиравшейся на это зрѣлище съ великимъ рвеніемъ и въ великомъ множествѣ. Всѣмъ было еще памятно, что такъ недавно, въ Тифлисѣ, предъ этой головой расточались такія любезныя улыбки, говорились такія сладкія слова и комплименты! Общее мнѣніе утверждало, что ссора наиба съ имамомъ была ничто болѣе какъ *штука,* чтобы дать возможность Хаджи-Мурату познакомиться съ здѣшнею мѣстностію, все высмотрѣть, разузнать, и потомъ, удравъ въ горы, предоставить Шамилю всѣ удобные шансы на всякій случай для его дерзкой предпріимчивости.

Въ сентябрѣ, побывавъ въ Коджорахъ для дѣлового свиданія съ намѣстникомъ, я началъ свои разъѣзды въ Цалкскомъ округѣ и прилегающихъ къ нему возвышенныхъ мѣстахъ, для осмотра и пріисканія земель къ поселенію ожидавшагося прибытія въ большомъ числѣ малороссійскихъ казаковъ. Но это прибытіе ограничилось небольшимъ числомъ семействъ, кои были первоначально водворены въ Боржомскомъ имѣніи, а потомъ переселились въ Джелалъ-Оглу. Затѣмъ я повернулъ чрезъ Лорійскую степь, въ вольное поселеніе Привольное, и большое армянское, Шулаверы, одно изъ многолюднѣйшихъ армянскихъ поселеній въ Закавказскомъ краѣ, жители котораго весьма достаточны и трудолюбивы. Оттуда я проѣхалъ, чрезъ Екатериненфельдъ, обратно въ Бѣлый ключъ, гдѣ жена моя съ семьей оставалась, поджидая меня. Осень въ томъ году была прекрасная, какъ это часто здѣсь бываетъ. Мы воротились въ Тифлисъ 17-го сентября.

Въ октбрѣ я еще долженъ былъ съѣздить въ Сартачальскій округъ, вслѣдствіе проэкта о поселеніи, близъ колоніи Маріенфельдъ, изъявившихъ къ тому желаніе персіянъ. Но оказалось, что персіяне были почти всѣ бродяги, совершенно неспособные къ постоянному жительству и занятію сельскими работами.

6-го ноября послѣдовало прибытіе князя-намѣстника, а 8-го, на парадной аудіенціи, мы поздравляли его съ пріѣздомъ и днемъ именинъ. Затѣмъ потянулась привычная канитель пріемовъ, докладовъ, представленій и служебныхъ занятій.

Спустя немного, въ Тифлисѣ пронесся необыкнный слухъ, вскорѣ достовѣрно подтвердившійся и встревожившій все городское населеніе. По ночамъ, на улицахъ сталъ показываться какой-то страшный невѣдомый звѣрь. Онъ являлся только ночью, по большей части на Александровской площади, и оттуда бѣгалъ по всѣмъ направленіямъ города, пугалъ проходящихъ, на иныхъ бросался, кусалъ, не поддавался никакимъ преслѣдованіямъ и произвелъ такую панику, что, съ наступленіемъ сумерекъ, робкіе люди боялись выходить изъ домовъ. Сначала его принимали за собаку, потомъ, судя по величинѣ и объему, за волка, а наконецъ, по быстротѣ, легкости движеній и огромнымъ скачкамъ—за барса. Онъ появлялся внезапно и такъ же быстро исчезалъ, всегда глубокой ночью, а днемъ его и слѣда не было. Разъ онъ предсталъ предъ часовымъ у комендантскаго дома; часовой хотѣлъ пырнуть его штыкомъ, но звѣрь, легко увернувшись, перепрыгнулъ черезъ часового и убѣжалъ. Воронцовъ назначилъ большую денежную награду за убіеніе звѣря, приказалъ дѣлать ночные разъѣзды по городу для поимки или истребленія его; но все было напрасно: звѣрь оказывался неуловимымъ и неуязвимымъ. Многихъ онъ перекусалъ, иные умерли отъ ранъ, въ томъ числѣ, помнится, швейцаръ дома намѣстника. Въ концѣ концовъ звѣрь самъ собою исчезъ безслѣдно и болѣе не показывался. Подвиги его продолжались ровно двѣ недѣли. Навелъ онъ такой страхъ, что простой народъ суевѣрно склонялся къ убѣжденію, что это вовсе не собака, не волкъ, не барсъ, а просто чортъ, оборотившійся въ звѣря, оборотень.

Приблизительно около этого же времени случилось въ нашемъ Главномъ Управленіи маленькое обстоятельство, совсѣмъ незамѣтное, даже очень обыкновенное и не на одномъ Кавказѣ, но тѣмъ не менѣе нелишенное нѣкотораго интереса. Года за три предъ

тѣмъ, высшему начальству вздумалось завести ботаническій садъ въ Сухумъ-Кале. За дѣло принялись горячо; немедленно сдѣланы всевозможныя распоряженія: пригласили хорошаго садовника, выписали растенія, сѣмена со всѣхъ концовъ свѣта; не жалѣли денегъ, исписали много бумаги, усердно хлопотали, собрали всѣ нужные матеріалы и устроили великолѣпное основаніе Сухумскаго сада. Съ тѣхъ поръ о немъ какъ-то совсѣмъ позабыли, перестали обращать вниманіе, не заботились, не думали, и онъ совершенно испарился изъ памяти начальства. Такъ прошло нѣсколько времени, какъ неожиданно садъ о себѣ самъ напомнилъ. Въ канцеляріи намѣстника получилось донесеніе отъ коменданта Сухумъ-Кале, въ коемъ онъ спрашивалъ: какія угодно будетъ сдѣлать распоряженія относительно Сухумъ-Кальскаго ботаническаго сада, ибо главный садовникъ онаго такъ долго не получалъ жалованія и содержанія своего, что, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію и пропитанію своему, такого-то мѣсяца и числа повѣсился. Это извѣстіе произвело впечатлѣніе, послужившее къ пользѣ сада; имъ начали снова понемногу заниматься, и теперь онъ, говорятъ, въ цвѣтущемъ состояніи.

Въ самый сочельникъ подъ Рождество пріѣхалъ сынъ мой, едва оправившійся отъ сильной болѣзни, а въ первыхъ числахъ января возвратился зять мой съ дочерью изъ Петербурга и Москвы. Я былъ очень обрадованъ ихъ пріѣздомъ, тѣмъ болѣе, что въ зятѣ моемъ Ю. Ф. Витте одномъ только имѣлъ усерднаго, надежнаго помощника въ моихъ служебныхъ занятіяхъ. Они мнѣ иногда становились тягостны, особенно потому, что если у меня и были канцелярскіе чиновники не безъ способностей, но совершенно благонадежныхъ почти не было никого.

Мнѣ тогда очень хотѣлось пристроить сына моего въ Тифлисѣ, на службѣ къ намѣстнику, дабы менѣе разлучаться съ нимъ. На первый разъ онъ былъ прикомандировамъ къ начальнику артиллеріи, храброму генералу Бриммеру.

Весну мы провели въ большой тревогѣ: бѣдная жена моя сильно простудилась и заболѣла жестокимъ воспаленіемъ легкихъ, едва не сведшимъ ее въ могилу. Крѣпкій ея организмъ восторжествовалъ надъ недугомъ, но поправленіе долго тянулось и часто воз буждало новыя опасенія, которыя меня очень безпокоили и огорчали. Этой же весной, 6-го марта, ночью, было довольно значи-

тельное землетрясеніе, весьма непріятно нарушившее сонъ города и надѣлавшее въ немъ много поврежденій.

Первый мой выѣздъ этого года, въ апрѣлѣ, былъ направленъ для осмотра поступившихъ въ мое вѣдомство предъ тѣмъ церковныхъ имѣній. Во время моихъ разъѣздовъ я встрѣтилъ и частью сопровождалъ князя Воронцова, ѣхавшаго въ отрядъ чрезъ Кахетію. Обозрѣвъ церковныя имѣнія въ Тифлисской губерніи, я отправился въ Кутаисскую, гдѣ до тѣхъ поръ не бывалъ. Мнѣ пришлось проѣхать по вновь пролагавшейся дорогѣ, которая устраивалась для сокращанія пути и избѣжанія многихъ неудобствъ прежней искуственной дороги чрезъ горы. Мысль къ этому измѣненію пути подалъ князю Воронцову престарѣлый имеретинскій митрополитъ Давидъ Церетели. Горы дѣйствительно оставались въ сторонѣ, и путь нѣсколько сокращался; но упустили изъ виду, что новая дорога должна была пролегать по лѣсистой низменности и во многихъ мѣстахъ по трясинѣ, вслѣдствіе чего, частую безпроѣздность этой дороги устранить было рѣшительно невозможно, даже никакими шоссе. Чрезъ два года ее бросили и принялись за исправленіе дороги чрезъ горы, по старому направленію, на что́ издержки потребовались большія. Подобные случаи, впрочемъ, и во всей Россіи, а тѣмъ болѣе въ Закавказскомъ краѣ, встѣчаются нерѣдко и повсемѣстно.

Съ въѣздомъ моимъ въ Кутаисскую губернію, я увидѣлъ мѣстность для меня новую и весьма красивую, какъ по богатству и многообразной ея растительности, такъ по способу устройства имеретинскихъ деревень, очень оригинальному: деревни состоятъ изъ деревянныхъ домиковъ и разсѣяны отдѣльными хуторами, при коихъ весь участокъ каждаго хозяина особенно обгороженъ. Я имѣлъ первый ночлегъ у протоіерея и благочиннаго, отца Кайхосро Церетели, почтеннаго, гостепріимнаго старика, принадлежащаго къ одной изъ лучшихъ имеретинскихъ фамилій. Эта фамилія весьма древняя. По словамъ князей Церетели, предки ихъ вышли изъ Дагестана уже болѣе тысячи лѣтъ тому. Всѣ члены ея уходили съ послѣднимъ царемъ имеретинскимъ въ Турцію, но возвратились въ 1825-мъ году. Во время моего проѣзда, одинъ изъ нихъ былъ Кутаисскимъ губернскимъ предводителемъ. Я остался очень доволенъ знакомствомъ съ отцомъ протоіереемъ и ласковымъ его пріемомъ.

На другой день я выѣхалъ въ Кутаисъ, путемъ постоянно красивымъ и интереснымъ, въ виду Кавказскихъ горъ съ возвышавшимся надъ ними величественнымъ Эльборусомъ. Дорогой я встрѣтилъ тогдашняго Кутаисскаго военнаго губернатора, князя Гагарина, человѣка хорошаго и полезнаго на этомъ мѣстѣ, сдѣлавшагося, нѣсколько лѣтъ спустя, жертвою сумазбродства Сванетскаго князя Дадешкиліани, который закололъ его кинжаломъ въ его кабинетѣ, за то, что правительство нашло неудобнымъ дальнѣйшее пребываніе этихъ князей въ ихъ Сванетскомъ владѣніи, и распорядилось о удаленіи ихъ въ Россію. Какъ извѣстно, Дадешкиліани былъ разстрѣлянъ. Вообще же эти, вынуждаемыя необходимостію, удаленія нѣкоторыхъ мѣстныхъ князей изъ ихъ владѣній вознаграждались русскимъ правительствомъ такъ щедро, что выгода значительно превышала потерю. Князь Гагаринъ, встрѣтившись со мною, ѣхалъ осматривать вновь созидаемую дорогу, о которой я говорилъ, и, еще не видѣвъ ея, уже весьма основательно сомнѣвался въ возможности ея существованія. Верстъ 40 съ небольшимъ не доходя до Кутаиса, эта дорога выходила на старую же, искусственную. Чрезъ рѣку Куру я переправлялся на паромѣ, близъ уѣзднаго города Шаропань. Онъ былъ когда-то дѣйствительно городомъ, извѣстнымъ въ древности, но въ настоящее время состоялъ изъ одного дома, гдѣ помѣщалось уѣздное управленіе, и изъ шести хижинокъ, съ двумя десятками жителей, представлявшихъ все его народонаселеніе. Переночевавъ на почтовой станціи, которая, надобно замѣтить, отличалась лучшимъ устройствомъ нежели всѣ станціи въ прочихъ мѣстахъ края, я прибылъ на другое утро въ Кутаисъ.

Этотъ городъ отличается чрезвычайно живописнымъ мѣстоположеніемъ; особенно его украшаютъ роскошная растительность и славная рѣка Ріонъ. Что касается до построекъ, то множество уродливыхъ жидовскихъ жилищъ очень его безобразятъ. Изъ казенныхъ зданій, вполнѣ оконченныхъ тогда было совсѣмъ немного. Чрезъ рѣку Ріонъ устроенъ хорошій мостъ; есть и хорошій бульваръ, а вблизи отъ него строилась соборная церковь, донынѣ еще неоконченная. Дома обывателей изъ имеретинъ и армянъ почти всѣ незначительны, особенно на правомъ берегу Ріона, гдѣ только и заслуживаютъ вниманія развалины древнихъ строеній, какъ напримѣръ великолѣпные остатки храма, построеннаго царемъ Ба-

гратомъ еще въ XI столѣтіи, слѣдовательно одновременно съ Софіевскимъ соборомъ въ Кіевѣ. Храмъ уничтожился при смутахъ и непріятельскихъ нашествіяхъ, громившихъ Имеретію еще въ 1670 году. Видъ отсюда превосходный. Весь городъ виденъ за рѣкою со всѣми его окрестностями и любопытнымъ монастыремъ *Гелати*. Въ этотъ монастырь и другой, по сосѣдству съ нимъ, *Мацамети*, въ десяти верстахъ отъ города, я ѣздилъ, и любовался прелестнымъ мѣстоположеніемъ и видами ихъ. Они оба описаны подробно въ путешествіи по Грузіи А. Н. Муравьева. Жаль, что въ Мацамети древняя церковь испорчена новымъ куполомъ и колокольнею, вовсе не гармонирующими съ старинною архитектурою.

Служебныя мои занятія въ Кутаисской губерніи состояли преимущественно въ обозрѣніи церковныхъ имѣніи, долженствовавшихъ поступить въ казенное вѣдомство. Я нашелъ имѣнія и дѣла по нимъ еще въ большемъ хаосѣ нежели въ Грузіи и, къ тому же, совершенно своеобразнаго вида, ибо по причинѣ этого хаоса всѣ свѣдѣнія о состояніи церковныхъ имѣній въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи находились въ невообразимой запутанности и непроницаемой темнотѣ. Вездѣ въ этомъ краѣ видишь богатую природу, но крайне бѣдное устройство и почти полнѣйшее отсутствіе всякой промышленности. Здѣсь еще болѣе чѣмъ въ Грузіи, въ видахъ улучшенія быта народонаселенія, ничего нельзя предпринять до генеральнаго размежеванія, которое конечно надобно произвести по предварительномъ и тщательномъ изслѣдованіи мѣстности.

Изъ всѣхъ уѣздовъ Кутаисской губерніи безспорно самый примѣчательный Рачинскій уѣздъ. Мѣста въ немъ живописныя, всѣ крестьяне зажиточные, производятъ и доставляютъ въ продажу много различныхъ продуктовъ, даже и въ Тифлисъ. Но пути сообщенія въ дикомъ, первобытномъ состояніи. Единственная повозочная дорога существуетъ только на разстояніи 40 или 50 верстъ отъ Кутаиса, и къ ней добираются со всего уѣзда плохими тропинками, проложенными въ узкихъ ущеліяхъ. Есть въ уѣздѣ и превосходный лѣсъ, который еще требуетъ описанія и принятія мѣръ отъ захватовъ.

Изъ русскихъ поселеній въ Имеретіи находится только одно, въ 40 верстахъ отъ Кутаиса, на берегу Ріона, состоящее изъ скопцовъ, въ числѣ до 150 душъ. Оно основано еще по распоряженію Ермолова въ 1825 году, по случаю высылки ихъ изъ Россіи,

изъ воинскихъ чиновъ. Они здѣсь не безполезны, занимаясь сплавомъ казеннаго провіанта и разными другими казенными работами; имѣютъ скотоводство, огороды, и нѣкотые изъ нихъ разжились до весьма достаточнаго положенія. Въ этомъ мѣстѣ они совершенно безвредны, потому что въ теченіе сорока лѣтъ не успѣли совратить въ свою безумную секту ни одного туземца. Если бы здѣсь было поболѣе казенной земли, то хорошо бы было собрать здѣсь же на жительство скопцовъ изъ всей Имперіи; особенно полезно это было бы потому, что число ихъ, лишенное возможности возрастать, замѣтно уменьшается и, несмотря ни на какое прибавленіе численности изъ Россіи, безъ всякихъ строгихъ мѣръ, натурально, могло бы само собою исчезнуть.

Въ концѣ мая я возвратился въ Тифлисъ, а въ іюнѣ вновь отправился чрезъ духоборческія поселенія въ Боржомъ, гдѣ находился тогда и князь Воронцовъ. Это былъ послѣдній годъ его лѣтняго пребыванія въ любимомъ имъ Боржомѣ. Я пробылъ тамъ только недѣлю, и хотя по дѣламъ службы, но эта недѣля осталась мнѣ особенно памятна: бо̀льшую часть дня я проводилъ съ княземъ; утромъ у него въ кабинетѣ по дѣламъ, затѣмъ обѣдалъ у него, на прогулкахъ и по вечерамъ съ нимъ — всегда любезнымъ, высоко интереснымъ человѣкомъ въ его простыхъ, интимныхъ бесѣдахъ. Къ несчастію, эта недѣля прервалась полученіемъ чрезвычайно тревожнаго, первоначальнаго извѣстія о войнѣ съ Турціей. Государь самъ писалъ о томъ князю. Князь не хотѣлъ сначала вѣрить и долго не вѣрилъ въ возможность этой войны, не вѣрилъ, чтобы война могла дѣйствительно возгорѣться. Однако приготовительныя распоряженія на всякій случай были необходимы, и съ этого времени они почти исключительнно занимали князя Воронцова, хотя недовѣріе его продолжалось. Когда, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Боржома, я явился къ князю откланяться, онъ, говоря о письмѣ Государя, сказалъ мнѣ: «Какая война? Съ кѣмъ? Развѣ Турція можетъ помышлять о войнѣ съ нами! Все это ничто болѣе, какъ пустая тревога, какая-то политическая мистификація».

Изъ Боржома я проѣхалъ прямою, весьма скверною дорогою чрезъ горы, въ урочище Манглисъ, штабъ-квартиру гренадерскаго Эриванскаго полка, гдѣ я намѣревался провести лѣто съ семействомъ моимъ, уже находившимся тамъ. Въ Манглисѣ устрое-

но военное поселеніе почти въ одно время какъ и въ Бѣломъ ключѣ; и въ этомъ отношеніи Манглисъ имѣетъ ту же физіономію, только по климату, кажется, еще болѣе изобилуетъ дождями, слѣдовательно и грязью *). По красотѣ мѣстоположенія не уступаетъ Бѣлому Ключу, имѣя предъ нимъ даже нѣкоторыя преимущества, какъ напримѣръ прекрасную сосновую рощу посреди самаго урочища, живописную рѣчку Алгетку и въ полуторѣ верстѣ прекрасный древній храмъ, принадлежащій къ числу первыхъ христіанскихъ памятниковъ въ Закавказскомъ краѣ и уцѣлѣвшій доселѣ еще въ довольно хорошемъ видѣ. Лѣто прошло оживленнѣе обыкновеннаго, по причинѣ военныхъ сборовъ, передвиженія войскъ, выступленія полка въ походъ, лагеря, музыки, всевозможныхъ толковъ, возбужденныхъ этими распоряженіями. 29-го іюля мы встрѣтили прибывшаго сюда князя Воронцова. На другой день я былъ у него съ докладомъ, а потомъ на парадномъ обѣдѣ и вечеромъ на балѣ, по случаю его пріѣзда, у полкового командира, князя Мухранскаго. На третій день князь уѣхалъ. Я былъ обрадованъ извѣстіемъ, что сынъ мой получилъ чинъ и крестъ.

Съ 9-го августа, по ночамъ, заблистала на небѣ яркая комета съ огромнымъ хвостомъ, по народному повѣрію предвѣстница большой кровавой войны. Въ этомъ году наше лѣтнее переселеніе длилось до 25-го сентября, съ нѣсколькими моими поѣздками за это время въ Коджоры, къ князю Воронцову, переѣхавшему туда временно, чтобы быть поближе къ Тифлису до уменьшенія зноя, что̀ продолжалось до 11-го октября. Хлопоты, суматоха, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненное состояніе князя Воронцова все усиливались. По недовѣрію князя въ возможность войны, неожиданное извѣстіе въ половинѣ октября, о нападеніи турокъ на нашъ таможенный постъ Св. Николая, на восточномъ берегу Чернаго моря, взятіе его

*) Замѣтка А. М. Фадѣева, за нѣсколько дней до кончины его:

Въ Манглисѣ я проводилъ вновь лѣто въ настоящемъ 1867 г., и долженъ сознаться, что мнѣніе мое въ 1853 г., будто бы въ Манглисѣ бываютъ дожди изобильнѣе чѣмъ въ Бѣломъ ключѣ, сдѣлано несовсѣмъ справедливо; это было, кажется, обстоятельство случайное. Напротивъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ году, климатъ въ Манглисѣ мнѣ лучше понравился чѣмъ въ Бѣломъ ключѣ. Окружающія его горы, образуя изъ него какъ бы котловину, защищаютъ его отъ дѣйствія сѣверныхъ вѣтровъ; они здѣсь бываютъ рѣже не только чѣмъ въ Коджорахъ, но даже и въ Бѣломъ ключѣ. Сверхъ того здѣсь болѣе удобствъ въ квартирахъ и пріобрѣтеніи жизненныхъ потребностей.

и избіеніе гарнизона поразили князя какъ громомъ. Онъ слегъ въ постель. На третій день прискакалъ курьеръ съ донесеніемъ о пораженіи турокъ и изгнаніи ихъ изъ поста. Св. Николая. Эта вѣсть пришла именно утромъ, въ четвергъ, пріемный день княгини Елисаветы Ксаверьевны, когда она принимала визиты и гостиная ея была по обыкновенію наполнена посѣтителями. Княгиню вызвали къ князю. Чрезъ минуту она возвратилась, сіяя восторгомъ, съ объявленіемъ радостнаго извѣстія, которое не ограничила одной гостиной, но вышла въ переднюю, гдѣ кромѣ домашней прислуги находилось много лакеевъ, пріѣхавшихъ съ гостями, и съ неописанной радостію извѣстила ихъ о торжествѣ побѣды. Эта великая радость доказывала, какъ велико было огорченіе, причиненное первымъ горестнымъ извѣщеніемъ.

Война съ Турціей оказалась наконецъ неизбѣжной. 20-го октября послѣдовалъ высочайшій манифестъ. Князь Бебутовъ назначенъ командующимъ дѣйствующимъ отрядомъ на турецкой границѣ и выѣхалъ въ Александрополь. Сынъ мой, прикомандированный къ нему, постоянно находился при немъ, и за отличіе въ сраженіяхъ при Башъ-Кадыклярѣ и Кюрукъ-Даре, получилъ золотую шашку и Владиміра съ бантомъ. По статуту онъ долженъ былъ получить и Георгія, но князь Бебутовъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, нашелъ неудобнымъ представлять о дѣлѣ, вполнѣ предоставлявшемъ сыну моему эту награду, и извинился передъ нимъ, объяснивъ свои причины, довольно основательныя.

Въ октябрѣ я ѣздилъ еще въ Кахетію по дѣламъ церковныхъ имѣній. Осенняя погода была прекрасная, и въ это время я ближе узналъ этотъ прелестный уголокъ Закавказскаго края, жителямъ коего, для ихъ благосостоянія и даже обогащенія, недостаетъ только промышленности. По возращеніи моемъ въ Тифлисъ, я оставался на мѣстѣ до весны. Князь Воронцовъ оказалъ мнѣ новую милость, доставленіемъ добавочнаго жалованія въ 1200 рублей, по случаю совершившагося 50-ти лѣтія моей службы, что́ для меня въ то время было весьма кстати. Здоровье мое въ этомъ году стало какъ бы нѣсколько ослабѣвать; я не обращалъ на то большого вниманія, но меня болѣе всего печалила болѣзнь жены моей, гораздо серьезнѣйшая моихъ недуговъ. Ревматизмъ, которымъ она страдала съ давнихъ поръ, принялъ видъ паралича и 7-го декабря лишилъ ее употребленія правой руки и лѣвой ноги. Она всегда пе-

реносила свои страданія съ большимъ терпѣніемъ и въ своихъ непрестанныхъ занятіяхъ находила успокоеніе и утѣшеніе; она никогда не могла ни минуты оставаться праздной, постоянно что-нибудь дѣлала, работала, рисовала, читала. Теперь же слабость глазъ не позволяла ей много читать, а потеря правой руки лишила ее возможности работать. И въ первый разъ мы видѣли, что твердость ея духа поколебалась, и, почувствовавъ безсиліе своей пораженной руки, она горько, неутѣшно заплакала. Она горевала не о рукѣ, а о своихъ занятіяхъ, любимомъ трудѣ, составлявшемъ для нея весь цвѣтъ ея жизни. Но уныніе ея недолго продолжалось: она безотлагательно принялась съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ и рвеніемъ учиться работать, рисовать, писать лѣвой рукой; и хотя конечно не могла достигнуть прежней степени искусства, но съ теченіемъ времени усвоила навыкъ, давшій ей возможность продолжать свои труды и заставлявшій удивляться, до чего человѣкъ можетъ достигнуть энергіей и настойчивостію воли.

Пятаго января 1854-го года получено свѣдѣніе о безсрочномъ отпускѣ князя Воронцова, по болѣзни, за границу. Исправленіе его высокой должности въ его отсутствіе было поручено находившемуся при немъ старшему генералу Реаду. Н. А. Реадъ, человѣкъ очень пріятный, добрый и, какъ говорятъ, отличный кавалерійскій боевой генералъ, о гражданскомъ управленіи не имѣлъ ровно никакого понятія. Воронцовъ его назначилъ къ этому важному занятію, надобно полагать, по увѣренности, что онъ не будетъ уже нисколько отступать отъ его системы; а свою систему, какъ вообще, такъ и въ частности, князь ему подробно объяснилъ и преподалъ надлежащія наставленія*).

*) Н. А. Реадъ скоро затѣмъ погибъ въ Крыму, въ сраженіи при Черной рѣчкѣ. Въ то время о немъ ходило много курьезныхъ разсказовъ какъ объ удаломъ офицерѣ, лихомъ полковомъ командирѣ и страстномъ любителѣ прекраснаго пола. У него было когда-то еще два брата; всѣ трое служили въ военной службѣ, въ кавалеріи, участвовали въ французской кампаніи двѣнадцаго года и состояли въ отдѣльномъ русскомъ корпусѣ, остававшемся три года во Франціи подъ командой графа Воронцова. Вѣроятно съ тѣхъ поръ Воронцовъ и зналъ Реада. Однажды, въ Парижѣ, три брата Реады обѣдали въ ресторанѣ; возлѣ нихъ за столикомъ сидѣли три француза. Узнавъ въ Реадахъ русскихъ офицеровъ, французы начали оскорбительно отзываться о Россіи и о русскомъ войскѣ. Понятно, Реады разсердились, вступили съ французами въ горячія препиранія, произошла ссора, окончившаяся огульной дуэлью. На другой день, три Реада стрѣлялись съ тремя французами. По условію, стрѣляться должны были поочередно, начиная съ старшихъ по лѣтамъ, и тотъ изъ противниковъ, который оставался уцѣлѣвшимъ, долженъ былъ продолжать поединокъ съ слѣдующимъ противникомъ. Н. А. Реаду,

Зимой минувшаго года, еще въ ноябрѣ, пріѣхала въ Тифлисъ княгиня Долгорукая, жена бывшаго посланника въ Тегеранѣ, князя Дмитрія Ивановича, близкаго родственника моей жены. Она была тяжело больна грудной болѣзнью, и Тегеранскій докторъ почему-то ее отправилъ на леченіе въ Тифлисъ, вѣроятно, чтобы сбыть съ рукъ. Съ нею пріѣхали двѣ дочери, одна большая, другая маленькая. Онѣ сейчасъ же по пріѣздѣ посѣтили мою жену, которая была рада съ ними познакомиться по родству и дружбѣ со всѣми ихъ родными. Княгиня съ дочерьми ежедневно бывала у насъ, пока болѣзнь не уложила ее въ постель. Воронцовы, принимавшіе въ нихъ живое участіе, предвидя неизбѣжность печальнаго исхода болѣзни, предъ отъѣздомъ своимъ изъ Тифлиса просили жену мою и меня, въ случаѣ смерти княгини Долгорукой, взять дочерей ея къ намъ въ домъ, на время пока отецъ ихъ пріѣдетъ за ними или сдѣлаетъ какое-либо о нихъ распоряженіе. Жена моя сдѣлала бы это и безъ ихъ просьбы. Долгорукая скончалась 18-го марта, дочери ея въ тотъ же день перешли къ намъ и прожили у насъ около четырехъ мѣсяцевъ. Тѣмъ временемъ отецъ ихъ, князь Дмитрій Ивановичъ, былъ переведенъ сенаторомъ въ Москву и лѣтомъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ пробылъ недѣли три. Мы съ удовольствіемъ проводили съ нимъ многіе часы, слушая его любопытные разсказы. Уѣзжая въ Москву съ дочерьми, онъ прослезился, прощаясь съ нами, и, ставъ передъ Еленой Павловной на колѣни, просилъ ея благословенія для себя и дочерей своихъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ вступилъ во вторичный бракъ, о чемъ увѣдомилъ меня письменно.

Между тѣмъ, мои занятія въ Совѣтѣ и текущими дѣлами въ экспедиціи продолжались особенно усиленно, по той причинѣ, что князь Воронцовъ желалъ до отъѣзда своего, предназначеннаго въ началѣ марта, разрѣшить всѣ важнѣйшія дѣла. 22-го февраля былъ

какъ младшему изъ братьевъ, слѣдовало выступить третьимъ и послѣднимъ изъ нихъ. При первыхъ выстрѣлахъ, старшій Реадъ упалъ смертельно раненый и умеръ тутъ же; его замѣнилъ второй, средній братъ, и тоже свалился убитый тѣмъ же противникомъ. Тогда сталъ на мѣсто убитыхъ братьевъ, возлѣ труповъ ихъ, младшій братъ, послѣдній Реадъ и убилъ на-повалъ убійцу братьевъ, а за нимъ второго и потомъ третьяго француза. Стрѣлялись шесть человѣкъ, и только одинъ Н. А. Реадъ вышелъ живымъ изъ этой бойни, положивъ подрядъ трехъ французовъ, зачинщиковъ этой кровавой раздѣлки. Но и ему было суждено пасть отъ французской руки, только сорокъ лѣтъ спустя, и не на берегахъ Парижской Сены, а Крымской Черной рѣчки.

полученъ манифестъ о войнѣ съ Англіей и Франціей, а 24-го я былъ съ послѣднимъ докладомъ у князя Михаила Семеновича; 3-го марта распрощался съ нимъ, а 4-го онъ выѣхалъ. Я уже болѣе его не видалъ. Не говоря о несомнѣнныхъ государственныхъ, военныхъ и административныхъ способностяхъ и незабвенныхъ заслугахъ князя Воронцова,— онъ во многихъ отношеніяхъ былъ славный человѣкъ. Я ему благодаренъ за многое добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ. Если у него и были слабости, то кто же изъ смертныхъ не имѣлъ и не имѣетъ ихъ? Усиленіе ихъ въ старости было послѣдствіемъ его недуговъ, особенно же нахожденія при немъ нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ людей, а также чрезмѣрнаго пристрастія къ грузинамъ, или, вѣрнѣе сказать, къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ грузинскимъ семействамъ и личностямъ, доводившаго его иногда до вредныхъ общественному благу распоряженій.

Князю Михаилу Семеновичу Воронцову воздвигнутъ и открытъ, въ 1867-мъ году, монументъ, построенный по лѣвой сторонѣ берега Куры, въ той части города, устройству коей покойный фельдмаршалъ наиболѣе содѣйствовалъ и даже создалъ ее. Эта почесть, какъ должная дань памяти доблестнаго вельможи, заслужена имъ въ полной мѣрѣ.

Вслѣдствіе войны, кипѣвшей на окраинахъ страны, и довольно смутнаго состоянія внутри ея, я долженъ былъ ограничить свои поѣздки въ этомъ году лишь только ближайшими колоніями и водопроводными канавами. Въ концѣ мая я ѣздилъ на освѣщеніе вновь построенной церкви въ колоніи Екатериненфельдъ, великолѣпнѣйшей изъ иновѣрческихъ церквей въ краѣ. Въ этомъ же году основана новая нѣмецкая колонія выселеніемъ части колонистовъ изъ колоніи Елисабетталь, находившейся въ стѣсненномъ положеніи по случаю значительнаго умноженія народонаселенія, затруднявшаго ихъ даже въ средствахъ къ пропитанію. Они основали эту колонію въ Цалкскомъ округѣ.

Пробывъ въ Тифлисѣ до 17-го іюня, я отправился съ семействомъ на лѣтнее житіе опять въ Бѣлый Ключъ. На этотъ разъ мы квартировали тамъ весьма удобно въ домѣ новаго полкового командира, князя Тарханова, находившагося въ походѣ. Прежній, князь Элико Орбеліанъ, былъ убитъ подъ Башъ-Кадыкляромъ. Я выѣзжалъ оттуда въ небольшіе разъѣзды, на короткое время, по причинѣ разореній, претерпѣнныхъ нѣкоторыми духоборческими по-

селеніями отъ вторженія въ нихъ непріятеля; но они съ лихвою вознаградили себя за то, заработками для военныхъ транспортовъ.

1-го октября я возвратился въ Тифлисъ. Много мы перенесли въ этомъ году безпокойствъ вслѣдствіе войны и неоднократныхъ покушеній непріятелей вторгнуться въ наши предѣлы; но молодецкіе подвиги нашихъ войскъ подъ предводительствомъ кн. Бебутова и кн. Андроникова избавили насъ отъ этого несчастія.

1854-й годъ былъ безъ сомнѣнія самымъ тревожнымъ годомъ для Закавказья, съ тѣхъ поръ какъ оно присоединилось къ Россіи. Всѣ обстоятельства, безъ того тяжелыя, складывались крайне неблагопріятно. Война открылась почти неожиданно и, по недовѣрію князя Воронцова, почти безъ подготовки къ ней. У турокъ, осаждавшихъ наши границы, было много войска, а у насъ, вначалѣ, слишкомъ мало, такъ мало, что твердой увѣренности въ себѣ не могло быть. Самъ Бебутовъ, приступая къ сраженію подъ Башъ-Кадыкляромъ, сказалъ потихоньку моему сыну, состоявшему при немъ: «Знаешь, братецъ, я теперь молю Бога, чтобы первая турецкая пуля попала въ меня!» Вскорѣ онъ увидѣлъ, что побѣда зависѣла не отъ количества, а отъ качества войскъ. Но всегда на это разсчитывать было нельзя, и если бы турки выиграли у насъ хоть одно большое сраженіе подъ Александрополемъ, то уже безпрепятственно могли бы идти до самаго Тифлиса, чего всѣ и боялись. Защищать его было некому. При этомъ, по общему мнѣнію, все мусульманское населеніе края разомъ бы встало, приняло бы турокъ съ отверстыми объятіями и присоединилось бы къ нимъ. И тутъ же, въ горахъ, сидѣлъ наготовѣ Шамиль, какъ хищная птица надъ добычей, нетерпѣливо ожидая перваго слуха о побѣдѣ, чтобы устремиться со всѣми своими силами на подмогу туркамъ. Этимъ же лѣтомъ онъ ужъ заявилъ свою дерзость, нагрянувъ на Кахетію, переправившись черезъ Алазань и забравъ въ плѣнъ семейства князей Чавчавадзе, Орбеліана и много другихъ. Могло ли все такъ случиться или нѣтъ, это не извѣстно; но всѣ ожидали, что такъ можетъ случиться. Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ присоединились и другія; изъ нихъ крупнѣйшею былъ отъѣздъ Воронцова и переходъ власти къ личностямъ, не внушавшимъ довѣрія. Въ Тифлисѣ стали орудовать три, можетъ быть и достойныхъ, но несовсѣмъ надежныхъ военачальника: замѣстившій Воронцова неумѣлый Реадъ; замѣстившій Бебутова дряхлый Реутъ и чопорный

нѣмецъ комендантъ Ротъ—всѣ трое вовсе неспособные къ поддержанію духа общественной бодрости.

Положеніе Тифлиса было незавидное въ это время. Особенно незавидно было положеніе всѣхъ русскихъ; они со страхомъ проводили дни и ночи, въ ожиданіи извѣстій изъ центровъ военныхъ дѣйствій. Въ городѣ, переполненномъ татарами и многими враждебными туземными элементами, постоянно ходили смутные, тревожные толки, и ежедневно происходили неутѣшительныя столкновенія. На улицахъ частенько приходилось русскимъ выслушивать, безъ всякаго съ ихъ стороны повода, возгласы такого рода: «недолго ужъ вамъ здѣсь царствовать! Скоро васъ отсюда погонятъ! Скоро ужъ вамъ конецъ!» Изъ туземцевъ, армяне держали себя еще успокоительнѣе другихъ, объявляя, что, въ случаѣ опасности для города, они будутъ защищать его, по той причинѣ, что де «переходить къ туркамъ намъ не разсчетъ». По распоряженію начальства, населеніе города было вооружено ружьями, даже нѣмцы-колонисты; всѣхъ выстраивали на улицахъ, на площадяхъ, обучали военнымъ пріемамъ и производили смотры. Каждую ночь, по улицамъ и окрестностямъ города ходили вооруженные обходы, разъѣзжали конные объѣзды, а на окружающихъ горахъ съ вечера зажигались огромные костры, пылавшіе до утра, изъ предосторожности, чтобы не проглядѣть какого-либо внезапнаго нападенія. Всѣ, кто могли, уѣзжали изъ Тифлиса въ Россію. Каждый день цѣлыя вереницы экипажей всякаго рода, тарантасы, кареты, коляски, кибитки, подводы, тянулись съ утра до вечера по Головинскому проспекту, по направленію къ военно-грузинской дорогѣ. Оставались только по необходимости. Тѣ, кого удерживали служба или дѣла, спѣшили высылать свои семьи. Постоянныя нравственныя тревоги и опасенія, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ не могли, понятно, не отозваться подавляющимъ гнетомъ на общественномъ и домашнемъ настроеніи, такъ же какъ и на расположеніи духа всѣхъ въ частности.

Въ это-то тяжелое время общаго смущенія и всякихъ устрашительныхъ ожиданій нашелся человѣкъ, который однимъ ловкимъ словцомъ сумѣлъ развеселить смятенныя души и вызвать смѣхъ на самыхъ угрюмыхъ, вытянутыхъ лицахъ. Благодѣтель этотъ былъ графъ Сологубъ. Наслушавшись однажды въ канцеляріи намѣстника всевозможныхъ мрачныхъ, наводящихъ ужасъ толковъ о безотрад-

номъ положеніи дѣлъ, Сологубъ сталъ въ позу и съ паѳосомъ продекламировалъ экспромтъ:

Пускай враги стекутся!
Не бойся ихъ, народъ!
О Грузіи пекутся:
Реадъ, Реутъ и Ротъ!

Никогда словцо не было сказано болѣе кстати: оно быстро распространилось въ публикѣ и, какъ живительный бальзамъ, нѣсколько дней услаждало и увеселяло удрученныя Тифлисскія сердца.

Все вниманіе главнаго начальства было обращено на дѣла войны, а потому проходили недѣли и даже мѣсяцы безъ докладовъ управлявшему краемъ Реаду, что̀ для меня не составляло особенной непріятности, тѣмъ болѣе, что въ это время у меня усилилась головная боль, привязавшаяся ко мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ. Но по дѣламъ,усложнившимся военными переполохами края, приходилось бывать у него часто, иногда по два раза въ день. 6-го декабря, въ день имянинъ Государя, мы собирались у Реада на парадномъ обѣдѣ, а спустя недѣли полторы всѣмъ Совѣтомъ поздравляли его съ Высочайшею наградою.

16-го декабря было получено извѣщеніе объ окончательномъ увольненіи князя Воронцова отъ должности Намѣстника и о назначеніи на его мѣсто генерала Муравьева. О первомъ я,—такъ же какъ и бо́льшая часть изъ служащихъ и жителей Закавказскаго края,—немало и сердечно сожалѣлъ; о второмъ же, властвовавшемъ всего лишь только полтора года, скажу при заключеніи его служебнаго здѣсь поприща.

Между тѣмъ, тягостное положеніе наше въ Тифлисѣ еще болѣе омрачалось жестокимъ безпокойствомъ за Крымъ. Почту ожидали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; иногда она приносила утѣшительныя извѣстія, радостно ободрявшія насъ, но часто они смѣнялись другими извѣстіями, которыя ложились тяжелымъ камнемъ на душу. Дни проходили подъ вліяніемъ безпрерывно чередовавшихся, совершенно противоположныхъ одни другимъ ощущеній и сообщеній, то оживлявшихъ надежды, то угнетавшихъ мучительнымъ уныніемъ. Вотъ все, что̀ я могу сказать о смутномъ 1854-мъ годѣ. При всѣхъ тревожныхъ событіяхъ я по возможности оставался спокоенъ, поручивъ себя и всѣхъ своихъ покровительству Божію, и не обманулся.

Со времени моего прибытія въ Грузію, 1855-й годъ былъ первымъ годомъ, въ который я оставался безвыѣздно въ Тифлисѣ до 9-го іюня, занимаясь лишь исключительно текущими дѣлами въ Совѣтѣ и Экспедиціи.

Въ началѣ февраля Реадъ, для развлеченія общества, задалъ блестящій балъ, на который я впрочемъ не поѣхалъ, а были мои дѣти. Въ концѣ того же мѣсяца, къ общему сожалѣнію, скончался уже давно хворавшій, разбитый параличемъ, одинъ изъ лучшихъ Кавказскихъ боевыхъ вождей, генералъ-адъютантъ князь Аргутинскій-Долгорукій; его похоронили съ большимъ парадомъ и при огромномъ стеченіи публики.

1-го марта послѣдовалъ пріѣздъ въ Тифлисъ новаго намѣстника Муравьева. Извѣстіе о назначеніи его произвело въ краѣ не слишкомъ пріятное впечатлѣніе и всякіе суматошные толки. Всѣмъ было извѣстно, что онъ всегда относился къ Воронцову и всѣмъ его дѣйствіямъ враждебно; многіе здѣсь его знали лично, съ давнихъ поръ, и вѣроятно потому самому немногіе ожидали его съ удовольствіемъ, а бо̀льшая часть съ волненіемъ и какъ бы со страхомъ. Пріѣхалъ онъ поздно вечеромъ. Толпа публики, собравшаяся передъ домомъ намѣстника, поглядѣть на новаго его и своего хозяина, съ любопытствомъ всматривалась въ его особу при переходѣ изъ экипажа на крыльцо, и была немало удивлена, когда въ самомъ скоромъ послѣ того времени, едва отъѣхалъ дорожный экипажъ, къ крыльцу подъѣхала коляска. Только что прибывшій намѣстникъ снова появился у дверей, сѣлъ въ нее и куда то уѣхалъ. Уѣхалъ онъ къ экзарху. Всѣ недоумѣвали, что̀ за причина такой поспѣшности знакомиться съ экзархомъ. Причина была вполнѣ основательная. На слѣдующее утро все объяснилось.

Новый намѣстникъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ, привезъ съ собою горестное извѣстіе о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича. Фельдъегерь съ печальною вѣстію догналъ Муравьева за нѣсколько часовъ до его пріѣзда въ Тифлисъ. Можно себѣ представить, какое это произвело смятеніе, сколько было тревожныхъ говоровъ и сужденій по этому поводу. Съ одной стороны, неизвѣстность, чего ожидать отъ дѣйствій новаго намѣстника, а съ—другой еще болѣе,— чего ожидать отъ послѣдствій нежданной кончины Государя при тяжкой и неблагопріятной войнѣ! Все это заставляло всякаго призадуматься о томъ, что̀ будетъ. Спокойнѣе

оставались тѣ, которые держались простого правила: «что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ велитъ.» Въ такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ, какія были въ то время, ничего лучшаго придумать было нельзя.

Въ тотъ же день, 2-го марта, все служащее, носящее мундиръ, военное и гражданское, присягало на Александровской площади новому Государю. Затѣмъ было представленіе новому намѣстнику.

Муравьевъ назначилъ мнѣ доклады по вечерамъ. Скоро пришлось мнѣ услышать его ворчаніе. 16-го марта я, въ полной парадной формѣ, вмѣстѣ съ прочими откланивался уѣзжавшему Реаду. Въ тотъ же день я въ первый разъ обѣдалъ у генерала Муравьева. Обѣдъ былъ постный, по случаю великаго поста. Потомъ ѣздилъ съ нимъ въ ботаническій садъ, и получилъ отъ него особое порученіе.

Въ началѣ апрѣля сынъ мой Ростиславъ, по лестной рекомендаціи князя Барятинскаго и князя Бебутова, былъ отправленъ Муравьевымъ курьеромъ въ Крымъ, дабы для здѣшнихъ военныхъ соображеній узнать настоящее положеніе дѣлъ тамъ, на мѣстѣ. Поѣздка его длилась три недѣли. По возвращеніи сына моего, передавая намѣстнику желаемыя свѣдѣнія, онъ объяснился съ совершенной откровенностію, — какъ того требовали прежде князья Воронцовъ и Барятинскій, — о печальной дѣйствительности и грозившей въ близкомъ будущемъ невозможности отстоять Севастополь. За это онъ подвергся непріятному замѣчанію со стороны главнокомандующаго. За три дня до своего выѣзда изъ Тифлиса, Муравьевъ послалъ его курьеромъ въ Александрополь, а 10-го мая выѣхалъ къ нашему дѣйствующему корпусу, для открытія кампаніи, подъ своимъ личнымъ начальствомъ, противъ главныхъ силъ турецкой Анатолійской арміи, расположенной въ Карсѣ. Сына моего онъ оставилъ при себѣ; сначала удостоивалъ его довѣренностію, неоднократно давалъ довольно важныя порученія, но по своей подозрительности, а можетъ быть вслѣдствіе замѣченнаго имъ въ молодомъ человѣкѣ несогласія мыслей съ его намѣреніями и убѣжденіями, сталъ заявлять иногда свое неблаговоленіе. А потому сынъ мой, въ концѣ кампаніи, при взятіи Карса, отпросился въ свою батарею на линію, и пріѣхалъ къ намъ въ Тифлисъ. По прибытіи намѣстника въ Александрополь, князь Бебутовъ возвратился въ Тифлисъ и вступилъ въ управленіе гражданскою частію.

Съ первыхъ дней пріѣзда генерала Муравьева на Кавказъ, еще съ Ставрополя, начались разсказы о его странныхъ выходкахъ и мелочныхъ придиркахъ, а по водвореніи его въ Александрополѣ такого рода разсказы распространялись массами. Хотя въ сущности они не заключали въ себѣ ничего особенно серьезнаго, но многихъ возстановляли противъ него и вообще не внушали къ нему симпатіи. Что онъ иногда доводилъ свои требованія и брюзгливость просто до комизма, это совершенно вѣрно. Изъ множества случаевъ приведу одинъ, бывшій съ моимъ сыномъ. Однажды ночью, въ третьемъ часу, Муравьевъ послалъ за нимъ на квартиру, находившуюся не близко. Его разбудили, онъ поспѣшно одѣлся и явился къ главнокомандующему. Муравьевъ сидѣлъ пасмурный и сердито посмотрѣлъ не него.

— «Отчего вы такъ долго не шли?»

— «Какъ только мнѣ сказали, я сейчасъ же пошелъ.»

— «Вы что по ночамъ дѣлаете? Вы думаете, я не знаю, что̀ вы дѣлаете? Я знаю! Я знаю, что̀ вы дѣлаете по ночамъ!»

Сынъ мой нѣсколько смутился. Онъ вспомнилъ, что иногда, засидѣвшись поздно въ пріятельской компаніи, ему случалось съ товарищами толковать о Муравьевѣ и изрядно перемывать ему косточки. Натурально, первая мысль его была, что до Муравьева что-нибудь объ этомъ дошло. Онъ молчалъ. Муравьевъ тоже молчалъ, уставившись на него гнѣвными глазами.

— «Да!—возгласилъ наконецъ торжественно главнокомандующій— да! Я знаю! Я все знаю! Я знаю, что вы дѣлаете по ночамъ!»

Еще помолчалъ.

— «Вы по ночамъ спите!»

Онъ сказалъ эти слова такъ, какъ будто уличилъ его въ государственной измѣнѣ, или дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, или какомъ-либо равносильномъ преступленіи. У сына моего однако отлегло отъ сердца, но былъ онъ такъ озадаченъ, что едва нашелся съ полной готовностію сознаться въ истинѣ этого преступнаго дѣянія.

— «Виноватъ, ваше высокопревосходительство; мнѣ дѣйствительно случается иногда по ночамъ спать.»

Муравьевъ еще больше насупился и долго ворчалъ на эту тему.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій тоже не сошелся съ Муравьевымъ и вскорѣ оставилъ должность начальника штаба, выпросивъ у Государя свой переводъ въ Петербургъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ состоялся мой первый выѣздъ въ ближайшія нѣмецкія колоніи, а оттолѣ, чрезъ Привольное и Гергеры, въ Делижанскія поселенія, Дарачичагъ и Лорійскую степь. Въ эту поѣздку, я нашелъ въ молоканскихъ селеніяхъ новую секту *прыгуновъ*,—самую глупую и безтолковую, что-то въ родѣ подражанія американской сектѣ и, кажется, дѣйствительно перенятую по слухамъ о ней нѣкоторыми нашими сумазбродами изъ сектантовъ, единственно по своекорыстію. Они обманывали и обирали невѣжественныхъ глупцовъ изъ своихъ собратій, до тѣхъ поръ, пока главный коноводъ ихъ Щетининъ не былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь; послѣ чего эти сектанты понемногу уничтожились, и теперь о нихъ уже ничего не слышно.

Чрезъ мѣсяцъ, я проѣхалъ на Бѣлый Ключъ, гдѣ уже засталъ мое семейство, съ коимъ и остался до конца лѣта. Предъ моимъ отъѣздомъ изъ Тифлиса, тамъ произошелъ необыкновенный пожаръ въ караванъ-сараѣ Арцруни, возлѣ Сіонскаго собора, на берегу Куры. Огонь распространился съ такою быстротою, что не только громадное зданіе, но и всѣ склады, со множествомъ товаровъ, въ нихъ находившихся, сгорѣли до тла. Убытокъ насчитывали до двухъ милліоновъ. Болѣе недѣли пылалъ и тлѣлъ огонь въ погребахъ и кладовыхъ, гдѣ лежали тюки съ товарами. Изъ оконъ, выходящихъ къ Курѣ, по стѣнамъ струился широкими темнокрасными потоками растопленный, перегорѣлый сахаръ, стекая въ рѣку. Въ числѣ сгорѣвшихъ вещей находился драгоцѣнный, рѣдкой художественной работы, старинный сервизъ князя А. И. Барятинскаго, оставленный имъ на храненіе Мирзоеву, который помѣстилъ его въ своей кладовой, въ томъ же караванъ-сараѣ. Желѣзные сундуки, въ которыхъ хранилось серебро, хотя и вытащили, но всѣ вещи почернѣли, исковеркались и бо́льшею частію расплавились. Особенно достойны сожалѣнія великолѣпные канделябры, блюда и вазы, какъ произведеніе высокаго искусства.

Болѣзненное состояніе моей бѣдной жены часто приводило меня въ уныніе. Къ этому присоединились печальныя вѣсти съ театровъ войны: о неудачномъ сраженіи подъ Севастополемъ, при рѣчкѣ Черной, гдѣ былъ убитъ генералъ Реадъ; а затѣмъ и о взятіи Севастополя. Потрясающее впечатлѣніе произвело въ Закавказьи извѣстіе о несчастномъ штурмѣ Карса, унесшемъ безплодно до десяти тысячъ человѣкъ изъ лучшихъ нашихъ войскъ. Мало

было въ Тифлисѣ домовъ, гдѣ бы не горевали о комъ-нибудь изъ родственниковъ, друзей или близкихъ знакомыхъ, погибшихъ въ этомъ плачевномъ дѣлѣ. Общее уныніе усилилось. Въ концѣ октября непріятель втрогся въ Мингрелію, и еслибы онъ имѣлъ искуснаго и рѣшительнаго полководца, то вѣроятно намъ, русскимъ, пришлось бы убираться изъ Закавказья. Но Богъ помогъ, и мы остались невредимы.

Спустя нѣсколько дней по прибытіи моемъ въ Тифлисъ, умеръ сотоварищъ мой по Совѣту, генералъ Реутъ, добрый старичекъ и въ свое время храбрый офицеръ.

18-го ноября мы получили свѣдѣніе о сдачѣ Карса, а 7-го декабря возвратился въ Тифлисъ и Муравьевъ *). У него были самые гигантскіе планы. Онъ объявлялъ всѣмъ и каждому очень

*) Кампанія кончилась, но общія ожиданія въ отношеніи главнокомандующаго значительно понизились. Даже его горячіе поклонники отзывались о его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ какъ-то меланхолично. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ съ такимъ умомъ, съ такимъ военнымъ талантомъ, какимъ безспорно обладалъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, имѣлъ свои причины, соображенія, планы дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Но для простыхъ смертныхъ, непосвященныхъ въ эти мистеріи, судящихъ только по нагляднымъ фактамъ, казалось, что дѣло велось далеко не удовлетворительно. Все тамъ какъ-то перемудрялось или недомудрялось. Особенно недоумѣвали туземцы, считавшіе вначалѣ генерала Муравьева за второго Искандера (Александра Великаго) Часто приходилось въ то время слышать ихъ простыя, наивныя сужденія, нелишенныя нѣкоторой справедливости,— преимущественно армянъ, людей хитроумныхъ, бойко и зорко слѣдившихъ за всѣмъ и знавшихъ многое лучше другихъ, по связямъ съ своими заграничными соотечественниками. Они описывали дѣятельность генерала Муравьева подъ Карсомъ такимъ образомъ: „Поѣхалъ Муравьевъ на войну. Войска у него было много, не то что у Бебутова: Бебутовъ ходилъ съ горсточками, а у Муравьева была уже цѣлая армія. Подступилъ къ Карсу. Карсъ былъ не такой какъ теперь, а гораздо плоше; крѣпость старая, ненадежная, стѣны мѣстами обваливались; турки сидѣли въ немъ напуганные. Взять его было можно. Со дня на день и думали, что его возьмутъ. Но Муравьевъ его не взялъ, а сталъ дожидаться. Постоялъ, постоялъ, забралъ часть войска и пошелъ за Саганлугскія горы. Походилъ, походилъ, сжегъ турецкія казармы съ складомъ провіанта и воротился обратно подъ Карсъ. За это время Карсъ уже сталъ поправляться: стѣны укрѣплялись, подновлялись, турки усердно работали. Взять его уже было не такъ легко, но все же возможно, и еслибъ Муравьевъ рѣшился, то навѣрно бы взялъ. Но онъ не рѣшился и опять сталъ дожидаться. Постоялъ, постоялъ, и пошелъ снова за Саганлугскія горы. Подошелъ къ Эрзеруму, остановился въ двухъ часахъ пути отъ города. Въ Эрзерумѣ его ожидали съ радостію, никто и не думалъ сопротивляться; армяне приготовляли торжественную встрѣчу. Шелъ только большой споръ: спорили армянскій архіерей съ персидскимъ консуломъ, кто изъ нихъ двухъ поднесетъ генералу Муравьеву ключи отъ города,—и тотъ хотѣлъ и другой хотѣлъ. Вдругъ узнаютъ—русскія войска ушли! Не хотѣли вѣрить. Какъ ушли! Для чего ушли? Отчего не пришли въ Эрзерумъ? Удивлялись, жалѣли. А Муравьевъ постоялъ два дня подъ Эрзерумомъ и пошелъ опять подъ Карсъ. Тутъ ужъ Карсъ сдѣлался не тотъ, что

рѣшительно и самоувѣренно, что пойдетъ съ своимъ корпусомъ, отъ Закавказскихъ береговъ Чернаго моря, походомъ въ Крымъ и освободитъ Севастополь. Онъ забывалъ о бездѣлицахъ: *первое*,— о томъ, что Черное море не замерзаетъ, а *второе*,— что ему и на мѣстѣ нечѣмъ было кормить войско. Подрядчикъ Тамамшевъ оказался несостоятельнымъ, вслѣдствіе чего былъ учрежденъ особый комитетъ,—какъ горю помочь, —въ которомъ и я былъ членомъ. Но ни генералъ Муравьевъ, ни нашъ многолюдный комитетъ ничего не могли выдумать для достиженія этой цѣли: хлѣба или не было, или перевозить его было не на чемъ, по недостатку въ скотѣ и по причинѣ дорогъ, сдѣлавшихся безпроѣздными. Много было съ

прежде, и узнать его было нельзя: крѣпость стала грозная, подступиться къ ней ужъ было трудно, и хотя состояла въ блокадѣ, а все же турки находили лазейки, понемногу провозили и провіанту, и оружіе, провезли и англичанъ съ генераломъ Вильямсомъ. Англичане турокъ прибрали къ рукамъ, придавали имъ куражу. Вотъ генералъ Муравьевъ снова сталъ подъ Карсомъ. Стоялъ полтора мѣсяца. Вдругъ рѣшился. Ночью, 17-го сентября, поднялъ тревогу, наскоро собралъ войска и бросился штурмовать Карсъ. Впопыхахъ забыли взять даже нѣкоторыя необходимыя для штурма вещи. Пять часовъ штурмовали крѣпость. Положили десять тысячъ человѣкъ своихъ подъ ея стѣнми. Крѣпость не взяли. Воротились сидѣть на прежнюю позицію. Блокаду устроили строже, турецкія лазейки закрыли и гулять за Саганлугъ перестали. Зима была ранняя, строгая; много солдаты натерпѣлись всякихъ мукъ. Муравьевъ заставлялъ ихъ развлекаться играми. Идетъ онъ разъ, видитъ,—нѣсколько солдатъ бѣгаютъ, чтобы согрѣться. Спрашиваетъ: „вы это играете въ городки, ребята?“ — А солдаты отвѣчаютъ: „Никакъ нѣтъ! Наигрались ужъ мы въ городки вонъ тамъ, — показываютъ на Карсъ, — будетъ съ насъ!“ Насупился и пошелъ. Такъ и сидѣли, пока турки съѣли всѣ свои запасы, поѣли даже лошадей; когда уже кушать было нечего, сказали Муравьеву: „иди сюда! На тебѣ Карсъ! Только выпусти насъ отсюда“. Муравьевъ и вошелъ въ Карсъ. А могъ войти за полгода до того, — а если не могъ, то уже было сидѣть какъ сидѣлъ. За что было губить столько людей на штурмѣ! Искандеръ такъ не дѣлалъ“.

Общіе отзывы и мнѣнія того времени, болѣе или менѣе, приблизительно заключались въ такомъ же смыслѣ. По поводу штурма Карса усердно повторялось словцо графа Соллогуба: „Все случилось оттого, что 17-го сентября Муравьевъ ночью спалъ и увидѣлъ во снѣ святыхъ Вѣру, Надежду и Любовь, а матери ихъ Софіи (премудрости) не видѣлъ!“—Надобно полагать, что мнѣніе это преобладало и въ Петербургѣ, такъ какъ восемь мѣсяцевъ спустя Николай Николаевичъ Муравьевъ не былъ приглашенъ на коронацію, а былъ по его прошенію уволенъ отъ должности намѣстника Кавказскаго и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Въ нынѣшней повременной печати часто случается встрѣчать имя Н. Н. Муравьева съ присоединеніемъ *Карсскій*. На какомъ основаніи? Оффиціально ему не было дано этого прибавленія. Карса онъ не взялъ; Карсъ ему сдался послѣ семимѣсячной осады,—это большая разница. Въ 1877 году Карсъ дѣйствительно былъ взятъ, но никто же не называетъ графа Лорисъ-Меликова Карсскимъ. Да и самъ Н. Н. Муравьевъ никогда не присвоилъ бы себѣ этой прибавки и вѣроятно никогда не принялъ бы ея безъ оффиціальнаго пожалованія, а потому она, какъ произвольное прозвище, имѣетъ видъ въ этомъ случаѣ несовсѣмъ умѣстный для достойной памяти покойнаго почтеннаго генерала.

этимъ дѣломъ хлопотъ и возни, однако всѣ онѣ остались безуспѣшны. Кажется, намѣстникъ надѣялся поправить дѣло, смѣнивъ генералъ-интенданта и назначивъ меня на его мѣсто; но я, на его явные намеки и наконецъ рѣшительное и настоятельное предложеніе, отозвался наотрѣзъ, что вовсе не чувствую себя къ этому способнымъ и ни за что не возьмусь за дѣло, котораго не понимаю.

Въ такихъ-то испытаніяхъ, заботахъ и передрягахъ, вредно дѣйствовавшихъ и на мое уже слабое здоровье, окончился для меня этотъ тревожный годъ. Въ послѣднихъ дняхъ его я имѣлъ нравственное огорченіе, сильно меня потрясшее, полученіемъ извѣстія о смерти любимаго моего брата и лучшаго друга, Павла, служившаго въ артиллеріи и бывшаго тогда генералъ-лейтенантомъ.

Первые мѣсяцы 1856-го года я провелъ въ постоянныхъ хлопотахъ, не столько по настоящимъ моимъ обязанностямъ, сколько по этому же самому дѣлу о провіантѣ. Отъ предсѣдательства въ комитетѣ, которое намѣстникъ непремѣнно хотѣлъ возложить на меня, я съ большимъ трудомъ отдѣлался. Безпокойства, которыя озабочивавали меня тогда, кажется и были причиною продолжительнаго обморока, случившагося со мною въ февралѣ; развязался я съ этимъ провіантскимъ дѣломъ не прежде какъ въ апрѣлѣ, по полученіи манифеста о мирѣ. Сколько этотъ миръ ни былъ плохъ, но, по человѣческому предвидѣнію, продолженіе войны могло быть еще хуже.

Въ это время мы познакомились съ однимъ интереснымъ человѣкомъ, нашимъ знаменитымъ ученымъ академикомъ Беромъ, пріѣзжавшимъ изъ Петербурга на короткое время для научныхъ изслѣдованій; изъ нихъ главнѣйшее состояло въ средствѣ искусственнаго разведенія рыбъ различныхъ породъ въ горныхъ рѣкахъ края. Онъ тотчасъ же по прибытіи явился съ визитомъ къ моей женѣ, давно зная о ней по слухамъ и сочиненіямъ нѣкоторыхъ изъ ученыхъ, нашихъ знакомыхъ, русскихъ и иностранныхъ. Елена Павловна съ удовольствіемъ приняла его, и онъ часто у насъ бывалъ. Беръ чрезвычайно заинтересовался огромной коллекціей ея рисунковъ цвѣтовъ съ натуры, флоры Кавказской, Саратовской и всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ей приходилось жить. Хотя рисунки не заключали въ себѣ какого-либо художественнаго исполненія, артистическаго изящества въ очертаніяхъ растеній, но академикъ именно плѣнялся ихъ живой натуральностію, безъискус-

ственной вѣрностію изображеній, отсутствіемъ придаточныхъ прикрасъ. Въ послѣднее свое посѣщеніе предъ отъѣздомъ, онъ обратился къ женѣ моей съ убѣдительной просьбой, на которую у нея не достало духа согласиться. Онъ просилъ ее довѣрить ему на время эти книги (томовъ 20 большого размѣра въ листъ) и позволить взять ихъ съ собой въ Петербургъ, чтобы снять съ нихъ копіи для Императорской академіи наукъ, ручаясь за цѣлость и невредимость ихъ. Онъ говорилъ, что готовъ *на колѣняхъ* молить объ исполненіи этой просьбы,—и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ стать на колѣни. Елена Павловна колебалась, но не могла рѣшиться разстаться на неопредѣленное время съ этимъ трудомъ всей своей жизни, составлявшимъ усладу и утѣшеніе часовъ ея занятій. Она сказала это Беру, прибавивъ, что она вѣроятно уже долго не проживетъ, и ей было бы очень тяжело лишиться, подъ конецъ жизни, многолѣтней своей любимой работы; но что послѣ ея смерти книги достанутся ея дѣтямъ, которыя ботаникой не занимаются, и она предоставитъ имъ принести ихъ въ даръ нашей академіи наукъ, если академія удостоитъ принять этотъ болѣе нежели полувѣковой трудъ великой любви къ природѣ и наукѣ. Академикъ Беръ, со вздохомъ и повидимому очень опечаленный, долженъ былъ покорится этому рѣшенію *).

Выѣзжая въ Петербургъ, Беръ явился къ намѣстнику откланяться и проститься съ нимъ. У нихъ завязался разговоръ, заключившійся довольно забавно. Беръ принялся объяснять результаты своихъ опытовъ разведенія и размноженія рыбъ въ водахъ Закавказья. Николай Николаевичъ, выслушавъ его, замѣтилъ: «Намъ теперь нужно размножать не рыбъ, а нужно размножать солдатъ.» Почтенный академикъ немножко опѣшилъ, но поспѣшилъ заявить въ свое оправданіе:—«къ сожалѣнію, въ мои преклонные годы я ужъ никакъ не могу оказать услугу такого рода государству».

---

*) Всѣ эти книги съ собраніемъ рисунковъ цвѣтовъ и растеній работы Е. П. Фадѣевой въ цѣлости и свято хранились слишкомъ 30 лѣтъ въ оставшейся ея семьѣ, очень желавшей исполнить обѣщаніе и желаніе, заявленное ею о передачѣ ихъ въ Академію наукъ, но не знавшей, какъ это устроить и къ кому обратиться. Въ 70-хъ годахъ Р. А. Фадѣевъ писалъ объ этомъ академику Беру, но Беръ въ это самое время умеръ. Въ 1892 году книги пожертвованы въ Ботаническій Кабинетъ С.-Петербургскаго Императорскаго университета, принявшаго этотъ цѣнный даръ съ большой благодарностію.

Тогда же разсказывали курьезную исторію—и слухъ этотъ упорно держался—будто бы намѣстникъ морилъ въ банѣ начальника своей канцеляріи Крузенштерна. Муравьевъ, какъ истинно русскій человѣкъ, не могъ обойтись безъ бани, каждое утро посѣщалъ ее и подолгу оставался въ ней. Баня устроена при домѣ намѣстника. Но, какъ человѣкъ чрезвычайно занятой, дорожившій временемъ и не хотѣвшій терять его напрасно, Николай Николаевичъ назначилъ свои банные часы для пріема докладовъ. Разсказы объ этомъ передавались различно: одни утверждали, что Муравьевъ, слушая доклады, сидѣлъ въ предбанникѣ, закутанный въ простыню; другіе гласили, что онъ просто лежалъ на полкѣ и парился, а злополучные докладчики, въ мундирахъ и вицмундирахъ, — главнѣйше начальникъ канцеляріи намѣстника Крузенштернъ,—задыхаясь отъ жара и пара, обливаясь пòтомъ, почтительнѣйше читали ему свои служебные доклады. Насколько эта исторія достовѣрна, я не знаю, но тогда ей всѣ вѣрили и со смѣхомъ пересказывали одинъ другому.

За исключеніемъ небольшой моей поѣздки въ колонію Маріенфельдъ на нѣсколько дней, я оставался безвыѣздно въ Тифлисѣ до переселенія моего съ семействомъ на лѣто въ Коджоры, въ концѣ іюня. Туда же переѣхалъ на лѣтнее пребываніе и намѣстникъ, и тамъ же я еженедѣльно докладывалъ ему дѣла. Для его помѣщенія были наняты три дома. Онъ показывалъ мнѣ большое расположеніе, и я лично, въ отношеніи себя, не видѣлъ отъ него ничего кромѣ хорошаго. Онъ даже приглашалъ меня остановиться въ Коджорахъ прямо у него и поселиться въ одномъ съ нимъ домѣ. Конечно, я не могъ воспользоваться его приглашеніемъ, такъ какъ жилъ съ своимъ семействомъ; да къ тому же, признаться, возымѣлъ подозрѣніе, не хочетъ ли онъ опять припрячь меня къ какой-нибудь тяжелой работѣ. Муравьевъ по утрамъ выходилъ гулять, ходилъ много и подолгу. Онъ часто заходилъ ко мнѣ на дачу, прохаживался со мною по дорожкамъ моего садика, разговаривалъ, отдыхалъ на лавочкѣ, шутилъ съ моими маленькими внуками, изъ которыхъ особенно занимался старшимъ внукомъ, Сашей, десятилѣтнимъ мальчикомъ; называлъ его своимъ любимцемъ, велъ съ нимъ продолжительные разговоры и пресерьезно экзаменовалъ изъ русской исторіи, грамматики и ариѳметики. Все это онъ дѣлалъ совершенно добродушно, но иногда казался мнѣ задумчивымъ.

Между тѣмъ приближалось время коронаци. Половина Грузіи выѣзжала или собиралась выѣзжать въ Москву. Ожидали назначенія дня отъѣзда намѣстника, но намѣстникъ не говорилъ объ этомъ ни слова и не дѣлалъ никакихъ сборовъ къ дорогѣ. Началось общее недоумѣніе, догадки, толки; казалось невѣроятнымъ, чтобы намѣстникъ Кавказскій могъ не присутствовать при коронаціи. Со всѣхъ сторонъ слышались вопросы: «что это значитъ? Невозможно же предположить, чтобы его не вызвали! Какъ же это!» Однако ходъ вещей и фактическая дѣйствительность доказывали возможность этой невѣроятности.

Скоро послѣдовало разрѣшеніе затруднительнаго вопроса. Оказалось, что всѣ были правы и всѣ ошиблись. Кавказскій намѣстникъ *присутствовалъ* на коронаціи, только это былъ не генералъ Муравьевъ.

3-го іюля пріѣхалъ курьеръ съ извѣщеніемъ объ увольненіи Муравьева и о назначеніи на его мѣсто князя Барятинскаго. Николай Николаевичъ казался--или старался казаться—равнодушнымъ къ этому событію, послѣдовавшему будто бы по его желанію,— во всякомъ случаѣ по его прошенію. Но совсѣмъ другое было съ чиновничествомъ гражданскимъ и людомъ военнымъ, которые съ трудомъ скрывали свою радость: хотя Муравьевъ никому не сдѣлалъ никакого зла, и инымъ даже въ частности сдѣлалъ добро, но для всѣхъ былъ крайне тяжелъ и непріятенъ. Я разстался съ нимъ 7-го августа, отправляясь въ разъѣзды, и уже болѣе его не видалъ. Такъ какъ всякій знакъ благорасположенія заслуживаетъ благодарности, то и я обязанъ ему признательностію за его добрыя отношенія ко мнѣ и за полученіе на коронацію, по его предстательству, Станиславской ленты. Но еще болѣе былъ бы я признателенъ ему, если бы онъ былъ справедливъ къ моему сыну, коего нѣкоторымъ образомъ преслѣдовалъ за то, что не понималъ его.

Со временемъ интересно будетъ читать безпристрастную біографію Н. Н. Муравьева. Нельзя отвергать многія его хорошія качества и достоинства: познанія его были обширны, память удивительная; но все это у него было какъ-то такъ перепутано съ странными, своеобразными идеями, съ необыкновенною подозрительностію и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ отстальными понятіями, что эта помѣсь иногда какъ будто затмевала то, что у него было несомнѣнно и истинно хорошаго. По крайней мѣрѣ, ка-

жется, рѣшительно можно сказать, что для управленія Закавказскимъ краемъ, *при тогдашнихъ обстоятельствахъ*, онъ совсѣмъ не подходилъ.

Я выѣхалъ въ Боржомъ, гдѣ пробывъ съ недѣлю, отправился по дорогѣ чрезъ Ахалкалаки въ духоборческія селенія, въ коихъ приводилъ въ извѣстность положеніе духоборцевъ послѣ войны; оттолѣ въ Александрополь, а на другой день чрезъ Делижанскія и Лорійскія поселенія возвратился къ своимъ, въ Коджоры. Съѣздилъ оттуда еще въ Екатериненфельдъ и въ половинѣ сентября вернулся въ Тифлисъ. Въ октябрѣ пріѣхалъ къ намъ сынъ мой Ростиславъ, по приказанію князя Барятинскаго, который еще изъ Москвы предписалъ ему выѣхать въ Тифлисъ къ его прибытію.

Третьяго ноября послѣдовалъ пріѣздъ кн. Барятинскаго и торжественная встрѣча его. Всѣ были имъ обласканы, и почти всѣ были довольны его назначеніемъ. Предъ отбытіемъ его, Государь предоставилъ ему право, какого еще ни одинъ изъ начальниковъ края до него не имѣлъ: право дѣлать по главному управленію краемъ и подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ всѣ преобразованія и измѣненія, какія онъ найдетъ нужными, собственною своею властію, *безъ* Высочайшаго утвержденія,—съ тѣмъ только, чтобы, по указанію опыта, онъ представлялъ ихъ для разсмотрѣнія и обращенія въ постоянный законъ, сначала срокомъ по 1863-й годъ. Срокъ этотъ впослѣдствіи и для новаго намѣстника, Великаго Князя, продолженъ по 1866-й годъ. Эта мѣра конечно облегчила нужныя измѣненія, но она имѣла и свои неудобства при нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ не по указанію опыта и обдуманнаго плана, а по своеобразному заключенію главнаго начальника, иногда вопреки основательнымъ возраженіямъ, какія представляли ему члены комитета о преобразованіяхъ.

Вскорѣ послѣ прибытія князя Барятинскаго, въ ноябрѣ, получено извѣстіе о кончинѣ князя Воронцова. Извѣстіе это для меня было очень грустное. Повторяю уже сказанное мною, что князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, какъ человѣкъ и вельможа, принесъ много пользы государству, Закавказскому краю въ особенности. Жаль только, что онъ мало зналъ Россію; въ иныхъ случаяхъ руководствовался общими Европейскими идеями, не всегда удобными къ слѣпому руководству русскимъ государственнымъ людямъ; и имѣлъ маленькую, исключительную слабость къ нѣкото-

рымъ грузинскимъ семействамъ и личностямъ, выходившую иногда за черту благоразумія для представителя Русской власти.

Въ этомъ году, и вообще по окончаніи войны, главное вниманіе и заботы управленія государственными имуществами были обращены на три предмета: 1) на розысканіе вновь свободныхъ земель для новыхъ поселеній; 2) на устройство казенныхъ лѣсовъ и 3) на устройство водопроводовъ.

О земляхъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія собрать было можно, оказалось, что нѣсколько въ значительномъ количествѣ онѣ находятся въ излишествѣ только въ Эриванской губерніи. Но сколько именно, хотя приблизительно, знать было нельзя. И губернское, и уѣздное начальство, по избытку усердія, старалось примѣрную цифру десятинъ свободной земли выставить сколь возможно высшую. Но эти показанія были вовсе не достовѣрны. Напримѣръ: уѣздные начальники показывали таковой земли на 3700 семей, а участковые засѣдатели—на 2370 семей. Достовѣрно оказалось лишь то, что̀ и ранѣе было извѣстно, то-есть, что точнаго количества свободной казенной земли, даже и приблизительно, прежде генеральнаго межеванія опредѣлить не возможно; тѣмъ болѣе, что для опредѣленія земли въ посемейный надѣлъ необходимо было знать, сверхъ количества, еще и качество ея, мѣстоположеніе, удобство дорогъ и тому подобное.

Объ устройствѣ *лѣсовъ* выказывали заботливость и князь Воронцовъ, и особенно Муравьевъ, который заявлялъ, что онъ мастеръ этого дѣла. Но выяснилось, что правильнаго устройства лѣсовъ въ Закавказскомъ краѣ, до обмежеванія ихъ, также ввести было не возможно. А это обмежеваніе, равно какъ и вообще всѣхъ земель, по недостатку средствъ и людей, не можетъ произойти быстро и скоро. Назначенныя для того средства были ничтожны, да и ограничить вдругъ безпредѣльную порубку лѣсовъ воинскими чинами, укоренившуюся съ самаго вступленія русскихъ войскъ въ здѣшній край, было крайне затруднительно. Столь же трудно вводить въ этомъ отношеніи какой-либо порядокъ и между казенными поселянами, которые привыкли, по закону царя Вахтанга, считать воздухъ, воду и лѣсъ собственностію каждаго, кто захочетъ ими пользоваться.

Что касается до *водопроводовъ,* то метода князя Воронцова приниматься за возобновленіе большихъ, древнихъ водопроводовъ,

разрушившихся и уничтожившихся въ продолженіе вѣковъ, оказалась вполнѣ безполезною, потому самому, что, требуетъ огромныхъ издержекъ и искусныхъ гидравликовъ, а у насъ ни денегъ, ни подобныхъ людей не имѣется. Нѣтъ сомнѣнія, что для благосостоянія Закавказскаго края этотъ предметъ былъ и есть одно изъ важнѣйшихъ мѣропріятій; но необходимо прежде устранить генеральнымъ межеваніемъ всѣ юридическіе споры по землевладѣнію. До тѣхъ же поръ, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на сооруженіе водопроводовъ тамъ только, гдѣ народонаселеніе болѣе густо, гдѣ удобенъ сбытъ продуктовъ, и гдѣ существующее народонаселеніе, отъ недостатка или запущенія водопроводовъ, дѣйствительно затрудняется въ достиженіи благосостоянія.

Всѣ эти несвоевременныя мѣры и во всей Россіи, и особенно въ Закавказьи происходятъ, надо полагать, по той причинѣ, что, начиная отъ Петра Великаго и едва ли не до сихъ поръ, мы, по словамъ Жуковскаго, не перейдя чрезъ *понедѣльникъ*, переступаемъ прямо *во вторникъ*.

Для меня 1856-й годъ прошелъ довольно благополучно. Хотя я и чувствовалъ по временамъ признаки наступающей старости, но никакой серьезной болѣзни не подвергался. Финансовое свое положеніе я давно уже считалъ недурнымъ, главнѣйше потому, что не имѣлъ долговъ, какъ впрочемъ и всегда.

Въ слѣдующемъ, 1857-мъ году, новый намѣстникъ занимался исключительно предположеніями о мѣрахъ къ совершенному умиротворенію Кавказа, а также объ измѣненіи гражданскаго управленія по своему образу мыслей. Въ первомъ отношеніи, онъ дѣйствовалъ логично и основательно, а потому чрезъ три года и успѣхъ оказался блистательный и полный. Во второмъ же,— послѣдствія не были вполнѣ удовлетворительны. По этой послѣдней причинѣ, и занятія мои съ нимъ происходили рѣже и были не продолжительны, кромѣ развѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя интересовали его лично, какъ напримѣръ объ утвержденіи Лорійской степи окончательно за князьями Орбеліановыми.

Вслѣдствіе этого, я занимался въ Тифлисѣ текущими дѣлами безвыѣздно до мая мѣсяца. Да и потомъ не было надобности ѣздить далеко и на долгое время; съѣздилъ я только для обыкновенныхъ обзоровъ нѣмецкихъ и духоборческихъ поселеній и въ

Боржомъ. Лѣто съ семействомъ я провелъ въ Коджорахъ, гдѣ находился и намѣстникъ. Видѣлся я съ нимъ, по обыкновенію, очень часто, какъ по дѣламъ, такъ и по его приглашеніямъ; заходилъ и онъ ко мнѣ. Относился онъ ко мнѣ вообще, какъ и всегда, чрезвычайно благосконно и любезно.

Съ княземъ Александромъ Ивановичемъ прибыли многія новыя лица изъ его свиты, адъютанты, чиновники. Нѣкоторые были у меня, познакомились съ моимъ сыномъ, зятемъ, и нашъ домашній кругъ увеличился нѣсколькими хорошими знакомыми. Изъ числа ихъ былъ Василій Антоновичъ Инсарскій, старый сослуживецъ моего зятя еще по Петербургу, человѣхъ близкій къ князю Барятинскому уже издавна, котораго онъ опредѣлилъ къ себѣ для дѣлъ въ особенности конфиденціальныхъ. Онъ служилъ въ Тифлисѣ все время, пока князь Барятинскій состоялъ намѣстникомъ, и только по выбытіи его возвратился на службу въ Петербугъ.

Въ теченіе этого года, къ нашему большому удовольствію, служебное положеніе зятя моего, Ю. Ф. Витте, опредѣлилось по давнишнему нашему обоюдному желанію, назначеніемъ его ко мнѣ въ помощники. Оживилась надежда и на лучшую будущность сына моего, постоянно пользовавшагося добрымъ расположеніемъ князя Барятинскаго, который часто радовалъ меня самыми пріятными и лестными отзывами о немъ. Сынъ мой познакомилъ меня съ генераломъ Евдокимовымъ, столь славнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ покоренія Кавказа. Евдокимовъ очень любилъ моего Ростислава, относился къ нему чрезвычайно дружелюбно; съ тѣхъ поръ, пріѣзжая въ Тифлисъ, онъ всегда бывалъ у меня и часто обѣдалъ.

Лѣтомъ пріѣхала къ намъ повидаться внучка наша Вѣра, дочь покойной нашей старшей дочери Елены, съ мужемъ своимъ Н. Н. Яхонтовымъ, отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ, Псковскимъ помѣщикомъ, хорошимъ молодымъ человѣкомъ. Онъ къ зимѣ долженъ былъ уѣхать по дѣламъ на нѣсколька мѣсяцевъ въ Россію, а она осталась пожить съ нами до его возвращенія.

Мартъ мѣсяцъ 1858-го года отмѣтился для меня нѣсколькими непріятными событіями. 10-го марта умеръ предсѣдатель Совѣта, князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, человѣкъ умный, образованный и отлично ко мнѣ расположенный, особенно въ первые годы нашего совмѣстнаго служенія. Впослѣдствіи онъ сдѣлался большимъ эгоистомъ: успѣхи его во время войны, полученіе въ чинѣ

генералъ-лейтенанта ордена Андрея Первозваннаго,—примѣръ едва ли не единственный въ Россіи,—кажется, нѣсколько ослѣпили его. Для полнаго его благополучія ему недоставало только генералъ-адъютантства, о которомъ онъ всегда мечталъ и до котораго никакъ не могъ достигнуть*). Надежда его воскресла въ упованіи на коронацію. Какъ вдругъ, послѣдовавшее затѣмъ неожиданное назначеніе намѣстникомъ Кавказскимъ князя Барятинскаго,—бывшаго за годъ передъ тѣмъ подъ его начальствомъ, его подчиненнымъ,—сокрушило его нравственно, уязвило его самолюбіе и, какъ полагали, было причиною ускореннаго развитія и усиленія его болѣзни и, быть можетъ, самой смерти. Его не могли утѣшить ни производство въ полные генералы, ни подарокъ въ собственность полуразвалившагося дома начальника гражданскаго управленія, въ которомъ онъ жилъ,—и, спустя полтора года, князь Василій Осиповичъ Бебутовъ уже лежалъ на столѣ. Но въ лѣтописи туземныхъ генераловъ онъ навсегда останется памятенъ. Мѣсто его заступилъ генералъ-адъютантъ князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, находящійся понынѣ въ этой должности.

Вслѣдъ за тѣмъ было получено извѣстіе о переводѣ экзарха Грузіи, митрополита Исидора, въ Кіевъ. Для меня это была большая потеря. Митрополитъ Исидоръ—іерархъ вполнѣ достойный уваженія, выдающійся по уму, высокимъ душевнымъ качествамъ и пользѣ, принесенной имъ краю. Я пользовался особенно цѣнимымъ мною его расположеніемъ; его всегда занимательныя бесѣды были для меня великимъ удовольствіемъ и утѣшеніемъ, и по выѣздѣ его остались для меня незамѣнимыми.

Почти одновременно мы получили печальную вѣсть о совершенно неожиданной смерти мужа нашей внучки Вѣры, Н. Н. Яхонтова. Онъ умеръ отъ скортечной горячки, простудившись дорогою, на возвратномъ пути въ Тифлисъ; жена его осталась съ двумя маленькими сыновьями, изъ коихъ младшій родился у насъ въ домѣ, уже по отъѣздѣ своего отца.

По дѣловымъ отношеніямъ, мнѣ пришлось свести знакомство съ барономъ Торнау, незадолго предъ тѣмъ прибывшимъ въ Грузію. По складу ума, настроенію направленій, предпріимчивости, онъ имѣлъ много общаго съ барономъ Мейендорфомъ, подобно которому

*) По причинѣ довольно отдаленной, относящейся еще ко времени поѣздки Императора Николая Павловича въ Грузію, въ 1837 году.

отличался и духомъ прожектерства. Подобно ему же, всѣ его предпріятія были равно неудачны, и, испытавъ несостоятельность нѣсколькихъ своихъ попытокъ, онъ возвратился обратно въ Петербургъ. Съ этого времени началось дѣло о преобразованіи гражданскаго управленія по программѣ князя Барятинскаго. Хотя ясно оказывались неудобства иныхъ нововведеній, но ихъ надобно было вводить неотступно, потому что князь оставался въ своихъ убѣжденіяхъ непреклоннымъ.

Въ апрѣлѣ мы проводили нашего Ростилава въ экспедицію. Наконецъ въ этомъ году послѣдовалъ мнѣ отводъ земли, 1500 десятинъ, въ Ставропольской губерніи, пожалованный мнѣ еще тогда, когда я былъ главнымъ попечителемъ надъ калмыками, въ 1838-мъ году. Слѣдовательно, ровно чрезъ двадцать лѣтъ послѣ пожалованія. Земля эта приноситъ мнѣ пользы очень мало; но все же впослѣдствіи времени, по смерти моей, можетъ служить подспорьемъ дѣтямъ, къ тѣмъ небольшимъ средствамъ, кои могу я имъ оставить.

Въ маѣ послѣдовалъ первый мой выѣздъ въ этомъ году, вмѣстѣ съ дѣтьми; я отправлялся для обозрѣнія церковныхъ имѣній, а дѣти мои, съ цѣлію богомолія, сопровождали меня до Мардкобскаго монастыря, отстоящаго въ 20-ти верстахъ отъ Тифлиса. Монастырская церковь недавно построена на развалинахъ древней церкви, воздвигнутой святымъ Антоніемъ, однимъ изъ тринадцати подвижниковъ, пришедшихъ въ половинѣ шестого вѣка изъ Сиріи въ Грузію для окончательнаго довершенія подвига Св. Нины, обращенія страны отъ тьмы языческой къ свѣту Христову. Монаховъ здѣсь теперь уже нѣтъ, а живетъ при церкви священникъ, такъ какъ изъ Тифлиса сюда приходятъ постоянно во множествѣ богомольцы. Это мѣсто считается одной изъ наиболѣе уважаемыхъ святынь края. Монастырь, обстроенный красивыми домиками, съ гостиницей, хорошо устроенъ, находится въ прекрасномъ мѣстоположеніи, окруженъ лѣсомъ, горами, съ живописной на одной изъ вершинъ старинной башней, по преданію, жилищемъ Св. Антонія. Благоустройствомъ своимъ Мардкоби обязано въ особенности попеченіямъ экзарха Исидора. Въ лѣтнее время оно служитъ иногда мѣстопребываніемъ для экзарховъ.

Въ концѣ мѣсяца я проѣхалъ въ Боржомъ, куда въ началѣ іюня прибылъ намѣстникъ, а за нимъ митрополитъ Исидоръ, еще не покинувшій края. Я ежедневно съ ними видѣлся, проводилъ въ

бесѣдѣ съ обоими многіе пріятные часы и пробылъ съ ними слишкомъ мѣсяцъ, по 8-е іюля. Туда же пріѣхалъ и новый экзархъ, архіепископъ Евсевій.

Князь Александръ Ивановичъ—очень занимательный собесѣдникъ и замѣчательный разсказчикъ. Когда онъ здоровъ, въ духѣ и оживленъ разговоромъ, то любитъ разсказывать и разсказываетъ мастерски, удивительно эффектно, остроумно, иногда комично представляя героевъ своихъ разсказовъ въ лицахъ, подражая ихъ жестамъ, говору. Бо̀льшею частію разсказы забавные, но часто и серьезные, и всегда интересные. За обѣдами и по вечерамъ, въ Боржомѣ и Тифлисѣ, много я слышалъ отъ него любопытныхъ исторій. Въ Боржомѣ меня заинтересовалъ одинъ разсказъ о его ранѣ. Въ немъ давно уже сидѣла ружейная черкесская пуля, которую нельзя было вынуть, но она такъ заросла и гдѣ-то запряталась, что не безпокоила его. Когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ на Кавказъ, молодымъ офицеромъ, то во время экспедиціи, въ дѣлѣ съ горцами, пуля попала ему въ лѣвую сторону груди. Его отнесли въ палатку, положили въ постель и, по осмотрѣ, сочли рану смертельной. Князь задыхался и, сознавая приближеніе конца, потребовалъ священника. Къ нему привели полкового священника, старичка, помнится, отца Ивана. Батюшка замѣтилъ, что раненный тяжело дышетъ, повидимому кончается, и голова его лежитъ очень низко, на одной подушкѣ. Для бо̀льшаго удобства при совершеніи таинства, священникъ велѣлъ подложить нѣсколько подушекъ. Князя приподняли и устроили на постелѣ въ полусидячемъ положеніи; затѣмъ онъ исповѣдался, причастился и скоро почувствовалъ замѣтное облегченіе; вступилъ съ батюшкой въ разговоръ. Изъ разговора открылось, что отецъ Иванъ, задолго до того, былъ священникомъ въ родовомъ имѣніи князей Барятинскихъ, Ивановскомъ, въ то именно время, когда тамъ проживали родители князя и родился самъ князь, и этотъ самый отецъ Иванъ его крестилъ. Такое открытіе очень обрадовало ихъ обоихъ; священникъ въ умиленіи прослезился, а князю съ этого дня стало дѣлаться все лучше и лучше, и наконецъ онъ совсѣмъ выздоровѣлъ,—что̀ приписывали единственно тому, что священникъ подложилъ ему подъ голову подушки, и его высоко приподняли, вслѣдствіе чего пуля, его душившая давленіемъ на сердце, опустилась внизъ, князю сейчасъ же сдѣлалось легче, и онъ былъ этимъ спасенъ.

Такимъ образомъ, время шло для меня въ Боржомѣ далеко не скучно. Между тѣмъ произошла перемѣна въ моей службѣ, за которую я считаю себя весьма признательнымъ князю Барятинскому: 12-го іюня я освобожденъ намѣстникомъ отъ становившагося для меня тягостнымъ управленія Экспедиціею государственныхъ имуществъ, съ возложеніемъ на меня руководствованія ими, и съ оставленіемъ членомъ Совѣта, а также состоящимъ лично при намѣстникѣ для исполненія его особыхъ порученій *).

Такое опредѣленіе моей службы доставило мнѣ большое удовольствіе. Я начиналъ уже чувствовать, что управленіе это становится мнѣ не по силамъ, о чемъ и прежде докладывалъ намѣстнику. Думаю, что и онъ не былъ недоволенъ этимъ, потому что по характеру своему онъ не терпѣлъ противорѣчій; а я не могъ удержаться, когда по моему убѣжденію видѣлъ, что дѣла не такъ рѣшаются, какъ должно. Особенно же это выказалось при укрѣпленіи Лорійской степи за князьями Орбеліановыми, въ началѣ 1857-го года. Я былъ душевно радъ, что избавляюсь отъ тяжелаго положенія при нѣкоторыхъ распоряженіяхъ намѣстника; да и чувствовалъ, что старѣю и силы уже не тѣ. Бывшій нѣкогда одинъ изъ лучшихъ генералъ-прокуроровъ Беклешовъ сказалъ великую истину: «надобно служить, но не переслуживаться»; это весьма справедливо. Оставаться же только лишь членомъ Совѣта, безъ всякой отвѣтственности,—почти то же, что̀ перестать служить, съ выгодою полученія того же содержанія, какое я получалъ. Пенсіи такой никогда бы не дали. Да и то было не безвыгодно, что не вдругъ прекращались всѣ занятія, отчего, какъ извѣстно, иные старые служивые преждевременно отъ скуки умираютъ. Еще имѣлъ я то утѣшеніе, что мѣсто мое по управленію экспедиціею (съ переименованіемъ въ департаментъ) князь Барятинскій передалъ зятю моему Ю. Ф. Витте. Въ то же время, съ увольненіемъ моимъ отъ обязанностей, становившихся для меня затруднительными, я получилъ извѣщеніе о пожалованіи меня въ тайные совѣтники. Въ преклонныхъ лѣтахъ подобныя повышенія имѣютъ цѣны немного, но, какъ я уже говорилъ при этихъ случаяхъ, всегда бываютъ болѣе

*) Кн. Барятинскій предлагалъ А. М. Фадѣеву высшій постъ, но Фадѣевъ, при его строгомъ воззрѣніи на свой служебеный долгъ, заявилъ, что за нѣсколько лѣтъ ранѣе, онъ могъ бы принять предложеніе, но теперь, въ его лѣта, съ разстроеннымъ здоровьемъ, онъ не былъ бы въ состояніи исполнять свои обязанности такъ, какъ привыкъ ихъ исполнять всегда, а потому никакъ не можетъ взять ихъ на себя.

или менѣе пріятны, быть можетъ какъ отзывъ прошлыхъ временъ и прошлыхъ настроеній.

По возвращеніи въ іюлѣ въ Тифлисъ, я вскорѣ переѣхалъ съ семействомъ на лѣтнее переселеніе въ Бѣлый Ключъ. Въ августѣ ѣздилъ проститься окончательно съ митрополитомъ, отправлявшимся въ Кіевъ. Грустно мнѣ было разставаться съ достойнѣйшимъ архипастыремъ; но въ этомъ мірѣ мы всѣ осуждены къ такимъ разставаніямъ, на подобіе пріѣзжающимъ для леченія на воды: познакомишься, иногда дружески сойдешься съ кѣмъ-нибудь, и при разъѣздѣ приходится распроститься очень часто на вѣки. Въ Бѣломъ Ключѣ я пробылъ до сентября и затѣмъ оставался безвыѣздно въ Тифлисѣ до конца года. Въ октябрѣ сынъ мой опредѣленъ къ главнокомандующему по особымъ порученіямъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ пріѣзжали въ Закавказскій край и въ Тифлисъ молодые великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Сынъ мой въ то время находился на линіи въ экспедиціи; начальнику отряда понадобилось передать спѣшное донесеніе главнокомандующему, и Ростиславъ вызвался отвезти его прямою дорогою черезъ непокоренныя горы, заселенныя непріятелемъ. Верхомъ, съ однимъ проводникомъ, онъ переѣхалъ лезгинскую линію и горы, считавшіяся непроѣздными и недоступными, мѣстами по каменистой, заросшей, извилистой тропинкѣ, шириной уже аршина, иногда вовсе исчезавшей, обсыпавшейся подъ ногами коня, по краямъ отвѣсныхъ скалъ и бездонныхъ пропастей. Противъ всѣхъ ожиданій переѣздъ совершился благополучно. Ростиславъ спустился въ Кахетію около Сигнаха и, пріѣхавъ въ Мухравань, представился великимъ князьямъ, которые ночевали тамъ проѣздомъ по краю. Затѣмъ продолжалъ путь въ Тифлисъ. Переѣзъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что изъ *русскихъ* мой сынъ совершилъ его *первый*.

Князь Барятинскій лежалъ больной, но пиры и празднества по случаю прибытія высочайшихъ гостей шли своимъ чередомъ. Уже и тогда ходили слухи, что одинъ изъ нихъ предназначенъ преемникомъ Барятинскому, только не знали, который именно. Они пробыли въ Тифлисѣ три дня и объѣхали нѣкоторыя части края.

Въ концѣ года приступы моей головной боли стали чаще повторяться. Медицинскія средства облегчали мало, доктора совѣтовали ѣхать на Кавказскія воды. Но болѣзнь и слабость бѣдной жены моей, страдавшей сильнѣе, огорчали меня еще болѣе.

Съ 1-го сентября 1859-го года вступили въ дѣйствіе измѣненія, сдѣланныя по распоряженію князя Барятинскаго въ положеніи и штатахъ Главнаго Управленія. Они существенно состояли въ томъ, что нѣкоторымъ департаментамъ Главнаго Управленія данъ обширнѣйшій кругъ дѣйствій противъ прежняго. Учреждены: временное отдѣленіе для разсмотрѣнія новыхъ проэктовъ и учрежденій по всему краю, замѣнившее бывшую походную канцелярію при намѣстникѣ; а вслѣдъ за тѣмъ и контрольный департаментъ. Насколько были необходимы и полезны предпринятыя мѣры, это усмотрится впослѣдствіи. Впрочемъ, послѣдствія иныхъ измѣненій, недолго заставившія себя ждать, скоро доказали, что это новое преобразованіе въ Главномъ Управленіи столь же мало принесло пользы для устройства края, какъ и всѣ прежнія, и по той же самой причинѣ, какъ это выяснилось, когда результаты опредѣлились положительно. Контрольный же департаментъ оказался въ особенности совершенно безполезенъ, и едва ли не былъ созданъ лишь для того, чтобы доставить почетное мѣсто директора департамента, бывшимъ въ то время начальникомъ Главнаго Управленія Крузенштерномъ, одному изъ его пріятелей.

Въ февралѣ, по предписанію медиковъ, я началъ брать Тифлисскія горячія сѣрныя ванны; но послѣ нѣсколькихъ купаній, не чувствуя облегченія, а напротивъ, тягость отъ избытка испарины, бросилъ ихъ. По совѣту добраго старика, давняго здѣшняго старожила, доктора Прибиля, а также князя Барятинскаго (любившаго лечить своими средствами) я сталъ лечиться накалываніемъ на ногахъ, по системѣ Бауштедта. Барятинскій для этого подарилъ мнѣ инструментъ. Пользы, однако, было немного и не надолго. Затѣмъ, намѣстникъ мнѣ далъ служебную командировку въ Ставропольскую губернію, съ достаточнымъ пособіемъ, для собранія свѣдѣній о положеніи тамошнихъ помѣщичьихъ крестьянъ, по поводу начавшагося дѣла объ улучшеніи ихъ быта по всей Имперіи.

Я выѣхалъ въ маѣ съ старшею дочерью и двумя изъ ея дѣтей. Тяжело было мнѣ разставаться съ больною женой въ печальномъ состояніи ея здоровья; но дѣлать было нечего; она сама настаивала, чтобы я непремѣнно ѣхалъ.

По причинѣ проливныхъ дождей, да еще въ горахъ, по военно-грузинской дорогѣ, путешествіе наше было прескверное. Отъѣхавъ сорокъ верстъ отъ Владикавказа, мы завернули въ сторону, чтобы

посмотрѣть *Алагирскій* казенный серебро-свинцовый заводъ и посѣтить, по настоятельнымъ приглашеніямъ, начальника завода, горнаго инженеръ-полковника А. Б. Иваницкаго, умнаго, добраго человѣка, большого хлѣбосола, но нѣсколько легкомысленнаго, часто впадавшаго въ излишнія увлеченія, съ которымъ мы были въ дружескихъ отношеніяхъ почти со времени моего прибытія на Кавказъ. Послѣ безобразной дороги мы у него отлично отдохнули и пробыли пять дней. Алагиръ расположенъ довольно красиво, при входѣ въ горное ущелье; оно, по признакамъ серебряной руды, уже издавна обращало на себя вниманіе, и князь Воронцовъ, съ прибытіемъ на Кавказъ, выписалъ Иваницкаго, чтобы изслѣдоватъ мѣстность. Иваницкій изобразилъ ему это мѣстоположеніе, какъ скрывающее неисчерпаемое богатство металловъ и минераловъ, а потому Воронцовъ и рѣшился немедленно основать тамъ горное заведеніе въ большомъ размѣрѣ. Прежде всего начали строить много домовъ для чиновниковъ, великолѣпную церковь; основали на большомъ пространствѣ садъ и другія насажденія. Прошло лѣтъ съ десятокъ, и оказалоеь, что потрачены огромныя суммы, что наружное оживленіе и внѣшнее устройство мѣсту дано; что всѣ служащіе чиновники удобно и благополучно тамъ проживаютъ, но что существенной пользы и нѣтъ, и не предвидится. Да и серебра почти нѣтъ, а есть какая-то серебряная *обманка* да свинецъ. Князь Барятинскій рѣшился передать заводъ въ частныя руки. Великій Князь, по вступленіи въ управленіе Кавказомъ, принялъ эту же мысль; но прошло съ тѣхъ поръ уже нѣсколько лѣтъ, а желающихъ воспользоваться заводомъ не оказывается иначе какъ съ большою придачею отъ казны. И вотъ новый образчикъ, между множествомъ таковыхъ, бывающихъ у насъ на Руси, подобнаго образа дѣйствій въ государственномъ хозяйствѣ.

Въ первыхъ числахъ іюня я прибылъ въ Пятигорскъ и, по предварительномъ совѣтѣ съ медиками, приступилъ къ лѣченію водами. Ровно мѣсяцъ я бралъ ванны, Сабанѣевскія и въ новомъ провалѣ, почти ежедневно, но помощи чувствовалъ мало. Между тѣмъ, въ часы свободные отъ водъ и дѣла, я часто видѣлся и съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ двумя очень занимательными личностями: Астраханскимъ архіереемъ Аѳанасіемъ, архипастыремъ далеко не зауряднымъ по уму, образованію, привѣтливости и простотѣ въ обращеніи, чрезвычайно располагавшимъ

къ нему; и съ пріѣхавшимъ изъ Петербурга тайнымъ совѣтникомъ В. И. Панаевымъ, уже давно мнѣ знакомымъ. Оба они искали въ Пятигорскѣ исцѣленія отъ недуговъ; первый кажется обрѣлъ его отчасти, а второй захворалъ еще сильнѣе и, возвращаясь обратно, на пути, въ Харьковѣ скончался.

30-го іюня, поздно вечеромъ, прибылъ въ Пятигорскъ изъ Петербурга князь Барятинскій, съ утвержденнымъ планомъ окончательнаго покоренія Кавказа, что́ однако жъ въ то время онъ тщательно скрывалъ. На слѣдующее утро онъ принялъ меня, какъ всегда, весьма ласково; но я замѣтилъ, что онъ очень озабоченъ. Онъ много со мною говорилъ о затрудненіяхъ, которыя предвидятся къ хорошему исходу дѣла освобожденія крестьянъ, но въ этомъ, по счастію, ошибся. Вѣрнѣе были его заключенія о настоятельной надобности уничтожить на Кавказѣ всѣ безполезныя казенныя заведенія и хозяйственныя общества, производящія огромныя издержки и ничтожную пользу, а приносящія выгоды только лицамъ, дѣйствующимъ подобно Н***, Т*** и тому подобнымъ Въ то же время онъ отозвался неблагопріятно объ одномъ вліятельномъ лицѣ, котораго хотѣлъ сбыть съ рукъ. Затѣмъ князь немедля уѣхалъ въ Кисловодскъ, пригласивъ меня обѣдать у него на другой день въ Пятигорскѣ, куда онъ возвратился, какъ сказалъ, къ своему обѣду въ шесть часовъ, и, переночевавъ, 3-го іюня отправился прямо къ войскамъ, громить Шамиля. Я внутренно отъ всей души пожелалъ ему счастливаго успѣха въ совершеніи славнаго и великаго дѣла. Онъ былъ что-то не въ духѣ, кѣмъ-то недоволенъ,—кажется, судя по его словамъ, генераломъ Филипсономъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ о самомъ Пятигорскѣ. Хозяйственное управленіе минеральными водами, какъ всегда, шло довольно плохо. Мѣстные отцы-командиры старались выказывать себя постройками (отчасти совсѣмъ ненужными), наружнымъ щегольствомъ, и при томъ никакъ не забывали самихъ себя. Общественный садъ могъ бы быть прекраснымъ мѣстомъ для прогулокъ, но по всему видно было, что на устройство его, и даже на сколько-нибудь исправное содержаніе бульвара, мало обращалось вниманія. Близъ Пятигорска находится нѣмецкая колонія, жители которой, при старательномъ направленіи, могли бы съ выгодою увеличить средства для продовольствія посѣтителей водъ овощами, фруктами, хорошимъ хлѣбомъ и проч. Къ сожалѣнію, они предо-

ставлены самимъ себѣ, а потому и посѣтителямъ отъ нихъ нѣтъ никакой пользы, да и собственное состояніе ихъ плохое *).

Въ іюлѣ я переѣхалъ по совѣту врачей въ Кисловодскъ, чтобы испытать пользу отъ нарзана, а дочь моя осталась еще на короткое время для леченія въ Пятигорскѣ. Я взялъ сорокъ ваннъ нарзана, почувствовалъ какъ будто небольшое облегченіе, но кратковременное. Нарзанъ, по увѣренію всѣхъ туземныхъ жителей (хотя доктора этого не говорятъ), съ нѣкоторыхъ поръ потерялъ много своей цѣлительной силы. Утверждаютъ, что въ немъ значительно уменьшилось количество углекислаго газа, послѣ возведенія новой галереи, при постройкѣ коей затронули въ землѣ главный источникъ, вслѣдствіе чего онъ смѣшался съ водою желѣзной и простой.

Въ Кисловодскѣ скучать было некогда. Я встрѣтилъ множество знакомыхъ старыхъ и новыхъ, приходилось безпрестанно принимать и отдавать визиты, не только днемъ, но и по вечерамъ. Пріятнѣе же всего для меня были прогулки по прекрасно расположенному вдоль рѣки парку; жаль только, что, за недостаткомъ инвалидной команды, онъ не содержится въ исправности: коровы и свиньи разгуливаютъ въ немъ совершенно свободно и во множествѣ, что̀, по слухамъ, продолжается и донынѣ. Въ Кисловодскѣ было замѣтно прохладнѣе, воздухъ чище, и какъ-то во всемъ лучше нежели въ Пятигорскѣ. Изъ вседневныхъ нашихъ гостей за обѣдомъ и вечерами, съ иными приходилось мнѣ заниматься и дѣлами, какъ напримѣръ съ Ставропольскимъ губернаторомъ Брянчаниновымъ, генераломъ Волоцкимъ, Инсарскимъ и другими. Между тѣмъ, письма отъ сына моего приносили намъ радостныя вѣсти о успѣхахъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ горахъ, возбуждавшихъ живѣйшій интересъ, такъ какъ на нихъ тогда сосредочивалось всеобщее вниманіе.

---

*) Знаю, что превладычествуетъ мнѣніе, будто бы въ ходѣ и направленіи хозяйственнаго устройства поселянъ лучше всего начальству вовсе не мѣшаться. Но нѣтъ правила безъ исключенія: если бы въ Новороссійскихъ колоніяхъ не было Контеніуса, то никогда онѣ бы не достигли той степени общественнаго благосостоянія, какъ теперь. Отсутствіе благонамѣреннаго направленія и своевременнаго разумнаго побужденія къ лучшему развитію хозяйства Кавказскихъ и Закавказскихъ колонистовъ—главная причина того, что они мало приносятъ пользы краю и сами находятся, большею частію, въ скудномъ положеніи.

Прим. А. М. Фадѣева.

Данное мнѣ порученіе въ Ставропольской губерніи, о сборѣ всѣхъ предварительныхъ свѣдѣній къ приготовленію въ ней освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, я окончилъ довольно успѣшно. Да это и не представляло особыхъ затрудненій по небольшому числу таковыхъ крестьянъ въ губерніи; ихъ было всего съ небольшимъ семь тысячъ душъ, изъ коихъ почти половина принадлежала тремъ помѣщикамъ: князю Воронцову, Калантаровымъ и Скаржинскому. Крестьяне тогда же, или вскорѣ, были отпущены помѣщиками, частію безвомездно, а частію посредствомъ выкупа. Правда, что, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, положеніе помѣщичьихъ имѣній представляло нѣкоторыя затрудненія, препятствовавшія подвести всѣ предположенія подъ одинъ общій уровень; но при нѣсколько ближайшемъ соображеніи оказалась возможность ихъ преодолѣть.

Въ состояніи здоровія моего я не замѣчалъ никакихъ перемѣнъ: оно оставалось почти то же, какъ было при пріѣздѣ на воды. 23-го августа я разстался съ Кисловодскомъ и, лишь переночевавъ въ Пятигорскѣ, отправился съ дѣтьми въ обратный путь въ Тифлисъ. Вездѣ по дорогѣ слышались различные разсказы о побѣдоносныхъ успѣхахъ князя Барятинскаго противъ Шамиля, чѣмъ мы были чрезвычайно довольны.

Изъ Тифлиса я безъ промедленія тотчасъ же проѣхалъ въ Коджоры, гдѣ проводила лѣто моя жена, и очень обрадовался, найдя ее если не въ лучшемъ положеніи здоровья, то и не въ худшемъ. Мы пріятно провели вечеръ въ разговорахъ и разсказахъ, собравшись опять всѣ вмѣстѣ, въ хорошемъ настроеніи духа, по поводу добрыхъ вѣстей о войнѣ изъ горъ, и я прекрасно отдохнулъ послѣ утомительной, трудной дороги.

30-го августа 121 пушечный выстрѣлъ изъ Метехской крѣпости возвѣстилъ намъ о взятіи Шамиля и о покореніи Кавказа.

Четыре дня спустя, мы были неожиданно обрадованы пріѣздомъ сына моего. Какъ очевидецъ и участникъ происходившихъ событій, подъ впечатлѣніемъ всего только что имъ видѣннаго и испытаннаго, онъ живыми, одушевленными словами передавалъ намъ достопамятныя подробности послѣднихъ дней Кавказской войны и сокрушеннаго, столь долго несокрушимаго имама. Понятно, что Шамиль интересовалъ насъ въ ту минуту, какъ вѣроятно и всѣхъ, болѣе всего остального, хотя не менѣе замѣчательнаго. На другой

день мы всѣ вмѣстѣ переѣхали въ Тифлисъ, гдѣ продолжалась еще жара и духота.

Вскорѣ возвратился и намѣстникъ. Пріемъ ему былъ сдѣланъ самый торжественный. Въ память встрѣчи его, при въѣздѣ въ городъ, городское общество рѣшило выстроить тріумфальныя ворота, коихъ однако жъ и до сихъ поръ нѣтъ какъ нѣтъ, да кажется, что никогда и не будетъ. При первомъ свиданіи со мной князь отзывался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о сынѣ моемъ, благодарилъ меня за него, разсказывалъ о важной услугѣ, оказанной имъ во время войны; и потомъ, при всякомъ свиданіи со мною, говорилъ о немъ, выражая къ нему большое участіе и расположеніе.

Сынъ мой получилъ «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости въ дѣлѣ съ горцами 25 августа» Станислава съ мечами на шею, а за переправу черезъ Андійскою Койсу переведенъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, тѣмъ же чиномъ капитана. Награда хотя большая, но князь находилъ ее невполнѣ соотвѣтственной съ заслугой моего сына и не хотѣлъ ограничиться ею.

Заслуга моего сына состояла въ слѣдующемъ.

Въ крѣпости Грозной, въ половинѣ іюля, онъ получилъ приказаніе главнокомандующаго отправиться въ колоннѣ генерала Врангеля и употребить всѣ усилія съ своей стороны, чтобы отрядъ Врангеля непремѣнно перешелъ рѣку Койсу и присоединился къ главному чеченскому отряду. Разбивъ скопище горцевъ, Врангель подошелъ къ Койсу. Противоположный берегъ былъ занятъ мюридами, рѣчка же была такъ быстра, что не представляла почти никакого вѣроятія для переправы отряду, такъ что генералъ Врангель, въ виду невозможности исполнить приказаніе главнокомандующаго, отказался отъ этого предпріятія. Сынъ мой Ростиславъ, сознавая громадную важность переправы, настаивалъ на совершеніи ея; Врангель не соглашался. Истощивъ всѣ убѣжденія, мой сынъ предложилъ Врангелю вызвать охотниковъ. Подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ онъ сѣлъ на камень берега рѣки, опустивъ ноги въ воду, и объявилъ, что не встанетъ съ мѣста, пока послѣдній солдатъ отряда не будетъ на той сторонѣ. Врангель рѣшился послѣдовать его совѣту. На вызовъ охотниковъ заявило желаніе нѣсколько человѣкъ; но только трое изъ нихъ, какъ лучшіе пловцы, послѣ неимовѣрныхъ усилій и опасностей, нѣсколь-

ко разъ поглощаемые бѣшенымъ теченіемъ рѣки, успѣли переправиться на непріятельскій берегъ. Первымъ переправился солдатъ изъ приволжскихъ жителей, бывшій разбойникъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи монахомъ. Во время переправы охотниковъ стрѣлки были разсыпаны по берегу и частымъ огнемъ не давали мюридамъ, собравшимся въ пещерѣ скалы, стрѣлять по переправляющимся. Затѣмъ былъ перекинутъ канатъ, и на канатѣ устроена люлька, скользившая надъ пучиной, на которой начали одинъ по одному переправляться солдаты и милиціонеры. Люлька нѣсколько разъ опрокидывалась. Тогда для ускоренія переправы былъ устроенъ зыбкій веревочный мостъ. Когда уже не было сомнѣнія въ успѣхѣ устройства переправы, генералъ Врангель обнялъ моего сына, расцѣловалъ и благодарилъ за его настойчивость. Своевременной геройской переправой черезъ Койсу была рѣшена участь скораго покоренія Кавказа.

Генералъ Врангель, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, посѣтилъ меня и, такъ же какъ и князь Александръ Ивановичъ, благодарилъ меня за сына и сказалъ: «если бы не онъ, я бы не рѣшился на переходъ черезъ Койсу, и очень вѣроятно, что Шамиль до сихъ поръ сидѣлъ бы въ горахъ и война бы продолжалась.»

Также разсказывалъ мнѣ полковникъ А. А. Тергукасовъ*), что при началѣ атаки Гуниба, послѣдняго убѣжища Шамиля, когда войска расположились къ ночи у подошвы горы, то Тергукасовъ, высмотрѣвъ большую промоину въ скалистомъ поясѣ горы, на разсвѣтѣ устремился къ ней и съ помощію веревокъ и лѣстницъ взошелъ на первую площадь прежде всѣхъ другихъ, какъ это извѣстно; и что мой сынъ все время былъ съ нимъ и *первый* вступилъ на вершину Гуниба, вмѣстѣ съ штурмовою колонною. Въ знакъ памяти о Гунибѣ, князь Барятинскій подарилъ Ростиславу одинъ изъ значковъ, взятыхъ у Шамиля, находящійся нынѣ у насъ въ домѣ. Къ зимѣ князь далъ ему работу, писать исторію Кавказской войны.

Десятаго ноября намѣстникъ выѣхалъ въ Петербургъ, а 21-го получено свѣдѣніе о пожалованіи его въ фельдмаршалы.

Спокойнѣе сравнительно съ прежними годами, освободясь отъ многихъ сложныхъ служебныхъ заботъ, я встрѣтилъ 1860-й годъ. Необременительныя занятія по Совѣту и по крестьянскому дѣлу

*) Впослѣдствіи генералъ, отличавшійся въ войнѣ 70-хъ годовъ.

Ставропольской губерніи продолжались своимъ чередомъ и по временамъ доставляли довольно длительныя работы.

Въ началѣ года надѣлало много шума убійство командира Эриванскаго гренадерскаго полка въ Манглисѣ, полковника Фохта, офицеромъ того же полка Макѣевымъ. Повидимому, это случилось вслѣдствіе столь часто у насъ бывавшаго безразборчиваго выбора полковыхъ командировъ. Со времени моего пребыванія въ Закавказьи, это былъ ужъ второй случай: въ первый разъ, на Бѣломъ Ключѣ, капитанъ Правиковъ закололъ кинжаломъ полкового командира Козачковскаго.

19-го января я былъ обрадованъ извѣстіемъ о производствѣ сына моего въ полковники. Для этого, какъ потомъ сдѣлалось извѣстнымъ, Барятинскій долженъ былъ выдержать сильную борьбу, потому что сынъ мой недавно получилъ двѣ награды; но князь находилъ ихъ недостаточными и вытребовалъ третью. 20-го февраля князь возвратился въ Тифлисъ. Я нашелъ въ немъ то же ласковое вниманіе къ себѣ, съ которымъ онъ постоянно относился ко мнѣ.

Въ мартѣ у насъ въ семьѣ случилось грустное обстоятельство, сильно разстроившее насъ всѣхъ. У жены моей повторился припадокъ паралича, хотя, слава Богу, кратковременный, незамѣтный (она и не почувствовала его), но лишившій ее на нѣсколько часовъ употребленія языка; къ вечеру этого же дня все прошло. На другое утро она свободно говорила, однако слабость увеличилась, и силы не возвращались болѣе. Несмотря на это, она не покидала своихъ занятій, продолжала сидѣть въ креслѣ у своего рабочаго стола, рисовала лѣвой рукой цвѣты, переплетала книги, работала, читала, сколько позволяла слабость глазъ. Ей всякій день громко читала старшая дочь,—а иногда, въ свободные часы, и сынъ,—интересныя для нея статьи. Въ тотъ день, когда она лишилась языка, мы всѣ были ужасно огорчены, не зная, что это можетъ такъ скоро пройти, и изъ всѣхъ насъ она одна оставалась спокойна, какъ бы равнодушна къ своей болѣзни. Мы старались не выказывать предъ ней своей тревоги, но, видя дѣтей и внуковъ огорченными, съ заплаканными глазами, она, сидя въ креслѣ предъ столомъ, взяла лоскутокъ бумаги, карандашъ, написала нѣсколько словъ и подала имъ. На бумажкѣ было написано: *я никогда не была болтуньей, не большая бѣда, что я не могу говорить, мнѣ*

это не трудно и не огорчаетъ меня; пожалуйста не огорчайтесь и вы.» Въ такомъ положеніи постоянныхъ страданій, во время такого жестокаго болѣзненнаго припадка, я не знаю, могъ ли бы кто другой даже помыслить о подобныхъ словахъ. Она не думала о себѣ, а только думала и заботилась о другихъ всю жизнь свою.

Между тѣмъ наступилъ великій постъ. На страстной недѣлѣ я говѣлъ. Въ страстную субботу по обыкновенію поѣхалъ я къ заутренѣ въ Сіонскій соборъ, а оттуда съ поздравленіемъ и на разговѣніе къ намѣстнику, гдѣ засталъ толпу въ мундирахъ, явившихся съ той же цѣлію. Неожиданно произошелъ маленькій курьёзный случай. Когда князь Александръ Ивановичъ, принявъ поздравленія съ праздникомъ, хотѣлъ разговѣться и, приблизившись къ столу, уставленному пасхальными яствами, пригласилъ всѣхъ приступить и заняться тѣмъ же,— оказалось, что на столѣ нѣтъ вилокъ: прислуга забыла положить вилки. Князь разсердился не на шутку. Сдѣлавъ строгое замѣчаніе кому слѣдовало за небрежность, онъ обратился ко всѣмъ намъ и объявилъ совершенно серьезно и съ полнымъ убѣжденіемь: «Видите, какіе у меня порядки! Что мнѣ съ этимъ дѣлать? Мнѣ больше ничего не остается, какъ нанять себѣ маленькую квартирку у какой-нибудь бѣдной вдовы, чтобы она вела мое хозяйство, смотрѣла за вещами, держала все въ порядкѣ, клала на столъ вилки и все, что надобно. Больше мнѣ нечего дѣлать. Я объ этомъ давно думаю — и такъ и сдѣлаю!» Это рѣшеніе князя всѣхъ очень позабавило; общее мнѣніе осталось въ увѣренности, что хотя безъ вилокъ иногда и трудно обойтись, но едва ли *какой-нибудь бѣдной вдовѣ* дождаться къ себѣ въ нахлѣбники такого важнаго квартиранта.

Весною этого года меня нѣсколько разъ посѣтилъ пріѣзжавшій въ Тифлисъ извѣстный профессоръ Московскаго университета Погодинъ. Я съ удовольствіемъ слушалъ его занимательныя рѣчи. Умный, ученый человѣкъ; хотя Петербургскіе журналисты иногда и подсмѣиваются надъ нимъ, но не признать въ немъ замѣчательныхъ литературныхъ достоинствъ не могутъ.

Лѣто мы проводили въ Коджорахъ, какъ ближайшемъ прохладномъ мѣстѣ, главнѣйше для жены моей, такъ какъ далекій переѣздъ былъ бы для нея слишкомъ утомителенъ. Старшая дочь моя Катя (Витте), постоянно грустившая о печальномъ состояніи матери, рѣшилась, чтобы нѣсколько развлечься, сдѣлать небольшое путеше-

ствіе, полагаясь на увѣренія докторовъ, что близкой опасности въ болѣзни матери не предстоитъ и даже обнадеживавшихъ на нѣкоторое поправленіе ея здоровья. Сама мать убѣждала ее къ тому. Дочь поѣхала съ маленькимъ сыномъ Борисомъ и племянницей Вѣрой—снова гостившей у насъ—въ Поти, откуда на пароходѣ въ Константинополь, Одессу и Кіевъ. Она бѣдная не предчувствовала, что уже болѣе на этомъ свѣтѣ не увидитъ мать свою.

Двѣнадцатаго августа, въ четвертомъ часу утра, доброй, незабвенной жены моей не стало. Дня за два до кончины, она часто дремала въ креслѣ, и вечеромъ, наканунѣ смерти, послѣднія ея слова ко мнѣ были: «Не доживу я съ тобою, мой другъ, до дня нашей золотой свадьбы.» До этого дня оставалось полтора года. Въ три часа утра она разговаривала съ дочерью Надеждой, не отлучавшейся отъ нея; обрадовала и удивила ее оживленіемъ своего разговора, свѣжестью и ясностью памяти и мысли своей. Вскорѣ спустя, дочь снова заговорила съ нею,—она не отвѣчала, хотя спокойно дышала,—казалось, спала. Боясь, не сдѣлалось ли съ нею дурно, не получивъ отвѣта на вторичный, громкій вопросъ, дочь приподняла ее на постели,—мать ея тихо склонила голову на грудь, и безъ вздоха, безъ стона дыханіе ея мгновенно прекратилось.

Мнѣ сказали объ этомъ утромъ, когда, вставъ, я собирался идти пить съ ней кофе, какъ въ продолженіе всей нашей жизни. Я поспѣшилъ къ ней въ комнату. Она совершенно преобразилась! Всѣ признаки скорби, страданій, болѣзненныхъ ощущеній на лицѣ ея безслѣдно исчезли; оно выражало блаженно-спокойный, кроткій, отрадно улыбающійся видъ. Она скончалась на 71-мъ году жизни.

Печаленъ, горестенъ былъ для меня не только этотъ день, но и всѣ послѣдующіе. На третій день она была погребена въ Тифлисѣ, предъ стѣной алтаря Вознесенской церкви, находящейся у подошвы горы, при спускѣ дороги изъ Коджоръ. Рядомъ съ ея могилой я оставилъ мѣсто для себя.

Составляя эти записки, я имѣлъ также въ виду передать нѣкоторыя черты изъ жизни и характера моей жены, желая дать понятіе о ея исключительной личности. Для пополненія моего слабаго очерка, помѣщаю здѣсь нѣсколько краткихъ замѣтокъ о ея родословіи, нелишенномъ историческаго интереса, и вообще о ея жизни.

Она происходила отъ старшей вѣтви дома князей Долгорукихъ. Отецъ ея, князь Павелъ Васильевичъ, генералъ-маіоръ временъ Екатерины, былъ товарищемъ и сослуживцемъ Кутузова. Онъ приходился роднымъ внукомъ тому князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукому, который испыталъ на себѣ жестокую превратность счастія: былъ наперсникомъ Петра, посломъ Россіи при польскомъ и другихъ дворахъ, считался однимъ изъ высшихъ и богатѣйшихъ сановниковъ Имперіи; потомъ сосланъ въ Березовъ*), гдѣ оставался восемь лѣтъ, и, наконецъ, обезглавленъ (по семейному сказанію колесованъ) въ Новѣгородѣ, 26 октября 1739 года, въ періодъ памятнаго Россіи свирѣпаго самоуправства Бирона. Нужно още замѣтить, что князь Сергѣй Григорьевичъ былъ родной племянникъ князя Якова Өедоровича Долгорукова, безстрашнаго ревнителя правды и совѣтника Петра Великаго,—сынъ брата его, Григорія Өедоровича. Крестъ Св. Великаго князя Михаила Черниговскаго, предка Долгорукихъ, о коемъ до сихъ поръ было извѣстно только то, что эта драгоцѣнность составляетъ достояніе старшей линіи фамиліи Долгорукихъ, находился у отца Елены Павловны, отъ него достался ей, и быть можетъ эта святыня была постоянной руководительницей на пути полезной и дѣятельной жизни покойной.

Здѣсь считаю нелишнимъ сдѣлать оговорку по поводу ошибки въ справочномъ «Энциклопедическомъ словарѣ» Старчевскаго, гдѣ въ 4-й части изд. 1855-го г. на стр. 138-й, въ статьѣ о князѣ Сергіи *Өедоровичѣ* Долгорукомъ, прописаны и дѣти его, и между прочимъ дѣдъ Елены Павловны, князь Василій Сергѣевичъ, умершій якобы бездѣтнымъ. Все это совершенно не вѣрно, начиная съ *отчества*, такъ какъ князь Сергѣй былъ не *Өедоровичъ*, а Григорьевичъ**). Князь Василій былъ въ ссылкѣ въ Сибири вмѣстѣ

*) Въ „Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ“ Петра Долгорукова сказано „въ Ораніенбургѣ“, но это совершенно не вѣрно.

**) Въ „словарѣ“ Старчевскаго, кн. Сергѣй Григорьевичъ приписанъ къ другому отцу, а сынъ его Василій показанъ бездѣтнымъ. Въ „Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ“, Петра Долгорукова, кромѣ другихъ невѣрностей, кн. Павелъ Васильевичъ приписанъ совсѣмъ къ другой вѣтви и тоже показанъ бездѣтнымъ. Къ сожалѣнію, во всѣхъ послѣдующихъ родословныхъ спискахъ и книгахъ, даже понынѣ, въ изданіяхъ 1889-го и 90-го годовъ, ошибочныя показанія относительно этой линіи князей Долгорукихъ неизмѣнно повторяются, иногда съ нѣкоторыми варіяціями, не менѣе произвольными. Происходитъ это вѣроятно по той причинѣ, что составители родословій, въ иныхъ случаяхъ, черпаютъ свои свѣдѣнія изъ вышесказанныхъ „Словаря“ Старчевскаго и „Сказаній“ П. Долгорукова, и потому неправильныя показанія передаются отъ однихъ къ другимъ, задавнивая и искажая правильность историческаго родословнаго порядка.

съ отцомъ, и тамъ отданъ для обученія кузнечному ремеслу; а по возвращеніи изъ Сибири, не получивъ ничего изъ конфискованнаго имѣнія его отца, женился на Анастасіи Ивановнѣ Ладыженской, имѣлъ трехъ сыновей и дочь, и старшимъ сыномъ былъ отецъ покойной Елены Павловны, князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій, скончавшійся въ 1837 году. Мать его, Анастасія Ивановна, и братъ ея, дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Ивановичъ Ладыженскій, были по матери послѣдними отраслями знаменитаго рода князя Ромодановскаго, Кесаря при Петрѣ Великомъ. Этому брату ея Императоромъ Павломъ была дана фамилія князей Ромодановскихъ; онъ имѣлъ только одного сына, князя Александра Николаевича, служившаго при Императорѣ Александрѣ І-мъ генералъ-лейтенантомъ. Онъ умеръ бездѣтнымъ, чѣмъ и фамилія князей Ромодановскихъ прекратилась. Княгиня Анастасія Ивановна получила отъ своего отца весьма значительное приданое: восемь тысячъ душъ крестьянъ, восемьдесятъ пудовъ серебра и много другихъ драгоцѣнныхъ вещей. Но все это она съ мужемъ поспѣшили прожить, по барской привычкѣ жить не по состоянію и безъ разсчета. Сынъ ея, отецъ Елены Павловны, въ отставкѣ со временъ Императора Павла, владѣлъ далеко не блестящими средствами, которыя поправились только за нѣсколько лѣтъ до его кончины, полученіемъ наслѣдства по смерти сестры своей, Екатерины Васильевны Кожиной.

О матери жены моей, дѣдѣ и бабушкѣ съ материнской стороны, я подробно все передалъ въ первой части моихъ воспоминаній. О самой же Еленѣ Павловнѣ могу повторить то, что̀ сказало о ней постороннее лицо въ небольшомъ біографическомъ очеркѣ, подъ названіемъ «Елена Павловна Фадѣева». Приведу изъ него краткую выдержку.

«Съ глубокимъ, серьезнымъ умомъ, замѣчательнымъ образова-«ніемъ, многосторонними, обширными познаніями, обращавшими на «нее вниманіе европейскихъ ученыхъ, Елена Павловна Фадѣева со-«единяла добрѣйшее, благородное сердце; любила тихую жизнь сре-«ди своей семьи и занятій, составлявшихъ главное утѣшеніе и «развлеченіе ея жизни. Любила природу, изучала ее, особенно зани-«малась ботаникой, въ часы свободные отъ занятій съ дѣтьми и «домашняго хозяйства, которымъ сама завѣдывала и вела превос-«ходно. Памятниками ея работъ остались 50 томовъ (величиной

«въ листъ) собственноручныхъ рисунковъ, преимущественно расте-«ній, съ натуры, которыя сама же опредѣляла при помощи библі-«теки лучшихъ сочиненій по этой части. Книги эти прельщали «ученыхъ натуралистовъ, и знаменитый академикъ Беръ чуть не «на колѣняхъ молилъ Елену Павловну позволить снять съ нихъ «копію для Императорской академіи наукъ. Занималась также и «многими другими научными предметами, и занималась разумно, «съ толкомъ, изучивъ ихъ серьезно и основательно, и составила «нѣсколько интересныхъ, богатыхъ коллекцій по этимъ предметамъ. «Часть орнитологической, минералогической и палеонтологической «коллекціи еще при жизни подарила Кавказскому обществу сель-«скаго хозяйства. Это безкорыстное, необыкновенное въ женщинѣ «служеніе наукѣ сдѣлало имя Елены Павловны извѣстнымъ въ «ученомъ мірѣ». (Слѣдуютъ названія сочиненій президента Лондон-скаго географическаго общества Мурчисона, французскаго акаде-мика Вернеля, нашего Стевена и многихъ другихъ, писавшихъ съ уваженіемъ и удивленіемъ о Е. П. Фадѣевой, ея познаніяхъ и трудахъ). «Но естественныя науки не исключительно занимали «собою Елену Павловну. Ея многосторонній умъ требовалъ столько «же разнообразной пищи, и потому она съ неменьшимъ усердіемъ «занималась и другими науками: исторіей, археологіей, нумизма-«тикой, языками, изъ коихъ нѣсколько знала въ превосходствѣ. «Занималась она наукой единственно изъ любви къ наукѣ. Обшир-«ность познаній соединялась въ ней съ такою истинно женскою «скромностію, что человѣкъ, не интересующійся учеными предме-«тами, могъ быть знакомъ съ нею годы, пользоваться ежедневно душев-«ною теплотою ея бесѣды, и не подозрѣвать ея знаній. И не одна «наука, но все, чтò возбуждаетъ интересъ въ наблюдательномъ умѣ, «занимало ее и врѣзывалось въ ея памяти. Обширныя знакомства «первой половины ея жизни, дружеская связь со многими замѣ-«чательными людьми, которыхъ привлекала къ ней ея личность, «оставили въ ея памяти цѣлую хронику событій и лицъ, прида-«вавшую необыкновенную прелесть ея разговору. Особенно заслу-«живаетъ вниманія то, что Е. П. Фадѣева, при разговорахъ «съ личностями, стоявшими далеко ниже ея по образованію, умѣла «не дать понять имъ этой разницы, и бесѣда съ нею представляла «всегда интересъ для лицъ всѣхъ возрастовъ, всѣхъ характеровъ «и почти всѣхъ спеціальностей.

«Покойная, посвящавшая жизнь исключительно своему семей-«ству и занимавшаяся даже своими любимыми предметами только «въ часы досуга, имѣла мало случаевъ къ раскрытію своихъ рѣд-«кихъ качествъ въ дѣлѣ общественной дѣятельности; но и въ «этомъ отношеніи она оставила по себѣ память, учрежденіемъ сво-«ими постоянными заботами дѣтскаго пріюта въ Саратовѣ, кото-«рый—по крайней мѣрѣ до выѣзда ея изъ Саратова, въ 1846 «году—былъ признаваемъ образцовымъ.

«Елена Павловна воспитывала своихъ дѣтей съ самою нѣж-«ною заботливостію, замѣняя имъ бо̀льшую часть учителей. Всѣ «ея дѣти, а впослѣдствіи и внуки, учились читать по-русски и «по-французски и многому другому, сидя у нея на колѣняхъ. И «это ученіе служило какъ бы фундаментомъ того солиднаго обра-«зованія, которое достигнуто ими потомъ. Насъ безъ труда пой-«мутъ, когда мы скажемъ, что памятная русской читающей «публикѣ талантливая беллетристка Елена Андреевна Ганъ, пи-«савшая подъ псевдонимомъ Зинаиды Р—вой, была дочь Е. П. Фа-«дѣевой и воспитана ею, а нашъ извѣстный военный писатель «Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ—сынъ ея».

Миръ праху твоему, мой незабвенный другъ и сотоварищъ моей сорокасемилѣтней прошедшей жизни, раздѣлявшій со мною всѣ радости и все горе, меня постигавшія въ теченіе почти цѣлаго полувѣка! Какъ въ духовномъ моемъ завѣщаніи, такъ и здѣсь повторяю мою молитву къ Господу о томъ, чтобы—если это Его святыми законами допускается—душа моя, по смерти моей, могла быть съ нею соединенною во единой обители.

30-го августа мы возвратились въ Тифлисъ.

Я получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени. Особенныхъ заслугъ, въ продолженіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ, я никакихъ оказать не могъ; но съ нѣкотораго времени вошло какъ бы въ правило (особенно въ Закавказьѣ) давать награды почти всѣмъ чиновникамъ чрезъ каждые два года. Въ томъ же сентябрѣ большимъ прощальнымъ обѣдомъ провожали нашего начальника штаба Д. А. Милютина, отъѣзжавшаго въ Петербургъ на должность товарища военнаго министра.

Въ октябрѣ возвратилась изъ своей поѣздки дочь моя съ мужемъ, выѣзжавшимъ къ ней навстрѣчу въ Одессу, для сообщенія о смерти матери. При свиданіи, общая грусть наша возобновилась.

Мѣсяцъ спустя получено извѣстіе о кончинѣ вдовствующей Императрицы Александры Ѳеодоровны. По сему случаю, торжественная панихида и трауръ. Въ концѣ этого года посѣтилъ Тифлисъ принцъ Людвигъ Баденскій, пріѣзжавшій для обозрѣнія Закавказскаго края. Намѣстникъ прикомандировалъ къ нему моего сына, который и сопровождалъ его по горамъ, за что получилъ Баденскій орденъ Тюрингенскаго льва. Между тѣмъ, самъ князь Александръ Ивановичъ все это время лежалъ больной, сильно страдая подагрическими припадками, что̀ и породило въ немъ мысль объ отъѣздѣ въ слѣдующемъ году за границу.

Въ семьѣ моей тоже было несовсѣмъ благополучно: заболѣлъ зять мой, хотя не надолго, но очень серьезно, что очень встревожило всѣхъ насъ. Все это вмѣстѣ сдѣлало для меня встрѣчу новаго года весьма печальною. Но мои головныя боли значительно ослабѣли, и самъ не знаю отчего. А думаю, что по милости Божіей. Это былъ еще первый годъ, съ тѣхъ поръ какъ запомню, что я никакой поѣздки по дѣламъ службы не предпринималъ.

Въ 1861 году, князь Барятинскій, незадолго до выѣзда своего за границу, назначилъ меня членомъ въ Совѣтѣ Общества для возстановленія въ краѣ православнаго христіанства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно въ прежнее время здѣсь существовало. Идея объ учрежденіи этого общества принадлежала князю Барятинскому; эта идея была одобрена и весьма понравилась Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, удостоившей принять на себя званіе предсѣдательницы его и ревностно его поддерживающей во всѣхъ отношеніяхъ. Это общество можетъ быть очень благодѣтельно для края; жаль только, что уставъ его составленъ скороспѣшно, что̀ въ первые годы нѣсколько затрудняло успѣхъ дѣйствій, но за всѣмъ тѣмъ, польза учрежденія и теперь ужъ оказывается несомнѣнна: капиталъ, находящійся въ распоряженіи Общества, достигаетъ до 500 тысячъ рублей; построено нѣсколько церквей въ мѣстахъ, гдѣ онѣ наиболѣе необходимы; духовенству тѣхъ мѣстностей увеличено содержаніе, которое до того времени было самое нищенское или вовсе не было никакого; заведены школы и составлено предположеніе объ образованіи для сего предмета способныхъ миссіонеровъ. Можно надѣяться, что, при особенномъ вниманіи къ такому благому дѣлу Великаго Князя намѣстника, учрежденіе разовьется постепенно лучше и успѣшнѣе чѣмъ до сихъ поръ, не взирая на то, что дѣ-

ло это въ краѣ совершенно новое и, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, встрѣчаетъ множество препятствій и причинъ къ замедленію *). Я думаю, что было бы полезно, въ проектируемомъ миссіонерскомъ училищѣ, соединить цѣль приготовленія миссіонеровъ, хотя въ небольшомъ числѣ, не только для обращенія потомковъ прежде бывшихъ туземныхъ христіанъ, но и Закавказскихъ раскольниковъ. Присылавшіеся донынѣ къ нимъ миссіонеры отъ епархіальнаго начальства причинили, судя по видимому, болѣе вреда православію нежели пользы.

По моему мнѣнію, полный успѣхъ и вполнѣ благотворныя послѣдствія отъ учрежденія Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ могутъ тогда только осуществиться, когда будетъ здѣсь въ санѣ экзарха лицо, вполнѣ соединяющее въ себѣ необходимыя для того качества, а именно: онъ долженъ быть, лично, главный и самый вліятельный *миссіонеръ;* долженъ быть нисколько не *формалистъ*, а чистый *реалистъ*; долженъ хотя нѣсколько ознакомиться съ туземными языками, ѣздить съ самоотверженіемъ, какъ можно чаще, въ мѣста, гдѣ нужно между жителями возстановленіе православнаго христіанства; узнавать и мѣстности, и людей, съ коими надобно имѣть дѣло,— какъ въ духовенствѣ и учителяхъ, такъ и въ самомъ народѣ, ближайшимъ ознакомленіемъ съ которымъ и пріобрѣтеніемъ довѣрія и уваженія его можно скорѣе всего утвердить въ немъ вѣру и искреннее желаніе быть искренними христіанами, не по обрядности только, но и по духу. Лишь такого рода люди пріобрѣтали любовь и довѣріе обращаемыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхъ въ дѣлѣ. Такого рода были всѣ прославившіеся введеніемъ и распространеніемъ христіанства пастыри во всѣхъ странахъ міра. Были и у насъ на Руси подобные іерархи, какъ напримѣръ Св. Стефанъ Пермскій и другіе; да есть и теперь Иннокентій, архіепископъ Якутскій. Можетъ статься, нашлись бы и еще, если бы на назначеніе экзарха съ этой

---

*) Кажется, я обманулся въ надеждѣ моей на успѣхъ этого учрежденія, не смотря на то, что составъ Совѣта общества увеличился количествомъ членовъ. Засѣданія бываютъ рѣдко, лишь въ зимнее время; все главнѣйшее дѣлается по личнымъ распоряженіямъ высшаго начальства и представленіямъ графа Л***, о коихъ Совѣтъ общества часто находится въ совершенномъ невѣдѣніи, а потому и я о томъ положительно ничего не знаю, такъ какъ и въ засѣданіяхъ общества, бывающихъ въ вечернее и ночное время, по слабости здоровья уже другой годъ участія принимать почти не могу.

Примѣчаніе А. М. Фадѣева 1866-го года.

главнѣйшею цѣлью было обращено особенное вниманіе. А безъ этого, только лишь одна внѣшняя сторона дѣла можетъ (если еще можетъ) подвигаться впередъ; главнѣйшая же цѣль едва ли когда-либо вполнѣ достигнется.

18-го марта полученъ въ Тифлисѣ Высочайшій манифестъ, послѣдовавшій 19-го февраля, объ освобожденіи крестьянъ. То былъ тревожный день, проведенный въ неспокойныхъ соображеніяхъ и приготовительныхъ работахъ для предстоящей реформы и въ Закавказскомъ краѣ. Многіе и продолжительные разговоры приходилось мнѣ вести по этому поводу съ больнымъ намѣстникомъ, лежавшимъ въ постели. Въ то же время я узналъ отъ него о рѣшительномъ его намѣреніи и данномъ ему Государемъ дозволеніи ѣхать для излеченія за границу. О ходѣ и результатѣ крестьянскаго дѣла, въ отсутствіе князя Барятинскаго и по прибытіи Великаго Князя, подробнѣе объясню по приведеніи его въ дѣйствіе въ 1864 году.

Седьмого апрѣля распрощался я съ княземъ Александромъ Ивановичемъ. Не думалъ я тогда, что уже болѣе не увижу его. Вслѣдъ за выѣздомъ Намѣстника отправился и сынъ мой въ отрядъ на линію. Онъ очень сожалѣлъ объ отъѣздѣ князя, которому столь много былъ обязанъ, и который, съ своей стороны, всегда показывалъ къ нему большое расположеніе.

Послѣ соучастія въ первоначальныхъ распоряженіяхъ по крестьянскому дѣлу—весьма шаткихъ и какъ бы сдѣланныхъ для проформы—я на нѣкоторое время освободился отъ важныхъ занятій и 20-го іюня выѣхалъ съ моимъ семействъ на лѣтнюю кочевку въ Боржомъ.

Здѣсь судьба привела меня свидѣться съ давнишнимъ знакомымъ, котораго я зналъ еще ребенкомъ въ моей молодости—теперь начальникомъ Боржомскихъ водъ, старымъ подпоручикомъ Александромъ Николаевичемъ Сутгофомъ, человѣкомъ въ нѣкоторомъ отношеніи весьма любопытнымъ. Безъ малаго за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1813 году, я познакомился въ Кіевѣ съ семействомъ отца его, генерала Сутгофа, бывшаго въ родствѣ съ бабкой жены моей. Молодой Сутгофъ былъ тогда прелестнымъ 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ, хорошо учившимся и много обѣщавшимъ. Я упоминалъ о немъ въ началѣ моихъ воспоминаній. Къ сожалѣнію, надежды на будущность его не сбылись, по причинѣ постигшаго его несчастія,

разбившаго всю жизнь его. Въ 1825 году, находясь уже на службѣ офицеромъ гвардіи, ротнымъ командиромъ, онъ поддался увлекательнымъ софизмамъ и убѣжденіямъ Каховскаго и вступилъ въ заговоръ. 14-го декабря, въ числѣ другихъ, онъ вывелъ свою роту на Сенатскую площадь и оставался тамъ до конца переполоха. По опредѣленію верховнаго уголовнаго суда, Сутгофъ причисленъ къ 1-му разряду бунтовщиковъ, разжалованъ и сосланъ въ каторгу, гдѣ и пребывалъ девять лѣтъ. По отбытіи ея, водворенный на поселеніи, лишенный всякой надежды на возвращеніе въ Россію, о чемъ уже и не думалъ, онъ совершенно покорился своей участи; обзавелся домкомъ, съ садикомъ и огородомъ, кое-какимъ хозяйствомъ и, въ довершеніе, прескверно женился на дочери доктора, вовсе къ нему неподходящей, необразованной, некрасивой, недальняго ума. Онъ полагалъ что въ Сибири на поселеніи и такая сойдетъ! Обжился онъ на этомъ мѣстѣ, устроился, въ полнѣйшей увѣренности, что такъ и будетъ проживать до конца жизни. Но въ концѣ царствованія Николая Павловича получилъ извѣщеніе объ освобожденіи изъ Сибири и переводѣ на Кавказъ солдатомъ, по усиленному ходатайству его матери, генеральши Сутгофъ, и сестры, г-жи Нарышкиной. Весьма непріятно пораженный такою милостію, разстроившей его жизнь и всѣ планы, Сутгофъ въ огорченіи отправился съ супругой на Кавказъ, гдѣ тянулъ солдатскую лямку еще лѣтъ съ восемь. Только съ воцареніемъ Императора Александра Николаевича онъ былъ произведенъ въ офицеры. Князь Барятинскій, по предстательству о немъ Московскихъ бояръ и его знатныхъ родственниковъ, а также узнавъ его лично, принялъ его подъ свое покровительство. Оставивъ Сутгофа числиться офицеромъ военной службы, по преклонности лѣтъ и недугамъ князь прикомандировалъ его къ управленію минеральными водами, сначала Кисловодскими, а потомъ Боржомскими. Въ этой должности добрый, благородный старикъ нашелъ наконецъ успокоеніе отъ своихъ житейскихъ треволненій. Мы съ нимъ видѣлись по нѣскольку разъ въ день; онъ часто приходилъ ко мнѣ обѣдать и всѣ вечера проводилъ со мною. По его образованности и большой опытности, пріобрѣтенной несчастіями, его разсказы и бесѣды всегда были для меня занимательны и желательны.

Въ началѣ сентября мы возвратились въ Тифлисъ. Вскорѣ затѣмъ было получено извѣстіе, что Государь въ октябрѣ мѣсяцѣ

прибудетъ изъ Крыма на Кубанскую линію и, высадившись въ Поти, проѣдетъ для обозрѣнія и часть Кавказскаго края до Кутаиса. Получилъ и я весьма пріятное, лично касающееся меня, извѣстіе, успокоившее меня насчетъ обезпеченія жизни дочери моей Надежды: Государь, по ходатайству князя Барятинскаго, повелѣлъ производить ей послѣ моей смерти въ пенсіонъ прибавочное мое жалованье.

Между тѣмъ, горизонтъ общественной тишины и спокойствія снова сталъ омрачаться зловѣщими тучами, смущавшими и волновавшими умы. Тревожныя вѣсти изъ Россіи о разгоравшейся революціи въ Польшѣ и возмутительныхъ происшествіяхъ въ нашихъ университетахъ приводили въ безпокойство и недоумѣніе всѣхъ благомыслящихъ людей.

Сынъ мой былъ отряженъ, со вступленіемъ Государя на берегъ Закавказскаго края, сопровождать Его Величество во время всего Его путешествія по странѣ. Государь остался имъ доволенъ, въ доказательство чего, при отъѣздѣ, надѣлъ ему на шею орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Незадолго передъ тѣмъ онъ получилъ Аннинскій крестъ 2-й степени.

Состояніе здоровья моего, въ продолженіе всего года, было слава Богу! Головныя боли уменьшились, только чувствовалъ, что старѣю и хилѣю; но когда переступишь за 70 лѣтъ, этого избѣгаютъ весьма немногіе.

Съ начала 1862-го года, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Совѣтъ намѣстника Кавказскаго главнѣйше занимался дѣломъ о *имущественныхъ и личныхъ правахъ высшаго мусульманскаго сословія во всемъ Закавказскомъ краѣ*. Дѣло это, отъ различныхъ и поверхностныхъ взглядовъ нашихъ правительственныхъ лицъ на этотъ предметъ, отъ неполныхъ и неточныхъ свѣдѣній о существѣ дѣла, на коихъ они эти взгляды основывали, отъ разновременныхъ соображеній и распоряженій, которыя часто противорѣчили одно другому, сдѣлалось столь многосложнымъ и запутаннымъ, что я нахожу неизлишнимъ изложить здѣсь въ возможной краткости ходъ его, собственно *о правахъ имущественныхъ*, потому что дѣло *о правахъ личныхъ*, послѣ нѣкотораго колебанія и замедленія, получило наконецъ въ 1864 году почти то же направленіе, какое оно имѣло въ Грузіи и Имеретіи.

Мнѣніе всѣхъ прежде бывшихъ главныхъ начальниковъ края, до пріѣзда князя Воронцова, или, лучше сказать, до бытности въ

Закавказскомъ краѣ въ 1842 году покойнаго военнаго министра князя Чернышева—относительно признанія общаго права высшаго мусульманскаго сословія на неограниченное потомственное владѣніе землями, коими оно пользовалось—*были отрицательны*. Право считалось только пожизненнымъ (по Высочайшимъ повелѣніямъ 20-го мая 1838 г. и 28 мая 1841 г.). Это же основное правило относилось и къ армянскимъ меликамъ, и оно, въ существѣ, едва ли не было самое вѣрное. Сообразно сему въ 1840 году, съ преобразованіемъ управленія въ Закавказьи, сдѣланы распоряженія о двухъ категоріяхъ тѣхъ лицъ, которыя вошли въ разрядъ какъ бы принадлежащихъ къ высшему мусульманскому сословію: одно объ *агаларахъ*, кои были устранены отъ управленія деревнями, съ назначеніемъ имъ, вмѣсто поземельнаго владѣнія, пожизненнаго денежнаго содержанія, соразмѣрнаго съ суммою прежнихъ ихъ доходовъ; а другое о *бекахъ*, кои были признаны также неимѣющими потомственнаго права на владѣніе деревнями, и потому постановлено, чтобы, со смертію сихъ владѣльцевъ, имѣнія ихъ обращать въ казну, а ихъ наслѣдникамъ предоставлять имѣнія въ такомъ случаѣ, если правительство найдетъ этихъ наслѣдниковъ, по личнымъ заслугамъ и дѣйствіямъ, заслуживающими того.

И агалары, и беки такимъ распоряженіемъ остались недовольны. Въ 1842 году прибылъ по Высочайшему повелѣнію въ Закавказскій край военный министръ князь Чернышевъ, съ особеннымъ уполночіемъ. Его немедленно окружили со всѣхъ сторонъ почетные агалары и беки, и оглушили жалобами на оказанную имъ якобы несправедливость. Ихъ поддерживалъ находившійся при немъ въ родѣ директора канцеляріи генералъ Ладинскій (о коемъ я уже говорилъ), служившій до того долгое время на Кавказѣ, бывшій въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ беками и агаларами, и—не знаю, по убѣжденію ли, или по другой какой-либо причинѣ—находившійся вполнѣ на сторонѣ этихъ господъ. Послѣдствіемъ сего было пріостановленіе княземъ Чернышевымъ приведенія въ дѣйствіе распоряженія 1840 года и предписаніе, данное мѣстнымъ властямъ, войти въ новое и ближайшее разсмотрѣніе дѣла. Это разсмотрѣніе продолжалось до 1845 года, то-есть до времени назначенія намѣстникомъ Кавказскимъ князя Воронцова.

Князь Михаилъ Семеновичъ, до прибытія къ новому мѣсту назначенія, отправлялся изъ Одессы въ Петербургъ. Тамъ онъ по-

лучилъ отъ покойнаго Императора Николая Павловича наставленіе по важнѣйшимъ предметамъ его новаго управленія, между коими было и дѣло о *бекахъ и агаларахъ*, которое, по внушенію князя Чернышева, Государь изобразилъ Воронцову вопіющею несправедливостію, и поручилъ ему, по прибытіи, заняться какъ можно скорѣе разсмотрѣніемъ его.

Надобно замѣтить, что князь Воронцовъ и безъ того былъ расположенъ въ пользу бековъ и агаларовъ, которые еще въ молодости его, когда онъ состоялъ адъютантомъ при князѣ Циціановѣ, какъ люди пронырливые и хитрые, заискивали его и успѣли, какъ говорится, *обойти* его. Онъ поручилъ составить всѣ данныя по дѣлу тому же *генералу Ладинскому,* поступившему, съ опредѣленіемъ князя Воронцова, въ званіе начальника гражданскаго управленія. Данныя были составлены изъ тѣхъ дѣлъ Главнаго Управленія, которыя этому направленію благопріятствовали. Никакихъ свѣдѣній и матеріаловъ отъ мѣстнаго управленія не требовалось. На основаніи сихъ данныхъ Ладинскій представилъ намѣстнику, а этотъ послѣдній Государю слѣдующее: что этотъ важный предметъ до 1842 года былъ дурно понятъ; что всѣ сдѣланныя о немъ заключенія прежнихъ главныхъ начальниковъ края были невѣрны, а вслѣдствіе опыта и утвержденія ихъ Высочайшею властію оказались несправедливы и требуютъ перемѣны. Что земли у бековъ и агаларовъ отобраны ошибочно; что наслѣдственное право на поземельное владѣніе у нихъ всегда существовало; что возвращеніе имъ сего права едва ли не будетъ спасеніемъ всего края и, во всякомъ случаѣ, будетъ имѣть большое вліяніе на общее его успокоеніе.

Послѣ предварительной переписки по этому поводу съ Кавказскимъ комитетомъ, состоявшей въ дополнительныхъ объясненіяхъ, составленныхъ въ томъ же духѣ, и возраженій противъ нихъ со стороны нѣкоторыхъ министровъ, заявленныхъ въ засѣданіяхъ комитета, послѣдовалъ 6-го декабря 1846 г. Высочайшій рескриптъ на имя князя-намѣстника, долженствовавшій служить основаніемъ къ утвержденію правъ высшаго мусульманскаго сословія въ Закавказскомъ краѣ. Главная сущность рескрипта состояла въ томъ (§ 1), что, независимо отъ земель, пожалованыхъ лицамъ мусульманскаго сословія уже нашимъ правительствомъ за особыя отличія и подвиги, утверждались въ ихъ потомственномъ владѣніи всѣ тѣ земли, *ко-*

ими роды ихъ обладали во время присоединенія мусульманскихъ провинцій къ Россіи, и кои находились въ безспорномъ ихъ владѣніи во время изданія рескрипта.

По полученіи этого рескрипта, для собранія свѣдѣній необходимыхъ къ окончательному распоряженію по рескрипту, князь-намѣстникъ учредилъ двѣ коммиссіи: *Шемахинскую и Дербентскую.*

Семь лѣтъ продолжалась огромная переписка между обѣими коммиссіями и Главнымъ Управленіемъ, по оказавшимся недоразумѣніямъ. Коммиссіи нашли это дѣло, при ближайшемъ изслѣдованіи на мѣстѣ, вовсе не въ томъ положеніи, въ какомъ оно было изложено по тѣмъ представленіямъ намѣстника, на коихъ былъ основанъ Высочайшій рескриптъ 6 декабря 1846-го года; то-есть, оказалось, что, за весьма немногими исключеніями, касавшимися только до лицъ, принадлежавшихъ къ ханскимъ фамиліямъ, всѣ прочіе беки, агалары, мелики и проч. не имѣли никакихъ доказательствъ, чтобы предки ихъ обладали какими-либо землями до присоединенія края къ Россіи, и чтобы при изданіи рескрипта земли эти находились въ ихъ владѣніи.

Это обстоятельство поставляло князя Воронцова въ большое затрудненіе. Чтобы обойти непредвидѣнное препятствіе, онъ въ 1852 году испросилъ отъ Кавказскаго комитета разрѣшеніе снабжать актами и свидѣтельствами на право владѣнія и тѣ лица, о давности владѣнія которыхъ вовсе не имѣлось никакихъ свѣдѣній, такъ же какъ о томъ, были ли какіе споры противъ давности владѣнія. Однако, этимъ распоряженіемъ препятствія не отстранились. Надобно было разсмотрѣть категорическіе списки Шемахинской коммиссіи и утвердить за каждымъ изъ владѣльцевъ то право собственности, какое могло принадлежать ему на основаніи рескрипта 6 декабря 1846-го года. А при разсмотрѣніи списковъ оказалось, что бо̀льшая часть изъ нихъ составлена въ прежнее время нашими полицейскими чиновниками, и что на такія свѣдѣнія относительно количества земли полагаться нельзя, и онѣ не заслуживаютъ никакого довѣрія.

Такъ агаларо-бекская мудреная канитель тянется до сей поры, слишкомъ 20 лѣтъ. Коммиссія испрашивала по этому дѣлу разрѣшенія нынѣшняго, новаго намѣстника, Его Высочества Великаго Князя, который изволилъ признать нужнымъ составить еще разъ коммиссію, для пересмотра всѣхъ имѣющихся списковъ бекскихъ

имѣній; по разсмотрѣніи ихъ, постановить по нимъ свои заключенія, и когда они получатъ утвержденіе Намѣстника, то выдавать бекамъ свидѣтельства, удостовѣряющія, что на прописанныя въ нихъ имѣнія казна притязаній не имѣетъ. Нынѣ это распоряженіе приводится въ исполненіе. Оно, по моему мнѣнію, одно изъ лучшихъ, какое, въ настоящемъ положеніи этого дѣла, возможно было придумать. Желательно, чтобы оно пошло успѣшно; но я далеко не увѣренъ въ томъ, удостовѣрясь многими опытами, какъ часто и самыя лучшія распоряженія главнаго начальства затрудняются здѣсь въ исполненіи по проискамъ и невнимательности исполнителей на мѣстѣ.

Я нѣсколько распространился по этому дѣлу, дабы выказать, до какой степени простираются неудовлетворительность и крайняя медленность въ здѣшнемъ краѣ хода подобныхъ дѣлъ, особенно когда въ нихъ вплетаются многіе частные интересы. Было ихъ не мало въ теченіи 18-ти лѣтняго моего служенія въ Совѣтѣ Закавказья до этого времени. О нѣкоторыхъ важнѣйшихъ изъ нихъ хранятся отдѣльныя записки въ моихъ бумагахъ.

Искусный вершитель агаларо-бекской комбинаціи, генералъ Ладинскій, пустивъ свою работу въ ходъ на многія лѣта, благоразумно подалъ въ отставку, и—какъ я уже передавалъ въ началѣ этой части моихъ воспоминаній—когда передъ его отъѣздомъ одинъ изъ членовъ Совѣта предложилъ ему вопросъ: «кто же теперь будетъ расхлебывать кашу, которую вы заварили по этому дѣлу?» —съ пріятно насмѣшливой улыбкой объявилъ: «ужъ никакъ не я!»— и отправился на житье въ свое хорошо устроенное помѣстье возлѣ Ѳеодосіи, обезпеченный прекрасными средствами, предоставивъ другимъ трудиться на здоровье надъ пережевываніемъ его неудобоваримой каши.

Обыкновенныя мои занятія въ этомъ году были тѣ же, какъ и въ предшествовавшіе послѣдніе годы, и меня не отягощали; напротивъ, еслибы у меня вдругъ прекратились всѣ служебныя дѣла, то по утрамъ я непремѣнно бы скучалъ. Кромѣ обязательныхъ засѣданій въ Совѣтѣ, я занимался крестьянскими дѣлами по Ставропольской губерніи. Главное изъ нихъ въ 1862 году было почти приведено къ окончанію. За производство его въ Главномъ Управленіи я получилъ золотую медаль. Что же касается до Закавказскаго края, то въ немъ дѣло это пребывало почти въ совер-

шенномъ застоѣ до прибытія въ 1863 году Великаго Князя. Собирались только предварительныя свѣдѣнія, послужившія матеріалами къ занятіямъ 1863 и 1864 годовъ.

Весна открылась рано, и жары начались уже съ марта. Кажется съ этого года я пересталъ ѣздить въ церковь къ заутренѣ на Пасху, изъ опасенія, чтобы не сдѣлалось обморока, къ чему, при жарѣ и особенно духотѣ, я всегда имѣлъ наклонность.

Съ нѣкоторыхъ поръ Тифлисскую публику усиленно занимали сплетни и подметныя письма противъ правительственныхъ лицъ и ихъ распоряженій. У насъ, въ Россіи, во всѣхъ городахъ есть большое стремленіе къ пустой болтовнѣ, вымысламъ и распусканіямъ ни на чемъ не основанныхъ слуховъ; но въ Тифлисѣ это влеченіе существуетъ по превосходству. Почти каждый день на армянскомъ базарѣ собирается много народу, который этимъ только и занимается. Иногда въ пасквиляхъ попадалась и доля правды, но она поглощалась массою нелѣпостей.

Въ іюнѣ я выѣхалъ съ дѣтьми въ Боржомъ. Препровожденіе времени тамъ было почти то же, что и въ прошломъ году, кромѣ того, что и въ Боржомѣ не обошлось безъ непріятностей отъ различныхъ глупостей и сплетней, отъ коихъ нигдѣ нельзя укрыться. Возмущали меня также вѣсти объ усиленіи смутъ въ Польшѣ. По поводу этихъ смутъ, много было разговоровъ у насъ съ Сутгофомъ, который тоже ихъ крайне не одобрялъ. Въ августѣ привязалась ко мнѣ серьезная болѣзнь, напугавшая дѣтей моихъ, однако продолжавшаяся недолго. Къ концу мѣсяца я поправился, и въ первыхъ числахъ сентября наступившіе сильные холода заставили насъ ранѣе обыкновеннаго поспѣшить переѣздомъ въ Тифлисъ.

Сбивчивые и неопредѣленные слухи о томъ, возвратится ли князь Барятинскій въ Закавказье или нѣтъ, продолжались по прежнему. Извѣстія, получавшіяся отъ лицъ, сопровождавшихъ его, часто противорѣчили одни другимъ, и положительнаго ничего не выяснялось. 9-го сентября дочь моя Екатерина повезла въ Москву своего старшаго сына Сашу, чтобы помѣстить его въ учебное учрежденіе для окончанія его воспитанія. Бѣдный мальчикъ крѣпко грустилъ и былъ сильно огорченъ и разстроенъ при разставаніи съ нами, да и я также, не надѣясь болѣе съ нимъ увидѣться.

Въ октябрѣ пріѣхалъ въ Тифлисъ принцъ Альбертъ Прусскій, братъ короля Фридриха Вильгельма. Въ дальнѣйшемъ путешествіи его по краю ему сопутствовалъ прикомандированный къ нему сынъ мой. Въ это же время я удостоился новой награды, Владимірской звѣзды 2-й ст.; а зять мой, Ю. Ф. Витте, Станиславской ленты. Я уже заявлялъ, что въ моей юности меня особенно прельщалъ Владимірскій крестъ, о звѣздѣ же не дерзалъ и помышлять. Теперь же значеніе ея для меня заключалось только въ томъ, что начальство не забываетъ прежней моей службы; за настоящую же, которая меня такъ мало тяготитъ, едва ли я заслужилъ эту награду.

Между тѣмъ начали распространяться достовѣрные слухи о скоромъ возвращеніи князя Барятинскаго, опредѣляли день его пріѣзда, казалось, на этотъ разъ, несомнѣнно. А въ ноябрѣ неожиданно получено свѣдѣніе о болѣзни его на возвратномъ пути въ Вильнѣ. Потомъ, еще была получена телеграмма о облегченіи болѣзни и скоромъ выѣздѣ князя въ Тифлисъ. Но это не совершилось. 15-го декабря, положительное свѣдѣніе извѣстило объ увольненіи фельдмаршала князя Барятинскаго отъ званія намѣстника Кавказскаго и главнокомандующаго Кавказскою арміею, и о назначеніи на его мѣсто Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. Сначала это свѣдѣніе появилось въ газетахъ, а затѣмъ, 21-го декабря, получено офиціально. Вмѣстѣ съ тѣмъ, получены извѣстія о тяжкой болѣзни князя Барятинскаго въ Вильнѣ. Не знаю какъ другіе, а я съ сыномъ крѣпко грустили о томъ.

Такъ окончился для насъ 1862-й годъ. Состояніе моего здоровья не ухудшилось, только слабость по вечерамъ начала какъ бы усиливаться и напоминать слова Апостола Павла: «*старѣющее и ветшающее близъ есть ко истлѣнію*». Да будетъ воля Божія. Наканунѣ дня, принесшаго вѣсть объ увольненіи князя и назначеніи Великаго Князя, я видѣлъ во снѣ покойную Елену Павловну, необыкновенно ясно и живо. Со времени ея смерти хотя я видалъ ее во снѣ много разъ, но всегда какъ бы туманно; теперь же ея поразительно живой образъ болѣе походилъ на видѣніе, нежели на сновидѣніе.

Въ новый, 1863-й годъ, я еще могъ выстоять обѣдню и молебенъ въ соборѣ. Служебныя дѣла слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ

состояли въ обычныхъ занятіяхъ по Совѣту. Занятія по дѣламъ службы, такъ же какъ и по своимъ дѣламъ, казалось мнѣ, шли не такъ гладко и стройно, какъ бывало прежде. Покамѣстъ, я еще постоянно посѣщалъ засѣданія Общества распространенія православнаго христіанства, происходившія у экзарха; я продолжалъ возлагать на это Общество большія надежды. Я донынѣ числюсь членомъ здѣшнихъ обществъ — географическаго и сельскаго хозяйства — съ самаго ихъ учрежденія; но туда я уже давно не заглядывалъ, даже въ годовыя, официалныя собранія *).

Девятое февраля было для меня днемъ прискорбнаго воспоминанія. Я бы въ этотъ день праздновалъ свою золотую свадьбу, если бы покойная Елена Павловна была жива. Одно изъ послѣднихъ ея словъ ко мнѣ было, какъ я передавалъ, изъявленіе сожалѣнія, что не доживемъ вмѣстѣ до золотой свадьбы.

Въ февралѣ же сынъ мой Ростиславъ тяжело заболѣлъ очень серьезною болѣзнью, подвергшею жизнь его опасности и причинившею намъ всѣмъ много мучительныхъ безпокойствъ. Только въ мартѣ онъ сталъ медленно, понемногу поправляться, и долго здоровье его не могло возстановиться вполнѣ.

16-го марта весь городъ рано поднялся на ноги и несмѣтными толпами, со всѣмъ туземнымъ церемоніаломъ, амкарами, цеховыми значками, двинулся съ шумными ликованіями встрѣчать и провожать прибывшаго въ Тифлисъ новаго Августѣйшаго Намѣстника. Жаль только что пасмурная, вѣтреная погода не соотвѣтствовала общему праздничному настроенію. Я, вмѣстѣ съ прочими, съ 11-го до 4-го часа ожидалъ во дворцѣ пріѣзда Его Императорскаго Высочества. Въ тотъ же день былъ и первый пріемъ высшихъ чиновниковъ и гражданъ, а два дня спустя первый парадный обѣдъ. Участіе, которое Великій Князь выразилъ мнѣ по поводу болѣзни моего сына, меня глубоко тронуло.

Съ нѣкоторыхъ поръ, служащимъ здѣсь военнымъ и гражданскимъ, въ награду заслугъ, раздавали въ значительномъ количе-

*) А. М. Фадѣевъ съ давнихъ поръ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Петербургскаго „Русскаго географическаго общества". Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ Саратовѣ, онъ написалъ „Статистическое описаніе Саратовской губерніи", которое послалъ въ Петербургъ извѣстному Кеппену, помѣстившему эту статью кажется въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ. Статистика обратила на себя большое вниманіе, заслужила большія одобренія, и А. М. Фадѣевъ былъ тогда же избранъ членомъ Русскаго географическаго общества, выславшаго ему дипломъ за подписью предсѣдателя, Великаго Князя Константина Николаевича.

ствѣ участки свободныхъ земель на Кавказѣ. Въ концѣ марта меня сердечно порадовала добрая вѣсть о предназначеніи Его Высочествомъ пожалованія мнѣ пяти тысячъ десятинъ земли, что̀ возбудило во мнѣ надежду на болѣе прочное обезпеченіе положенія дѣтей моихъ послѣ меня*).

Въ апрѣлѣ послѣдовала поѣздка Великаго князя въ Поти, для встрѣчи Великой княгини съ августѣйшими дѣтьми. 16 того же мѣсяца, Ихъ Высочества прибыли въ Тифлисъ. Встрѣча снова была чрезвычайно торжественная. Великая Княгиня ѣхала въ открытой коляскѣ, Великій Князь съ многочисленной свитою сопровождалъ Ея И. В. верхомъ. На другой день былъ во дворцѣ парадный обѣдъ. Въ маѣ также были большіе парадные пріемы, по случаю пріѣзда Турецкаго посла, для поздравленія Его Высочества съ новымъ его назначеніемъ. Очень пріятно мнѣ было видѣть оказываемое Великимъ Княземъ, съ самаго его прибытія, милостивое благорасположеніе къ зятю моему Юлію Федоровичу Витте.

Въ это же время я получилъ грустное свѣдѣніе о смерти уже 50 лѣтъ знакомаго мнѣ, добраго пріятеля въ Крыму, почтеннаго старика *Штевена*. Всѣ старые знакомые постепенно предшествуютъ мнѣ въ неотложномъ направленіи къ вѣчности. Онъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ въ Россіи, особенно по части ботаники, и по этому поводу находился въ частыхъ письменныхъ сношеніяхъ съ покойною женою моею.

Между тѣмъ какъ Великій Князь былъ занятъ приготовленіями къ окончательному покоренію береговъ Кавказа, прилегающихъ къ Черному морю, получены непріятныя вѣсти о возстаніи лезгинъ въ Чечнѣ, куда по этому случаю командированъ сынъ мой. Это возстаніе вспыхнуло, какъ и бо̀льшая часть подобныхъ частныхъ вспышекъ, совершавшихся на Кавказѣ въ продолженіи 60-ти лѣтъ, отъ безпорядочныхъ и безразсудныхъ дѣйствій нашего мѣстнаго

*) Андрей Михайловичъ Фадѣевъ, въ теченіе своего многолѣтняго служебнаго поприща, нѣсколько разъ занималъ такія мѣста, на которыхъ могъ обогатиться и оставить своимъ дѣтямъ хорошее состояніе. Но онъ никогда ничего не имѣлъ кромѣ того, что̀ давала ему служба; велъ жизнь скромную, строго соразмѣряя ее съ объемомъ своего содержанія. Иногда необходимость заставляла его черпать изъ небольшого капитала своей жены, который они берегли для дѣтей своихъ, и при первой возможности пополнялъ взятое. Послѣ его смерти дѣтямъ его достался этотъ капиталъ и два участка Высочайше пожалованной ему земли въ Ставропольской губерніи, семь тысячъ десятинъ. Ростиславъ Андреевичъ отказался отъ всякаго наслѣдства въ пользу своихъ сестеръ.

начальства. Оно было скоро потушено, но обошлось не безъ жертвъ и не безъ потерь; былъ убитъ и одинъ хорошій генералъ, князь Шаликовъ. Изъ туземцевъ, по усмиреніи возстанія, нѣсколько десятковъ главныхъ виновниковъ повѣшены.

Наступившее лѣто, вначалѣ прохладное и сносное, не заставляло слишкомъ торопиться исканіемъ свѣжаго воздуха; а потому, имѣя нѣкоторыя серьезныя занятія, я выѣхалъ съ семействомъ въ Боржомъ позже обыкновеннаго, уже въ іюлѣ мѣсяцѣ. Здѣсь я нашелъ все по старому, такъ же какъ и стараго, добраго Сутгофа. Изъ числа новыхъ пріѣзжихъ я познакомился съ Кутаисскимъ архіереемъ, преосвященнымъ Гавріиломъ, по происхожденію имеретиномъ, бывшимъ прежде законоучителемъ Тифлисскаго дѣвичьяго института. По его познаніямъ, просвѣщенному уму и неотъемлемымъ достоинствамъ, онъ вполнѣ заслуживаетъ уваженіе, коимъ пользуется. Изъ туземныхъ іерарховъ онъ, кажется, едва ли не первый совершенно владѣетъ русскимъ языкомъ.

Въ концѣ августа я получилъ приглашеніе отъ Великаго Князя Намѣстника пріѣхать въ Бѣлый Ключъ (гдѣ онъ проводилъ лѣто) по случаю крещенія новорожденнаго Великаго Князя Георгія Михаиловича и къ прибытію туда на 30-е августа путешествовавшаго въ этомъ году по Россіи Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича (нынѣ ужъ покойнаго). Конечно не обошлось по этому поводу безъ многихъ хлопотъ и суеты. Выѣхавъ изъ Боржома, чрезъ Тифлисъ, я 29-го августа пріѣхалъ въ Бѣлый Ключъ.

День для подобнаго торжества выдался неблагопріятный, по причинѣ дурной погоды и проливного дождя; но оно исполнилось въ точности по церемоніалу. Отъ десяти до перваго часа мы простояли въ полковой церкви, гдѣ совершалась литургія, крещеніе высокаго новорожденнаго и молебствіе; затѣмъ послѣдовали визиты къ нѣкоторымъ пріѣхавшимъ почетнымъ особамъ, а потомъ слѣдовалъ парадный обѣдъ, на коемъ и я былъ представленъ Наслѣднику Цесаревичу. Онъ удивился, когда на вопросъ его: сколько лѣтъ я нахожусь въ службѣ?—я отвѣчалъ, что *болѣе* шестидесяти; но я объяснилъ Его Императорскому Высочеству, что родился въ тотъ вѣкъ, когда записывали на службу не только несовершеннолѣтнихъ, но даже находящихся въ колыбели. Къ вечеру былъ балъ, отъ присутствія на коемъ Великій Князь Намѣстникъ одна-

ко жъ, по добротѣ своей, меня уволилъ. Уже около десяти лѣтъ какъ я пересталъ бывать на балахъ.

31-го Ихъ Высочества отправились въ Тифлисъ. Туда же послѣдовалъ и я, и тамъ возобновился обычный ходъ моей жизни. Въ это время удалился отъ службы бывшій начальникъ главнаго управленія А. Ф. Крузенштернъ, человѣкъ въ высшей степени добрый и честный, но къ сожалѣнію столько же и слабый. Въ продолженіе семнадцати лѣтъ, онъ постоянно находился со мною въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Мѣсто его занялъ тогда же пріѣхавшій въ Тифлисъ сенаторъ баронъ А. П. Николаи.

1-го сентября во дворцѣ былъ официіальный обѣдъ, а вечеромъ большой балъ отъ города въ домѣ Аршакуни, въ честь Наслѣдника Цесаревича. На балѣ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ представлялъ Цесаревичу нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ лицъ, въ томъ числѣ и дочь мою Екатерину, къ мужу которой Его Высочество всегда былъ очень расположенъ. Начались танцы, и стали выплясывать неизбѣжную національную лезгинку, затянувшуюся слишкомъ долго. Наслѣдникъ Цесаревичъ, очевидно соскучившись глядѣть на эту увеселительную вставку, подошелъ къ дочери моей и сказалъ ей: «вы конечно знаете русскую поговорку—*хорошенькаго понемножку*.» Она тотчасъ же поспѣшила сообщить объ этомъ одному изъ устроителей бала, и лезгинка немедленно была прекращена, за что Наслѣдникъ, съ довольной улыбкой, поблагодарилъ мою дочь. На слѣдующій день, 2-го сентября, Цесаревичъ выѣхалъ по пути въ Крымъ, гдѣ пребывалъ въ то время Государь Императоръ и куда вскорѣ отправился и Великій Князь намѣстникъ.

Въ этомъ же мѣсяцѣ, я получилъ извѣстіе объ утвержденіи Государемъ пожалованія мнѣ въ Ставропольской губерніи 5500 десятинъ земли. Эта награда была для меня великимъ утѣшеніемъ и радостію—не за себя, но за дѣтей моихъ. Почти одновременно мнѣ пожалованъ знакъ отличія, учрежденный за успѣшное приведеніе въ дѣйствіе положеній 19 февраля 1861 года объ устройствѣ быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; а также пожалованъ знакъ Общества возстановленія православнаго христіанства за Кавказомъ 2-й степени.

Въ 1864-мъ году, изъ служебныхъ занятій Главнаго Управленія, первый предметъ по важности своей былъ объ улучшеніи бы-

та помѣщичьихъ крестьянъ въ Закавказскомъ краѣ. Совѣтъ въ этомъ дѣлѣ участія не имѣлъ; а производилось оно въ особомъ Комитетѣ, Великимъ Княземъ намѣстникомъ, по пріѣздѣ его учрежденномъ, въ который и я былъ назначенъ членомъ. Но какъ засѣданія комитета происходили всегда вечеромъ и продолжались иногда до поздней ночи, то меня, по старости, и особенно по слабости зрѣнія, отъ личнаго присутствія уволили, а присылали проэкты работъ комитета къ просмотру. Направленіе этихъ работъ примѣнялось по возможности къ тому ходу этого дѣла, какой оно имѣло по Россіи, съ нужными измѣненіями по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Много возникало толковъ, споровъ и препирательствъ по сему случаю, но наконецъ, къ іюлю мѣсяцу, проэктъ Положенія былъ составленъ, отправленъ въ Петербургъ, и тамъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, получилъ Высочайшее утвержденіе. По моему внутреннему убѣжденію, для помѣщиковъ Закавказскаго края оказано въ этомъ дѣлѣ болѣе милости, а для крестьянъ едва ли не менѣе, чѣмъ вообще въ Имперіи. Но какъ это была принятая уже система верховнаго правительства, то я и находилъ совершенно безполезнымъ входить по этому предмету въ какіе-либо споры и настаивать на своемъ мнѣніи; тѣмъ болѣе, что такая система по соображеніямъ верховнаго правительства, мнѣ неизвѣстнымъ, можетъ статься и была необходима.

Вообще съ этого времени я рѣшился не заниматься болѣе никакими служебными проэктами и предположеніями, собственно отъ себя исходящими; ибо видѣлъ, что это ни къ чему не ведетъ кромѣ могущихъ быть неудовольствій и непріятностей. Въ этомъ я удостовѣрился на опытѣ. Занятія въ Совѣтѣ состояли лишь по дѣламъ текущимъ, число которыхъ, по распоряженію Великаго Князя намѣстника хотя нѣсколько и увеличилось противъ бывшаго по учрежденію князя Барятинскаго, но все же весьма незначительно.

Важнѣйшее событіе въ этомъ году—и даже во весь періодъ времени нашего владычества за Кавказомъ—было совершившееся полное замиреніе края. Объ этомъ событіи столь много было говорено, что мнѣ кажется излишнимъ здѣсь распространяться о немъ. Самое вѣрное его изображеніе сдѣлано,—не только по моему мнѣнію, но и всѣхъ близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ,—сыномъ моимъ, въ его «Письмахъ съ Кавказа»,

помѣщавшихся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1864 и 1865 годовъ *).

Въ іюнѣ я переѣхалъ съ семьей на лѣтнюю побывку туда же, гдѣ проводилъ лѣто уже много разъ,—въ полковую квартиру грузинскаго гренадерскаго полка, Бѣлый Ключъ. Боржомъ представлялъ нѣкоторыя неудобства, изъ коихъ главнѣйшее состояло въ отдаленности отъ Тифлиса, а для меня далекія поѣздки уже сдѣлались тягостны. Да къ тому же здѣсь и то преимущество сравнительно съ Боржомомъ, что климатъ мягче—хотя лѣто выдалось особенно дождливое—да и прогулки не такъ гористы, чтó и было нужно для моихъ ослабѣвавшихъ ногъ. Только здѣшняя ключевая вода на меня вредно дѣйствовала, отчего и былъ неоднократно нездоровъ.

10-го іюня Великій Князь намѣстникъ, отпраздновавъ торжественно въ Тифлисѣ окончательное покореніе Кавказа, прибылъ также съ семействомъ въ Бѣлый Ключъ, для избѣжанія Тифлисскаго зноя. Я часто бывалъ у Его Высочества, гдѣ находилъ постоянно благосклонный пріемъ; также бывала и дочь моя Екатерина, которая съ мужемъ своимъ всегда пользуется милостивымъ и любезнымъ вниманіемъ Великаго Князя Михаила Николаевича и Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны. Я много прогуливался и ходилъ въ церковь, что доставляло мнѣ большое утѣшеніе. Попеченіями полковыхъ командировъ, церковь устроена прекрасно, служеніе въ ней очень хорошее, съ отличными пѣвчими. Книгъ для чтенія я имѣлъ достаточно изъ полковой библіотеки; въ обществѣ тоже недостатка не было: кромѣ мѣстной публики, ежедневно являлось много пріѣзжихъ; въ штабъ-квартирѣ было болѣе оживленія и увеселеній, несмотря на продолжавшуюся дурную погоду. Дочь моя съ мужемъ и сынъ часто бывали на обѣдахъ, вечерахъ, балахъ у Великаго Князя и у полкового командира Свѣчина, жившаго широко и открыто. Вообще, было шумнѣе и суетливѣе обыкновеннаго, что, впрочемъ, мало нарушало установленный порядокъ моей жизни. 2-го іюля, на общемъ пріемѣ, приносили Его Высочеству поздравленія съ полученіемъ награды. Я опоздалъ, чтó послужило къ лучшему, ибо засталъ Великаго Князя одного; онъ принялъ меня съ обычною своею привѣтливостію, долго со мною милостиво разговаривалъ и, при прощаніи, поцѣловалъ,— чего на общемъ пріемѣ не случилось бы.

*) Издано особой книгой.

Въ концѣ іюля Великій Князь намѣстникъ съ семействомъ отправился въ Крымъ, для пользованія морскими купаніями. Вслѣдъ за ними уѣхалъ туда же и сынъ мой, и многіе разъѣхались. Послѣ того въ Бѣломъ Ключѣ сдѣлалось замѣтно тише и уединеннѣе. Въ сентябрѣ и мы возвратились въ Тифлисъ; а вскорѣ я былъ весьма обрадованъ, прочитавъ въ Инвалидѣ о производствѣ сына моего въ генералъ-маіоры. Онъ и самъ, исполнивъ порученіе, возложенное на него Его Высочествомъ, не замедлилъ своимъ пріѣздомъ къ намъ.

8-го ноября, въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя намѣстника, было торжественно провозглашено въ Тифлисѣ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ тотъ же день я получилъ орденъ Бѣлаго орла, за мое въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе. Это едва ли уже не была, въ отношеніи къ моимъ служебнымъ наградамъ, послѣдняя пѣснь лебедя.

Вотъ, наконецъ, наступилъ и 1865-й годъ. За все прошедшее время моей около семидесятилѣтней жизни, исключая дѣтскій возрастъ, я высказалъ все, что́ припомнилъ, все, что́ сохранилось въ моихъ воспоминаніяхъ о моемъ прошломъ, могущаго быть хотя нѣсколько интереснымъ. Далѣе продолжать эти воспоминанія въ послѣдовательномъ порядкѣ, кажется, уже будетъ не о чемъ, да и силы мало это позволяютъ. Остается лишь молиться Богу и спокойно ожидать той минуты, въ которую Ему угодно будетъ призвать меня къ себѣ. Но если жизнь моя еще нѣкоторое время продлится, то не оставлю ихъ, буду просматривать, исправлять и дополнять какъ въ прошломъ, такъ равно и впредь, если будетъ еще что-либо заслуживающее сообщенія о томъ.

8-го января былъ для меня грустный день. Ростиславъ поѣхалъ за границу на нѣсколько мѣсяцевъ: онъ хотѣлъ познакомиться съ Европой, которой еще никогда не видалъ; хотѣлъ заѣхать въ Англію повидаться съ княземъ Барятинскимъ, неоднократно приглашавшимъ его къ себѣ. Меня безпокоили неудобства его поѣздки, на пароходахъ въ зимнее время, медленность сообщеній и полученія писемъ; боялся за его здоровье, молилъ Бога, да благословитъ Онъ его! И умѣрялъ свою скорбь лишь однимъ средствомъ, когда безпокойство брало верхъ, успокаивая себя молитвою: да будетъ воля Твоя. Но скоро аккуратное полученіе писемъ прекратило мою тревогу. Сынъ мой поѣхалъ изъ Поти пароходомъ на Тра-

пезондъ, Константинополь, мимоходомъ лишь чрезъ Грецію въ Италію, гдѣ побывалъ въ Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи, и чрезъ Ниццу проѣхалъ въ Парижъ, гдѣ пробылъ болѣе мѣсяца, а оттуда въ Англію. Все время былъ здоровъ, не взирая на дурную погоду и морскія треволненія.

Со времени возвращенія изъ Бѣлаго Ключа, нездоровье мое все усиливалось, особенно слабость ногъ, отъ чего начиналъ ужъ мало ходить, и то съ трудомъ. Все это содѣлывало мое положеніе довольно печальнымъ. Лейбъ-медикъ Великаго князя, Либау, узнавъ о томъ, посѣтилъ меня и, вникнувъ во всѣ обстоятельства и причины разстройства моего здоровья, посовѣтовалъ мнѣ, бросивъ употребленіе всякихъ лекарствъ, а также кофе и чая, лечиться парнымъ коровьимъ молокомъ, постепенно, отъ двухъ до шести стакановъ въ день. Дай Богъ ему здоровья! Не далѣе какъ чрезъ мѣсяцъ я почувствовалъ значительное облегченіе, даже ноги поправились, и теперь столько же могу ходить, какъ и до начала болѣзни.

Съ начала апрѣля стали получаться по телеграфу тревожныя свѣдѣнія о тяжкой болѣзни Наслѣдника Цесаревича въ Ниццѣ. Съ каждымъ днемъ они становились мрачнѣе, и, наконецъ, 13-го числа получено Великимъ Княземъ положительное извѣстіе о его кончинѣ, сильно поразившей Его Высочество, да и всѣхъ чрезвычайно опечалившее. Спустя недѣлю, Великій князь со всѣмъ семействомъ отправился моремъ, чрезъ Германію, въ Петербургъ, къ похоронамъ Цесаревича, предназначавшимся въ маѣ. По случаю этого отъѣзда, князь Г. Д. Орбеліани вступилъ въ отправленіе должности намѣстника, а я занялъ его мѣсто предсѣдателя въ Совѣтѣ.

Проходя на досугѣ, мысленно, всѣ занятія мои по службѣ, въ продолженіе болѣе полувѣка, и положивъ руку на сердце, я нахожу, что труженикомъ былъ, но чувствую и сознаю, что существенной пользы принесъ мало; и награждаемъ былъ, особенно на службѣ въ Закавказскомъ краѣ, болѣе чѣмъ заслужилъ. Но утѣшаю себя тѣмъ, что отвратить незначительность моихъ служебныхъ дѣйствій не всегда зависѣло непосредственно отъ меня.

Теперь скажу нѣсколько словъ по поводу постоянно повторяющихся здѣсь измѣненій и реформъ въ гражданскомъ управленіи и вообще о ходѣ этого управленія въ Закавказскомъ краѣ.

При первоначальномъ присоединеніи Грузіи къ Россіи, гражданское управленіе въ странѣ было учреждено на самыхъ односложныхъ началахъ. Главное управленіе состояло изъ небольшой канцеляріи главноуправляющаго, губернатора, губернскаго правленія и судебной палаты въ Тифлисѣ; и, затѣмъ, въ городахъ и уѣздахъ находилась мѣстная администрація, состоявшая изъ комендантскаго управленія. Много было говорено о злоупотребленіяхъ и самовластіи этого комендантскаго управленія, но тогда оно было совершенно своевременно. Все народонаселеніе Закавказскаго края издревле привыкло къ суду и рѣшенію дѣлъ скорому, безпроволочному и односложному. Зло происходило отъ того, что на качества людей, избираемыхъ въ званіе комендантовъ, обращалось *слишкомъ мало вниманія,* и они назначались чаще всего по протекціямъ, по проискамъ и разнаго рода домогательствамъ. Все это почти такъ же происходило, какъ происходитъ и теперь, при уѣздныхъ начальникахъ. Коменданты, конечно, во многихъ случаяхъ имѣли болѣе простора дѣлать злоупотребленія, нежели уѣздные начальники, но при хорошемъ ихъ выборѣ они могли бы дѣлать и гораздо болѣе добра, нежели послѣдніе.

Съ постепеннымъ расширеніемъ Закавказскаго края, съ присоединеніемъ къ нему Имеретіи, Гуріи и завоеванныхъ провинцій отъ Персіи и Турціи, расширялись и новыя учрежденія по гражданской части. Чиновники, къ занятіямъ вновь учреждаемыхъ должностей, прибывали изъ Россіи во множествѣ — и, къ сожалѣнію, самые неблагонадежные, привлекаемые единственно разными преимуществами по службѣ. Они укоренили происки, подлоги, ябедничество и всевозможныя злоупотребленія въ краѣ; и тѣмъ болѣе были вредны, что прививали и распространяли эти пороки не только между туземными дворянами и разночинцами, искавшими своего существованія по гражданской службѣ въ занятіяхъ составленіемъ кляузныхъ прошеній и хожденіемъ по дѣламъ, но даже развивали ябедничество и между крестьянами; такъ что, *напримѣръ,* въ Имеретіи, крестьяне, пріѣзжая на базаръ для продажи своихъ продуктовъ, удѣляютъ каждый разъ часть изъ вырученныхъ денегъ для покупки гербовой бумаги на случай надобности написать прошеніе.

Происшедшія въ управленіе князя Воронцова измѣненія въ гражданской администраціи края, конечно, были не всѣ безполезны.

Совѣтъ Главнаго Управленія получилъ болѣе опредѣлительный кругъ дѣйствій. Вновь учрежденныя губерніи—Кутаисская, Дербентская и Эриванская—облегчили возможность не столь медленныхъ распоряженій губернскаго правленія, и особенно были полезны въ томъ отношеніи, что послужили къ возвышенію и улучшенію благосостоянія городовъ: Кутаиса, Эривани и Дербента. Преобразованіе же управленія государственными имуществами, послѣдовавшее въ 1850 году, сосредоточило это управленіе и дало возможность къ приведенію въ извѣстность нѣкоторой части земель несомнѣнно казенныхъ, на коихъ и умножено водвореніе русскихъ переселенцевъ, и содѣйствовало къ собранію болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о состояніи края. Это послужило и къ ближайшимъ соображеніямъ по улучшенію хозяйственной части, особенно въ отношеніи водопроводовъ, лѣсовъ и разныхъ отраслей промышленности.

Въ концѣ 1856 года, съ прибытіемъ князя Александра Ивановича Барятинскаго въ званіи намѣстника Кавказскаго, онъ немедленно обратилъ вниманіе на устройство гражданскаго управленія краемъ во всѣхъ частяхъ. Ему Высочайше было предоставлено право дѣлать по Главному Управленію и подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ въ краѣ всѣ необходимыя преобразованія и измѣненія. На этомъ основаніи, онъ утвердилъ 21 декабря 1858 года *Положеніе* о Главномъ Управленіи и Совѣтѣ Намѣстника Кавказскаго (въ разсмотрѣніи Совѣта впрочемъ не бывшаго), въ видѣ опыта, на два года. Впослѣдствіи этотъ срокъ былъ отложенъ по 1863-й годъ и, наконецъ, послѣдовавшимъ 12-го сентября 1862 года Высочайшимъ повелѣніемъ продолженъ по 1-е января 1866 г. Слѣдовательно, данъ семилѣтній періодъ времени для опытовъ и наблюденій о удобствѣ или неудобствѣ Положеній 1858 года и для замѣны ихъ, по возможности, лучшими, по опыту и ближайшимъ соображеніямъ.

Между тѣмъ, по вступленіи въ управленіе краемъ Великаго Князя Михаила Николаевича, сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ Положеніи, о Совѣтѣ и учрежденныхъ департаментахъ, по разнымъ отраслямъ управленія, впрочемъ не общія, а частныя. Въ настоящее время, въ особо учрежденномъ комитетѣ, идетъ пересмотръ и проэктируется составленіе Положенія о преобразованіяхъ въ краѣ *всего* гражданскаго управленія, а въ томъ числѣ и Совѣта. Чтó будетъ изъ всего этого, пока еще не извѣстно. Хорошо сдѣлано и

то, что преобразованіе предположено вводить не такъ, какъ доселѣ, *съ верху въ низъ*, а *съ низу въ верхъ;* то-есть прежде—Положенія о сельскомъ и уѣздномъ управленіяхъ, а потомъ уже выше. Но успѣхъ дѣла будетъ зависѣть единственно отъ внимательнѣйшаго выбора чиновниковъ: это главнѣйшее. Впрочемъ, въ отношеніи Совѣта, я остаюсь при твердомъ убѣжденіи, что онъ для главнаго начальника края можетъ быть весьма полезенъ, но только при двухъ условіяхъ: *первое*, чтобы избраніе членовъ, по крайней мѣрѣ хотя наполовину, дѣлалось съ большею разборчивостію нежели доселѣ; и, *во-вторыхъ*, чтобы существовало наблюденіе за исправностію хода дѣлопроизводства въ составленіи записокъ, справокъ, и проч. и проч. — для чего, само собою разумѣется, и самая канцелярія должна быть составлена съ болѣе тщательнымъ вниманіемъ. Особенно же правитель дѣлъ долженъ быть не инвалидъ, не рутинеръ и не изъ старой школы доморощенныхъ здѣшнихъ туземныхъ канцелярскихъ чиовниковъ, а изъ хорошихъ правовѣдовъ, человѣкъ нестарый и трудолюбивый.

Въ половинѣ мая получено извѣстіе о пріѣздѣ Е. И. В. Великаго Князя намѣстника въ Петербургъ, одновременно съ Государемъ Императоромъ. Возвращеніе Его Высочества въ край было отложено надолго, не ранѣе осени. Около этого времени случилось землетрясеніе, не слишкомъ продолжительное, но очень ощутительное; я въ это время былъ въ Совѣтѣ, и нѣсколько сильныхъ ударовъ едва не сбросили насъ съ креселъ. Какъ всегда, оно сопровождалось рѣзкимъ подземнымъ грохотомъ и гуломъ.

Съ 27-го по 30-е іюня въ Тифлисѣ происходила необычайная суматоха, конечно безъ важныхъ послѣдствій, но, тѣмъ не менѣе, весьма значительная и весьма замѣчательная; она имѣла послѣдствіемъ не только всеобщее волненіе и безпокойство въ городѣ, но даже кровопролитіе, по самымъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ. Добрый и покорный, но легковѣрный здѣшній простой народъ былъ доведенъ до нарушенія порядка, до безчинства и до преступленій, которыхъ со стороны армянскаго населенія никогда нельзя было ожидать, — но всѣ обстоятельства такъ сложились, что все это дѣйствительно сдѣлалось. Кажется, что тутъ необходимо дѣйствовала какая-либо подземная работа враговъ порядка, враждебныхъ къ русскимъ недовольныхъ вольнодумцевъ; а имъ содѣйствовало отсут-

ствіе всякаго сколько-нибудь порядочнаго устройства и дѣйствія полиціи, безтолковыя и сбивчивыя распоряженія высшаго начальства и, такъ сказать, совершенная анархія. Въ продолженіе двухъ и даже частію третьяго дня, всѣ лавки и базары были закрыты, сообщенія затруднялись, и многіе жители провели эти дни безъ хлѣба и жизненныхъ, ежедевныхъ, насущныхъ потребностей. Излишняя дѣятельность распоряженій начальства продолжалась даже и въ послѣдующе время, около двухъ мѣсяцевъ, занимаясь безполезными сборами и передвиженіями войскъ, что̀ возбуждало и поддерживало тревожныя опасенія въ жителяхъ. Вся эта сумбурная исторія произошла вслѣдствіе какихъ-то вздорныхъ недоразумѣній, обоюдныхъ преувеличенныхъ устрашеній, неимѣвшихъ никакой основательной почвы, раздутыхъ злонамѣреннымъ подстрекательствомъ однихъ и чрезмѣрнымъ усердіемъ другихъ*).

---

*) Волненіе и переполохъ, такъ внезапно и безпричинно овладѣвшіе городомъ, были вызваны распространившимися ложными слухами объ обложеніи города новыми, необычайными налогами, *за все* безъ исключенія, даже, какъ выражались туземцы,— *за окошку и за кошку*. Первое движеніе проявилось между амкарами и необыкновенно быстро разнеслось по городу. Огромныя, тысячныя толпы туземцевъ расхаживали по улицамъ, собирались на Авлабарскомъ армянскомъ кладбищѣ за Курой, для совѣщаній, сосредоточивались на площадяхъ, шумѣли, кричали и грозили. Озлобленіе ихъ особенно относилось къ нѣсколькимъ лицамъ, которыхъ они считали виновниками налоговъ, и къ нимъ они порывались добраться съ крайнимъ ожесточеніемъ. Къ одному богатому армянскому купцу и добрались. Онъ успѣлъ скрыться, но бунтовщики ворвались къ нему въ домъ и въ дребезги разнесли и истребили все что было въ домѣ. Въ числѣ прочихъ вещей, въ домѣ была богатая библіотека, состоявшая изъ старыхъ армянскихъ, арабскихъ и другихъ рѣдкихъ книгъ и рукописей, которыя были изорваны въ мельчайшіе куски и выброшены на улицу. Вся улица, на протяженіи многихъ десятковъ саженей, была буквально засыпана обрывками и лоскутками страницъ изъ книгъ, какъ глубокимъ слоемъ снѣга. У насъ до сихъ поръ сбережены нѣсколько лоскутковъ, поднятыхъ изъ этой массы изорванной бумаги и пергамента. По слухамъ, произошло нѣсколько убійствъ, въ томъ числѣ убитъ одинъ служившій въ городовомъ общественномъ управленіи, секретарь Башбуюковъ. Многіе изъ высшихъ властей военныхъ и гражданскихъ, пробовали урезонивать, пытались унимать бунтовщиковъ. Но они никакихъ резоновъ не принимали и не унимались. Болѣе другихъ на нихъ подѣйствовалъ генералъ Минквицъ; на своихъ же, изъ туземцевъ, бунтовщики не обращали ни малѣйшаго вниманія. Генералъ-губернаторъ, предсѣдатель Совѣта, исправлявшій должность намѣстника, князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, всячески старался по-грузински образумить, уговорить ихъ, и резностно взывалъ къ нимъ: „Не вѣрьте обманщикамъ, не вѣрьте злоумышленникамъ, а вѣрьте мнѣ! Я никогда не обманывалъ васъ. Вы знаете, кто я! Знаете весь родъ мой, знаете и дѣда, и отца, знаете и меня!“—На это изъ толпы отвѣчали ему: „Какъ же, какъ же! Знаемъ хорошо весь родъ твой!“— И затѣмъ слѣдовали весьма нелестные отзывы на счетъ всего рода, дѣда, отца и самого князя. Расходившаяся толпа угомонилась только на четвертый день, при появленіи войскъ, вызванныхъ изъ сосѣднихъ штабъ-квартиръ.

Іюньскіе жары были довольно сносны, но, усилившись потомъ, заставили насъ къ іюлю переѣхать въ Бѣлый Ключъ, гдѣ мы прожили до 1-го сентября. За исключеніемъ нѣсколькихъ первыхъ дней легкаго нездоровья, я чувствовалъ себя почти хорошо въ физическомъ отношеніи; и пребываніе наше тамъ прошло бы тихо и мирно, если бы спокойствіе его не нарушилось большимъ огорченіемъ для меня, при разлукѣ съ моими внуками, Борисомъ и Сергѣемъ; отецъ и мать повезли ихъ въ Одессу, для приготовленія къ поступленію въ университетъ. Это было необходимо, но, тѣмъ не менѣе, очень горестно для меня и моихъ дорогихъ мальчиковъ. Грустное утро разставанія сильно разстроило меня, какъ бы предчувствіемъ, что болѣе не увижу ихъ; тяжелое впечатлѣніе, въ соединеніи съ скверной погодой, тяготѣло надо мною весь день. Но дѣлать было нечего! Рано или поздно, а со всѣми любезными нашему сердцу приходитя разставаться. Однако на этотъ разъ, по милости Божіей, опасенія мои не сбылись,—мнѣ дано было еще видѣть ихъ. Вскорѣ затѣмъ я былъ обрадованъ возвращеніемъ сына моего изъ его путешествія за границу. Пріѣздъ его, здороваго, освѣжившагося пріятной, занимательной поѣздкой по Европѣ, разомъ оживилъ нашъ маленькій семейный кружокъ. Въ концѣ августа холодная, дождливая погода ускорила наше переселеніе въ городъ, гдѣ мы застали еще очень ощутительную жару.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ въ Тифлисѣ отъ времени до времени предпринимались маленькія попытки къ возобновленію прежнихъ безпорядковъ, и хотя ихъ тушили въ самомъ началѣ, но расположеніе къ смутѣ не унималось вполнѣ и заставляло опасаться новыхъ безпокойствъ. Между тѣмъ, по поводу іюльскихъ треволненій, возникла дѣятельная газетная полемика, особенно въ Петербургскихъ и Московскихъ газетахъ, усердно старавшихся разбирать и объяснять главнѣйшіе мотивы порожденія этихъ смутъ. Въ сентябрѣ появилась въ Московскихъ Вѣдомостяхъ особенно энергичная статья Каткова, довольно вѣрно изображавшая причины и поводы къ этому глупому и вмѣстѣ съ тѣмъ безобразному событію. Статья возбудила множество говоровъ, толковъ, препираній и сильно раздражила страсти нѣкоторыхъ пристрастныхъ личностей. Между прочимъ въ ней выражалось, отчасти справедливо, вліяніе и отдаленныхъ причинъ, главнѣйше недостатокъ вниманія высшаго начальства къ поддержанію достоинства Россіи, вредныхъ

отъ того послѣдствій, и обвиненіе въ особенности направлялось на покойнаго намѣстника князя Воронцова, будто бы возбудившаго излишнюю самонадѣянность туземцевъ и пренебреженіе ко всему русскому. Послѣдовало нѣсколько возраженій на эту статью, болѣе бранныхъ и рѣзкихъ нежели правдивыхъ; изъ нихъ только одно, М. П. Щербинина, было написано порядочно и имѣло нѣкоторое значеніе. Прочія же, напечатанныя бо̀льшею частію въ мѣстной газетѣ «Кавказъ» (одно—Кипіани), были пусты по содержанію и невѣрности доводовъ.

Въ томъ же мѣсяцѣ возвратилась изъ Одессы дочь моя Екатерина съ мужемъ и старшимъ сыномъ Александромъ, о разлукѣ съ которымъ я такъ горевалъ за четыре года предъ этимъ. Онъ отлично окончилъ ученіе въ Московскомъ Николаевскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ въ гвардію, но, чтобы быть поближе къ намъ, перешелъ на службу на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, и вотъ явился ко мнѣ уже поручикомъ. Прибытіе ихъ значительно пополнило мою разрозненную семью, но грусть при воспоминаніи о разлукѣ съ внуками Борисомъ и Сергѣемъ почти ежедневно возобновлялась у меня.

Прошло уже болѣе 20-ти лѣтъ, какъ я освободился отъ Саратовскаго губернаторства, а все еще отъ времени до времени отдаются отголоски этой, въ памяти моей, отвратительной должности. Не проходило въ эти 20 лѣтъ почти ни одного года, чтобы я не получалъ изъ Саратова какого-либо запроса по предмету какихъ-либо канцелярскихъ упущеній, случившихся *якобы* во время моего управленія, и, самое любопытное,—упущеній, происшедшихъ даже *до* меня, совершившихся 35—40 лѣтъ тому назадъ, при губернаторахъ, бывшихъ *до* меня, и о коихъ тогдашніе губернаторы и знать никакъ не могли. Послѣ каждаго моего отвѣта, кляузный или тупоумный запросъ безгласно умолкалъ, а спустя годъ, два, снова повторялся въ новой формѣ, не менѣе безсмысленной.

1-го ноября послѣдовалъ пріѣздъ въ Тифлисъ Великаго Князя Михаила Николаевича, въ пятомъ часу вечера, тихо, безъ всякихъ шумныхъ демонстрацій и встрѣчъ. На другой день я въ полномъ мундирѣ былъ на представленіи во дворцѣ, и принятъ такъ же милостиво, какъ всегда; а 8-го, въ день Архистратига Михаила, присутствовалъ на молебствіи, и затѣмъ обѣдалъ у Великаго Князя.

Такъ даровалъ мнѣ Господь прожить въ мірѣ семъ и 1865-й годъ. Я провелъ его и достигъ 76 лѣтъ довольно сносно, даже и въ отношеніи состоянія моего здоровья какъ бы съ нѣкоторымъ облегченіемъ сравнительно съ прежнимъ. Нравственныя огорченія и заботы были, но человѣкъ, проживший до старости, ранѣе или позднѣе долженъ познать, что полное душевное спокойствіе не есть удѣлъ міра сего. Слава Богу и за то, что всѣ мои остались живы и здоровы.

Проэкты преобразованій въ Главномъ Управленіи продолжались вновь и въ 1866 году. Повидимому, они имѣютъ цѣлью установить въ немъ тѣ же начала, какія въ послѣднее время устанавливаются въ Имперіи вообще. Можетъ быть, что въ сихъ видахъ они будутъ не безполезны; но существенной пользы для края, кажется, они принесутъ столь же мало, какъ и прежнія,—за исключеніемъ случая, если сократятъ сколько-нибудь издержки, въ чемъ сомнѣваюсь. Значительныя сокращенія едва ли будутъ достигнуты. Существенная польза произойдетъ лишь тогда, когда начнутъ обращать болѣе вниманія и разборчивости на свойства и качества людей, которые обязаны исполнять распоряженія главнаго начальства, въ какомъ бы видѣ и формѣ оно ни существовало. Недостатокъ соблюденія этого правила причиною всѣхъ неурядицъ въ краѣ, и бывшихъ, и теперь продолжающихся, и кои едва ли не погасили въ народѣ всякое довѣріе и уваженіе къ правительству.

Въ мартѣ мой сынъ командированъ въ Ставрополь для исполненія должности предсѣдателя военно-судной комиссіи, учрежденной надъ тамошними чиновниками интендантскаго вѣдомства. Это дѣло было совсѣмъ не по немъ. Я предусматривалъ много для него хлопотъ и боялся, по соображенію обстоятельствъ, и непріятностей. Но отговариваться было нельзя: дѣло служебное, надобно дѣлать, что́ велятъ. Жары начались рано и иногда сильно утомляли меня, особенно въ засѣданіяхъ Совѣта, крестьянскомъ комитетѣ и другихъ, гдѣ приходилось сидѣть въ духотѣ часа по четыре и болѣе, при слушаніи скучнаго чтенія. Я позволялъ себѣ, по временамъ, не дослушивать ихъ до конца, когда не находилъ въ томъ надобности, и уѣзжалъ заблаговременно домой. На свѣтлое Христово Воскресенье былъ я на пріемѣ у Великаго Князя намѣстника, посидѣлъ за пасхальнымъ столомъ, хотя ничего не ѣлъ, такъ какъ заранѣе разговѣлся дома съ своими, а только поглядѣлъ на обык-

новенную въ этотъ день суету мірскую. 1-го апрѣля у Ихъ Императорскихъ Высочествъ родился сынъ, Великій Князь Александръ Михаиловичъ, и нѣсколько дней спустя мы получили приглашеніе пожаловать на церемонію Святаго Крещенія высоконоворожденнаго. Я, по нездоровью, долженъ былъ отказаться, а дочь моя Екатерина съ мужемъ и сынъ Ростиславъ (еще не уѣхавшій въ Ставрополь) присутствовали во дворцѣ при совершеніи Священнодѣйствія.

Усиливавшіеся жары въ Тифлисѣ ускорили нашъ лѣтній переѣздъ на дачу, выбранную на этотъ разъ въ Коджорахъ, гдѣ мы нашли другую противоположность—холодную погоду и рѣзкіе вѣтры, длившіеся до конца мѣсяца. Сначала я немного простудился, но отъ хорошаго воздуха и здоровой воды скоро сдѣлался бодрѣе, могъ больше ходить, больше гулять, и оттого и ноги мои сдѣлались крѣпче. По близкому разстоянію отъ города и постоянному сообщенію съ нимъ, въ домашней жизни нашей не ощущалось почти никакихъ перемѣнъ сравнительно съ обычной нашей жизнью въ Тифлисѣ. Въ іюлѣ я дождался и моихъ мальчиковъ, Бориса и Сергѣя, изъ Одессы, которымъ очень обрадовался; мало надѣялся еще увидѣться съ ними. Они сдѣлали хорошіе успѣхи въ ученіи и пріѣхали къ намъ уже студентами Новороссійскаго университета, на каникулы. У насъ стало живѣе и веселѣе. Въ августѣ возвратился къ намъ и Ростиславъ, порученіе онъ благополучно кончилъ, и Великій Князь-намѣстникъ остался исполненіемъ его совершенно доволенъ. Лѣто прошло скоро, наступили снова холода, туманы, пошли дожди, и къ осени, почувствовавъ надобность погрѣться, мы перебрались въ Тифлисъ, исполнившій съ лихвою наше желаніе, такъ какъ тамъ была не только хорошая, сухая погода, но даже было черезчуръ тепло и душно. Скоро настало вновь печальное разставаніе съ внуками, отъѣзжавшими въ Одессу; поплакалъ я прощаясь съ ними, и долго скучалъ за ними. А чрезъ мѣсяцъ по ихъ отъѣздѣ, пріѣхалъ къ намъ на службу въ Тифлисъ мой старшій внукъ, Леонидъ Ганъ, сынъ моей покойной дочери Елены, окончившій успѣшно университетскій курсъ, котораго я ужъ давно не видалъ.

Въ продолженіе всего этого времени, да и послѣдующихъ мѣсяцевъ, никакихъ замѣчательныхъ общественныхъ событій здѣсь не происходило. Домашняя наша жизнь текла попрежнему тихо и

мирно. Я занимался между прочимъ дѣлами и отчетомъ Общества о возстановленіи православнаго христіанства въ краѣ; занимался также просмотромъ опять *новаго проэкта* о преобразованіи Главнаго Управленія, вновь составленнаго.

Истекшій 1866-й годъ принесъ мнѣ и радостныя минуты, принесъ и поводы къ огорченію, какъ всегда бываетъ на этомъ свѣтѣ, гдѣ пріятныя событія часто смѣняются худыми, а худыя—хорошими. Я былъ очень доволенъ производствомъ моего внука Александра въ штабсъ-капитаны, какъ отличнаго офицера, а еще болѣе былъ доволенъ тѣмъ, что онъ отличный человѣкъ. Радовался свиданію съ внуками. Получилъ въ этомъ году полный окладъ двойного жалованія за выслугу на службѣ въ Закавказьи двадцати лѣтъ. Въ день тезоименитства Его Высочества Великаго Князя намѣстника получилъ отъ Государя Всемилостивѣйшее пожалованіе—золотую табакерку, украшенную брилліантами съ вензелемъ имени Его Императорскаго Величества, за особыя заслуги при введеніи въ дѣйствіе въ Тифлисской губерніи крестьянской реформы.

Январь 1867 года былъ неблагопріятенъ намъ въ отношеніи здоровья. Я чувствовалъ себя какъ будто хуже; слабость и то, что̀ французы называютъ mal-aise, временами усиливались. Потомъ стало лучше, можетъ быть отъ дѣйствія привычки къ своему состоянію. Вообще же, если бы до минуты, мнѣ предназначенной дожить, не было бы хуже, я благодарилъ бы Бога. Меня болѣе безпокоила давно затянувшаяся серьезная болѣзнь моего зятя Ю. Ф. Витте; и вдобавокъ тяжело заболѣла дочь моя Екатерина, впрочемъ, скоро поправившаяся.

Каждую зиму здѣсь постоянно бываетъ и часто повторяется весьма непріятное неудобство, съ продолжительными задержками прихода почты, по причинѣ заваловъ и заносовъ въ горахъ. Въ этотъ періодъ времени, Тифлисъ пребываетъ положительно какъ бы отрѣзанъ отъ Россіи и всей Европы и лишенъ всякаго сообщенія съ ними. Потомъ, чрезъ недѣлю или полторы приходятъ въ разъ семь, десять почтъ, и является въ домъ такая масса газетъ, журналовъ, книгъ, писемъ, что вмѣсто того, чтобы заняться чтеніемъ, ихъ надобно долго еще возиться съ разбираніемъ всего этого груза. Въ промежутки застоя почты, кромѣ непріятности обходиться безъ извѣстій, иногда необходимыхъ для меня, еще наступаетъ довольно тягостное оскудѣніе въ привычномъ чтеніи, особливо если не случается какого-либо постояннаго занятія или дѣла; для избѣжанія скуки,

тогда меня одолѣвающей по утрамъ, я радъ бы былъ заняться хоть какой-нибудь ручной работой, и не разъ приходилось жалѣть, что въ молодости не выучился чему-нибудь въ этомъ родѣ, напримѣръ, рисованію, точенью или хоть бы переплетанію книгъ, чѣмъ покойная моя Елена Павловна часто и много сокращала время въ тѣ часы, когда не была въ состояніи заниматься другимъ дѣломъ. Конечно, у меня есть большой запасъ книгъ, и нѣтъ недостатка въ чтеніи, но книги не замѣняютъ газетъ и журналовъ, всему свое время; къ тому же самъ я мало могу читать по слабости зрѣнія, мнѣ по бо̀льшей части читаютъ, а это во всякомъ случаѣ никакъ не замѣняетъ собственной возможности постоянно чѣмъ-либо заниматься. Пустая же болтавня, также въ старости и при недугахъ, бываетъ скучна.

Въ мартѣ произошелъ очень непріятный для насъ случай, никогда доселѣ у насъ не бывавшій, — пожаръ; по счастію, не въ домѣ, но въ конюшнѣ, по неосторожности пьянаго кучера; сгорѣли двѣ лошади, и другія болѣе или менѣе пострадали. Случилось это ночью, надѣлало много хлопотъ, тревоги, и намъ значительный убытокъ. Но я крѣпко спалъ, ничего не слыхалъ и узналъ объ этомъ только утромъ. Въ мартѣ же послѣдовало торжественное открытіе и освященіе памятника фельдмаршалу князю Михаилу Семеновичу Воронцову, на лѣвомъ берегу Куры, предъ Михайловскимъ мостомъ, имъ сооруженнымъ, соединившимъ обѣ части города въ самомъ центрѣ, въ присутствіи всѣхъ представителей власти и огромнаго стеченія народа.

Выѣзжалъ я въ это время мало. Великимъ постомъ часто бывалъ въ церкви; а на страстной недѣлѣ Господь удостоилъ меня говѣть и пріобщиться Св. Тайнъ въ церкви Св. Нины, такъ же какъ и въ прошломъ году. На первый день праздника, по обыкновенію, былъ я у Великаго Князя, гдѣ встрѣтилъ всегдашнія, свойственныя этому дню, суматоху, суету, христосованіе и разговѣнье. Заѣзжалъ раза два къ экзарху Грузіи Евсевію, не надолго, не находя удовольствія въ слушаніи его пересудовъ и коммеражей. Бывалъ въ засѣданіяхъ Совѣта, назначавшихся все рѣже, но какъ уже сознавался въ томъ, не всегда хватало терпѣнія и силъ досиживать до конца, такъ какъ отъ слушанія дѣлъ, бо̀льшею частію мало интересныхъ, начинала кружиться голова, что̀ заставляло меня уходить ранѣе срока.

Съ весны сынъ мой отправился въ командировку, съ порученіемъ по важнымъ дѣламъ, на продолжительное время, и долженъ былъ объѣздить почти весь Закавказскій край. Я распрощался съ нимъ надолго. Его иногда запаздывавшія письма, вмѣстѣ съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ прибытія моихъ двухъ внуковъ изъ Одессы, безпокоили меня; отъ чего никакъ совершенно отвыкнуть не удается, хотя заставляю себя, сколько могу, полагаться вполнѣ на благость и неизмѣнность воли Божіей.

Со времени удаленія князя Александра Ивановича Барятинскаго изъ края, т. е. съ 1862 года, по настоящее время, неоднократно передавались слухи и приходили вѣсти, что здоровье фельдмаршала совсѣмъ поправляется, что онъ выздоравливаетъ, и что онъ вступаетъ вновь на служебную дѣятельность. Къ сожалѣнію, эти слухи и вѣсти бывали непродолжительны, и скоро замѣнялись другими, совершенно противоположными, извѣщавшими о возвратахъ и усиленіи его болѣзненныхъ припадковъ. Такъ было и въ нынѣшнемъ 1867 году. Повидимому, почти несомнѣнно, что служебная дѣятельность князя болѣе не возобновится, чт́о очень жаль при его высокихъ, блестящихъ дарованіяхъ, благихъ намѣреніяхъ и той степени довѣренности, которую Государь къ нему имѣетъ. Въ послѣдній годъ пребыванія князя въ Тифлисѣ онъ нерѣдко въ разговорахъ высказывалъ одну мысль, которая меня всегда удивляла своей грандіозной оригинальностію. Онъ предполагалъ, что весь строй и характеръ Россійской Имперіи переродился бы къ лучшему съ перенесеніемъ столицы—даже и теперь—съ береговъ Невы на нижній Днѣпръ; то-есть изъ Петербурга въ Кіевъ. И князь какъ будто даже не сомнѣвался въ возможности осуществленія этого затѣйливаго плана. Я не берусь судить, на сколько онъ былъ правъ, только кажется, что исполненіе было бы трудновато. Приближеніе лѣта давало себя чувствовать увеличивавшимися съ каждымъ днемъ духотой и жгучестію солнца. Мы приготовлялись къ обычному, необходимому переселенію на свѣжій воздухъ, и спѣшили выбраться изъ этой раскаленной трущобы, въ которую превращается Тифлисъ съ іюня мѣсяца. Только я затруднялся въ выборѣ мѣста, колебался между Коджорами и Манглисомъ и долго не рѣшался, не зная, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Коджоры привлекали близостію къ городу, но уже надоѣли; а въ Манглисѣ мы жили всего одинъ разъ, и давно. Главное, мнѣ хотѣлось провести пред-

стоящее лѣто удобнѣе и съ бо́льшимъ комфортомъ нежели прежде. Сообразно съ этой цѣлью, надобно было найти и подходящее помѣщеніе, что́ не всегда легко сдѣлать.

28-го іюля.—Вотъ я уже опять на лѣтнемъ кочевьѣ съ моими, въ двадцать первый разъ со времени моего пріѣзда въ Тифлисъ,—и на этотъ разъ избралъ Манглисъ. Обошлось дорогонько. Но квартиры довольно удобны; умѣренность климата мнѣ нравится, и вообще я какъ-то довольнѣе здѣсь, чѣмъ въ Бѣломъ Ключѣ и Боржомѣ. Внуки Борисъ и Сергѣй пріѣхали на каникулы изъ Одессы. На недѣлю пріѣзжалъ и старшій внукъ, нашъ штабсъ-капитанъ Александръ, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, куда его отправляли какъ лучшаго офицера въ образцовый эскадронъ; и все это много меня утѣшило. Въ отношеніи здоровья, mal-aise и разные мелочные недуги не оставляютъ меня; была и маленькая лихорадка отъ легкой простуды, но — слава Богу! — все это еще сносно въ семьдесятъ семь лѣтъ!

Августъ. — Наконецъ, послѣ долговременнаго отсутствія, неожиданно для меня возвратился изъ объѣзда своего по краю и мой Ростиславъ!

Этимъ оканчиваются «Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева». Въ предпослѣдній разъ онъ писалъ въ книгѣ своихъ «Воспоминаній» 28-го іюля, а ровно черезъ мѣсяцъ, 28-го августа 1867-го года, его не стало. За день до кончины, онъ еще довольно твердымъ почеркомъ написалъ нѣсколько словъ въ своемъ дневникѣ. Послѣдняя его приписка въ августѣ, о *неожиданномъ* пріѣздѣ сына, сдѣлана за нѣсколько дней до кончины.

Причина этого неожиданнаго пріѣзда Ростислава Андреевича, побудившая его прервать служебное порученіе, оставить неоконченныя дѣла и поспѣшить издалека въ Манглисъ къ своему отцу, хотя слабѣвшему силами, но повидимому, и по увѣренію врачей, не представлявшему никакого повода къ опасенію за его жизнь,—эта причина чрезвычайно замѣчательна, какъ знаменательное, ясное указаніе свыше отсутствовавшему сыну о приближеніи смертнаго часа его отца.

Въ концѣ апрѣля 1867-го года Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ былъ командированъ въ разныя мѣста всего Закавказскаго края для обревизованія военныхъ госпиталей и другихъ казенныхъ

учрежденій. Въ августѣ онъ находился въ Ленкорани, на границѣ Персіи, гдѣ встрѣтился съ своимъ хорошимъ пріятелемъ, княземъ Фердинандомъ Витгенштейномъ, который тамъ командовалъ казачьимъ полкомъ. Витгенштейнъ очень обрадовался пріѣзду Фадѣева, и, стараясь, чтобы жизнь его въ Ленкоранѣ была сколько возможно пріятнѣе и веселѣе, устраивалъ ему охоты на тигровъ, пикники, пирушки и всякія увеселенія. Послѣ одного особенно весело проведеннаго дня, Ростиславъ Андреевичъ поздно ночью легъ спать, крѣпко заснулъ и проснулся съ впечатлѣніемъ тяжелаго сна: ему снилось, что кто-то подалъ ему письмо съ черной печатью, и что въ письмѣ было написано: «вашъ отецъ умираетъ». Съ наступленіемъ дня, новыя занятія, развлеченія изгладили впечатлѣніе сна, онъ забылъ о немъ, и ночью легъ въ постель въ самомъ веселомъ расположеніи духа. И снова снится ему сонъ: на столѣ лежитъ газета съ траурной каймой; онъ беретъ ее, читаетъ, и первыя ея строки извѣщаютъ о смерти «*Андрея Михайловича Фадѣева*». На этотъ разъ сонъ глубоко подѣйствовалъ; цѣлый день Ростиславъ Андреевичъ не могъ отбиться отъ его вліянія, не смотря на всѣ старанія князя Витгенштейна развеселить его. На слѣдующую ночь Фадѣевъ долго не спалъ, боялся спать, занимался дѣлами, читалъ и, утомившись, заснулъ только къ утру. Но сонъ возвратился съ третьимъ видоизмѣненіемъ: Ростиславъ Андреевичъ видѣлъ, что онъ самъ, сестры его, племянники, въ траурѣ, собрались въ оградѣ Вознесенской церкви, на могилѣ матери; и тамъ не одна только могила, но двѣ могилы — другая рядомъ съ ней; и священникъ, въ черномъ облаченіи, служилъ панихиду по «*Андреѣ*». Проснувшись, Ростиславъ Андреевичъ не выдержалъ, бросилъ всѣ дѣла, неоконченное служебное порученіе, послалъ за почтовыми лошадьми и на перекладной поскакалъ въ Манглисъ, гдѣ его отецъ проводилъ лѣто *). Проскакавъ день и ночь безъ отдыха нѣсколько сутокъ, онъ остановился у квартиры отца въ Манглисѣ во второмъ часу ночи. Его родные были обрадованы и удивлены его неожиданнымъ пріѣздомъ. Первый его вопросъ, при входѣ въ домъ, былъ: «Что батюшка?» — Ему сказали: «ничего, слава Богу, спитъ; была маленькая лихорадка, теперь лучше». Онъ перекрестился.

---

*) Тогда еще телеграфа между Ленкоранью и Тифлисомъ не было. Надобно сказать, что незадолго предъ тѣмъ Рост. Андр. получилъ отъ отца своего письмо вполнѣ успокоительное насчетъ здоровья.

Отецъ былъ очень радъ свиданію съ сыномъ, ободрился, повеселѣлъ; состояніе его здоровья не внушало никакихъ опасеній. Погостивъ нѣсколько дней, Ростиславъ Андреевичъ сталъ собираться въ обратный путь, кончать свои дѣла; какъ вдругъ лихорадка у Андрея Михайловича возобновилась отъ новой простуды, вслѣдствіе того, что при сырой, ненастной погодѣ, послѣ дождя, онъ вышелъ посидѣть съ часъ на галереѣ передъ обѣдомъ, подышать воздухомъ, что̀ для него сдѣлалось необходимостію. Пароксизмъ лихорадки продолжался 18 часовъ и сильно изнурилъ его. Докторъ потребовалъ немедленнаго переѣзда въ Тифлисъ, надѣясь на помощь отъ перемѣны климата. Въ спокойномъ дормезѣ повезли Андрея Михайловича въ сопровожденіи всей семьи его и доктора. На полъ-пути, въ Пріютѣ, остановились, чтобы не слишкомъ утомить больного. Къ вечеру лихорадка повторилась, хотя въ слабѣйшей степени, но повлекла за собой совершенный упадокъ силъ. Надежды на спасеніе не оставалось. Рано утромъ его причастили; онъ былъ въ полной памяти, говорилъ, благословилъ своихъ дѣтей и внуковъ. Ростиславъ Андреевичъ на колѣняхъ возлѣ отца читалъ послѣднія главы Евангелія отъ Іоанна, особенно имъ любимыя, и къ десяти часамъ утра Андрей Михайловичъ, съ яснымъ, спокойнымъ лицомъ, тихо вздохнулъ въ послѣдній разъ. Сынъ закрылъ глаза своему отцу.

Всѣмъ было понятно, что если бы не пророческіе сны Ростислава Андреевича, онъ бы не усладилъ своимъ прибытіемъ остатокъ жизни своего отца и не присутствовалъ бы при его кончинѣ. Узналъ бы онъ о ней, вѣроятно, приблизительно такъ же, какъ это ему было показано въ его вѣщихъ сновидѣніяхъ.

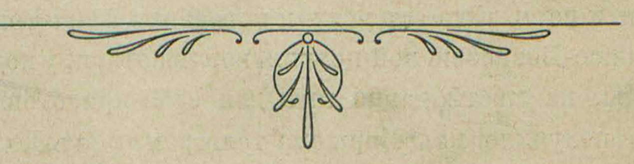
Тѣло перевезли въ Тифлисъ и, при погребеніи, гробъ несли на рукахъ сынъ, внуки и правнуки*) Андрея Михайловича, и положили его рядомъ съ Еленой Павловной, о которой онъ не переставалъ грустить до конца своего.

Андрей Михайловичъ Фадѣевъ скончался 28-го августа 1867 года, семидесяти семи лѣтъ отъ роду, и погребенъ 31-го того же мѣсяца въ оградѣ Спасо-Вознесенской церкви, возлѣ алтаря, у подножія Солалакской горы, на мѣстѣ, давно имъ для себя приготовленномъ. Семейство его получило изъ Боржома телеграмму отъ Ихъ И. В. Великаго Князя и Великой Княгини съ выраженіемъ соболѣзнованія

*) Отъ старшей умершей дочери Елены Андреевны Ганъ.

о великомъ постигшемъ его несчастіи. Ростиславъ Андреевичъ увѣдомилъ фельдмаршала князя Барятинскаго о кончинѣ своего отца и получилъ отъ него незамедлившій отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ помѣщается здѣсь, какъ достойное заключеніе «Воспоминаній» о своей жизни одного изъ достойнѣйшихъ людей на свѣтѣ.

«Женева, 14 сентября, 1867 года. Многоуважаемый Ростиславъ Андреевичъ! Горестная вѣсть о кончинѣ многопочтеннаго и душевно мною любимаго Андрея Михайловича скорбно отозвалась въ сердцѣ моемъ. Утромъ, часу въ восьмомъ, я лежалъ въ постели, когда получилъ отъ Васъ извѣстіе о смерти любимаго Вами отца. Я только что читалъ въ Русскомъ Вѣстникѣ записки Ваши о вооруженныхъ силахъ Россіи; я ужъ десять минутъ какъ положилъ книгу и мысленно перенесся къ Вамъ, къ любезному семейству Вашему, и естественно сталъ думать о батюшкѣ Вашемъ—никогда мое воображеніе такъ живо не представляло какъ въ это утро. Я вспоминалъ о долговременномъ и полезномъ служеніи его и мудромъ опытностію умѣ его, я вспоминалъ нѣсколько разговоровъ съ нимъ; и въ это самое время мнѣ между прочими письмами и газетами подали Ваше письмо, которое машинально, не узнавая даже почерка, распечаталъ и прочиталъ. Предоставляю Вашему воображенію изобразить мое горестное удивленіе при такомъ живомъ, пріуготовительномъ впечатлѣніи, какимъ было любезное воспоминаніе о покойникѣ, когда я узналъ что его нѣтъ уже съ нами. Мнѣ сдѣлалось очень грустно, и я спѣшу подѣлиться своими чувствами съ Вами. Благодарю Васъ за все лестное, переданное Вами по памяти расположенія ко мнѣ покойнаго; я всегда умѣлъ цѣнить и никогда не забуду добрыхъ его отношеній ко мнѣ. Жалѣю, что Вы оставляете Кавказъ. Весьма любопытствую узнать, что̀ Вы далѣе намѣрены дѣлать. Сердечно Вамъ преданный, князь А. Барятинскій».

2014142559